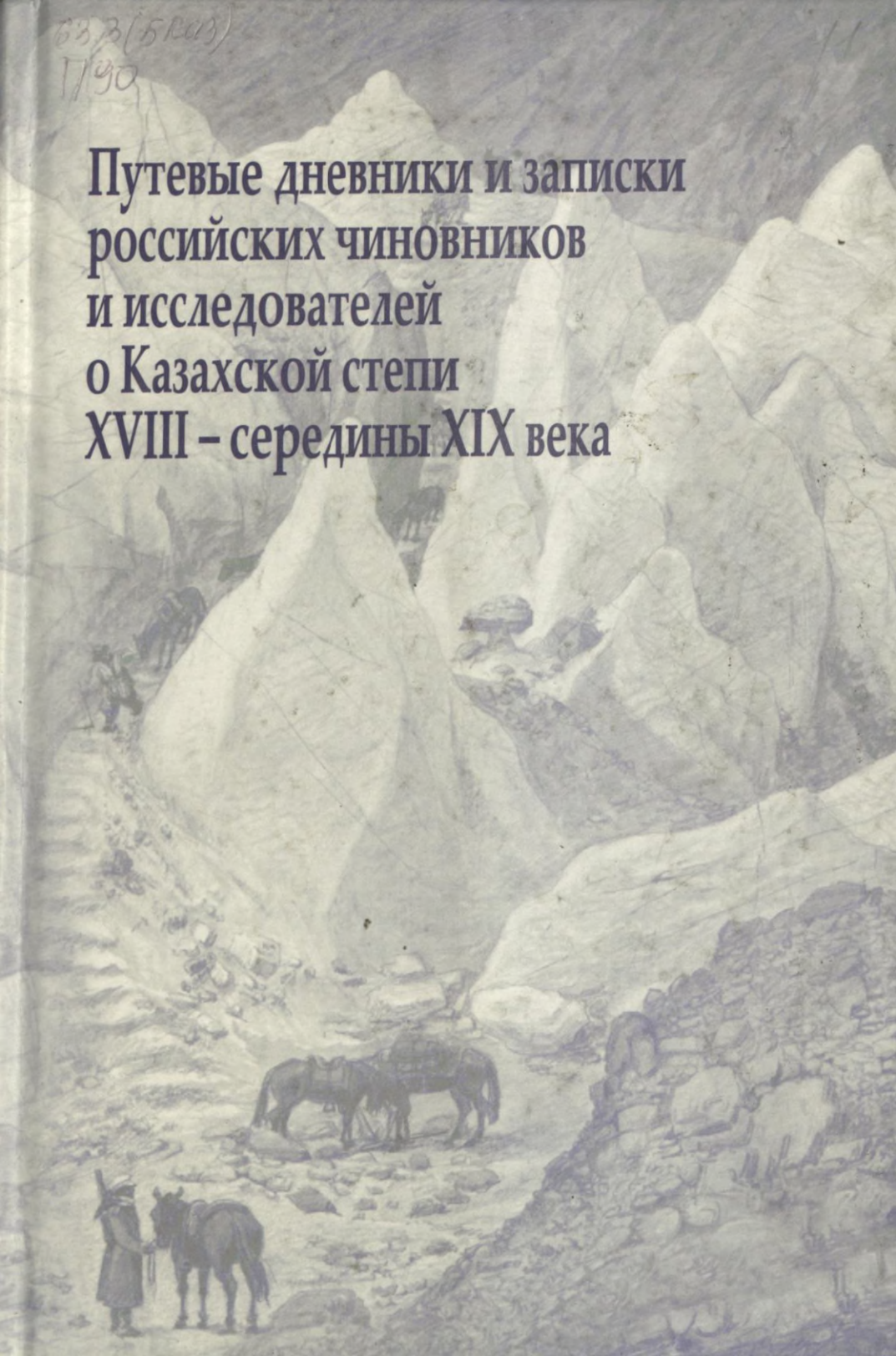
63.3(5Каз)
П90

Путевые дневники и записки российских чиновников и исследователей о Казахской степи XVIII – середины XIX века

63.3(5Каз)
П90

Министерство культуры и информации Республики Казахстан
Комитет информации и архивов
Национальный центр археографии и источниковедения

Безвозмездно
Тегін

Путевые дневники и записки российских чиновников и исследователей о Казахской степи XVIII – середины XIX века

161422 (т)

Астана - 2012

УДК 94 (974)
ББК 63,3 (5 каз)
П 90

Рекомендовано к изданию Советом по рассмотрению научных проблем в области архивного дела и документации Комитета информации и архивов Министерства культуры и информации Республики Казахстан

Редакционная коллегия:

Л. А. АБДИРАСИЛОВА, И. В. ЕРОФЕЕВА,
Б. Т. ЖАНАЕВ (ответственный редактор)

П90 Путевые дневники и записки российских чиновников и исследователей о Казахской степи XVIII – середины XIX века: Сб. док. и мат-лов / Сост. И. В. Ерофеева, Б. Т. Жанаев, И. М. Самигулин. Астана: ТОО «Общество инвалидов – Чернобылец», 2012. – 758 с. + 10 с. вкл.

ISBN 978-601-7185-67-1

В сборнике документов и материалов публикуются путевые дневники и записки российских путешественников середины XVIII – первой половины XIX в., посвященные географии, топонимике и исторической этнографии Казахстана.

Большинство издаваемых документов никогда прежде не публиковалось и не использовалось в научных исследованиях по истории и культуре Казахстана.

Сборник является научным изданием и рассчитан на ученых-историков, преподавателей, аспирантов, студентов, а также на широкий круг читателей, интересующихся историей Казахстана.

УДК 94 (974)
ББК 63,3 (5 каз)

ISBN 978-601-7185-67-1

© Национальный центр археографии и источниковедения, 2012
© Ерофеева И. В., Жанаев Б. Т., Самигулин И. М., составление, 2012

От составителей

В предлагаемый вниманию читателей сборник исторических документов вошли путевые дневники и записки российских путешественников середины XVIII – первой половины XIX в., посвященные географии, топонимике и исторической этнографии Казахстана. Выбор этой категории письменных источников для издания обусловлен тем, что в рассматриваемый период происходило динамичное изменение геополитической ситуации во внутренней части евразийского континента, которое значительно актуализировало роль Казахской степи в восточной политике России и наложило заметный отпечаток на процесс накопления разносторонних знаний о ней в русской науке и культуре. Разгром Джунгарии империей Цинов и последующая гибель этого кочевого государства под сокрушительными ударами многочисленной армии маньчжуров привели, с одной стороны, к существенному расширению площади казахских кочевий за счет продвижения казахов на свои прежние пастбища в районе Верхнего Прииртышья и в Северном Жетысу и интенсивному хозяйственно-культурному освоению ими новоприсоединенных территорий. С другой стороны, вторая половина XVIII – первые десятилетия XIX в. были временем активизации военно-политической экспансии России в направлении казахских жузов, что способствовало установлению царским правительством относительно регулярных двусторонних контактов с правящими элитами казахских и среднеазиатских ханств и пограничными чиновниками Цинской империи; возобновлению функционирования ранее заброшенных транзитных путей через Казахскую степь в южные страны Цен-

тральной Азии и более равномерному обследованию русскими людьми удаленных от Оренбургской и Сибирской линий географических районов Казахстана.

В середине XVIII в. органы российской пограничной администрации по-прежнему имели довольно смутное представление о географии региона, образе жизни казахов-степняков и особенностях расселения казахских родов и племен, в результате чего они были вынуждены отправлять в степь и соседние азиатские страны для расширения и углубления ранее накопленных знаний своих доверенных лиц из среды чиновников административно-управленческого аппарата, специалистов горного ведомства, купцов и сибирских казаков. Им вменялось в обязанность доставление конкретных сведений о природных ландшафтах казахских земель, местах расположения и хозяйственных занятиях разных социально-территориальных групп кочевого населения, характере взаимоотношений между ними и политической обстановке на караванных путях.

Официальными инструкциями круг основных задач, поставленных перед этими людьми, был предельно сужен до нескольких наиболее важных для государственных интересов исследовательских заданий, но в своих личных наблюдениях и сообщениях, полученных от других осведомленных лиц, облеченные высоким доверием путешественники должны были быть максимально точны, что в конечном итоге и предопределило непреходящую познавательную ценность подготовленных ими полевых дневников и журналов. Эти документы особенно многочисленны для второй половины XVIII – первой половины XIX в., в последующие десятилетия их количество заметно уменьшается, так как в то время в связи с возведением разветвленной сети административных центров внутри степи, российские чиновники стали вести стационарные географические и историко-этнографические исследования непосредственно в казахских аулах.

Кроме того, необходимо иметь ввиду, что в казахские жузы, Среднюю Азию и Синьцзян посылались большею частью мелкие служащие оренбургского и сибирского ведомств: гражданские и военные управленцы низших чинов, казаки,

провинциальные купцы, мастера горных заводов и т. п. Все эти доверенные лица по роду своей профессиональной деятельности или выполняемым служебным обязанностям прежде уже неоднократно общались с казахским населением и потому намного чаще, чем столичные дипломаты и высокопоставленные пограничные администраторы подмечали многие характерные детали хозяйственной жизни, быта и культуры казахов.

Большинство направляемых тогда из России в казахские кочевья простых людей отличались большой любознательностью и живым неподдельным интересом к изучению культуры и природных достопримечательностей посещаемых ими стран. Это побуждало их обращать особое внимание на встречающиеся в пути материальные памятники кочевых народов разных эпох и делать с них акварельные или карандашные рисунки, записывать услышанные от казахов народные предания и легенды о своем историческом прошлом, собирать биографические сведения о жизни и общественной деятельности наиболее прославленных среди местных уроженцев исторических героев. В этом отношении авторы дневников проявляли определенную самостоятельность при проведении своих полевых изысканий, выходя за рамки официальных инструкций.

Такие наблюдения и материалы полевых опросов кочевого населения, как правило, разбросаны мелкими фрагментами в разных частях текста документов и не сразу замечаются читателями. Но отличаясь в целом непосредственным характером отражения исторической действительности, оригинальным содержанием приведенных сведений и меткостью авторских замечаний, они несут в себе большую информационную нагрузку и придают путевым дневникам безусловную научно-практическую ценность. По этому поводу известный сибирский исследователь начала прошлого века Г. Е. Катанаев очень точно заметил, что «при всей непритязательности... неученых путешественников» двух прошедших столетий «личная их наблюдательность и пунктуальность отметок о всем ими виденном, испытанном и слышанном дали драгоценный материал для общих выводов заправских ученых и поправок в этих выводах, основанных на недостаточно полных, точных и правдивых дан-

ных. Ценны эти записи неученых людей и по той обстановке и обстоятельствам, при которых они производились. Не нужно упускать из виду, что в те времена… страны, описанные нашими служилыми путешественниками, в смысле удобств и безопасности следования по ним были совсем не тем, что они представляют теперь»[1*].

Путевые отчеты российских землепроходцев и исследователей рассматриваемого периода в разные годы являлись предметом повышенного интереса многих дореволюционных и советских археографов и неоднократно издавались ими со своими примечаниями в документальных сборниках и периодической печати. Благодаря этим изданиям, такие содержательные письменные источники предшествующих столетий, как дневники поездок по казахским степям и в соседние страны Центральной Азии посланников И. Унковского (1723–1724), Д. Гладышева и И. Муравина (1740–1741), капитана Н. П. Рычкова (1771), казачьего атамана Д. Телятникова и сержанта А. Безносикова (1796–1797), горных инженеров М. И. Поспелова и Т. С. Бурнашева (1801), переводчика Ф. Назарова, полкового лекаря Ф. К. Зибберштейна (1825), хорунжего Н. И. Потанина (1830), дипломатов Е. К. Мейендорфа (1820), П. И. Демезона и Я. В. Виткевича (1843–1844)[2**] и других служилых людей уже

[1] *Катанаев Г. Е.* Н. И. Потанин и его русские предшественники по разведкам в киргизских степях и в Средней Азии // Записки ЗСОРГО. Омск, 1916. Т. 38. С. 200.

[2] *Веселовский Н. И.* Посольство к зюнгорскому хунтайджи Цэван-Рабтану капитана от артиллерии И. Унковского и путевой журнал его за 1722–1724 годы. СПб., 1887. 237 с.; [*Ханыков Я. В.*] Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиным // Географические известия. СПб., 1850. С. 519–599; Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в Киргиз-кайсацкой степи 1771 года. СПб., 1772. 104 с.; Журнал похода подпоручика и атамана Телятникова в Ташкению с описанием пути, местоположения и прочего, описанного сержантом Безносиковым // *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата, 1985. Т. 4. С. 240–257; [*Ханыков Я. В.*] Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 году // Вестник РГО. 1851. Ч. 1. Кн. 1. С. 1–56; *Назаров Ф.* Записки о некоторых народах и землях Средней Азии переводчика Отдельного Сибирского корпуса, посланного в Коканд в 1813 и 1814 годах. СПб., 1821. 98 с.; [*Вяткин М. П.*] Путевые замечания лекаря Зибберштейна // Исторический архив. М.-Л., 1936. Т. 1. С. 226–258; *Катанаев Г. Е.* Н. И. Потанин и

давно стали достоянием исторической науки и с момента своего выхода в свет постоянно привлекались дореволюционными российскими, советскими и зарубежными исследователями при написании научных работ по истории и этнографии казахского народа.

В последнее десятилетие в нашей стране в рамках Государственной программы «Культурное наследие» были опубликованы ежедневные записки поездок поручика, а с 1742 г. – майора К. Миллера в Ташкент (1738–1739) и Джунгарское ханство (1742–1743), поручика А. Субханкулова в Хиву (1818), коллежского регистратора И. А. Бардашева в Семиречье и Старший жуз (1859) и переизданы отдельные раритетные публикации XIX – середины XX в. того же жанра (дневники Д. Гладышева и И. Муравина, П. Е. Величко, Ф. К. Зибберштейна, Н. И. Потанина)[1*]. Но большинство других рукописных записей путешественников по казахским степям, хранящихся в российских федеральных и провинциальных архивах, еще не опубликованы и до сих пор мало известны специалистам по истории и этнографии Казахстана. К этой категории письменных памятников относятся публикуемые в настоящем издании 18 репрезентативных исторических документов середины XVIII – первой половины XIX в., которые в разные годы были извлечены составителями сборника из центральных российских библиотек и архивов.

В него вошли дневники атамана сибирских казаков Григория Волошанина 1771 г., секунд-майора Тобольского наместничества, а позднее отставного генерал-лейтенанта Богданова 1784 г., коллежского регистратора Андрея Терентьевича Путинцева (род. в 1780), состоявшего при инспекторе Сибирской инспекции и начальнике Сибирской линии генерал-лейтенанте Г. И. Глазенапе, 1811 г.; переводчика губернского секретаря

его русские предшественники по разведкам в киргизских степях и в Средней Азии // Записки ЗСОРГО. Омск, 1916. Т. 38. С. 198–254; *Мейендорф Е. К.* Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. 180 с.; Записки о Бухарском ханстве (Отчеты П. И. Демезона и И. В. Виткевича). М., 1983. 149 с.

[1] Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным казахским степям. XVIII–XIX века / История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. / Сост. И. В. Ерофеева, Б. Т. Жанаев. Алматы, 2007. Т. 6. 516 с.

Бубеннова 1813 г., будущего знаменитого исследователя Оренбургского края инженер-поручика Григория Федоровича Генса (1787–1845) 1814–1815 гг., смотрительного помощника 14-го класса Омского военно-сиротского отделения Лещева 1821 г., оренбургского 2-й гильдии купца Дмитрия Ульяновича Белова 1869 г.

Наряду с ними, в сборнике помещены записки саратовского купца Якова Прохоровича Жаркова 1852 и 1854 гг., изданные в середине XIX в. в труднодоступном для казахстанцев российском журнале «Библиотека для чтения». Все эти документы за редкими исключениями не только прежде не использовались в научных историко-этнографических трудах, но и до сих пор остаются в подавляющем большинстве своем неизвестными современным исследователям истории, исторической географии, этнографии и топонимики Казахстана.

Издаваемые дневники представляют собой вполне репрезентативные и информационно насыщенные исторические источники и содержат богатый фактический материал о природных достопримечательностях казахских земель, общественной жизни и культуре кочевого населения разных географических районов степного края, которые в предшествующий исторический период не посещались русскими и европейскими путешественниками. В них приведены разнообразные сведения о пространственной локализации путей сезонных миграций казахских родовых групп и трансрегиональных караванных маршрутах, хозяйственных занятиях кочевников, их обрядах и традициях и взаимоотношениях с соседними кочевыми и оседлыми народами.

Для большинства путевых журналов характерны более или менее подробные описания разных ландшафтных зон Казахской степи, которые пересекали российские дипломатические миссии и торговые караваны, а также многочисленные упоминания оригинальных названий увиденных гор, урочищ, мелких речек и рек с указанием их традиционной народной семантики. Такие свидетельства имеют большую практическую ценность для специальных историко-географических и историко-топонимических исследований, предоставляя современным

ученым достоверный фактический материал для выяснения происхождения многих укорененных среди казахов знаковых топонимов и их реального содержания.

Ландшафтно-географические описания органично сочетаются в дневниках с конкретными известиями об обнаруженных путешественниками в отдельных частях региона памятниках древности, к которым отнесены здесь руинированные остатки земляных крепостей, ирригационных сооружений, буддийских храмов и казахских мавзолеев. В этом отношении особый интерес для науки представляют путевые записки Г. Волошанина, А. Т. Путинцева и Лещева, содержащие оригинальную информацию о недвижимом культурном наследии кочевников Восточного Казахстана и Семиречья позднего средневековья и начала нового времени. В записках первых двух авторов приводятся наиболее ранние сведения о замечательном каменном мавзолее Козы-Корпеш и Баян-сулу, расположенном в долине реки Аягоз на востоке Казахской степи, что дает современным историкам и культурологам новую ценную информацию для его изучения и формирования более четкого представления о первоначальном внешнем облике этого памятника.

В журналах Г. Ф. Генса и трех вышеупомянутых путешественников приведены интересные данные об очагах казахского земледелия в некоторых районах Центрального Казахстана, Верхнего Прииртышья и Жетысу и применявшихся казахами самобытных способах обработки своих посевов, которые заметно уточняют и дополняют свидетельства других современников об этой слабоизученной отрасли хозяйства степных кочевников-скотоводов. Кроме того, в их записках встречаются лаконичные, но емкие словесные зарисовки традиционного быта и материальной культуры кочевого населения региона и отдельные упоминания о местах расположения казахских могильников и надмогильных сооружений.

Наиболее значительный по объему фактический материал об образе жизни, хозяйственных занятиях, культурных традициях и обычаях казахов содержится в работах купцов Я. П. Жаркова и Д. У. Белова, имевших возможность глубже познакомиться с современным им состоянием кочевого хозяй-

ства и бытовым укладом казахского народа, чем большинство других русских путешественников середины XIX в. Многие приведенные ими сведения о культурной жизни казахов Центрального и Присырдарьинского районов степи не встречаются больше ни в одном из письменных источников того периода и потому носят в целом вполне самостоятельный и оригинальный характер. При этом особого внимания заслуживают свидетельства упомянутых авторов об особенностях земледелия и охоты с ловчими птицами, описание Д. У. Беловым некоторых малоизвестных брачных обрядов и бытовых традиций кочевого населения долины Сырдарьи, записи интересных казахских преданий и легенд о степных героях давно минувших эпох, сделанных купцом Я. П. Жарковым, и многие другие личные наблюдения и непосредственные впечатления о кочевниках.

Издание всех вышеуказанных исторических документов имеет важное значение для расширения корпуса доступных современным специалистам в области общественных наук и преподавателям вузов аутентичных письменных источников по исторической топонимике, истории и традиционной культуре казахского народа и позволит получить более объемное и многомерное представление о его этнокультурном облике в исторически обозримом прошлом.

Рукописные тексты большинства исторических документов, издаваемых в сборнике, представлены в форме пространных громоздких таблиц, разделенных на 3–7 тематических рубрик. При подготовке этих рукописей к изданию составители книги заменили табличный вариант оформления их содержания более емкой, удобной для пользования и ресурсосберегающей формой подачи текста. Все структурные единицы таблицы, отнесенные авторами дневников к конкретной календарной дате, сведены воедино, последовательно размещены вертикальным способом друг за другом и поданы в виде сплошного текста, где прежние тематические блоки четко отделены смысловыми абзацами один от другого.

Тексты издаваемых дневников и записок воспроизведены по современным правилам грамматики русского языка с сохранением стилистических и фонетических особенностей подлинника. Непрочитанные слова и словосочетания показаны отточиями, заключенными в квадратные скобки. Имена собственные, специальные термины, этнические и географические названия даны в транслитерации оригинала. Заголовки тех документов, которые не имеют оригинальных названий и сформированы составителями издания, заключены в квадратные скобки. Примечания авторов документов обозначены звездочками и помещены ниже основного текста. Примечания, принадлежащие редакции сборника, отмечены арабскими цифрами и приведены также в подстрочнике постраничных текстов.

Выявление документов, их археографическую обработку и подготовку научно-справочного аппарата выполнили к.и.н. И. В. Ерофеева, Б. Т. Жанаев и И. М. Самигулин.

Дизайн обложки и подготовка иллюстраций к печати выполнены И. М. Самигулиным.

В компьютерном наборе рукописи сборника принимала участие Ж. Н. Токтарбаева.

Цифровая копия карты А. Т. Путинцева 1812 г. предоставлена для публикации издателями «Большого атласа истории и культуры Казахстана» (Алматы: АБДИ-Компани, 2008).

Маршрут от крепости Усть-Каменогорской по зарешной реки Иртыша стороне к реке Чар-Гурбану и вверх по оной в вершины подле камень Улыны, он же и Буланай; оттоль на речки Бугунь, Чугуляк, до вершин оных и далея, со описанием урочищ и протчего, веденный посыланным туда для некоторых секретных разведываниев с командою казацким атаманом Волошаниным. 1771 г.

☿ Июля 6-го. Пополудни часу в 3-м в подлежащий путь от меновного двора поход возымел и, отошед от оного, прямо чрез увал при ключике, впадающем в речку Лебяжью, остановился, где за ожиданием ис крепости отправления наряженной за мною резервной команды при г-не порутчике Дреере принужден был ночевать. Сего дни походу было 13 верст.

♃ [Июля] 7-го. Назавтре по отправлении резервной команды вслед за мною с полуночи в 6-м часу возымел поход, и шел прямо в степь ровными местами к речке Лебяжьей, и против самых Монастырей ко оной речке вышел. И вверх по оной отшед, при пяти ветлах остановился и по выкормлении лошадей с полудни часу в 3-м зделал вторичной марш по той речке Лебяжьей, оставя камень Монастырей в правой руке; и в самых вершинах сей речки Лебяжьей для ночлега остановился и ночевал. 25 верст.

♀ [Июля] 8-го. С вершин речки Лебяжьей перешед увал, ровным местом по ключику дошел до речки *Убинки*, она ж и

Кызылка; кою перешед и оставя вершины ее в левой руке, шли к горам. И тут под самыми горами наехали кочующих киргисцов найманской волости ведения старшины Харабарака на ево кибитки, где ево не случилось, а был один ево сын и объявил об отце, что ушел уже с месяц времени в поход на калмыков, а где теперь находится и в каких местах калмыки, о том по неведению им не объявили. От коих кибиток чрез камень щелью поднялись на высокой увал и при самых вершинах речки *Караусунки,* отколь оная выпадает, для роздыху остановился. И, выкормя лошадей, с полудни часу в 5-м еще имел поход, и шел подле самую ту речку Караусунку верст з 12 ровными местами; при лужку для ночлегу остановился, где и ночевал. 30 верст.

♄ [Июля] 9-го. По переночеванию на речке Караусунке с 6-го часу с полуночи продолжал поход по оной ровными косогорами и, отделясь от ее, в левую руку ровными местами чрез один увал щелью вышел на ровной дол, лежащей к речке Чар-Гурбану, и по оную при устье каменном, называемом *Красном яру*, вышел. По коей оказались кочующие кирейской волости старшины Хожимергеня-батыря улусы и так, прошед их, чрез пять верст от выходу на сию речку для роздыху остановился и, вызвав к себе туто имевших двух старшин: Арабай-батыря и Кызыбек-батыря, объявя о своем отправлении, куда следую, чрез посторонние разговоры, что о мятежниках-калмыках, о китайском и о их киргисском поисках разведал, о том значит в приложенной у сего особой журнальной записке под литером *А*, потом переговоря с ними, выкормя лошадей, вторичной имел поход с самого того места, где был роздых, переправясь речку Чар-Гурбан, подле самой камень *Улыны* тесным проходом чрез называемое урочище *Щоки* верст 15 шел и для ночлегу остановился. 30 верст.

☉ [Июля] 10-го. На том месте для роздыху лошадей и что почти во весь день был великой дождь и ненастная погода, принужден был передневать.

☽ [Июля] 11-го. По переночеванию при Чар-Гурбане по оному в 6-м часу с полуночи имел поход с вершины, и при оных вершинах при ключике и при согре на горах имел роз-

дых и, выкормя лошадей, в самые вершины, оставляя их в левой руке, следовал чрез ключики ж и гористые места до камню, называемого *Калмытологой*, коей так же оставя, влеве против оного на лугу у ключика ночевать остановился. 30 верст.

♂ [Июля] 12-го. Ночевав при сопке Калмытологое, поутру с 6-го часу полуночи имел поход к речке *Чугуляку*, которая выпадает из-за сопки Калмытологою, из гор с северу на полдень в речку *Бугун-Чугуляк*, на самое Чугуляцкое устье, где впадает в речку Бугун-Чугуляк; и тут для роздыху лошадей имел становье. По выкормлению лошадей с полдень часу в 4-м имел еще поход вверх по речке Бугун-Чугуляку с вершины и при оной в пристойном месте для ночлегу возымел становье. Сего дня походу было 25 верст.

☿ [Июля] 13-го. С полуночи в 5 часов имел поход по речке Бугун-Чугуляке в вершины течением на запад и при каменном утесе для роздыху лошадей остановился. Выкормя оных, пошел еще вперед путем к вершинам Бугун-Чугуляцким на запад же и по положению места, немного миновав остающей по тракту моему вправе камень Калмытологой, посланным и от команды вперед на видные места для примечания усмотрены в степи по течению Бугун-Чугуляку в правой, а команды моей – в левой руке неведомо какие едущие верхом скорою ездою три человека, почему и принужден был в том месте при сей речке остановитца и за разведыванием тех едущих по степи людей послать с толмачом пристойную команду. Кои от команды верстах четырех догнаты и объявили о себе, что киргисцы, кочующие тут и свое кочевье между гор в падине или у ключа показали. И так я принужден был по опозданию время и желая от них назавтре об надобном получить разведании, ночевал, а из них старшого поутру для переговоров к себе требовать. Сего дни переходу было 25 верст.

♃ [Июля] 14-го. Сего дня поутру часу в 7-м с полуночи по требованию моему ис тех кочующих в стороне от тракту моего киргисцов старшина Буко-батырь в шести человеках в мой лагерь приехали, с коими обходясь я с ласковостию, посторонним образом по многим околичным разговорам об надобном

мне выспрашивал, и что они объявили, в журнальной записке под литерою ***B*** значит. И по невоспрепятствованию мне в тракте в полдень с 3-го часа вперед к вершинам Бугун-Чугуляцким имел поход и, отошед верст с 15, в способном месте остановился и ночевал. 15 верст.

♀ [Июля] 15-го. Для роздыху лошадей имел дневание.

♄ [Июля] 16-го. В 6-м часу с полуночи имел поход к вершинам речки *Купкан* и, отошед верст з 12, наехал на кочующих той же каракирей-найманской волости киргисцов старшины Девлетбай-батыря брата Айтана с улусом, где остановясь, и с ним, также и другими тут случившими ево родственниками обойдясь дружелюбно и околичностию, по протчем, что о мятежниках-калмыках к знанию разведал, о том значит в записке же журнальной под литерой ***C***. В сем месте за разведанием надобного по опозданию время принужден был ночевать. 19 верст.

А как по неимению в команде моей знающего тутошние места вожатого, должен был против имевшего у меня приложенного при инструкции тракту о речке *Булалбухе,* по коей мне с командою до реки *Караталу* следовать было дано и о протчих урочищах разведать чрез угащивание и приятнейшее обхождение от киргисцов, туто кочующих. Которые на мой вопрос и объявили, что бутто речки Булалбухи около тех мест нигде нет, да и камень *Алмын-Тапши* не знают, а есть речка, выпадающая из гор с востоку, текущая на запад во озера *Куркулдяк*, и из оных – по-киргизски *Тиенгис;* из чего по переводу на наш диалект разумелось в море, которое на наших картах изъясняетца озером *Балкаш*. По коей до того озера ходу, сказали, восемь дней, от оного Балкашу – два дни до реки *Лебши*, от Лебши до реки *Аксу* – один, от Аксу до малых речек: *Алажигда, Агышки* – два, от Агышки до реки *Караталу* – один, от Караталу до *Куксу-реки* – один же день; потом будет Камень, или горы *Алтын-Имель*, под которым названием и разумел я, что не самые ли те горы, кои в тракте у меня написаны *Алмын-Тапши;* и от оных по речке *Кунгурулюн* о имевшем китайском последнем карауле, что бутто имеетца, уверили. И так я, уверясь в том на тех киргисцов и желая того, чтоб как ни есть до назначенного ме-

ста, т. е. до последних китайских караулов, дойтить и о мятежниках волских калмыках достоверно разведать, принужден был из оных киргисцов, кои о сих местах и о протчем по знаемости их мне рассказали Кети и Маргу батырей из собственного своего кошту из нарочно взятого для таковых случаев кармазину двумя портищами, т. е. восьмью аршинами, и двумя красными кожами, всего на 36 рублев, подарить з просьбою той, чтоб они хотя до вершин той первой речки Аягуш прямейшим и способным трактом меня с командою провели. Кои, за то препровождение получа подарки, и взялися.

☉ [Июля] 17-го. Оставя речку Бугун-Чугуляк, она ж по-киргизски и *Куп*, как настоящие вершины в правой руке, поутру в 5 часов пополуночи возымел вперед поход и, отошед чрез посредственные горы и между таковых долами верст с 15, при ключике, текущем в речку Куптан, для роздыху лошадей остановился, где за великим дождем и ночевал. 15 верст.

☽ [Июля] 18-го. Поутру (ночевав) в 6-м часу имел поход прямо через Камень горами на вершины речки *Аягышу* и при небольшом пресном озере, кое на долу между каменных гор, называемых по-киргизски *Кужбурыл*, остановился, где и ночевал. Сего ж походу было 25 верст.

♂ [Июля] 19-го. В 5 часов с полуночи имел поход верст пять долом, потом чрез гору ущелиною версты з две, после паки долом верст в 8 и, прошед правую сухую вершину речки Купкан з версту, чрез хребет подымаясь, спустился над, и долом верст пять шел, и перешел оной при ключиках, ис коих зачинается правая ж вершина речки Аягуз под камнем, называемым *Балтхара;* остановился и за роздыхом лошадям походу более не было и ночевал. 21 верста.

☿ [Июля] 20-го. Поутру с полуночи в 5 часов имел поход и перешел камень Балтхару […][1], шел чрез до речки Аягышу верст с 15, где остановился для выкормления лошадей и также за великим дождем переночевал. 15 верст.

♃ [Июля] 21-го. При том же месте по довольности кормов для роздыху и выкормления лошадей дневал, и отъезжим

[1] Не разобрано слово.

караулом с сопки увидимы были ехатчие из гор с полуденную сторону неведомые в небольшом числе люди, которые посланною при капрале с толмачом командою к лагирю моему приведены и оказались киргисцы, ехатчие с торгу от китайцов и, что в разговорах по вопросам моим объявили, явствует в журнальной записке под литером *Д*.

♀ [Июля] 22-го. Поутру в 6-м часу имел поход от вершин внис по речке Аягушу и, перешед верст з 25, для роздыху лошадей остановился; а в полудни часу в 4-м имел вторичной поход. И в следование также вперед посланною для присмотру командою едущие ис степи с торгу от китайцов семь человек киргисцов остановлены и по прибытии моем к ним, что чрез толмача они объявили, в журнальной записке под литерою ***E*** значит. Сего дни чрез небольшие каменные увалы и ровными долами проходу было 35 верст.

♄ [Июля] 23-го. С полуночи в 5 часов имел поход внис по речке Аягушу и, отшед верст з 10, к следованию также командою моею переняты ехатшие из гор с торгу ж от китайцов 13 человек киргисцов, и что показали, в журнальной записке под литером ***E*** явствует. По переговоре с ними, еще за неимением х корму лошадей хороших трав вперед принужден был ехать и, отыскав пристойное место, остановился, где и ночевал. Сего дни ровными долами и чрез небольшие горы походу было 40 верст.

☉ [Июля] 24-го. По переночеванию с 5-го часу внис по речке Аягышу имел поход и при полуденном становье из состоящих поблиску моего лагиря юсунской волости киргисских кибиток человек до 10 для разведания о команде моей прибыло, и по отзыву моем один прибывшей в те кибитки ис походного Аблай-салтанского войска для женитьбы киргизец Алимбай, что о калмыках объявил, в записке под литером ***G*** значит. Где выкормя лошадей, имел с того места вперед еще поход и в то вторичное следование над самою рекою Аягушем по течению ее по правую сторону наехано древнее какое-то, а знатное каменное высокое созидание, по-киргизски называемое *Кузу-Курпеш,* коему каким оно манером было зделано и какой

16142(т)

величины и протчем, яко же и стоящим в нем вытесанным из дикого камня статуям с написанием обрисовка мною учинена и при сем под литером ***Н*** прилагаетца. И окончив сему строению примечание, еще следовал вперед и на хорошем корму для ночлегу остановился. Сего дня походу было ровными местами и чрез небольшие увалы 42 версты.

☽ [Июля] 25-го. Для роздыху лошадей по довольности кормов имел дневанье и к полудни от кочующих поблиску того места чапрашской волости киргисских кибиток з другими киргисцами пришла ко мне в лагирь российская женщина и объявила о себе, что она была во учрежденного драгунского (кой ныне Колыванским) полку драгуна Никиты Самарина жена Арина Ильина дочь, и назад тому лет с тридцать как киргисцами полонена с прежнего ее жилища от деревни Безруковой и протчее; а что такое показала, в служебной записке под литерою ***I*** явствует. И хотя б по ее желанию должен я был взять ее и вывесть на наши российские границы, но как я еще следовал ко исполнению порученной мне комиссии вперед, то взять и весть ее никоим образом было невозможно, а объявлял ей, чтоб она, изыскивая способ, вышла на наши российские границы или наведывалась того, когда я с командою обратно мимо тех мест следовать буду, то б тогда ко мне явилась, почему взята и на границы наши вывезена будет. А чтоб она утрачена не была по небытности при том ее хозяев, киргисцу той же волости Елгайтеру от меня чрез толмача подтверждено с тем, что об ней без требования с нашей стороны оставлено не будет, почему они и будут должны ее, куда подлежит, представить.

♂ [Июля] 26-го. Поутру в 5 часов имел поход внис по речке Аягушу, и что по тракту от стоящих улусами юсунской и аргынской волостей от киргисского старшины Монко-батыря и от киргисца Янкары и пострещающих со мною ехавших из войска от старшины Харабарака-батыря кирейской волости киргисцов Акша и Адака о калмыках-мятежниках разведано, в журнальной записке под литерами ***К***, ***L*** явствует. Сего дня луговыми местами походу до ночлегу было и ночевал при урочище, по-киргизски *Юсагач*, а по-нашему *Сто лесин.* 38 верст.

☿ [Июля] 27-го. По переночеванию в 6-м часу с полуночи имел поход и, отшед верст с 15, для роздыху лошадей остановился и по доброте кормов принужден был ночевать. 20 верст.

♃ [Июля] 28-го. С полуночи в 5 часов внис по Аягушу х Куркулдяку пещаною степью чрез небольшие сопошные горы, покрытые разного роду неизвестными кустами, следовал и, прибыв до прежнего зенгорского караванного чрез Куркулдякские озера броду, для ночлегу остановился. Сего дни трудного от песков походу было в нынешней же день, трактом много пострещалось следующих ис походу от старшины Харабарака разных волостей киргисцов с везущим калмыцким немалочисленным пленом; и что они объявили, в записке под литером ***М*** значит.

♀ [Июля] 29-го. Пополуночи в 5-м часу от Куркулдяку к озеру *Балкашу* имел поход также пещаною гористою и бестравною степью и, перешед бес корму и пресных вод верст з 25, на степи принужден был для роздыху лошадей также переночевать без воды и бес корму. 30 верст.

♄ [Июля] 30-го. По переночеванию на степи с полуночи в 5-м часу имел поход вперед к реке *Лебши* степью ж пещаною и чрез небольшие ж горки. Перешед верст з 20, для отдыхновения лошадей бес корму ж и воды имел становье, и по отдыхе лошадей с полудни имел вторичной поход и верст чрез 13 пришел к реке Лебси, где и остановился сего дни; трудного, бескормного и безводного походу было сего ж числа; также киргисцов, ехавших ис походу с пленом калмыцким, встречаемо было довольно и о калмыках уверяли в сходствие написанного под литером ***М*** объявления. 33 версты.

☉ [Июля] 31-го. При реке Лебси, по имению кормов и что во оной вода хорошая, принужден был для выкормления лошадей дневать, и как в команде моей некоторые лошади пришли от бескормицы в усталь и что у следующего за мною в резерве г-на порутчика Дреера государевы лошади стали быть по изнурении и далее к походу ненадежными, то принужден был худоконных казаков 16 человек оставить при той реке в команде

упоминающего порутчика Дреера, а сам с капралом, толмачами и казаками, всего в 17 человеках, выбрать хороших лошадей для надобнейшего разведания налегке к продолжению вперед пути приготовлялся. Какой же болея настоял резон резервной команде, командированной за мною, остатца при речке Лебши или следовать обратно к нашим границам; яко же и я почему должен был с такою малою командою еще вперед следовать, об оном к рассмотрению з двух посланных от меня к порутчику Дрееру рапортов копии при сем под литером ***N*** приобщаются.

☽ Августа 1-го. С выбранною командою поутру в 6 часов с полуночи возымел вперед поход и, переправясь реку Лебсю, хотя она и широка, однако вброд и следовал на полдень пещаною степью чрез частые пещаные горы, и по неимению кормов и воды без роздыху принужден был дойтить до реки *Аксу*, где для ночлегу остановился и по неотыску чрез оную реку с переходу бродов принуждено было ис сухого камышу делать для переправы *салы*. Сего дни походу было 33 версты

♂ [Августа] 2-го. Поутру в 6 часов с полуночи на зделанных салах провиант, ружья, амуниция и протчее чрез сию реку Аксу переправлено, а лошади вплавь переправлены и по переправке также пещаною степью чрез частые гористые места расстоянием 21 версту до речек *Кулдеян* и *Бюйлон* поход продолжал. А при сих обеих речках по довольности кормов, и что воды пресные, для роздыху и выкормления лошадей имел становье. С половина дни часу в 4-м вторичной имел поход также чрез степь и, перешед небольшую речку *Башкану*, на прилучивших кормах на степи принужден был без воды ночевать. Сего дни походу было 34 версты.

☿ [Августа] 3-го. В 4 часа с полуночи от ночлегу имел поход вперед степью солонешными местами и, перешед сухие речки, выпадающие с востоку, первая – *Сархан*, потом – *Ала*, затем – *Жигда*; и чрез бывшие зенгорские распаханные хлебопахотные земли, всего расстоянием верст 23; и при ключе, выпадающем ис Камню с полудни, *Агышки* для выкормления лошадей имел становье. И выкормя лошадей, с половина дни в 3 часа вторичной имел поход чрез каменные высокие горы

и долами с 17 верст и в косогоре между сопок при маленьком текущем из горы ключике принужден ночевать. Сего дни походу было, и что от следующего калмыцкого походу киргисские старшины Бабы-батыря о калмыках разведано, в журнальной записке значит под литером ***O***.

♃ [Августа] 4-го. С полуночи в 5-м часу имел вперед поход между каменных со обеих сторон гор ровными долами 17 верст до реки *Каратал*, где за великим дождем по невозможности оную переправитца принужден был остановитца, а пополудни в 3 часа по минованию дождя, переправясь сию реку Каратал, по тогдашней глубокости и быстроте оной с великой опасностью, следовал вперед чрез луг версты три, потом ровным долом распаханными прежними зенгорскими пахотными землями 14 верст до самой реки *Куксу*, при которой для ночлегу имел становье. Сего дни походу было 34 версты.

♀ [Августа] 5-го. С полуночи в 4 часа по великой быстроте сей речки, переправясь оную речку Куксу с великим трудом в трех местах, вперед имел поход долом пять верст распаханными ж зенгорскими землями и, оттоль поднявшись хребтом чрез крутые сопки, шел 8 верст до ключика, выпадающего с востоку в речку Куксу; и, переехав оной, в полуверсте между высоких гор наехал прежде бывшую знатно чуцкую земляную квадратную крепосцу, о которой обрисовка и описание величины и укрепления в записке под литером ***P*** прилагаетца. От оной еще шел вперед чрез горы ж каменные три с половиною версты, и при правой вершине написанного выше сего ключика для роздыху и выкормления лошадей пополудни в 3 часа с того становья имел вторичной поход. И, отошед подле того ключа долом шесть верст, подымался хребтом на высокую гору и горами, также и косогорами девять верст, потом преглубокою и со обоих сторон окруженною высокими горами щелью – две, по выходе из оной чрез горы – две ж версты до становья, где должен был на левой отноге речки *Бижи* ночевать. Сего дни походу было 35 верст.

♄ [Августа] 6-го. Поутру в 5-м часу с полуночи имел поход на полдень к речке Биже чрез горы две версты. Выехав

на оную речку, по течению оной вверх склонением к востоку версты с четыре низким и ровным местом шел, потом оною ж между обоих сторон высокими каменными горами, местами и косогорами – 9 верст. Вышед тесной проход отногою, долом с версту отъехав, наехал такую же древнюю укрепленную земляную крепосцу, какову вчерась видел, и описал укреплением и величиною сходственную, и от оной версты с три распаханными пред сим землями долом же вперед поход продолжал, и в ростошах сей речки Бижи для роздыху остановился. И с полуден в 3 часа правою от речки Бижи отногою еще вперед следовал до самых ее вершин и далея к горам Алтын-Имели – долами, горами и ровными местами, все склонением к горе и на гору 17 верст, где не дошед до горы Алтын-Имели, при ключике, выпадающем из оной, в лощине принужден был ночевать. Сего дни походу было 36 верст.

☉ [Августа] 7-го. В 4 часа с полуночи с ночлегу поход свой вперед на гору *Алтын-Имели* две версты продолжал. Поднявши на оную в низком месте со обоих сторон обледшими высокими горами ущелиною по ключику, выпадающему на другую сторону по покати к реке Илле, четыре версты шел оттоль ровной и голою щебеневатою каменною степью на восток, до речки *Кунгурулюн* от горы чрез 13 верст дошел, при которой для роздыху лошадей имел становье. И выкормя лошадей, пополудни в 3 часа вторично по той речке Кунгурулюн внис следовал и, отошед верст с 14, на отноге оной же речки имел ночлег. Сего дни походу было 33 версты.

А во вторичной поход при сей речке от становья в 9 верстах наехано было какое-то древнее разваленное каменное и глиняное бывшее построение, а какою манерою и на каком расстоянии оно было зделано, обрисовка под литерою ***Q*** явствует. В написанную ночь внис по речке Кунгурулюн по из лагирю моего виден был чрез лес раскладенной небольшой в одном месте огонь, почему и разуметь надо было по месту, что тот огонь был раскладен или от киргисцов, бывших за калмыками в походе, а больше вера настояла – либо в китайском караульном лагире, которому около сих мест быть полагалось. 33 версты.

☽ [Августа] 8-го. Поутру в том же месте, где в ночи виден был огонь, оказался небольшой дым, почему в 4 часа с полуночи со всею командою ко оной речке на тот дым по мнимости китайского караулу или киргисцов следовал и, не дошед до оного версты за три, упримечено, что тот огонь был раскладен по ту сторону реки Ильли и от оного по забоке пошел пожар. И так желая я об оном справедливое иметь знание, от кого сей огонь был раскладен, нет ли тех людей при оном месте, ехал до реки Ильли и, приехав на берег со здешней стороны, усмотрел от того огню ехатчих на пяти лошадях по признанию калмыков пять человек, кои увидя российскую бывшую со мною команду, наскоре поехали лесом вперед. Да и я с командою путь свой принял по сей стороне подле реку Ильлю и, отъехав версты з две, нашел пеших и неимущих партии мятежнических калмык мужеска 11, женска двух, всего 13 человек, которые что на спрос мой чрез толмача о своих калмыках объявили, в журнальной записке под литерою ***R*** явствует. А как они по неимуществу своему объявили, что желают иттить по-прежнему в подданство ея императорского величества, то по неимению при команде моей завытных порозжих лошадей, взять и весть их я был не в состоянии, то обнадеживанием в вине их прощения высочайшей ея императорского величества милости велел иттить моим трактом, взять к российским жилищам, кои и охотно то исполнить обещались. А я с командою от них пошел вверх по той реке Ильле вперед и, дошед до устья речки Кунгурулюн, для роздыху и выкормления лошадей остановился и, выкормя оных, пополудни часу в 4-м имел вторичной поход. И вышед по сумнительству от шатающих иногда и еще подле Ильлю калмык на степь подле Камень, голою и голодною степью шел, и по неимению по тракту кормов и воды принужден был ночевать на той степи без воды и бес корму. Сего дни походу было 35 верст.

♂ [Августа] 9-го. Переночевав на степи, поутру с полуночи в 4 часа имел вперед поход оною ж степью верст з 20; и, видя, что ни кормов лошадям, ни воды по оной нет и впереди з гор речек и кормов поблиску нигде видно не было, принужден был иттить, хотя и опасно от калмык однако к реке ж Ильле.

И чрез трудные гористые пещаные и диким колючим разного роду лесом оброслые места верст з 10 до той реки Ильли шел и, пришед ко оной, на обысканном корму в крепком месте остановился и, по утруждению по неспособности мест лошадей для роздыху оных не приметя тогда тут опасности от неприятеля, по скрытности места и ночевал. Сего дни походу было 30 верст.

♀ [Августа] 10-го. Поутру в 5-м часу с полуночи подле той реки Ильли вперед хотя и гористыми пещаными и неспособными местами, однако не такими, как вчера, поход был, но способнея следовать и, отошед верст з 20, отделясь от той реки Ильли в левую руку, от оной верстах в пяти при речке, выпадающей из гор, покрытых снегом, на корму и хорошей воде остановился и для роздыху лошадей принужден был ночевать. Сего дни походу было 25 верст.

♀ [Августа] 11-го. Переночевал, с полуночи в 4 часа имел поход вперед к речке, безвестной команде нашей и, отшед кустами верст з 12, по пещаности грунту усмотрен пешей неизвестной след, почему оным следом я с командою и шел; по исследованию ево версты с три и в густых кустах наехал мятежнической партии калмыков з двумя лошадьми и одною коровою мужеска пола с одним малолетным – 34, да женку одну, которые никакого против команды моей не учиня злодейства, объявили о себе, что торгоуты, и по разбитию киргисцами идут они вверх по Ильле за своими начальниками и протчими калмыки, ушедшими вперед. Коих хотя б и должно мне взять с собою и вести в Россию, но как я еще шел вперед до китайских границ и что завытных лошадей не было, взять и весть их было не на чем; то чрез толмача им от меня было объявлено, чтоб они, оставя намерение итить за их начальниками, а раскаясь в своем преступлении, что ис подданства всероссийского бежали, возвратились моим трактом к нашим российским границам по-прежнему в подданство ея императорского величества нашей всемилостивейшей государыни, обнадеживая их в том преступлении прощением высочайшею милостию. А взяв только из них объявившего о себе крещеным калмыка, коей бутто б неволею ими з базару захвачен, и зайсанга, к получению о намерении их подлинных уверений с малолетным племянником и тремя родственниками на тех бывших при них двух лошадях и корове вперед еще следовал и, отошед верст с пять, при речке *Куйтун-Усун* для роздыху остановился. И при становье том того зайсанга и крещеного калмыка порознь: зайсанга – чрез толмача на калмыцком, а калмыка крещеного – изустно на российском диалектах об их обстоятельствах и дорожных происходствах спрашивал, и что объявили, в журнальной записке под литерами ***S, T*** явствует; и все они взяты со мною и везены при команде. С полудни в 3 часа вторичной имел поход и, отшед верст с 16, и при хорошем корму на речке *Большой Шамал* ночевал. Сего дни походу было 36 верст.

♀ [Августа] 12-го. Поутру, как рассветало, при той речке *Шамал* усмотрено в луке на небольшом лугу пустых чрез год или два оставленных жительством, по примечаниям, китайских, построенных из необожженного кирпича и обмазанных глиною с крышками дерновыми четыре дома, и от оных на восток по течению Ильли-реки вверх сперва одна, а потом, немного отойдя в разные стороны, немало тележных дорог и распаханные запустелые хлебопахотные земли и не в одном месте старые также кирпишные совсем разваленные незнамо какие видно жилые же созидании и по-видимости овощники. И так держась перво нашедшей большой дороге, следовал вперед и, отшед от ночлегу верст 18, в разных местах впереди и виден дым и, подошед ближея, также не в одном месте усмотрены наподобие азиатских степных народов круглые так, как кибитки, окладенные дерном, и три человека ехавших ко мне с командою навстречу на верховых лошадях неведомо каких с туркою и двумя сайдаками людей; кои, не доехав блиско ко мне, крича, спрашивали у нас, какие люди. И так я, остановя команду, сам с толмачом отделясь от своей команды, к тем незнаемым людям, но, однако, уповаемым по виду и обычаю китайцам, приближался и объявил, что российская команда. А они также сказали о себе, что китайские подданные солоны и находятся при тех местах для караулу при производимом от подданных же китайских народов хлебопашестве. И так тот же час один из них поскакал наскоре к своим юртам, а я со всею своею командою при тех постречавших со мною двух солонах следовал ближея к их

юртам. И как уехавшей от команды моей один солон по доезде в свои обиталища о сей моей команде их тутo находящему начальнику объявил, то оной начальник в человеках в шести навстречу ко мне уже при самых их пашнях выехал и, зная уже об команде моей, что российская, по их обычаю со мною учинил свидание. И по требованию моему для становья и роздыху лошадей внутри их того жила удобное место от него показано, где и я остановился; и командира того китайского чрез толмача о ево звании спрашивал, и о протчем надобном посторонним образом чрез ево и других рядовых солонов при ласковом обхождении разведывал, и что выведано, в журнальной записке под литерою *U* явствует. А о своем к ним на границу заезде объявил, что прибыл трактом, или сакмою, бежавших из нашего великороссийского ея императорского величества подданства волских калмык; и какое об них уведомление мне последовало, в вышеписанной же записке значит.

По роздыхе лошадей с половина дни часу в 3-м в препровождении самого того *зангина*, *кугунбо* и одного *бошки* и четырех человек рядовых следовал еще вперед до их первого лежащего от городу стоящего при Ильле-реке внис караулу, и, не дошед до оного верст за 12, при речке для ночлегу остановился. Сего дни ровными местами чрез многие пущенные из речек на поля мелкие воды походу было 30 верст.

♄ [Августа] 13-го. Переночевав, назавтре с полуночи в 6-м часу с тем же китайским зангином и конвойными дорогою ровным местом версты три, потом чрез гористые пещаные сопки и буераками шесть верст и спустясь на крутом спуске к речке *Хоргош*, которая течение имеет очень быстрое, оную местах в пяти переправясь, и чрез три версты доследовал до *Хоргожского караула*. Тут при самом оном на хорошем корму для выкормления лошадей имел становье, а начальник того форпосту Тя-Чашин-Сахары-ноен, обойдясь со мною по обычаю ласково, спрашивал о заезде моем в их границу. А как сказал я, что в жилища их я с командою заехал нечаянным образом, сакмою бежавших наших российских волских калмык и о том, что та сакма подлинно калмыцкая, уверился чрез догнавших на тракте нескольких калмык, ис коих один зайсанг в пяти человеках,

да крещеной один мною взяты и везутся для уверения об этом с собою.

О котором моем прибытии тот же час написанной тутошний форпостной командир-ноен послал нарочного в их город, неизвестной мне названием, к их главному пограничному командиру жанжун-амбону с требованием обо мне резолюции, а меня просил, чтоб я тут при их форпосте переночевал. И так мне с командою принуждено было при том форпосте ночевать. Сего дни походу было 12 верст.

На 14-е число в самую полночь при ночлеге у караулу Хоргожского тутошной ноен, пришед ко мне, объявил, что он на свой донос от их жанжуна получил повеление, чтоб меня с командою ему за конвоем же препроводить до самого их пограничного городу и представить к нему, жанжуну, со снабдением, ежель потребно, провианту. А как при команде моей провианту имелось, то я от получения такового отозвался, а о калмыцком зайсанге с ево товарищами сказал, что их велено удержать при том форпосте, а крещеному остаться при моей команде; а что я, хотя и нежелательно было, однако, исполнять принужден. 13 верст.

☉ [Августа] 14-го. Поутру в 5 часов пополуночи в препровождении самого того форпоста командира-ноена и ехавшего от хлебопашества зангина с восемью человек и с солонами вперед чрез их многое хлебопашество и обывательские немалые заселенные на всегдашнее время деревни ровными местами и чрез круты речки и многие пущенные на пашни воды следовал вперед. И отшед верст 20, при ключике остановился, где выкормя лошадей, с половина дни в 2 часа возымел во обществе ж с теми конвойными вторичной вперед поход и, от становья также ровными местами пещаною дорогою отшед верст с пять, возле самую их китайскую крепость, по их называемую *Тунчу*, чрез небольшой базар, в коем лавки все были растворены и товары их раскрыты, следовал; и от оного во весь день по тракту моему в левую руку в видимую мне крепость же, называемую *Седынчу*, со объявлением от ноена, бывшего при мне в конвое, что по повелению, вторично присланному к нему от их жанжуна, велено сперва представить меня в ту их Седунча-

скую крепость; куда-де бутто бы для переговору со мною и сам их г-н жанжун уже прибыл.

И чрез три версты приехав я с командою к той крепости, с полуденную сторону у въезжих ворот остановлен, где стояв с полчаса времени, видно было з другую сторону выехатчих ис той крепости и ехавших вперед по тракту моему, склоняющемуся к реке Илле, в немалом числе конвою на верховых лошадях; по их китайскому обычаю порядочно одеты в хорошем платье, по признанию, несколько начальников з двумя их китайскими распущенными знаменами. Ис чего мною и заключалось, что то либо сам их жанжун или какие амбоны отбыли в их город. По проезде которых чрез того ж приехавшего со мною ноена я с толмачом и тремя человеки казаками веден был верхом же в тою их крепость до самого начальничьего дому. И проехавши передние ворота, сошед я и толмач с лошадей, шли по двору пешие. Когда ж средние от покоев ворота прошли, то тем же ноеном взят я был под руку и в самые начальничьи покои введен.

И тут ласковым с обеих сторон видом наблюдая присутствующие тут китайские начальники и я всяк свою политику приятственным образом свиделись, и о заезде моем те китайские амбо-ноен, цунбя-ноен, двое тя-ноенов – шанхаван и зурган-ноен – чрез имевшего при мне толмача драгуна Старицына меня спрашивали. На что я благопристойным образом и объявил, что я с наших российских границ отправлен для разведания убежавших из великороссийского ея императорского величества подданства мятежников волских калмык и следовал до камня Алтын-Имелю и от оного к реке Ильле, а при той реке усмотрено великая сакма и другие многие признаки, доверяющие о той сакме, что калмыцкая, яко же несколько и тех калмык проехано. И так оною следовал до их китайской границы, и так должен я совершенно о сих наших изменниках-калмыках знать, где они ныне со станом своим находятся.

Против чего те амбон и другие ноены объявили, что они все, сколько их на их границу пришло, по самоохотному их желанию по указу их богдыханова величества приняты в их китайское подданство. И окончав оное, угащивали меня по их обычаю чаем, огородными вещами – арбузами и дынями; и по-

сле того сказано, чтоб мне в той их крепосте ночевать, а назавтре я буду отправлен в главной их город главнокомандующему г-ну жанжун-амбону, почему и под постой мне и всей команде в той крепости показан изрядной казенной дом, в коем я с командою своею расположился и ночевал. Для ж ужина приготовлен был по их обычаю сваренной баран, оладьи и пшено сорочинское, кое все на разных ценных блюдьях в покоях на столиках поставлено было, чем и довольствованы; а потом и чай во всю команду изготовлен и во всю ночь в покоях готовые их свечи горели. А лошади довольствованы были привозным камышом, чем и своих лошадей они довольствуют.

♋ [Августа] 15-го. Поутру рано также для меня и всей команды приготовлен был чай, по употреблении коего в 5 часов пополуночи чрез пришедшего ко мне из бывших 14-го числа на уединенцыи[1] ноенов одного зургана объявлено мне было, чтоб я со всею командою, изготовясь, обще с ним следовал в главной их город, почему заседлавши лошадей, и с ним, зурганом, также и з другим ша-ноеном в препровождении их конвою я с командою следовал. И отойдя ис крепости *Седынчацкой* верст с восемь, а не дойдя до городу их за полверсты, поведен мимо оного в правую руку под гору к посольскому дому, где со всею командою остановлен и чрез час для постановления мне с командою принесено было их китайских летних шесть бумажных дабинных полаток, а к довольствию – муки пшенишной и круп пшонных, или просяных, по два пуда, чаю один кирпич и два барана. И под лагирь против самого того посольского двора между речкою и рекою Ильлею на лугу место показано, где я лагирем по обычаю своему расположился, куда от них, китайцов, для караулу прислан один ноен с зангином и 12 человек рядовых. Лошади ж, имевши при команде моей, все приняты за их особо определенной караул, а чтоб они на хороших кормах и при свежих водах содержаны были, и со стороны команды моей один человек для присмотру того в табуне с переменою находился. Сего дни пройдено 10 верст.

♌ [Августа] 16-го. С полуночи часу в 9-м по приезде в посольской дом их китайских начальников чрез одного при-

[1] Так в документе.

сланного ко мне базана объявлено было, чтоб я с толмачом для переговору в тот посольской дом прибыл. И так взяв я толмача и двух казаков, на верховых лошадях до посольского дому доехал и тут от приехавших на переговор одного калмыцкого, кой уже давно у них в подданстве, амбона тя-керекшитку и двумя китайскими тя-ноенами принят благосклонно и на спрос их доезд свой на их границу я повторял в сходственность прежнего своего объявления и за снабдение на первой случай провиантом и баранами, также и за полатки, не теряя нашей политики, благодарил. Потом по многим с обеих сторон дружелюбным обхождениям и разговорам спрашивали они меня о числе моей команды. И как я о числе команды сказал, то выспрашивали ж, какими местами я к ним с такою малою командою дошел. Когда ж что надо было и должно, им я рассказал, то они, амбон и ноены, спросили взятого мною на пути объявившего тогда мне крещеным калмыка, чтоб ево тут же для спросу о ево роде призвать. И по призыве, как они ево спросили о роде и что он крещеной ли, то сей последний злодей и показал, что он природной торгоут и крещен не был, шел с протчими калмыками и их начальниками ис подданства российского с Волги к ним, китайцам, с намерением тем, чтоб по однозаконству быть в их китайском подданстве, почему и хочет у них остатца.

А по окончании того как я тому злодею-калмыку тут же говорил, для чего он прежде ж крещеным мне объявлялся, то он отзывался тем, дабы ему по неимуществу их, будучи долго времени с товарищами своими бес пропитания, в пути не погибнуть и скорея безопасности до желаемого места дойтить было можно. И так я, хотя сие было и огорчительно, однако, подобающим же образом тем китайским начальникам соответствовал, что может ли быть такой злодей, как сей калмык, которому ни есть государству верен и не заслужил бы себе потому достойного наказания; то и они также говорили, что не только он, но и все принятые ими калмыки и впредь верными их государству быть не могут. Однако ево ис команды моей, сколько б я в том не препятствовал, взяли к себе, и лошадь, на которой он был везен, ис табуна вывели.

По окончании всего того сии бывшие тут на переговоре со мною анбон и другие ноены спрашивали меня, что нет ли еще какого за мною дела. Почему я и отзывался, что другого дела

за мною больше нет, а желание мое есть быть в их городе и видеть главнокомандующего их г-на жанжун-анбона и об тех волских калмыках получить письменное к нашим командирам уведомление, с чем бы мне верняе на границах наших явитца было можно. На что они ответствовали, что о том должны они тому своему г-ну жанжуну учинить доклад, и что на то последует, мне знать дано будет; с чем я поехал в свой лагирь, а те начальники – в город.

Сего ж дня пред вечером из городу прислан ко мне нарочно галда-ноен со объявлением, что назавтре принят я буду на уединенцыи ко их г-ну жанжуну, и так я того и ожидал.

♀ [Августа] 17-го. Назавтре часу в 6-м с полуночи паки два ноена и 12 человек рядовых на верховых лошадях из городу в лагирь мой присланы были за вызовом меня в город к жанжуну, почему я с толмачом и двумя казаками, заседлав лошадей, на оных верхом же в препровождении их ноенов и конвойных лугом, лежащим от реки Ильи, к их городу ехал и, изъехав тот луг, поднявшись на гору, с полуденную сторону в городские проезжие ворота введен и чрез базар, хорошо очищенной и прибранной, ехал до самой половины того городу. И доехав до средней башни в левую руку был поворот, и тут у ограды жанжунского дому сошед с лошадей, я с одним толмачом и казаком введен в ограду и, прошед передние дворные ворота, у средних объявлено мне было, чтоб я имевшей при себе тесак снял и так шел в покои их г-на жанжуна, ибо-де у них всегда тот обычай, чтоб быть при командире безружейну; а пришедши в покои, последуя их обычаю, в почтении пред тем жанжуном пасть на колени и о деле своем представлять. На что я стретившему меня ноену, коей о сем мне говорил, сказал, что я ни по каким обстоятельствам того их китайского обычаю и желания в рассуждении нашего российского права и поведения исполнять не должен, а буду ответствовать почтением к тому их жанжуну по своему обычаю; и тесака, имевшего при себе, не ис чего снять и никому отдать по обстоятельствам наших законов не могу и не должен. К чему по упорству моему в том хотя и много я еще принуждаем был, только склонности не показал; и, видя оной галда-ноен в том мое усильное отрицательство, и что я не повинуюсь их поведению или обычаю, и в тесаке, имевшем при

мне, от средины ворот, взяв меня под руку, во внутренние жанжунскои покои ввел.

Куда пришед я с толмачом, ни проранивая ничего в нашей российской политике надобного, с почтению свиданием адресовался и, увидя от их г-на жанжун-анбона и сидящих тут с ним еще пяти господ анбонов приятное себе принятие, чрез толмача драгуна Старицына говорил следующее. Союз двух великих государств, т. е. как нашего всероссийского, так и их китайского, воспрепятствовал или позволил мне нечаянным образом въехать на их китайскую границу и видетца: во-первых, з господами их китайскими пограничными ноенами, потом и с самим с ним главнокомандующим границею высокопочтеннейшим г-ном жанжун-анбоном и другими господами анбонами, чем почитаюсь в нечаянном случае довольным; и свидетельствовал от своих главнокомандующих сибирскими пограничными линиями к ним почтение.

Выслушав то, сам тот жанжун-анбо по-мунгальски чрез того же толмача говорил, что и они со стороны своей считают не меньше за удовольствие, что видят союзного к ним государства посланного человека с командою. Потом спрашивал о благополучии нашего всероссийского государства и по ответу моему об том говорено, зачем я так далече от своих границ заехал. На что я соответствовал: первое, с наших российских границ от главнокомандующего корпусом и всеми воинскими командами и пограничными линиями его пр-ва г-на генерал-майора Сергея Кириловича Станиславского отправлен зарешную сторону до тех мест, где могу получить удостоверение для разведания о бежавших из великороссийского ея императорского величества всемилостивейшей нашей государыни подданства мятежниках волских калмыках, где они находятца или куда путь свой простирают; второе, следуя я от реки Иртыша степными местами до камня Алтын-Имелю, оттоль – до реки Ильли, и при оной нашел большой тракт, или сакму, во всем примечанием доказующую калмыцкую, да и чрез самих проехавших мною по тому тракту остающих от кошу калмык уверен, что оною прошел их кош, коею до самого их жила беспрепятственно я следовал и оттоль в тот их город предоставлен; третье, почему и потребно мне об тех калмыках достоверно знать, где они ныне находятся, с чем бы можно было по возврате и к главной своей команде донесть.

Против чего сам тот г-н жанжун-анбон объявил, что те волские калмыки с их наместником ханства Убушею и с прочими ноенами по пришествию к их границе по произвольному их желанию, а по указу их богдыханова величества приняты в их китайское подданство, и куда подлежит на жительство – уже распределены. А что ж я действительно за разведыванием того з границ наших был отправлен, во уверение оного данную мне от его пр-ва упоминающего г-на генерал-майора Станиславского подорожную им объявил и просил от них об том ими калмык принятии письменного виду, а потом по изнурению в команде моей лошадей о применьшем оттоль на границе наши отправлении, т. е. по известной мне их линии, зачинающей от того их городу чрез камень *Талки* на *Тарбагатай*, где есть их город или крепость *Чугучак* и оттоль до Иртышу. На что мне казалось по примечанию из их ответствия, чтоб не знать с нашей стороны положения той их линии и протчего; объявлено, что та их линия трактом чрезвычайно неспособная, т. е. гориста и бескормна. А отправлен и препровожден я с командою буду другою их линиею, лежащею внис по течению реки Ильли подле горы почти до самой реки Куксу, а по их, *Кукоусун*, куда якоб места способные и в протчем во всем угодные, обнадежа при том еще, что и на дорожней путь снабден буду от них запасом. А письменного известия дать они не могут.

И так я на то и зделался, хотя и не з желаемостию, однако согласным, и еще не пропустя того, должен был вызватца о калмыках, кои на пути мною были взяты и доведены до их границы. А тут первые зайсанг с племянником и тремя родственниками, якоб по повелению того г-на жанжуна, на первом их Хоргожском форпосте тамошним ноеном задержаны. Последний один, коей по ево объявлению взят был мною по однозаконству нашему, что он крещен, уже по приезде моем к их городу бывшими накануне того дня в посольском доме со мною на уединенцыи их господами анбоном и ноенами от меня отобран, которых не повелено будет так, как они были подданные ея императорского величества нашей всемилостивейшей всероссийской государыни и мною на дороге получены и с пропитанием везены до их границы мне для представления х команде своей выдать. На что предписанной г-н жанжун в ответ говорил, когда уже наместник ханства и другие народы по самоохотному желанию к ним в подданство приняты, то и они потому также

следуют быть у них и от выдачи их было отказано; с чем при желании им от меня, да и от них к нашей стороне всякого благополучия, разстався, я вышел ис покоев и тем же базаром и до самого лагирю и за тем же прежним конвоем препровожден.

По приезде моем в лагирь почти тот же час с нарочным их переводчиком прислано ко мне из их городу муки пшеишной и круп просяных четыре мешка примером пудов до осьми и тридцать баранов с объявлением тем, чтоб назавтре мне в обратной свой путь отправитца. И так я тут ночевал.

А назавтре, т. е. ♃ августа 18-го, пополуночи в 8 часов по пригоне с пастбища наших лошадей, переймав их, обседлав и обовьюча, за конвоем их китайским и с того самого, коей был у меня при лагире с приезду в карауле ноена, зангина и рядовых 12 человек следование обратно тем же трактом, коим вперед шел х караулу Горгошскому, возымел. И, отошед верст з 20, между их деревень при речке *Цаган-Усун,* а по-нашему *Белой воде*, на хорошем корму ночевал. Сего дни походу было 20 верст

♀ [Августа] 19-го. Пополуночи в 6 часов имел поход и дошел передним трактом до первого их китайского караулу, называемого *Хоргошского*, где выкормя лошадей, вторично за тем же конвоем и еще с ноеном того караула и четырьмя рядовыми следовал и, перешед речку *Хоргош*, гористые пески и дол, при вновь раскопанной китайцами пашенной речке по неимению полевых кормов, бес корму принужден был ночевать. Того дни походу было 32 версты.

♄ [Августа] 20-го. Пополуночи в 6 часов имел поход между северу и западу, оставляя каменные горы, покрытые снегом, называемые *Талки*, в правой руке, голою щебневатою степью 14 верст до второго китайского – Чичканского караулу, где хотя корму и не было, однако, за переменою хоргожского ноена тутошным ноеном же и для роздыху лошадей стал я, а с полдень в 2 часа вторичной на запад имел поход. И, отшед также голою степью 10 верст, при речке *Шамал* по довольности корму принужден был ночевать. Сего дни походу было 24 версты.

☉ [Августа] 21-го. В 6 часов с полуночи имел поход чрез крутую речку и три крутые лога 17 верст до *караулу Койтунского*, где по имению кормов остановился и, выкормя лошадей, за прежним конвоем и с тутошным находящим при форпосте ноеном вторичной имел поход между северу и западу. И, отошед от форпосту вверх по речке верст шесть, по довольности полевого корму для выкормления лошадей, ночевал. Сего дни походу было 23 версты.

☽ [Августа] 22-го. Поутру в 6-м часу с полуночи следовал, подымаясь на высокую гору отлогою падью и между сопок 15 верст до четвертого – Борохожирского караула. Тут имел для роздыху лошадей становье, а с полдень в 2 часа паки имел поход на запад между гор, имевших со обоих сторон, долом; отошед 14 верст, при вершинах речки *Борохожир* на хороших кормах ночевал. Сего дни походу было 29 верст.

♂ [Августа] 23-го. Поутру в 6 часов с полуночи от ночлегу имел поход на запад же косогором и, перешед левую вершину реки *Куксы*, чрез 14 верст при оной вершине для роздыху имел становье. После полудни в 2 часа еще шли внис по вершине сей реки долом и, отошед 17 верст, при речке, выпадающей в Куксу, с полдень для ночлегу остановился. Сего числа походу было 31 верста.

Нынешнего ж дни бывшие за мною из городу в конвое ноен з зангином и рядовыми, также и борохожирской форпостной начальник, ноен же, исполня повеление своих командиров, при полуденном становье разстався со мною ласково, возвратились в свои места; а я уже путь свой принял один со всею командою.

☿ [Августа] 24-го. С половина ночи в 6 часов имел поход долом восемь, потом подымались на гору чрез ключики семь верст и между гор при ключике имел становье. Пополудни в 3-м часу вторично шел еще на гору – две горою, т. е. разломом, и со оной – на дол к реке Куксу – четыре, подле тое реку внис косогорами чрез крутые лога и трудными теснымі местами по подутесью чрез крупной осыпной з гор камень –

10 верст; и при речке Куксу, при небольшой луке на корму ночевали. Сего дни походу было 31 верста.

♃ [Августа] 25-го. Поутру в 6 часов с полуночи имел поход внис по реке Куксу косогорами и трудными тесными чрез осыпной з гор крупный камень местами восемь верст, потом по невозможному подле реки Куксу проходу поворотили в левую руку по ключику крутым буераком и на гору подымались с великим трудом чрез пригорки и лога – четыре; после того шли между северу и западу под гору три версты. Тутo при ключике между гор для роздыху имел становье. Пополудни в 2 часа вторично следовал, подымаясь на гору, и по оной также и на подгор – 13, потом лугом – четыре версты до броду чрез реку Куксу, где оную по быстроте и великим камням с трудностию переправиться мог и при оной ночевал. Сего дня походу было 32 версты.

Оного ж числа в полуденное становье часовым, коей был на видной сопке, усмотрено едущих з западную сторону долом неведомо каких на верховых лошадях людей с ружьями шесть человек, для проведания которых как из лагирю моего команда послана была, то увидя оную, они поскакали в горы. И так за приутомлением при команде моей лошадей вдаль погони за ними и разведать об них, какие то люди, учинить было неможно; только уповательно, либо пленные, бежавшие от киргисцов к китайцам калмыки или китайские подданные, езжущие за промыслами.

♀ [Августа] 26-го. Пополуночи в 6-м часу с ночлегу имел поход долом три, на гору подымались и оною также и с нее спущались – пять, да долом же – две версты. И при ключике, текущем с востоку в реку Куксу, для роздыху лошадей имел становье. Пополудни в 2 часа вторично следовал долом до реки *Караталу* 17 верст и, переправясь оную, ночевал. Сего дня походу было 27 верст.

♄ [Августа] 27-го. Пополуночи в 6 часов от реки Караталу прежним своим трактом имел поход ровным долом, лежащим к горам, 16 верст и при ключике имел же роздых. С половина дни в 2 часа вторично шел вперед, поднявшись на гору

оную и со оной спустясь, а потом долом – 21 версту до ключа, называемого *Агишки*; и при оном остановясь, ночевал. Нынешнего дня походу было 37 верст.

☉ [Августа] 28-го. Поутру с полуночи в 7-м часу возымел поход прямо чрез гору, потом – ровною и чистою степью до речки *Жигды* 14 верст. Тут при кормах остановился и, выкормя лошадей, вторично имел поход по склонению между востоку и северу и, отошед ровною степью 18 верст, при крутом логу без воды принуждено было ночевать. Сего дня походу было 32 версты.

☽ [Августа] 29-го. С полуночи в 6 часов имел поход ровною степью и солонешными местами до речки *Биен* 14 верст. Тут имел становье, а с половина дни в 2 часа вторично следовал ровною степью и чрез небольшие пещаные сопки 19 верст до реки Аксу, а по-китайски – Цаган-Усун, при которой для ночлегу остановился. Сего дни походу было 33 версты.

♂ [Августа] 30-го. С ночлегу в 6 часов с полуночи имел поход ровною степью и чрез пещаные горы 14 верст, и по трудности тракту принужден был по неимению воды для роздыху лошадей остановитца в пещаных сопках; и по отдыхновении лошадей еще шел вперед, и чрез 20 верст дошел до речки *Лепши*, при которой на кормах и ночевал. Нынешнего числа походу было 34 версты.

☿ [Августа] 31-го. Переночевав на сей речке Лепши, поутру с половина ночи в 6 часов перешел оную речку вброд и следовал долом между северу и западу до гор – три, между высоких гор падью – три ж версты и, знав по прежним киргисским объявлениям, а что теми местами пресных вод поблиску нет, что при сем ключе кормил лошадей; а выкормя оных, подымался на гору, и оною, также и степью без воды шел 29 верст. И нашед колодцы, выкопанные от киргисцов, бывших в калмыцком походе, при оных хотя и не при довольном корму, однако, принужден был ночевать. Сего дня походу было 35 верст.

♃ Сентября 1-го. От колодцев, переночевав при их, поутру с полуночи в 6 часов также безводною и бескормною сте-

пью чрез небольшие увалы шел 19 верст и, нашед небольшой в пади ключ, при оном для роздыху лошадей при недовольном корму остановился. И по роздыхе паки пополудни часу в 4-м поход продолжал чрез увалы и горы шесть верст; и при ключах у корму остановясь, ночевал. Сего числа было походу 25 верст.

♀ [Сентября] 2-го. Пополуночи в 6 часов следовал чистою и голою степью 10, потом чрез пещаные сопки – 13, от оных еще четыре версты и при обыкновенном корму на речке, впадающей в Аягуш, – Хабарги-Каратал – для выкормления лошадей остановился, и по роздыхе оных с половина дни в 3 часа вторичной имел поход. И, отошед верст семь, на речке Аягуше при урочище, по-киргисски – *Юс-Агач*, а по-нашему – *Сто лесин* – при кормах ночевать остановился. Сего дня походу было 38 верст.

При самом том урочище ис кочующих тут киргисцов юсунской волости алжанского отоку ведомства старшин Монко-батыря киргизец Барак-батырь, свидевся со мною, принял ласково и, усмотря, что некоторые в команде моей лошади от дальнего и трудного пути пришли во изнурение и усталь, без всякой моей прозьбы, но единственно из усердия своего к нашей Российской империи самоохотно дав на помощь притомленным моим лошадям для одного съезду своих четырех лошадей, и не пожалев по престарелым своим летам, коих имеет 63 года, труда и неближней отлучки от своих обиталищ или кибиток, похотел сам он с одним товарищем киргизом же проводить меня до самых наших российских границ; чем я, видя от него такое к нашей стороне доброжелательство и ко мне дружескую приязнь и благосклонность, много почитался довольным, обнадеживая ево, ежели так, как он уверяет, со мною поедет до границ наших, то от наших главных командиров без благодарности и удовольствия за сие одолжение не останется. Да и я за сию добродетель и ево труды подарить буду должен.

♄ [Сентября] 3-го. По переночеванию тут при урочище Юс-Агач тот доброжелательной к России престарелой киргизец Барак-батырь с товарищем своим пополуночи в 7 часов в лагирь мой из своих кибиток, кои стояли по-блиску меня, ко мне с прежним своим намерением приехали. С которыми я путь

свой вверх по речке Аягушу принял и, отошед восемь верст, при корму для роздыху остановился; а с полдень в 2 часа вторично следовал, оставляя речку Аягуш в левой руке, прямо степью и увалом и чрез 18 верст паки вышел на Аягуш-речку и тут ночевал. Сего дни походу было 26 верст.

☉ [Сентября] 4-го. С полуночи в 6 часов перешед Аягуш и вверх по оному, оставляя тое речку Аягуш и древнее созидание, называемое по-киргизски *Кузу-Курпеш*, в правой руке, шел прямо на брод луговыми местами и степью 15 верст, и при самом броду Аягушском для роздыху остановился. После половина дни в 2 часа вторично имел поход и, отошед вверх по Аягушу 16 верст, на прислучившемся корму ночевал. Сего дни походу было 31 верста.

☽ [Сентября] 5-го. Пополуночи в 7-м часу имел поход прямейшими трактами вверх же по речке Аягушу и, отошед по неимению за вытравлением киргисским скотом кормов 21, при обыкновенном корму для роздыху лошадей имел становье. После половина дни в 3 часа еще имел поход и, прошед 10 верст, ночевал. Сего числа перейдено 31 верста.

♂ [Сентября] 6-го. Пополуночи в 6 часов имел поход ровными местами и чрез 17 верст для роздыху лошадей при той же речке Аягушу остановился. После полудни в 2 часа вторичной поход ровными местами и чрез небольшие горы был и, отошед 21 версту, за вытравлением степи бес корму принужден был ночевать. Сего дня было походу 38 верст.

☿ [Сентября] 7-го. В 7-м часу пополуночи имел поход чрез долы и лугами 10 верст и, найдя лошадям корм, остановился; и, выкормя оных, с половина дни в 2 часа вторично поход продолжил чрез луг и увал – три, потом от Аягушу-речки, отворотя в левую руку по речке, впадающей во оную Аягуш с северу – *Куп*, следовал долом и увалом 10 верст и для ночлегу остановился. Сего числа перейдено 23 версты.

♀ [Сентября] 8-го. Пополуночи в 6 часов по речке Куп поход имел и, отошед чрез увал и долом 14 верст, при ключиках для роздыху и выкормления лошадей остановился. По выкорм-

лении лошадей с половина дни в 2 часа вторичной имел поход, оставляя вершины речки Куп в правой руке и между западу и северу чрез горы и долами 20 верст и при небольшой речке, текущей с востоку на запад, неизвестной названием мне, для ночлегу остановился. Сего числа походу было 34 версты.

♀ [Сентября] 9-го. С 7-го часу пополуночи поход имел и шел между гор по той неизвестной речке, при коей ночевал, – четыре, потом – чрез горы и долами – 13 верст и при самых вершинах речки *Купкан*, она ж и – *Бугунь-Чугулак,* для роздыху лошадей имел становье. И выкормя тут лошадей, по оной речке склонением между северу и востоку ровным и чистым долом шел же 19 верст и при оной же речке ночевал. Сего дня походу было 36 верст.

♄ [Сентября] 10-го. С ночлегу внис по той же речке Купкан имел поход и шел тем же чистым долом до горы – 11, подымался на гору падью, и чрез оную спустясь долом же до речки *Кызылкаин*, коя впадает в Купкан, также – пять верст, где для роздыху остановился под камнем *Кутунчоко*; и, выкормя лошадей, с половина дни в 2 часа вторичной имел поход по той речке и чрез большие горы падями и разломами 18 верст и между гор при ключиках на хороших кормах к ночлегу остановился. Сего дня походу было 34 версты.

☉ [Сентября] 11-го. В 6 часов имел поход по ключу вверх щелью на гору одну, перешед гору чрез маленькие пригорки чистым долом – 11, потом чрез камень *Буланай,* он же – *Улуны*, горами и крутыми буераками – восемь верст, вышел на речку *Чар-Гурбан* и повышея Щок Гурбанских для роздыху имел становье. А пополудни в 2 часа вторичной имел поход и, отошед внис по Гурбану верст восемь, от оного поворотясь на север, следовал передним своим трактом на речку *Харасу* и, отошед 14 верст, при оной для ночлегу остановился. Сего дня походу было 42 версты.

☽ [Сентября] 12-го. С ночлегу в 6 часов с полуночи имел поход по речке Карасу и чрез горы на речку *Кызылку*. Перешед ее, еще поднявшись на гору увалами, шел до вершин речки *Лебяжьей* всего 23 версты, и при тех вершинах для выкормления лошадей стоял. И, выкормя оных, пополудни в 3 часа вторично шел чрез увалы и долами внис по той речке Лебяжьей 16 верст и на оной против камню *Монастырей* ночевал. Сего дня походу было 39 верст.

♂ [Сентября] 13-го. Пополуночи в 7 часу возымел поход и шел по склонению на восток долами и небольшими увалами до самого нашего редута, имевшего за рекою *Иртышем* против самой крепости *Усть-Каменогорской.* От оного переправясь со всею командою чрез реку Иртыш на пароме, в крепость Усть-Каменогорскую прибыл благополучно. Сего числа походу было 25 верст.

Будучи я в сей заграничной партии какими местами и чрез какие ж урочища, реки и речки тракт свой продолжал, примерная всему тому обрисовка мною ведена была; также и особливое об урочищах, реках и угодьях описание, по тому ж и обстоятельствах заграничных народов примечании, сколько было можно, мною зделаны; что все при сем на рассмотрение главной команде покорно представляется.

Подлинной подписал казацкой атаман Григорей Волошанин.

Обер-аудитор *Михайла Федоров*

АВПРИ. Ф. 119. Оп. 2. 1771–1772 гг. Кн. 34. Л. 592–611. Заверенная копия.

Журнал, производимой в бытность для разных разведываниев в заграничной секретной партии посыланного казацкого атамана Волошанина с командою объявлениям, случившим по тракту от разных кочующих и проезжающих киргисских старшин и киргисцов, яко же по бытности на границе китайской и китайским показаниям по числам с назначиванием литеров. 1771 г.

Июля 9-го. Литера *А.* При речке Чар-Гурбане вызванные ис кибиток киргисских в лагирь мой киргисские старшины владения Аблай-салтана кирейской волости ведомства старшины Хожибердея-батыря Аралбай-батырь и Итзыбек-батырь по сторонним разговорам чрез толмача служилого татарина Енака Дозбакеева объявили.

Торгоуты, т. е. наши всероссийские мятежники волские калмыки, будто б то они, киргисские старшины, по улусам своим друг от друга слышали, еще весною от киргисского многочисленного войска при озере Балкаше были войною побеждаемы, а напоследок и в осаде. Так-де те калмыки, видя себя ко обороне против киргисцов по изнурению своему вне состояния, их наместник ханства Убуши и ноен Ширин с протчими начальниками просили киргисского владельца Аблай-салтана с выдачею или со обнадеживанием к выдаче им, киргисцам, про что они заподлинно не знают, от себя 30 кольчуг, 30 ружей, 30 верблюдов, 30 ж человек калмык во услужение и протчих подарков о принятии их, калмык, в их киргисское подданство со обнадеживанием верностию у них в подданстве находиться, только б от окружения их войска были разрешены. И как-де на

то Аблай-салтан с протчими салтанами и старшинами, польстясь на те подарки, их в подданство свое принять согласился, и друг з другом дружески обходитца стали, и довольным числом лошадьми и скотом за промен от калмык киргисцам товаров, их, калмык, снабдили. И несколько они, калмыки, от бывшего изнурения и несостояния поправившись, то-де вдруг в ночное время, тайно приуготовився вооружейно, по оплошности киргисской зделать еще им убивством немалого числа людей шкоду, со всем кошом бежали вперед принадлежащим им путем к реке Ильле. За коими-де хотя их киргисское войско и гналося, однако, по усильности калмык уже в удержании и к победе их никакой удачи получить не могли, кромее того, как пеших калмык немалое число в полон они побрали; и с тем возвратились они, киргисцы, по своим улусам.

А те калмыки, дошед до гор Уч-Алматы, по крепости места тут еще для своего утверждения и поправления от прежнего изнурения остановились, почему-де ныне и еще назад тому с месяц времени из их Киргисской орды ис кочующих около тех и прилежащих ко оным мест улусов другое войско, в тысяче или более собравшись в надобных местах, под предводительством их киргисских старшин Харабарака-батыря и Саньясбатыря к реке Ильле на разбитие тех волских калмык ушло. Но только-де, где то их киргисское войско находитца, также и калмыки при тех ли горах Уч-Алмоту стоят или где в других местах, и не приняты ли в китайское подданство, про то они не знают; да и есть ли в выводе с китайских границ на разбитие часто упоминающих калмык в коликом числе где китайское войско, про то они, киргисцы, не слыхали.

Июля 14-го. Литера *В.* Вызванной ис киргисских улусов в лагирь мой ведомства Абулфеис-салтана каракерей-найманской волости старшины ж Девлетбай-батыря старшина ж Буко-батырь в шести человеках чрез толмача, знающего говорить по-калмыцки драгуна Старицына и по-киргисски служилого татарина Еняка Тозбакеева, на калмыцком и киргисском диалектах объявили.

С улусами своими они, киргисцы, по разным местам перекочевывают и на речку Купкан прибыли на сих днях от урочища речки Хабарги-Базару, при которой они каждогодно по зимам

по довольности кормов обиталище имеют. И как в прилежащих по речке и в других около оной местах все кормы скотом своим вытравят, то паки на зимовье станом-де к речке Хабарги-Базару обратно кочевать и там зимовать будут, где-де им от китайской стороны в жительстве воспрепятствования не бывает, и к тому еще приохочиваютца. И за камнем Тарбагатаем на бывших зюнгорских распаханных землях под хлебопашество места даюца, на коих некоторые-де киргисцы и земледельство верблюдами и быками производят, а яровые хлебы, т. е. пшеница, ячмень и просо, в урожае бывают очень хороши. Мятежники волские калмыки со станом своим, во-первых, дошли до моря, по их называемого *Тенгис*, в которое впадает устьем река Ильля, где и намерены были пробратца по сю сторону того моря чрез небольшие озера, называемые *Куркулдак,* в кои впадает речка Аягуш; в зенгорские бывшие обителища.

Однако-де киргис-кайсацким войском к тому не допущены, а тракт свой приняли они по пути, лежащем им правою стороною того моря по реке Ильле, вне китайской границы. И дошед до камня Уч-Алматы, где есть речка Кашкелин-Курту, расстоянием от китайских караулов езды с полмесяца, и по крепости места остановились. И будто б торгоуцкой начальник (ис чего разумеетца наместник ханства Убуши), на зенгорского ноена Шерина вознегодовясь за то, что еще будучи на прежнем их жилище на Волге он, Шерин, к уходу оттоль в зенгорские места ево, Убуши, с подвластными уговаривал со обнадеживанием таковым, якобы по всей той Зенгорской землице места привольные и никем не заняты, яко же и в проходе им туда никакого и ни от кого препятствия быть не может и по зашествию в те места будут вольными и никому не подвластными. А нынеде в проходе от киргис-кайсаков им разные шкоды случились и от великого беспокойствия, также от бескормицы и безводицы обесконнели и от киргисского препятствия, а сверх того, что вся та Зюнгория китайскою стороною занята и ограничена ко обиталищу своему в те места пройтить, а хотя бы и прошении на спокойствия иметь не приобретают; и так почел тот наместник все ево, Шереновы, обнадеживания неосновательными и за обман.

Почему Шерин-ноен з бывшими зенгорскими уроженцами против волских калмык учинил междуусобную ссору и, напав на них, двух зайсангов, в немалом числе торгоутов побил, а у оставших при наместнике Убуше торгоутов лошадей и пажить отобрав, и с партизанами своими ушел далее по Ильле; а с каким намерением и куда, им, киргисцам, неизвестно. После-де того наместник Убуша в каких желаниях остался и где ныне находитца, не слыхали, только-де и от ево, Убушина, движения оставшие неимущие калмыки принуждены были по изнурению своему питатца рыбою, и из оных остающих от Убуши по тракту неимущих калмык мужеска и женска полу Аблай-салтаном и Абулфеис-салтаном с войсками в полон забрано немалое число. О чем-де что еще есть неимущие калмыки, уведомясь в их киргисских улусах, и из их улусов назад тому дней с 13 киргисцов немалое число туда ж в поход ушло. Аблай-де салтан с Абелпеисом и Нурали-ханом в коликом числе войска за калмыками были, и где теперь находятца или какую победу над мятежниками калмыками производят, им, киргисцам, неизвестно.

Сия-де последняя из их киргисских улусов в походе на калмыков людям выеска последовала по необнадеживанию принятием калмык в китайское подданство по тому слыху, что хотя от Убуши и от ноена Шерина х китайцам послан был посол со объявлением тем, что он с Волги ис подданства российского ушел с намерением тем, чтоб быть у них, китайцов, в подданстве, но что киргисцы разбивают и к ним не пропущают; и так бы ево, Шерина, от киргисцов защитить. На что-де от китайской стороны тому присланному калмыцкому послу объявлено, что у их богдыханского величества с Россиею и киргисцами продолжается дружеское согласие и так не хотят они потерять дружбы их, калмык, в подданство принять не желают; с чем тот посол якоб и отпущен в их калмыцкой кош обратно. И так-де ныне ноен Шерин с подвластными своими и торгоуцкой наместник ханства Убуши с калмыками в каком намерении состоят и вместе ль по-прежнему где совокупились, им, киргисцам, неизвестно.

Когда-де китайцы тех мятежников калмык в подданство свое не примут, и войско свое к разбитию их (коего еще не выслано) отправят, и с киргизами совокупятца, то-де другого

убежища сыскать им, калмыкам, неможно, как те разве уйдут в землицу Таргаштень, или Буруцкую, они ж называютца и *дикие киргизы.* И началу-де калмыцкого войска всего было, о чем они, киргисцы, наслышкою друг от друга были уверены, тысяч до 90, при коем-де и главных начальников, т. е. ноенов, имелось до 20; а пленные-де киргисцами калмыки из войска отправлены в киргисские жилища в кипчатскую и найман-матайскую волости. Аблай же салтан по общем искоренении тех бежавших ис подданства российского калмык х китайцам послал посла с требованием помощи, только-де еще тот посол обратно не возвратился, и с чем прибудет, им неизвестно.

Июля 16-го. Литера ***С.*** Кочующие по вершинам речки Купкан, она ж и Бугунь-Чугуляк, улусами киргисцы каракерей-найманской же волости ведения старшины Саньяся, старшины же Девлетбай-батыря, о котором в вышеписанном под литером ***В*** объявлении упоминалось, сын Янтугул да брат того же старшины Айтан с сыном Ичиги да племянником Маргой Шетеневым чрез толмача служилого татарина Еняка Тозбакеева объявили.

О нахождении их в здешних местах и о перекочевке с Хабарги-Базару по разных местам показали против объявления старшины Буко-батыря во всем сходственно.

Мятежники волские калмыки назад тому блиско месяц находились по недопуске их киргисцами пробратца по сю сторону моря Тенгис чрез Куркулдак в зенгорские места по реке Ильле при камне Уч-Алматы в крепчайших гористых местах, и от оных калмык х китайцам послан был посол з жалобою на киргисцов, что те киргисцы им, калмыкам, в следовании чинили многие шкоды и разорении, почему б их от того защитить, понеже-де они ис места с Волги шли с намерением тем, чтоб быть у них, китайцов, в подданстве, в коем намерении и ныне находитца. А дать бы им для вечного их обиталища бывшую Зенгорскую землицу, лежащую от речки Хабарги-Базару до Ильли, также в Бухареи и Кашкарии. После-де которого калмыцкого посла и от киргисского Аблай-салтана посланниками ж ис киргисцов два человека – Кинжахара да Амарбай посланы были с испрашиванием помощи, чтоб киргисским и китайским войсками тех калмык, вовсе не допустя сгнездитца в прежние зенгорские места, искоренить, держась в своем посольстве

о искоренении тех калмык претензии той, что они, идучи из российского подданства, как им, киргисцам, так и ташкенцам, причинили великие разорении и смертные убивства, против-де чего уже и их, калмык, киргисцы шкодить начали.

И так-де на сии посольства с китайской стороны последовало следующее х калмыкам, кои заподлинно стояли при реке Ильле у камню Уч-Алматы в крепчайших гористых местах. С их калмыцким послом отправлено немалочисленное войско с тем ответом, что ежели б они, калмыки, в следовании своем киргисцам и ташкенцам разорения и убивства не чинили, то б до желаемых мест уповательно спокойно дойтить могли, а когда ж они начаток к разорению их, киргисцов, взяли, то противо того киргисцы в разбитии и в препятствовании ходу их и право имеют. И буде они, калмыки, в подданство их китайское действительно самоохотно пойдут, то ими, китайцами, приняты будут. Ежели ж они, калмыки, не согласятца, то и поступлено будет с ними яко с сущими неприятелями войною; и что-де теперь между китайским войском и калмыками происходит, им, киргисцам, неизвестно.

Киргисские ж-де послы у китайцов задержаны, а по каким обстоятельствам, им, киргисцам, неизвестно; но только насупротив того и от них, китайцов, назад тому дней з десять з границы их с крепости Кулчагайнатской человеках в 50 посол, а какого чину, кто именно и зачем, того они, киргисцы, не знают, к Аблай-салтану послан. Которой-де и прошел оттоль з границы чрез вершины реки Аягуш, а войска китайского во обществе с киргисцами на победу калмык в посылке ни сколько не было, только по границам их для походу на тех калмык наряд китайцам был, к чему они и приуготовлялись, а ис своих мест х крепости Кулчагайнацкой збирались. Сии ж киргисцы проговаривали: хотя-де ныне калмыки по их желанию х китайцам в подданство и примутца, только едваль-де они в желаемых местах и спокойстве останутца, а по прежним неоднократным к их китайской стороне от их, калмык, вредным и смертноубивственным претензиям, что китайская сторона никогда забытию не предает, все в том калмыцком кошу обретающие при ноене Шерыне бывшие зенгорцы искоренятца, а с торгоутами природными в российском подданстве что учинено и как поступле-

но будет, они, киргисцы, знать не могут. А Аблай-де салтан с войском где ныне находитца, им неизвестно, а в протчем объявили сходственно с вышеписанным уведомлением.

Сверх того из оных киргисцов один – Марко-батырь уверяет, что-де и их главной каракирей-найманской волости Саньясбатырь, будучи ж против калмык в первом походе с разных улусов в тысячи человеках киргисцов, идучи за оными калмыками безконных, худоконных и неимущих калмыцких женок и их детей немалое число в полон забрал и по всем разделил. Ис которых-де и ему, старшине Саниясу, четыре женки досталось и в улусы привезено, и те доставшие старшине Саниясу женки торгутки ль, зенгорки или другого какого роду, про то он не знает. А только-де слышал от других своих проезжающих киргисцов, что Аблай-салтаном и Абельпеис-салтаном в добычу ис числа пленных и из наших верноподданных разных народов немало досталось и по разным волостям разослано; а мужеск-де пол наших захваченных подданных те мятежники-калмыки всех при реке Ильле будто б прибили и жолсти их и всю внутренность бросали по разным речкам, тем, по коим киргисцы за ними с войском следовали; отчего-де киргисцам и был великой вред и немало померло.

Июля 21-го. Литера *Д*. Перенятые командою моею ехавшие ис камню по степи 21 человек киргисцов на спрос, коей из них постарее, именем *Усинбай*, и протчие чрез толмача служилого татрина Еняка Тозбакеева объявили.

Ведомства они Абулфеис-салтана каракирей-найманской волости едут с торгу от китайцов з границы их ис крепости Кулчегайнацкой одиннадцатой день, где-де будучи, торговались с китайцами на баранов и рогатого скота иркецким товаром: дабами, хамами и протчим тому подобным; а серебра-де ныне в отпуск в промен от китайцов не выходит, а почему, им неизвестно.

В бытность-де их в Кулчегайнацкой крепости слышали они от китайцов, что торгоуцкой наместник ханства Убуши и калмыцкой ноен Шерен с подвластными своими вооруженными людьми, а в коликом числе, не знает, станом ныне находятца при реке на Чарын-Челике, коя течет с востоку по степи далее Ильли, езды от Ильли – два, а от Кулчегайнаку – три

дни; кош-де их з женами и детьми по бесконству оставлен з закрытием войска ж их при камне Уч-Алматы в крепких и непобедимых гористых местах, езды от войска дни два или более. Приближение-де тех торгоут х Кулчегайнаку было с прозьбою от китайцов той, чтоб их принять в их протекцию, почему-де от китайцов и было им объявлено, что они в подданство их примутца и по их китайскому намерению в надобных местах на жительство распределятца, чего б для и прибыть им к Гулчегайнаку.

На что-де ноен Шерин и отозвался от тогдашнего прибытия своею болезнию, а отказал в том до наступления осеннего времени. А наместник-де Убаши отбыл ли в Кулжегайнак, им, киргисцам, неизвестно. И так-де китайцы по сумнительству Шеринова отзыву прежде приготовленное свое войско тысяч до десяти з границы Ильинской при Гулчегайнаке совокупили и назад тому дней с 14 при их киргисской бытности за Ильле переправлять оное начали, а сверх того з другой границы, лежащей от Кулчегайнаку чрез Тарбагатай к Иртышу-реке, также войско свое приготовляют и по собрании всего того войска какие действии оным над калмыками они, китайцы, производить будут, им, киргисцам, неизвестно. Только по китайским произносящим между собою слухам уверяют, ежель сии калмыки действительно в подданство их охотно пойдут, то ими беспрепятственно примутца, и сами главные ноены отправятца в Пекин к его богдыханскому величеству, а подвластные их расселятца далее внутри их прежней границы по Ильинским вершинам от Ирен-Хабырги и за Баркулом по разным местам небольшими отоками обще с китайцами ж. Буде ж-де они, калмыки, в подданство их не пойдут, то намерены они, китайцы, обще с помощью киргисского войска их, калмык, вовсе искоренить; с таковым-де уведомлением и к Аблай-салтану присланные ево послы от них, китайцов, обратно ныне отправлены и велено ожидать ему, Аблаю, о искоренении сих калмык обще с ними, китайцами, будущего уведомления. Они ж, киргисцы, по бытности у китайцов слышали в тайне и от зенгорских калмык, в китайском подданстве находящих, ежель при случае у китайцов с мятежниками-калмыками войны Шериновая сила китайскую преодолять будет, то и они, китайские калмыки, со сто-

роны ноена Шерина китайцов побеждать будут. По отбытию сих киргисцов с торгу от Гулчегайнаку за рекою Ильлею вдали видна была превеликая поднятая на воздух пыль, о которой-де провожавшие их, киргисцов, по их китайской границе конвойные им объявляли, что та пыль состоит при стану калмыцком.

Июля 22-го. Литера ***E.*** Постречающие с командою, также ехавшие с торгу от китайской крепости Укурлук ведения Абелпеис-салтана юсунской волости в 7 человеках киргисцов один, постарее – Янгус объявил о калмыках, убегших ис подданства российского, по слухам от китайцов все то же сходственно со объявлением киргисца Усинбая.

Июля 23-го. Литера ***F.*** Ехавшие ис камню с торгу ж от китайцов ис крепости Кулчегайнацкой ведомства Наурус-батыря чапрашской волости киргисцы в 11 человеках, постарея – Баян да Хозо, о мятежниках калмыках объявили во всем против вышеписанных показаниев сходственно.

Июля 24-го. Литера ***G.*** При речке Аягуше в киргисских улусах приехавшей для женитьбы ведения Аблая Харабаш-салтана, коей кочевкою находитца блис Ташкении, юсунской волости старшины Кулчан-батыря киргизец Алимбай объявил.

От своего-де кочевья с реки Нура приехал он на речку Аягуш для женитьбы назад тому три дни, а ехал от своих кибиток всего 12 дней. Назад-де тому с месяц времени он был в войске Аблай-салтана и Абылпеис-салтана в походе против волских калмык, ис коих-де их киргисским войском женска полу и малолетных тысяч до десяти в полон получено, а мужеск-де пол попадавших им в плен больших всех убивали до смерти. Сиеде сражение у киргисцов с калмыками было в следование их к морю Тенгис, а, по-нашему, к озеру *Балкаш*, и за оным – в следование их, калмык, к горам Уч-Алматы при сопке Ханбаур. А ноен-де Шерин по несогласию с торгоутами, оставя их при самых сопках Уч-Алматы, ушел с своими партизанами далея по реке Чу, которая выпадает на западе из одних хребтов с рекой Ильлей и уходит по подземелью. Между которыми реками – Ильлей и Чу – имеютца горы Сарабил и Уч-Алматы; реки Ильля – по сю, а Чу – по ту сторону сих гор протекает. Езды же до Шерина-ноена от китайцов будет три, а от Шерина до Убуши с торгоутами – четыре дни. Из завоеванных-де войском Аблаевским пленных калмыков и малолетных и в ево Алимбаевом улусе имеетца человек с 15, да и у ево человека – 4; а протчие развезены по разным Аблаевским и Абелпеисовским улусам. Нурали ж-де хану, потому что он с войском поздно и позади их пришел, плену досталось мало, и он-де ушел с войском своим обратно; да и Аблай вернулся же в свои улусы, только киргисцами уговорен к возврату паки на калмык, почему и остановился при реке Нура и ожидает от китайцов уведомления. И ежель от китайцов дозволение о искоренении тех калмык по непошествию иногда их в китайское подданство будет, то с собранным войском тысячах в 50 и он тогда на них пойдет и искоренять их будет.

А ис первого походу Аблай-салтан возвратился будет уже с месяц времени по случаю тому, что калмыки, зашед, прикрылись в крепких местах и отзывались, якобы они с Волги шли по приглашению китайскому в их китайское подданство. А последе разбития их, киргисского, тех калмык в разных местах еще осталось и было всех тысяч до 60, почему-де на победу их и еще сверх Аблайского войска их же киргисского войска с Кычик-Аблаем, з Булат и Хаип ханами и со старшиною Баимом собралось тысяч до 30, но только где они ныне стоят и учинят ли калмыкам какие шкоды, о том им, киргисцам, еще неизвестно.

Июля 25-го. Литера ***I.*** В бытность при речке Аягуше лагирем от кочующих поблиску чапрашской волости киргисских кибиток з другими киргисцами пришедшая в лагирь российская пленная киргисцами женщина объявила.

Прежде сего была она в замужестве новоучрежденного драгунского полку за драгуном Никитой Самариным, зовут же Ириной Ильиной, от роду 57 лет, дочь крестьянина Ильи Ренева, и рождением ис Коркиной слободы. И назад тому уже лет 30 из деревни Безруковой с протчими женщинами в числе 30 или более человек киргисцами полонена и была в замужестве за киргисцом Енасбаем, которой назад тому лет уже пять умре; и после ево осталась у нее прижитая с ним дочь Дамя, коя уже в замужество отдана. И так она, ныне оставшись одна, живет чапрашской волости ведомства старшины Деулета-батыря у братьев ево Уфа и Куланбая в призрении. Сии-де два киргисца, у

коих она находитца, в свойстве кирейской волости кочующему всегда около Иртышу старшине Умир-батырю, ибо-де дочь того батыря Умира родная Кансуер находится в той же чапрашской волости, где она, женщина, живет, в замужестве за киргисцом Коземасом, коей хозяевам ее – брат родной. И по рождению своему непременно она, Ирина Ильина дочь, желает выттить в Россию ко общему на прежнем своем жительстве житию с родственниками и братьями родными ж крестьянами Романом и Иваном Реневыми; только-де по отдаленности киргисского той волости кочевания от Иртышу, или от границ российских, никакого к тому способа найтить не может. Да и еще-де в той же чапрашской волости у киргисца Ахындербеша имеется подобная ж ей полоненная с нею же вместе в деревне Безруковой драгунская же того же новоучрежденного полку Петра Щетинина жена, а как зовут, не запомнила, ибо-де уже болея году она с ней по дальности друг от друга кочевания не видалась, и где оная ныне находитца, заподлинно не знает.

Июля 26-го. Литера ***К.*** При речке Аягуше стоящие улусами юсунской и аргынской волостей киргиской старшина Монко-батырь и киргизец Янкары чрез толмача в разговорах объявили.

Слышали-де они от проехавших вчерашнего числа ис походу калмыцкого из войска киргисского от Харабарака-батыря увак-керейской волости ведения старшины Кутой-батыря киргисцов двух человек Улана с товарищем, кои проехали в свои улусы с шестью человеками пленными калмынками и калмычатами, что-де изменников торгоутских калмык по сю сторону реки Ильди при самом камне Алтын-Имеле кибиток до 100 ими, киргисцами, найдено; и неимущие, яко то отощалые от бескормицы мужеск и женск пол, также и малолетные в полон ими взяты. А которые мужественные калмыки с ними, киргисцами, в бой вступали, тех они, киргисцы, по преимуществу их числа людей прибили, а осталось-де таковых, убегом от них спасших, очень мало, однако ж-де и за теми убегшими Барак-батырь еще с войском своим пошел далея. Главной-де калмыцкой при наместнике Убуше и других ноенах кош, уверяли оные, якобы ныне находитца иные в горах Уч-Алмату, а другие – ближее сюда по разным речкам, однако же по ту сторону реки

Ильди; и от всех претерпевших изнурениях по управлении себя намерены они иттить в подданство китайское, а до коликого числа их, калмык, еще в наличности при стану их имеетца, им неизвестно.

Июля 26-го. Литера ***L.*** При речке Аягуше пострегавшие командою ехавшие ис походу от старшины Карабарака-батыря увак-кирейской волости ведения старшины Кутень-батыря киргисцы два человека – Яныш и Адак – чрез толмача объявили.

Назад-де тому з 12 дней они, киргисцы, всего в 7 человеках с одним больным от сопки Баян-Жунгур от войска их от старшины Барака-батыря отправлены в свои улусы на речку Кызылку, а старшина-де их Барак-батырь з другим старшиною же Саньяс-батырем всего войска тысячах в трех при отправлении их, киргисцов, обратно пошли вперед и намерены, переправясь реку Ильлю, тою зарешною стороною иттить вверх на искоренение торгоутов до самых гор Уч-Алмату, ибо-де, по известиям чрез попадавших им на тракте неимущих калмык, известно, что наместник ханства со своими подвластными торгоутами находитца за рекою Ильлей ближея камня Уч-Алмату, при речках, от коего в Ыльлю-реку выпадает Тургун, Чаптар, Кашкелен, Курту, Ишик и Талгар. А ноен-де Шерин с своими партизанами, т. е. бывшими зенгорскими калмыками, стоит далея Убаши в самых горах Уч-Алмату и пропитание имеют: первые, Убушинские, – по речкам рыбою, а последние, Шеринские, – дикими зверями и, не хотя возвратиться в Россию, по-прежнему желание имеют иттить х китайцам и у них в подданстве остатца; только-де примутца ль оные китайцами в протекцию их, о том киргисцам неизвестно. А всего-де еще с ними, Убушею и Шерином, торгоут и калмык будет примером тысяч до 60 или болея, да и их-де, киргисцов, еще сверх того трехтысячного войска в зборе за Кингисом их имеется при старшинах Кичик-Аблае и других тысяч до десяти, да и Аблайде салтан с войсками при реке Нура в готовности же и ожидает от китайцов о разбитии тех калмыков дозволения и их, китайской, помощи.

А как-де старшина Барак-батырь с войском своим к побеждению тех калмык следовал еще Аягушем, то пострегался с ним ехавшей от китайской границы во 100 человеках послан-

ной к Аблай-салтану китайской посол и разбивать калмык запрещение Бараку не зделал, почему-де Барак далее вперед на победу их и идет. Однако ж-де тот китайской посол о том киргисском войске, что оное на разбитие калмык еще следует, и те калмыки уже приближились к горам Уч-Алмату и к их границам подаются, с известием того ж числа отправил от себя трех человек обратно в их город Кулжегайнак, а до того-де времени о точном или верном сих изменников калмык пребывании, где они находились, китайцам было неизвестно. И потому-де тот китайской посол с киргисцами говорил, когда те калмыки уже в Россие жить не умели и в следовании киргисцов разоряли, то хотя бы и к ним в подданство пришли, только уже верными быть не могут и прочности от них их Китайскому государству ожидать неможно. И так бы лутчея их, калмык, не попуская вдаль гнездиться, как возможно, им, киргисцам, искоренять, а спереди может и они, китайцы, их далея не пропустить и в ходу препятствовать будут; и кто же именем тот китайской посланной к Аблай-салтану посол и какого чину был, они, киргисцы, неизвестны.

Со следованием-де Харабарака с войском при реке Ильле из остающих неимущих калмык немалое число по тракту в разных местах ими в добычу получено, и от тех полученных в плен калмык довольно они, киргисцы, слышали, что Шериновские партизаны, как они лошадьми и скотом воровством своим протчих исправнея, на торгоутов, находящихся позади их с наместником Убуше, многие чинят воровские набеги, чрез что людей бьют, лошадей, верблюдов и скота отгоняют, имение отбирают, чем и пользуютца. А те оставшие позади время от времени чрез то в несостояние приходят и от голоду множество помирает.

Июля 28-го. Литера ***M***. Постречающие трактом против озер Куркулдяку уехавшие ис походу калмыцкого юсунской, каракирей-найманской и чапрашской волостей киргисцы Харашукур и Девлетбай чрез толмача объявили.

Едут-де они уже девятой день ис походу из войска от старшин Харабарака и Саньяса батырей из-за реки Ильли от речки Церин-Челика по своим улусам с пленом калмыцким, коего на всякого человека досталось по три человека да верблюдами.

А взяты оные калмыки ими в плен из остающих от кошей торгоутского наместника ханства Убуши и ноена Шерина позади по тракту их калмыцкому неимущие и бесконные. А всего-де тех пленных мужеска и женска полу ими, киргисцами, войском Харабарака и Саньяса батырей по тракту получено тысяч до трех или более. Только-де до самого калмыцкого кошу они, киргисцы, дойтить не могли, ибо-де оные как торгоутской наместник ханства Убуши, так и зенгорской ноен Шерин со всеми их ноенами людьми назад тому уже дней с 14 китайцами приняты в подданство, и будто Убуши, Шерин и все знатные их ноены китайцами взяты и увезены в Кульжегайнатскую крепость, а Шерин-ноен и оттоль отправлен в Пекин к его богдыханскому величеству. А кош-де их калмыцкой весь остановлен за рекою Ильлей при речке Усен-Салмыне, до коего от Кульчегайнаку езды дни два, и высланными от китайцов тремястами человеки военных людей прикрыты. От которых-де состоящих в закрытии оных калмык китайцов и к ним, киргисцам, с войска нарочные приезжали с тем объявлением, чтоб они, киргисцы, з захваченным ими калмыцким пленом возвратились обратно и далея вперед не ходили, потому что все калмыки уже в их китайское подданство приняты и ожидаетца о разселении их по местам от его богдыханского величества повеления.

Июля 31-го. Литера ***N***. Копии с посланных г-ну порутчику Дрееру рапортов.

С первого:

По данной мне от его превосходительства г-на генерал-майора Сергея Кириловича Станиславского секретнейшей инструкции следуя я с командою от реки Иртыша по написанному в маршруте тракту до самой речки Лебши, от кочующих кибитками и постречающих с командою моею следующих с торгу ис китайских крепостей и ис походу калмыцкого разных волостей от киргисских старшин и киргисцов хотя о мятежниках калмыках, где они теперь находитца и что с ними в минувшее время происходило, я и известен, но только по случаю тому, что те киргисцы объявили все разное, а не единственно, утвердитца никоим образом мне невозможно. Да и его превосходительство в данном повелении предписать изволил, что на одних киргисских баснях об тех калмыках утвердиться нельзя, почему и по-

велено мне с наряженною со мною командою доследовать до последнего китайского караула и о том достовернейше там получить уведомление.

А по объявлениям же упоминающих киргисцов значитца, что до последнего китайского караулу, лежащего при горах Алтын-Имели, или Алтын-Тепши, от сегодняшнего моего становья, т. е. От речки Лебши, езды еще в одну сторону будет не менее восьми дней, а ваше благородие вчерашнего числа по свиданию изволили объявлять, что в команде вашей, наряженной за мною, в резерве государевых драгунских лошадей от дальнего походу уже шесть от изнурения пало, да и оставшие почти все пришли во изнурение и к походу ненадежны. Мне же по инструкции его превосходительства в заключение оной написано, в протчем буде бы в той инструкции мне чего и не предписано, а мною усмотритца за сходное и полезное высочайшему интересу, в таком случае исполнение б учинить, наблюдая во всей возможности скорейшего и точного в порученном мне деле з желаемым успехом исполнения.

А за происшествием в команде вашей государевых лошадей во изнурение, и что и у меня некоторые казацкие лошади также уже стали худы, со всею командою до желаемого места ежель следовать, то и в полмесяца вперед дойтить невозможно, пачея всего дабы и всех лошадей, яко высочайшей интерес до упадку не довесть и за то под строгое взыскание не подвергнутца, то как и соблюдение высочайшего интересу, так и сообразуя данному повелению, чтоб непременно сия врученная мне для всероссийского государства надобнейшая комиссия в самой точности исполнена и х концу приведена была в непродолжительном времени, принял я намерение неинаковое, как выбрав ис команды своей что ни самолутчих и надежных еще к походу казацких лошадей и на оных отсель еще вперед и неотменно до последнего китайского караулу, лежащего на горах Алтын-Имели, налехке с некоторым числом казаков же оставить в команде вашего благородия. И так, прошу сих казаков, сколько их будет, по приложенному у сего именному списку в команду тою принять и со всею вашею командою и казаками по случаю тому, что за изнурением лошадей государевых далее оной итти неможно, при сей реке по достаточеству кормов для поправления всех лошадей на несколько время в крепком и безопасном месте остатца и моего возвратного прибытия ожидать.

Буде же иногда по приезде моем на китайской караул какое от их начальников мне задержание и во отправлении обратно по случаю может к их команде переписок препятствие будет, то по прошествии 14 или 16 дней, в каковое время мне сюда, ежели беспрепятственно возвратитца можно и более не ожидавши меня, обратно к нашему собранному на реке Чар-Гурбане войску или к границам нашим, куда ближея и способнея будет вашему благородию следовать, и по прибытии об оном по команде отрапортовать. На место же имевшей в команде моей под мунгальским толмачом полку Вологоцкого драгуном Старицыным государевой драгунской полку Вологоцкого лошади – мерина рыжего, коя вчерашнего числа захромала, по ненадежности ее к походу, соблаговолите ис команды вашей что ни само лутчую и к походу надежную другую драгунскую лошадь ему, Старицыну, дать, а рыжую взять.

Августа 1-го. Со второго:

Вчерашнего числа посланным к вашему благородию рапортом требовал я, чтоб за присталью в команде вашей государевых лошадей, дабы их от дальнего походу в упадок не довесть, для поправления оных вашему благородию остатца здесь при речке Лебши и ожидать обратного моего с китайского караула прибытия до 16 дней. Оное я прописывал во уповании таковом, буде как на тот простой, так и на обратной до наших войск проход на команду вашу провианта стать может; буде же на толикое время при команде вашей провианта не будет, то обратной ваш поход по чину запасу состоит в рассмотрении вашего благородия, и когда с нынешнего лагирь иногда на другое какое место переходить или возвратиться к границам нашим изволите, то для знания моего на затесанных деревьях с написанием, которого числа отправитесь и с каким благополучием, оставлять ярлычки, что и по тракту чинить изволите.

А по вчерашнему требованию под толмача драгуна Старицына на перемену имевшей под ним государевой драгунской захромавшей лошади другую ис команды вашей самую лутчую и к дальнему походу надежную государеву лошадь ко мне прислать; а рыжея, имевшая под ним, Старицыным, при сем к вам

за хромотою ея посылаетца и без перемены той лошади мне в походе бес того толмача обольститца никак невозможно.

Августа 3-го. Литера ***О***. Ехавшей ис походу калмыцкого киргисской старшина волости чапрашской Баба-батырь объявил.

Едет он со своими киргисцами ис походу калмыцкого и везет с собой полоненных торгоутов мужеска и женска полу больших и малых человек до 60, которых получил при реке Ильле из оставших на тракте торгоутского кошу. А Барак-батырь и протчие старшины, бывшие в том же калмыцком походе со своими подвластными киргисцами, также с полученным калмыцким пленом и протчею добычею, возвратясь разными дорогами, в свои улусы уже проехали. А торгоуцкой наместник ханства Убуша со своими ноенами и оставшими от разбития их, киргисского и буруцкого людьми, приняты в китайское подданство, почему же чрез высланных от китайцов на защищение тех калмык в трехстах человеках китайцов им, киргисцам, объявлено, чтоб болея они, киргисцы, поиску над калмыками и разбития им не чинили; чего послушав, они, киргисцы, и возвратились в свои улусы.

Августа 8-го. Литера ***R.*** Наехавшие при речке Ильле мятежнического стану торгоуты в числе мужеска и женска полу 13 человек чрез толмача драгуна Старицына показали.

Во многом от киргисцов и бурутов на все их торгоутское войско нападений, кольми паче от великого упадку при озере Балкаше их лошадей и скота, пришли они в несостояние, и так-де хотя себя от погибели спасти, с отобравшими конными калмыками наместник ханства Убуши с протчими ноенами принял намерение быть в китайском подданстве. От Балкашу ушел вверх по Ильля-реке и теперь, где находится, неизвестно. А их-де, калмык, сот до пяти кибиток по неимению лошадей и от претерпения великой нужды осталось уже при Ильля-реке по разным местам пеших и неимущих, на коих-де назад тому дней 15 киргисской старшина Барак-батырь, с войском своим чиня над ними, калмыками, поиски, напав, разбил и множество женска полу и малолеток в полон побрал. А они от захвату в плен спаслись бегством и ныне по переходе чрез Ильлю-реку

збирают подле оной утопших верблюдов и лошадей, чем и пропитание им есть, а прибежища себе нигде найтить не могут.

Августа 11-го. Литера ***S***. Мятежнической калмыцкой партии ведомства наместника ханства Убуши догнатые мною с командою на дороге идущие вверх по Ильле-реке в 35 человеках зайсанг Сага Торжеев чрез толмача драгуна Старицына объявил.

Сего-де году в генваре в первых числах по выходе его, зайсанга, с протчими калмыками из всероссийской ея императорского величества армии от Бендер ис походу по повелению наместника ханства все волские калмыки под претекстом тем, чтоб иттить войною на киргис-кайсак к реке Нарым, всего в тысячах в 60 с самим наместником ханства Убушею и знатными ноенами торгоутскими: Цебиком, Бамбуром, Мамутом, Ашухулом, Кирепом, Ойдуном, Тайжином, Берхашком, Амегень-Убышем, Еренбелом, Дунгою, Церин-Делеком; зенгорскими – Шереном, Ухунхаем, Лозонжап, Хайту-Шерином, Шара-Кукуном собраны были и, побыв на сей реке дней 15, ноены Шерин, Бамбур и Цебик, уговоря наместника ханства к злому против Российского государства намерению, якоб по случаю тому, что от стороны Российского государства были им подтверждении о стоянии кошами при одних местах по запрещению в перекочевке по их воле, не желая быть в таком почти несвоевольстве, а желая находитца по своим произволам в рассуждении их с китайскою стороною одного идолопоклоннического закону, и что бывшая Зенгорская земля будто б всем изобильна и пространная, вознамерились иттить в зенгорские места.

И чрез краткое время, забрав своих жен, детей и кибитки со всем скотом и иждивением из российского подданства, пошли чрез Волгу, потом и Яик степною стороною, и шли подле рек Зайзер, Харакуль, Сагак-Олкил-Хоин, Харамаян, Хара-Могулзур, Кейгер-Гин, Шара, Жиран-Зурган, Торгай-Сучин, Хоир-Олкеик-Тургуин, Тосюн, Борек-Ичигир до озера Балкаша во всю зиму и весною спокойно. А как к озеру Балкашу приближились, то-де многие киргисские владельцы и Нурали-хан, Сахыр и Чибик с войсками своими начали их беспокоить и многие делали в походе помешательства и шкоды, почему-де со обоих сторон и были неоднократные у них сражении. Одна-

ко без большого урону калмык киргисцы возвращались, а они, калмыки, по приходе к Балкашу по изнурению от похода лошадей и скота, по горькости воды и что кормов на песках не имелось, почти от упадку всех лошадей и скота своего лишились, и народу их множество от того изнурения и з голоду померло.

И так-де по сему несносному для их упадку, паки разных орд киргис-кайсаки и буруты многие ж чинили на них нападении и довольно их по безсилию побивали, в полон брали; почему-де от их безпокойств при окончании Балкашу наместник ханства со знатными ноенами, кои еще часть имели лошадей, тысячах в 30 ушел вперед к спасению своей жизни в крепкие гористые места, называемые *Уч-Алмату*, а они, безконные и бедные, с ноеном Танжи остались по безсилию в тех местах также тысячах в 20. И по минованию несколько еще времени из их оставшего безсильного кошу ноен Танжи, попрашась лошадьми и отобрав хороших людей, назад тому месяца з два за наместником ханства вперед ушел, а их в тех местах уже самых неимущих кибиток до 500 з женами и детьми осталось.

И по уходу ноена Танжи при том же и других местах и еще киргис-кайсаки, нападая, разбили и в полон брали, от коего разбития они, зайсанг с калмыками, укрываясь по разным местам, жизнь свою спасли, и за Ильлю на сю сторону перешли, и путь свой имеют вперед вверх по Ильле за наместником, а питаются всякою стервою и упалыми лошадьми и скотом.

Когда же они со своими калмыками совокупятся и в несостоянии поправятца, то разными партиями намерены попрежнему выходить во всероссийское ея императорского величества подданство.

Августа 11-го. Литера ***T.*** Объявившей ис партии мятежнической в числе 35 человек крещеный калмык Михайло Петров на российском диалекте объявил.

От роду ему 26 лет, был прежде торгоуцкой калмык, называли Доржи, и назад тому лет 15 по самоохотному его желанию по сиротству ево российским священником окрещен и пропитание имел продажею в базаре калачей, луку и протчего. А сего-де году в генваре месяце нечаянно по возмущению всех торгоутов к убегу из российского подданства в зенгорские бывшие места он, будучи в базаре, теми торгоутами захвачен, и неволею в кошу тех калмык с протчими российскими невольниками, в крепитества связанной, а потому уже как от прежних мест отделились и простой однако ж в присмотре везен был ноена Цебика в стану. А как по приходе их к озеру Балкашу от разных киргисских нападениев кош калмыцкой пришел в расстройку, и от упадку лошадей и скота пропитания иметь им было нечем, то тот ноен Цебик с наместником ханства и з другими ноенами и их подвластными к спасению своей жизни ушли в крепкие места; а он, Михайло Петров, остался с протчими неимущими калмыками, и от многого киргисского нападения спасся, и идет по ненадежде спасения с ево товарищами вслед за их калмыцким станом; а ныне по наезде российской команды желает быть по-прежнему в подданстве ея императорского величества и остатца в российском законе. А подобных ему крещеных калмыков, яко же российских людей теми калмыками с началу в захвате с ними было немало и в следование довольно взад разбежалось. В числе коих и один, якоб российской капитан, о имени коего не знает, обратно бежал, а оставшие при кошу калмыцком ныне живые и где находятца, ему неизвестно. А они, неимущие, оставшие на тракте калмыки, по несостоянию своему дорогою питались всякою стервою и упалыми лошадьми и скотом, а другие друг друга убивали и тем пропитание имели.

Августа 12-го. Литера ***U.*** И по доезде на китайскую границу, где их производитца хлебопашество, тутошней китайской зангин Башко и протчие объявили.

Торгоуты, или волские калмыки, назад тому уже с месяц времени по приходе на их границу в главном их городе Баянде жанжунь-анбоном по их желанию в подданство его богдыханова величества совсем уже приняты, коим же и обыкновенная по именам опись назад тому как дни два кончена и разделением по разным местам в вершины реки Ильли и на Шарабель с выдачею провианту отправлены, а другие отправляютца. Наместник-де ханства Убуши с ево знатными ноенами в подобающем почтении свободными, а зюнгорского роду ноен Шерин по ево прежним х китайской стороне вредным претензиям будто в нарочно зделанной глухой телеге без выпуску из оной на воздух под крепким караулом отосланы в Пекин к их богдыханскому величеству; а тех торгоутов числом болея 30 тысяч

уже в принятии оказалось. Для-де снабдения которых и велено на жительствующих около тех мест китайских разного [звания] роду подданных народов, т. е. поселян, подать наложить с приумножением прежнего, т. е. солонов, кои в земледельстве обращаютца, разного ярового хлеба, яко то пшеницы, ячменю, просы прибавить по осьми мешков на каждого человека; а всего-де тут и около тех мест в прилежащих местах их, солонов, в поселении имеетца тысяч до осьми душ. А на калмыков, прежде бывших зенгорцов, кои у них, китайцов, от прежнего возмущения в подданстве остались и находятца кочевкою по разным местам около реки Ильли и внутри оной з 12 тысяч кибиток, положено собрать с каждого человека по одному барану, с трех человек – по лошади и з двух – по одному быку, что-де уже и збираетца; чрез что-де зделалась у них в народе побором великая тягость. Приход тем торгоутам к их границе был большою частию по зарешной стороне реки Ильли, а по здешней стороне хотя и приходили, да не во множественном числе, ис коих-де по дошествию их от бескормицы со изнурения довольное число тех калмык ныне помирает.

На подлинном подписано тако: казацкой атаман Григорей Волошанин.

Обер-аудитор *Михайла Федоров*

АВПРИ. Ф. 119. Оп. 2. 1771–1772 гг. Кн. 34. Л. 578–589. Заверенная копия.

Записка от живущего в уезде Тобольской губернии отставного генерал-лейтенанта Богданова, который, будучи майором, в 1784 г. по именному повелению посылан по китайским линиям

От Усть-Каменогорской крепости ближайшим трактом к хребту высочайших Тарбагатайских гор, мимо Облакетских палат, где зимовал русский посол Байков, посыланный в Китай, коего замка и поднесь строение осталось памятником, пошел к городу Кульчагаинину по лежащей линии, переезжая высоты гор на лошадях верхом, на кои с телегами подыматься трудно, но с небольшим поправлением исправить можно (но пропущенный слух, якобы, кроме верблюдов, через сии высоты гор нет проезда, есть несправедлив). Видно, что бывали и тележные проезды, но запущены, а как китайцы от соседей утаивать любят близость своего жительства, то и стараются делать дороги непроходимыми. По коей линии и возвратился ниже озера Нор-Зайсана на реку Нарым и открыл об удобности места на Нарыме и Бухтарме реках для построения крепостей, где до сего считали непроходимым местом.

В том году великое было внутри Китайского владения военное приготовление и во многих местах корпусы расположены, и отправляемы были к стороне города Турпана против афганского владельца, который многократно разбивал их войска и навел на них страх.

Был я на форпостах у их начальников, кои обнесены ровиком в аршин глубины и в некоторых местах выставлены глиняные черные пушки, во всяком форпосте два начальника – ман-

журский и китайский, и не более 60 человек караула, ружья, зажигаемые фитилями, стрелы и копья.

Запрещено кочующим мунгалам под лишением жизни приближаться к линии, кои верст за 200 и не подходят, но с караулов квитанции к ним ездят и привозят чай, китайки, пшено и меняют на скот киргисцам, а последние и на наши линии привозят.

Под хребтом и на хребте гор леса нет никакого, подножного корма довольно, во многих местах, не обитаемых никем, находимы десятины по три и по пяти, в косогорах, как будто нарочно насеянного репчатого сладкого лука, от полутора до двух вершков в диаметре и в 10 вершков высоты. Воды из гор чрезвычайно здоровы, в речках есть и рыба.

Светлейший князь Потемкин, входя в подробности проезда и о способах в доставлении потребностей, а как я и наперед сего бывал по степям киргизским и имел некоторые сведения, многократно вопрошал меня о сем крае и доволен будучи моими изъяснениями, определил комендантом в Бийскую крепость, граничащую с китайцами, препоруча в особенное заведование залинейных калмык, кои смежны с китайскими калмыками, дабы я через их удобнее узнавать мог о том крае и местах, о коих он предполагал знать вперед подробнее, и снискивать к себе их доверие, в чем я и успел (чему служит вероятием), что оные залинейные калмыки покойного императора Павла просили, чтоб я им был начальник, что и утверждено было.

Но кончина князя Потемкина прекратила начатые изыскания и приготовления (в Тобольск доставлено было немалое число ружей и сабель, на моей дистанции велено было мне построить 80 хомутов, кои и построены, и 40 телег для возки по горам тягостей – на первый случай), кои и хранятся и поныне в Чарыжском форпосте.

АРГО. Р. 55. Оп. 1. Д. 34. Л. 1–2. Копия.

Тракт следованию секунд-майора Богданова Тобольского наместничества от Усть-Каменогорской крепости Киргизскою степью чрез бывшее Зюнгорское владение до Тарбагатайских гор вперед и обратно, чрез какие места. Выступил 19 апреля, возвратился 20 майя 1784 г.

Апреля 20-го. SO 26°. Следовал с командою от менового двора, стоящего против крепости Усть-Каменогорской за рекою Иртышем, ровною степью до небольшого ключика восемь верст, который впадает устьем в реку Иртыш выше Пригонной, а ниже Облакетской сопок, течение имеет мелкое исподкаменных сопок; перешед оной, следовал отлогим долом до поверхности хребта три версты, разделяющего покоти реки Иртыша и речки Облакетки. 11 верст.

SW 50°10′. Со оного хребта между сопок по открытым долам и чрез лога, лежащих склонением к речке Облакетки с левой стороны, от линии до речки от трех и до четырех верст продолжаются, тою линиею до сопочки, лежащей подле ключика. 8 верст.

SO 35°. От оной сопочки по низменному долу, лежащему к реченному ключику, и чрез оной по переходе для ночлегу остановился. От сего пункта до речки Облакетки одна верста. 4 версты.

День был пасмурный, ветер дул SW. Всего переходу 23 версты.

 [Апреля] 21-го. SW 35°10′. С ночлегу чрез три низменные дола, увалы до поверхности увала ж, лежащего под ключом двувершинным. 17 верст 250 сажен.

SW 27°. Со оного увала крутым косогором к реченному ключу, около кочующих киргис-кайсацких юрт, по переходе оного для воскормления лошадей остановился. 3 версты 250 сажен.

SW 25°20′. По выкормлению лошадей, ровною степью верх подле речки Облакетки по левой стороне чрез небольшие два ключика остановился. Вправе прилегшие высокие сопки в расстоянии в одной версте. По линии расстояние 6 верст.

SO 21°10′. Подле оной же речки Облакетки отложистым от утесных сопок долом до изгиба реченной речки по лежащему азиатскому тракту. 2 версты.

SW 21°. Тем же трактом по низменному от показанных сопок долом ко оным двум румбам прилегли к речке со обеих сторон высокие утесные сопки, отошед тем румбом четыре версты, для ночлегу остановился близ киргизских юртов при речке Облакетке. 4 версты.

Сего дни переходу было 33 версты.

Погода продолжалась с утра до полудни ненастна и ветер дул от NW; с полудня и во всю ночь – ясная, ветер дул SO.

☽ [Апреля] 22-го. S 90°. От ночлега киргис-кайсацким трактом между высоких сопок низменными долами, косогорами, а чрез два ключика, впадающих в речку Облакетку с левой стороны, до речки, называемой *Сучьей*. 8 верст.

SW 25°10′. По переходе при устье речки Сучьей, где впала в речку Облакетку с левой стороны, оставляя Облакетку влево ж, следовал вверх подле часто реченной Сучьей-речки по правой стороне чрез прилегшие от высоких гор низменные дола и увалы до выпадшего от гор мыса. 8 верст.

SO 14°. Со оного мыса отлогим долом три версты, где по отыскании лошадям корму, при оной речке остановился ночевать. 3 версты.

Сего дня переходу было 19 верст.

Погода была ясная, ветер дул от S.

♂ [Апреля] 23-го. Тем же румбом вверх подле речки Сучьей чрез низменные выдавшиеся из гор дола и увалы по лежащему азиатскому тракту и переходили по линии два небольших ключика, ко оному тракту прилегли в близости высокие каменные сопки. 10 верст.

SO 4°10′. Чрез последнюю вершину реченной речки, потом продолжался низменным долом между сопок, стоящих над вершинами речек Облакетки, Былкылдак, перешед оную бродом на левую сторону. 5 верст.

SW 42°. Вниз подле реченной речки Былкылдак по левой стороне низменным от сопок долом и чрез небольшие лога до выдавшего от сопок к речке мыса, в конце сей линии в правую сторону впадает в речку ключ. 4 версты.

SW 40°10′. Со оного мыса таковым же долом и чрез две версты перешед ключ, впадающий в речку Былкылдак, потом продолжался такою ж ситуациею чрез версту, переходил отлогий мыс, потом паки ровным местом з нареченной речки для выкормления лошадей остановился. По линии расстояние 6 верст. По выкормлении лошадей тем же румбом по склонению к речке, от сопок увала к ровным местам до ключа топкого – 5, перешед оной при устье продолжается ровною степью до бывшей отноги речки Балычки-Адак – 2, перешед оную бродом в расстоянии от устья в 400 сажен. 7 верст.

W 90°. Чрез отлогие лога до выдавшего к реке мыса, от линии влево между гор в долах имеются небольшие ключи, которые устьями скрылись под землю, а в правую сторону впадает ключ ис сопки круглой, которые разделяются вершины и покоти речек Облакетки, Гурбан и Былкылдак. 5 верст.

SW 43°10′. Со мысу спускаться и на другой взниматься отлогими местами – 2, потом ровной степью до ключика, выпадшего ис-под каменного хребта в реченную речку – 6, по переходе той же степью – 3, до изгиба оной речки от линии высот прилегли высокие каменные сопки в расстоянии от одного до двух верст, а правее речки от Кылдак в одной версте с правую сторону впали между сопок два ключа, а против самой изгиби в расстоянии 1½ версты имеется озеро, называемое *Чуркоткуль*, к оному озеру из речки прилегших высокие сопки, по оной

линии корму лошадям и имеются. Расстояние линии 11 верст. При оной изгибе для ночлегу остановился, день был ясный, ветер дул SO. Сего числа переходу было 48 верст.

♀ [Апреля] 24-го. SO 5°20′. С ночлегу вниз подле реки Аганакты продолжается чрез оную, а мимо примыкающего мыса и устья большой ее отноги до увалу 5 верст. По тракту ровное солонцоватое место и чрез небольшой ключик, а с правую сторону впадает ключ же, а отноги реченной речки переходит от устья в 400 саженях бродом.

SW 15°. Чрез луга и отлогою степью, оставляя влево ж высокие каменистые сопки от 200 до 300 сажен, а речка от линии была в полуверсте, с правую сторону впадает небольшой ключик и продолжался той линией до выдавшегося от гор мыса. 4 версты 250 сажен.

SW 64°. С командою такою ж ситуациею и чрез небольшой ключ по отлогому склонению прилегших сопок, а с правую сторону речки впадает ключ ис-под каменных сопок и продолжался до вышедшего от гор наклонного мыса. 5 верст 250 сажен.

От сего пункта вверх по речке Былкылдак и подпадающих ключам лесу никакого не имеется.

SW 15°10′. Ровною кипцоватою степью чрез две версты перешед небольшой ключик, отошед от оного с версту, при вышепоказанной речке Былкылдак для выкормления лошадей остановился, от сего пункта по речке вниз до устья лес – тальник, изредка и березняк есть. 3 версты.

По выкормлении лошадей тою ж линией ситуациею до вышедшего от высоких гор мыса, примкнувшего к устью реченной речки Аганакты, где впала в речку Чар, от назначенного пункта до устья в расстоянии в одной версте ко оной речке Чар ниже устья Аганакты прилегли высокие утесные сопки и начинаются щеки, ниже оных впала в правую сторону речка Гурбан и по соединении называется *Чар-Гурбан*, которая устьем впадает в речку Иртыш, ниже Талицкого форпоста. 5 верст.

SO 12°. С поверхности показанного мыса способным к тележной езде трактом к речке Чар и вверх по оной по правой стороне, а слева подле невысоких сопок кипцоватыми местами

с большой отноги речки Чар, и перешед оную вброд, по коей отноги и по речке лес – тальник, изредка березняк есть мелкий. 7 верст.

SO 8°. По переходе отноги Чара, прилегшими к речке, и подле коих гор ровными кипцоватыми местами до выдавшего от гор ровного мыса, на котором блис речки имеется кладбище киргизское, против оных могил впал с левую сторону ис-под каменных сопок ключ. 2 версты.

SO 55°. Тем мысом и спустясь со оного низменным долом, потом ровным кипцоватым местом до крутой оной речки изгибе, оставляя оную от линии вправе от 100 и до 400 сажен, а влеве – каменные сопки от одного до двух верст, и с обысканном для лошадей корму и для ж ночлегу остановились. 3 версты.

Сего дня переходу было 35 верст. Погода продолжалась ясная, ветер дул SW.

♃ [Апреля] 25-го. SW 50°10′. С ночлегу следовали вверх подле речки Чар по правой стороне подле прилегших от каменных сопок увалов способным трактом. 5 верст.

SO 62°. Такою же ситуациею переходят три небольших ключа, и оную речку Чар перешед бродом на левую ее сторону, паки следовал азиатскою дорогою и перешед два ключика, а нижее оной переправы впали с левую ж сторону ис-под разломного хребта Калмы-Тологойского два ключа, и продолжаясь той линией до небольшой сопочки. 8 верст.

SO 60°. Показанной дорогой на поверхность низменного разломного между сопок хребта, разделяющего вершины и покатости речек Чар-Гурбана, Чегыдыка и Букюна две версты, со оного спустясь низменным долом, способным к тележной езде трактом, до ключика восемь верст, впадающего в речку Чегыдюк, при обыске там лошадям корму остановился. 5 верст.

От сего становья в расстоянии верстах шести стоит высокий камень на поверхности хребта, называемой *Урачкулехат Ак-Талагой*, с которого по открытой степи видны были китайские летние караулы: первый – при реке Иртыше на левой стороне, называемый *Костюбе*, и напротив оного на другой стороне маяк Колкинский, который содержит чрез реку Иртыш перевоз; второй при речке Бокюнь – Котон-Карагай, третий

при речке Бугу-Чегыдык – Юс-Агач. По выкормлении лошадей вниз по середине реченой речки Чегыдык чрез отлогие от сопок лога и увалы, по которым в весеннее время от снегов вода збегает, по впадающим ключам лес березовый и тальник имеется, и продолжался той линией до небольшого болотца между справа – высоких сопок, а с левой – открытой солонцеватой степи. 5 верст 250 сажен.

Итого от крепости Усть-Каменогорской до урочища Калмы-Тологойского хребта 176 верст. А чрез оной 8½. Всего 181 верста 250 сажен.

SW 27°. С показанного болотца, оставя речку Чегыдык влеве, подле сопок Калмы-Тологойских низменными долами и бескормными до отлогого увальчика на поверхность оного. 6 верст 200 сажен.

SW 2°10′. С оного увала отлогим долом до реки, впадающей ис-под каменного хребта в речку Купкан, перешед оную продолжался такою ж ситуациею до небольшой сопочки, при которой для ночлегу остановился. 2 версты.

Сего дня переходу 32 версты. День был ясный, ветер дул от SW.

♀ [Апреля] 26-го. SW 22°. Шел ровною степью чрез ключ до выдавшего от гор к речке Купкан мыса, в склонении оного подле упоминаемого мыса для выкормления лошадей остановился. 19 верст 250 сажен.

SO 43°. Во время роздыха имел переправу чрез показанную речку […][1], а лошадей плавежом переправлял, по переправе продолжался до небольшой речки. 1 верста 250 сажен.

S 90°. Шли […][2] подле сей речки с правой стороны по ровной солонцеватой степи поблизости ее. 5 верст.

SW 45°. Продолжался таковою же ситуациею до небольшой сопки, при оной для ночлегу остановился. 3 версты.

День был ясный, ветер дул от NW. Сего дня переходу 29 верст.

♄ [Апреля] 27-го. SW 15°. Следовал подле оной же речки по тракту, перешед ключ, который впал ис-под высокой каменной сопки с правой стороны, в другую сторону впал ключ ис-под хребта Калмы-Талагойского, и дошед до сопки могильной, по которой кладбище киргизское. 4 версты.

SW 48°. Следовал между оной сопки и упоминаемой речки до высокого мыса. 7 верст.

SW 10°. Оставя оную речку вправе, продолжался отлогим долом и чистою степью и безводною до небольшого увала. 10 верст.

S 90°. Со оного увала такою ж степью до вышедшего из гор небольшого ключика, при котором для выкормления лошадей остановился. 3 версты.

Оной ключ впал в озеро солонцеватое.

SO 17°. По вскормлении лошадей следовал отлогою от гор степью по тракту, переходил небольшой ключик, которой впал во оное ж озеро, которое от тракта было выше верстах восьми, и продолжался до высокого увала. 8 верст.

SW 51°. Следовал между отлогим сопок долом, перешед ключ, впадающий в часто упоминаемое озеро, при небольшом ключике, впадающий из гор ключ, для ночлега остановился. 2 версты 250 сажен.

Сего дня переходу 34 версты 250 сажен. День был ясный, ветер дул NW.

☉ [Апреля] 28-го. SW 10°. От ночлегу следовал между высоких гор долами и косогорами. 5 верст.

SO 17°. Шел таковыми ж увалами и склонением ко пригибам речки Купкан, и при небольшом в горе ключике для выкормления лошадей остановился. 17 верст.

S 90°. По роздыхе лошадей следовал упоминаемым же склонением до выпадшего мыса. 4 версты.

SW 26°. Продолжался отногам и долом до такова ж мыса. 5 верст.

SW. 45°. Со оного мыса ровною степью до небольшого ключика, где не собысканном корму для ночлегу остановился. 5 верст.

Сего дня переходу 36 верст. Погода была пасмурная, ветер дул переменной.

[1] Не разобрано слово.

[2] Не разобрано два слова.

☽ [Апреля] 29-го. SW 35°. От ночлегу следовал отлогим долом, склоняющим к вершинам речки Купкан, и, перейдя оную, продолжался до небольшого от гор мыса, при котором для вскормления лошадей остановился. 20 верст.

SW 8°. По выкормлении лошадей ровным долом до лежащих между гор копанных азиатским народом колодцев, при которых для ночлегу остановился. 15 верст.

Сего дня переходу 35 верст. День был ясный, ветер дул NW.

♁ [Апреля] 30-го. SO 10°. Следовал от ночлегу чрез небольшие сопки отлогими долами, и по тракту перешел небольшой ключик, который впал в речку Буган с левой стороны. 5 верст.

S 90°. Ровным долом до ключа, который впал в показанную речку Буган, от оного до высоких гор, чрез которые узкими ущельями и косогорами до речки Буган. 21 верста.

SO 25°. Перешед оную речку, продолжался ровною степью вниз оной по правой стороне 1½ версты, при которой для ночлегу остановился. 1 верста 250 сажен.

Сего дня переходу 27 верст 250 сажен. День был пасмурный, ветер дул SW.

☿ Майя 1-го. От оной речки, ис ночлегу оставя ее влеве, ровною степью тем же румбом по тракту перешед отногу оной речки, продолжался такою ж степью до выдавшего от высоких гор мыса. 19 верст.

SO 10°. Подле оного мыса, ис коего выпадает небольшой ключик и скрылся под землю, у оного для выкормления лошадей остановился. 3 версты.

По вскормлении лошадей ровною степью до небольшого от гор мыса 10, от оного чрез сопки и дола на поверхность увала, лежащего подле реки Базар. 16 верст.

SO 15°. Со оной поверхности чрез сопки и узкими ущельями до упоминаемой реки Базар, где для ночлегу остановился. 7 верст.

Сего дня переходу 45 верст. День был пасмурный, ветер дул SO.

♃ [Майя] 2-го. SO 24°. От ночлегу перешед оную речку на правую сторону, которая выпала ис-под урочища камня Тарбагатая и впадает в озеро Нор-Зайсан, по коей лес изредка тополевой, от оной чрез высокие сопки и лога трудным проездом до поверхности оных 3 версты 250 сажен.

SO 12°. С поверхности сопок спустясь к ключику, впадающему в оною речку с правой стороны, и вверх по оному между высоких сопок. 4 версты 250 сажен.

SO 24°. По оному ж ключу между высоких же сопок тесным проездом, при коем для выкормления лошадей остановился. 7 верст.

По выкормлении лошадей от оного ключа той же линией чрез высокие горы трудным проездом до чистого и ровного дола. 2 версты 250 сажен.

SO 10°. Оным долом до небольшой сопочки, стоящей блис ключа, который впадет в речку Хабарги с левой стороны. 4 версты 250 сажен.

S 90°. Вверх подле ключа такою ж степью мимо стоящих киргизских кибиток, и на обысканном для лошадей корму при оном ключе для ночлегу остановился. 6 верст.

Сего дня переходу 28 верст. День был ясный, ветер дул SW.

♀ [Майя] 3-го. SW 25°. До полудни походу не было для роздыху лошадей, по полудню ж подле оного ключа вверх и чрез оной до выдавшего к нему от гор мыса. 12 верст.

SW 15°. От оного мыса ровным долом пять верст, потом чрез высокие горы, прилегшие к речке Хабарги, узкими ущельями две версты и при соединении оной вершин для ночлегу остановился. 12 верст.

Сего дня переходу 24 версты. День был ясный, ветер дул SW.

♄ [Майя] 4-го. SW 73°. От ночлегу вверх подле оной речки и чрез ее отногу ровною степью мимо киргизских кибиток до урочища разломного хребта Тарбагатая, в склонении оного при вышине речки Базар для выкормления лошадей остановился. 29 верст.

SO 6°. Взниматься трудным проездом на поверхность того хребта и чрез оной узкими каменистыми ущельями до вершин речки Суасу, при которой за усталостью лошадей по трудному переезду для ночлегу остановился. 20 верст.

Сего дня переходу 49 верст. День был до полудни ясный, а к вечеру и во всю ночь с великой погодой дождь, ветер дул SW.

Итого от крепости Усть-Каменогорской 521 верста 250 сажен.

☉ [Майя] 5-го. От лагеря взошел пеш на высокую сопку, стоящую на Таргабатайском хребте, с которого смотрит по инструменту видные чрез чистую и ровную степь, прилегшею между Таргабатайских сопок, от оной сопки в расстоянии Атлакуль и Атлактугуль-озеро в 50, устье реки Имиля, которая впала от 30, во Алактугуль в 100, вышее оного караул китайской 29, от Читучака-Чагантуга в 150, при устье речки Арас и примкнувшем камне Алтын-Тепси, которая впала в озеро Алакуль. Караул Маинанту при реке Имиле хоша настояще за высоким увалом видеть было неможно, но точью при котором урочище стоит, по объявлению вожатого, видно было, кое в расстоянии в 70 верстах город Чигучак стоит при речке Уласты, оной же и Цыгуляк в расстоянии от первого караула в 60, от моего тракту в 130 верстах вышее оного. По той же речке, блис ее вершин и урочища хребта Таргабатая, караул Уласты в расстоянии в 40 верстах, оная речка впала ис-под реченного хребта в реку Имиль, со оной же поверхности снята ситуация, т. е. речки и озера, ис-под показанного ж хребта впали в озеро в Алакуль – Хатынь, Сувалаак, Тугуль, речка Урджар, а в нее, на которой я стоял, Суасу; чрез хребет Таргабатай расстояние 20 верст, проезд узким между гор ущельем верховою ездою с нуждою проходить можно и то крутыми въездами и спусками по реченной речке Суасу, по снятии видимой со оной поверхности ситуации, спустят к лагерю. Видя, что хоша и недальнее расстояние до ровной степи, но точью за великим снегом и за разлитием от снегов в речке воды пройтить не можно, принужден возвратиться, на обысканном в долу для лошадей корму при вершине речки Базар дневал. Переходу – 20 верст.

День был пасмурный, ветер дул NW.

☽ [Майя] 6-го. Следовал передним трактом 11 верст до прилегшей речки Хабарги сопки, где взяв оставленное у кочующих киргисцев свои телеги, переходил оной камень способной к тележной езде трактом, прошед верст с семь, при обысканном для лошадей корму при ключике, впадающем в речку Хабарги, остановился. Переходу – 18 верст.

По выкормлении лошадей следовал передним же трактом вниз того ключа отлогим долом, при обысканном корму лошадям остановился ночевать. 23 версты.

Сего дня переходу 41 верста.

♂ [Майя] 7-го. Следовал передним же трактом по прилегшей ситуации, в переднем журнале показано – прошед 18½, при ключике, впадающем в речку Базар, для выкормления лошадей остановился. 18 верст 250 сажен.

По выкормлении лошадей следовал тем же трактом до речки Базар, оставя переднею линиею влеве, спуск по речке вниз версту, перешед оную бродом, шел низкими долами и ровною степью, оставляя сопки влеве до выдавшего от гор мыса, прямою линиею на NW 25 градусов, где примкнув к линии SW 25 градусов, при оном же мысе ночлег имел. 25 верст.

Сего дня переходу было 43 версты 250 сажен.

☿ [Майя] 8-го. NO 16°. Оставя передний свой тракт влеве, прямо держась вправе китайских караулов, шел ровною степью бескормною и пещаною до высокого хребта, стоящего между речек Базар и Бугас. 9 верст.

NO 30°. Чрез оной хребет шел расстоянием четыре версты, взнимался на поверхность оного и спустился до чистой ровной степи узкими ущельями и отлогими местами, но точию сей проезд не без трудности к тележной езде быть может. По переходе оного шел ровною бескормною и пещаною степью до речки Багас 13 верст, при которой хоша для лошадей корму недостаточно, принуждены быть остановиться. По оной речке даже до вершин лесу, кроме мелкого тальника, другого звания не имеется. 31 верста.

По роздыхе лошадей, а за неимением хорошего корму, паки следовать той же линией чрез реченную речку перехо-

дил бродом, о которой в переднем журнале показано майя 1-го числа в румбе SO 25 градусов, отошед от оной речки вышепоказанной же степью при обыкновенном на степи между жимолостного кустарника лошадям корму, хоша воды и не имеется, принужден был ночевать для роздыху лошадей. 9 верст.

Сего дня переходу 49 верст и погода ясная, ветер дул от NW.

♃ [Майя] 9-го. От ночлегу ровною степью бескормною от тракту влеве были верстах 10, а вправе реченная степь с небольшими отлогими увалами даже простирается до озера Нор-Зайсан, и перешед верст 15, поехав на опасные киргизские колодцы, при которых лошадям корму в близости не отыскалось, паки шел вперед чрез выдавшие слева от гор низменные увалы верст шесть до высокой каменной сопки, ис которой вышед небольшой ключик и скрылся под землю. При коем для выкормления лошадей остановился. 21 верста.

NO 27°. По роздыхе лошадей подле склоняющей от высоких гор чрез дола и увалы, а вправе оставалась чистая степь и бескормная продолжалась до небольшой поверхности увала. 10 верст.

NO 32°. Шел ровным долом, склоняющем от высоких сопок к показанной степи до поверхности прилегшего увала. 13 верст.

NO 25°. Шел ровным между увалов долом до поверхности выдавшей на средине небольшой сопки, при которой в склонении на NO нашед небольшой ключик, остановился для ночлегу. 7 верст.

Сего дня переходу 51 верста. Погода продолжалась до полудни ясная, ветер дул SW, с полудни – пасмурная, на вечер – дождь, ветер дул NO.

♀ [Майя] 10-го. NO 50°. От ночлегу увидав чрез ровную степь урочище Юс-Агач при речке Чегыдык, при котором стоит летний китайский караул Зун-Мудон, он же Юс-Агач, до которого следовал показанной степью, оставя сопки влеве, прошед верст 19 переходил ключ, впадающий ис-под каменных сопок в речку Чегыдык нижее показанного караула, по перехо-

де шел таким же положением ситуации 14 верст до речки Чегыдык, при которой для выкормления лошадей остановился, а реченный караул был от лагеря нижее по речке в 1½ верстах. 29 верст.

NO 30°. По выкормлении лошадей перешед речку упоминаемой Чегыдык бродом, чрез лес кустарник и две ее протоки расстоянием с полверсты, ознамя на чистое и ровное место шел подле самую изгиб оной речки чрез болото и две протоки, текущие чрез оное ис той же речки, а вышеупоминаемой караул Юс-Агач был от тракту нашего вправе при самом изгибе в расстоянии в полуверсте, а влеве вверх залегло болото версты на три шириною, по низкости места и солонцов и отошед от оного версты две, а от кормовища – 4½, для ночлегу остановился, того ж времени от оного караула приезжали к нашему лагерю китайцев пять человек, которые спрашивали о следовании моем.

Сего дня переходу 33 версты 250 сажен. День был ясный, ветер дул от NW.

Реченная речка Чегыдык течение имеет посредственной быстроты по дресвяному грунту чрез ровную степь в Нор-Зайсан; место, где оной караул стоит, с обеих сторон прилегли к речке ровные неводопоемные увалы, по речке лес топольник, осинник и мелкий тальник, до соединения, где Кук-Букты со оной речкой сошлись, по Чегыдыку до вершин, т. е. до Калмы-Тологойского хребта, изредка имеются топольник и кустарник, а по Кук-Букте до вершин, т. е. до хребта, называемого *Кус-Мурун*, по которому лесу никакого не имеется, оной хребет разделяет покоти речек на SO – в Нор-Зайсан, Кук-Букты, а на SW – в Балкаш, Аягуш и прочие речки, кои впадают в те озера, и простирается оной хребет от Калмы-Тологоя до хребта Таргабатайского.

♄ [Майя] 11-го. От ночлегу также линией держась в близости вправе китайской границы ровным местом и переходил две небольшие лощины, по коим ныне по большой воде из вышепоказанного болота течет вода, паки во оную речку, и продолжался до небольшого увальчика, стоящего между речек Чегыдык и Бокюнь. 19 верст.

NO 35°. Со оной поверхности шел ровною ж степью до изгибу речки Бокюнь, не дошед до оной с версту, перешед бродом протоку ее, по которой в полноводие течение имеет, между оных прилегли водопоемные луговые, также и по левую сторону речки места, при показанной речке для выкормления лошадей остановился. 19 верст.

Во время кормления лошадей изыскивал, где б можно переправиться реченную речку бродом или плавежом, но точию поблизости сего лагеря способного к переправе места не отыскалось потому, что по оной речке вода от сшедших з гор снегов весьма великая и по низкости берегов имеет разлитие большее чрез лога и по именованным берегам лес и кустарник густой опаяж, грунтом не каменистая, но весьма иловата и топкая. По выкормлении лошадей принужден следовать вверх по речке по правой стороне по низменному луговому месту и чрез текущее из оной по логам воды и дошед верст с восемь, увидав сшедшие с обеих сторон к речке неводопоемные увалы, где речка течет не в разлитии, остановясь, сделав из сухого лесу сал для перевозу скарбу, а лошадей плавежом, переправился. По переправе за поздним временем имел ночлег.

Сего дня переходу 46 верст. День был ясный, ветер продолжался от NW.

Оная речка Бокюнь течение имеет ис каменного хребта, называемого *Балакайтау*, оную ж называют азиатцы *Калба*, которой отделился от Калмыя-Тологоя и продолжается до речки Иртыша, а за оным называется Нарым, коих и продолжается даже до Алтайского хребта и до Телецкого озера, разделяет потоки в нижний и в верхний Иртыш; и текущее речки Бокюнь прилегшая ситуация ко оной речке Бокюнь течет до соединения большей ее отноги по дресвяному грунту, а соединяется до устья по иловатому между ровной степью, блис вершин оной отноги имеются киргизские распаши, лес по оной речке тополевый, осиновый, черемошник и мелкий тальник, а к устью, где впал в реку Иртыш, имеется небольшой сосновый бор, по левой стороне и пещаные, а ниже ее с правую сторону в Иртыш впала река Курчум.

☉ [Майя] 12-го. NO 39°. От ночлегу ровною степью чрез небольшие водопоемные лога вниз реченной речки Боконю по левой стороне до выдавшего от упоминаемого хребта Буланая небольшого к речке увала, в склонении оного при небольшом ключике для выкормления лошадей остановился. 26 верст 250 сажен.

С поверхности оного увала чрез ровную степь описал китайский летний караул Котон-Карагай, стоит при оной речке на правой стороне на ровном положении места в расстоянии от лагеря в 10 верстах. Сего дня за ненастною погодою более походу не было.

☽ [Майя] 13-го. От ночлегу чрез оной увал, потом ровным долом, склоняющим ко оному караулу. Оставя оной и речку вправо ж, держась их линейной дороги, вправе лежащей к реке Иртышу до караула Костобе, где имеется китайский перевоз, продолжался тем же румбом 15 верст.

NO 60°. Шел низменным долом речки Испе, впадающей в озеро Балыккуль, верст 10 от оной, на поверхность невысокого увала версты две, который выдался от высокого хребта, всего 12 верст.

О 90°. С поверхности увала способным трактом низменным долом до небольшого ключика, которой впадает в речку Испе, при оном ключике для выкормления лошадей остановился. 9 верст.

По выкормлении лошадей тем же румбом переходил две протоки на расстоянии 7 верст, выпадшие из речки Хулулчин в речку ж Испе, даже до упоминаемой речки Хулулчин, коя впадет ис-под высокого хребта в озеро Балыккуль, перейдя оное бродом, от оной чистою ж степью до речки ж, впадающей в показанное озеро, при которой для ночлегу остановился. 16 верст.

Сего дня переходу 52 версты. День был ясный, ветер дул SO.

♂ [Майя] 14-го. NO 58°. Против оного лагеря в расстоянии верстах пяти в конце озера стоит китайский маяк, где с переменою находится китайцев ис караула Костобе человек по шесть, а позади оного маяка прилегли к озеру и к Буконю-речке

пещаные сопки, по которым лес сосновый. Описав положение ситуации от ночлегу, следовал отлогою от гор степью, держась вправе лежащей китайской по линии дороги и продолжался до увала, прилегшего к реке Иртышу с левой стороны. 14 верст.

NO 73°. Со оного увала чрез открытую степь, описав вверх по реке Иртышу урочища, в которой с правой стороны впала река Курчум, и нижее небольшая речка и прилег вблис высокий каменный хребет, называемой *Нарымский*, по снятии шел по увалу, держась реки Иртыша в близости левого берега до речки, впадающей в Иртыш с левую сторону, при которой для выкормления лошадей остановился. 17 верст.

По выкормлении лошадей чрез отлогую и чистую степь, не доходя до дороги, до их линии полуверсты, до китайского летнего караула Костобе, стоящего при реке Иртыше, где и перевоз чрез оной на батах содержат, а напротив ево на другой стороне маяк Колкинский, а люди находятся из оного караула с переменою человек по десяти, блис оного караула имел ночлег. 18 верст.

Сего дня переходу 49 верст. День был ясный, ветер дул NW.

Того числа прибыв в наш лагерь командующий в показанном карауле нойон Гун-Гулды с пятью человеками караульных и спрашивал о следовании моем.

♀ [Майя] 15-го. NO 45°. От оного караула Костобе линия лежит по правой стороне Иртыша до реки Нарыму и вверх по оному с расположенными караулы; с командою следовал по левой стороне реки Иртыша ровною степью до прилегшего к реке болота. 13 верст.

NO 30°. Подле оного болота до высокого увала, где для выкормления лошадей остановился. 9 верст.

По выкормлении лошадей той же ситуацией и линией чрез небольшой ключ и отлогие увалы до стоящей против устья реки Нарыму, которой впал в реку Иртыш с правой стороны, и со оного увала виден был по Нарыму при небольшой речке китайский караул. По линии расстояния 10 верст.

NW 15°. Со оного увалу вниз подле речки Иртыша чрез отлогие увалы до небольшого ключика, впадающего в реку Иртыш с левой стороны, при котором для ночлегу остановился. 8 верст.

Сего дня переходу было 40 верст. День был ясный, ветер дул NW.

4 [Майя] 16-го. От ночлегу ровною степью до реки Иртыша. 4 версты.

NW 60°. Подле реки Иртыша отлогим долом до выпадающей к реке сопки. 6 верст.

NW 39°. Подле реки ж Иртыша ровным долом чрез небольшой ключик до речки Погорелки, которая впала с левую сторону в Иртыш из-под каменных сопок, при которой для роздыху лошадей и за ненастною погодою принужден был ночевать. 15 верст.

Сего дня переходу 25 верст.

Вышее оной речки Погорелки с правую сторону впала речка Черемшанка, а против лагеря – ключ. К обратному следованию от речки Погорелки.

[Майя] 17-го. NW 55°. Взяв у находящихся для промыслу российских людей лодки, в которые положа со вьючных лошадей скарб, отправился на оных, а команду, поруча по себе старшему, отправил до крепости Усть-Каменогорской; по оной же стороне Иртыша и в следовании на лодках до реки Бухтармы описал прилегшую ситуацию, и чрез 49 верст с левую сторону в Иртыш впала речка Войлошна, ниже ее по горам лес сосновой, по реке ж Иртышу до Бухтармы лесу годного не имеется, от речки Войлошной до оной Бухтармы 32 версты, с устьем Бухтармы до крепости Усть-Каменогорской с небольшою командою лежащую российской дорогою чрез прежде назначенные редуты и 18-го числа во оную прибыл.

С Таргабатая до крепости Усть-Каменогорской 656 верст.

Всего переходу вперед и обратно 1178 верст.

Подлинное подписал секунд-майор Богданов.

С подлинным верно: коллежский асессор *Безносиков*

РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 24681. Л. 1–19. Заверенная копия.

Описание пути, по которому ходил переводчик коллежский регистратор Путинцев, состоящий при генерал-лейтенанте Глазенапе, по именному высочайшему его императорского величества повелению посланный тайно от крепости Бухтарминской до китайских городов Чугучака и Кульжи при караване с товаром коммерции советника и тарского 1-й гильдии купца Нерпина. 1811 г.

Как располагался путь из Бухтармы по местам, лежащим к Чугучаку

4-го числа июня 1811 г. чрез реку Иртыш переправились мы при устье речки Нарыма, граничащей с Китайским государством, а 5-го числа предприняли путешествие с караваном тарского 1-й гильдии купца и коммерции советника Нерпина, снаряженном по пути, ведущему к городам Чугучаку и Кульже, по левую сторону Калбинских гор, простирающихся к крепости Усть-Каменогорской чрез ключ, называемой Яманкара, от Иртыша в восьми верстах, а от оного в пяти верстах – сухую речку Иртыш, и от сей в трех верстах – сухую ж речку Кур-Кара, и в 14 верстах от последней достигли очень рано до речки, называемой *Кур-Карагай*, которая выпадает из гор, называемых *Войлочных*, имея течение одною весной, а в прочем во все лето воды не имеет. По ней лес сосновый, тополевый, таловый и редко попадался березовый, первые два рода годны к строению, и оного достаточно. Здесь мы и имели ночлег, расстоянием от Иртыша в 30 верстах.

6-го числа [июня] караван наш пошел прямо по тракту на речку Каинду, а я с приказчиком коммерции советника Нерпина тарским бухаретином Реимбакой Решевым заехали на китайский пикет, называемый *Баты*, а по-китайски – *Хоки-Маильхай*, от ночлега в пяти верстах, где, явясь к пикетному китайскому чиновнику, объявили, что мы идем с российских границ с товаром в свои аулы к Камбар-султану, выдав себя его подданными, а оттоль будто бы намереваемся идти в их города Чугучак и Кульжу; он доволен был нашим к нему приездом, благодарил нас за сделанную ему честь, приказал подать нам по чашке холодного чаю, потом, распростившись, достигли каравана, уже на месте при речке Кеткенде, где мы также ночевали. По речке леса тополевого, годного к строению, довольно, а в горах при вершине речки тож достаточно и соснового леса. Расстояние от речки Кур-Карагай до Каинды – 15 верст.

7-го числа [июня], переночевав при благополучной погоде, пустились вперед в 5 часов утра; прошед речку Лайлы, полудневали при речке Кулужин, от ночлега в 15 верстах; проходя по правую руку нашего пути озеро Балыккуль, от тракта в пяти верстах, при коем к реке Иртышу китайский караул, но мы, как никакой не имели надобности, не заезжали туда. По речке Кулужин леса, кроме мелкого тальника, никакого нет, грунт земли от самого Иртыша до реки Кулужин одинаковый, хотя в некоторых местах и песчаный, но твердый, при озере ж грунт земли солонцеватый, а вода в оном пресная, в кое впадают и из оного выпадают в Иртыш речки Лайлы и Кулужин. После полдень в 5 часов, проходя речку Игинсу, от Кулужина в четырех верстах (по коей киргизские караул-ябыковской волости пашни), и перешед на большую гору, достигли до одного ключа, протекающего с южной стороны горы, и от оного, проходя небольшие болота и еще речку – от ключа верстах в пяти протекающей с северной стороны, по коим также той же волости киргизцы производят хлебопашество, от последней отошли верст шесть. Застигла нас ночь, не пошли далее, ночевали при безводном месте, по всем вышеизъясненным речкам леса, кроме мелкого тальника, никакого нет. Всего перехода нашего было того дня 30 верст.

8 июня, от ночлега отошед верст 15, полудневали при речке Буконь, между ночлегом и речкой Буконь есть два небольшие болотца, из которых мы брали воду; не доезжая речки Буконь, в правой руке нашего пути видна была круглая гора, называемая Калмык-Тологой, которая сколько не казалась нам близка, но киргизцы удостоверяли нас, что до оной один день скорой верховой езды, 50 верст, а с левой стороны виден был сосновый бор, именуемый Котон-Карагай, в пяти верстах, где также протекает и речка того ж названия – при коей китайский караул, а по сю сторону оного верст на 15 по течению реки Иртыша до самого Балыккуля – камыш (болотистые места), называемый *копа*, по тракту, кроме мелкого кустарника, называемого *боз-караган* и таволожника, лесов никаких нет; по речке же Буконь леса тополевого, к строению годного, довольно, грунт земли к хлебопашеству годный. Речка Буконь выпадает из Калбинских гор и впадает в реку Иртыш выше урочища Котон-Карагай и из нее протекает небольшая ж речка, которая со временем иссыхает; здесь мы полудневали при китайском карауле, по правую руку по течению речки Буконь состоящем; переполудневав, к вечеру пустились вперед, переправясь чрез мост, приготовленный для батырь-амбаня, которого ежеминутно ожидали из Чугучака для осмотра границы. Караван наш прошел прямо, а мы с приказчиком Решевым заезжали на караул, явились также, как и на караул Хокимаильхай, но только с разницею той, что на сем карауле не классный чиновник, по случившейся смерти чиновника, поручено одному из нижних чинов, при нем караульных монголов 40 человек, и сей принял нас очень ласково, и так мы по взаимных приветствиях расстались, приняв наше следование к каравану, и, отошед верст 17, ночевали на степи при безводном месте. Всего прошли мы в тот день 32 версты.

9 [июня]. Переночевав, еще ехали тою же степью, отдаляясь в левую сторону к полудню гор Калбинских в 15 верстах, и также пять верст падью, лежащей к озеру Зайсану, достигли до речки Карасу, от ночлега в 10 верстах, состоящую из ключей, выпадающих из гор Калбинских, которая и теряется в пади близ озера Зайсан, перешед оную продолжали наше следование тою же падью 12 верст, поднялись на гору и оною еще шли три версты к речке Юзь-Агач, при коей и полудневали. По речке

лесов тополиных, годных к строению, выключая мелкий черемушник, тальник и прочего, достаточно. К вечеру перешед чрез речку Юзь-Агач, ехали до самой ночи высокой степью, грунт земли оной крепкий, глинистый, смешанный с дресвой. Здесь караван наш шел старым пограничным китайским трактом, не видав по всей степи никаких лесов, кроме мелкого таволжника, и то местами, и отошед от Юзь-Агача семь верст, ночевали также при безводном месте, имея оную с собою в запасе. Всего переезда 9-го числа 32 версты.

10 [июня]. В 4 часа утра пустились мы в путь тою же степью, и продолжали наше следование до 12 часов дня, отошед от ночлега верст пять, увидели каменную гору, называемую Урчук-Баш, она чудесно образуется натурою посреди степи от речки Богоз и нашего тракта в четырех верстах, при коей мы имели растах. Речка сия выпадает из гор Тарбагатайских и вливается в речку Чорга, леса по ней на тракте нет, а к устью и по речке Чорга хотя и есть, но только что один мелкий тальник. От сей речки приняли мы свое следование уже в 5 часов пополудни и шли до 12-го часу ночи до речки Базар, от полудневки 16 верст, протекающей возле Тарбагатайских гор, именуемых Туямуйнак и Илытау, к озеру Нор-Зайсан, здесь мы удалились в левую руку от гор Калбинских, где видны были в правой руке нашего пути горы, именуемые Уртеньтау и Саркуль-Лаба, от тракта в 30 верстах, озеро Зайсан оставалось в левой руке в 25 верстах. Лесов, кроме тальника, никаких нет. Грунт земли до гор Тарбагатайских от Юзь-Агача одинаковый, крепкий, смешанный с дресвой. Всего переезда было 10-го числа 31 верста.

11-го [июня]. От речки Базар до горы Туямуйнак от ночлега в 27 верстах и оною 11 верст достигли до речки Карбуга, где мы проходили ущелинами гор. И тот день даже никакой трудности от гор мы не видали, во время проезда по степи перешли мы китайскую дорогу, ведущую по границе к горе Манрак. Среди степи видны были 14 бугров или могил прежних обитателей сей земли, возле коих и дорога сия лежит. Не доходя еще до ночлега, когда только вышли мы на долину, лежащую между Туямуйнаком и Илытау, поднялась гроза с сильным громом при порывистом ветре, продолжался проливной дождь пополудни с 5-го часу до 7-го часу утра. Речка Карбуга выпадает с юго-за-

падной стороны Тарбагатайских гор, течение имеет к востоку и вливается в озеро Зайсан. Леса по ней, кроме самого мелкого тальника, никакого нет. Всего от ночлега до речки Карбуги 38 верст.

12 [июня]. Как уже не обходили, нужно нам было пересушить платье и товар, мы остановились и пробыли на месте пополудни до 2-го часа. Обовьючив лошадей, пустились в дальнейший путь, перешли речку Карбугу и, отошед от ночлега 20 верст, ночевали в горах, не входя еще на высоту оных, при безводном месте, и так что нигде нам не попадалось ни ключа ниже болота, лесов также никаких нет, здесь грунт земли сухой, песчаный и твердый. Перехода всего было с 2-го часа до 9-го 20 верст, и шли более между гор к западу.

13 [июня]. Сего дня, уже не обсушивая товары, как не было при ночлеге воды, следовали мы вперед и, дошед до урочища Чат, не доходя речки Нарин, или Карабуя, которая осталась у нас в левой руке в 10 верстах, остановились полудневать в 8-м часу при одной копани, в коей вода самая чистая и прозрачная, здесь мы обсушивали товары и потом, не заходя на речку Нарин, пустились прямо в байжигитовскую волость, кочующую при самой высоте гор по одному ключу, который, перебираясь по камышам, то неприметно пропадал, то показывался на поверхности земли. Дошед до вершины оного, поднявшись по отлогости одной горы, к вечеру достигли байжигитовской волости в аул киргизца Кунакая, при ключе кочующем, который знакомец приказчику Реимбаке, он принял нас хорошо и дал по обыкновению нам ужин. Всего перехода было 13-го числа 33 версты, а на завтрее 14-го [июня] перешли мы той же волости в аул бия Актюбетя, кочующего в вершинах речки Карбуги, от ночлега в 15 верстах. Здесь ключей довольно, грунт земли мягкий, у коего мы по необходимости принуждены были проживать несколько времени, дабы переменить нам лошадей, не надежных к дальнейшему пути.

15-го и 16-го числа [июня] мы пересушивали свои товары и в сии два дня на товары выменивали баранов, а между тем послали киргизца той волости к солтану Камбару известить его о нашем прибытии, который кочевал к горе Манраку под урочищем Талды-Айсу, от нас верстах в 50. Приказав посланному

объявить солтану, что мы не преминем быть у него и просить его лично от имени нашего генерала как есть наше намерение идти с товаром для торга в китайские пределы, о даче нам со стороны его нужной помощи, и так проживая до 18-го числа сего месяца в означенной волости, набрав некоторое количество баранов, пустились к солтану Камбару Шаниязову.

18-го числа [июня] поднялись мы на высоту Тарбагатайских гор, ночлег имели при одном небольшом ключе, отошед от аулов бия Ахтюбетя 28 верст. Подъем был на гору весьма крутой, так что и с вьючными лошадьми было труда довольно; по ущелинам и развалинам высоты гор лежали снега, которые, как уверяли меня киргизы, в тех местах никогда не стаивают.

19-го [июня]. Достигли к солтану Камбару в 12 часов утра, Камбар принял нас весьма ласково, я при первом с ним свидании засвидетельствовал от генерала почтение, потом объявил ему нашу надобность, просил о препровождении нас до первого китайского города Чугучака собственным лицом или послал с нами своего сына, который в том нимало мне не препятствовал и обещался дать нам для препровождения нашего каравана сына своего Худай-Менду. На завтрашний день послали мы ему в подарок на 100 руб. товара, повторив нашу просьбу, но солтан напоследок приехал ко мне, между разговором учтивым образом извинялся, что он не из нехотения, уверяя меня, но за случившеюся с сыном болезнью теперь просьбу генерала удовлетворить не может, поднаторев свое удостоверение, сказал мне, что он поручит нам чугучаковским кеб и батырь амбаням письма, которые и по письму не менее уважат ему просьбу, если бы и сын его был с нами лично. От ночлега 15 верст.

3-го числа июля, получив мы от Камбара письмо, отправились к Чугучаку, переходя горы, спустились с оных к ключу Талды-Ашу, спуск был хотя и отлогими местами, но только каменистый. По выходе из гор, перешед речку Теректы, от ночлега в 15 верстах, к вечеру достигли в дюртугульскую волость и ночевали в ауле той волости киргизского старшины Кулмурзы, кочующего при урочище Коштюбе, от Теректы в 10 верстах (урочище Коштюбе не так великие горы), по которым именуется и речка, с северной стороны к востоку подле Тарбагатайских гор протекающая, по ключу Талды-Ашу, который впадает

в речку Теректы. К строению годного леса нет, а мелкого довольно, по речкам Теректы и Коштюбе тополевого довольно ж, по ключам в двух местах китайцы жгут и доставляют оный в Чугучак, возка оного бывает в неделю по одному разу телегами на двух колесах на волах. Сего дня мы перешли 25 верст.

5-го числа [июля] мы вместе с аулом перешли на другое место в тех же горах, от ночлега по ключу от севера к полудню 15 верст, который впадает в речку Учкатты, а 7-го числа на речку Учкатты – 20 верст, выпадающую из гор Коштюбе, которая теряется в камышах, к караулу Выйтанзы лежащих.

11 [июля]. Кочевали по сей же речке 7 верст к караулу Выйтанзы вместе с тем аулом. Близ летнего караула Бакты, внутрь границы, оставались в двух верстах от оного при речке Ялгыз-Агач. Речка сия выпадает из гор Коштюбе и теряется в камышах же караула Выйтанзы подле гор, в правой руке нашего пути – Казылчак и Айрен, а в прямую линию пути – к горам Аркарлы. Здесь мы в туртугульской волости проживали до 15-го числа того месяца за неприбытием к каравану в назначенный мною срок приказчика Реимбаки, посланного от меня от 6-го числа мурунской волости к солатану Ючи на тот случай, что по не надежде получить желанного успеха в Чугучаке по письму Камбара, просить его о даче нам от Чугучака до Кульжи провожатого из сыновей его, или не согласится ли он сам сего сделать, решился я, дабы не упустить время, навьючить 12 лошадей товаров и взять несколько баранов, войти в Чугучак под именем иностранного ташкентца с письмом солтанским. И того числа явился на караул Выйтанзы, от кочевья помянутой волости в 10 верстах, о чем караульный чиновник наперед донес о прибытии моем в Чугучак, а назавтра отправились мы в препровождении его и шести человек конвойных рядовых к Чугучаку. Не доезжая до города две версты, встречены мы были двумя чиновниками с несколькими человеками рядовых, которые приняли нас, товар и скот счетом, работников моих и бывших со мною четырех человек торговых ташкентцев, с работниками ж, провели прямо в их канцелярию, а меня с письмом и двумя лошадьми, которых я объявил следующими от солтана чугучакским кеб и батырь амбаням в подарок. Выйтанзинского караула чиновник препроводил в домовую

кеб-амбаня канцелярию ж, где от меня приняли как письмо, так и лошадей, а самому приказано было явиться к товару, товар наш складен уже был на место, где также мне объявлено было явиться к чиновнику угалдай, который занимает должность по части торговли, а сей приказал представить мне на меновой двор, выстроенный вне города, пригнатых мною баранов, и как я был под именем караван-баш, то приказал дабы и ташкентцы, прибывшие со мною, были там же. Баранов и рогатого скота в день тот от нас приняли за выгодную, можно сказать, цену. На другой день нашего приезда прислано было мне чрез толмача от амбаней на пищу как караван-башу один баран и один пуд крупчатой муки, товар же мы сдали уже чрез несколько дней и то с немалым трудом, но за оный в размен от китайцев не получили по той причине, что не было еще в присылке из Кульжи на нынешний год товаров, а между тем прибыл и приказчик Реимбака, которого я назвал родным моим братом, рекомендовал его правителю канцелярии, которого он и в прошлом году видел, равным образом и Реимбака обо мне, как о новом человеке, еще никогда не бывавшем в их пределах, и потому принужденными нашлись за всем получением еще оставить за казной со взятием расписки без малого 500 концов бязей, дабы получить оные в обратный наш путь из Кульжи. Я познакомился с правителем канцелярии, который неоднократно бывал у меня в палатке и пил чай, а иногда я потчевал его по азиатскому обыкновению и кушаньем, взаимно и сам от него пользовался тем же. Один раз я был у него в квартире за два дня до выезда нашего из Чугучака, которую он занимал на одной связи с канцеляриею, где лежали и товары наши, между дружескими разговорами он вызвался мне, как я при первом свидании подарил ему пять аршин сукна по цене 45 руб., что он не знает, чем меня отдарить, я отзывался ему, что мне ничего не нужно, а он настоятельно просил меня, чтоб я непременно ему поручил что ни есть достать для меня хотя из мелочей, тогда я принужденным нашелся сказать, ежели не в тягость ему будет, то разве найдет каких-нибудь картинок, он с первого раза достает из своей шкатулки план, не сказывая мне о важности оного, говорил: «Я бы с удовольствием служил тебе оным, но как ныне нет здесь совсем

их в привозе, то вот тебе картина». А я, не рассматривая оную, положил в карман.

25-го июля рано поутру прислан был ко мне переводчик объявить, чтобы я тотчас со всеми людьми вошедшего со мною каравана с ним же вместе ехал в канцелярию, что мною и выполнено было. По прибытии в канцелярию правитель оной приказал четырем человекам их подчиненным, дабы никого из нас не распуская, вести за город. Новость сия поразила нас, сколько ни старался узнать от препровождающих нас причину сию, но они ответствовали, что и сами не знают, нечего было больше делать, как только повиноваться приказаниям. Узнали уже тогда, когда приблизились и увидели стечение всего народа и выстроенный фронт служащих и за ними везомого на двухколесной телеге со связанными назад руками преступника; три члена канцелярии ехали перед ним, один за одним с 12 человеками нижних чинов, из числа коих средний вез в руках в чехле с надписью на китайском диалекте знак наподобие ангела, а преступник конвоирован был 12 человеками с обнаженными саблями. Двое членов слезли нарочно в приготовленную палатку, знак помянутый поставлен был на стол, а преступник на место казни, потом экзекутор подъезжает к нам, объявляет чрез переводчика сими словами: «Нам его богдыхановo величество повелел, – показывая на сего преступника и лошадь, – за кражу этой лошади, – которая была тут же, – отсечь голову, о каковом правосудии и строгости законов нашего богдыхана, будете в своих пределах, объявите, что не только наш верноподданный, но кто бы таков не был, за подобное преступление накажется без уважения». Преступник был уже посажен на колени, глаза его перевязаны были тоненькою бечевкою, за концы коей дергали два палача, а третий приготовлял свой палаш, и когда ударил его палач по шее, не могши за один раз отсечь его головы, преступника двое роняют на землю, держат, отрезывают ножом ему голову. Преступник был от роду не более 18 лет.

С 28-го на 29-е число ночью того ж месяца поймали наши работники подошедшего к нам в лагерь воровать лошадей одного калмыка, ибо лошади у нас в ночи всегда были на привязи, что самое всегда строго нам было и приказываемо караульными, при нас находящимися, коих всегда было два чиновника

классных, один из манчжур, а другой из чахаров, и семь человек нижних чинов, но из них, кроме двух калмыков, при нас тою ночью никто не ночевал. Назавтра очень рано поутру приезжают к нам все, и с ними из канцелярии переводчик, просили меня, чтобы не доводить сего до ведения канцелярии, а вора отдать им, за что его накажут. Я призвал бывших при мне ташкентцев и объявил просьбу чиновников, на что и те согласились, калмыка отдали, за что он и наказан ими в присутствии нашем 50 лозанами плетью.

Город Чугучак есть пограничный, в коем до 600 домов и с казенными казармами, построенными для воинских чинов. Жители во оном пребывают не прочным образом, а высылаемы временно из разных городов, частью торговые, художники и земледельцы, кроме тех, кои поселены уже за преступления, присылаемые из внутренности Китая, сии последние заняты казенною пашнею, а обыкновенные жители ведут торговлю не потаенно, но только б их же подданными, как-то: с кочевыми народами калмыками, торгоутами и улютами*, имеют также сношения по части торговой и с внутренними городами Гобда и Урумжи. Первый от Чугучака хода с тягостью телегами на волах и лошадях – 20, а последний – 12 дней. Город Урумжи почитается наилучшим в их империи по богатству промышленности и фабриками, также многочисленными и различными изделиями. Город Урумжи не только доставляет товар в Чугучак, но даже в Кульжу, Аксу, Кошкар, Хотон и Яркент, из сего можно заключить, что и чай привозится во все сии города лучший в последние четыре, а похуже – в Чугучак и Кульжу, как-то: кирпичный низкой доброты, байховый и в банках – жулан, потому что ведомств Кульжи и Чугучака народ больше воинский и земледельцы. В Чугучаке хлебопашество, судя по обширности оного, довольно в хорошем положении, садоводство посредственное, фруктовых деревьев, кроме яблонь, и то по малости, а других никаких нет. Занимаются большею частью в огородных овощах, а всего более разведением табака. Соро-

* Торгоуты – есть волские наши калмыки, бежавшие в 1772 г. с Астраханской степи; улюты – калмыки ж, древние обитатели сей земли, они также жизнь ведут кочевую, как и торгоуты, но впоследствии порабощены и для того выстроен город Чугучак.

чинского пшена здесь не родится, а достают его из кульжинского и урумжинского ведомств, прочих же хлебов, как-то: проса, пшеницы и ячменя изобильно; и порядочное скотоводство, коим продовольствуют город улюты и торгоуты, последние, однако ж, больше стараются продавать скот на серебро, нежели разводить оного как улюты, имея, видно, какие-либо замыслы. Сии два рода калмык причитаются к согласию[1] воинскому, но, по-видимому, китайцы не имеют к ним большей доверенности, ибо на важных постах границы выкомандировываются ежегодно из Кульжи по очереди по 1500 человек войска, которые содержат границу. Укрепление города состоит в каменной квадратной стене, каждая сторона оного будет по длине 150 сажен, на углах возвышенные четырехсторонние башни, каждая сторона будет по пять сажен, в каждой башне с двух наружных сторон и одной внутренней поделаны по три четырехугольные окна с бумажными оконницами, закрыты деревянными ставнями, и одной внутренней стороне для входа в башни по одной большой двери, в середине стены для въезда и выезда – ворота, и над воротами таковые ж башни. Укрепление и башни из необожженного кирпича, кладенного на глине. Наружные стороны щекатурены глиною ж, а наружная крутость в 2½ сажени, в половине высоты изнутри на наружную сторону спуски для стока воды со внутренних крепостей. Впереди сего укрепления небольшой канал и пущена по оному вода из двух речек. Город стоит над речкой, с западной и восточной сторон города в смежности со стеной небольшие форштаты. У наружной и внутренней сторон укрепления растет нарочно посаженный ветловой лес.

10-го числа августа мы выехали из Чугучака, когда уже объявили наш выезд, призван я был в канцелярию главным членом оной, коего чин (чигалдай), он мне чрез переводчика объявил, что господа чугучакские кеб и батырь амбани* прислали четыре шелковые материи, каждая по 10 аршин и две бязи с объявлением, что охотно желали бы меня видеть и пожелать солтану Камбару доброго здоровья, но, будучи заняты многими делами, не имеют теперь время. Я и Реимбака, отблагодарив его и правителя канцелярии за оказанные к нам благосклонности, вместе пошли к каравану с конвойными теми же, которые приняли нас при входе в Чугучак от выйтанзинского начальника, они при выезде нашем из города пересчитали, но не конвоировали, спросили только, на какой караул мы явимся, мы того дня пошли прямо к нашему каравану, который ожидал нас на речке Учкатты, где мы его оставили, до коего достигли уже в десять часов ночи. В небытность нашу туртугульской волости киргизцы украли из табуна нашего четырех лошадей, которых вожатый наш до прибытия еще нашего взыскал, а больше от киргизцев никакого неудовольствия в сие время мы не видали.

На другой день нашего приезда со всем караваном явились мы на тот же караул Выйтанзы, объявили начальнику о нашем благополучном выезде из Чугучака и о том, что мы примем свое путешествие с остальным товаром к Кульже. Караул Выйтанзы от Чугучака в 23 верстах, стоит при ключе по течению на правом берегу выпадающей с полуденной стороны горы Бактытау, в отлогостях коей с полуденной же стороны зимний китайский караул, именуемый Бакты. Ключ сей протекает между гор Аркарлытау и Кулалутау, после продолжается камышами, болотистыми и солонцоватыми местами, потом вливается в речку Имиль. Зимний караул Бакты и другие оставались от нас назади, которые пояснены будут в описании обратного пути; и так мы от оного караула отошед две версты, простояли три дня, а после 15-го числа, перешед ключ и камыши подле горы Аркарлытау, пустились в дальнейший путь при провожатом по имени Доржа*, дошед до речки Имиль, и переправясь чрез оную, по-

[1] Так в документе. Правильно – *к сословию*.

* Первый из них старший, он управляет городом и границей, а последний – за осмотром по границе ведомства чугучакского караулов.

* Сей вожатый наш, Доржа, из волских калмык, служитель покойного мурунской волости солтана Ючи Абулфеисова, который носит на себе от китайского двора классный чин кя и знак отличия на шапке – водяного цвета камень с павлиньим пером, которого и вместе с ним Ючинского сына Сарта привез с собой посланный от меня коммерции советника Нерпина приказчик. Я и тарский бухаретин Реимбака Решев сына Ючи-солтана Сарта при караване уже не застали, который получив известие чрез посланных вслед за ними киргизцев о смерти отца его солтана Ючи, возвратился обратно в дом свой, оставив с тем же расположением для препровождения нас до Кульжи означенного служителя Доржу, обещав в точности исполнить данное обещание в рассуждении пособий нам покойного отца его, что будто бы нынешний год

лудневали по левую сторону берега оной, ниже караула Макиту в 12 верстах, а от Выйтанзы в прямую линию отошли 20 верст, которая впадает в озеро Алакуль, вершины же ее – от северовостока к верхнему Иртышу из-под Тарбагатайских гор. Леса по оной, кроме обрубленного кочующими киргизами ветельника, нет, где мы и ночевали.

16 [августа] приняли свое путешествие, оставив также в левой руке в пяти верстах караул Шарабулак, отошед от речки Имиль 15 верст и переполудневав в отлогостях гор Арасантау, или Уласуту, при ключе, называемом Сасык-Булак. Ключ сей начало свое принял от полудня к северу из сих гор, который при самом выходе на пятиверстном расстоянии пропадает. От ночлега до полудневки шли мы песчаною степью, а от сего достигши до небольшой речки Чаган-Тогой, по течению оной, ниже караула Чаган-Тогой в пяти верстах, а от Сасык-Булака в 13 верстах, ночевали. Она выпадает из гор Улусуту от востока к западу.

По речке лес тополевой, к строению мало годный, мы по приходе на речку неводили рыбу, и рыба сия хотя мелка, но вкусная, вид ее много похожий на сельдь. В первом часу ночи того дня нагнали нас чугучакские чиновники, приятель мой правитель канцелярии кугалдай по части таможенной у покупки рогатого скота находящейся, которые требованы в Кульжу по некоторому следствию к спросам. Я просил их остановиться, накушаться чаю, которые уважив приветствие мое к ним, остановились и выпив по две чашки оного, отправились вперед; приятель мой при распрощании примолвил, когда буду я в Кульже, то он не оставит рекомендовать меня тамошним его знакомым.

17 [августа] в третьем часу пустились мы вперед, достигли к вечеру до ключа Манасу-Булак, от ночлега в 26 верстах, в коем при неприметном течении воды весьма мало, леса совсем нет, грунт земли от Сасык-Булака до сего одинаковый хрящеватый, по горам кроме мелкого кустарника [леса] нет. При сем ночлеге мне сказали, что около здешнего места в правой руке нашего пути, верстах в семи есть минеральные воды, называемые калмыками *арашан* и киргизцами – *арасан* (святые воды), любопытство заставило меня их видеть.

18 [августа] в 5 часов утра я взял с собой из каравана 9 человек из татар и киргизцев, отправился к означенным водам, а караван наш принял свое путешествие вперед. Мы, переехав одну гору, спустились в вершинах маленькой речки по названию тех вод Арасан, с нами был еще калмык, тюленгут солтана Бопы, который рассказывал мне историю, пока достигли до назначенного места: «Воды сии найдены назад тому 80 лет калмыцким ханом, бывшим на охоте, Галданом, сыном хана Кун-Тайжи, по одному сновидению жены его, которая будто бы по болезни не имела деторождения. Хан, по найдении оных, построил в честь богов одну кумирню, при коих она и ныне еще существует». Мы в самом деле тут нашли на правой руке по течению берега речки Арасан, которая впадает от востока в речку Имиль, при самых водах на небольшом холме маленькую кумирню, в коей поставлено 17 идолов, вырезанных на каменных досках и покрытых живописью.

Воды целительные выпадают с той же стороны, на которой поставлена кумирня, и из-под того же холма, грунт земли сего холма и по горам обеих сторон красноватый вохреный, и камень так же красноватый. Выше же оных при самом береге ключа в 20 саженях под скалой горы – холодные воды, которые тоже целительны, но камень скалы сей черный, железного цве-

китайцы с российскими товарами в Кульжу купцов не впущают, несмотря ни на какие киргизских солтанов просьбы. Солтан сколько из уважения к российскому купечеству, а также и дабы не потерять доверенности к китайцам, как он жалован от двора их, в бытность его в Пекине – гун (граф) и чтобы удостоверить первым, послал сына своего при караване, который уже тогда состоял в довольном количестве не от одного коммерции советника Нерпина, но от многих, с письмом, пояснив во оном, что имев всегда уважение к китайскому богдыхану, посылает в пожертвование для казны 9 лошадей, и с нами отправив караван, назвав оный собственным, просил кульжинского джанжуна дабы позволить оному разменяться, и как джанжун человек, поступивший по новости в сию должность, то в подарок пять лошадей, лошади сии были назначены не собственные его, а от каравана, сыну же его солтану Сарту было случаем основаться на сем распоряжении, смерть отца – он донес о сем избавляя свое усердие по примеру отца своего, что само действительно и послужило ему лучшим средством к принятию от китайского двора отцовское наследное звание, о чем по получении от нас письма его донесено богдыхану с испрашиванием оного, а что распространены были слухи о не пропуске караванов с российским товаром, крылось другое, о чем пояснено будет в следующих статьях.

та, с разницею только той, что первые имеют по поверхности земли, как обыкновенные ключи, биение и течение, а последние – недвижимы, подобно как в чаше.

Мы, по приезде туда, осмотрев прежде кумирню, которая построена из необожженного кирпича, кладенная на глине приметно, что была она отщекатурена, потом мы купались в ванне, воды сии при самом в них спуске весьма ощутительно горячи, а после по отерпения – одна только теплота чувствуется, я лежал в сей ванне с четверть часа и так ослабел, что с нуждой мог выйти из оной и после подвержен был сильной испарине. День был весьма жаркий, то и отдыхали под тенью камыша и так немного взяли покой, опробовали воды, она, хотя сама по себе не противна, но несколько отзывается серным запахом, холодные ж воды никакого запаха не имеют и вкусны.

Киргизцы, и по найденной мною в кумирне на калмыцком диалекте надписи, значит, монголы, именуемые солоны, всегда приезжают сюда для излечения в начале сентября и проживают до октября месяца, удостоверяют, что для больных то время самое полезнейшее.

К сожалению только то, что сии целительные воды брошены без всякого призрения, они не в том уже положении, как сказывают, когда существовал установитель и отыскал оных хан Галдан. Во времена коего, мне тот же калмык Дундук объяснял, что кроме кумирни, еще построено было пять домов для духовенства, где отправлялось постановленным идолам в кумирне по обычаю жертвоприношение, но ныне, кроме кумирни и оттенков оных, истуканов не видно; кумирня также должна подвергнуться разрушению, если не поддержат солоны. Дома сии, как удостоверяют, разорены киргиз-кайсаками, кочующими около тех мест. И так мы отправились отсель к каравану нашему, в полдень достигли к оному в пятом часу, который остановился на речке Долоты, ниже караула в левой руке нашего пути в четырех верстах, который состоит близ гор Барлук. Речка сия течение имеет от востока к западу и впадает в озеро Алакуль.

От Манасу-Булака до речки Долоты расстояние 25 верст, грунт земли иловатый, а в некоторых местах хрящеватый, мягкий; на пути, как мы, равно и караван наш прошел одним местом чрез сухую речку, называемую Ташлы, из которой вода

отведена двумя каналами на пашни к озеру Алакуль лежащие, которые прежде занимали калмыки, а ныне обрабатывают сию часть киргизцы, кочующие в окрестностях Алакуля волостей каракирей, кызый, байжигат, найман и дюртугульской; хлебопашество их состоит из пшеницы и проса, однако ж, можно отдать тамошним киргизцам в занятии земледелия справедливость, что они с довольным рачением производят оное, урожай ныне довольно был хорош, пахота их хотя и по примеру китайцев, но только не могут обрабатывать как китайцы, плуги их удивительны и можно назвать *капарулями*. Но и затем плодоносная земля и примерное прилежание приносит им изрядную пропорцию хлеба, люди сии совсем не имеют порядочных инструментов, но неусыпными трудами находят средства на нивы свои проводить каналами воду, которыми утучняют обработанные свои земли.

Отсель мы обще уже с караваном приняли путешествие к западу и того дня шли отдаляясь вправо от гор Барлук до озера Алакуля, простирающегося в длину около 100 верст, а широта его гораздо меньше. Возле гор Токта, чрез которые мы должны проходить, грунт земли каменистый. Переход наш был от речки Долоты 15 верст, ночлег имели, по причине солонцеватых и топких мест, равным образом препятствовало и то ночевать на берегу озера, что в нем вода осолотковата, а расположились, не доходя до оного три версты, при ключах, называемых Мынбулак (1000 ключей).

19-го числа [августа] отсель сделав поворот налево к востоку, отошли 10 верст, ночевали при озере Ташкылы, оное же и Яланачкуль, которое соединяется болотами с Алакулем, начиная от Мынбулака, по левую сторону озера по пути, нам ведущему до ночлега. По степи грунт земли каменистый, а подле озера хрящеватый, там растет мелкий лес – саксауль. Озеро Ташкылы круглое, в поперечнике до 10 верст. От сего ночлега перешед между Ташкылы и Алакулем небольшой перешеек, мы продолжали путь уже по правую руку озера, по берегу от гор Токты в 7 верстах до ключа Каинды-Булак 10 верст, который выпадает из гор Токты от полудня к северу и впадает по камышам болотистыми и солонцеватыми местами в озеро Ташкылы, на сем пути остался у нас в левой руке в 8 верстах караул

Ледо-Барлук, расположенный при речке, выпадающей из гор Барлук от востока к западу и впадающей в озеро ж Ташкылы. При первом растет мелкий лес березовый и сосновый, где мы переполудневав, перешли речку Токты, от полудневки в 11 верстах. Не доходя одной версты [до] небольшой круглой горы, называемой Караултюбе, от речки в двух верстах, ночевали при болоте, называемом Игин-Булак, где сивановской волости киргизцы производят небольшое хлебопашество. Всего перехода было сего дня 23 версты. По речке Токты леса тополевого довольно, но к строению он не годен, которая выпадает из гор Токты и вливается в озеро Ташкылы.

21-го числа [августа] прошед между гор Караултюбе и гор Токты, не доходя трех верст [до] китайского караула Чиндалак, сделали поворот направо к полудню в ущелье по ключу, от ночлега отошед шесть верст, имели растах* Ключ течение свое имеет из горы Токты и впадает в речку Токты, по коему растет лес тополевой и осиновой, но очень мало и нестроевой. Здесь, дав отдохнуть лошадям, в 12 часов отправились, сначала поднимались ущельем на гору Токты по россыпям, подъем был весьма отлогий, а потом косогорами, однако ж поднялись на высоту гор без всякого труда и, не доходя до китайского караула Судабан, он же Чулак-Карагай, пять верст, остановились при ключе, называемом Узун-Булак**, до коего от растаха 18 верст. Всего того дня перехода 24 версты, где имели мы ночлег, а 22-го числа вожатый наш Доржа, я, Раимбака и еще с нами один киргизец ездили на китайский караул объявить о прибытии на-

* От озера Ташкылы до растаха грунт земли одинаковый, по обоим берегам хрящеватый, а по степи каменистый, около ключа Каинды-Булак места солонцеватые и болотистые, так что в летнее время по левую сторону берега Ташкылы прямо пройти не можно, мы прошли не хватя речку Теректы, впадающую в озеро Алакуль, которая осталась у нас назади в двух верстах, по коей довольно и есть леса осинового, березового и тополевого, но к строению годного нет, по ущелинам довольно есть яблони, я нарочно с тракта с двумя киргизцами туда ездил и в удостоверение нашел яблоки.

** Чулак-Карагай назван потому, что по горам лес растет пихтовый и еловый, здесь между гор кочуют Большой орды сувановской волости киргизцы, мы бы могли миновать сей тракт чрез караул Хабталан по долине от караула Чиндалан, обходя горы Токты, но как почитают здесь излишнего хода 35 верст и как караван наш не затруднился тяжестью вьючных лошадей, то и решился пройти прямо по горам.

шем с караваном и просить о пропуске нас в границы их города Кульжи, на котором находятся два классных чиновника*, и оба из манжур, которыми приняты мы были весьма ласково, угощаемы чаем, но только получили в ответ, что они имеют от джанжуна повеление, дабы с российским товаром никого не пропускать. Сия ведомость хотя и затрудняла нас, но хороший наш вожатый настоятельно говорил, что он имеет от солтана своего к джанжуну письмо и с нами для казны и джанжуну в подарок лошадей, и если его не пропустят с товаром, то он возвратится обратно, но и тем ничего не выиграли, принужденными были возвратиться к каравану. Назавтра присланы были к нам с караула два человека с объявлением, чтобы мы отдали им письмо, следующее для доставления джанжуну, или бы следовали сами с одним только скотом, о чем чиновники донесут главному начальству. Тогда уже вожатый наш, я, Реимбака, Бопы-солтана тюленгут калмык Дундук и казанского татарина Халита Амирова приказчик татарин же Асмий согласились отправиться по их объявлению.

23 [августа], взяв с собой рогатого скота до 600 и баранов до 8000, явились на караул от ночлега, в пяти верстах состоящий при речке Борлы, по течению оной на левом берегу, соединяющейся из ключей с севера, а течение ее от запада к востоку и впадает в озеро Баратала. Чиновникам подарили мы двух и уступили за сходную для них цену 10 баранов, они нас угощали также чаем, водою и приглашали к ужину, но мы как магометане отзывались, что мы другой веры кушанье, а особливо с мясом не употребляем, они на сие ничуть не огорчились, а вызвались, что они вечером будут к нам напиться чаю. Что и сделали. По приходе их в наш караван, мы их встретили, вожатый наш, не пригласив их к себе в палатку, отозвался, что он не имеет сахара, указав на меня, сказал, пойдем к Мулле-Мурату, а я, благодарив его, что он делает мне честь и ответствовал, что я за

* От сего караула до самой Кульжи на каждом карауле по два человека чиновников, один старший из пекинских, а другой – кульжинских манжур, доносят джанжуну всякий по себе обо всех случившихся делах, и первый сверх того доносит в Пекин уже сам по себе, из них младший (кульжинский) препровождает караваны, пересчитывает людей и имущество, донося о том джанжуну и делают вошедшим людям в границы их на каждом карауле строгую поверку. Нижних чинов также на каждом карауле от 30 до 40 человек.

удовольствие поставляю, если посетят такие дорогие гости, которых я и угощал чаем и ужином, они были довольны, и между тем с дружескою усмешкою вызвались: не имеет ли кто из нас излишнего российского сахара, я, не говоря ни слова, приказал бывшему при мне из киргиз служителю отколоть с фунт и отдать им, отзываясь, чтобы они не сочли того, что я жалею, но что мало даю, то не от чего другого, как от недостатка, они отблагодарили меня, распростились.

24 [августа]. Переночевав, в препровождении младшего чиновника пустились мы в дальнейший путь, от караула Судабан, перешед речку Борлы, шли между гор ровным местом версты две, сначала поднимались по ущелью теми ж ключами, потом по россыпям крупных камней и косогорами, а с высоты горы спускались также сначала хрящеватым грунтом, а ниже – россыпями ж крупного камня и крутыми местами, а окончание оного по ключу, выпадающему с полуденной стороны горы Судабан, который течение свое имеет не более трех верст, отошед от сего шесть верст, в одном месте, которое так узко, что едва только может пройти одна лошадь, где дожидались нас посланные наперед с караула один урядник и двое рядовых, которые нас и гонимого нами скота пересчитав, тут вышли мы из гор на долину, простирающуюся от запада к востоку при горах Токты, Канжига, Ирен-Хабирга. От караула Судабан на 24-верстном расстоянии достигли до одного канала, по коему пущена вода, содержимая для пашен, из речки Каратурук, с правой стороны нашего пути выпадающей из гор Токты и впадающей к полудню в речку Буратала. Речка Каратурук от тракта нашего вправо была в 10 верстах. Пашни производят монголы, именуемые чахар, обитающие кочевьем, а не в постоянных жилищах между гор Ирен-Хабирга, лежащих впереди нашего пути, и горы Токты до самого караула Хабта-Гай по речкам Буратала, Каратурук и озеру Сайрамкуль. Монголы сии разделяются на две части воинского сословия – хучин и шин-анги* (два отделения). Они выкомандированы были сюда изнутри государства навсегда для содержания караулов, которые и расположены по границе,

* Слово *хучин* на монгольском языке значит – старое, *шине* – новое, *анги* – отделение, они наименованы потому, что выкомандированы в два раза, первая половина назад тому – 50, а последняя – 46 лет.

и содержать места, именно: Чанда, Лан, Хабтагай, Судабан, Буратала, или Улан-Бара, и Сайрамкуль, занимаются также и другими командировками. Разделяются они на отделения, составляя каждое из восьми рот, в роте по 160 человек нижних чинов; управляющий отделением именуется *укурдай*, у них по одному помощнику – *ильгельдай*, ротные – *занги*, на убылые в отделении места определяются на службу их дети, подобно нашим казакам, излишние же считаются при отделениях закомплектными. Нижние чины, на службе находящиеся, жалованье получают, а вне службы – оного не полагается, провиантом довольствуются от отделений и то тех также, которые на действительной службе, в рассуждении выгодных для них мест и за недальнею выкомандировкою на службу, на каковой случай иметь положено для приобретения провианта хлебопахотных сверх комплекта в каждой роте по 16 человек. На службе находящиеся денежное жалованье получают от казны по 10 золотников серебром, а провианта по 30 джинов пшеничной муки, по 30 фунтов в месяц.

От канала, где мы ночевали, до караула Буратала, или Улан-Бара, шесть верст; прошли от ночлега еще два небольших канала и, не доходя речки Буратала, в одной версте – небольшую речку, которая впадает в речку ж Буратала при самом карауле. По приходе ж на караул офицер препровождающий сдал нас того караула чиновнику и донес о том джанжуну чрез нарочного: сколько нас вошло в пределы их и сколько при нас вьючных и простых лошадей, а также баранов и рогатого скота. Мы, прошед караул, остановились ночевать при небольшом ключе, от караула в одной версте. Речка Буратала сама по себе неглубока, шириною до 50 сажен; как и речка Имиль, она выпадает с западной стороны из гор Кулатау и впадает в озеро Буратала, караул по течению речки на правом берегу, по речке лес тополевый, березовый, осиновый, таловый и черемуховый, из первых трех сортов к строению годного довольно. Сего дня перехода было 7 верст.

26 [августа]. Сначала продолжали путь чрез небольшой дол 10 верст, а потом расселинами гор Канжига до речки Канжига ж 15 верст, которая выпадает из тех же гор несколько правее от полудня и делает оборот на восток и впадает в речку Бу-

ратала, где мы ночевали. От самого караула до ночлега грунт земли хрящеватый, в горах по ущелинам лес мелкий березовый, осиновый, таловый, бояровый, рябиновый и сары-агач – так назван киргизцами. Всего расстояния 25 верст.

27 [августа]. От ночлега до караула Сайрамкуль, или Ульзету-Бом, шли по Канжиге до вершины оной пять верст, а потом поднимались на гору Канжигу круто и косогористо. Гора сия довольно высока, спуск с оной с полуденной стороны гораздо отложе, от вершин речки до подошвы горы семь верст, а отсель до караула шесть верст долом, оставляя в левой руке в пяти верстах мимо гор Ирен-Хабирга, где мыс гор, прилегающий к озеру Сайрамкуль. На сем пути в ущельях грунт земли каменистый, а долом – хрящеватый, озеро Сайрамкуль, при коем караул, называемый Сайрам, или Ульзету-Бом, по длине будет около 20, шириною – до 15 верст, вода в оном осолотковата. Дошед до караула, который по сю сторону мыса, где существует и почтовая экспедиция, здесь селение составляется только из 20 домов и тут же один офицер для рассматривания у проезжающих подорожен, следующих по тракту изнутри государства, а всех классных чиновников при карауле – два, экспедитор один и у рассматривания подорожен – один. Отсель в левую руку поворот дороги к Пекину подле гор Ирен-Хабирга, жители здесь содержат для проезжающих постоялые дома и харчевые припасы. Мыс гор оканчивается у озера, составляя его берег, и потому дорога сделана искусственно проломами в камне и, по уверению, действие сие сделано посредством пороха. Офицер препровождающий здесь также сдал нас, мы, отошед от караула пять верст, полудневали при озере и, не доходя к вечеру до места Цаган-Сума двух верст от полудневки, отошед шесть верст, ночевали при том же озере, воду брали из небольших копаней, подле озера поделанных кочующими чахарами (монголы). Всего перехода того дня было 29 верст.

28 [августа]. Поутру прибыл к нам рано препровождающий нас офицер, который пригласил нас, вожатого нашего, меня и калмыка Дундука, остановиться в местечке Цаган-Сума, мы не могли от сего отозваться, остановились, а караван наш пошел вперед, который завел нас в харчевню, потчевал чаем. Жителей сего местечка главная промышленность состоит в заготовлении леса и в содержании для проезжающих харчевок, они возят лес сей для продажи в Кульжу, который состоит из пихтового и елового, растущего по горам Талки и Ирен-Хабирга. Мы, пробыв тут два часа, догнали караван наш по речке Талки. От местечка Цаган-Сума сначала поднимались мы на гору Талки по косогору дорогою, обработанною китайцами, не так возвышенным местом, и на шести верстах перешли ущельем ключ, с коим в сем месте соединился таковой же, от которых восприяла наименование речка Талки. И нагнали мы караван наш от ночлега в 10 верстах, где также корчма и почтовая станция, отсель уже следовали мы вместе с караваном еще версты с три. Сделали растах, а препровождающий нас офицер, оставив у каравана четырех человек, сам с четырьмя ж конвойными проехал до караула Талки, а мы от растаха прошли в семи верстах караул Талки, от оного в трех верстах корчму, и от сей отошед 13 верст при выходе из гор Талки, ночевали на той же речке. Всего перехода было сего дня 36 верст. По сему ущелью есть довольно леса пихтового, яблочнового, урюкового, талового, тополевого, боярышного, рябинника и по-киргизски называемого *ргай*. От речки Канжига до гор Талки в доле грунт земли хрящеватый крепкий. Речка Талки при выходе из гор отведена в правую руку на пашни, которая впадает в реку Иле. Течение ее в прямую линию от севера к западу.

29 [августа]. От ночлега до караула Сары-Булак 10 верст, дорога лежит ко оному между небольших увалов, лощиною пять верст, а потом шли до караула подле ключа Сары-Булак пять верст, по берегам коего растет мелкий камыш, у ущельях лес тот же, о коем писано 28-го числа, кроме елового и пихтового. До караула дошли мы очень рано, но нам приказано от офицеров того караула переночевать для того, что о прибытии нашем наперед ими донесено будет начальству, где мы и ночевали.

30 [августа]. В препровождении 10 человек рядовых и одного офицера, не доходя до города Кашемира* двух верст, на ключе Сары-Булак при мосту, называемом Кызыл-Купир, от ночлега в восьми верстах встречены мы были двумя офицера-

* Город Кашемир не тот, что граничит с Индией и славится своими шелковыми фабриками, но только одного наименования.

ми с командою, присланными для конвоирования до Кульжи. От сего места до Кашемира – два, а от Кашемира до Кульжи – 14 верст. От караула сначала шли небольшой лощиной по ключу Сары-Булак. Сей ключ от Кашемира в левую руку не в дальнем расстоянии делает поворот и впадает в речку Баинду, а сия впадает в реку Иле, о коей ниже сего пояснено будет, они имеют течение из гор Талки от востока к западу. На сем пути грунт земли глинистый с песком, крепкий. Лес по сю сторону караула ильмовый, ветловый и таловый; начиная от самих гор Талки – пашни и огороды, в коих большею частью арбузы, дыни и табак. Когда мы проезжали город Кашемир, встретил нас знакомый вожатому нашему магометанин-тунганя, житель Кашемира, который ежегодно покупает у проходящих с караваном купцов на серебро баранов, промысел его состоит в содержании харчевен. Магометанин сей пригласил нас к нему заехать, что мы и сделали, он нас угощал чаем, спрашивал, что нет ли охотника променять ему до 500 баранов, однако ж мы отозвались, отдав ему благодарность за сделанное нам приветствие, распростились. Караван наш догнали на тракте между Кашемиром и Кульжой. Грунт земли таковой же, как и между горами Талки.

Не доезжая Кульжи за четыре версты – застава, где по обеим сторонам для караульных кордегардии, и по сю сторону оных три маяка, начиненные горючим составом с готовыми фитилями; и не доезжая до Кульжи в двух верстах речка Баинда, которая протекает из-под города того имени, где населены манжуры, чрез кою выстроен мост, на обеих сторонах и по середине оного – каменные, лучшей отработки статуи, а по сю сторону на берегу речки великолепная кумирня в честь джанжуна, и в окружности оной поделаны аллеи, усаженные разными деревьями. Всего от ночлега до Кульжи 24 версты. По приближении к Кульже нас конвоирующие прямо провели на меновой двор, которые и находились при нас до самого нашего возвращения из Кульжи. Город сей выстроен при реке Иле, которая начало свое восприяла с востока из гор Текест и протекает мимо города Кульжи к западу, вершины ее, по разведываниям, полагают от города до 200 верст. В реке Иле рыба, похожая на тайменя, но только мелкая, самая большая весом в четыре фунта, китайцы содержат также неводы, но добыча очень плохая, лодок порядочных, кроме батов, не имеют.

В озере Алакуль, речках Буратала и Имиль рыбы, кроме тайменей, никакой нет.

На другой день нашего приезда скота и баранов от нас приняли на шанские бязи довольно выгодно. И того же дня приехал к нам переводчик, друг нашему вожатому, он взял от нас письмо следующее джанжуну, а как переводчик не знает магометанской грамоты, просил вожатого нашего, если есть с ним знающий грамоту, изъяснить в каком оно содержании. Вожатый рекомендовал меня, объявив, что я его племянник, от большой сестры рожденный, отец мой ташкентец, примолвив, что он весьма рад тому, что уже и сын его Ельчибай, которого знает его друг, начал писать как и племянник. Переводчик, прервав речь, изъявляя свое удовольствие, жалел, что он меня не ведал прежде. Я прочитал ему письмо, и он был тем доволен, потом спросил, нет ли у нас русских часов, вожатый наш вызвался, что у племянника его есть порученные ему продать в бытность его ныне на российских границах, которые были, однако ж, собственно мои, просил, чтобы я показал оные, я, повинуясь моему названному дяде, тотчас представил их ему, который спросил о цене за них, а я сказал, что они хотя и поручены мне продать, но по уверенности в том человеке о не сетовании на меня за то, что я имел случай прислужиться любимому другу моего дяди, адресовался к нему с таким подарком, не требуя ничего в уплату. Он сперва отзывался, что не показав никакой услуги, часов моих без цены не берет, напоследок, убежден будучи словами моего дяди, принял. И так распростившись, уехал, упомянув, что он желает быть мне другом, как и дяде моему. При сем случае вожатый наш просил его постараться о пропуске нашего каравана, который такими словами отозвался, здесь без ничего не сделают, а вожатый на то сказал, чего только надобно, объяви мне. Он хотя и не требовал, но сказал, что по сей части в канцелярии джажуна есть пять галдаев, тем и разговор кончился; а приказчики Асмий и Реимбака, как уже бывали в Кульже, отвечали ему, что мы для галдаев позаботились привезти на первый случай две половинки маслового сукна, одно мезиритского и два беличьих меха, и для его, что

нужно, по прибытии каравана может увидеть, и того ж дня чрез него все то, что обещали, доставлено, а переводчику, по прибытии каравана, дарили все, кто чем хотел, потому что он вмешивается и по части торговой, и в расчетах товара. Посредством коего приняли товары от нас без браковки и за оный отпустили белую бязь, но только лучшую.

А на третий день введены мы были к джанжуну, нас препровождали до его дома и обратно два чиновника, которые приняли на тракте лошадей, следующих в подарок от нас, и предварили, что галдаи есть чиновники джанжунской канцелярии и люди нужные, тут представили нас к джанжуну, а по научению провожатыми нашими должны были стать на колени, при входе вперед шел вожатый наш, потом я, за мной Дундук, за ним приказчик коммерции советника Нерпина Реимбака, а за сим приказчик казанского татарина Халита Амирова татарин Асмий. Мы, продолжая коленопреклонение неоднократно, отдали поклон до земли, потом джанжун приказал нам встать, спросил о здоровье солтана и с сожалением говорил о смерти отца его Ючи и о благополучном нашем приезде, и какую сверх торговли имеем надобность. Вожатый наш ответствовал, тоже встав на колени, что больше никакой надобности не имеем, кроме того, что солтан наш приказал убедительно просить его позволить принять в казну его богдыханова величества или приказать распродать посторонним их купцам наши товары, которые по повелению его остановлены на карауле Судабан. Джанжун в ответ сказал, что он уже по письму солтана распоряжение сделал и галдаям* приказал, чтобы удовлетворить просьбу его, притом джанжун повторил, что он пошлет к каравану нашему чиновника, дабы на тракте не могло произойти потаенной мены, чем кончив разговор подано нам было по их обыкновению по чашке чая и поставлены перед нас низенькие скамейки, накрытые разными фруктами и конфектами, готовленными на масле. По окончании сей церемонии подали нам для доставления солтану за усердие его 12 посредственных шелковых материй по цене на 600 руб. И 20 аршин китайского бархата на 100 руб., а нам по четыре конца лучшей бязи на 140 руб. При подаче подарков, как и при каждом вопросе, мы должны были броситься на колени и кланяться за его к нам и солтану нашему снисхождение до земли, и так джанжун, пожелав нам благополучного в делах наших успеха, распростился. Во все продолжение церемонии было при нем три амбаня и до 20 классных чиновников, из коих первые три сидели на диване, а джанжун подле их в креслах, прочие ж стояли на ногах, переводчиков было двое, из них один офицерского чина, которые во время разговора, когда выслушивали приказание джанжуна, припадали на одно колено.

На другой день прислан к нам был толмач с объявлением, чтобы из нас двое, кого мы изберем, следовали с ним к каравану. Мы избрали приказчика Реимбаку и калмыка Дундука, которые того ж числа явились в канцелярию и оттоль прямо вместе с переводчиком отправились к каравану. И чрез восемь дней вместе с караваном возвратились, при входе каравана хотя и следовало бы по установленному порядку все товары положить в меновой двор, однако ж хороший переводчик, посланный к каравану с дозволения галдаев, оставил по нескольку оного каждому и при себе*.

Мы, сдав наши и получив от них на размен товары, скоро не могли следовать обратно, принуждены были проживать по той причине, что те бязи, кои мы получили, были белые, то всякий, сколько хотел, отдавали синить, за краску платили с десяти бязей по одной бязи же, и потому проживали там 45 дней, не видав себе, впрочем, со стороны китайцев никакого препятствия.

В пребывание здесь разведали мы, что китайцы в нынешний год не пропускали караваны по примеру прочих годов по сим обстоятельствам. В прошлом году они задолжались киргизцам за скот и баранов до 70 000 концов шанских и сарыбусь**

* Галдаи в Кульже – члены в домовой канцелярии джанжуна, коих пять человек, они отряживаются для переторжки по очереди, управляемы по части гражданской, военной и пограничной; и в Чугучаке при амбане три галдая, выключая директора угалдай, который занимает должность по части покупки скота.

* При себе оставить всякий старался для того, что посторонняя продажа выгоднее, чем в казну.

** Шанская и сарыбусь получается в ясак с жителей магометанских городов Яркента, Кашимира, Хотана, Кунда-Турпана, Турпана и Аксу.

бязей, сии два сорта лучшей доброты из всех бязей, и потому вынудили они наше купечество продать товары на бязь койкампу, камкарской и хотанской фабрик, которую они на изъясненную пропорцию в нынешнем лете получали и отдавали от подрядчиков для того, дабы не ослабить торговлю, а может и для выгод казенных, ибо та бязь гораздо дешевле, нежели шанская и сарыбюсь, потому что казна имела прежде покупку к получаемым в ясак таково ж сорта, а ныне переменили оную, отзываясь повреждением фабрики в городе Аксу, в коем было будто бы сильное наводнение, от которого, выключая фабрик и домов, потонуло до 300 человек жителей. По любопытству ж от посторонних слышал я, что хотя и было наводнение, но не так чувствительно, а причина отзыва их та, что они в рассуждении выгод казенных переменяют свой план отдачею в размен худыми бязями.

Город Кулжа, который называют *Куря* и *Джанжун-Хото*, состоит при реке Иле*, по течению на правой стороне берега реки на возвышенном месте, обнесен каменной квадратной стеной, как и город Чугучак, который также называют Амбань-Хото**, с разницею только той, что сей город не в пример обширнее Чугучака. Стена города вышиною в три сажени, более ж впереди укрепления, рва и других пристроек нет, кроме по крутому берегу реки сажен на 100 небольшой кирпичной стены, которая по неимению в ней надобности почти вся уже развалилась, толстота коей в один аршин. Стена города весьма обширная, но обороною вовсе слабая, в караульнях и на гауптвахтах служивые без всякого орудия по примеру наших бутошников.

При доме джанжуна 12 человек караульных, по обеим сторонам ворот по шесть человек и при них классный чиновник, при одном уряднике, вооруженных луками. В сем городе с форштатами оного до 10 000 домов, стечение народа из окрестных городов многочисленное. В 22 верстах от города сего вверх по реке Иле есть селения, наполненные манжурами, при речке, называемой Баинда, протекающей с северо-восточной стороны

* Вершины оной от губернского города Кульжи по расспросам утверждают не далее 200 верст простирается, течение ее от востока к западу и впадает в озеро Байхаш.

** По чину начальника тех городов.

мимо города Кульжи из гор Талки к западу и впадающей с северной стороны, ниже оного, где существует кумирня, имеют отколь как в город Кульжу, так и в прочие места, доставляют с избытком каменный уголь.

Город Кулжа есть губернский и за ним в пяти верстах обширный же город Кулжа, населенный магометанами, в коем начальник из магометан же Ахам-бек. Он же управляет и всеми вышеписанными городами, завоеванными китайцами. Бек – имя наследственное по поколению беков, владетелей сих городов, они под игом Китая находятся более 50 лет, и с того времени состоят под распоряжением губернаторов кашкарского и кульжинского, пребывание коих в Кульже и Кашкаре назначено по средоточию от Яркента к Кульже, между городов губернского Кульжи, Кашемира и в окрестности оных населены ссыльные за преступления, коих именуют чан-пан, они производят хлебопашество и садоводство, и важные преступники находятся в казенных работах. Город Кашемир укреплен также по примеру Кульжи и Чугучака, в нем до 3000 домов, жители оного большею частью черные китайцы, коих именуют хиракитат, и магометан, под названием тунганя.

А в магометанском городе Кульже большею частью торговые магометане и земледельцы, а какие именно пояснено будет в описании образа жизни. Города сии состоят между гор, облегающих оные с северной – Талки, с западной – Карахужир, а с южной, прилегающих к горам Талки и Текест.

О штате джанжуневом, управлении его подчиненными ему народами, о штате всего войска и образе оного

При джанжуне находятся навсегда как телохранители его, кроме классных чиновников, из манжур 120 человек.

Комплектного войска

Из манжур 4 хошо (полка); в каждом хошо по 10 рот; в роте по 100 человек; всех – 4000.

Из монгол разных родов

Улют – 6000; илинских чакаров – 6000; цонголов – 6000; шибе – 6000.

Войска сии, кроме манжур, вообще все кочевые народы, войско китайское нерегулярное, больше похожи на нашу ландмилицию или казаков, даже и сами манжуры живут в своих домах, занимаются хлебопашеством, садоводством, частью и внутренней торговлей, в летние месяцы по три раза в месяц бывают воинские учения стрелянием из луков и ружей.

В вооружении единообразия нет, большею частью состоит оное в луках, а у некоторых и из ружей, в мирное время вооружение собственное, а в военное – от казны, на каковой случай хранятся в арсеналах луки, стрелы, сабли и копья, пушек я у них не приметил, а хотя и есть оные, но нельзя назвать пушками, которые употребляются при церемониальных выездах главных чиновников каждого города. Пушки сии длиною в 2½ четверти, толщиною в два вершка, вылитые из чугуна, не на лафетах, а когда нужно, тогда выносят и ставят на землю, заряжают и палят, при каждом выстреле она падает, а после поднимают и стреляют также. В войсках, составленных из кочевых народов и манжур, в каждом отделении по амбаню*, прочие же чиновники, как в старом и новом отделениях, расположенных по речке Буратала. Войска расположены по реке Иле в горах Текест и Талки на немаловажном расстоянии. Им жалованья на каждого манжура денежного и провианта в месяц от 15 до 30 золотников серебра, муки пшеничной, ячменя или проса – каждого хлеба по 30 джинов, нашего веса по 45 фунтов. Монгольцам жалованья серебром по 10 золотников, провианта – по 30 джинов ячменя или проса.

Воинские люди в квартирах лошадей имеют собственных, а в командировке выдают казенные, однако ж с тем, ежели сдохнет лошадь от болезни, вычета не полагается, впрочем ото всякой неосторожности за пропащую вычет из жалованья по пять лан серебра, нашего веса 45 золотников. Войска сии содержат границу до самого Чугучака и в ведомстве оного, их выкомандировывают на службу по очереди, судя по расстоянию места, погодно и менее, по границе разъездов я не приметил.

* Сии амбани – каждый из тех же родов, производятся по поколению оных и по заслугам.

В самом городе

Ворота запираются по закате солнца по выстрелу из пушки их, сигналы во всю ночь беспрерывные, в полночь делают три выстрела и на рассвете один раз, по коему отпирают ворота.

Об управлении

Джанжун управляет воинскою и гражданскою частью, при нем пять человек галдаев – членов канцелярии, которые решают дела в полном присутствии. Джажуну докладывают даже и о самом малейшем деле на бумаге, а не на словах, в команде его находящиеся трое амбаней управляют по части гражданской китайцами, именуемыми хара-хитат, ногонтук* и магометанами, и тунганями**. Они имеют каждый также свои присутствия, только дела те, кои непосредственно входят на резолюцию канцелярии джанжуна, яко к главному начальнику.

Из народов сих трех родов нагонтуки употреблены на службу по части торговли и находятся при казначействах, арсеналах и сбора градских и прочих податей, чины их можно сравнить с нашими штатами, жалованья им от казны не производится, а служат на собственном коште.

О заведении Кульжи и о положении казенных крестьян

При самом заведении Кульжи по взятии китайцами магометанских городов Яркента, Хотана, Кашкара и прочих выкомандировано с каждого города на предмет земледелия для доставления продовольствия войскам, в кульжинском ведомстве расположенных, по 1000, всего с шести городов 6000 человек и сверх того от монголов с четырех городов, именно: хиот, солон,

* Ногонтук – тоже китайцы, но уважительнее почитаются против черных китайцев.

** Тунгани удостоверяют, что они потомки, оставшиеся из войск Темир-Аксака.

чакар и шибе по 6000 человек, которые поселены: магометане – в городе Кульже и в окрестности оного, а прочие – близ городов Куря*, Баянды и Кашемира, употреблены на хлебопашество, они непременно должны каждый год доставить в казну разного хлеба, круп – сорочинского пшена, ячменя, муки и проса по 8 жуда мешков каждого хлеба, мешок сей на наш вес муки 6½ пудов. Другой же подати на них никакой не состоит, дети оных земледельцев поступают в то же сословие с 20 лет, от хлебопашества увольняются с 50 лет. Хлеб, поступающий в казну, за продовольствием войска остающийся, хранится в магазейнах, но каким образом оный складывается и где – неизвестно, потому что мне случилось разговаривать с одним из канцелярских служителей о сей материи, как я вижу, множество у них войска и как говорят, что все оное состоит на продовольствии казенном, достаточно ли для оного провианта. Он ответствовал мне, будто бы у них столько провианта, что в третьем году почти на тригодичное время от небрежения в магазейне сгнило. За который, однако ж, казна взыскала с бывшего тогда джанжуна, больше же я расспрашивать его не смел, а завел другую материю и разговор тем кончили.

Об образе жизни, нрава и обычая и какою они податью обложены

Жители вышеизъясненных городов – народ торговый и ремесленный, из них китайцы большею частью склонны к торговле, кузнечной, слесарной, медяшной, серебряной и плотничным работам. Тунгани занимаются садоводством, содержат харчевни и торгуют мелочами; на рынках магометане завоеванных шести городов упражняются в торговле, хлебопашестве и садоводстве и мануфактурными работами. Монголы вообще народ кочевой по свойству жизни и прилежны к скотоводству и малою частью хлебопашеству.

Строения в городах вообще стеснены, улицы тож узкие, чистота хотя и наблюдается, но успех в том слаб, потому что гостиных рядов, харчевней, мясных бойниц особенных не имеют. В обоих городах средние поперечные улицы во всю ширину города наполнены купцами, харчевниками, мясниками, также различного дела художниками, отчего во многих местах случается на одной перспективе видеть вдруг дома, чайную, мясника, кузнеца, харчевника и тому подобное; в чайных домах беспрерывно можно найти пьющих чай и курящих табак, от чего самого в летнее время в сих зданиях страшная духота, так что непривычному человеку быть несносно. Вообще все китайцы, приезжие и по службе пребывающие, в домах кушаньев для себя не готовят, а покупают всегда в харчевнях, выключая женатых, которые также хотя едят и в домах, но купленное из харчевен. Тунгани и кара-китайцы больше склонны к азартным играм, для коих содержат первые нарочно открытые дома, в чем запрещения совсем невидно. Тунгани говорят вообще все на китайском языке, имеют свои мечети и мулл, а китайцы – великолепные кумирни, в коих отправляют по идолопоклонническому обряду богослужение, и в тех самых ежедневные увеселительные игры, театры и тому подобное. Тунгани – народ строптивый, грубый и надменный, сходны нравом природным китайцам, может быть потому, что [со] временем они потеряли свой обычай, приняв на себя платье и образ китайский, но, впрочем, в своей магометанской вере весьма тверды. Жители городов, как все их подданные, к невероятию, как сказывают, сколько я ни старался спрашивать, никакой решительной податью не обложены. Они вносят в казну каждый помесячно по состоянию и промышленности серебром неравно.

Об образе торговли

В китайских городах Кульже и Чугучаке, в обоих сих городах, заведена торговля на предмет киргиз-кайсаков, от которых они получают разный скот – баранов и лошадей для войск, расположенных в ведомствах оных. Баранов и рогатый скот отдают войскам взамен жалованья, отчего казна получает немалую выгоду, а затем излишний продают жителям города Урумчи на серебро. Лошадей отдают войскам же на сохранение до времени, которые и названы *тумур-аду* (железный табун), потому что убыли из оных казна на счет не принимает, упалых

* Куря – губернский город, Баянда – манжурский, а Кашемир – кара-китайцев и тунгани.

от старости или каким бы то образом ни случилось пополняет команда, не доводя о том начальству. Заведение сие основано на том единственно, что команда пользуется от поступающих в казну кобыл приплодом, как и от прочего скота, который также заведен от казны и находится при тех же полках на случай продовольствия в военное время. На предмет сего заготовления покупкою казна и имеет подрядчиков из магометан, они доставляют в казну на азиатскую руку товары, товар сей состоит из одной бязи, за которую получают серебром. Российские же товары, доставляемые туда под именем киргизских солтанов, нужное количество сукна и юфтевых кож выдают также в войска, а затем последние китайцы, жители Пекина, от коих находятся в Кульже комиссионеры, получают остальные наши товары, а они взамен оного доставляют изнутри государства все нужные потребности для войск. Стечение купечества в Кульже многочисленное, как изнутри государства, так и западных провинций Азии, а именно: городов Бухарии, Кокании, Маргелана, Анджиана, Ташкента, из Индии и Кашемира; все сии народы товаров больше никаких не привозят, кроме нужных азиатцам бязей, полушелковых материй посредственной доброты, кож и набоек. В Чугучаке ж азиатцы никаких торговых сношений не имеют.

Город Кульжа и окрестности оного города собственных произведений, кроме хлопчатой бумаги, не имеют, шелковых семян и шелковичных деревьев нет. Сии азиатские торговые люди, приезжающие в губернский город Кульжу, кроме некоторых жителей магометанского города Кульжи, собственных домов не имеют, а занимают постоялые, которые содержат магометане ж тунгани и то вне укрепления по форштадтам, за постой дома на месяц платят с комнаты по одной лане серебра, нашего веса 8½ золотников, полагая в том числе и службы, както: конюшни и амбары.

Таможенного с товаров сбора здесь не положено потому, что все приезжающие из западных стран Азии народы чрез города Яркент, Хотан, Кашкар и Аксу проходят чрез тамошние таможни, где определяется с них взимание пошлин, выключая вьючных лошадей и верблюдов, с 30 всяких штук по одной штуке. Ежели бы китайское правительство позволило российскому купечеству входить в город Кульжу для торга под своим именем формально, то, конечно бы, можно надеяться вести с ними значительную торговлю, а без того хотя и можно, но все потаенным образом.

Мне случилось в Кульже познакомиться с одним магометанским жителем индийским, в первый раз еще приехавшим в Кульжу нарочно узнать торговые обстоятельства, он спросил меня, что можно ли привозить сюда в надежде лучшие индийские, а частью и кашемирские товары, как-то: лучшие шали, шелковые материи, шелки и кашемирскую шерсть. Я отвечал ему, что и сам здесь человек новый, торгую на российских границах, а сюда приехал с тою же целью, как и он, но не вижу ничего интересного из товаров, кроме одной бязи, примолвив ему, какие ж нужны для Индии товары и может статься, если бы удостоверили меня в действительном требовании сортов российского товара, то я бы нужных постарался непременно сюда доставить, если не сам, указав на Реимбаку, то с братом моим*. Он с приметным удовольствием на лице его принял мой ответ, и тотчас прервав мою речь, сказал, приезжайте вы ко мне на квартиру, я покажу вам хорошей доброты мои товары и тогда условимся. Однако ж я настоятельно спрашивал его пояснить оные, на что он мне объявил, в Индии товары лучшими почитаются акбаш, камчатские и русские бобры, лучшие выдры и корольки, под названием маржан, то только крупней и лучше. Это было накануне магометанского праздника айта при окончании поста. На третий день я ездил к нему на квартиру, но мне сказали, что он уехал для сего праздника в магометанский город Кульжу, после того мы еще прожили тут дней до 10, и он не возвращался.

Обратный путь из Кульжи каравана

Итак, мы в Кульже пробыв 45 дней, возвратились октября 14-го числа; при выезде нашем из Кульжи находящийся при нас во все время житья нашего там офицер, пересчитав нас, приказал бывшим при нем рядовым конвоировать до первого караула, но мы как сих, равно и во всю дорогу до самого кара-

* Приказчик коммерции советника Нерпина.

ула Буратала не видали их, кроме того, что на каждом карауле мы поверяемы были, а с караула Буратала до караула Судабан препровождал нас тот же офицер, который препровождал же и в передний путь с шестью рядовыми; мы, не доходя до караула верст двух, 22-го числа ночевали, а 23-го конвоирующий нас и караульный офицер, поверив обще, выпустили из границ их.

С 14-го по 29-е число [октября] шли мы тем же трактом до урочища Мынбулака, а от оного 30-го числа отправился я с двумя киргизцами наперед к солатну кызаевской волости Абулфеису Шамину, который имел кочевье свое при минеральных водах на речке Цаган-Тогой, а караван наш следовал минуя гор (в передний путь переходимых) Арасантау, оставляя оные в правой руке, с западной стороны следовал по правую руку берега Алакуля к западу до урочища Кара-Агач, от Мынбулака в 30 верстах отстоящего, а от Кара-Агача 31-го, приняв вправо на северо-восток к горам Арасантау и подле оных на речку Арасан, до которой от ночлега 33 версты, а от сей до речки Цаган-Тогой пять верст. Речки сии выпадают с восточной стороны из гор Арасан и Уласуту и впадают в речку Имиль. Всего до ночлега 38 верст.

Большая часть нашего каравна с урочища Кара-Агач приняла путешествие прямо на Семиполатную крепость Киргизскою степью в левую сторону; некоторые – на урочище Кутуль к западу, минуя Тарбагатайские горы, а некоторые – чрез хребет Тарбагатайский, выше к северу на урочище Чагарак; приказчики же, бывшие со мною, коммерции советника Нерпина и казанского татарина Абдулгазы Гумирова – на Бухтарминскую таможню чрез хребет же Тарбагатайских гор на урочище Хабар-Табан, выше перехода нашего переднего пути в 15 верстах, с которыми я 31-го числа встретился при ночлеге на речке Цаган-Тогой.

Ноября 1-го, принимая в правую руку, обходя горы Арасантау, от ночлега отошед 30, не доходя до речки Имиль четырех верст, ночевали при безводном месте, откуда посылали поить лошадей и для себя за водой на речку Имиль.

От урочища Караултюбе, чрез Кара-Агач до самых Тарбагатайских гор, проходя ровною степью от караула Тюбе до

Цаган-Тогоя, шли местами хрящеватыми, а от оной до ночлега 1-го числа – песчаными, смешанными с илом, но крепкими.

2-го числа [ноября], оставив на месте караван наш, я и Реимбака передним трактом подле гор Аркарлы, между камышей, прилегающих от Бактытау, пустились вперед; Реимбака с двумя работниками – за получением оставленных в Чугучаке в долг за казной бязей, а я с одним нанятым мною у султана Абулфеиса, который был там по надобности своей наймановской волости киргизцом на четырех лошадях, дабы узнать, как меня удостоверяли о свободном проезде на телегах. Минуя с верхнего конца Тарбагатайских гор к востоку с малым излишеством чрез китайский караул Барга-Сутей, состоящий около верхнего Иртыша, пустились вперед, и того дня к вечеру достигли до караула Выйтанзы, где мы, явясь с данными нам расписками из чугучакской канцелярии к начальнику караула, объявили, что я еду наперед к своему дому, а Реимбака должен отправиться в Чугучак, который того ж часа с донесением о том послал нарочного, остановив Реимбаку до возвратного дня, а я, побыв немного у знакомого моего, того караула старшего урядника из манжур Богихо, оставив в правой руке город Чугучак, пустились вперед по линейной китайской дороге на зимний караул Бакты, о коем уже пояснено. Проехав оной и не доезжая караула Ергету-Танзы трех верст, около полуночи ночевал в ущелье гор Токта в тортугульской волости в ауле старшины Кулмурзы; того дня проехал я от ночлега до Выйтанзы – 28, от Выйтанзы до Бакты – 16, а от Бакты до ночлега – 18 верст, всего перехода сего дня 62 версты.

3-го числа [ноября] от ночлега до караула Кумурчи* 20 верст, где китайцы достают каменный уголь, встретился с торговыми ташкентцами, идущими в Чугучак со скотом, находящимся в мурунской волости. Вожатый их той же волости киргизец Тилямыш, сын старшины Базара, которые прежде довольно обо мне наслышаны были, как я нахожусь при пограничном начальнике, меня остановили, где я подкрепя себя пищею, отправился вперед. Киргизец Тилямыш из усердия к России, судя по скорой езде моей, подарил мне лошадь, стоя-

* Караул сей не пограничный, а для усмотрения за рабочими, у ломки каменного угля находящимися.

щую 30 руб., которую я хотя и не принимал без назначенной цены, но он убедил меня тем, что он дарит мне лошадь не из того, чтобы получить за оную товар и единственно из усердия к российскому начальству.

Я, отблагодарив его с обещанием, что я, конечно, отблагодарить его не оставлю, примолвив, не за лошадь, а за хорошее его расположение, и так распростившись с ним, отправился вперед чрез хребет Тарбагатайских гор по урочищу Хабар-Дабан, переехав оные, достиг в 9 часов вечера тогасовской волости до киргизцов, кочующих в ущельях Тарбагатайских гор, где и ночевал. Перехода было сего дня всего от ночлега 56 верст.

4-го числа [ноября] сделал поворот направо к востоку, пустился подле гор Тарбагатайских к караулу Бурга-Сутей, и того дня проехав 47 верст между Тарбагатайских гор и небольшого хребта, соединяющегося с оными, Катун-Ашу долом, ночевал у солтана Джабая Шаниязова, кочующего по речкам Уласлы, которые выпадают из гор Тарбагатайских от полудня к северу, впадают в озеро Зайсан. Солтана я дома не застал, он уезжал к брату своему байжигитовской волости солтану Камбару для решения дела, случившегося между братом его и солтаном киреевской волости Абулкаиром, которые имели до приезда моего междоусобную войну о зимовых местах, занятых прежде Камбар-солтаном.

5-го числа [ноября]. Переночевав в ауле сего солтана, пустился вперед, на пути переехав речки Уласлы, первую – при самом ауле, а последнюю – от оной в четырех верстах, и речку Чорга, от последней в 20 верстах. Все сии речки выпадают из гор Тарбагатайских от полудня к северу и вливаются в озеро Нор-Зайсан. Горы Хатун-Ашу кончились при самом моем ночлеге, переехав того дня 60 верст, ночевал в ущельях хребта гор, соединяющихся с хребтом Тарбагатайским, Манрак у киргизцев тогасовской волости.

6 [ноября] ехал я между озером Зайсаном и горами Манрак, от ночлега в 48 верстах доехал до речки Арасан, теплых вод, выпадающей из гор Манрак от полудня к северу ж и впадающую в озеро Зайсан же, при коих также построена торгоутами, волскими калмыками, из дикого камня кумирня, кладенная на глине, а от оного в 15 верстах, не доезжая солтана Камбара

пять верст, ночевал у брата его солтана Токта-Гучука в ущельях гор Манрак, который принял меня очень ласково и угощал кумысом и ужином по их обыкновению. Всего перехода того дня 63 версты.

7 [ноября]. Прибыл я к солтану Камбару, кочевавшему от ночлега в пяти верстах в тех же горах, не доезжая караула Бургасутей 30 верст, где прожив пять дней и переменив изнурившихся от скорой езды лошадей с придачею на 50 руб. товару.

13-го числа [ноября] пустился вперед к крепости Бухтарминской, принимая несколько к западу, не доезжая 20 верст до верхнего реки Иртыша, впадающего в озеро Зайсан, ночевал при урочище Карачилин у ташкентцев, кочующих с султаном Камбаром в лугу между гор Манрак и Иртышом, от аула в 30 верстах.

14 [ноября]. Переехав Иртыш выше озера Зайсан в 10 верстах, к вечеру достиг к Алтайским горам, именуемым Кара-Буйрюк, ночевал при урочище Чингель, на расстоянии от ночлега в 54 верстах.

15 [ноября] принял мое путешествие по пути по правую руку озера Зайсан, в 30 верстах подле Алтайских гор, и проехав 47 верст, ночевал, не доезжая холмов Долон-Кара, так называемых, на речке Калгуту, которая выпадает из Алтайских гор и теряется у самых тех холмов Долон-Кара в ауле вожатого моего киргизца Качкынбая.

16 [ноября]. Приняли наш путь до речки Курчум, выпадающей из Алтайских же гор и вливающейся в реку Иртыш, от ночлега 45 верст.

17 [ноября]. От речки Курчум до китайского караула Хоки-Маильхай, или Баты, 56 верст, на пути проехал речку, называемую Малая Каинда, от ночлега в 15 верстах, выпадающую из Алтайских гор в реку Иртыш. Ночевал при самом карауле на острове у промышленных наших Бухтарминской крепости казаков.

18 [ноября]. У самого караула переехав реку Иртыш, достиг ниже речки Нарыма в 10 верстах до Красноярского нашего бикета, а от Батов – 35, от оного до пикета Черемшинского – 17, от Черемшинского до Вороньего – 14, от Вороньего до крепо-

сти Бухтарминской – 25 [верст]. Здесь путь заграничный и кончился.

В передний путь

Всего расстояния от крепости Бухтарминской до города Чугучака – 485 верст, от оного до Кульжи – 331 верста.

В обратный путь

От Кульжи до крепости Бухтарминской – 823 версты, от крепости Бухтарминской чрез Барга-Сутейский караул до Чугучака – 458 верст, от Чугучака до Кульжи – 331 верста.

Замечание

От крепости Бухтарминской до города Чугучака означенными местами чрез Бурга-Сутейский караул, который означен на плане, для путешественников торговых путь самый лучший. Грунт земли крепкий, болотистых, гористых и безводных мест нет. Тележным ходом с всякою тягостью чрез вышеписанные места подле речки Иртыша на устье реки Курчума, а от оного на урочище Карабуйрюк, или Чингель, от сего переправясь чрез верхний Иртыш на урочище Кара-Чилин, от оного – Бурга-Сутейский караул, от оного последнего* до китайского города Чугучака между небольших гор расстояния не более 100 верст.

РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18541. Л. 34–61 об. Копия. Опубл. частично: Собрание сведений о Сибири и странах, сопредельных оной. Дневные записки переводчика Путимцева в проезде его от Бухтарминской крепости до китайского города Кульжи и обратно в 1811 г. // Сибирский вестник. Ч. 7. СПб., 1819. С. 1 (29) – 68 (96).

* По ту сторону Иртыша хотя есть и болотистые места, но пройти беспрепятственно с навьюжным караваном можно между оных киргизскою кочевою дорогою.

Маршрут по тракту от крепости Семиполатной к китайскому городу Аксу, учиненный командированным от командира войск 30-й дивизии г-на генерал-лейтенанта и кавалера Глазенапа переводчиком губернским секретарем Бубенновым. 1813 г.

1813 г., сентября

7-го числа. Переехал я из крепости Семиполатной чрез реку Иртыш с караваном купеческим при караван-баше ташкенским старшине Миркурбане Аиязове, за препровождением казацкого отряда, шли по течению реки Иртыш вверх до урочища Курутуринен семь верст, где переночевали.

8-го числа. Пустились в глубину степи, обитаемой киргиз-кайсацкой Средней ордой и шли на востоко-полуденный полюс до озера Сасыккуль (т. е. Душного) 40 верст. Озеро – его длина и ширина 100 сажен, вода в нем кисла.

9-го числа. Шли до речки Чаргурбан 12 верст, речка сия шириною три и четыре сажени, глубиною в некоторых местах в пол-аршина, а в иных и более сажени, выпадает она из горы Калбы и впадает в реку Иртыш Семиполатинской дистанции при редуте Талицком.

10-го и 11-го числа. С переночевного шли по правую руку сей речки 65 верст, оставляя начально от первого ночлега в левой стороне от речки в семи верстах гору Делбегетей, и при первом переходе в правой в пяти верстах три сопки, одна от

другой неподалеку состоящие, называемые киргизцами *Караултюбе*.

12-го числа. Оставя впереди на левой руке в восьми верстах гору Ювантюбе, т. е. Толстую сопку, от речки Чаргурбан уклонились в правую руку к горе Халбе, подле коей и шли скалами оной 30 верст, переночевав подле оной в ущелине. До сего места от крепости Семиполатной никакого леса нет, грунт земли песочный, местами и каменистый, подножный корм хорош, место ровное.

13-го числа. Переходя сию гору по переходу, называемому *Куртати*, взъем пологий, но спуск крут и с трудностью, бывшие при нас одноколки 150 сажен спускаемы были на руках людьми. Потом шли ровным местом до ключа Купкутты 15 верст, по сему ключу – 22 версты, при подошве сей горы у ключа ночевали. В горе сей и на речке грунт земли черный, по ущелинам лес березовый, таловый и ветловый, но к строению годного нет.

14-го числа. Повернув на полдень, шли по развалинам сей горы до ключа Ачису, т. е. Кислого, 20 верст, при коем ночевали.

15-го числа. Шли ровным местом до ключа Букурты, протекающего с правой стороны налево 40 верст, оставя от ночлега в 15 верстах в правой, от тракта – в полуверсте ключ, протекающий на три версты по пути на востоко-полуденный полюс, Сукурты, и в 20 верстах – небольшую гору Кышмурун.

16-го и 17-го числа. При сем месте дневали.

18-го числа. Шли на полдень по скалам горы Кызылташ, т. е. Красного камня, под коим у ключа ночевали. По отходе от ночлега в 25 верстах пересекли ключ Богас, протекающий с правой стороны налево и выпадающий из оной горы. Гора сия каменистая и есть в ней часть камней диких и глины красной, ходу всего было 35 верст.

19-го числа. Шли подле оной горы ущелинами пять верст ровным местом до ключа Карасу, т. е. Черной воды, 35 верст, оставляя от ночлега и тракта в правой стороне в 20 верстах другую гору Кызылташ, а в левой, в 20 – Кызыл-Агаш, и в 25 верстах пересекая речку Аягуш, выпадшую из горы Тарбагатая и впадшую в озеро, называемое киргизцами *Тынгис*, в кое

и семь рек впадает. Речка сия шириною от двух до 10 сажен, глубиною – пол-аршина, а местами есть и глубже сажени, переночевав при сем ключе и при горе Бурли.

20-го числа. Перешед сию гору без всякого затруднения, пять верст шли подле обширной и высокой горы Тарбагатая по развалинам сопок и четыре ключа, называемые *Тюлкули*, т. е. Лисьих, – 25 верст, дошед до мыса означенной горы Тарбагатая, переходили оную чрез переход, называемый *Кутель*, прошед оной с некоторою для одноколок, вьючных лошадей и верблюдов трудностью 10 верст. Ночевали при спуске в развалине, на ключе, называемом *Акташники*, т. е. Белый камень. Не доходя сей горы пять верст от тракта в правой руке, в 10 верстах оставили каменистую сопку Акчавлы. От горы Калбы все вышеписанные горы составляют обширную сию гору Тарбагатай, и до сего числа от тракта хребет оной остался в левой руке в 30 и 40 верстах. В сей горе по ущелинам леса березового, осинового, талового, тополевого, ракитового, черешневого и яблоневого довольно, но к строению годного мало, грунт земли, кроме камней, черный, до оной же от Калбы – был песочный, в некоторых местах и с камнями, а всего хода было сего числа 40 верст. Яблочное дерево растет в хребте на востоко-полуденной стороне, и как путь наш продолжался на полдень, то и оставались они в стороне; по хребту сему с северной стороны по ущелинам местами снег лежит во все лето.

21-го числа. Переходили скалы сего хребта тож с некоторою трудностью, ход был на восток, и спустясь на подошву оной при речке Терекли, т. е. Тополевой, выпадающей из сего Тарбагатая и протекающей на востоко-полуденный полюс, ночевали. Ходу было 30 верст, грунт земли тож, как и в хребте.

22-го числа. Перейдя сию речку ровным местом, шли подле оной на полуденно-восточный полюс 20 верст, в левой руке оставляя ее, и потом, отошед 10 верст, ночевали при речке Игинчия, т. е. Пашенной, ибо, как при сей, равно на супротив ее к востоку, состоящей в трех верстах речке ж Улуяр, равно и при Терекли, киргизских пашен довольно. Грунт земли хотя и песочный, но они из сих речек пущают на пашни воду, от чего бывает хороший хлеба урожай, посев делают они только одной калмыцкой пшеницы и малую часть проса. Речки же не более

широки – от одной до трех сажен и мелкие, выпадают они из Тарбагатая, текут на востоко-полуденный полюс, впадают первые две – в Улуяр, которая впадает в озеро Алакуль, состоящее при китайской границе, неподалеку от Илтакта и Барлыка, леса около их талового и тополевого довольно, но к строению годного нет, ходу же всего сего числа было 30 верст.

23-го числа. Перейдя сию речку Игинли, несколько шли подле оной и дошед до речки Улуяр, т. е. Большеярной, ночевали, при которой кочуют солтаны Попы, Агадай Абулфеисовы со своими подчиненными киргизцами сивановской, печмис-найманской волостей. При речке сей яр вышины от двух до семи сажен, ходу было 15 верст.

24-го числа. Удалившись от сей речки, шли на полдень чрез ямурины и ключи, обрастающие камышом, называемые *Терис-Аккан*, т. е. «напротив, против прочих ключей текущие», и отошед 20 верст, при оном ключе ночевали.

25-го числа. Дневали.

26-го числа. Отошед от ночлега 10 верст, перешли чрез ключ Уялы, протекающий с запада на восток, и, дошед до ямурин, обрастающих камышами, называемых *Чинканда*к, ночевали, оставя в версте в правой руке озеро Алакуль при сопке Кумтюбе, т. е. Песочной. Озеро сие обширностью 30 верст, обрастает камышами; и так ходу сего числа было 25 верст.

27-го и 28-го числа. Дневали.

29-го числа. Шли на полуденно-западный полюс 20 верст и, дошед до ключа Учкара, ночевали.

30-го числа. Дневали.

Октября

1-го числа. Дневали.

2-го числа. Шли тож на полуденно-западный полюс по скалам стоящей в 100 верстах от горы Алатау, т. е. Пегой, на которой всегда бывает снег зимой и летом, небольшой горки Телени, оставляя ее в левой руке, а в правой – сопку Саккан в пяти и менее верстах. По отходе от ночлега 10 верст перешли чрез речку Тентекли, протекающую с востока на запад, выпадающую из горы Алатау и впадающую в озеро Алакуль, состоящее от тракта в правой руке в 20 верстах. Речка сия каменистая, приключается к семи рекам, разбивается она на разные протоки и острова, шириною три версты, глубиною же, когда сберется в трубу, местами пол-аршина, а в некоторых и глубже сажени, течение имеет быстро, так что, ежели случится в некотором месте переезжать оную выше колена лошади, то сбивает с ног от быстроты водою. По отходе от Тентекли три версты, перешли сопки Текели мыс без трудности, дошед до речки Чинжили, ночевали; ходу всего было 40 верст. Речка Чинжили шириною три и четыре сажени, глубиною от полуаршина выше сажени, обрастает лесом таловым и тополевым, но к строению не годным.

3-го числа. Отошед от сей речки, шли на тот же полюс чрез небольшие песосчатые сопки 20 верст, потом ровным местом 10 верст. Перешед речку Ляпсу, подле оной ночевали. Речка сия каменистая, ширины она в малую воду 15 сажен, глубины от аршина и более сажени, в разлитие бывает 100 и более сажен, и тогда уже переправляются при удобных местах или вплавь на лошадях, или на плотах; леса при ней талового и тополевого довольно, в числе коего и к строению есть годный; течение она имеет с востока на запад; по обеим сторонам имеются пашни, производимые киргизцами, посев делают калмыцкой пшеницы и проса. Грунт земли, хотя с камнями и песочный, но они чрез пущание на пашни из Ляпсы воды напояют оные, отчего бывает хороший урожай. Пашни сии не сами киргизцы открыли, но прежде их обитавшие при сих местах калмыки, а киргизцы чрез прежние рвы и канавы расчищают. Подле сей речки по обеим сторонам приметны были калмыками выстроенные крепости четырехугольные, обведены валом, каждая стена длины 273, кажется, погонных сажени, и со всех четырех сторон – ворота, притом на валу, на каждой стороне по восьми, да на углах по одной было будке, вал и теперь имеет вышины и ширины пять аршин, внутри же по всей крепости рядом в три линии, да и перед ними разделенные были каменные здания, кругом же крепости подле вала на четыре сажени ров, приметно из речки по канаве имела течение вода, да при воротах и внутри крепости тож проведены канавы, почему и кажется – при каждых

воротах были мосты. От Тарбагатая до сей речки грунт земли песочный с камнями, а инде серый, глинистый и подножного корма достаточно.

4-го числа. Шли чрез небольшие пригорки и ложки 35 верст, ночевали при трех колодцах.

5-го числа. Отошед от ночлега пять верст, перешли речку Баенаю, от которой отойдя еще пять верст, тож перешли речку Сайкан, потом шли еще 10 верст на полуденно-западный полюс, повернув на запад и прошед 10 верст, при речке Аксу, т. е. Белой воде, ночевали. Речки сии все три каменистые, по собрании в трубу глубины от полуаршина до сажени, шириной от двух до пяти сажен, во время разлития от 50 до 100 сажен, почему и переправа бывает с трудностью и вплавь или на плотах; леса тополевого и талового довольно, в числе коего и к строению есть годный; выпадают они из горы Алатау и впадают все три в Ляпсу, меря первые в 80, Аксу – в 20 верстах; и так ходу было 50 верст.

6-го числа. По переночевке шли до речки Буён 25 верст, ночевали. Речка сия каменистая, по собрании в трубу шириною в три сажени, ее глубина от полуаршина [и] глубже, по разлитию ж шириною от 100 до 150 сажен.

7-го числа. По переходе ее, на возвышенном месте от горы Юнка в двух верстах калмыками была выстроена четырехугольная крепость, кругом обведена глиняным валом, на всех четырех стенах были ворота и, кроме угловых, по стенам по пяти будок, внутри были здания. Вал сей и теперь имеет вышины – четыре, а ширины – две сажени. Дошед до ключа Кызыл-Агаз, т. е. Красное дерево (кое прежде, как киргиз-кайсаки удостоверяют, и росло, ныне совсем его нет), при сем ключе ночевали, от Буёна до сего ключа 35 верст. Шли ж мы не доходя Аксу 10 верст, и до сего места подле горы Юнки, оставляя ее в левой руке от тракта в двух, трех, четырех и пяти верстах.

8-го числа. От сего ключа шли еще подле сей горы пять верст, потом, повернув на полдень, переходили сей горы мыс без всякого затруднения пять же верст, шли вниз горы подле ключа Сары-Булак, подле оного, 25 верст, ночевали, и так ходу было сего числа 35 верст.

9-го числа. Отошед от ночлега пять верст, перешли речку Каратал, потом, дошед до речки ж Куксу, ночевали, между коими расстояния 20 верст и все – хлебопахотные места. Речки сии обе каменистые и имеют быстрое течение, одной величины, т. е. ширины по собрании в трубу от 5 до 10 сажен, глубины от аршина и двух сажен, во время разлития бывают ширины на полверсты, тогда и переправа чрез оные бывает или вплавь, или на плотах; леса по оным осинового, тополевого и талового довольно, в числе коего и к строению есть годный. Течение они имеют с востока на запад, выпадают из горы Алатау и, соединяясь от тракта нашего в 25 верстах, впадают в Тенгис, т. е. море; и так последнею сею речкою Куксой семь рек кончаются.

10-го числа. По переходе речку Куксу и отошед от оной шесть верст, шли подле ключа Мукур, он же и Биджи, 14 верст, подле коего и ночевали, и течение оной имеет из сопки Биджи. По переходе ж сей речки Куксу, от оной в 200 саженях, калмыками построена была крепость квадратная, обложена глиняным валом, и каждая – верста, полверсты; внутри оной крепости были глиняные здания, начально выстроены были калмыками, а потом поправляемы ташкенцами, коих жительствовало с лишним 200 семей, и назад тому шесть лет от приключившейся им оспы сию крепость они оставили, отчего все здания приведены в опустение; вокруг же сей крепости к речке была водяная мельница, на которой и ташкенцы мололи хлеб; ворота же при сей крепости на полуденной и северной стенах.

11-го числа. Шли на полуденно-западный полюс по развалинам сей горы, перешли второй ключ Биджа, выпадший из оной и протекающий с правой руки на запад и впадший с тем же ключом в речку Куксу. Потом шли по развалинам же каменистой сопки Джилды-Кара, оставляя в двух верстах в левой руке, а напоследок в ущелине оной при колодце ночевали; ходу же было сего числа 35 верст.

12-го числа. Шли на полуденно-восточный полюс по развалинам сопок Джилды-Кара и Аргалыка, ночевали подле каменистой сопки Малаксара у колодцев, ходу было 25 верст; в левой же руке оставили от тракта в 15 верстах сопку Майтюбе,

а в 50 верстах – гору Чаганбугу, или Чулак, состоящую по сию сторону реки Или.

13-го числа. На тот же полюс шли по скалам сих гор и, перешед оные расстоянием 10 верст, ночевали при колодцах, состоящих при голбчике, выкладенном над могилой знаменитого наездника киргиз-кайсацкой Большой орды бодбай-уакской волости батыря и бия Сакана; голбчик сей выкладен четырехугольником ширины и длины по 7, а в вышину – 5 аршин, из дикого камня, обделанного на манер кирпича и по наруже выкрашен красною краскою.

14-го числа. Шли на означенный же полюс по ровному месту 30 верст, не доходя реки Или 15 верст, при ключе Каплы-Садык-Баиксы ночевали.

15-го числа. Караван и команда стояли на сем месте, а я с сотником Старковым, с некоторым числом купцов и казацкими чиновниками, сего числа отправились вниз по течению реки Или киргиз-кайсацкой Большой орды усюнской волости к солтану Адилю Аблайханову для доставления ему письма от командира войск 29-й дивизии[1] г-на генерал-лейтенанта и кавалера Глазенапа и, не доехав до аулов его, ночевали в горе Шалаксары.

16-го числа. Нашли его в сей Малой Сары-Битида, т. е. при мысе сей горы, подошедшем к реке Или, вручили письмо, который пригласил нас переночевать.

17-го числа. По письму его превосходительства отрядил он с нами для препровождения купеческого каравана, идущего в китайский город Аксу, уважения заслуживающего первопочтенного теленгута своего (т. е. телохранителя) Киммамета, снабдив его письмом своим каменных киргизов к биям, коих просил, дабы они караван вперед и обратно препровождали и делали возможные пособия, с которым мы и обратно к каравану, и не доехавши, на степи ночевали.

18-го и 19-го числа. Соединились к каравану, расстояния от сей мулы до аулов 55 верст, и как оно в стороне, почему с караваном идти было не способно.

[1] Так в документе.

20-го числа. Отправились вверх по течению реки Или к перевозу и шли на восток к реке Чулак 25 верст к ущелине, коей при ключе Ичима ночевали.

21-го числа. Дневали.

22-го числа. Перейдя сию сопку по пологим развалинам, шли подле реки 20 верст, ночевали.

23-го числа. Еще шли подле сей реки пять верст и не дошед сопки Калкан (т. е. Щит). Щитом сия сопка названа потому, что в прежнее время калмыки с китайцами имели в одно время сражение, и калмыки, будучи на оной, одержали победу. 20 верст предстоящей наедине впереди подле реки и при устье речки Чилек, вышедшей из горы Сугутты, переправились на паромах, содержащих Большой орды киргизцами. Паромы сделаны из тополевого леса на манер барки, перевозить клажи могут от 300 и до 600 пудов, опашных весел не имеют, кроме ручных; и переправа бывает с помощью лошадей, коих подле парома пущают по пути вплавь и привязываются за гривы. Река сия шириною и по собрании в трубу от 50 до 250 сажен, а в разлитие на две версты; имеет быстрое течение; лес по ней: саксауль, дуб, джида, тополевый, ветловый и таловый, и к строению некоторый есть годный. Иля выпала из китайской границы, течет на север и впадает в то ж озеро, в кое и семь рек.

24-го числа. Дневали.

25-го числа. Углубясь Или, шли на востоко-полуденный полюс по левую сторону речки Чилек и, отошед 20 верст, ночевали.

26-го числа. Шли на полдень, оставляя в правой руке речку Чилек, а в левой – Сары-Булак, и дошед до горы Суготы, в ущелине при колодцах ночевали; ходу ж было 30 верст.

27-го числа. Переходили сию гору 10 верст, долину – 8 верст, гору ж Туры-Айгыр (т. е. Гнедой жеребец) – 15 верст и ровного места – 8 верст и, не доходя речки Чара четырех верст и горы Сизатава 10 верст, ночевали. Речка сия выпадает из горы Алатау, течет на север и впадает при ключе Пиюге-реке в реку Или. Горы Суготы и Туры-Айгыр каменистые, переходить их на телегах можно с некоторою трудностью, особенно последнюю. По Чару леса тополевого, талового довольно, некоторый

и к строению годный. От Туры-Айгыра к горе Алатау по сей речке три китайских караула.

28-го числа. Дневали.

29-го числа. Отошед от ночлега ровным местом 10 верст, оставляя речку Чар в левой руке, начали переходить гору Шалатау чрез переход Санташ, оставя китайские бикеты два в левой, а третий, называемый *Мирке* – в правой руке, вошли в границы ихние и, перешед речку Мирке, при устье ее и при другой речке Мирке ночевали; ходу ж всего было 20 верст.

30-го числа. Перешед сию речку и еще третью Мирке, состоящую от средней в 10 верстах, шли подле реки Чар – 8, оставя в правой руке бикет, потом по ровному месту – 7 верст; дошед до ключа, при летнем китайском бикете ночевали. От сего места китайская граница остается, речки все три Мирке, а особливо первая – крутоберега, кои берега имеют вышины с лишним версту, на телегах переезжать оные с большою трудностью, каменистые, леса по оным довольно тополевого, ракитового и талового, глубины они в пол-аршина и более, ширина от трех до пяти сажен, имеют быстрое течение, во время перехода шли на восток. Около горы сей кочуют с восточной стороны калмыки, китайцам принадлежащие; каменные киргизцы – с полуденной, а с северной – киргиз-кайсаки. В переходе нашем с командою знали ли китайцы или нет, нам не известно, мы ж оным не казались, но караван шел с позволения китайского бикетного офицера. В обратный же от каменных киргизцев путь я с урядником и с 10 казаками был на бикете и имел переговор с китайским офицером, рассказывал ему, что от начальства своего командирован по купеческим делам, при том объяснялся, что чрез гору Алатау переходы, кроме Санташа, очень затруднительны, то можно ли нам проходить по Санташу, яко по линии; коей отвечал, что очень можно, но не иначе с позволения бикетного офицера, коей обязан дать конвой.

31-го числа. Шли на полдень ровным местом 15 верст, по развалинам сопки Санташ – пять верст, приняв в левую руку речку Тюп, шли подле оной 15 верст, и нашед при оной аулы каменных киргизцев биев Шапака, Ширали и прочих, ночевали. Речка сия каменистая, лес при ней таловый, тополевый и

ракитный, выпадает она из внутри границы китайской, впала в озеро Иссык-Куль (т. е. Теплого), предстоящего от горы Алатау к полудню и от ночлега нашего в 20 верстах. Озеро сие никогда не замерзает, обширности имеет около 350 верст, падает в его довольно речек, из коего выпадает река Чуй, протекающая по правую сторону Ташкинской провинции по степи, занимаемой кочевкою начально киргизцами каменными, а потом кайсаками. В горе Алатау леса всякого довольно и к строению годный.

Ноября 1-го, 2-го, 3-го, 4-го, 5-го, 6-го, 7-го, 8-го, 9-го, 10-го, 11-го, 12-го, 13-го, 14-го, 15-го, 16-го, 17-го, 18-го, 19-го, 20-го. На месте.

7-го. Сотник Старков 2-й с урядником и с 10 человеками казаками отправился с караваном по тракту к городу Аксу, шли они на запад ровным местом 25 верст, перейдя сию речку от прежнего ночлега в пяти верстах, оставляя горы Алатау в правой, Азачку – в левой руке, ночевали при речке Джиргакан. При речке сей лес таловый и сенных мест довольно.

8-го. По переходе сию реку тож шли на запад ровным местом 13 верст до речки Зауки, по переходе ее еще шли 17 верст до речки Житы-Угус (т. е. Семь быков), ночевали. При первой речке леса талового и сенокосных мест довольно, а также и хлебопахотных мест, посевающих дикими киргизцами просо и ячмень.

9-го. По переходе сию речку от озера Иссык-Куль, в 10 верстах оставили его в правой руке, тож шли на запад до речки Кызил-Агава 15 верст, перешед оную, шли на тот же запад до речки Зауки и, взошед в развалины горы Зауки при урочищах Кызыляр, т. е. Красные крутые сопки, при ключах ночевали; ходу было сего числа 30 верст.

10-го. Повернув на восток, поднимались на гору, шли по ущелинам Малой Заукичи, оставя Большой Заук у щели в правой руке, отошед 20 верст. Переход сей был несколько затруднителен для вьючных лошадей, и в ущелине ночевали; на тракте от первого ночлега в 12 верстах оставили в правой руке ключ, проливающий с яра наподобие фонтана – от подошвы шесть сажен.

11-го. До хребта горы ущелинами шли пять верст, переходили оный с трудностью 10 верст и, спустясь с хребта, по отходу четырех верст, ночевали при ключе Балта-Карынын-Баши, т. е. Голод черного топора; и так ходу было сего числа 19 верст. В горе сей с северной стороны снег никогда не тает и наподобие льду означается оной яром и видно слои, означающие ежегодного прибавления; воздух в сей горе по обе стороны самого хребта очень нездоровый, так что в караване и в команде во время сего перехода люди почти все были слабые.

12-го. По развалинам сей горы, оставляя ее в правой, а камень Бишмуйнак и ключ Балта-Карынын-Баши – в левой руке, шли на полуденно-западный полюс 15 верст, поворотив влево чрез сопку Акбил, т. е. Белая поясница, оставив в правой руке дорогу, идущую в китайский город Кашкар, и перешед сию сопку 15 верст, ночевали в развалинах ее при ключе; и так ходу сего числа было 30 верст. Воздух одинаковый, как и при хребте Зауки.

13-го. Шли на полуденно-восточный полюс, сопками семь верст до вершины речки Сырдарьи, коя выпадает из сопок Бишмуйнака, проходящих от тракта на восточной стороне, река Дарья имеет теченье по степям каменных киргизцев и кайсаков. По переходе сию реку Сырдарью, шли ровным местом чрез долину Аксыйрак далее 12 верст, т. е. Белая нога, и поворотив на восток, шли тож ровным местом 13 верст, оставляя в левой руке речку Майсы, и ночевали в сопках Келинтайган и при речке Тангак же (т. е. Сноха поскользнулась), отколь по переночевке – в кочевье биев Шапака и Ширали с товарищи, т. е. 14-го числа обратился я с командою обратно, а караван пошел в следующий путь к городу Аксу. Ехали тем же трактом четыре дня, а от урочища Келинтайган китайский город Торпан, по слухам, стоит примерно в 60 верстах, в коем находятся главные из города Аксу таможенные чиновники, а собирают как с приходящих из-за границы, равно и выходящих за оную, с купцов пошлину. Пошлину же берут с 30 вещей – одну. Город Торпан от Аксу состоит в 60 верстах.

21-го. Выехал я с командою и посланниками из аулов каменных киргизцев обратно. Шли до горы Сугутты прежним

трактом, а от Сугутты, оставляя оную в левой руке, шли прямо к реке Иле; переехали оную по льду при урочище Таняр; гору Чулак переехали чрез Туз-Ашу. Ехали подле сопок Майтюбе и Аргалык; выехали на прежний тракт при реке Куксу, ехали оным до ключа Кызыл-Агача; потом, оставя прежний тракт в правой руке, шли прямо между горы Аргакаты и озера Тынгис; вышли на речку Аягус, шли подле оной 150 верст; оставя ее в правой руке, перешли гору Чингиз чрез Перехва и Киик-Аксу и дошли до крепости Семиполатной 5-го генваря 1814 г. чрез небольшие. Вперед прямым трактом мы шли потому, что, как известно было, до самых семи рек на тракте киргизских волостей не было; купцы же, бывшие в караване, нуждались жизненными припасами, равно и вьючными лошадями и верблюдами, то дабы удачно было все выменять, имели свое путешествие по вышеписанным урочищам.

Подлинный подписал переводчик губернский секретарь Бубеннов.

С копиями верно: засвидетельствовал инженер-подполковник *Булыгин*

РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 24668. Л. 161–172. Заверенная копия.

Журнал путешествия от города Троицка на Оренбургской линии до найденного в Киргизской степи на реке Кара-Тургай свинцового прииска мая с 29 по 18 июля 1814 г., писанный инженер-поручиком Генсом

По повелению его сиятельства оренбургского военного губернатора, г-на генерала от кавалерии и кавалера князя Григория Семеновича Волконского собиралась в конце сего мая месяца воинская команда, состоящая из 650 человек башкирцев, 350 казаков, 50 солдат Троицкого гарнизонного батальона и 10 артиллеристов с двумя пушками.

Начальником сего отряда был г-н комендант Троицкой крепости от армии подполковник Феофилатьев. Прочие чиновники были: г-н надворный советник и кавалер Чекалов, инженерный поручик Генс, троицкий плац-адъютант г-н подпоручик Баженов и служивший переводчиком в Троицкой пограничной таможне г-н губернский секретарь Ситников, кроме чиновников, находившихся при войсках. Вожаком служил киргизской Средней орды, аргинского рода, чаритымского отделения старшина Алтай Миняшев.

Отыскание находящегося в Киргизской степи на реке Кара-Тургай свинцового прииска, снятие места положения его на план, описание дороги и около ее лежащих мест были одни из главных причин, побудивших начальство отрядить сию команду и прикомандировать к ней особого для сего инженерного офицера.

Инженер-поручик Генс, быв избран к сему делу его сиятельством, упомянутым г-ном военным губернатором, отправился из Оренбурга 16 мая вечером, но за ненастною погодой, испортившей дороги, прибыл в Троицк не прежде 23-го числа того же месяца.

Время до выступления команды в степь было им употреблено на заготовление инструментов и разных припасов, в столь затруднительном путешествии потребных. К задней оси дорожной повозки приделан железный брусок, которого один конец между двумя таковыми же в отвесном положении к кузову повозки и к оси же приделанными и внизу соединенными мог подниматься и опускаться. Кривая железная полоска, привинченная к ступице колеса, при каждом обороте его около оси поднимала описанный брусок, который достигав конца сей полоски, падая на нижний поперечный брусок, производил стук и давал, таким образом, способ считать обороты колеса и по числу их определять протяжение дороги. Окружность колеса составляла 1 сажень 3 фута и $5\frac{1}{10}$ дюймов.

29 мая, пятница

Команда выступила из города Троицка в 4 часа пополудни и от моста чрез реку Уй начали считать обороты колеса.

За три версты от реки Уй, по левую сторону близ дороги находятся два малых озера с пресною водою. Берега их заросли травою. По левую сторону дороги вдали виден березовый лес и в расстоянии около 12 верст – старое высокое дерево.

Отъехав $8\frac{3}{4}$ верст (2929 оборотов), команда остановилась для ночлега при нескольких малых, травою почти совсем заросших, озерках, находящихся по правую сторону дороги.

Направление дороги – к югу. Команда следовала по обыкновенной караванной бухарской дороге, которая проложена по возвышенному, но ровному месту, покрытому хорошей травою, которая, однако, недостаточна для сенокоса.

Грунт земли – чернозем, смешанный с песком. Погода ясная и теплая.

Команда остановилась в $5\frac{1}{2}$ часов.

30 мая, суббота, дневка

Некоторые распоряжения, требующие присутствия г-на коменданта в городе, не позволяли команде отправиться в дальнейший путь. Команда имела случай приготовиться лучше к дороге и отвратить все малые неудобства, замеченные, например, в образе следования повозок, в укладке на них провианта и других нужных к дороге вещей и проч.

Погода во весь день была ясная и теплая.

31 мая, воскресенье, полудневка

После обеда в 6 часов приехал из города г-н комендант и команда тотчас по прибытии его выступила.

Отъехав около двух верст, команда переехала чрез сухой овраг, называемый *Черной речкой*. Весною в нем течет вода, и ручеек сей впадает в пяти верстах от Троицка к востоку, с правой стороны, в реку Уй. При обратном походе команда переехала чрез нее близ устья, и в сем месте в нем небольшой ручеек имел довольно быстрое течение.

За сим оврагом команда поворотила налево и, ехав в сем направлении около двух верст, выехала на другую дорогу, имеющую одинакое с первою направление, и, доехав до оной, поворотила опять направо.

Отъехав 8¼ верст (2820 оборотов), команда остановилась для ночлега при озере с пресною водой и заросшими травою берегами, почти круглом, имеющем в поперечнике около 250 сажен. Дно сего озера состоит из песка, покрытого черным илом. Расстояние его от Троицка 17 верст (5749 оборотов).

Направление дороги – к югу. Грунт земли по сему переезду – чернозем, смешанный с песком. Хлебопашество можно бы завести, особливо в низких местах. Травы по обеим сторонам дороги довольно и самая дорога его заросла, так что вся сия сторона может служить хорошим пастбищем для всякого рода скотины, но сенокосных мест вблизи не видно. Нет сомнения, что их можно отыскать по лощинам и низким местам. По левую сторону дороги виден лес.

Водяных птиц, особливо уток, по всей дороге видно было много.

Из сего описания видно, что около сего озера можно завести без нужды селение.

Погода во весь день была ясная и теплая.

Команда остановилась в 7½ часов вечера.

1 июня, понедельник

Команда выступила в 4 часа утра.

За три версты (1000 оборотов) от места ночлега находится по правую сторону дороги, около полуверсты от нее, небольшое круглое озеро с хорошей пресной водой. За сим озером около полуверсты далее другое таковое же, но несколько меньше первого. На берегах их видны были свежие признаки киргизского кочевья. На обоих озерках плавали утки разных родов.

За пять верст (1700 оборотов) от места ночлега начинается по дороге березовый лес, который продолжается на пять верст (1800 оборотов). Лес сей довольно хорош и состоит из крупных дерев, которые могут быть употреблены на строение, но, к сожалению, он редок. Среднее расстояние между деревьями можно принять от двух до трех сажен и молодых подростков совершенно нет. Причина этому есть пагубное обыкновение киргизцев зажигать на степи осенью старую сухую траву или, говоря словами простого народа, пускать палы. Пожары сии подходят к лесу и хотя огонь не так силен, чтоб он мог причинить чувствительного вреда старым деревьям, но молодые годовые подростки он истребляет совершенно. Между тем, однако, у многих дерев обгорает кора, отчего они неминуемо должны засыхать. Жители города Троицка и киргизцы рубят лес сей на дрова, ветер ломает много дерев; и как потеря сия свежими молодыми деревьями не вознаграждается, то должно ожидать совершенного его истребления.

В сем лесе возле дороги, по левую сторону, находятся две свежие киргизские могилы, из которых одна покрыта дерном и обнесена новой деревянной оградой из березовых жердей, худо сделанной. При конце леса находится кладбище киргизское, состоящее из 16 могил, просто землею покрытых. Возле одной

из них лежала деревянная чаша. Уверяют, что киргизцы кладут к покойникам посуду, которую они при жизни употребляли.

За лесом, 10½ верст (3500 оборотов) от места ночлега, по левую сторону около четырех верст от дороги, начинается озеро Сасыккуль (по переводу – Тухлое озеро). Несмотря, однако, на название, вода в нем довольно хороша. От сего места до конца его, который подходит близко к дороге, расстояние семь верст (2400 оборотов). Другой, или северный его конец, находится, по словам жителей Троицка и окрестных мест, от Соколовского форпоста (12 верст от Троицка) в 15 верстах. Линейные казаки здесь косят сено. Оно не широко, но болотистые его берега и окружающие его малые озера доказывают, что оно прежде было гораздо обширнее.

За сим озером встретился с командой бухарский купеческий караван, состоявший из 300 верблюдов.

От места ночлега в 16 верстах показывается по левую сторону дороги возвышение в расстоянии одной версты. На нем несколько киргизских могил, из которых одна покрыта деревянным срубом.

Расстоянием от места ночлега за 23 версты показывается в правой стороне озеро Чалкуль, изогнувшееся крюком, так что последний его конец отстоит за 2½ версты от дороги и имеет направление к югу, а другой конец – под прямым углом с дорогою. Сей последний зарос камышом. Ширина сего озера местами от 40 до 200 сажен, а длина около трех верст. Вода в нем имеет несколько соленый вкус.

По неизвестности, есть ли впереди по дороге в недальнем расстоянии вода, положено было при сем озере остановиться, и команда, своротив с дороги, ехала до него 1½ версты (453 оборота) и расположилась при северо-восточном его конце, который отстоит от места ночлега за 24¾ версты (8320 оборотов), а от Троицка – за 41¾ версты (14 009 оборотов).

Дорога по сему переезду крива по причине озер и рощ, которые не позволяют ее проложить прямо. Главное ее направление к юго-востоку. Надобно заметить, что караванная дорога, по которой команда следовала (называемая еще *Япасской дорогой*, по наименованию того киргизского рода, который по ней провожает караваны), состоит из тропинок верблюжьих, которые для езды на колесах местами весьма неудобны, по большей части, где тропинки сии часты, там они заменяют достаточно набитую тележную дорогу.

Хорошая трава и разнообразность растений, коими все места по сему переезду покрыты, доказывают плодородие почвы, состоящей из чернозема, смешанного местами (особливо около озер и на высоких местах) с песком. Лес березовый по всему переезду изобильный и виден по обеим сторонам дороги, то ближе, то далее, но он, как уже упомянуто, редок, и если правительству угодно будет здесь завести селения, то на сбережение его должно обратить особое внимание.

По всему переезду летали стадами гуси, утки и также лебеди. Дроф по степи было весьма много.

Около озера на поверхности земли находятся обломки песчаного камня, который мог бы быть годен на строение, если бы не был так мелок. Вероятно, он под землею должен быть крупнее.

Команда остановилась в 11 часов и выступила опять в 4 часа пополудни.

Первые 1½ версты (453 оборота) команда ехала по дороге, проложенной ею от настоящей караванной дороги до озера. Поэтому должно из общего счета расстояния выкинуть 2¾ версты (906 оборотов), как двойное расстояние озера Чалкуль от прямой дороги.

За шесть верст от озера начинается березовый лес, довольно густой, который продолжается до самой реки Товузак. Он состоит из рощ, которые занимают все пространство сего переезда и находятся то на самой дороге, то в некотором от нее расстоянии и по большей части соединяются между собой.

Пред сим лесом по левую сторону дороги, расстоянием от нее в трех верстах, находится довольно большое озеро с пресной водой.

За 12 верст (4200 оборотов) от озера Чалкуль находятся две киргизские могилы. Около их встретились с командой 40 верблюдов, составлявших часть идущего в Троицк бухарского каравана.

За 15 верст (5009 оборотов) от озера Чалкуль, а от Троицка 56¾ верст (19 078 оборотов), команда, переправившись вброд чрез реку Товузак, остановилась на правом берегу.

Река Товузак (по переводу – Длинные горы), или как она обыкновенно называется *Тоузак*, имеет вершины свои в Киргизской степи против Степной крепости, около 80 верст от нее к югу, течет от запада к востоку, принимает с левой стороны речку Яман-Товузак и впадает в реку Уй, пониже Каракульской крепости, против Белокурийского форпоста. Она течет довольно скоро, на мелких местах – по камням, а на глубоких – по крупному песку и гальке. Ширина ее около 6, но она имеет плёса глубокие, шириною до 20 и более сажен. Местами она имеет глубиною не более одного фута воды. Около вершин ее и пониже к устью растет по берегам ее сосновый лес, и березовый находится по всему течению ее в изобилии. По крутым берегам реки показываются толстые слои зеленоватого с черными пятнами или искрами серпентина.

Место, на котором остановилась команда, прелестно. Оба берега, и особливо крутой правый, усажены крупными березами, и в лощинах, его перерывающих, растут густые березовые рощи. На левом берегу – киргизские кладбища, на котором многие могилы покрыты деревянными срубами, так что кладбище сие походит на малое селение. Зеленая трава, покрывающая все окрестности и испещренная разными цветами, и самая река немало придавали сему месту приятности.

Рыбы в реке великое изобилие. Обыкновенно ловятся щуки, язи, очень крупные окуни, а также лини. Говорят, что около границы попадаются также ерши. Вся команда имела не только изобильное продовольствие на месте, но и насолила, сколько обстоятельства позволяли, для дороги.

Направление караванной дороги, по которой шла команда, прямо к югу. Почва – чернозем, но чем ближе к реке, тем больше он содержит песку. Трава по всему переезду от озера Чалкуль хорошая и по реке есть луговые для сенокоса удобные места, но их немного.

Погода во весь день была ясная и жаркая.

Команда пришла на место в 7 часов вечера.

2 июня, вторник, дневка

Команда занималась рыбной ловлей, которую производили сетьми и взятыми г-ном комендантом из Троицка двумя неводами. Починка [колес] повозок и сделание запасных осей занимали кузнецов и плотников.

Погода была ясная с ветром. Около полудня появились тучи, но усилившийся ветер их разогнал. К 5 часу после обеда исчезли облака и ветер утих.

Общие замечания о пространстве между реками Уй и Товузак

Вся сия сторона вообще плодородна и везде находятся отличные пастбища. Сенокосных мест отличных немного, но зато около лесов трава так густа и высока, что ее можно косить без нужды, и она должна быть для скотины гораздо питательнее, нежели луговая, с камышом смешанная. Хлебопашество можно с великим удобством завести, особливо около лесов, где почва состоит почти из чистого чернозема. Дичи (особливо водяных птиц) чрезвычайно много и она может жителям некогда доставлять немалые выгоды. Только недостаток в хорошей воде, кажется, представляет затруднение в заведении селений, но он, верно, может быть отвращен колодцами, которые можно вырыть около леса. Впрочем, вода как в Сасыккуле, так и в Чалкуле для скотины в питье годится, и лошади пили ее без всякого отвращения. В тех озерах, которые находятся от 17 до 20 верст от Троицка, вода, как сказано, хороша и без малейшего постороннего вкуса. Если бы вознадобилось устроить по сему тракту линию, то можно бы около сих озер завести первый форпост, а другой – около Сасыккуля, расстоянием от первого от 15 до 18 верст, или только один форпост около северного берега Сасыккуля, для чего, однако, нужно прежде испытать, можно ли в сем месте в колодцах иметь хорошую воду. На Тоузаке можно выстроить крепость, потому что там имеются к заселению все потребности. Все пространство от Троицка до сей реки ровное, и дорога идет по гладкой степи, кроме небольшого пространства около озера Чалкуль. Солончаков почти вовсе нет.

Казаки рассказывают о каменной древней могиле, находящейся против Степной крепости в Киргизской степи за рекой Тоузаком. О сем памятнике древности говорит г-н академик Паллас в своем путешествии по разным губерниям Российской империи, под именем *Татарской комены*. Она находится от Троицка в 95 верстах.

3 июня, среда

Команда выступила в 3½ часа утра.

За восемь верст (2800 оборотов) от реки Тоузак, по левую сторону от дороги, расстоянием в 1½ версты находится озеро Ялтеркуль. Широта его до двух и длина около трех верст. Вода в нем солено-горьковатая, но, несмотря на то, на нем водится множество лебедей, гусей и уток и около его журавли и разных родов кулики.

Между сим озером и рекою Тоузаком находятся два возвышения круглые и обросшие травою. Они не что иное, как могилы, называемые *чудскими* или *ногайскими*[1]. Обыкновенно думают в простом народе, что по всей Оренбургской губернии и также в Киргизской степи обитал народ, называемый *чудь*, но под сим названием разумеются без разбора все древние народы, и поэтому нельзя с вероятностью полагать, чтоб это было поколение финнов, которым в особенности сие название прилагается. Сверх того, противны сему предания киргизцев и башкирцев, которые имеют более вероятности. По сим преданиям жили здесь первоначально кипчаки, народ воинственный, составлявший часть тех татар, которые, будучи зависимы от монголов, помогали им некогда разорять Россию. Впоследствии времени они отсюда удалились, будучи стесняемы ногайцами, и одна их часть дошла до предков нынешних киргизцев, живших прежде за Бухарией и претерпевших также разорение от ногайцев. От них происходит существующий еще ныне, принадлежащий к Средней киргизской орде, кипчатский род. Ногайцы, жившие здесь долго, удалились, наконец, далее к западу, и часть Киргизской степи занимали после них башкирцы, а ныне кочуют здесь киргизцы около 100 лет.

[1] Ногайцы – население Ногайской орды, или Мангытского юрта, кочевого государства, выделившегося из Золотой Орды в конце XIV в. при эмире Эдыге. Ногайскую орду населяли мангыты и кунграты, а также другие тюркские племена. Все они во второй половине XIII в. входили в состав орды золотоордынского темника Ногая. Кочевья Ногайской орды располагались к северу от Каспийского и Аральского морей, от Волги до Иртыша. В XV – первой половине XVI в. Политическим ядром Ногайской орды являлась территория между Яиком (Уралом) и Нижней Волгой с центром в г. Сарайчик. Распад Ногайской орды на независимые части относится ко второй половине XVI в.

Ногайцы, которым приписывают башкирцы сооружение сих могил, имели обыкновение хоронить тела умерших мужского пола, сажая их на лошадей, в богатом убранстве и в полном вооружении, с множеством золотых и серебряных вещей. По сей причине все таковые могилы около линии разрыты, и уверяют, что, кроме разной посуды и мелкой монеты, находили в них серебряные, а иногда даже золотые стремена. Родственники умерших старались доказывать свое к ним усердие тем, что они привозили на их могилы с тех мест, где они кочевали, на верблюдах землю и камни; и точно можно на многих могилах найти таковые камни, каковых в близости нет. По количеству насыпанной на могилу земли можно судить о знатности и богатстве того, кто в ней похоронен.

Сие предание имеет некоторое сходство с известием о киргизцах, данным г-ном академиком Палласом в первой части его путешествия по сибирским губерниям Российской империи, и даже тогда должно бы быть здесь помещено, если б не имела своего сходства. Ученым надлежит судить о справедливости его.

За 18 верст (6300 оборотов) от реки Тоузака, по обеим сторонам дороги, есть несколько малых заросших совершенно камышом озер.

Отъехав от реки Тоузака 38½ верст (12 900 оборотов), а от Троицка 95¼ верст (31 978 оборотов), команда прибыла к озеру, имеющему до трех верст длины и от 200 до 300 сажен ширины, но так сильно заросшему камышом, что единственное чистое в нем место, оставшееся около южного берега, в поперечнике не более 10 сажен, и здесь воды только на три фута. Дно его состоит из чернозема с песком и покрыто разною нечистотою, но, несмотря на все то, вода довольно хороша и не имеет солено-

го вкуса. Около озера, возле самой дороги, разрытая ногайская могила.

От сего места в четырех верстах к востоку находится соленое озеро Карасуль. Окружность его простирается до 15 верст, но оно так мелко, что человеку можно свободно проходить. Дно его, как во всех соленых озерах, иловато. Соль в нем садится частью на дно, частью же плавает на поверхности, и количество ее соразмерно с убавлением воды от летних жаров. Она несколько горьковата от содержащейся в ней глауберовой соли, но может быть употреблена без нужды в пищу. Однако для прочного соления, как уверяют жители Троицка, неспособна. Около сего озера – два озерка небольшие, но с хорошей пресной водой.

Направление караванной дороги, по которой шла команда, прямо к югу. С начала сего переезда место несколько бугровато, но последние 20 верст оно совершенно ровное и низкое.

От реки Тоузака до половины сего перехода почва состоит из чернозема, смешанного с крупным песком, особливо около озера Ялтеркуль, а с половины – почти из чистого чернозема. Травы и низких мест много. Лесу березового по всему переезду много, и 15 верст (5100 оборотов) от Тоузака дорога проложена до пяти верст между рощами березовыми, которые покрывают большую часть степи.

По дороге видны были дрофы большие и малые, называемые *стрепетами* (Otis tetrax). Около озера Ялтеркуль было множество всякого рода водяных птиц.

Команда остановилась в 11 часов и в половине 4-го выступила опять далее.

За шесть верст (2100 оборотов) от Камышового озера, по левую сторону близ дороги – малое озеро, и недалеко от него по правую сторону таковое же, но еще меньше его. Вода в обоих озерках пресная.

За восемь верст (2800 оборотов), по правую сторону близ дороги – ногайская могила, и на ней шесть могил киргизских.

За 10 верст (3300 оборотов), по правую сторону возле самой дороги – два озера небольшие. Вода в них пресная, хорошая, и около них растет отменно хорошая трава. По берегам их видны признаки кочевья.

Отъехав 26½ верст (8927 оборотов) от Камышового озера, а от Троицка 121¼ версты (40 905 оборотов), команда, переправившись вброд чрез реку Аят, остановилась на правом ее берегу.

Река Аят течет от запада к востоку и около 75 верст от сего места впадает в реку Тобол. Вершины ее находятся к югу от вершин Тоузака. Она местами не шире пяти сажен и мелка, но местами имеет широкие и глубокие плёса, в которых чрезвычайно много таковой же рыбы, как и в Тоузаке. Дно реки и южный, довольно высокий берег состоит из крупного песка и гальки, и под яром сего берега находится в воде желтоватая, чистая и на кирпичи и простую посуду весьма годная глина. Она с селитряною кислотой не вскипает. Местами по северному берегу видны слои зеленоватого серпентина.

Направление дороги караванной сначала между югом и юго-востоком, а потом на юго-восток. Дорога проложена почти по ровному месту с весьма отлогими и даже малоприметными возвышениями.

Почва земли состоит из чернозема, смешанного с крупным песком. Чем ближе к реке и чем выше место, тем больше изобилует песок. По низким местам, которых по сему переезду довольно, особливо же по реке, растет весьма хорошая трава. Хлебопашество может быть удобно заведено и в сенокосных местах недостатка нет.

По всему переезду много леса березового, однако в четырех верстах от реки он кончается, а за рекой его уже не видно. Местами попадается дикая спаржа.

По степи летали белые куропатки и дрофы. Также видны были сайги.

По словам казаков, за рекой Аятом, около 60 верст к западу, находится неширокое, но длиной до 60 верст озеро горькое, на котором множество водяных птиц. Около него малое озеро с хорошей пресной водой.

Погода была жаркая, но в 5 часов пополудни появились тучи, сверкали молнии и слышны были сильные громовые удары при сильной буре. К востоку от дороги шел сильный дождь.

К юго-западу, верстах в 15 от дороги, с начала выступления видна была густая пыль, которая переходила далее к запа-

ду. После виден был вдали дым. Вероятно, переходили киргизцы со своими стадами и зажгли сухую траву или камыш.

Команда прибыла на место ночлега в 8 часов вечера.

4 июня, четверток, дневка

Погода с утра была тихая и небо облачное, но после обеда сделалось ясно и жарко.

Общие замечания о пространстве между реками Тоузаком и Аятом

Сия страна не менее плодородна, как та, которая между Тоузаком и Уем, и изобилует дичью, хорошими пастбищами и способными к хлебопашеству местами, но, к сожалению, на 45 верст от Тоузака по недостатку хорошей воды по дороге нет удобного к заселению места. В озере, при котором команда 3-го числа обедала, воды мало и та не хороша, хотя не солона, и не без причины надобно опасаться, что оно совершенно зарастет и высохнет. В случае нужды должно бы вырыть колодцы и испытать качество воды, которою они наполнятся, или завести селение около пресных озер, находящихся при озере Карасуль, в стороне от дороги около 35 верст от Тоузака. На реке Аяте можно без всякой нужды завести немалое селение.

5 июня, пятница

Команда выступила в 3 часа утра.

За две версты (700 оборотов), по правую сторону, видна на возвышении ногайская могила.

За 12 верст (4000 оборотов) от места ночлега находится овраг, который хотя неглубок и имеет отлогие берега, но переправа чрез него затруднительна потому, что дно его кочковато и болотисто. Надобно полагать, что весною в нем течет сильная вода.

За 20 верст (6700 оборотов) – овраг сухой с крутыми берегами. В нем местами растут молодые березы, которые составляют приятные рощицы.

За 25 верст (8400 оборотов) – таковой же овраг.

Отъехавши 30½ верст (10 200 оборотов), команда остановилась на правом берегу Аята, по которому она ехала весь сей переезд. Место сие находится от Троицка в 152¼ верстах. Несколько к западу находятся на высоком месте возле самой реки три могилы киргизские, покрытые камнем. Река Аят, повидимому, весною сильно разливается и вода в ней прибывает до четырех сажен отвесной высоты, что доказывается наносным камышом и сором, находящимся на высоких местах берега. Недалеко от сего места, впереди, крутой берег реки состоит из хорошей кирпичной глины.

Направление дороги почти прямо к востоку, с некоторым отклонением к югу. Команда, оставив караванную дорогу в правой стороне, следовала безо всякого следа течению реки Аята по правому высокому ее берегу, удаляясь от реки местами до пяти верст. Вожак не знал хорошо здешние места, но искал только устье Аята в Тобол и потому он вел команду не прямою линиею, но разными дугами, которые на сем переходе составляли, по крайней мере, пять верст лишнего пути.

Хотя место, по которому шла команда, высоко и почва его состоит из крупного песка и мелкого кварца, а поглубже – из чистого песка. Однако по лощинам и по всем местам, окруженными хотя малыми и даже малоприметными возвышениями, трава растет чрезвычайная. Но по высоким местам растет только мелкая полынь и другие сухие растения. Местами растет дикая спаржа.

Лесу по правую сторону не видно, но за рекой, на левом берегу, вдали показываются рощи березовые.

Журавлей и водяных птиц по всей степи довольно. Они летали в правой стороне командного тракта. Надобно полагать, что далее к югу есть озера, несмотря на то, что место туда более и более возвышается. Башкирцы поймали дорогою прежирного барсука (Ursus melos).

Погода с утра была пасмурная, прохладная, с резким ветром, так что нужно было надеть теплое платье, но в 9 часов сделалось ясно и жарко, хотя ветер был довольно сильный.

Команда остановилась в 10 часов утра и выступила опять далее в 4 часа пополудни.

За 5¾ верст (7900 оборотов) от того места, где команда остановилась, лощина небольшая, но с крутыми берегами, затрудняющими несколько переправу с повозками.

За 7¾ верст (2600 оборотов) – овраг небольшой.

За 11 верст (3700 оборотов) – лощина глубокая с крутыми берегами. В ней глубокая яма, около пяти сажен в поперечнике, наполненная хорошей пресной водой. В сей лощине, по правую сторону от места переправы, видны остатки леса, т. е. несколько крупных, но по большей части сухих берез.

За 15 верст (5100 оборотов) по правую сторону тракта, которому следовала команда, на возвышении находится разрытая ногайская могила.

Отсюда команда поворотила налево и, отъехав всего 17½ верст (5865 оборотов), а от Троицка 169¼ верст (56 970 оборотов), остановилась для ночлега на правом берегу реки Аята возле двух могил, покрытых разными камнями, которых в близости нигде нельзя приметить. Разное их свойство доказывает, что они привезены из разных мест. Южный берег реки здесь крут и высок, и при подошве его лежал не растаявший еще снег. Местами сей берег почти бел и состоит из довольно чистой глины. На левом берегу Аята, к северо-востоку, видна была на горе ногайская могила.

Команда шла почти прямо к востоку. Сначала по высокому, несколько гористому, но последние шесть верст – по совершенно ровному и очень гладкому месту, по которому повозки катились весьма легко и свободно. Причиною сему твердая почва, состоящая из песчаного кварца, смешанного в лощинах и на низких местах с черной землей. Трава на сих местах, хотя хороша, однако не в таком количестве, чтоб она могла составить хороший сенокос, к которому способны низменности по реке. К заведению хлебопашества удобства мало, но оно не должно почитаться невозможным, потому что все низкие места плодородны. Только они невелики и разделяются между собой бесплодными возвышениями, на которых растут только сухие и местами соленые травы.

Лесу к югу от реки по всему переезду не видно, но на левом ее берегу, расстоянием от нее от 5 до 10 верст, его довольно.

Жар продолжался до самого вечера и ветер, уменьшаясь, утих, наконец, совершенно в 5 часов пополудни.

Команда приехала к месту ночлега в 7 часов вечера.

К востоку видно было большое зарево.

6 июня, суббота, полудневка

Команда выступила в 4 часа поутру.

За одну версту (300 оборотов) от места ночлега – овраг небольшой.

За 3½ версты (1200 оборотов) находится лощина широкая и глубокая, чрез которую мало удобных для переправы с повозками мест, и то [место], по которому перешла команда, не скоро было найдено. Она теперь была суха, но по находящемуся в ней местами наносному песку видно, что весной в ней течет сильная вода. От сего места начинается обширная высокая равнина, которая в двух и местами более верст от Тобола кончается крутым скатом, прерываемым небольшими лощинами, в которых по большей части видны березовые рощицы. При подошве его ската находится длинное, но не широкое озеро. Оно видно с высоты за 18 верст (6300 оборотов) от места последнего ночлега команды на Аяте. Отсюда команда поворотила налево и, ехав в сем направлении 1½ версты (500 оборотов), переправившись чрез несколько лощинок, спустилась с упомянутой высокой равнины на луг, находящийся на левом берегу Тобола. Здесь, выехав на большую и хорошо набитую дорогу, ведущую от Каракульской крепости до озера Эбелея, она опять поворотила направо и следовала прежнему направлению.

За 20½ верст (6900 оборотов) по левую сторону дороги находится малое озерцо. За 21 версту (7100 оборотов) по обеим сторонам дороги – несколько малых заросших травою озер. Около полуверсты за ними по левую сторону – еще озерцо небольшое, но глубокое.

Отъехав 23 версты (7700 оборотов), команда, переправившись вброд чрез реку Тобол в пяти верстах к западу от устья Аята, остановилась на правом ее берегу за 100 оборотов от места переправы и в 192¾ верстах (64 670 оборотов) от Троицка. От Каракульской крепости до сего места считают 150 верст.

Ногайская могила, находящаяся на левом берегу Аята, к северо-востоку от места последнего ночлега команды на сей реке, была видна во все время сего перехода.

Река Тобол течет от юго-запада к северо-востоку и, приняв в себя Аят и Уй от Усть-Уйской крепости к востоку, составляет границу с Киргизской степью. Она здесь не широка и течет умеренно по крупному песку. По берегам ее растет ивняк. Река и еще больше находящиеся по берегам ее озера изобилуют разной рыбой, превосходного вкуса. Больше всех прочих рыб ловятся здесь язи и в озерах также караси.

Команда следовала сначала безо всякой дороги [по] течению Аята, но после несколько удалялась вправо, едучи почти прямо к востоку, а последние три версты к югу.

Почва земли состоит до луга из чернозема, смешанного то больше, то меньше с песчаным кварцем, а почва луга – из чистого чернозема, содержащего местами только несколько песка.

К хлебопашеству можно сыскать довольно удобных мест. Трава по всему переезду изрядная, а на лугу чрезвычайная и составляет богатый сенокос. Местами было много сухой прошлогодней травы, которая мешала расти свежей, и по сей причине, видно, киргизцы зажгли ее. Она во время переезда команды еще горела и была причиной виденного во всю прошедшую ночь зарева и во весь день густого дыма. Луг сей имеет ширину от двух до четырех и местами более верст и мог бы снабдить сеном немалое число селений.

Леса и по сему переходу между Аятом и Тоболом не видно, но за Аятом, на левом его берегу и вниз по течению Тобола, видны густые рощи. Казаки, знающие здешние места, уверяли, что выше по Тоболу есть сосновый строевой лес.

Сайг и птиц водяных по всему переезду примечено много. Также показывались сурки (Mus marmota).

Погода с утра была прохладная с ветром. Небо было облачное, но с 3 часов пополудни сделалось ясно и тепло.

Команда приехала на место в 8 часов утра, но чтобы дать лошадям несколько отдыха и чтобы накормить их растущей здесь хорошей травой, расположилась здесь пробыть до другого утра.

Общие замечания о пространстве
от переправы чрез реку Аят до Тобола

Страна сия в плодородии не может равняться с прежде сего описанными местами, но, несмотря на то, может быть населена. Протяжение дороги составляет 71 версту и поэтому должно бы построить два форпоста, так что по Аяту вышли бы три переезда около 23½ верст каждый. Жители на форпостах могли бы по обоим берегам Аята найти достаточное количество сенокосных и к хлебопашеству удобных мест, и лесом должны бы продовольствоваться из рощ, которые в изобилии покрывают левый берег реки. Многие места по Оренбургской линии гораздо удобнее сей полосы. Рыбная река Аят доставляла бы жителям немалые выгоды. На Тоболе можно без нужды построить крепость немалую, к чему имеются все удобства. Строевой лес можно сплавить с весенней водой по реке, вырубив его при вершинах или в случае нужды возить из Аман-Карагая, расстоянием не более 75 верст.

7 июня, воскресенье

Команда выступила в 4 часа утра и следовала сначала [по] дороге, ведущей к соленому озеру Эбелей.

Озеро сие имеет в окружности около пяти верст и лежит к юго-западу в 50 верстах от того места, где команда переправилась чрез реку Тобол. Соль в нем местами чистая, местами содержит глауберову соль и оттого на соление впрок не способна. От Усть-Уйской крепости до него считают 200 верст. К западу от него в нескольких верстах находится сосновый лесочек Биль-Карагай (*биль* значит поясница, *карагай* – сосновый лес, или еще подробнее *кара* – черный и *гай* – лес, хотя сие последнее слово у киргизцев одно по себе мало употребляется).

За 100 верст от Эбелея к югу находится соленое озеро Уркач. Оно имеет то преимущество пред Эбелеем, что соль находится в нем почти во всякое время, как говорят, в великом изобилии, и что она весьма чиста и в доброте своей почти ничем не уступает илецкой соли. Она справедливо почитается за

самую лучшую озерную соль, которую можно сыскать в Киргизской степи.

Около сих мест, недалеко от Тобола, находится возвышение Карауба (Черный бор) и за ним таковое же Качуюн. Около сих мест киргизцы кочуют почти всегда во множестве и имеют здесь сходбища для толкования о своих делах.

За 4½ версты (1500 оборотов) от Тобола – лощина небольшая и за пять верст (1700 оборотов) таковая же.

За 14 верст (4700 оборотов) от Тобола, по левую сторону близ тракта, находится озеро, называемое *Большое Киндерли* (по переводу – Холщевое). Поперечник его около 300 сажен, но берега его заросли травою. Вода в нем пресная и хорошая. Вокруг него растет трава отменно хорошая.

За 21 версту (7100 оборотов) от Тобола, по правую сторону тракта, расстоянием от него в полуверсте, находится пресное озеро Малое Киндерли. Поперечник его около 1000 сажен; за ним небольшое возвышение, пересекающее дорогу, и березовый лес, который распространяется к западу.

За 22½ версты (7600 оборотов), по левую сторону тракта – озеро пресное, длиной около одной версты, широтой около полуверсты, заросшее частью травой.

За 30 верст (10 100 оборотов), по правую сторону тракта – небольшое пресное озеро и за ним возвышение. Недалеко от него, по левую сторону – таковое же [озеро], заросшее травой.

Отъехав 33 версты (11 064 оборота), от Троицка за 225¾ верст (75 734 оборота), команда прибыла к озеру довольно обширному, но сильно заросшему травою и окруженному низкими местами. Пространство от сего озера вперед на 18 верст называется киргизцами *Казан-Башлы* (Котловая голова) и начало его около сего озера Большое Казан-Башлы. На берегу сего озера находится местами белая пыль, имеющая местами чистый селитряный вкус. Несмотря на сие обстоятельство, вода в озере пресная, но не чиста вкусом и имеет желтоватый цвет.

Команда следовала первые восемь верст [по] Каракульской соляной дороге прямо к югу, а остальное расстояние к юго-востоку безо всякого следа. Недалеко от озера Малый Киндерли она переехала чрез дорогу, проложенную от Усть-Уйской

крепости к озеру Эбелей. Почва земли состоит по большей части из чистого чернозема, который местами смешан с песком, местами же – с глиной. В последнем случае земля имеет частые трещины, которые затрудняют езду на колесах. Почти везде растет хорошая трава и в ней много так называемой *кислицы* (Oxis lutea), которую лошади едят с жадностью. Местами растет дикая роза (шиповник) и клубника (Fragaria), на высоких местах, однако, растут одни сухие и солончаковые травы. Лесу по дороге немного, по левую сторону видны изрядные березовые рощи, которых находится несколько и по правую сторону, расстоянием за 10 и более верст.

Сайги бегали по степи по 10 и более вместе. Разных водяных птиц, не исключая лебедей, около озер много. По сухим высоким местам много [...][1] гнезд.

Погода с утра была туманная и прохладная, но в 9 часов сделалось ясно и жарко.

Команда остановилась в 10 часов и выехала опять далее в 4 часа после полудня.

Около озера, при котором команда обедала, находится еще несколько озер пресных, и у последнего из них в двух верстах (700 оборотов) от него проложена дорога, ведущая от Звериноголовской крепости к озеру Эбелей. На берегах сего озера, при котором, как видно, солевозцы обыкновенно кормят своих лошадей, видны старые березы, из которых большая часть засохла.

За 3½ версты (1200 оборотов), по левую сторону тракта, находится озеро небольшое с возвышенными берегами, по которым растут молодые березы и отличная трава. Вода в озере пресная и в нем водятся гуси и лебеди. За ним на несколько возвышенном месте сосновая роща, и за нею еще два озера.

За 7½ верст (2600 оборотов), по правую сторону – небольшое соленое озеро. Берега его местами покрыты мелкой солью в виде белой пыли.

Рощи, которые показываются с начала сего переезда по обеим сторонам тракта, особливо же по левой, подходят за восемь верст близко к нему и опять несколько удаляются. Они

[1] Не разобрано слово.

здесь довольно густы, имеют молодые подростки, которые довольно усилились и поэтому могут противиться огню. Число их делается значительно по левую сторону тракта, или к востоку, и березовый лес смешан с сосновыми рощицами.

За 13 верст (4400 оборотов), по правую сторону – озеро пресное, заросшее травой. Такова участь почти всех степных озер. Все они, очевидно, были прежде гораздо обширнее, но, не имея притоку, которым бы могло вознаградиться убавление воды чрез испарение, они зарастают травой и, наконец, высыхают. Вожак команды уверял, что в течение семи лет высохли совершенно три озера, которых дно превратилось в сухое место, покрытое хорошей травой.

За 14 верст (4800 оборотов), по обеим сторонам дороги – два соленых озера, соединявшиеся, по-видимому, прежде между собой посредством перешейка, который теперь совершенно сух и представляет голый, совершенно бесплодный солончак. Одно из сих озер, находящееся по левую сторону, весьма мелко, и во время следования команды в обратный путь оно так высохло, что только в средине осталось несколько грязи. На берегу его находятся следы давно оставленной киргизской пашни.

За 16½ верст (5500 оборотов), по левую сторону, находится немалое, но почти совсем заросшее травой пресное озеро. Около берегов его растет отличная трава и много клубники.

Отъехав 18 верст (6050 оборотов), а от Троицка 243¾ версты (81 784 оборота), команда остановилась для ночлега при пресном озере, называемом *Малый Казан-Башлы*. Сие озеро лежит несколько вправо от прямой дороги за пересекающим ее поперек длинным бугром. Около него березовая рощица и великое изобилие водяных птиц.

Команда шла без дороги по довольно гладкому и почти ровному месту к юго-востоку.

Почва земли по большей части плодородна и состоит из чернозема, смешанного местами с песком; но около соленых озер находятся бесплодные солончаки. Кроме сих мест и особливо около рощ растет отличная трава и весьма много клубники. Из сего видно, что в способных к хлебопашеству и сенокосных местах недостатка нет. Лесу, как уже сказано, по обеим сторонам дороги довольно.

Сайги, барсуки и степные лисицы показывались очень часто, и разных птиц водится здесь много.

Погода была ясная и жаркая, но по прибытии команды на место ночлега нашли тучи, и гром и дождь продолжались чрез всю ночь.

Команда остановилась в 7½ часов вечера.

8 июня, понедельник

Команда выступила в 5 часов утра.

За одну версту (400 оборотов) от Малого Казан-Башлы, по правую сторону близ тракта – небольшое круглое озеро, поперечником около 100 сажен. Вода в нем пресная и по берегам его видны признаки кочевья. Около полуверсты далее за ним команда перешла чрез березовую рощицу, при которой с левой стороны находится малое озерцо.

За три версты (1000 оборотов), по обеим сторонам дороги, находятся два озера и между ними несколько топкий овражек, который доказывает, что чрез него оба озера прежде соединялись. Около их видны признаки кочевья, несмотря на то, что вода в них солоновата.

За 4½ версты (1500 оборотов), по левую сторону тракта – озеро, имеющее поперечником около 200 сажен. Вода в нем пресная.

За 5½ верст (1900 оборотов), по обеим сторонам дороги – два пресных озера. Находящееся по правую сторону заросло травой, а другое чисто.

За шесть верст (2100 оборотов), по правую сторону – озеро и при нем березовая рощица. Вода в нем пресная.

За восемь верст (2700 оборотов), по правую же сторону – таковое же озеро, а за девять верст (3000 оборотов) – таковое же.

За 10½ верст (3500 оборотов), по правую сторону – озеро пресное, и по берегам его видны признаки кочевья.

За 12 верст (4000 оборотов), по левую сторону – озеро чистое, поперечником до 250 сажен. Вода в нем несколько солоновата, но, несмотря на то, около него признаки кочевья.

За 13 верст (4400 оборотов), по левую сторону – озеро пресное, которого берега заросли травой, и близко за ним по обеим сторонам тракта – два малых озера, сильно заросшие. В обратном походе команда при сих озерах дневала.

Березовые рощи делаются с самого начала сего переезда все чаще и чаще и, соединяясь, наконец, за 14 верст (4800 оборотов) от места ночлега команды с сосновыми, составляют отсюда далее начало огромного леса, называемого киргизцами *Аман-Карагай* (*аман* значит благополучие, *карагай* – сосновый лес). Он имеет длины 60 и поперек 40 верст, направление его от востока к западу и северо-восточный его конец, как уверяют казаки, отстоит от Звериноголовской крепости в 140, а от Усть-Уйской в 90 верстах*. Несмотря на опустошения, произведенные в нем пожарами, которые однако не могли пройти далеко, он весьма густ и состоит из сосновых дерев, годных на всякое строение. По причине сей густоты нельзя было его осмотреть далее как на пять или на шесть верст от того тракта в сторону, которым следовала команда. На сие пространство он имеет много озер, частью соленых, частью пресных. В некоторых из последних приметна рыба и около всех множество водяных птиц, и в лесу тетеревов и стрепетов, которых в густоте леса, по-видимому, никто не преследует. Команда перешла чрез западный угол сего леса, потому что далее к левой стороне невозможно было чрез него пройти.

За 17 верст (5700 оборотов), в лесу, уже находятся по обеим сторонам тракта два малые, почти совсем заросшие травой озера, которые, верно, прежде составляли одно озеро. Вода в них весьма мелкая и имела солоноватый вкус, а при обратном следовании команды ее вовсе не было, и все место было совершенно сухо. Около сих озер растет отличная трава.

За 18 верст (6000 оборотов), по левую сторону, находится озеро чистое, около 150 сажен в поперечнике, но мелкое. Дно его состоит из топкой глины, покрытой песком, и вода соленая.

За 22 версты (7500 оборотов), по правую сторону близ тракта, находится немалое, но мелкое и весьма заросшее трава.

* Походом 1815 г. приведен сей лес больше в известность, и оказалось, что направление длины его от востока к западу. Расстояние от обеих упомянутых крепостей более 200 верст.

вой озеро, которого поперечник до 350 сажен. Дно его состоит из черного ила, и вода в нем имеет солено-горький вкус и гнилой серный запах.

Отъехав 24½ версты (8280 оборотов), от Троицка за 268¼ верст (90 064 оборота), команда остановилась при малом, весьма сильно травой заросшем, но пресном озере, вокруг которого видны были признаки прежнего кочевья. Воды в сем озере было столь мало, что ее недоставало, чтобы напоить достаточно лошадей.

Команда шла, безо всякого следа, с начала переправы до половины по направлению между югом и юго-востоком и, наконец, к юго-востоку.

Почва земли состоит из чернозема, но чем ближе к лесу, тем более он содержит песку и местами из чистого песка. В низких местах и около пресных озер чернозем почти чистый. По всему переезду растет хорошая, а около озер, которых по обеим сторонам дороги чрезвычайно много, отличная трава. Щавель и дикий лук растут изобильно на открытых местах, и около леса – дикая роза.

Сайг по всему переезду видно было много.

Погода была ясная и жаркая.

Команда остановилась в 10½ часов и выступила опять далее в 4 часа пополудни.

За ½ версты (200 оборотов), по левую сторону – небольшое пресное озеро, за 1½ версты (500 оборотов), по правую сторону – соленое; за ним по той же стороне еще таковое же.

За три версты (1000 оборотов), по левую сторону – два озера соленые.

За 4½ версты (1600 оборотов), по той же стороне – вместе два малые соленые озера, напротив их, по правую сторону тракта – большое озеро солено-горькое.

За 5½ верст (1900 оборотов), по правую сторону – соленое озеро. За 6½ верст (2200 оборотов), по той же стороне – таковое же.

За семь верст (2400 оборотов), по левую сторону – три малые соленые озера. За восемь верст (2800 оборотов), по той же стороне – озеро соленое же. За 9½ верст (3200 оборотов), по той же стороне – таковое же.

За 10 верст (3400 оборотов), по правую сторону от тракта в полуверсте – большое чистое соленое озеро.

До сего места команда шла по лесу, который находился по обеим сторонам тракта, по левую сторону – сосновый, по правую – березовый, но здесь последний кончился, и от соснового, по левую сторону находящегося, а отсюда далее с березовым смешанного команда понемногу удалялась, так что от места ночлега он находится в полуверсте.

За 11 верст (3800 оборотов), по левую сторону – три озера небольшие, из которых в одном пресная хорошая вода. За 12½ верст (4200 оборотов), по левую сторону – озеро пресное. За 13 верст (4500 оборотов), по той же стороне – озеро соленое, заросшее травой.

Отъехав 14 верст (4756 оборотов), от Троицка за 282¼ версты (94 820 оборотов), команда остановилась между двух пресных озер, находящихся по обеим сторонам тракта и заросшими камышом и травой. Около их к левой стороне, поближе к лесу, находятся еще четыре озера, из которых два – пресные и два – соленые. Вообще к левой стороне тракта в лесу озер очень много, но с половины переезда, по правую сторону, находится длинный бугор и за ним верст на шесть и более озер не видно.

Команда шла без дороги прямо к востоку по довольно гладкому и удобному для езды на колесах месту.

Почва состоит около березового леса из чернозема, смешанного с малой частью песка, а около соснового леса – из почти чистого песка. В лесу почти на всех чистых местах – чернозем, и вообще трава по всему переезду хорошая, а местами, особливо в лесу, около озер, отличная.

Сайг, волков, лисиц, журавлей, лебедей и других водяных птиц примечено весьма много.

Погода была ясная и жаркая.

Команда остановилась в 7 часов вечера.

9 июня, вторник

Команда выступила в 4 часа поутру.

За 13 верст (4300 оборотов) от места ночлега, по левую сторону тракта, находится озеро чистое и глубокое, до 200 сажен поперечником, в котором вода пресная и весьма хорошая.

За 15 верст (5200 оборотов), по левую сторону тракта, находится круглое углубление, поперечником около 300 сажен, окруженное высокими и крутыми берегами. В нем три озера с хорошей пресной водой и рыбой, а около берегов их растет прегустой молодой березовый лес. От сих озер идет крутой и глубокий овраг к четырем озерам, находящимся за 17 верст (5800 оборотов) от места ночлега, в которых также пресная вода и рыба. За сими озерами к востоку – два кладбища и подалее к лесу – могила, покрытая высоким и новым деревянным домом.

Отъехав 18¼ верст (6120 оборотов), от Троицка за 300½ верст (100 940 оборотов), команда остановилась при трех небольших, но пресных и рыбных озерах, находящихся по левую сторону ее тракта, переехав прежде чрез наполненный водой и заросший травой ровик. Сии озера вместе с прежде упомянутыми семью именуется общим им названием *Авлиякуль* (Святые озера). Около берегов сих озер находятся оставленные киргизские пашни, которых почва состоит из чистой глины.

Команда следовала во весь сей переезд направлением к востоку, с малым отклонением к югу, безо всякой дороги. На половине переезда – несколько возвышенное место, которое продолжается в правую сторону и около озер теряется в низкую плоскость.

Почва состоит из чернозема, смешанного то больше, то меньше с песком, и вообще плодородна. Вся степь покрыта хорошей зеленой травой, в которой местами много клубники, но в близости последних озер и от них далее земля глиниста и бесплодна. Лес оставался в левой стороне, и команда понемногу от него удалялась, так что он при месте роздыха находился от него в трех или более верстах.

Сайги бегали стадами по всей степи. Около озер летали разные водяные птицы и между ними *бабы* (Pelicanus onocrotalus)[1], которые, вероятно, водятся на озере, называемом *Тенезкуль*. Оно отстоит от сего места за 20 верст к северо-вос-

[1] Розовые пеликаны.

току и так велико, что, кажется, и называется киргизцами морем (*Дингис*). По словам вожака команды, окружность его составляет шесть дней верховой езды, и в нем хорошая пресная вода и много рыбы*.

Погода сначала, по выступлении команды, была прохладная и несколько спустя шел дождь, довольно крупный, но он скоро перестал и около 6 часов сделалось ясно и потом жарко.

Команда остановилась в 7 часов.

Общие замечания о пространстве между Тоболом и озерами Авлиякуль

Страна сия по дороге команды, составляющей 107¾ верст, довольно плодородна и изобилует озерами, из которых больше половины пресны, и особливо лесом, которым могли бы продовольствоваться важнейшие селения. Способных к хлебопашеству, сенокосных и пастбищных мест много, и безо всякого сомнения, вся сия страна может быть населена. Если бы вознадобилось завести здесь линию, то можно бы при озерах Авлиякуль устроить крепость, а между ними и Тоболом – три редута, к чему можно выбрать места по произволению, потому что пресных озер по всему тракту довольно. Множество водящейся здесь дичи и недальнее расстояние соленых озер Эбелея и Уркач доставляли бы жителям немало удобности к пропитанию их. Сайги водятся здесь в великом множестве, так что малоискусный стрелок может их убивать по нескольку в день. Кроме мяса, которое составляет хорошую пищу, рога их продаются по 1½ и до 2½ руб. пара. Лебеди, гуси и гагары доставляют перья и пух, которого пуд продается по 40 и до 60 руб.

Команда выступила в дальнейший путь в 1 час пополудни.

От места роздыха в 1½ верстах (500 оборотов) – небольшая сухая лощина. Берега ее состоят из песка и топкое дно из глины.

За две версты (700 оборотов) команда приехала к оврагу, наполненному солено-горькой вонючей водой, называемому киргизцами речкой *Ащи* (*Горькой*), хотя вода в нем и не имеет никакого течения. Он начинается, по словам вожаков, в правой стороне в 50 верстах от сего места; имеет направление от юго-запада к северо-востоку и оканчивается в каком-то озере. Переправа чрез него по причине топкого дна была довольно затруднительна, хотя он не широк, и задержала команду более двух часов. В высоких местах по берегу сего оврага находится песчаный камень слоистый, который годится на строения, хотя слои его тонки.

* Озеро сие описано подробно в журнале 1815 г.

Команда ехала без следа по кочковатой и несколько бугроватой степи, поднимаясь сначала почти неприметно на гору и, спустившись с ее по весьма отлогой покатости, прибыла к логу, в котором посредине почти беспрерывный ряд малых узких и длинных озер, содержащих пресную хорошую воду и много рыбы, особливо карасей и щук, отъехавши 24½ версты (8215 оборотов), а от Троицка 325 верст (109 155 оборотов). По-видимому, весной вода здесь имеет течение и потому киргизцы прилагают сему ряду озер или оврагу название речки, именуя ее *Чиили*, от некоторого рода камыша, называемого *чий*, из которого они делают сети, коими обставляют свои кибитки. Около сей речки превосходная трава и в ней много клубники.

Команда ехала по направлению между востоком и юго-востоком, по высокой, совершенно бесплодной степи, которой почва состоит из глины, смешанной местами с песчаным кварцем. По всему переезду нет зеленой травы, но только соленые и сухие растения, по левую сторону вдали виден лес.

В 3 часа пополудни поднялся вдруг сильный ветер и пошел крупный дождь, но в 5 часов сделалось ясно, и ветер утих.

Команда остановилась в 8 часов вечера.

10 июня, среда, дневка

К северо-востоку от того места, при котором была расположена команда, находится в шести верстах озеро, имеющее много островов, и соединяющееся с простирающимся до сего места озером Тенезкуль. На одном из сих островов жили киргизцы в пяти кибитках, но в крайней бедности. Единственное их пропитание доставляет им рыба, которую они ловят сетями. Остров, на котором они жили, называется *Чаритым* (Немощная сирота), потому что на нем и в близости его, как уверяют

киргизцы, кочевало прежде завсегда, а часто и ныне чаритымское отделение аргинского рода. Вода в сем озере имеет солоновато-горький вкус*.

11 июня, четверток

Команда выступила в 3½ часа утра.

За 8½ верст (2900 оборотов) от речки Чиили, по левую сторону тракта, находится небольшое, заросшее камышом и весьма мелкое озеро.

За 9 верст (3000 оборотов), по левую сторону, находятся три малые заросшие озера.

За 12 верст (4000 оборотов) – два малые озерца, по обеим сторонам тракта, заросшие совсем камышом и травою, и недалеко от них, по левую сторону – таковое же. Вода во всех сих озерках хотя не солона, но она желта и тухла.

С самого выезда от Чиили видна по правую сторону тракта гора Толгай, составляющая конец длинного возвышения, которое тянется далее вправо. Расстояние ее от места ночлега 20, а от тракта команды около 10 или несколько более верст.

По левую сторону тракта место несколько возвышается, а за сим возвышением начинается обширная низкая равнина, на которой вдали видны озера и зеленая трава, а за равниной – возвышение и на нем лес. Возвышение сие начинается около Авлиякуль и продолжается до самого Наурзума. Расстояние его от тракта команды должно быть не меньше 30 верст.

Отъехав 27¼ верст (9130 оборотов) от Чиили, а от Троицка 352¼ версты (118 285 оборотов), команда прибыла к озеру Байтумаккупа. Озеро сие, по словам вожака, получило свое название от имени одного киргизца, убитого будто при нем башкирцами 15 лет пред сим (*бай* значит богатый, *тумак* – шапка, *купа* – падь, низкое место). Оно довольно обширно (около 300 сажен в поперечнике), но сильно заросло камышом так, что с нуждою можно было отыскать несколько, хотя пресной, но негодной воды, что в таковых мелких озерах неудивительно.

* Походом 1815 г. сие озеро приведено совершенно в известность и оказалось, что даже до названия все известия о нем, здесь помещенные, не справедливы.

Киргизцы зимой кочуют на льду около камыша, который служит кормом для их скотины и заменяет недостаток дров. Около кибиток накопляется разная нечистота, которая, когда лед растает, садится на дно озера, засоряет его и сообщает воде желтый цвет, дурной вкус и даже гнусный запах, который во время летних жаров еще больше усиливается. Не всегда можно судить о качестве воды по признакам кочевья около озер. Зимой киргизцы могут обходиться без воды, которая тогда весьма хорошо заменяется снегом, а летом они стараются только иметь достаточно воды для скотины, которая по привычке пьет и дурную, сами же они пьют *кумыз* и кислое коровье молоко (*айрян*).

По левую сторону озера находится в разных местах несколько могил.

Команда шла без дороги весь сей переезд к югу по бесплодной степи, которой почва состоит из глины, смешанной местами с песчаным кварцем, и истрескавшейся от сильных жаров. Зеленая хорошая трава растет весьма редкими местами, и кроме их на всей степи только одни соленые и сухие растения. Поперек тракта команды находится много тропинок киргизских, по которым надобно думать, что по обеим сторонам есть удобные для кочевья места.

Около озер, находящихся вдали по левую сторону тракта, сайги бегали целыми стадами.

Погода была ясная и весьма жаркая. Около полудня поднялся сильный ветер.

Команда остановилась в 9½ часов утра, а в 3 часа пополудни отправилась в дальнейший путь.

За 11¾ верст (3900 оборотов) команда прибыла к речке Данабика, поворотив налево, шла по северному ее берегу почти две версты и, отъехав всего от Байтумаккупа 13½ верст (4475 оборотов), а от Троицка 365¾ верст (122 760 оборотов), при ней остановилась для ночлега. Так называемая речка сия не имеет течения, начинается за 50 верст к западу от сего места и в семи верстах к востоку теряется в обширном заросшем камышом озере. Она имеет до 10 сажен широты, наполнена хорошей, пресной водой, глубиной местами до двух сажен и содержит в себе много рыбы, и именно: линей, щук, окуней и чебаков. Название свое она имеет от дочери одного богатого

башкирца Науруза, кочевавшего когда-то при озере Наурзуме и выдавшего сию дочь свою за другого башкирца, владевшего сим местом. По переводу *дана* значит зерно (подразумевается жемчужное) и *бика* – княгиня. На том месте, где команда намеревалась переправиться, не было почти воды, но глинистое дно было так топко, что надобно было набросать камышу и засыпать его землей, срытой с крутых берегов.

Команда, переезжая несколько киргизских тропинок, шла по ровной бесплодной степи к югу, а последние две версты – к востоку. По левую сторону вдали виден лес на возвышениях, расстоянием от тракта команды не меньше 30 верст.

Почва состоит из глины, смешанной местами с песком, и вся истрескалась. Зеленой травы весьма мало.

По словам вожака, место сие отстоит от Звериноголовской крепости 150 верстами ближе, нежели от Троицка, и по тракту туда много пресных озер и лесов*.

Около 4 часов поднялся сильный и прохладный северный ветер, который продолжался до вечера.

Команда прибыла на место ночлега в 5½ часов пополудни.

12 июня, пятница

Команда выступила в 3½ часа утра, переправившись по сделанной ей насыпи чрез Данабику.

За девять верст (3000 оборотов) от места ночлега находится, по правую сторону тракта команды, гора или, лучше говоря, край высокой равнины, которая начинается вдали и здесь, делая почти прямой угол, продолжается до самого Наурзумского леса, где она кончается весьма отлогим скатом. Она довольно крута и не на всяком месте можно на нее въехать верхом. За 14 верст (4600 оборотов) от Данабики находится на ней яма, наполненная хорошей пресной ключевой водой. Около сей ямы и по всей горе в лощинах растет на черноземе отлично хорошая трава, и на самом верхнем крае ската горы есть еще несколько малых ключей. Вообще почва сей горы весьма много имеет разности от низкой степи, о чем будет говорено ниже. Около

* То, что узнано о сих местах в походе 1815 г., ни же слова сего самого вожака с сим показанием не сходствуют.

сих ключей находится в горе много сернокислой извести в чистых, прозрачных и крупных шестисторонних кристаллах.

За 11¾ верст (3900 оборотов) от Данабики начинается по левую сторону, около шести верст, от тракта команды озеро Сарымуин (Желтошейное), которое имеет много островов и окружено малыми озерками, отчего оно издали походит на обширное болото. По берегам его растет хорошая трава. Оно соединяется с озером Сурсу (Соленая вода), которое чисто, шире первого и имеет дно песчано-глинистое. Берега его низки, но травы на них нет, широта его простирается до трех верст, а длина обеих озер вместе около 15 верст. Вода в них соленая.

За 23 версты (7800 оборотов) от Данабики, по правую сторону около одной версты от тракта, находится на возвышении киргизское кладбище. Одна могила покрыта четвероугольной кучей красной глины, которая издали походит на кирпичное строение.

За сим кладбищем команда приближалась к озеру Сурсу, переезжая около полуверсты по глинистому топкому месту, и объехав конец его, остановилась на высоком месте песчаного его берега, возле киргизского кладбища, между сим озером и таковым же, называемым *Ямантус* (Худая соль), отъехав 28½ верст (9586 оборотов), а от Троицка 394¼ версты (132 346 оборотов).

Озеро Ямантус находится в полуверсте к югу от конца озера Сурсу, имеет длиной около 200 и шириной около 100 сажен, но так мелко, что в средине не имеет более полуаршина глубиной воды. Вода в нем имеет солено-горький вкус и в ней оседает на иловатое дно озера глауберова соль (сернокислый натр), которая находится также в земле по берегам сего и других озер в лесу Наурзумском. Вода имеет гнилой запах.

Около берега озера Сурсу вырыто киргизцами несколько ям, в которых хорошая пресная вода.

Команда шла к югу, но последние четыре версты отклонилась несколько к востоку. Почва состоит из глины, смешанной, чем ближе к Наурзумскому лесу, находящемуся в полуверсте от места роздыха, тем больше с песком. Травы по всему переезду мало, но около озер ее побольше.

Погода была ясная, с легким ветром, который уменьшал жар.

Команда прибыла на место роздыха в 10 часов и в 3½ часа пополудни выступила опять в дальнейший путь.

Объехав левый край озера Ямантус, команда вошла в Наурзумский лес, называемый киргизцами *Наурзум-Карагай*, ширина его от шести до восьми, а длина по направлению от северо-востока к юго-западу около 25 верст. Он состоит из молодых сосен, берез и редкими местами тополей. Кое-где растет черная смородина. Весьма крупных дерев мало, может быть, потому, что киргизцы по неосторожности причиняют часто пожары, которых пагубные следствия по всему лесу видны. Травы в нем довольно, несмотря на то, что почва состоит из почти чистого песка. Засохших, совершенно соленых озер, в нем много.

Около восьми верст от озера Сурсу за лесом, по левую сторону тракта, находится киргизское кладбище, на котором могилы покрыты белой глиной. По правую сторону от сих могил, расстоянием в одной версте, находятся оставленные киргизские пашни.

Отъехав 10 верст (3413 оборотов) от озера Сурсу, а от Троицка 404¼ версты (135 759 оборотов), команда остановилась для ночлега на берегу озера Наурзума*.

Озеро сие длиной от северо-востока к юго-западу около 50, а шириной до 25 верст, однако с берегов весьма мелко (хотя и говорят, что в нем есть очень глубокие места). По словам вожака, оно было прежде гораздо меньше, но около 20 лет тому назад вода, которая, по его мнению, вышла из-под земли, потопила берега озера и сделала его столь обширным. Кабаны, жившие в великом множестве в камышах, с тех пор уже не видны. Вода в озере соленая и по нужде только годится для скотины. Команда довольствовалась пресной водой из речки, о которой сказано будет ниже. В озере много карасей, однако они очень бледны и почти белы. На озере водится множество баб (Pelicanus onocrotalus), лебедей, гусей и разных других водяных птиц. Несколько бедных киргизцев занимаются здесь рыбной ловлей, которая составляет все их занятие, потому что они не имеют

* Величина сего озера узнана подробнее походом 1815 г.

ни лошадей, ни скота. Они едят рыбу свежую, и сушат и толкут ее на зиму в запас. Из сушеной и толченой рыбы они варят род кашицы, которая служит во все время зимы единственной их пищей. Недалеко от того места, где команда расположилась, есть овраг, или речка с пресной водой. От Наурзума до крепости Пресногорьковской, считают киргизцы, четыре дня езды к северо-востоку.

Команда шла весь сей переход без дороги на юго-восток. Почва состоит в лесу из чистого песка, на пашнях он смешан с черноземом. Дно озера иловато. Трава в лесу, как уже сказано, изрядная.

Погода была сначала хорошая, и около 5 часов небо обложилось облаками и пошел сильный дождь, который продолжался до самой ночи.

Команда прибыла на место ночлега в 6 часов.

13 июня, суббота, дневка

Команда занималась рыбной ловлей и заготовлением в запас для поковок углей.

Погода во весь день была ясная и теплая.

14 июня, воскресение

Команда выступила в 7 часов утра и ехала больше полуверсты (263 оборота) по старой своей дороге. Оставив по правую сторону кладбище с белыми могилами и после их по левую сторону киргизскую пашню, команда, отъехав восемь верст (2700 оборотов), приехала к началу речки с пресной водой, которая в одном почти направлении с трактом команды приближается к озеру Наурзуму и с ним недалеко от места ночлега команды соединяется. Речка сия, как некоторые другие прежде описанные степные речки, течения не имеет. Берега ее круты, и по сей причине команда была принуждена объехать конец ее и удалиться много в правую сторону от прямой дороги. От сего места в правую сторону лес Наурзумский находится не далее полутора верст.

От сего места вперед до самого озера Чучкакуль, по правую сторону, почва состоит по большей части из солончаков и топких мест, на которых почти вовсе нет травы, а по левую сторону находятся низкие места с отлично хорошей травой, которая растет на черноземе, озера и заросшие камышом овраги, наполненные водой.

За 18 верст (6000 оборотов) от места ночлега – овраг небольшой, в котором местами вода.

За 19½ верст (6600 оборотов) – совершенно засохшее соленое озеро, которого сухое дно покрыто мелкой солью.

Отъехав 22½ версты (7556 оборотов) от Наурзума, от Троицка 426¾ верст (143 315 оборотов), команда прибыла к озеру Чучкакуль (Свиное, или Кабанье озеро), которое лежит по левую сторону тракта. Озеро сие имеет воду чрезвычайно чистую и, несмотря на то, что оно, вероятно, соединяется с Наурзумом, оно имеет весьма мало или почти неприметно соленый вкус. Длина его от запада к востоку около восьми верст, а широта до двух верст. По берегам его растет хорошая трава, камыш и местами разные сочные соленые растения. Дно его состоит из весьма белого и чистого песка.

Команда шла первые восемь верст на запад, потому что она объезжала конец речки, потом поворотила на юг, юго-восток и, наконец, даже на восток. По всему переезду команда шла без следа, сначала по кочковатому, а, наконец, по гладкому месту.

Наурзумский лес кончается в 16 верстах от места ночлега, по правую сторону тракта. Далее впереди видны еще отдельные березовые рощицы.

По степи бегали земляные зайцы (Mus jaculus).

Погода была прохладная, но ясная, с сильным ветром.

Команда остановилась при озере в 12 часов, а в 4 часа пополудни отправилась опять далее, едучи по ровной сухой степи.

Отъехав 2¾ версты (8313 оборотов) от Чучкакуля, а от Троицка 451½ версту (151 628 оборотов), она остановилась при подошве горы Кансалмури. Она не что иное, как скат высокой плоскости и совершенно сходной с таковой же, находящейся против озера Сарымуин. На ней также ключи с весьма хорошей

водой и около их отличная трава. Поверхность ее состоит из крупного кварцевого песка, а около ключей – из чернозема. На горе много отломков бурого пудинга, состоящего из кварцевых зерен, слепленных затверделой железистой глиной.

Команда шла прямо к югу без дороги. За озером Чучкакуль находится таковая же возвышенность, как гора Кансалмури. Она идет почти параллельно с ней, в расстоянии 30 и более верст к реке Сары-Тургай. Почва земли – глина, смешанная местами с малым количеством песчаного кварца. По левую сторону дороги, особливо с начала переезда, растет хорошая трава.

Погода сначала была теплая и ясная, потом появились тучи и по сторонам дороги шел дождь.

Команда остановилась для ночлега в 10½ часов вечера.

15 июня, понедельник

Команда выступила в 7 часов утра.

За восемь верст (2700 оборотов) гора Кансалмури уклоняется вправо, но потом опять приближается к тракту команды.

За 14 верст (4700 оборотов), по правую сторону, находится киргизское кладбище.

Отъехав 14¾ верст (4939 оборотов), от Троицка 466¼ верст (156 567 оборотов), команда остановилась при озере Киккупа (Сайгачья падь), лежащем по левую сторону ее тракта.

Озеро сие верно прежде было весьма обширно, что доказывает растущий около него на большом пространстве камыш и мелкие раковины, которые встречаются часто по поверхности окружающего его места. Ныне же оно почти совсем заросло и с нуждою можно было отыскать несколько воды, которая, однако, была пресна.

Команда ехала без дороги к югу, с некоторым отклонением к востоку, по совершенно ровному месту.

Почва состоит из глины, и на ней растут только соленые и сухие растения. Около озера растет на черноземе изрядная трава, вместе с камышом. Лесу нигде не видно.

По всей степи водится чрезвычайное множество ящериц, которые живут в норках.

Погода была ясная и жар велик.

Команда остановилась в 10½ часов и в 3 часа пополудни выступила в дальнейший путь.

За три версты (1100 оборотов), по правую сторону, находится несколько киргизских могил, из которых одна покрыта тремя пучками камыша. Против сего места, в трех верстах от тракта по левую руку, лежит заросшее камышом озеро Яркупа.

За 20 верст (6800 оборотов) гора Кансалмури делает угол и отклоняется больше направо. Здесь расстояние ее от тракта около пяти верст.

Отъехав 21 версту (7022 оборота), а от Троицка 487¼ верст (163 589 оборотов), команда остановилась на ровном месте, на котором была хорошая трава, но воды никак нельзя было отыскать.

Направление тракта команды – между югом и юго-востоком.

Почва состоит из чернозема и по всему переезду растет хорошая трава. Вожак команды уверял, что за семь лет тому назад вся сия страна была покрыта водой, что и вероятно по мелким раковинам, которых по всему переезду на поверхности земли много. По левую сторону виден был камыш, но воды около его не было.

По всей степи летали дрофы и кулики. Поэтому должны быть в соседстве озера.

Погода была ясная и жаркая.

Команда остановилась для ночлега в 8 часов вечера.

16 июня, вторник, полудневка

Команда выступила в 4 часа утра.

За семь верст (2300 оборотов) команда подъехала к находящемуся по правую сторону тракта озеру, которое длиной около двух верст и шириной около 10 и более сажен и называется киргизцами *речкой* (*карасу*). Несколько человек киргизцев занимались здесь ловлей рыбы, которой в нем много.

На берегу его оставленная киргизская пашня и несколько ям, выкопанных киргизцами для копчения кож на *турсуки* (кожаные мешки, в которых они хранят жидкости).

За 15 верст (5000 оборотов) находится еще поперек тракта подобное прежнему озеро, в котором также много рыбы, особливо крупных карасей и щук. Команда объехала левый его конец.

Отъехав 17 верст (5665 оборотов), от Троицка 504¼ версты (169 254 оборота), команда прибыла к реке Сары-Тургай (Желтый жаворонок). Она течет от востока к западу, состоит из плёсов, соединенных между собой перешейками, и в сих только местах приметно течение воды. Она впадает в реку Кара-Тургай. Берега ее круты и заросли ивняком и хорошей травой. Рыбы в ней немного. Дно ее глинисто и топко.

Команда ехала к югу, с некоторым отклонением к востоку, по сухой и ровной степи, которой почва состоит из глины и местами из песка. Травы по степи мало, но около первого озера ее много. Лесу нигде не видно.

Дроф, журавлей и водяных птиц по степи и около реки много.

Погода поутру была ясная и жаркая, но пополудни поднялся сильный ветер, который то усиливался, то утихал. Слышен был гром и шел дождь, только немного, потому что ветер разгонял тучи.

Команда прибыла к реке в 8 часов утра.

Общие замечания о пространстве между озерами Авлиякуль и рекой Сары-Тургай

Все сие пространство прежде, верно, было покрыто водой, составлявшее обширное озеро. Тенез, Наурзум и Чучка были, кажется, глубокие его места. Гора или, лучше сказать, край высокой равнины, который начинается около речки Чиили, и по правую сторону Наурзума соединяется с горой Кансалмури, которое не что иное, как продолжение ее и доходит до реки Сары-Тургай, была западный берег сего огромного озера, и к востоку видна вдали такая же возвышенность, которая служила восточным берегом. Все пространство между сими возвышениями вообще бесплодно и состоит по большей части из солончаков, кроме берега Наурзума и нескольких не обширных мест.

На сказанных возвышениях почва земли совсем другая и имеет плодородные полосы.

Из описания сего пространства видно, что, кроме Наурзума, почти нигде невозможно населить людей, и по нужде только можно бы жить нескольким семействам при речке Чиили и при Сары-Тургае, чего на 200 верст с лишком недостаточно, и сии последние должны бы терпеть недостаток в лесе. Если б непременно потребовалось заселить дорогу к свинцовому прииску, то должно бы искать удобнейшую дорогу далее к востоку или завести форпосты на возвышении от Наурзума до Данабики и на Кансалмури.

17 июня, среда

Команда выступила в 3½ часа утра и ехала две версты (700 оборотов) по северному берегу реки, после чего она переправилась чрез нее по мелкому, однако топкому месту, которое прежде уже было завалено хворостом и землей.

За 27 верст (9065 оборотов) команда приехала к степной речке, называемой *Мукуркупа*. Она имеет чистую пресную воду, шириной до 12 сажен, глубока, с крутыми берегами, обросшими хорошим ивняком, и содержит много мелкой рыбы, особливо карасей. Она течения не имеет.

На сем месте нельзя было переправляться, и потому команда, поворотив налево, ехала по ее берегу чрез оставленные киргизские пашни и, доехав до того места, где она начинает разделяться на отдельные между собой длинные озера (из которых некоторые содержат соленую воду), остановилась от места ночлега за 29 верст (9749 оборотов), а от Троицка за 533¼ версты (179 003 оборота).

Команда шла без дороги первые две версты на запад, потом по направлению между югом и юго-востоком, а последние две версты на северо-восток. Местами земля сильно истрескалась, так что с повозками трудно было проехать. Почва по всему переезду состоит из глины, но местами, где, по-видимому, прежде были озера, она содержит чернозем, и на них растет хорошая трава, которая однако уже начинала желтеть. По берегам Мукуркупы трава отличная, но ее немного. Там же растет дикая спаржа.

Кроме обыкновенных водяных птиц, водятся около речки каравайки (Tantalus niger) и в степи черные жаворонки, о которых упоминает г-н Паллас, под названием Alauda tatarica. Река Кара-Тургай (Черный жаворонок) имеет от них свое наименование. По всему переезду много ящериц необыкновенной величины.

Небо было облачное, и после полудня шел тихий дождь.

Команда остановилась в 11 часов и выступила опять в 3½ часа пополудни.

За одну версту (300 оборотов) от места роздыха команда поднялась на возвышение, которое тянется с сей стороны по всей длине речки. За 2¾ версты команда, поворотив направо, спустилась с сего возвышения и переправилась по сухому месту опять через Мукуркупу, которая здесь делает поворот к юго-востоку и недалеко отсюда другой к югу, находясь по левую сторону тракта команды.

Отъехав 10¾ верст (3582 оборота) от места роздыха, а от Троицка 544 версты (182 585 оборотов), команда остановилась при конце сей речки, состоящем из нескольких малых озер, содержащих хорошую пресную воду и довольно мелкой рыбы.

Команда шла без дороги по несколько бугроватому месту первые 2¾ версты (900 оборотов) к юго-востоку, а потом поворотила больше к югу. Грунт земли состоит из почти чистой глины, почти вовсе без травы, которой и около речки немного. По всей степи летали черные жаворонки.

С самого обеда шел дождь до 5 часов. Команда остановилась в 6 часов вечера.

18 июня, четверток

Команда выступила в 3½ часа утра и, отъехав без дороги по неровному и сверх того не гладкому кочковатому месту разными дугами 23¼ версты (7850 оборотов), от Троицка 567¼ верст (190 435 оборотов), [остановилась] при хотя обширном, но мелком и по берегам сильно камышом заросшем озере, называемом *Сюлюкликуль* (*сюлюк* значит пиявка). Около

сего озера трава изрядная, но ее немного. Вода в нем хотя пресная, но желта и имеет неприятный вкус. На берегу его оставленная киргизская пашня.

Главное направление тракта команды – к юго-востоку.

Грунт земли состоит из почти чистой глины, которая местами красна как сурик, а около озера он песчан. Травы по всему переезду почти вовсе нет.

Около шести верст от места ночлега на поверхности земли лежит множество мелких черных, в изломе кофейного цвета, кусочков затверделой глины (железистая яшма).

Около 10 и более верст оттуда же почти на половине переезда находится в покатостях возвышений великое множество комьев, состоящих из небольших кристаллов сернокислой извести (spätziger Gyps).

Погода была до 4-го часа пополудни пасмурная, и так было холодно, что всяк, кто имел с собой шубу, ее надел.

Команда остановилась в 10 часов, и в 2 часа пополудни выступила опять, ехала без дороги по песчаным буграм, между которыми в лощинах растет хорошая трава, имея по правую сторону обширную низкую равнину, и проехав в двух верстах от места роздыха высохшее соленое озерцо и в пяти верстах пресное озеро Кумкуль (Песчаное озеро), которые оба находятся по правую сторону близ тракта, остановилась в девяти верстах (3067 оборотов) от Сюлюкликуль и в 576¼ верстах (193 502 оборотах) от Троицка при реке Яллама-Тургай, возле киргизского кладбища.

Река Яллама-Тургай течет от северо-востока к юго-западу, впадает в 10 верстах отсюда в реку Кара-Тургай и походит весьма на реку Сары-Тургай. Она также имеет глинистое топкое дно, но меньше мелких мест, и потому переправа чрез нее весьма затруднительна, несмотря на то, что она местами не шире трех сажен. Берега ее заросли камышом, который местами занимает и всю ширину реки. Рыбы в ней много, именно: щуки, язи, окуни и чебаки. По берегам ее растет хорошая трава. Команда ехала весь сей переход к востоку и остановилась в 4 часа пополудни.

К вечеру погода сделалась ясна и холод уменьшился.

Команда переправлялась в трех местах чрез реку Ялламу вброд, но переправа сия продолжалась до 11 часов, потому что всю поклажу должно было вынимать из повозок и переносить на руках, для того чтобы ее не замочить.

Команда выступила в 1½ часа пополудни и шла первые четыре версты (1400 оборотов) по весьма хорошему лугу, который, вероятно, занимает в длину весь левый берег реки. Трава в нем высотой по грудь лошадям, которые не без труда чрез нее проходили. Грунт его – чернозем, и он прорезан несколькими овражками, в которых по большей части пресная вода. Последний из них при окончании его шире прочих, зарос высоким камышом и вода в нем имеет течение, но весьма слабое.

За 9¾ верст (3300 оборотов) от реки Ялламы, по правую сторону тракта, находится озеро глубокое, шириной до 30 сажен и длиной вперед до 4½ верст. Другой же его конец отклоняется к реке Кара-Тургай. Команда шла вдоль по берегу его в некотором от него расстоянии. Вода в нем пресная, и оно окружено засеянными пашнями.

За 19 верст (6400 оборотов) находится по левую сторону озеро, длиной около 250, шириной до 50 сажен, и на берегу его – засеянные же пашни и две кибитки киргизские.

За 22 версты (7300 оборотов) команда подъехала к реке Кара-Тургай (называемой также *Улу-Тургай*) и следовала по правому ее берегу вверх против течения ее. Отъехав всего от Ялламы-Тургая 26 верст (8690 оборотов), а от Троицка 602¼ версты (202 192 оборота), она остановилась при ней.

Река Кара-Тургай имеет крутые берега и течет по песку. Главное направление течения ее – от востока к западу. Она принимает в себя много речек (по уверению киргизцев – 64) и впадает в обширное озеро Тургай. Она на сем месте не велика, местами имеет не больше ¾ аршина воды, но, несмотря на то, весьма рыбна. В ней водятся язи, окуни, щуки и, по уверению киргизцев, ерши.

Команда шла без дороги по ровному месту первые четыре версты на юг, потом 14 верст на восток, последние 8 верст на юго-восток. Грунт земли на лугу – на поверхности чернозем, а

под ним глина, около озер чистая глина и около реки почти чистый песок. Травы по всему переезду довольно, но около реки ее немного.

По высоким местам показывались змеи.

Во всю прошедшую ночь шел дождь, поутру он перестал идти, и погода во весь день была ясная, но прохладная.

Команда прибыла на место ночлега в 8 часов вечера.

Описание киргизского хлебопашества

Киргизцы выбирают для хлебопашества берега озер, потому что поверхность воды в реках слишком часто и много переменяется и потому делает им в поливке полей немалые затруднения, и глинистые места, вероятно, потому, что, по их мнению, только на сих местах может хорошо родиться просо, кроме которого они почти никакого хлеба не сеют, особливо потому, что одна только глина может быть способна к деланию желобков, посредством которых они проводят воду по всем местам пашни.

Около самого берега озера всякий киргизец выкапывает для поливки своего участка пашни яму, около четырех аршин в поперечнике. Если же участок сей несколько удален от воды, то прокапывают узкий, около ¾ аршина, и глубокий ров до того места, которое требуется поливать, и здесь уже выкапывают упомянутую яму. В сей яме устроено вертикальное колесо, поперечником от 2 до 2½ сажен, к окружности которого придела-ны круглые узкие ведра.

Вал сего колеса проходит в какую-нибудь сторону около полуаршина под землей и на другом конце своем имеет вертикальное же, но гораздо меньшее колесо с кулаками, в которые входят кулаки такового же, но горизонтального колеса, движимого посредством рычага человеком.

Движение сего последнего колеса сообщается второму, следовательно, и большему колесу, которое обращаясь около вала своего, черпает ведрами воду и выливает ее в деревянный желоб и из него в главный глиняный желоб, который ее сообщает поперечным малым глиняным же (земляным) желобкам, которыми вся пашня разделяется на прямоугольники от 8 до

10 сажен длиной и от 3 до 5 сажен ширины. Сии прямоугольники разделены опять по большей части на 12 площадок, посредством находящихся между ими малых возвышений. Когда вода течет по главному желобу, то прорезывая бока его, впускают ее в поперечные желобки, а из них таким же образом на площадки, и, прорезывая или заделывая желоба и возвышения между площадками, можно на каждую из сих последних налить столько воды, сколько потребно.

Круги малых колес обшиты кожей, но вся деревянная работа обыкновенно сделана весьма худо. Когда требуется поднять воду выше двух сажен, то устраивают два колеса, из которых нижнее наливает род бассейна, а верхнее уже поднимает воду на поле. Сию поливку производят, смотря по погоде, чрез три, четыре и пять дней, и по большей части просо на сих пашнях растет изрядно.

Киргизцы утверждают, что они сами выдумали сии машины, что, однако, невероятно, и скорее может быть, что они переняли их у бухарцев.

Надобно заметить, что киргизцы занимаются хлебопашеством только по нужде и променивают добываемый ими хлеб на скотину. Как скоро они ее имеют столько, что могут ею безбедно пропитаться, то бросают хлебопашество и принимаются за скотоводство.

Они так любят праздность, что охотнее выменивают дорогой ценой хлеб, нежели занимаются работой.

Они вскапывают землю заступами, но говорят, что некоторые из них употребляют сохи и пашут быками.

20 июня, суббота

Команда выступила в 4½ часа утра.

За четыре версты (1400 оборотов) от места ночлега команда переправилась вброд на левый берег реки, сыскав место, которое по не очень крутым своим берегам к тому было удобно. Отсюда вперед команда ехала вверх против течения реки, иногда близко около реки, иногда в расстоянии двух верст.

В 15 верстах (5100 оборотов) от места ночлега, по левую сторону за рекой, находится длинное и отлогое возвышение,

которое, приближаясь к реке расстоянием до трех верст, делает поворот и параллельно с рекой тянется по правому ее берегу, возвышаясь мало-помалу. Местами она имеет отдельные крутые горы, состоящие из белой глины и походящие издали на город с каменными домами.

Около сего места, на самом правом берегу реки, стояли восемь кибиток. Киргизцы, здесь живущие, занимаются хлебопашеством, и поля их расположены на берегах длинного озера, находящегося около двух верст за кибитками. Сие озеро есть, вероятно, прежнее течение реки. Вместо колес здесь употребляются для поливки пашен очепы, каковыми в России черпают воду из колодцев и из рек при банях. В сем месте и левый берег реки изрыт оврагами, в которых местами находится вода. Команда переправилась чрез один из них без затруднения.

За 22 версты (7400 оборотов) от места ночлега при самой реке начинается овраг крутой, который по большей части наполнен водой, делает большой полукруг и в трех рукавах опять в него соединяется. За ним стояли несколько кибиток киргизских хлебопашцев и поля их находятся по обоим берегам оврага. Команда переправилась чрез сей овраг возле самой реки на довольно удобном месте и, отъехав 22½ версты (7590 оборотов), а от Троицка 624¾ версты (209 782 оборота), остановилась на берегу реки Кара-Тургай.

Команда ехала без дороги первые четыре версты на восток, а остальное расстояние к востоку с малым отклонением к югу по ровной и гладкой степи, которой почва состоит по большей части из песка, но местами из глины. В низких местах около реки, которых, однако, немного, растет трава весьма хорошая, и по высоким местам берега – белена (Hyosciamus niger) и камыш, называемый *чий*. Листья его жестки и не годятся в корм для скотины.

Киргизцы показывали соль, которую они, как говорят, берут в земле по берегам какой-то речки в 50 верстах к югу от сего места. Она походит на озерную и вкусом чиста. У них же было несколько пороху, который они достают из Бухарии, а частью, как они хвастают, делают сами. Он светлее нашего и слабее.

Во все время сего переезда шел мелкий и теплый дождь без ветра. Команда остановилась в 11 часов и, выступив опять в 4 часа пополудни, переехала чрез вышеупомянутые три оврага в одной версте (400 оборотов), 2¾ верстах (900 оборотов) и четырех верстах (1400 оборотов) от места роздыха, из которых в последнем была вода, и переправа потому несколько затруднительна. За первым оврагом стояли четыре кибитки киргизские. Все киргизцы, занимающиеся около здешних мест хлебопашеством, принадлежат Средней орды аргинского рода к баганалинскому отделению.

За шесть верст (2000 оборотов), по левую сторону тракта, находятся на возвышении две могилы, и на каждой из них поставлены четыре связки хвороста, длиной около двух сажен и вверху соединенные.

За 13 верст видна вдали, по левую сторону, на возвышении могила, называемая *Табык-мулла* (Могила богобоязненного человека). По словам вожака, она покрыта кирпичом.

Около 18 верст от места роздыха начинаются низкие места и овраги, в которых местами вода и отлично хорошая трава. Отъехав 20½ верст (6875 оборотов), от Троицка в 645¼ верстах (216 657 оборотов), команда остановилась при одном из них, который наполнен пресной водой и содержит много рыбы, особливо карасей, из которых попадаются некоторые весом до шести фунтов. Река Кара-Тургай течет в полуверсте от сего места по левую сторону и принимает здесь с правой своей стороны реку Каинли-Тургай (Березовый Тургай). По берегам сего оврага находятся оставленные пашни.

Команда ехала без дороги первые 15 верст на юго-восток, а остальное расстояние на восток, оставляя в левой стороне реку, иногда в пяти верстах. Почва земли состоит первые четыре версты из глины, а остальное расстояние из почти чистого песка, в оврагах же он смешан с черноземом и в них растет хорошая трава. По берегам реки растет с половины переезда хороший ивняк; за рекой вдали по всему переезду – возвышения.

По степи бегали сайги и земляные зайцы.

Погода была ясная и теплая.

Команда остановилась для ночлега в 7½ часов вечера.

21 июня, воскресенье, полудневка

До обеда команда стояла на месте для того, чтобы утомленные походом лошади могли несколько отдыхать и напитаться растущим здесь в изобилии хорошим кормом. Люди занимались весьма избыточной рыбной ловлей. В 12 часов она выступила в дальнейший путь.

В 11 верстах (3800 оборотов) от места ночлега – овраг сухой, с крутыми берегами, и переправа чрез него не затруднительна. По левую сторону от сего места, расстоянием в двух верстах, находится ногайская могила, покрытая кирпичным сводом, поддерживаемым деревянными подставками и перекладинами. Кирпич более обыкновенного, но худо обожжен. Около нее несколько киргизских могил, которые покрыты снятым с нее кирпичом.

В 13 верстах (4300 оборотов), по левую же сторону, около полуверсты от дороги находится огромная ногайская могила, обросшая травой. Только правильный вид сего кургана и находящийся около него ров могут подать мысль, что он сделан человеческими руками. На нем две могилы киргизские.

В 25 верстах (8500 оборотов), по правую сторону, находится киргизская могила, покрытая разными камнями, каковых в близости нигде нельзя приметить.

За 26¼ верст (8900 оборотов) команда поворотила несколько налево и, отъехав 28¾ верст (9640 оборотов), остановилась на левом берегу реки Кара-Тургай, расстоянием от Троицка в 674 версты (226 237 оборотов).

Команда ехала без дороги первые девять верст, направлением между югом и юго-востоком, а остальное расстояние к югу, с малым отклонением к западу, по гладкой степи, которой почва состоит с начала и под конец переезда из песка, а около половины, на несколько верст, по большей части из глины. Травы по всему переезду мало и около того места, где команда остановилась для ночлега, растет на левом берегу реки только камыш-чий, а на правом, в оврагах, изрядная трава. На половине переезда растет по реке ивняк, который занимает вдоль по ней пространство на шесть верст. Возвышения находятся здесь вдали за рекой по правому ее берегу, но около места ночлега

они к ней приближаются, делаются круты и состоят из красной, а более из белой глины.

По всему переезду видно было множество сайг и дроф, также показывались ярко-зеленые ящерицы. В реке чрезвычайное множество рыбы, по большей части язей.

Погода с утра была ясная и теплая, но около обеда показывались тучи и к вечеру шел дождь, после слышан был гром, дождь усилился и продолжался до 6 часов другого утра.

Команда остановилась в 7½ часов вечера.

22 июня, понедельник

Команда выступила в 7 часов утра.

Отъехав 100 оборотов, команда переправилась вброд на правый берег реки. Переправа была не затруднительна, но на правом берегу реки место неровное и ямистое, по которому повозкам трудно было проехать.

В семи верстах (2300 оборотов) от места ночлега команда поворотила несколько налево. Здесь приближаются к реке горы, состоящие из чистой белой глины, которая с селитряной кислотой не вскипает, соленого вкуса не имеет, весьма чиста и вязка. Горы сии походят издали на город, состоящий из огромных каменных зданий. При подошве их несколько киргизских могил.

В девяти верстах (3000 оборотов) команда поднялась на горы, ехавши до сего места по равнине, находящейся между ними и рекой. Около 20 верст от места ночлега, по левую сторону, находится лощинка, в которой несколько хорошей травы и в ямах пресная вода.

Отъехав 21¾ версту (7314 оборотов), от Троицка 695¾ верст (233 611 оборотов), команда остановилась при овраге, в котором было несколько травы и в нескольких ямах пресная вода. Во время обратного следования команда чрез сие место воды в сих ямах уже не было, и они почти совершенно высохли. Река отстоит от сего места в трех или несколько более верстах.

Команда ехала без дороги сначала к востоку, а напоследок несколько верст к юго-востоку по весьма гладким и для езды на

колесах удобным, хотя неровным местам. Горы поднимаются все выше, чем далее к востоку, но они все почти отлоги. Грунт земли состоит, особливо чрез первые девять верст и по низким местам, из глины, которая иногда белая, иногда бледно-желтая, иногда красная, а изредка даже синяя. Красная имеет соленый вкус и когда высохнет, то поверхность ее покрывается мелкой солью. Горы состоят с начала переезда, как уже сказано, из белой глины, но дальше они покрыты мелким белым кварцем и местами показываются огромные массы чистого белого кварца. Травы по всему переезду мало.

По всему переезду бегали сайги, показывались змеи и зеленые ящерицы. На том месте, где команда остановилась, поймали тарантула.

Поутру небо было облачно, но потом сделалось ясно, однако по причине северного прохладного ветра не было жарко.

Команда остановилась в 1 час пополудни, и в 5½ часов отправилась опять далее.

За 2¾ версты (900 оборотов) от места роздыха находится овраг, в котором растет отличная трава, и в некоторых малых и глубоких озерках вода в одних соленая, в других пресная.

Отъехав 11 верст (3700 оборотов), от Троицка в 706¾ верстах (237 311 оборотов), команда приехала к подобному же оврагу, в котором в ямах пресная вода и много хорошей травы.

Команда ехала без дороги по направлению между югом и юго-востоком по отлогим горам, которых поверхность состоит попеременно из красной глины, песка и мелкого белого кварца. Травы по всему переезду мало. Местами находятся великие массы белого кварца и показывается шифровый камень, по большей части серый (слюдяный сланец).

Сайги показывались часто, и ящериц всюду было много.

Погода была ясная, с сильным ветром, который однако к вечеру утих.

Команда остановилась для ночлега в 7½ часов.

23 июня, вторник

Команда выступила в 5½ часов утра.

В трех верстах от места ночлега – овраг, в котором по мелким камням течет ручеек, который по правую сторону подходит к крутому, но невысокому каменному яру и делает здесь поворот. Переправа чрез него не очень удобна.

В 11¾ верстах (3900 оборотов) – овраг широкий, в котором течет речка, имеющая много глубоких плёсов. Она течет от севера к югу. На западном ее берегу – покрытая камнем киргизская могила. На том же берегу возвышение и при подошве его несколько кучек, состоящих из серой и синеватой земли (вероятно, мергеля).

В 13½ верстах (4500 оборотов) – овраг небольшой, сухой.

За 18¾ верст (6300 оборотов) команда поднялась на возвышение, пред которым находится полукруглая равнина, окруженная горами и с одной стороны оврагом, в котором течет ручеек. В 19¾ верстах (6600 оборотов) команда чрез него переехала и, поворотив направо и отъехав 20¾ верст (7000 оборотов), от Троицка в 727½ верстах (244 311 оборотов), остановилась на берегу его против крутого каменного яра, пред которым поднимаются из земли огромные острые камни. Ручеек сей в полуверсте отсюда впадает в реку Кара-Тургай. По обеим [берегам] растет ивняк, молодые березки, черная смородина, дикая роза (шиповник) и по реке еще дикий хмель.

Команда ехала к юго-востоку без дороги по отлогим горам, которых поверхность гладка и для езды с повозками весьма удобна. Грунт земли – глина, смешанная с песком и мелким белым кварцем. Местами показываются яры слюдяного сланца. Травы по лощинам довольно, но лощин сих немного.

Змей и ящериц показывается много.

Погода была ясная, с умеренным ветром.

Команда остановилась в 10 часов, и в 3 часа пополудни опять выступила. Наконец отъехав по горам 11½ верст (3835 оборотов), от Троицка в 737 верстах (248 146 оборотов), и проехав мимо Свинцовой горы, называемой киргизцами *Кара-Кургаш*, команда расположилась в 6 часов вечера недалеко от нее на правом берегу реки Кара-Тургай.

Погода была ясная, с северо-западным ветром.

Сия страна на 235 верст имеет весьма мало мест, к населению способных, и главную препону в том составляет недостаток в местах, удобных к хлебопашеству и в лесе. Около Мукуркупы на Ялламе-Тургае и местами на Кара-Тургае можно бы завести малые селения, но по неизвестности местоположения по обеим сторонам тракта, где, может быть, есть лес и удобнейшие к тому места, не должно бы к тому приступить прежде как по осмотре их, паче же всего следовало бы осмотреть тракт от Звериноголовской крепости до самого свинцового прииска, который, по уверению киргизцев, изобилует хорошими местами.

24 июня, среда

После обеда в 2 часа были посланы 100 человек башкирцев и казаков на Свинцовую гору для расчистки выкопанных киргизцами ям и для разработки свинцовой руды, но по недостатку инструментов более 20 человек вдруг не могли работать.

Погода во весь день была ясная, с сильным северо-западным ветром.

25 июня, четверток

Работа при руде продолжалась.

Погода была ясная, с северо-западным ветром, после обеда шел малый дождь.

26 июня, пятница

Работа при руде продолжалась.

Погода была ясная, с небольшим западным ветром. В 6 часов пополудни сделалась гроза и шел дождь, который продолжался до 9 часов.

На правом берегу реки Кара-Тургай находится небольшая площадь, окруженная с трех сторон горами и с четвертой – рекой.

К северу находится длинная гора, в которой разрабатываема была киргизцами свинцовая руда. Они выкопали в разных местах ямки, из которых главная имела до одной сажени, прочие около одного аршина глубины.

Сии ямы были ныне углублены и вырыты в разных местах другие, и потому оказалось, что гора сия, имеющая направление свое почти от севера к югу, от подошвы своей до вершины по сему направлению более 300 сажен горизонтальной длины и при вершине 42 сажени 2 фута 9½ дюймов вертикальной высоты над поверхностью воды в реке Кара-Тургай, широты же в разных местах 40 и более сажен, состоит из слюдяного сланца, смешанного иногда с белым и серым кварцем и содержащего жилы сплошного свинцового блеска, имеющие направление свое почти от востока к западу. Две из сих жил, находящиеся одна от другой расстоянием в 10 саженях, разведаны подробно на 26 сажен длины и до 2½ сажен глубины.

На поверхности горы находятся мелкие куски руды; глубиной от полуаршина до трех четвертей открываются жилки, состоящие из таковых же кусочков, не имеющих между собой связи, но несколько пониже жилы делаются сплошные, толсты, и как скоро глубина превышает одну сажень, то толщина их доходит по большей части до трех четвертей аршина. Здесь свинцовый блеск находится уже чистый, без всякой посторонней смеси, и жилы, хотя местами бывают тонее, местами толще, но далее в глубину делаются приметно сильнее, имеют боковые отростки, которыми они, по-видимому, между собой соединяются. Между сими двумя жилами, верно, находятся еще другие, потому что в нескольких местах оказывались те же признаки, как на поверхности, так и в самой малой глубине.

Камень на поверхности мягок, но в глубине он тверже, однако разработка никак не может быть затруднительна. Лучшим доказательством сего может служить следующее обстоятельство.

По незнанию в точности порядка, которым производятся горные работы, инструментов, к тому потребных, и качества горы, в которой заключается искомая руда, господа подполковник Феофилатьев и надворный советник и кавалер Чекалов взяли с собой из Троицка несколько ломов, худо скованных, без наварки, кайлов, которые почти совершенно оказались бесполезными, и железных лопат. Два лома были перекованы в клинья, и ими и двумя небольшими кузнечными молотами разбивали камни. Несмотря на сей недостаточный инструмент, в три дня добыли до 300 пудов руды, и из нее выбрано было 100 пудов самой лучшей кусками, из которых некоторые имели весу до трех пудов.

Направление жил почти от северо-востока к юго-западу, и они проходят в другие сопредельные горы, как надобно судить по кусочкам руды, которые можно найти местами, вскапывая несколько землю. Больше 400 сажен от главной разработки около реки, к юго-востоку от стана команды, случайно также нашли начало хорошей рудной жилы. По сим обстоятельствам можно судить о великом количестве руды, содержащейся в сих горах, к чему еще нужно прибавить, что по правому берегу реки Кара-Тургай не меньше как на 25 верст все горы составлены из такового же, как и Свинцовая, камня, который в крутых ярах по реке и почти во всех местах, где он выходит на поверхность, однако темнее и по большей части темно-серого, местами зеленоватого (от растущего на нем местами моха), местами темно-коричневого цвета. На Свинцовой горе попадается белое ноздреватое вещество, мягкое, без всякого вкуса, состоящее из мелких кристаллов прозрачных и, вероятно, должно быть сернокислая известь (гипс).

На левом берегу реки почва понемногу возвышается и делается далее волниста. В десяти и более верстах тянется цепь гор, в обширном полукруге перейдя вершины реки. В ней несколько высоких гор и в числе их гора Куянтау (Заячья гора), состоящая большей частью из слюдяного сланца, но на вершине из весьма крупнозернистого пудинга или, лучше сказать, из слепившихся кусков гранита и кварца; и к южному концу – из темно-бурой железистой яшмы, которая, хотя в горе составляет огромные плотные массы, но ломается в тонких листах, которыми покрыта местами отлогость горы. Поверхность ее состоит из голого камня, и она так крута, что пешком с нуждой только можно на нее взойти. За нею видны горы беспрерывные, все больше и больше возвышающие, да и вдали синеется цепь превысоких гор, которой одна часть называется киргизами *Улутау* (Большая гора). К западу от сих гор место гораздо ровнее, но вдали видны также немалые возвышения.

Река Кара-Тургай, или Улу-Тургай, имеет вершину свою около 20 верст от Свинцовой горы в горе Арганаттау (*арган* – усталый, *ат* – лошадь), и несколько повыше от сего места так мелка, что во многих местах можно чрез нее проходить не замоча почти ног, местами же еще вода проходит под песком и чрез несколько сажен опять выходит. Она делает чрезвычайные повороты и до 40 верст от вершины течет по большей части между каменных утесов, дно же ее состоит из песка и мелких камней разного свойства. Глубина воды на сем пространстве редко превышает один аршин, но весной, надобно полагать, что она доходит до двух сажен и вода занимает тогда всю ширину реки между крутыми берегами, простирающуюся местами до 20 сажен. Вода в реке весьма чиста и хороша.

При подошве Свинцовой горы, в лощине между ней и другой горкой, выходит из земли ключ хорошей пресной воды. Около него растет на черноземе хорошая трава и видны толстые пни березовые. Вероятно, по сим местам был прежде лес. Теперь растет по реке только ивняк и в лощинах около реки молодые березы. Трава растет по лощинам изрядная, а около горы Куянтау во многих местах – отличная. Там же довольно ключей. К хлебопашеству удобных мест в близости не примечено. В реке находятся изредка камни известковые, которые, вероятно, принесены весенней водой, но, несмотря на то, вверх по течению реки их нельзя было отыскать. Кирпичной глины в берегах реки много.

Прямо против стана команды находится гора. Расстояние ее от берега реки было определено посредством звука, принимая, что в одну секунду звук проходит, по определению французских академиков, пространство, равное 173 французским туазам, или 158,04 российским саженям. Верный хронометр, имевшийся у поручика Генса, делал в каждую секунду 2½ уда-

рения маятником, следовательно, во время, протекающее между двумя ударениями, звук должен проходить 63,216 сажен. При тихой погоде вечером на сказанной горке были сделаны 15 выстрелов из ружья, и между каждым и слышанием звука его на берегу реки против стана проходило 11½ ударений, и расстояние поэтому должно быть равно 726,974, или почти 727 сажен. От берега реки до горки, находящейся при конце Свинцовой горы, и отсюда влево до вершины ее отбиты две прямые линии, заключающие между собой угол 136°16′60″, из которых последняя проходит частью по восточному скату Свинцовой горы. Длина их была вымерена горизонтально (но не покатости гор) и оказалось в первой 285, а в последней – 318 сажен.

В горах водится чрезвычайное множество змей и ящериц. В реке имеются водяные змеи.

На обратном походе киргизский старшина Язы, приехав в стан команды при реке Яллама-Тургай, сказал, что река Ишим отстоит от Свинцовой горы за полтора дня езды и что по ней растет много леса. Между сей горой и Улутау, по правую руку, находится, по его же словам, Мыстау (Медная гора), содержащая великое множество медной руды, которая, по его описанию, может почитаться почти самородной медью. Недалеко от сей горы находятся остатки двух каменных домов, служивших жилищами прежним ханам. Расстояние от Звериноголовской крепости до Свинцовой горы, он полагает, от 500 до 550 верст, и уверял, что по всему тракту – места лесные, изобилующие пресной водой и травой. Сии известия подтверждаются почти всеми киргизцами, знающими здешние места.

27 июня, суббота

Команда приготовлялась к обратному походу, в который выступила в 4 часа пополудни. В 7½ часов команда, отъехав 20½ верст, остановилась для ночлега при речке, не доехав 11¾ верст (3900 оборотов) до того места, где она с 22-го по 23-е число июня ночевала.

Погода была ясная, с местными облаками и слабым северо-западным ветром. Около обеда шел небольшой дождь.

28 июня, воскресенье

Команда выступила в 4 часа утра и в 8 часов, отъехав 20 верст, остановилась при овраге, не доехав 2¾ версты (900 оборотов) до того места, где она 22 июня обедала.

После обеда в 2½ часа команда выступила и в 7 часов вечера, отъехав 24½ версты, переправившись на левый берег реки Кара-Тургай, остановилась на нем для ночлега на том же месте, где она ночевала с 21-го на 22-е число июня.

Погода была во весь день ясная и до 3 часов после обеда было жарко.

29 июня, понедельник, полудневка

Команда выступила в 12 часов полудня и, проехав овраг, при котором с 20-го на 21-е число июня ночевала, остановилась в 6 часов вечера на реке Кара-Тургай, отъехав 30 верст.

Небо во весь день было облачное, с сильным юго-западным ветром. К вечеру шел дождь.

30 июня, вторник

Команда выступила в 4½ часа утра и, доехав до оврагов, между которыми она 20 июня обедала, она не переправляясь, объезжала их и при последнем недалеко от реки остановилась в 8 часов утра, отъехав 19¼ верст.

После обеда она выступила в 2 часа и, переправившись на правый берег реки Кара-Тургай, остановилась на нем в 7 часов вечера на том же месте, где она с 19-го на 20-е число июня ночевала, отъехав 22½ версты.

Поутру шел небольшой дождь, но в 8 часов погода была ясная и теплая.

Июля 1-го, среда, полудневка

Выехав в 4½ часа утра, команда приехала в 10 часов на левый берег реки Яллама-Тургай, где и остановилась для ночлега, чтобы дать отдохнуть лошадям при хорошем корме, отъехав 26 верст.

Во весь день при ясной погоде было чрезвычайно жарко.

2 июля, четверток, дневка

Команда переправлялась на правый берег реки Яллама-Тургай.

Жар во весь день был велик.

3 июля, пятница, полудневка

Команда выехала в 4 часа пополудни и, отъехав 9 верст, остановилась в 6 часов вечера для ночлега при озере Сулюкликуль.

Во весь день было жарко, при ясной погоде.

4 июля, суббота, полудневка

Выехавши в 12 часов полудня и отъехав 34 версты, команда остановилась в 8 часов вечера при конце Мукуркупы, недалеко от того места, где она 17 июня обедала.

С самого утра погода была пасмурная, и в 12 часов пошел сильный, но теплый дождь, который продолжался до самой ночи.

5 июля, воскресенье

Команда выступила в 12½ часов полудня и, переправившись чрез реку Сары-Тургай и отъехавши 31 версту, остановилась в 7 часов при озере, находящемся за ней в двух верстах, потому что по реке не было достаточно хорошего корма для лошадей.

В 10½ часов вечера она выступила далее и в 12 часов полуночи прибыла к длинному озеру, находящемуся от Сары-Тургая в 10 верстах, отъехавши 8 верст.

Погода во весь день была ясная и теплая.

6 июля, понедельник

Команда выступила в 11 часов пред полуднем и, проехав то место, где она с 15 на 16 июня ночевала, остановилась в 3 часа пополудни при низком месте, отъехав 14 верст.

Выехав в 5 часов пополудни и отъехав 14 верст, остановилась в 8½ часов вечера для ночлега при озере Киккупа.

Во весь день погода была ясная и жаркая, без ветра.

7 июля, вторник

Команда выступила в 5 часов утра и, отъехав 14¾ верст, остановилась в 8 часов при горе Кансалмури.

В 2 часа пополудни она опять выступила и, отъехав 14¾ версты, приехала в 8 часов вечера к озеру Чучкакуль.

Погода во весь день была ясная и теплая

8 июля, среда, полудневка

Выступив в 5½ часов утра и отъехав 14 верст (4681 оборот), команда остановилась в 9 часов при начале реки, идущей к озеру Наурзум, не доехав 8½ верст до того места, где она при сем озере 13 июня дневала.

Погода с утра была ясная, но после обеда появились облака и поднялся ветер.

9 июля, четверток

До сего места команда ехала старой своей дорогой, но желая избежать крюк, сделанный около озера Наурзума, и бесплодные места между им и озерами Авлиякуль, она оставила здесь старую дорогу свою в правой стороне и поехала от места ночлега прямо на лес Наурзумский, пред ней лежащий.

Команда выступила в 6 часов утра.

В 1½ верстах (500 оборотов) от места ночлега начинается лес, сначала березовый, потом сосновый. Он такового же свойства, как в том месте, чрез которое команда перешла в передний путь.

В 2¾ верстах (900 оборотов), по левую сторону близ тракта, находится высохшее соленое озеро, по берегам которого находится в земле такая же горькая соль, как при озере Ямантус.

В 6¼ верстах (2100 оборотов), по левую сторону – таковое же озеро.

В 7 верстах (2400 оборотов) команда выехала из леса и, переехав чрез несколько песчаных бугров, проехала в 10 верстах (3200, 3300 и 3500 оборотов) три соленых озера, которые остались в правой стороне.

За 11¼ верст (3800 оборотов) от места ночлега показывается по правую сторону озеро Сурсу. Кладбище с красной могилой, похожей на кирпичное строение, остается в правой стороне около трех верст от тракта команды.

За 20¾ верст (6900 оборотов) находится овражек, в котором по левую сторону несколько воды в яме и зеленая трава. По берегам его попадаются куски прозрачного гипса (spätziger Gyps).

За сим оврагом команда поднялась на высокую равнину, которая от Наурзумского леса продолжается до конца озера Сарымуин, и, отъехав 23¾ версты (7980 оборотов) от Чучкакуль, в 37¾ верстах (12 661 оборот) остановилась на ней при двух колодцах.

Команда шла весь сей переезд без дороги к северу. Почва состоит в лесу из песка, между лесом и горой – из глины, а на горе, около того места, где команда остановилась, из хорошего чернозема, на котором росла отличнейшая трава и в ней дикая роза (шиповник), вишня на низких кустах и персиковые орехи. В лесу местами трава изрядная, но между им и горой растут только одни соленые и сухие растения.

Погода с утра была пасмурная, прохладная, потом сделалось ясно, с сильным северным ветром.

Команда остановилась в 11 часов, и выступила опять пополудни в 3½ часа.

Она сначала ехала по упомянутой высокой равнине, которая в пяти верстах (1700 оборотов) от места роздыха прерывается низким местом, окружая его с южной, западной и северной сторон. Сие низкое место было прежде, верно, залив огромного озера, о котором выше говорено. Оно имеет поперечником около 25 верст и к западу оканчивается продолжением упомянутой высокой равнины и сосновым лесом Тырсык-Карагай, который от тракта команды по левую сторону вдали виден и, как говорят, мало уступает Наурзумскому лесу. На том месте, где команда спустилась с возвышенности, видны остатки крупного березового леса, вместо которого растет теперь молодой березовый кустарник.

Отъехав 14¼ верст (4750 оборотов), в 52 верстах (17 411 оборотов) от озера Чучкакуль, команда переехала чрез речку Данабику, по сухому, но несколько топкому месту, и остановилась на берегу ее, расстоянием около […][1] верст к западу от старой дороги.

Команда ехала без дороги к северу, с малым отклонением к западу. Почва возвышенности состоит из чернозема, смешанного с песком, и на ней растет по большей части хорошая трава, на глинистой же низменности растут только сухие и соленые растения. Около речки Данабика трава изрядная, но ее немного.

Погода была ясная, с холодным северным ветром.

Команда остановилась в 7 часов вечера.

10 июля, пятница

Команда выехала в 5 часов утра, ехала 13½ верст (4500 оборотов) по совершенной равнине, которая оканчивается возвышенностью, продолжающейся до соединения с таковою же, начинающейся от горы Толгай, по правую сторону до леса Тырсык-Карагай. На ней выходят из земли огромные плиты целого песчаного камня и попадаются кусочки прозрачного гипса и кусочки затверделой глины (железистой яшмы), темно-желтого и красноватого цветов.

Поворотивши здесь налево и отъехавши всего 19 верст (6110 оборотов) от речки Данабика, команда остановилась на возвышенности, идущей от горы Толгай к западу, в 71 версте (23 821 оборот) от озера Чучкакуль, при нескольких колодцах с пресной водой, около которых на влажном черноземе растет отличная трава, занимающая великое пространство.

[1] В этом месте текст зашит в переплет.

Команда ехала без дороги первые 14 верст к северу, а остальные пять верст к северо-западу – по гладким и для езды с повозками удобным местам. Грунт земли состоит с начала переезда из глины, на которой растут только одни соленые растения, а на горах местами из чернозема, местами из песка.

Погода во время ночи и поутру была необыкновенно холодная и ясная. Ветра почти вовсе не было и около [...][1] часов сделалось жарко.

Команда остановилась в 10 часов, и в 3 часа пополудни отправилась опять далее.

Спустившись с возвышения, команда приехала к широкой лощине, в средине которой овраг, или речка Чиили, и переехавши чрез нее по заросшему камышом месту, остановилась на северном ее берегу, отъехав 5½ верст (1840 оборотов), в 76½ верстах (25 661 оборот) от озера Чучкакуль.

Команда шла без дороги к северу.

Почва на возвышенности состоит из чернозема, а в лощине из глины, но по всему переезду растет хорошая трава.

Погода была ясная и теплая.

Команда остановилась в 4 часа пополудни.

11 июля, суббота

Команда выступила в 2½ часа утра и, отъехав по довольно возвышенному месту 21 версту (7065 оборотов), в 97½ верстах (32 726 оборотов) от озера Чучкакуль, остановилась при находящемся по правую сторону ее тракта пресном озере, имеющем около 100 сажен в поперечнике и заросшем по берегам травой и камышом. Не доехав еще шесть верст до сего озера, виден впереди лес Аман-Карагай.

Команда ехала без дороги по большей части к северу, по почве, состоящей из чернозема, смешанного местами с песком, на которой по большей части растет хорошая трава.

Погода была ясная и теплая, с небольшим ветром.

Команда остановилась в 7 часов утра и выступила опять в 1 час пополудни.

[1] В этом месте текст зашит в переплет.

За семь верст (2700 оборотов) команда переехала чрез речку Ащи по сухому, но глинистому и несколько топкому месту. Вода в ней солено-горькая.

Отъехав 20 верст (6700 оборотов), команда выехала на прежнюю свою дорогу в 21¼ версте (7167 оборотов) от места роздыха, и в 118¾ верстах (39 893 оборота) от озера Чучкакуль остановилась при тех двух озерах, между коими она с 8-го на 9-е число июня ночевала.

Команда ехала без дороги к северо-западу по гладкому и для езды удобному месту, которого почва состоит из чернозема, смешанного с малым количеством песка. По всему переезду растет довольно хорошей травы и местами дикая вишня.

Погода была ясная и жаркая, без ветра.

Команда остановилась в 7 часов вечера.

Сей новый тракт от озера Чучкакуль до сего места короче старого на 25¾ верст (3602 оборота). Не только поэтому, но больше по превосходству почвы, по изобилию в траве, по качеству воды и по близости к лесу Тырсык-Карагай имеет много пред ним преимуществ. По сему тракту нет невозможности заселить людей, хотя он в плодородии не может равняться с пространством между Аман-Карагаем и Троицком.

12 июля, воскресение, полудневка

Команда выступила в 4 часа утра и, отъехавши по старой дороге 25½ верст, остановилась в 10 часов при двух озерах, находящихся по обеим сторонам дороги, не доезжая 13 верст до Малого Казан-Башлы, и провела при них до другого утра.

Поутру слышан был гром и шел около двух часов дождь, но после сделалось ясно и жарко.

13 июля, понедельник, полудневка

Команда выехала в 1 час пополудни и, отъехав [...][1] верст по прежней дороге, остановилась в 7 часов вечера при двух озерах, по правую сторону, не доезжая четыре версты до Большого Казан-Башлы.

[1] В этом месте текст зашит в переплет.

Во всю прошедшую ночь гремел гром и шел дождь, но около обеда сделалось ясно, однако погода была прохладная.

14 июля, вторник

Команда выехала в 4½ часа утра и в 10 часов, отъехав по старой дороге 23 версты, остановилась при озере Большой Киндерли, не доехав до Тобола [...][1] верст.

После обеда в 3 часа команда опять выступила и в 5½ часов, отъехав 14 верст и переправившись на левый берег Тобола, остановилась на нем, недалеко (100 оборотов) от того места, где она в передний путь стояла на правом берегу.

Погода с утра была ясная, но в 3 часа пошел дождь, который продолжался до 4½ часов.

15 июля, среда, полудневка

Команда выступила в 1 час пополудни и поехала вправо от прежней дороги, так называемой *Старо-Аргинской дорогой*, по которой часто из Каракульской крепости ездят жители за солью к озеру Эбелею.

За ½ версты (200 оборотов) от того места, на котором команда стояла в передний путь на берегу Тобола, находится по правую сторону близ дороги малое озерцо.

За 1½ версты (500 оборотов), по той же стороне – несколько малых озер.

За две версты (700 оборотов) команда, поворотивши направо с прежней дороги, поднялась на возвышение, при котором кончается здесь луг, находящийся на левом берегу Тобола.

За 5¾ верст (1900 оборотов) кончается сия возвышенность рекой Аятом, чрез которую команда переправилась вброд. Она в пяти верстах отсюда к востоку впадает в Тобол. По берегам его луг, хотя не широкий, но на нем растет хорошая трава.

За 11½ верст (3900 оборотов) – небольшой овраг.

За 16 верст (5400 оборотов) команда подъехала к довольно густому березовому лесу, который начинается далеко в левой

[1] В этом месте текст зашит в переплет.

стороне, проходит длинной полосой, коей широта до четырех верст, чрез дорогу и идет к Тоболу.

В 23½ верстах (7900 оборотов) от правого берега Тобола команда остановилась в 7 часов вечера при немалом, но сильно камышом заросшем и пресном озере, находящемся по левую сторону дороги.

Направление дороги – к северо-западу. Она гладка и хорошо набита.

Грунт земли по всему переезду состоит из чернозема и весьма способен к хлебопашеству. Вся степь покрыта хорошей травой, в которой растет клубника.

Поутру рано погода была пасмурная, сырая, во весь день облачное небо, около вечера сделалось ясно, но к ночи шел при слабом западном ветре дождь.

16 июля, четверток

Команда выступила в 3½ часа утра.

В 9 верстах (3000 оборотов) от места ночлега начинается по левую сторону дороги заросшее совершенно камышом озеро, которое продолжается на три версты по дороге, но редкими только местами в нем видна вода.

В 11 верстах (3700 оборотов) по левую сторону дороги находится чистое озеро, которого поперечник до 350 сажен. За ним к западу большое озеро, заросшее камышом, а за сим в расстоянии восемь верст от дороги – чистое озеро, до четырех верст в поперечнике.

В 14 верстах (4700 оборотов) находится по правую сторону дороги пресное глубокое озеро, которое в поперечнике имеет до 350 сажен. За сим озером переходит чрез дорогу таковая же полоса березового леса, как на вчерашнем переезде.

В 19½ верстах (6500 оборотов) по правую сторону находится немалое, но заросшее озеро, и за ним в расстоянии двух верст от дороги – пресное чистое озеро, около одной версты в поперечнике.

В 21½ версте (7200 оборотов) по правую сторону дороги – озеро заросшее.

В 22 (7700 оборотов) и 24 верстах (8200 оборотов) по левую сторону – таковые же два озера.

В 27 верстах (9200 оборотов) команда переехала чрез неширокий лесочек, за которым по левую сторону дороги – небольшое заросшее озеро.

Отъехавши 33½ версты (11 212 оборотов), команда остановилась при довольно обширном, но заросшем пресном озере, находящемся по правую сторону дороги в 57 верстах (19 112 оборотов) от Тобола.

Направление хорошо набитой Каракульской соляной дороги, по которой ехала команда – между севером и северо-западом.

Грунт земли на поверхности – чернозем, а под ним песок. По всей степи растет хорошая трава в изобилии и в ней много клубники. Лес березовый виден не далее восьми верст от дороги.

Погода с утра была ясная и прохладная, потом появились облака и по приезде команды на место шел дождь.

Команда остановилась в 10 часов и выступила опять в 3 часа пополудни.

В двух верстах (700 оборотов) по правую сторону дороги находится киргизская могила, и за ней по левую сторону небольшое озеро. В трех верстах (1000 оборотов) по правую и в 7½ верстах (2500 оборотов) по левую сторону – две таковые же.

В 16½ верстах (5500 оборотов) по правую сторону дороги находятся два небольшие заросшие озера.

В 20 верстах (6700 оборотов) команда переехала чрез полосу березового леса, пересекающего здесь дорогу, и называемую *Тизигум*.

Отъехав 22½ версты (7611 оборотов), команда остановилась при заросшем камышом пресном озере, находящемся по правую сторону дороги в 79½ верстах от Тобола.

Направление Каракульской соляной дороги, по которой шла команда – к северу, с некоторым отклонением к западу.

Грунт земли по всему переезду – весьма плодородный чернозем, на котором по всей степи растет отличная трава и в ней много кислицы и клубники.

Погода была прохладная и пасмурная. Несколько раз шел мелкий дождь.

Команда остановилась в 7½ часов вечера.

17 июля, пятница, полудневка

Команда выступила в 4½ часа утра.

Команда ехала с начала переезда по Каракульской соляной дороге, но проехав находящееся по правую сторону дороги в 1¾ версте (600 оборотов) от места ночлега озеро, своротила с нее и следовала до самого Троицка по прежней караванной, или Старо-Аргинской, дороге.

В 8¾ верстах (2900 оборотов) находится по левую сторону озерцо пресное, но заросшее.

В 33 верстах (11 000 оборотов) команда переправилась чрез крутой глубокий каменистый, но сухой овраг, по которому несколько молодого соснового и березового лесу. На южном его берегу находится ногайская могила.

В 39½ верстах (13 300 оборотов) команда переправилась вброд чрез реку Тоузак и, отъехав всего 40 верст (13 416 оборотов), остановилась на левом ее берегу, в 119½ верстах (40 139 оборотов) от Тобола, между тремя кладбищами киргизскими.

Команда ехала по довольно ровной и плодородной степи по направлению дороги к северо-западу.

Почва земли состоит из чернозема, весьма способного к заведению хлебопашества, и по всему переезду растет чрезвычайная трава, в которой премного клубники и кислицы, так что вся степь походит на обширный луг. Лесу хотя около дороги немного, но по сторонам его довольно видно.

Погода во весь день была пасмурная, дождливая и прохладная.

Команда остановилась в 12 часов полудня.

18 июля, суббота

Команда выехала в 5 часов утра и, проехав в полуверсте от реки овраг с водой, который по левую сторону соединяется с рекой, к северу имеет низкие берега и по всей своей длине зарос сосновыми и березовыми рощами, остановилась при совершенно заросшем озере, находящемся по левую сторону в одной версте от дороги, в 29½ верстах (9930 оборотов) от Тоузака и 149 верстах (50 069 оборотов) от Тобола.

Команда ехала по старой караванной дороге к северо-западу по почти ровной, чрезвычайно плодородной степи. Почва ее – чернозем, и она вся покрыта хорошей травой. По всему переезду по всем сторонам видно много лесу.

Погода была холодная и сырая, около обеда шел мелкий дождь.

Команда остановилась в 11 часов и выступила опять 2 часа пополудни.

В 4½ верстах (1500 оборотов) команда проехала мимо березового леса, который по дороге к городу Троицку уже последний.

В 12 верстах (4000 оборотов) команда переехала чрез овраг с водой; в 15 верстах (5000 оборотов) чрез ту самую Черную речку, чрез которую она в передний ехала, в 10¼ верстах от Троицка. Здесь она имеет изрядное течение, но весьма мелка. От сего места до города дорога идет по правому, несколько гористому берегу реки Уй.

Наконец, в 20 верстах (6700 оборотов) от места роздыха и в 169 верстах (56 769 оборотов) от Тобола команда прибыла в 6 часов вечера к мосту чрез реку Уй и вступила в город Троицк.

Направление дороги – к западу, с некоторым отклонением к северу.

Почва земли по всему переезду – чернозем, смешанный несколько с песком, также трава в количестве и доброте должна уступить той, которая растет по предыдущему переезду.

Погода была ясная и прохладная.

Вся дорога от Тобола до Троицка короче старой на 5¼ версты (7901 оборот) и заслуживает большее пред старой преимущество по плодородию почвы и по хорошему качеству воды, хотя ее по дороге немного. Вся сия страна с великой удобностью может быть заселена, лес (и даже строевой), сенокосы и удобные к хлебопашеству места находятся в изобилии, и потому можно завести селения при каждом почти озере.

Весь обратный тракт команды вообще короче того, по которому она следовала в передний путь, на 49½ верст, и по сему тракту расстояние Свинцовой горы от Троицка составляет 689½ верст (231 643 оборота).

Об удобностях и неудобностях всей дороги будет особо представлено начальству от всех чиновников, на которых возложено отыскание и описание свинцового рудника.

Подлинный читали, одобрили и подпиской утвердили подполковник Феофилатьев и надворный советник Чекалов.

Инженер-штабс-капитан *Генс*

РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 24735. Л. 1–35. Заверенная копия.

Журнал, содержащий наблюдения, в особенности топографические, сделанные в походе от Усть-Уйской крепости к находящемуся в Киргизской степи на реке Кара-Тургай к свинцовому прииску и обратно в город Троицк и в Звериноголовскую крепость от 11 июня до 12 августа 1815 г., писанный инженер-штабс-капитаном Генсом

Приготовление к походу

Оренбургской военной губернатор, г-н генерал от кавалерии и кавалер князь Григорий Семенович Волконский узнав, что в Киргизской степи на реке Кара-Тургай находится гора, заключающая в себе великое изобилие богатой свинцовой руды, препоручил в 1814 г. коменданту Троицкой крепости г-ну подполковнику Феофилатьеву, посланному в степь с воинскою командою, открыть дорогу к сему новому прииску, осмотреть его и вывезти образцы руды. В помощь к нему был отражен инженерный офицер. Препоручение, им сделанное, было исполнено, но сведения, от них доставленные, содержали больше описание дороги, нежели самого рудника, о котором можно было узнать только то, что он содержит много чистого свинцового блеску, ибо к подробнейшей разведке не доставало времени, инструментов и людей, по сей части знающих. Сверх того, киргизцы объявили о других удобнейших и кратчайших дорогах к руднику от Усть-Уйской и Звериноголовской крепостей, о Медной горе, находящейся в недальнем расстоянии от свинцовой, и о реке Ишим, протекающей будто оттуда же в 100 или 150 верстах.

Важность открытия требовала доставления обо всем подробнейшего известия, и чтобы возвратить издержки казны положено было вывезти 6000 пудов руды. На сей конец собрана была в Усть-Уйской крепости по повелению его сиятельства князя Волконского и с согласия управляющего Военным министерством г-на генерала от инфантерии и кавалера князя Алексея Ивановича Горчакова и г-на министра финансов, тайного советника и кавалера Дмитрия Александровича Гурьева следующая команда:

Главный начальник, г-н комендант Троицкой крепости, состоящий по армии подполковник и кавалер Феофилатьев – 1.

Начальник горной команды, г-н маркшейдер Герман 1-й – 1.

Господа шихтмейстер Герман 2-й, практикант (ныне шихтмейстер) Меньшенин и практикант Порозов – 3.

Штейгер – 1.

Унтер-шихтмейстеров – 4.

Маркшейдерский ученик – 1.

Писарей – 2.

Горных мастеровых и рудокопов – 20.

Инженерного корпуса:

Поручик (ныне штабс-капитан) Генс – 1.

Юнкер – 1.

Кондукторов – 2.

Писарь – 1.

Мастеровых – 2.

Артиллеристов из гарнизонной команды Усть-Уйской крепости:

Фейерверкер – 1.

Канониров – 10.

При них находились две медные пушки трехфунтового калибра с двумя зарядными ящиками. На каждую пушку взято по 90 зарядов с ядрами и по 30 картечных.

Звериноголовского гарнизонного батальона:

Господа подпоручики Сысоев и Дехтерев – 2.

Унтер-офицеров – 7.
Рядовых – 100.
Барабанщик – 1.
Прикомандированный из Оренбургского гарнизонного полка рядовой из дворян Масленников, которому препоручено было смотрение за обозом – 1.

Оренбургского казачьего войска 1-го и 2-го кантонов:
Господин сотник 14-го класса Казанцов – 1.
Чиновников войсковых и урядников – 30.
Рядовых казаков – 300.

Башкирцев 5-го кантона:
Господин старшина 14-го класса Иксан Кулуев – 1.
Чиновников войсковых и урядников – 84.
Рядовых башкирцев – 1000.

Троицкого гарнизонного батальона г-н штаб-лекарь Петрусенков – 1.
При нем фельдшер – 1.

Оренбургской пограничной комиссии переводчик г-н коллежский секретарь (ныне титулярный советник) Фейзулла Супгангулов – 1.
При нем два толмача – 2.

Для могущих случится переговоров с киргизцами поехал с командою из собственного усердия к пользе казенной, пользующийся во всей орде особенною доверенностью и награжденный за прежние заслуги двумя золотыми медалями, одною на аннинской, а другою на голубой ленте, и золотыми часами армянин Артемий Каспаров – 1.
Сын его Дмитрий Каспаров – 1.

Вожаки:
Из Троицка сын известного старшины алтын-япасского рода, кочующего около Троицка на внутренней стороне, титулярного советника Кубека Шикур-Алиева Зугут Кубеков-бий и почтенный киргизец Якуп Каракулов – 2.
При них киргизец Аман – 1.
В походе 17 июня выехали к команде на Тобол Средней орды аргынского рода чарджитымского отделения старшина Алтай Миняшев, сын его старшина Койдагул Алтаев, старшина Язы Янов и почтенный киргизец Даут – 4.
При них киргизец Эдель-Исян Аманов – 1.

Денщиков и слуг находилось при команде – 18.
Всего в команде находилось людей – 1611.

Повозок находилось при команде:
Казенных телег с ящиками для горных инструментов – 25.
Собственных повозок в казачьей команде – 140.
Таковых же в башкирской команде – 299.
Особо доставлены были из кантонов для свозки экипажа и провианта:
Пехотных солдат – 35.
Артиллеристов (в том числе одна телега для свозки дегтя) – 4.
Горных нижних чинов и мастеровых – 12.
Инженерных нижних чинов и мастеровых – 2.
Для медикаментов – 1.
Для письменных дел и припасов – 1.
Собственных повозок, принадлежащих чиновникам, армянину и вожакам – 30.
Всего 549 повозок. Провианта запасено на четыре месяца.

Команда собрана была в начале мая месяца, но разные распоряжения, сбор горной команды, доставление инструментов горных из заводов и переговоры с вожаками, еще в своих кочевьях находившимися, удерживали ее на месте в Усть-Уйской крепости до 11 июня.
Дабы привести в известность большее пространство степи предположено было разделить команду на три колонны, которым следовать расстоянием одна от другой, смотря по обстоятельствам, от 25 до 50 верст, и потому предполагалось высту-

пить одной части сей команды из Звериноголовской крепости, но киргизский старшина Алтай Миняшев, приехав из степи в Усть-Уйскую крепость, объявил, что до переправы через реку Тобол команда должна идти вместе, держась дороги, ведущей к соляным озерам Эбелей и Уркач, потому что места от Звериноголовской крепости к югу на немалое пространство будто для повозок не проходимы и, сверх того, по недостатку пресной воды и для прохода с легкою конною командою затруднительны. Зугут-бий и Якуп Каракулов были с ним согласны, и то же подтвердил мулла (магометанский священник), живущий в срубленном из бревен доме в кочевьях матакай-кирейского рода в 12 верстах от упомянутой крепости. Из похода отдельной команды открылось, что неудобности сих мест в описании их киргизами были несколько увеличены, за всем тем для обоза дорога сия, действительно, когда не совершенно не проходима, то, по крайней мере, весьма затруднительна. Алтай Миняшев поехал опять в степь, чтобы известить прочих вожаков о приближении команды и обещался вместе с ними встретить команду при переправе чрез Тобол. Сии причины заставили до сего места следовать всей команде вместе в одной колонне.

Для измерения протяжения дороги приделан был к колесу одной повозки железный снаряд, точно такой, как в 1814 г. Расстояние, в сем журнале показанное, содержит на всем пути несколько лишних верст, потому что команда отдалялась от прямого тракта в тех местах, где она останавливалась, иногда на версту и более в сторону, смотря по местоположению. Сие излишество из общего расстояния не исключено потому, что и внутри государства без подобных крюков обойтись не всегда можно и в отношении ко всему пути они не важны. Впрочем, повозка, к измерению пройденного пространства служившая, без нужды лишнего пути не делала, и для того становилась всегда в средине лагеря около палатки г-на главноначальствующего. Окружность колеса составляла 1 сажень 3 фута и 9 дюймов (1°3′9″).

Направление дороги замечаемо было с помощью компасов. Главное направление всего тракта от севера к югу и градусы, в сем журнале показанные, означают угол отклонения дороги от сего главного направления, или от меридиана к востоку или западу.

1815 г., июня 11-го дня, пятница, 1-й переход

Команда, приготовившись совершенно к походу и запасшись всем нужным, выступила в 9 часов вечера.

Обороты мерительного колеса начали считать от моста чрез реку Уй, на южном берегу которой расположена Усть-Уйская крепость.

Направление дороги. 100 оборотов – 0° (прямо к югу), 900 оборотов – 30° к западу, 700 оборотов – 70° к востоку; остальные 193 оборота – дугою, оканчивающейся направлением в 140° к востоку.

Достойные примечания предметы. В расстоянии одной версты (300 оборотов) от места начинаются березовый кустарник и молодые рощицы, которыми усеяно все пространство между Усть-Уйской крепостью и Тобольным форпостом.

В двух верстах (600 оборотов) по левую сторону дороги узкое озеро длиною около 60 сажен. Берега его и средина заросли травою.

В 5¼ верстах (1700 оборотов) – форпост Тобольный, по правую сторону близ самой дороги.

Первое становище, Банное озеро,
от Усть-Уйской крепости 5¾ верст

Первое становище. Команда остановилась при Банном озере.

Расстояние. От Усть-Уйской крепости – 1893 оборота, или 5 верст и 407 сажен.

Время прибытия. В 10½ часов вечера.

Описание становища. Длина Банного озера 240 сажен, направление длины от запада к востоку, широта западной половины – 13, восточной – 25 сажен. Хотя берега низки и отлоги, но озеро имеет довольно глубины. По краям растет камыш.

Восточный конец сего озера отделяется топким болотистым перешейком от другого подобного же озера, которого

длина 150 и широта 12 сажен. От него далее еще одно озеро, длиною 180 сажен, широтою равное второму. Оба последние озера составляют крюк, которого половина имеет направление к югу. Все сии три озера, вероятно, остатки прежнего течения Тобола, который ныне протекает от них в полуверсте. По берегам их растет тальник. Несколько топкое их дно покрыто толстым, по-видимому, слоем чернозема. Вода в них пресная и она содержит довольно рыбы, особливо карасей.

Поверхность пройденного пространства составляет почти совершенную равнину. До форпоста Тобольного команда следовала по гладкой и хорошо набитой дороге, проложенной промышленниками от Усть-Уйской крепости к соляным озерам Эбелей и Уркач. У форпоста команда ее оставила на правой стороне и шла 193 оборота (несколько более полуверсты) без дороги.

Почва земли по всему переходу состоит из чернозема, смешанного в близости крепости с песком. Около становья команды сверху слой чернозема толщиною в один аршин, под ним глина, смешанная с черноземом и песком. Хлебопашество по всему переходу может быть заведено с великою удобностью.

Растения. По всему пространству между крепостью и форпостом Тобольным растет трава в таковом изобилии, что оно составляет отличное пастбище. Около Тобола на лугах трава отличная.

Касательно травы, пастбищ и сенокосных мест нужно заметить, что лето сего 1815 г. было во всем здешнем краю необыкновенно сухое, во все продолжение его почти ни одного дождя не было, весною реки из берегов даже не выходили, следственно, луга не могли быть напитаны влажностью и сена собрано было не более пятой доли против обыкновенного урожая. Сие обстоятельство должно иметь всегда в виду, чтобы делать справедливое заключение о плодородии описываемых здесь мест.

Около озер растет эстрагон и дикая роза, или шиповник.

По всему переходу растет в изобилии молодой березовый лес, годный на дрова.

Животные. Около озер показывались зайцы.

Погода. Ясно и почти совершенно тихо.

Термометр Реомюровой шкалы показывал поутру +9°; около обеда +15,5°; вечером в 11 часов +9°.

12 июня, суббота, полудневка, 2-й переход

Команда провела половину сего дня стоя на месте при Банном озере, потому что благоразумие требовало пересмотреть еще все запасы, поверять число людей и лошадей, отвратить все неудобности и неисправности, которые могли открыться сим первым опытом похода. Все было приведено в лучший порядок, и команда выступила в дальнейший поход.

Время выступления. 2 часа пополудни.

Направление дороги. 200 оборотов – 40° к западу; 1300 оборотов – 0° (прямо к югу), исключая неважные изгибы дороги; остальные 269 оборотов – 90° к востоку.

Достойные примечания предметы. В расстоянии 4½ верст (1500 оборотов) от первого становища, по левую сторону возле самой дороги, киргизское кладбище.

В 8½ верстах (2800 оборотов) по ту же сторону таковое же кладбище, возле самой же дороги.

В 11 верстах (3600 оборотов) река Тобол делает изгиб наподобие подковы и подходит близко к дороге, которая от сего места вперед на 1½ версты (500 оборотов) по крутому ее левому берегу делает небольшую дугу на правую сторону, и в 12½ верстах (4100 оборотов) от первого становища принимает опять прежнее направление. Против сего места по правую сторону близ дороги – киргизское кладбище.

Таковые же кладбища в 15¼ верстах (5000 оборотов) по правую и в 20¼ верстах (6600 оборотов) по левую сторону близ дороги. На сих кладбищах много еще свежих могил. Большое их число доказывает, что киргизцы во множестве кочуют около сих мест. Устроение могил описано в журнале прошедшего года.

В 20½ и 21¼ верстах (6700 и 6900 оборотов) дорога пересекается двумя небольшими оврагами.

В 23 верстах (7500 оборотов) команда оставила дорогу, своротила на левую сторону и следовала по сему направлению до места ночлега.

Второе становище на Тоболе, от первого 23¾, а от Усть-Уйской крепости 29½ верст

Второе становище. Команда остановилась на берегу реки Тобола.

Расстояние. От первого становища – 23 верст 430 сажен, или 7769 оборотов колеса. От Усть-Уйской крепости – 29 верст 338 сажен, или 9662 оборота.

Время прибытия. 7 часов вечера.

Описание становища. Команда остановилась при самой реке, внутри составляемой течением дуги, подобной находящейся в 11 верстах от первого становища, на крутояристом левом берегу, подмываемом водою и возвышенном от трех до четырех сажен. На сем месте киргизское кладбище.

Поверхность пройденного пространства. Хорошо набитая соляная дорога проложена по возвышенной равнине, оканчивающейся к востоку рекою Тоболом и лугами, ее сопровождающими, и возвышающейся довольно приметно на несколько верст к западу. Она скрывает находящиеся за нею дальние предметы по причине сего постепенного возвышения и молодого березового лесу, которым она покрыта. К стороне реки она оканчивается по большой части довольно крутым, но невысоким скатом. В одном только месте дорога пересекается двумя небольшими оврагами (см. выше). Правый, или восточный, берег реки сопровождается в расстоянии двух и местами до трех верст от дороги беспрерывным возвышением, составляющим край равнины, занимающей пространство, заключающееся между реками Тоболом и Убаганом; равнина превосходит высотою таковую же, на западной стороне от Тобола находящуюся.

Между сими обеими равнинами течет река сия по обширным лугам, приближаясь вообще более к западной, почти параллельно с соляною дорогою, расстоянием от начала перехода от 1½ до 2 верст. На половине перехода она подходит к самой дороге и чрез остальное расстояние до второго становища она удаляется не более как на одну, местами 1½ версты. Она местами так мелка, что имеет глубины не более одного аршина, но как все степные реки имеет много глубоких мест (плёс), особливо там, где дно и берега состоят из глины. Широта переменяется от 3 до 25 сажен. Течение ее вообще медленно и в плесах почти не приметно.

Почва земли. По всему переходу сверху чистый чернозем. Подмываемые местами водою крутые берега реки показывают сверху слой чистого чернозема, под ним слой чернозема, смешанного с валунами мергеля и песчаного камня, а далее слой рухлякового сланца (Mergelschieper), годного на фундаменты и, по нужде, на возведение неважных каменных строений.

Около лагеря команды почва состоит сверху на половину аршина из чернозема, под ним находится песок, смешанный с глиною и черноземом.

Дно реки состоит в мелких местах, где течение быстрее, из крупного песку, а в плёсах из глины.

Из описания почвы явствует, что земля по сему переходу должна быть весьма плодородна. Все пространство от Банного озера представляет по высоким местам отличное пастбище и по лугам хорошие сенокосы. Хлебопашество без всякого сумнения может быть заведено с великою удобностью.

Растения. Кроме многих отличных для корму скота и лошадей растений, которыми испещряется зелень густой травы, с начала перехода растет в изобилии дикая спаржа, по низким местам и около рощ – клубника, далее дикая роза, или шиповник, челижник (дикая акация), мелкими кустами степная вишня и эстрагон.

Все пространство сего перехода по обеим сторонам дороги усеяно березовым кустарником, между которым находятся молодые березовые рощи, годные на дрова. Возвышение, находящееся вдоль по реке по правому берегу, покрыто хорошим березовым дровяным лесом.

Животные. Над рекою показывались лебеди и утки. Около дороги летали белые куропатки.

В реке довольно мелкой рыбы, а именно: щук, окуней и чебаков.

Погода. Ясно во весь день. Ветер восточный, весьма слабый.

Термометр. В 6 часов утра +9°; около полудня +19°; в 7 часов вечера +13°; в 9 часов +11°; в 11 часов +9,5°.

13 июня, воскресенье, 3-й переход

Время выступления. 4 часа утра.

Направление дороги. 100 оборотов колеса – к западу 90°; 400 оборотов – к западу 40°; 500 оборотов – к востоку 18°; 1000 оборотов – к западу 13°; 200 оборотов – к западу 17°; 400 оборотов – к западу 19°; 400 оборотов – к западу 22°; 600 оборотов – к западу 25°; 200 оборотов – к западу 5°; 300 оборотов – к востоку 23°; 1100 оборотов – к востоку 8°; 1600 оборотов – к востоку 10°; 115 оборотов – к востоку 26°.

Достойные примечания предметы. В расстоянии 1¼ версты (400 оборотов) от второго становища дорога идет чрез довольно крутой и глубокий овраг, который весною, вероятно, наполняется быстро текущею снежною водою. В нем много валунов мергеля и между берегами его растут молодые березы.

В 10¼ верстах (3400 оборотов) подобный же овраг, уступающий, однако, первому много в крутизне берегов и глубине.

В 15¼ верстах (5000 оборотов) по левую сторону близ дороги – киргизское кладбище.

В 17 верстах (5500 оборотов) по правую сторону близ дороги таковое же кладбище. На сем месте и в 18¾ верстах от второго становища (6100 оборотов) дорога подходит к самой реке Тоболу.

Третье становище близ Тобола, от второго [становища] в 21 версте, от Усть-Уйской крепости в 50½ верстах

Третье становище. Команда остановилась на берегу небольшого озера в 50 саженях от реки Тобола и немного более от дороги.

Расстояние. От второго становища на берегу Тобола – 20 верст 465 сажен, или 6815 оборотов колеса. От Усть-Уйской крепости – 50 верст 303 сажени, или 16 477 оборотов.

Время прибытия. 10 часов утра.

Описание становища. Озерцо, при котором команда остановилась, почти круглое. Поперечник его не более 30 сажен. Дно его состоит из глины, которая сверху покрыта довольно

толстым слоем песка с валунами белого мергеля. Вода в нем пресная и чистая.

Команда расположилась на лугу около озера и по реке, спустившись с близлежащего возвышения, по которому проложена дорога. По берегам реки и около озера растет хороший тальник. Корм для лошадей хорош и недостатка в нем не было. Нужно заметить, что при команде находилось до 3000 лошадей.

Поверхность пройденного пространства. Соляная дорога проложена по возвышенной, несколько волнистой и к западу приметно более и более возвышающейся равнине, сопровождающей левый берег Тобола. Таковая же равнина находится и по правому берегу реки, но расстоянием от нее далее, нежели на предыдущем переходе. Она сливается с лугами отлогою покатостью. Между сими возвышенными равнинами течет Тобол, в разных изгибах по длине, которой широта около четырех верст. Весеннею водою она, вероятно, вся наводняется, и река часто переменяет свое течение, оставляя ямы и длинные озера (называемые старицами) следами прежнего своего пути. Таковых стариц по всему течению Тобола весьма много, и по большей части они наполнены великим множеством рыбы (обыкновенно карасей и язей, также щук и окуней), ловля которой составляет немаловажную отрасль промышленности жителей близлежащих частей Оренбургской и Сибирской линий.

Почва земли. Вся поверхность сего перехода состоит из чернозема. По подмываемым водою и обвалившимся крутостям берега реки виден сверху на ½ аршина слой чернозема, под ним на ¾ аршина слой глины, смешанной с песком и черноземом, далее донизу глина, смешанная с песком и годная на кирпич.

На лугу около лагеря команды почва состоит сверху на один аршин из чернозема, под которым лежит глина песчаная и песок.

Дно реки состоит по большей части из песку и валунов мергеля, под которыми глина. Местами дно твердо, местами ж, особливо в плёсах и под крутыми берегами, оно топко и состоит из чистой глины.

Все пространство сего перехода довольно плодородно, и хлебопашество могло бы быть заведено во многих местах, осо-

бливо около реки. Вообще, однако, сей переход несколько беднее второго.

Растения. Трава по высоким местам изрядная, на лугах по реке – хорошая и местами отличная. Около лагеря команды трава густая и тучная имелась только в неширокой полосе по берегу реки. Клубника и челижник (дикая акация) встречаются в изобилии.

С начала перехода до половины видны по обеим сторонам дороги небольшие молодые березовые рощицы, из которых некоторые могли бы доставлять довольно хорошие дрова. С половины перехода до становища лесу не имеется. Возвышение правого берега реки покрыто отдельными между собою, но густыми березовыми рощами, составляющими отличный дровяной лес.

Животные. Около реки показывались лебеди и утки, по высоким местам – дрофы, жаворонки и хищные птицы. В реке много рыбы.

4-й переход

Время выступления. 2½ часа пополудни.

Направление дороги. 300 оборотов колеса – к востоку 19°; 200 оборотов – к востоку 43°; 400 оборотов – к востоку 45°; 600 оборотов – к западу 4°; 400 оборотов – к востоку 35°; 800 оборотов – к востоку 19°; 900 оборотов – к востоку 10°; 1200 оборотов – к востоку 30°; 900 оборотов – к востоку 15°; 1100 оборотов – к востоку 5°; 300 оборотов – к востоку 23°; 1100 оборотов – к востоку 8°; 1600 оборотов – к востоку 30°; 975 оборотов – к востоку 119°.

Достойные примечания предметы. При самом выступлении команда поднялась с луга, на котором она останавливалась, на возвышение, сопровождающее левый берег реки, и в расстоянии около двух верст (600 оборотов) спустилась с оного опять на луг по довольно крутому, но гладкому и ровному спуску. Возвышение здесь делает угол, удаляясь далеко к западу, и по лугу сему текла, может быть, в прежние времена в Тобол река. Сие мнение получает больше вероятия от множества озер, на оном лугу находящихся, хотя они все очень малы, кроме одного, которого длина простирается до полуверсты. До половины перехода дорога проложена по большей части по низкому месту, которое далее несколько возвышается.

Каменная могила Алла-Назар-Пана

В расстоянии 4½ верст (1400 оборотов мерительного колеса) от третьего становища Тобол протекает в расстоянии 300 сажен от соляной дороги. Он в сем месте так мелок, что можно переезжать чрез него вброд, и твердое его дно покрыто валунами разных камней. Правый берег от самой воды возвышается на 2½ сажени и так крут, что только с трудом можно на оный взъезжать и спускаться на лошади. На сем берегу находится киргизское кладбище, на котором между прочими могилами обыкновенными возвышается известная линейным жителям так называемая каменная могила богатого киргизца кипчацкого рода Алла-Назар-Пана (*Пан* произносится как бы француз произносил Pan), умершего 20 лет тому назад. Фундамента под сим строением почти вовсе нет, но имеется цоколь высотою в половину аршина, возведенный из мергеля и глинистого сланца в небольших кусках, которые вместо заливки известью засыпаны в промежутках между собою черноземом. Вид строения четвероугольный, длина 4½ аршина, ширина 3½ аршина; высота стен три аршина, толщина их несколько более одного аршина. Они складены из квадратно-шестивершкового 1½-вершковой толщины кирпича, худо или вовсе не обожженного. Вместо извести на кладку стен употреблена глина. Кирпич сделан из весьма дурной глины, смешанной с мелкими камнями (галькою) и даже с черноземом. Дверь небольшая, сделана из досок на шпонках, но вместо петель оставлены в крайних досках четверти округленные, при отворении и затворении двери вертятся в отверстиях (гнездах), выдолбленных в обоих поперечных косяках. Над дверью перемычки нет, но вместо ее находящаяся над нею часть стены поддерживается косяком. К построению сей могилы были наняты шесть человек бухарских мастеров, но, вероятно, они не умели делать свода и потому основали кирпичную крышу на весьма худо расположенных деревянных перекладинах, которые частью, особливо по углам, еще

остались, но по большей части крыша обрушилась. Киргизцы, удивляющиеся искусству сих строителей, не хотят верить, что сие случилось от незнания своего дела, но полагают причиною сего разрушения громовой удар.

В 5¼ и 5¾ верст (1700 и 1900 оборотов) дорога подходит весьма близко к Тоболу. За сим местом команда проехала много малых озер, или стариц.

В 13 верстах (4200 оборотов) дорога снова подходит близко к Тоболу.

В 15 верстах (4900 оборотов) по левую сторону дороги в неважных оврагах, пересекающих дорогу, несколько глубоких вымытых водою ям. Около сего места видна по левую сторону вдали за Тоболом белая могила, покрытая деревянным срубом. В ней похоронен киргизец Дербесали-Мандали-батыр, умерший около 10 лет пред сим. Вперед от сего места команда шла 6½ верст (2100 оборотов), оставляя по левую сторону много малых озер.

В 2½ верстах (7000 оборотов) команда оставила соляную дорогу, своротив с нее налево, и приближалась к Тоболу.

Четвертое становище на старице около Тобола,
от третьего [становища] – 24 верст,
от Усть-Уйской крепости в 74½ верстах

Четвертое становище. Команда остановилась на высоком берегу старого течения реки Тобола.

Расстояние. От третьего становища 23 версты 440 сажен, или 7775 оборотов колеса. От Усть-Уйской крепости 74 версты 244 сажени, или 24 252 оборота.

Время прибытия. 8½ часов вечера.

Описание становища. Тобол в сем месте удаляется от соляной дороги с лишком на две версты. Лагерь находился на высоком (до восьми сажен) и крутом берегу, изогнувшегося и по берегам заросшего тальником прежнего течения его. Равнина, находящаяся между дорогою и лагерем, перерезывается двумя оврагами, которые продолжаются, соединившись до реки. Весною они, вероятно, наполняются водою. В обоих растет изрядная трава. Тобол протекает в 100 саженях от старицы, при

которой расположилась команда. Около нее и окружающих ее озер на лугу трава хотя хорошая, но количество было невелико. Вообще сие место имеет великое неудобство, кроме скудности в корме, и именно то, что с крутого берега трудно спускаться с лошадьми на луг; и, сверх того, берега озер круты и местами для лошадей неприступны, отчего трудно их напоить. Расстояние до Тобола хотя невелико, но чтобы дойти до оного, нужно обходить далеко озера.

Поверхность пройденного пространства. Уже прежде упомянуто, что чрез первую половину сего перехода соляная дорога, которой следовала команда, проложена более низкими, а чрез другую – возвышенными местами. Вообще сей переход представляет более разнообразности, нежели предыдущие. Дорога пересекается оврагами, малыми возвышениями, спускается на луга и проходит мимо озер и лесков. Река Тобол оставалась по большей части по левую сторону в недальнем расстоянии от дороги, кроме изгибов, которые она делает по сему переходу, часто удаляясь ими от дороги до трех верст. Возвышения по обоим берегам реки находятся почти в том же положении, как по предыдущим переходам, кроме того, что расстояние между ими здесь более, следственно, луга обширнее. Возвышение левого берега перерывается оврагами, и прежнее почти прямое направление его переменяется выступами и входящими низменностями. Поверхность сей возвышенности, бывшая по первым переходам ровною, делается волнистою.

Почва земли. По высоким местам около дороги чернозем, смешанный с глиною; по низким местам и лугам по большой части чистый чернозем, но местами глина и также солончаки. Около лагеря на высоте почва состоит сверху на половину аршина из чернозема, смешанного с глиною, под ним глина, смешанная с песком и небольшим количеством чернозема. Дно реки состоит попеременно из глины и песку.

Плодородием хотя сие пространство не может равняться с описанными пред сим переходами, но к хлебопашеству имеется, особливо около реки, немало удобных мест. По лугам имеются изобильные сенокосные места.

В вышеописанных ямах, вымытых водою и находящихся в 15 верстах от третьего становища, найдено множество затвер-

делой глины в крупных кусках, на поверхности – белого, внутри – серого цвета. Она годна на фундаменты для небольших строений, но как она, по-видимому, сильно выветривается, то оным еще должно решить – можно ли ее употребить на возведение каменных стен?

Растения. Травы по сему переходу меньше, нежели по предыдущим. На высоких местах она по большей части суха и состоит из дикой полыни и других растений, свойственных сухим и солончаковым степным местам. По лугам местами отлично хорошая трава, особливо с начала перехода. Во многих местах примечены дикая спаржа, шиповник и челижник. Нередко встречается солодка (Glycyrrhíza glabra).

До половины перехода лесу по дороге на левом берегу не имеется, но с половины показываются, особливо по правую сторону от дороги, сначала молодые рощицы, состоящие из берез с осинами, и против лагеря, расстоянием от него в четырех верстах к западу, имеются густые березовые рощи с крупными деревьями. На возвышении правого берега показываются густые березовые рощи, однако с промежутками и не так часто, как ближе к Усть-Уйской крепости.

Животные. По степи показывались во множестве сайги и лисицы, из которых башкирцы одну затравили. Около реки летали лебеди и утки, на высоких местах много дроф, жаворонков и хищных птиц.

Погода. Поутру над рекою и озерами сильный туман. Холод во время ночи, особливо пред восхождением солнца, был очень чувствителен. До 10 часов совершенно ясно и жар до полудни был тягостный. С 10 часов появились белые полупрозрачные облака, которые, закрывая солнце, умерили зной. Ветер дул с востока весьма слабый; к вечеру сделалось совершенно тихо.

Термометр. В 2 часа утра +5°; в 3 часа +3,5°; в 10 часов +19°; около полудня и до выступления +21°; в 9 часов вечера +11°; в 11 часов +8°.

14 июня, понедельник, 5-й переход

Время выступления. 4½ часа утра.

Направление дороги. 300 оборотов колеса – к западу 8°; 900 оборотов – к востоку 48°; 500 оборотов – к востоку 40°; 700 оборотов – к востоку 9°; 800 оборотов – к востоку 50°; 900 оборотов – к востоку 15°; 700 оборотов – к востоку 9°; 80 оборотов – востоку 95°.

Достойные примечания предметы. В 2½ верстах (800 оборотов колеса) от становища команда выехала на соляную дорогу.

В 5¼ верстах (1700 оборотов) дорога пересекается довольно крутым оврагом.

В 5¾ верстах (1900 оборотов) по левую сторону дороги несколько могил киргизских. За сими могилами дорога подходит к самому берегу Тобола.

В 6¾ верстах (2200 оборотов) команда спустилась на луг. Край возвышения, сопровождающего левый берег Тобола, делает здесь окружный входящий угол. Площадь, таким образом составленная, имеет по дороге 614 сажен (1400 оборотов) широты и содержит много небольших озер, из которых те, которые расположены вдоль по краям под скатом возвышения, означают прежнее течение реки и изобилуют рыбою. Около сих озер растет хороший тальник, годный на плетневые заборы, которые в здешнем краю в обыкновении, и могущий очень удобно заменять дрова, хотя по изобилию березового лесу в сей замене нужды не предвидится. Весь луг покрыт отличнейшею травою и вообще место сие одно из лучших по всему течению Тобола.

В 8 верстах (2600 оборотов) команда поднялась опять на возвышение.

В 8½ верстах (2800 оборотов) дорога ведет чрез небольшой овраг.

В 10 верстах (3300 оборотов) по левую сторону близ дороги озерцо.

В 12½ верстах (1400 оборотов) почти на самой дороге осиновое дерево.

В 16¼ верстах (5300 оборотов) команда оставила соляную дорогу, своротив с нее налево, и шла по сему направлению до Тобола 80 оборотов.

Пятое становище на Тоболе близ дороги;
от четвертого [становища] в 16½,
от Усть-Уйской крепости в 91 версте

Пятое становище. Команда остановилась на самом берегу Тобола, в недальнем расстоянии от самой дороги.

Расстояние. От четвертого становища 16 верст 262 сажени, или 5380 оборотов мерительного колеса. От Усть-Уйской крепости 91 верста 6 сажен, или 29 632 оборота.

Время прибытия. 9 часов утра.

Описание становища. Команда расположилась на самом берегу реки, на низком месте, изобилующем отличным кормом для лошадей. Берега реки здесь весьма пологи и низки, дно ее твердо и состоит из песку и мелких валунов разных камней (гальки). Река в сем месте широка (до 25 сажен) и довольно глубока. По берегам ее растет в изобилии хороший тальник, и луг по правому берегу представляет отличное сенокосное место. По обеим сторонам реки много озер, означающих прежнее течение реки. Одно из сих озер находилось в лагере команды и соединялось с рекою высохшим перешейком. Река здесь делает угол.

Поверхность пройденного пространства. Равнина левого берега реки делается волнистою; возвышение, сопровождающее правый берег, находится в том же положении как по четвертому переходу, исключая то, что скат его по большей части весьма отлог. Соляная дорога, которой следовала команда, проложена по левому берегу, большей частью по возвышению и пересекается несколькими узкими оврагами. Река делает разные изгибы, подходит иногда весьма близко к дороге, местами же удаляется от нее расстоянием до четырех верст. По обеим ее сторонам много озер (стариц). Берега реки и озер заросли многими местами густым кустарником.

Почва земли. На высоких местах чернозем, смешанный с песком и глиною; на лугах с поверхности чистый чернозем. Около лагеря сверху на три аршина чернозем, смешанный с песком, под ним чистый песок. Дно реки по большой части твердо и состоит из песку и гальки, и только под крутыми местами берегов из глины. На норах сурочных видны валуны мергеля.

Луга по сему переходу весьма плодородны и местами весьма выгодно может быть заведено хлебопашество. Высокие места бесплоднее, нежели по предыдущим переходам.

Растения. Лесу по левому берегу около дороги не имеется, кроме березового кустарника, который растет в нескольких местах. На лугах около реки и озер растет в изобилии почти по всему переходу хороший тальник и шиповник (дикая роза). По высоте правого берега виден березовый лес в густых, но отдельных между собою рощах. Расстояния между ими более, нежели по прежним переходам. По высоким местам около дороги трава состоит по большой части из дикого полыня и других мелких сухих степных трав, и сих местами весьма мало. Тем лучше, однако, трава на лугах. Она весьма густа, тучна и содержит много разнообразных растений, составляющих отличный корм для скота. Около становища растет эстрагон.

Животные. Зайцев было здесь такое множество, что они прибегали в лагерь и несколько из них поймали руками. По высоким местам водятся сурки. Журавли ходили по степи стадами. Около реки примечены лебеди и особливо много уток. В степи много жаворонков. В реке весьма много рыбы, особливо язей, окуней, чебаков и щук.

6-й переход

Время выступления. 3 часа пополудни.

Направление дороги. 1200 оборотов колеса – к западу к 15°; 600 оборотов – к западу 18°; 600 оборотов – к востоку 2°; 1400 оборотов – к западу 7°; 300 оборотов – к западу 13°; 900 оборотов – к западу 33°; 400 оборотов – к западу 12°; 300 оборотов – к западу 50°; 500 оборотов – к западу 2°; 500 оборотов – к западу 30°; 200 оборотов – к западу 20°; 55 оборотов – к востоку 9°.

Достойные примечания предметы. В 7¼ верстах (2400 оборотов) от пятого становища широкий, но не глубокий овраг с отлогими берегами.

В 13¾ верстах (4500 оборотов) по левую сторону в недальнем расстоянии от дороги – небольшое озерцо (старица).

В 14¾ верстах (4800 оборотов) по правую сторону близ дороги – киргизское кладбище.

В 15¼ верстах (5000 оборотов) неширокий, но крутобережий и глубокий овраг. Команда здесь сделала объезд в левую сторону, потому что по прямому направлению дороги переправа чрез него весьма затруднительна. Солевозцы ездят, вероятно, в передний путь прямо, а в обратный с солью в объезд. Овраг сей простирается несколько верст к западу, где он имеет свое начало. Поверхность земли в ту же сторону сильно возвышается. Сие обстоятельство, вместе с глубиною оврага, утесистыми, обнаженными каменистыми его берегами и ямами, водою вырытыми, оставляет думать, что весною течет в нем сильная вода.

В 17¾ верстах (5800 оборотов) по левую сторону дороги большое длинное озеро (старица).

Шестое становище на Тоболе, от пятого [становища] в 21¼, от Усть-Уйской крепости 112¼ верстах

Шестое становище. Команда остановилась для ночлега на берегу реки Тобола.

Расстояние. От пятого становища – 21 верста 180 сажен, или 6955 оборотов колеса. От Усть-Уйской крепости – 112 верст 187 сажен, или 36 587 оборотов.

Время прибытия. 8 часов вечера.

Описание становища. Лагерь был расположен частью на самом берегу реки, которая вниз по течению своему делает поворот к востоку, частью же на овраге, которого крутой западный берег, находящийся в продолжение направления сходного с ним берега реки, и вода, местами в нем имеющаяся, доказывает, что прежде в нем имел свое течение Тобол. Левый берег сей реки имеет до 1½ сажен высоты и весьма крут, особливо на том месте, где река делает поворот, отчего он подмывается водою. Широта реки простирается не свыше 10 сажен; глубина около поворота значительна, несколько далее не больше двух аршин. На сем месте дно ее состоит около левого берега из глины, но далее к середине и к правому бегу – из песку и гальки. По правому низкому берегу реки растет хороший тальник,

равно как и на обтекаемых рекою островках. К северу поверхность земли приметно возвышается, и к югу далеко видны луга по берегам Тобола. Последние четыре версты команда шла под гору. К югу с отклонением на 17° к западу видна вдали покрытая деревянным срубом могила, о которой вожаки утверждали, что она находится на половине дороги от сего места до брода чрез Тобол. (По следующему переходу видно, что они несколько ошиблись).

Поверхность пройденного пространства. По левому берегу Тобола отлогие возвышения, разделенные между собою оврагами. К западу они более возвышаются. По волнистой их поверхности проложена соляная дорога, по которой шла команда. Возвышение, сопровождающее правый берег реки, находится от дороги к востоку расстоянием от шести до осьми верст. Западный его скат отлог и, по-видимому, гладок и ровен. Между сими возвышениями течет Тобол разными изгибами по обширным лугам. По обеим сторонам реки много озер (стариц).

Почва земли. По высотам чернозем, смешанный с песком и мелкими валунами кварца; по лугам большею частью довольно чистый чернозем, местами же песок с галькою. Около лагеря сверху на 2½ аршина чернозем, под ним затверделая белая глина. По высоким местам кроты выбрасывают из нор чистый песок. Дно реки покрыто по большей части песком и галькою.

В овраге, находящемся в 15¼ верстах (5000 оборотов) от пятого становища, показывается в крутости северного берега сильно затверделая глина белого цвета в великих массах, годная на строение.

В 16½ верстах (5400 оборотов) от пятого становища, по левую сторону дороги, найдены на поверхности земли отломки белого котламмерата, годного, по неудобности к тёске, только на бут для фундаментов.

Высокие места по сему переходу бесплодны. Свойство земли на лугах заставляет надеяться, что может быть заведено местами хлебопашество.

Растения. На возвышении правого берега Тобола видны отдельные березовые рощи, состоящие из крупных дерев. На левом берегу лесу не имеется. По реке растет хороший тальник и местами шиповник (дикая роза) и челижник (дикая акация).

Трава по высоким местам суха, весьма мелка и редка. Она состоит из дикого полыня и других сухих степных трав. По лугам трава хорошая и около становища отличная. Там же растет эстрагон и пижма (Tanacetum vulgare).

Животные. Сайги и степные лисицы показывались по всей степи изобильно. Местами земля изрыта (судя по величине нор, сусликами или кротами). Из птиц показывались часто дрофы (Otis tarda), стрепеты (Otis tetrax) и белые куропатки. Змеи выглядывали из нор своих.

Погода. Поутру над водою сильный туман, и совершенно тихо с самого вечера 13-го числа. Ветер с 10 часов утра восточный, после обеда слабый северный. До 4 часов пополудни ясно и тягостный жар, который после того умерился полусветлыми облаками, показавшимися с западной стороны и закрывавшими солнце. Поутру и всю ночь холодно.

Термометр. В 3 часа утра +4,5°; в 4½ часа +6°; в 10 часов +23°; в 3 часа пополудни +22°; в 8 часов вечера +17,5°; в 9 часов +15,5°.

15 июня, вторник, 7-й переход, полудневка

Время выступления. 4½ часа утра.

Направление дороги. 1300 оборотов – к западу 20°; 1200 оборотов – к западу 13°; 700 оборотов – к западу 44°; 300 оборотов – к западу 50°; 300 оборотов – к западу 18°; 1100 оборотов – к западу 36°; 900 оборотов – к западу 18°; 300 оборотов – к западу 20°; 500 оборотов – к западу 25°; 900 оборотов – к востоку 3°; 200 оборотов – к западу 12°; 145 оборотов – к востоку 2°.

Достойные примечания предметы. В 9 верстах (2900 оборотов колеса) от шестого становища по левую сторону дороги киргизское кладбище.

В 9½ верстах (3100 оборотов) дорога пересекается глубоким и довольно крутым оврагом. Он начинается далеко по правую сторону дороги.

Против сего места по левую сторону от дороги, расстоянием до двух верст за Тоболом, находится могила, которая была видна из последнего становища.

В 11¼ верстах (3700 оборотов) дорога проведена в левую сторону на луг, потому что высота прерывается глубокими оврагами, через которые переправа неудобна. На лугу команда переправилась через несколько оврагов маловажных.

В 13½ верстах (4400 оборотов) команда поднялась по дороге опять на высоту.

В 15¼ и 16 верстах (5000 и 5200 оборотов) дорога подходит близко к Тоболу.

В 16½ верстах (5400 оборотов) крутой и глубокий овраг. Команда переправила обоз без затруднения.

В 18 верстах (5900 оборотов) дорога вновь подходит близко к Тоболу.

В 21¾ версты (7100 оборотов) овраг, подобный находящемуся в 16½ верстах от шестого становища.

В 25½ верстах (8300 оборотов) команда, спустившись по отлогому и довольно удобному спуску с высоты, переправилась вброд чрез реку Тобол.

Седьмое становище на Тоболе у брода,
от шестого [становища] в 25¾,
от Усть-Уйской крепости в 138 верстах

Седьмое становище. В 45 оборотах колеса от брода на правом берегу Тобола, возле самой реки.

Расстояние. От шестого становища – 25 верст 315 сажен, или 8345 оборотов колеса. От Усть-Уйской крепости – 138 верст 2 сажени, или 44 932 оборота колеса.

Время прибытия. Первые повозки и часть команды прибыли на места лагеря в 11 часов пред полуднем, но большая часть обоза по затруднительности переправы оставлена была под надлежащим прикрытием на левом берегу в виду и близости лагеря.

Описания становища. Правый берег реки в близости ее низок и изрыт оврагами, означающими прежнее течение и содержащими местами в ямах и весьма малых озерах несколько воды. Вверх против течения сей правый берег делается выше, и местами возвышения доходят до самой реки. Возвышения левого берега здесь высоки и круты, и против лагеря подошва их

подмывается рекою, которая (к юго-западу от брода) образует плёс, широтою до 50 сажен, глубиною более двух сажен. Брод хотя мелок (глубина его не более как ¾ аршина), но переправа чрез него нагруженными повозками неудобна, потому что колеса вязнут в крупном песке и гальке, составляющих дно его. Вниз по течению правый берег образует луг, покрытый озерцами, оврагами, хорошею травою и тальником. В корме для лошадей около сего места хотя недостатка нет, но солевозцы должны здесь оба пути необходимо останавливаться, и недавно возвратившиеся в Усть-Уйскую крепость сильно его потравили. По сей причине конские табуны команды паслись днем на лугах и оврагах, расстоянием до пяти верст, имея достаточное прикрытие. Брод сей отстоит от устья Аята в Тобол, по мнению киргизцев, на 70 верст, по измерению же г-на инженер-поручика Щербакова, освидетельствовавшего дорогу от Усть-Уйской крепости к соленому озеру Эбелей, только 40 верст.

Поверхность пройденного пространства. Соляная дорога, по которой шла команда, проложена, сколько местоположение позволяло, в близости Тобола и большею частью по высотам, сопровождающим левый его берег, возрастающим здесь до значительной высоты, и делающим по сей причине и по оврагам, их между собою разделяющим, дорогу по сему переходу затруднительнее, нежели по всем предыдущим. Возвышение правого берега отстоит от дороги до десяти верст, но весьма отлогая его покатость занимает немалую часть сего расстояния. Тобол делает сильные изгибы; луга по обоим его берегам содержат много озер (стариц) и изрыт оврагами.

Почва земли. По высоким местам чернозем, смешанный с песком и мелкими валунами кварца, иногда и с глиною; на лугах чернозем, смешанный более или менее с песком. Около становища, на возвышении на левом берегу реки, с поверхности до половины аршина чернозем, под ним затверделая глина, в другом месте, в близости, под таковым же слоем чернозема обыкновенная глина. На небольшом возвышении, на правом берегу, в 150 саженях от реки чернозем, смешанный сильно с песком. Лагерь был расположен большею частью на ровном месте, которого почва состоит из чистого почти песка, покрытого местами тонкими слоем чернозема. Около половины перехода находится на поверхности земли много белого песчаного камня в небольших отломках твердого и весьма похожего на мелкозернистый котломмерат. Местами по дороге находится затверделая глина в мелких кусках. Недалеко от лагеря найден немалый отдельный кусок гнейса, который, вероятно, занесен на льдине водою.

Дно реки около брода состоит из песку, в котором много мелких валунов серпентина, порфира, кварца и яшмы. Песок речной содержит железо. Около реки местами могло бы быть заведено хлебопашество.

Растения. На левом берегу Тобола по сему переходу никакого лесу не имеется. На возвышении правого берега, расстоянием от дороги до 10 верст, рощи березовые, по-видимому, густые и состоящие из крупных дерев; расстояния между ими больше, нежели по предыдущим переходам. По берегам реки местами густой таловый кустарник. Трава на высоких местах сухая, мелкая и редкая; по большей части дикий полынь. На лугах трава немногими лишь местами хорошая, большею же частью она заросла шиповником и челижником. Для обращения их в хорошие сенокосные места следует их очищать и выжигать сии растения. Кое-где примечена дикая спаржа.

Животные. По всему переходу показывались в великом множестве утки. В реке чрезвычайное изобилие рыбы, особливо щук, язей, линей и окуней. В озерах ловятся караси. Щуки попадаются необыкновенной величины. Нередко случается, что один человек не в состоянии вытянуть большую таковую рыбу на берег.

О вожаках. Хотя киргизский старшина Алтай Миняшев до выступления еще команды в Усть-Уйской крепости обещался встретить команду вместе с товарищами своими у брода на Тоболе, но ни его, ни же кого-либо из них здесь не было. По необходимой надобности в вожаках отправлен был с вооруженным отрядом армянин Артемий Каспаров в кочевье их, находившееся тогда около устья Аята в Тобол (расстоянием, по словам киргизцев, до 70 верст), с препоручением убедить их выехать к команде без замедления. Отряд сей отправился в 2 часа пополудни. Киргизцы считали, вероятно, расстояние до самого кочевья, а не до устья Аята, и первое увеличивали потому, что

из них только Алтай в 1814 г. во время похода познакомился с российскими верстами, прочие же сию меру знают почти по одному только названию.

Погода. До полудня ясно, потом местные облака и сияние солнца. Жар чувствительный. С 8 часов утра до вечера слабый восточный ветер. После 9 часов вечера совершенно тихо.

Термометр. Поутру в 4 часа +9°; в 11 часов +18°; в 4 часа пополудни +21°; в 8 часов вечера +15°; в 9 часов +13°.

Общие замечания о пространстве от границы до переправы чрез Тобол

Вся сия полоса земли по справедливости может быть названа плодородною, хотя начальное изобилие в лесе и траве и доброта почвы уменьшаются по мере удаления от границы. Особливо изобилуют первые три перехода всем нужным к заселению и остальные ни в чем ощутительного или необратимого недостатка не имеют. О сенокосных и к хлебопашеству способных местах говорено при описании каждого перехода. Лес на правом берегу реки может доставлять в изобилии дрова, и даже березовые бревна на обыкновенные сельские, по крайней мере, нежилые строения; и на жилые можно бы доставить сосновые бревна из бору, находящегося в степи между Усть-Уйскою и Звериноголовскою крепостями, хотя расстояние его до брода составляет более ста верст. На обыкновенные в здешнем краю плетневые заборы может быть употреблен растущий в изобилии по реке хворост, который годится по нужде и на стены для всех нежилых строений, если они будут обмазаны глиною, как то заведено в некоторых местах по Оренбургской линии. Камень для фундаментов и изобилие хорошей кирпичной глины представляют выгоды хотя менее важные, но достойные внимания. Опасения о здоровье будущих жителей уничтожаются чистотою воздуха, общего всей здешней стране до Звериноголовской крепости, и чистым приятным вкусом (без малейшего количества соли) воды реки, известной уже в Сибири и части Оренбургской линии, где она теряет еще сие преимущество от солено-горькой воды Убагана, в нее впадающего. Несмотря на сии обстоятельства, вода Тобола почитается в сих местах здоровою. Отсутствие горьких и гнилых озер уверяет в безопасности от причиняемой ими по так называемой *Горькой линии* (от Звериноголовской крепости до Омской) сибирской язвы скотского падежа. Железные частицы, в песке речном находящиеся, вероятно, содействуют, чтобы сделать воду Тобола здоровою.

Из вредных насекомых показывались во время похода команды изредка комары, но не примечено ни одной мошки, ни строки, которые вместе с комарами в Сибири причиняют столько вреда скотине.

Тобол разливается обыкновенно каждую весну весьма сильно, напояет луга и наполняет озера и старицы свежею водою и великим множеством рыб. Нынешний год должен служить примером самого худого, потому что река весною не выходила даже из берегов, и с самой весны до июня месяца по границе не было дождей. Весною, вероятно, могут плыть по реке плоскодонные небольшие суда. Около брода местами могут быть устроены плотины и заведены мельницы. К особенному свойству большей части рек Киргизской степи принадлежит то, что Тобол на расстоянии 138 верст не принимает в себя ни одной реки и ни одного даже ручейка.

Кроме выгод, происходящих от заселения сего пространства, в доставлении от Свинцовой горы свинца или руды к границе и в приобретении полосы земли, в которой у государства не имеется недостатка, представляется жителям соседственной части Оренбургской линии и самым новым переселенцам важная выгода в возке соли от озер Эбелей и Уркач, и в рыбном и зверином промысле. Большая часть дороги от Усть-Уйской крепости до сих озер сделается безопасною от хищничества киргизцев, которые теперь для сей безопасности дают возчикам за известную плату аманатов и для верности провожатых. То ж надобно сказать о промышленниках, которые ездят в степь для ловли рыб и зверей.

16 июня, среда, дневка

Отряд, посланный с армянином Артемием Каспаровым за вожаками в кочевье их около устья Аята в Тобол, воротился вечером в 7 часов с известием, что они прибудут на другой день.

Каспаров сам остался в ауле для переговоров с родоначальниками их султаном Джумою и Мусою-батырем, равно как и с прочими киргизцами, которые без продолжительного и подробного общего совета ничего важного не предпринимают.

Погода. Во весь день ясно, после обеда местные облака при сиянии солнца. Ветер западный, около полудня довольно сильный, прочее время дня умеренный. К вечеру тихо.

Термометр. В 5 часов утра +9°; около полудня +21°; в 3 часа пополудни +24°; в 8 часов вечера +11°.

17 июня, четверток, дневка

После обеда в 3½ часа прибыл в лагерь армянин Каспаров и с ним упомянутые в начале сего журнала киргизцы, которые все единогласно утвердили, что по нынешней необыкновенней суши и происходящему от нее недостатку в воде и корме, они не могут отважиться вести команду разными колоннами, но будут стараться изо всех известных им мест выбирать лучшие, и тем, и другим изобилующие, по которым уже вся команда должна идти вместе. Все представления о необходимости произвести в действо прежнее предположение, не могли их склонить переменить свое намерение, и чтобы не подвергнуть часть команды опасности, положено было, согласно с мнением вожаков, оставить всю команду нераздельною и следовать одною колонною.

Погода. В 6 часов утра гром и дождь, который продолжался около часа, потом местные облака и сияние солнца. В 4 часа пополудни гром и сильный дождь, который продолжался до 7½ часов вечера. Ветер западный, поутру слабый, пополудни порывистый, вечером весьма слабый.

Термометр. В 4 часа утра +9°; в 6 часов +11°; в 12 часов +19°; в 3 часа пополудни +23°; вечером в 9 часов +9°.

18 июня, пятница, 8-й переход

Время выступления. 3 часа утра.

Направление дороги. 600 оборотов – к востоку 27°; 1500 оборотов – к востоку 47°; 1300 оборотов – к востоку 63°; 1200 оборотов – к востоку 40°; 1900 оборотов – к востоку 22°;

1000 оборотов – к востоку 30°; 400 оборотов – к востоку 41°; 175 оборотов – к востоку 62°.

Достойные примечания предметы. В 2½ верстах (800 оборотов) команда перешла поперек чрез тройную хорошо набитую темную дорогу, проложенную от Звериноголовской крепости к соленым озерам Эбелей и Уркач.

Около 10 верст от седьмого становища виден по левую сторону курган, походящий на ногайскую могилу. По правую сторону вдали и от озера Табак-Салган к западу, расстоянием в одной версте, таковые же. Сии курганы называются киргизцами *Кук-Уюк* (Синие чулки). Они нанесены, по словам старшины Алтая Миняшева, прежними жителями сей страны для того, чтобы служили путеуказателями, и потому находятся на высоких местах.

В 15¼ верстах (5000 оборотов) по левую сторону тракта команды, расстоянием от него около версты, немалое, но сильно камышом заросшее озеро с пресною водою.

Восьмое становища при озере Табак-Салган, от седьмого [становища] в 23¾, от Усть-Уйской крепости в 162¾ верстах

Расстояние. От седьмого становища на Тоболе у брода – 24 версты 400 сажен, или 8075 оборотов. От Усть-Уйской крепости – 162 версты 403 сажени, или 53 007 оборотов.

Время прибытия. 9 часов утра.

Описание становища. Озеро Табак-Салган (по переводу *табак* значит блюдо, *салган* – положено) кругло; поперечник его больше нежели 400 сажен, больше половины поверхности его заросло камышом. Оно мелко, берега его весьма низки и поверхность земли около их почти неприметно возвышается. Дно его покрыто слоем топкого чернозема, составившегося из сгнившего камыша. Вода в озере пресная и вкусом довольно чистая. О происхождении странного названия, как озера, так и вышеупомянутых курганов вожаки не смогли дать никакого сведения.

Поверхность пройденного пространства. Ровная единообразная степь, без следа и дороги (кроме упомянутой Звери-

ноголовской соляной в 2½ верстах от брода). Начиная от реки, она несколько возвышается, потом представляет обширную, почти совершенную равнину. По сторонам вдали плоские, мало приметные возвышения. К восточной стороне тянется почти параллельно тракту команды, расстоянием до 10 верст, низкое и отлогое продолжение возвышения, сопровождающего течение Тобола по правому берегу от брода до Усть-Уйской крепости. Против озера Табак-Салган оно сливается с равниною. До половины перехода поверхность степи гладка и удобна для езды с повозками, но оттуда до становища несколько кочковата оттого, что земля растрескалась.

Почва земли. С поверхности по всему переходу чернозем, смешанный с глиною и небольшим количеством песку. Вся почва весьма тверда. Берега озера, широтою до 50 сажен, состоят сверху из слоя рыхлого чернозема, толщиною в половину аршина, под которым на 2½ аршина в глубину (сколько по краткости времени можно было узнать) вязкая глина, походящая цветом на охру, весьма годная на делание кирпича, изразцов и горшков, и смешанная несколько с песком. Около озера найден кусок известкового камня, который, вероятно, занесен людьми.

Кроме берегов озера по всему переходу нет ни одного места, где бы можно надеяться завести хлебопашество, но и здесь полоса способной к тому земли так узка, что поверхность ее составляет не более 30 десятин, которые может быть в менее сухой год, нежели нынешний, покрываются по большей части водою.

Растения. По восточному возвышению виден до озера, расстоянием от него и от дороги около осьми верст, отделенных между собою ряд рощ, состоящих из довольно крупных берез и составляющих хороший дровяной лес.

Трава по степи большею частью суха и редка. Зеленая трава примечена только в трех местах, в одном около половины квадратной версты (50 десятин), в других несколько меньше. По берегам озера трава зеленая и густая, но вообще она весьма единообразна, и кроме дикой спаржи, примеченной изредка с начала перехода, никаких других растений не содержит. Недостаток в сенокосных местах явствует из того, что сказано о траве.

Животные. По степи бегали сайги. На озере водятся лебеди и около него земляные мыши, темно-серые, с черною полосою вдоль спины и весьма короткими хвостами. Рыбы в озере не имеется.

9-й переход

Время выступления. 2½ часа пополудни.

Направление дороги. 1200 оборотов – к востоку 20°; 1100 оборотов – к востоку 15°; 1800 оборотов – к западу 10°; 400 оборотов – к востоку 13°; 1100 оборотов – к востоку 18°; 900 оборотов – к востоку 4°.

Достойные примечания предметы. В пяти верстах от озера Табак-Салган (1600 оборотов) команда перешла чрез солончак, распространяющийся в узкой полосе от востока к западу.

Солончаками называются места, которые в сухое время покрыты белою соляною пылью. Почва их состоит обыкновенно из чистой глины и чрезвычайно тонка и вязка, хотя во время жары с поверхности кажется твердою, но когда совершенно высохнет бывает или рыхла, или весьма тверда, гладка и ровна. Солончаков два рода. Одни составляют дно соленых озер или навсегда высохших, или высыхающих ежегодно летом и наполняющихся водою в весеннее время, и сии-то, когда высохнут, гладки и тверды. Другие ни что иное, как мелкие овраги, образованные текшею по оным соленою водою, оставившего по выпаривании содержавшиеся в ней соляные частицы, которые покрывают поверхность земли в виде белой пыли. Глина, составляющая дно сих солончаков, бывает иногда покрыта (большею частью по краям) тонким слоем чернозема. Почва сих солончаков в сухое время делается рыхлою. Белая пыль, покрывающая поверхность солончаков, не всегда состоит из чистой поваренной соли (солянокислый натр), но часто содержит и иногда вся состоит из глауберовой соли (сернокислый натр). Травы на солончаках обыкновенно никакой нет.

Упомянутый здесь солончаковый овраг продолжается до озера, находящегося от тракта команды к западу, расстоянием около полуверсты. Оно почти кругло, имеет в поперечнике около 100 сажен, и почти вовсе заросло камышом. Берега его

покрыты белою пылью, состоящею большею частью из глауберовой соли, весьма топки и низки. Озеро чрезвычайно мелко и содержит только около середины несколько тухлой воды, имеющей противный, но малосоленый вкус.

В 6¼ верстах (2000 оборотов) – солончаковый рыхлый овраг, и к западу от него, по правую сторону тракта команды, озерцо, величиною в половину меньше первого, но в прочем совершенно с ним сходное.

В 6¾ верстах (2200 оборотов) по правую сторону тракта команды, расстоянием от него несколько более одной версты, озеро чистое, по-видимому, довольно глубокое, величиною в поперечнике до 200 сажен. Дно его твердо и состоит из песка с небольшим количеством чернозема, берега несколько возвышены, вода соленая. На восточном берегу – залив, длиною около 10, шириною до четырех, глубиною более одной сажени. Рыбы не примечено. Озеро сие называется киргизцами *Ялтеркуль*, но не надобно его смешивать с озером сего же названия, находящимся между реками Тов-Узак и Аят (см. журнал 1814 г.)

В 7 верстах (2300 оборотов) по левую сторону, расстоянием от дороги около 1½ верст, озеро Кус-Джит (Успевай перекочевать). Оно несколько меньше, нежели Ялтеркуль, заросло камышом. Вода в нем тухлая.

В 7¾ верстах (2500 оборотов) по правую сторону – озеро круглое и мелкое, величиною в поперечнике около 150 сажен. Низкие его берега, покрытые местами соленою пылью, так сильно заросли камышом и так топки, что невозможно было ни проехать, ни пройти до чистой воды, которая в камыше казалась не солона, но несколько тухла и имела сильный серно-водородный запах.

В 9 верстах (2900 оборотов) по правую сторону дороги – рыхлый солончак.

В 10½ верстах (3400 оборотов) по правую сторону, расстоянием от тракта команды до 1½ верст, озеро соленое, круглое, величиною в поперечнике до 100 сажен. Дно его состоит из топкой глины, покрытой тонким слоем песку.

В 13½ верстах (4400 оборотов) по левую сторону близ дороги – озеро не малое, но совершенно заросшее травой.

В 14¾ верстах (4800 оборотов) по правую сторону около полуверсты от дороги – озеро Кушкуль (Смежное озеро), почти совсем заросшее камышом и травою.

В 16½ верстах (5400 оборотов) по правую сторону в том же расстоянии подобное же озеро Купкуль (Умноженное озеро).

В 20 верстах (6500 оборотов) начинается по правую сторону недалеко от дороги лес Казан-Башлы-Карагай.

В 21¼ версте (6900 оборотов) команда чрез сей лес проехала.

Девятое становище у леса Казан-Башлы-Карагай,
от осьмого [становища] в 22¼,
от Усть-Уйской крепости в 185 верстах

Девятое становище у леса Казан-Башлы-Карагай при двух озерцах.

Расстояние. От озера Табак-Салган – 22 версты 57 сажен, или 7200 оборотов колеса. От Усть-Уйской крепости – 184 верст 460 сажен, или 60 207 оборотов.

Время прибытия. 7 часов вечера.

Описание становища. Место сие принадлежит к обширному урочищу, Казан-Баш (Котловая голова), которое частью сделалось известным чрез поход 1814 г., и для различия с прочими местами называется от растущего здесь соснового леса Казан-Башлы-Карагай (*карагай* – значит черный лес, под каковым названием киргизцы разумеют сосновый). Команда, проехав лес, остановилась при двух малых озерцах в близком одно от другого расстоянии, с довольно хорошею пресною водою. Величина каждого из них около 15 сажен. Дно их хотя глинисто, но довольно твердо; местами по низким плоским берегам растет камыш. Глубина обеих в средине не более полутора аршин. К востоку от становища, расстоянием более двух верст, озеро за лесом видно было большее. Длина его около 600, широта около 500 сажен. Время и погода не позволяли его подробно осмотреть, но, по словам вожаков, вода в нем негодная.

Поверхность пройденного пространства. Степь гладкая, для езды на колесах удобная и почти ровная. Поверхность ее

до 12¼ верст (4000 оборотов) от озера Табак-Салган несколько возвышается, оттуда до леса – место низкое, так же и около лагеря. К западу за озерами место несколько возвышенное. Команда шла без дороги и переходила несколько киргизских тропинок. Дорога прошедшего года отстоит, по словам старшины Алтая Миняшева, на 25 верст от нынешней.

Почва земли. До половины перехода с поверхности чернозем, смешанный то более, то менее с глиною и песком. С половины до становища – песчаная глина, смешанная иногда с черноземом. Во 100 саженях от лагеря оказался сверху на семь вершков довольно чистый чернозем и под ним песчаная глина. В лесу песок с примесью глины. Около озер могло быть заведено небольшое хлебопашество, но опыт прежде должен бы доказать способность к тому земли.

Растения. За озером Ялтеркуль, расстоянием от него около осьми верст к западу, видны густые березовые рощи, которые от севера к югу продолжаются с промежутками до лесу, при котором расположена была команда. Лес сей Казан-Башлы-Карагай, в полосе неравной широты пересекает тракт команды, имея направление от запада к востоку. Он начинается в семи верстах от лагеря, имея значительную, но сильно переменяющуюся широту и состоит из молодых сосен, вместе с березами. К востоку он продолжается на 1½ версты, имея средней широты 120 сажен. Здесь он состоит из сосен, годных на строения, и малой части берез. За упомянутым выше озером видны березовые рощи, которые продолжаются расстоянием до шести верст от лагеря.

Трава по степи большею частью редка и суха. В ней много дикого мелкого полыня. Около соленых озер солончаковые растения. За озером Ялтеркуль и около берегов нескольких других озер трава хорошая, зеленая, особливо около заросшего камышом, находящегося в 2500 оборотах (7¾ верст) от озера Табак-Салган. Около становища команды трава местами изрядная, но в небольшом количестве.

Животные. По степи показывались часто лисицы. В озерах водятся разных родов утки и чрезвычайно их много на Ялтеркуле. Часто перелетали лебеди. На берегу озера, находящегося

в 10½ верстах (3400 оборотов) от восьмого становища, найден тарантул. Рыбы нигде не примечено.

Погода. Поутру светлые облака, около полудня ясно; в 2 часа пополудни появились тучи, в 4 часа небольшой дождь и к западу молния с громом. От 7 до 10 часов вечера сильный дождь, гром и молния. В 10 часов небо обложилось тучами, и молния сверкала до полуночи. Ветер западный, до полудня слабый, потом сильный, во время грома порывистый.

Термометр. В 2 часа утра +10°; в 9 часов +20°; в 10 часов +22°; в 2 часа пополудни +21°; в 7 часов вечера +12°; в 9½ часов +11°.

19 июня, суббота, 10-й переход

Время выступления. 4 часа утра.

Направление дороги. 2600 оборотов – к западу 3°; 400 оборотов – к западу 10°; 800 оборотов – к западу 2°; 1600 оборотов – к востоку 20°; 1000 оборотов – к востоку 35°; 1100 оборотов – к востоку 43°; 925 оборотов – к востоку 75°.

Достойные примечания предметы. В 1½ версте (500 оборотов) от девятого становища по левую сторону в недальнем расстоянии от тракта команды небольшое заросшее травою озерцо с пресною водою.

В 11 верстах (3600 оборотов) по правую сторону озеро, почти совершенно заросшее травою. Против сего места по правую сторону, расстоянием около одной версты, насыпь, похожая на ногайскую могилу.

В 15 верстах (4900 оборотов) начинается по левую сторону тракта команды, расстоянием от него несколько более одной версты, ряд озер, большею частью между собою соединенных, которые, вероятно, остатки прежней реки. Они образуют дугу, удаляются несколько, и в 16 верстах (5200 оборотов), где они прерываются, приближаются к самому тракту. Они довольно глубоки, средняя широта их около 15 сажен, берега заросли большею частью камышом, дно глинистое, топкое, по берегам местами солончаки, но вода в них довольно хорошая, пресная, с малоприметным соленым вкусом.

В 17¾ верстах (5800 оборотов) по правую сторону совершенно заросшее травою озерцо.

В 18½ верстах (6000 оборотов) по левую сторону дороги, расстоянием от оной до 1½ верст, два озерца, которые кажутся быть продолжением вышеупомянутого ряда озер.

В 23 верстах (7500 оборотов) по левую сторону, около полуверсты от дороги, высохшее соленое озеро. Оно весьма мелко и только в средине осталось несколько грязи. Дно его ровное и состоит из вязкой глины, покрытой сверху тонким слоем песка. За ним другое озеро, заросшее камышом.

В 23¾ и 25½ верстах (7700 и 8300 оборотов) команда перешла чрез два солончаковых оврага.

10-е становище у северного края Аман-Карагая, от девятого [становища] 25¼, от Усть-Уйской крепости 210¾ верст

10-е становище у северного края соснового лесу Аман-Карагай, между тремя небольшими озерами.

Расстояние. От девятого становища при Казан-Башлы-Карагай – 25 верст 438 сажен, или 8425 оборотов. От Усть-Уйской крепости – 210 верст 399 сажен, или 68 632 оборота.

Время прибытия. 9 часов утра.

Описание становища. Озера, при которых команда остановилась, не велики, и два из них почти круглы, одно продолговато. Поперечник одного около 10, другого до 15 и длина продолговатого около 12 сажен. Первое из них мелко, глубина же других в средине более одной сажени. Берега первого обросли камышом, по берегам прочих местами солончаки, и со вторым соединяется солончаковый овражек. Берега всех трех озер хотя низки, но не очень отлоги. Дно их состоит из топкой глины. В продолговатом озере вода мутна и имеет желтовато-белый цвет, но, несмотря на то, довольно хороша и пресна, как и в прочих озерах. Лес Аман-Карагай начинается у самых озер и состоит здесь из крупных сосен с малым числом берез.

Поверхность пройденного пространства. С начала перехода около трех верст и чрез последние 15 верст место низкое и ровное. Между ими поверхность земли несколько волниста и

возвышенная. Команда шла без дороги по гладкой степи, весьма удобной для езды на колесах, особливо на возвышенных местах. Местами земля от жаров растрескалась. На последней половине перехода команда переехала несколько тропинок.

Почва земли. Глина смешанная (чем ближе к лесу, тем более) с песком. Местами, где земля растрескалась приметно, в смеси почвы несколько чернозема. В 70 и 100 саженях от становища сверху на пять вершков чернозем, смешанный большею частью с глиною, и под ним красная песчанная глина. В 1½ версте сверху на три вершка чернозем таковой же, под ним желтоватая песчанная глина. Местами в лесу с поверхности чистый чернозем. К заведению хлебопашества нет удобности.

Около половины перехода найден кусок туфа и на берегу озера около становища кусок брекчии, которые, вероятно, занесены были случайно.

Растения. По правую сторону лес Казан-Башлы-Карагай продолжается до 10 верст от девятого становища, расстоянием от дороги около пяти и более верст. Около сего же места представляется глазам на краю горизонта, в длинной полосе почти перпендикулярной к направлению дороги, обширный и влажный сосновый лес Аман-Карагай.

Трава по всему переходу сухая, большею частью редкая, называемая в здешнем краю *ковыль* и в Сибири *кипец*. Местами она очень густа, с зелеными подростками около корня. Нередко встречается дикий мелкий полынь. Около озер трава зеленая и довольна густая, около лагеря трава хорошая, но в небольшом количестве. На последней половине перехода несколько изрядных сенокосных мест.

Животные. В близости леса бегали сайги от пяти до десяти вместе, в лесу показывались зайцы. Около озер много лебедей и уток.

11-й переход

Время выступления. 2½ часа пополудни.

Направление дороги. 800 оборотов – к востоку 75°; 400 оборотов – к востоку 105°; 600 оборотов – к востоку 92°; 200 оборо-

тов – к востоку 3°; 400 оборотов – к западу 10°; 200 оборотов – к западу 5°; 300 оборотов – к востоку 20°; 800 оборотов – к востоку 32°; 200 оборотов – к востоку 70°; 100 оборотов – к востоку 25°; 100 оборотов – к востоку 10°; 100 оборотов – к востоку 46°; 100 оборотов – к востоку 20°; 200 оборотов – к западу 45°; 200 оборотов – к западу 30°; 200 оборотов – к востоку 20°; 200 оборотов – к востоку 40°; 100 оборотов – к востоку 25°; 400 оборотов – к западу 8°; 100 оборотов – к востоку 10°; 300 оборотов – к западу 25°; 100 оборотов – к востоку 70°; 400 оборотов – дуга, начало или почти все первые 300 оборотов – к востоку 105°; конец – к западу 3°; 1200 оборотов – к востоку 10°; 145 оборотов – к востоку 35°.

Достойные примечания предметы. В 1½ версте (500 оборотов колеса) от 10-го становища по левую сторону близ тракта команды два соленых озера, одно за другим. Они, по-видимому, довольно глубоки и величиною в поперечнике каждое около 50 сажен.

В 2¾ верстах (900 оборотов) по правую сторону в лесу высохшее весьма мелкое соленое озеро.

В 3¾ верстах (1200 оборотов) команда выступила в лес, тянувшись до сего места по краю его.

В 4½ верстах (1500 оборотов) по правую сторону длинное весьма мелкое соленое озеро.

В 7 верстах (2300 оборотов) по правую сторону близ тракта команды высохшее соленое озеро. В средине его находилось еще несколько грязной воды.

В 8 верстах (2600 оборотов) по правую сторону таковое же высохшее соленое озеро.

В 8½ верстах (2800 оборотов) команда прошла между двумя озерами, находящимися в столь близком между собою расстоянии, что только двум повозкам можно проехать в ряд. Они оба продолговаты, длина каждого из них простирается до 70 сажен. Одно (по левую сторону) довольно глубоко, с несколько возвышенными, другое же мелко и с низкими берегами. Вода в первом имеет вкус почти чистый соленый, а в другом – отзывающийся серою и сильный сероводородный запах.

В 12½ верстах (4100 оборотов), 13¾ верстах (4500 оборотов), 14½ верстах (4700 оборотов) по правую сторону тракта команды высохшие соленые озера.

В 20 верстах (6500 оборотов) команда выехала из лесу, следовав некоторое расстояние по оврагу, заросшему хорошею травою и содержащему местами немного пресной воды. В лесу еще команда переправилась чрез него по сухому месту.

В 21¼ версте (6900 оборотов) команда проехала мимо последней березовой рощи, оставляя ее близко по левую сторону.

11-е становище при озерах Авлиякуль,
от 10-го [становища] в 24¼,
от Усть-Уйской крепости в 235 верстах

11-е становище при озерах Авлиякуль.

Расстояние. От 10-го становища – 24 версты 93 сажени, или 7875 оборотов колеса. От Усть-Уйской крепости – 234 версты 492 сажени, или 76 507 оборотов.

Время прибытия. 9 часов вечера.

Описание становища. Команда остановилась при двух озерах, принадлежащих к числу называемых киргизцами *Авлиякуль* (Святые озера), около трех верст от 14-го становища (9 июня), посланной в 1814 г. команды. Из сих озер одно имеет в поперечнике до 60 сажен, другое менее. Дно первого состоит с поверхности из чернозема и под ним из песку. Оно довольно твердо и только чернозем несколько вязок. Вода в обоих озерах пресная и особливо в большем – чистая и вкусная. Сие озеро с берегов мелко, и в средине глубина его незначительна, составляет, однако, местами около сажени. Оно содержит довольно мелкой рыбы, большею частью карасей и язей. Берега сего озера низки и заросли местами сильно камышом. Оно соединяется сильно заросшим же перешейком с другим озером, гораздо меньшим и мелким, с весьма низкими берегами. Дно его состоит из топкой глины и вода хотя пресная, но не так чиста и хороша, как в большем. Рыбы в сем озере не примечено. Оно находится к северу от первого.

Около двух с половиною верст к северу от сих озер находится могила, покрытая новым деревянным срубом, виденная

в таковом же расстоянии в 1814 г. к востоку тогдашнего лагеря, от которого нынешний находится, следовательно, к юго-востоку. Между сею могилою и лагерем протекает в небольшом овраге, мимо киргизского кладбища, ручеек пресной, весьма холодной и отлично хорошей ключевой воды. Он имеет начало свое в разных ямках, по сему оврагу находящихся, получающих, может быть, большую часть вытекающей из них воды из оврага, чрез который команда переправилась, не выехав еще из лесу, и вытекает в одно из многих находящихся здесь озер.

Поверхность пройденного пространства. Место по всему почти переходу ровное, изрытое немногими оврагами, содержащее великое множество соленых озер, и делающейся около 11-го становища несколько холмистым, особливо к северо-западной стороны. Первые шесть верст команда шла без следа, но здесь вышла на дорогу, проложенную (вероятно телегами с весьма широким ходом) в прежние времена какою-то ханшою от кочевья ее с озером Авлиякуль, и следовала ей около осьми верст, где она потерялась. Дорога сия там только еще приметна, где почва земли тверда, или в густоте леса, где ветры помогли ее сровнять с прочею песчаною поверхностью. Ханша сия жила менее ста лет тому назад, и простая покрытая землею могила ее находится по левую сторону близ тракта команды в 13 верстах от 10-го становища. Больше вожаки о ней ничего не знали. Остальные 10 верст до озер Авлиякуль команда шла без следа. Дорога в лесу была тяжела, чрез последние же четыре версты почва твердая и гладкая.

Почва земли. С поверхности по всему переходу песок, исключая пространство между лесом и лагерем, по которому почва состоит из чернозема, смешанного более или менее с песком и глиною. В лесу местами, особливо в близости соленых озер, под песком лежит глина. Дно озер состоит из чистой и весьма топкой глины. По сей причине можно к ним приближаться только с великою осторожностью, не полагаясь на гладкую сухую и твердую кажущуюся поверхность берегов их, ибо завязнувши в глине невозможно освободиться без посторонней, благоразумно поданной помощи. По оврагам и низким местам почва содержит хороший, тучный чернозем. К северу от ручейка, в близком от него расстоянии, на киргизском кладбище оказался сверху на четыре вершка чернозем, потом чернозем, смешанный с буро-желтоватым песком. За сим песчаная желтоватая глина. Около сего же места найдены на поверхности валуны пудинга, состоящего из округленных кварцевых зерен, слепленных бурым железным камнем.

Растения. Обширный лес Аман-Карагай (*аман* значит благополучие, *карагай* – сосновый лес) пересекается дорогою сего перехода, около 10 верст расстоянием от восточного его конца. Киргизцы увеличивают ширину его, полагая ее в 40 верст, но, в самом деле, она и в средине не может быть больше 25. Он состоит из крупных сосен, с весьма малою частью берез, но, к сожалению, сильно по сему краю разорен пожарами. Свалившиеся, обгоревшие деревья лежат во множестве по лесу, и в нескольких местах они весьма затрудняли проезд с повозками. Несмотря на сие обстоятельство, лес сей весьма важен, и по обширности своей представляет в случае заселения сих мест важнейшие выгоды. Длина его простирается до 60 верст, и если по причине находящихся в нем озер средняя широта его принята будет только в 12 верст, то поверхность, одним только лесом занимаемая, составит 75 000 десятин строевого леса.

Трава в лесу по низким местам хорошая, между лесом и 11-м становищем местами отличная, большею же частью в лесу скудная и местами вовсе нет. В лесу великое изобилие солодки (Glycyrrhíza glabra).

Животные. Около лесу в великом множестве сайги, и внутри его тетерева, и не примеченные во всем походе нигде кроме сего перехода сороки, галки и вороны.

Погода. Поутру рано небо обложено было белыми полупрозрачными облаками, которые постепенно уменьшались и к вечеру исчезли. В 10 часов вечера к югу сверкала молния. Ветер с 2½ часов утра – западный слабый, в 9 часов и до вечера – северо-западный, сначала довольно сильный, около полудня – посредственный, в 8 часов вечера – слабый, в 10 часов – тихо.

Термометр. Поутру в 2½ часа +8,3°; в 9 часов +16,5°; в 12 часов полудня +18°; в 8 часов вечера +12,5°; в 9 часов +12°; в 10½ часов +11°.

Общие замечания о пространстве между Тоболом и озерами Авлиякуль

Пространство сие занимает 97 верст, которые команда проходила четырьмя переходами, но, кроме последнего становища, не имеет ни одного места, где с удобностью могло бы быть заведено селение. Главное сему препятствие состоит в недостатке хорошей воды и способных к хлебопашеству мест. Первое неудобство вероятно может быть отвращено колодцами, которые следовало бы вырыть около пресных озер и березовых рощ, но не испытав основательно качества могущей доставляться ими воды, не должно делать решительного заключения о возможности к заселению сей полосы земли. О качестве степных озер нужно заметить, что они обыкновенно невелики, по крайней мере, почти всегда весьма мелки, и походят частью на большие лужи, которые летом иногда высыхают. Вода в них или соленая, или солодковатая, и хотя иногда пресная, но имеет чистый вкус в таковых только озерах, которые имеют значительную глубину, или которые остались на местах прежних рек, имеющих частью весною и теперь еще течение, или же (что весьма редко случается) которые получают хорошую воду притоком ручейка или речки. В малых озерах мелких, притока не имеющих, вода летом портится и исправляется только весною на время растаявшим снегом. Травою восьмой переход скуднее прочих, но на последней половине девятого и десятого имеется несколько изрядных сенокосных мест, на которых может быть нет невозможности завести и небольшое хлебопашество. В лесе по всему пространству великое изобилие.

При озерах Авлиякуль с великою удобностью может быть заведено важное селение. Хорошая вода, особливо в упомянутом выше ручейке, близкое расстояние от важного лесу, хорошая почва окружности, рыба в озерах, хорошая трава, множество сайг и водяных птиц ручаются, что будущие жители сего места будут иметь изобилие во всем, к сельскому домоводству потребном.

Если б правительству угодно было заселить сии места Киргизской степи, то вместо описываемого здесь пространства следовало бы избрать течение Тобола до устья Аята и оттуда

дорогу 1814 г., хотя заселяемое пространство, вместо 97, составит по сим местам до 150 верст.

20 июня, воскресенье, 12-й переход, полудневка

Время выступления. Команда выступила в 7 часов утра, частью потому так поздно, что вечером она прибыла не рано на место, частью же потому, что нужно было срыть крутые берега речки Ащи для облегчения переправы чрез нее.

Направление дороги. 800 оборотов – к востоку 40°; 200 оборотов – к востоку 90°; 200 оборотов – к востоку 33°; 800 оборотов – к востоку 55°; 300 оборотов – к востоку 28°; 900 оборотов – к востоку 20°; 1200 оборотов – к востоку 18°; 900 оборотов – к востоку 9°; 800 оборотов – к востоку 25°; 400 оборотов – к востоку 32°; 700 оборотов – к востоку 40°; 1000 оборотов – к востоку 25°; 175 оборотов – к востоку 30°.

Достойные примечания предметы. В 2½ верстах (800 оборотов) от лагеря по правую сторону близ дороги два небольших озера. Берега их солончаковые, но вода соленого вкуса не имеет.

В 3¾ верстах (1200 оборотов) команда переправилось чрез речку Ащи (Горькую). Она имеет начало свое в 60 верстах к юго-западу от сего места (по словам киргизцев). Состоит от начала до недальнего расстояния отсюда (около пяти верст или несколько более) из отдельных между собою наполненных водою ям или весьма малых озер, но ближе сюда озера сии соединяются перешейками, и на месте нынешней переправы команды приметно течение, но весьма слабое. В 10 или более верстах к северо-востоку она впадает в реку Убаган. Дно состоит из топкой глины и илу, и вода имеет солено-горький отвратительный вкус, смрадный сероводородный запах. Ширина всех мест около восьми вершков, и в сих местах только приметно слабое течение воды. В глубоких местах (плёсах) водится мелкая рыба, несмотря на дурное качество воды.

В 16¼ верстах (5300 оборотов) по левую сторону видны вдали озера, составляющие реку Убаган или начало обширного озера Убаган-Дингиз, о котором говорено будет при описании

похода отдельной колонны обратно в Звериноголовскую крепость.

В 21½ версте (7000 оборотов) команда подошла к степной речке Чиили и переправилась через оную по сухому месту между составляющими ее озерками (плёсами). Она начинается от сего места расстоянием около 60 верст (по словам киргизцев) к юго-западу и около двух верст к западу от сего места переправы, теряется около северного конца озера Большой Алакуль. Речка состоит из ряда небольших озер (плёс). Длина их доходит до двадцати, тридцати и иногда до пятидесяти сажен, ширина не более десяти, и глубина простирается до двух сажен. Вода большею частью в них пресная, чистая и хорошая, но иногда встречается и соленая, особливо ближе к вершинам. Весною речка сия имеет течение, но летом перешейки между озерками высыхают. В озерках водится много рыбы, по большей части карасей и щук.

В 22¾ верстах (7400 оборотов) по левую сторону, расстоянием от тракта команды около одной версты, начинается озеро Большой Алакуль.

12-е становище при озере Большой Алакуль, от Авлиякуль в 25¾, от Усть-Уйской крепости 260¾ верстах

12-е становище на берегу озера Большой Алакуль.

Расстояние. От 11-го становища при озерах Авлиякуль – 25 верст 361 сажень, или 8375 оборотов. От Усть-Уйской крепости – 260 верст 354 сажени, или 84 882 оборота.

Время прибытия. 12 часов полудня.

Описание становища. Озеро Большой Алакуль (по переводу *Пестрое озеро*), при котором команда остановилась, есть то самое, которое на карте похода 1814 г. показано под названием Чарджитым, прилагаемым северному его краю. Киргизцами, к чарджитымскому отделению аргынского рода принадлежащими, название Алакуль дается немалому числу озер, из которых первое сие и последнее то, при котором команда расположилась 13-м становищем; в отличие от прочих оно названо Малый Алакуль.

Длина Большого Алакуля составляет до шести верст и средняя широта – больше одной версты. Южный его конец шире, северный же – уже, и разделяются на разные соединяющиеся между собою, с заросшими камышом берегами, озера или заливы. Глубина, судя по обширности озера, должна быть значительна, но около берегов оно мелко. Вода в озере чистосоленая и годится на приготовление пищи, лошади ее пьют без отвращения. Пресною водою команда довольствовалась из речки Чиили. Берега озера низки, состоят, как и дно его, из песчаной глины, близко к воде несколько топки и обросли сильно камышом. К западу поверхность земли возвышается. Рыбы в озере много (большею частью карасей). За озером вдали видны рощи Бурукли, Терекли и, чрез зрительную трубку, березы на урочище Бай-Назар-Сандал. О рощах сих упомянуто будет при описании обратного похода.

Между заливами, составляющими северный конец сего озера, жили в десяти кибитках бедные киргизцы-чарджитымцы. Они питаются рыбою, которую ловят сетями, имеют, однако, несколько скота и променяли одного быка на усталую лошадь. Почти все они пришли в лагерь и выменивали на волосяные веревки, ремни, уздечки и подобные вещицы крупу, сухари, табак, который они (мужчины и женщины без различия) нюхают с великою жадностью, восхищаясь опьянелостью или беспамятством, которое чувствуют несколько минут, нанюхавшись крепкого табаку.

Поверхность пройденного пространства. С начала и к концу перехода степь возвышенная и несколько волнистая, в половине – ровнее и ниже. За Аман-Карагаем к востоку от дороги, расстоянием не меньше 30 верст, видно длинное возвышение (край высокой равнины), которое, приближаясь несколько, продолжается беспрерывно к югу. К западу от дороги поверхность земли возвышается. Команда шла без следа по гладкой и для езды на колесах довольно удобной степи. Дорога 1814 г. находится от 12-го становища в четырех верстах.

Почва земли. По всему переходу глина, смешанная с песком, иногда изобильно. Местами на поверхности чернозем. В 45 саженях от лагеря оказалось с поверхности на четыре вершка чернозем, смешанный с песком, и под ним обыкновен-

ная глина. Нельзя надеяться, чтобы по сему переходу могло быть заведено хлебопашество. Местами земля от суши растрескалась.

Растения. Конец Аман-Карагая находится в осьми верстах по дороге от озер Авлиякуль и в таковом же расстоянии от нее к востоку.

Травы по всему переходу мало и по большей части растет по возвышенным местам только ковыль (Stipa pennata). Местами встречается много солодки (солодковый корень). Около озера Большой Алакуль трава зеленая, довольно хорошая и в ней растет дикая спаржа (Aspáragus) и эстрагон (Artemisia dracunculus).

Животные. По степи показывались сайги, журавли и дрофы. Около озера много лебедей и уток.

Погода. С утра до полудня небо облачное, потом ясно с местными облаками, к вечеру небо чистое. Ветер северо-западный, поутру слабый, около полудня и до трех часов – сильный, потом умеренный и в 9 часов вечера тихо. Во весь день прохладно.

Термометр. Поутру в 5 часов +10°; в 7 часов +12°; около полудня +14°; в 2 часа пополудни +15°; в 9 часов вечера +10°; в 10 часов +8°.

21 июня, понедельник, 13-й переход

Время выступления. 3 часа утра.

Направление дороги. 1900 оборотов – к западу 10°; 900 оборотов – к востоку 20°; 600 оборотов – к западу 3°; 1200 оборотов – к востоку 30°; 500 оборотов – к востоку 37°; 900 оборотов – к востоку 45°; 400 оборотов – к востоку 28°; 50 оборотов – к востоку 6°; 800 оборотов – к востоку 20°; 600 оборотов – к востоку 12°; 1200 оборотов – к востоку 3°; 600 оборотов – к востоку 10°; 200 оборотов – к востоку 5°; 250 оборотов – к востоку 29°.

Достойные примечания предметы. В 5¾ верстах (1900 оборотов) от озера Большой Алакуль команда подошла к солончаку, простирающемуся до двух верст вперед по дороге. Переезд чрез оный был весьма затруднителен, потому что

глина, составляющая почву его, была весьма рыхла и местами мокра и топкая. В дождливое время проезд с повозками чрез сие место должен быть совершенно невозможен.

В 9¼ верстах (3000 оборотов) по правую сторону, расстоянием от дороги около 150 сажен, небольшое, камышом заросшее озеро. Оно весьма мелко и вода тухла, но соленого вкуса не имеет.

В 12¼ верстах (4000 оборотов) по правую сторону, расстоянием около 15 верст, видна круглая гора Дуллагай (Не бейся), показанная на карте похода 1814 г. под названием Толгай. Возвышение за нею находящееся называется *Типмя* (Не лягайся). Когда бежавшие с Бамбуром из России калмыки проходили чрез здешние места, лошадь одного важного из них человека, разорвав повода, понесла его на возвышение, вышибла его там из седла и убила. Калмык сей на том месте похоронен и могила его еще видна, как уверяли вожаки. Сие происшествие произвело сии странные названия.

В 12½ верстах (4100 оборотов) по левую сторону около 25 сажен от дороги находится кривое озеро, длинною около полуверсты, широтою от 10 до 20 сажен. Она остаток реки Убагана, которая здесь протекает весною, но летом пересыхает. Вода в нем пресная, довольна хорошая и, судя по положению берегов, глубина его должна быть значительна. Рыбы не примечено, хотя вероятно, что она в нем водится. Глинистое дно его покрыто черноземом и несколько топко. По берегам растет камыш и несколько хорошей травы.

13-е становище при озере Малый Алакуль,
от Большого Алакуля в 32½,
от Усть-Уйской крепости в 293¼ верстах

13-е становище при озере Малый Алакуль

Расстояние. От 12-го становища – 32 версты 201 сажень, или 10 550 оборотов. От Усть-Уйской крепости – 293 версты 56 сажен, или 95 432 оборота.

Время прибытия. 11 часов пред полуднем.

Описание становища. Озеро Малый Алакуль походит много на таковое же, называемое Байтумаккупа, которое, по уве-

рению вожаков, находится от него в 15 верстах к западу. Оно довольно обширно, длина его около версты, ширина около полуверсты, но только на весьма малое пространство имело оно воду, которую трудно было найти; все прочее совершенно сухо, и покрыто густым высоким камышом. Вода сверх чаяния была пресная и довольно чиста вкусом. Берега озера весьма низки, плоски и определяются только камышом. Дно озера состоит из чернозема, и около воды в камыше оно топко, кочковато и болотисто. Против озера к юго-востоку, расстоянием около трех верст, находятся на возвышении Бай-Назар-Сандал березы, которые чрез зрительную трубку видны были от озера Большой Алакуль.

Поверхность пройденного пространства. Обширная равнина, которая к югу весьма малоприметно возвышается. Команда шла весь переход без следа. Земля везде растрескалась и местами, особливо к концу перехода, так сильно, что обоз мог проехать только с великою нуждою, хотя он объезжал по возможности самые дурные места.

Земля в сем месте разделяется широкими и глубокими трещинами по всем направлениям на площадки величиною около квадратного аршина и менее, так что и верхом не иначе можно проехать как шагом, остерегаясь, чтоб лошади в трещинах не сломали ноги. По обеим сторонам дороги видны вдали возвышения, или края возвышенных равнин, из которых восточное приближается около конца перехода более к дороге. По всему переходу часто встречаются мелкие раковины на поверхности земли.

Почва земли. По большой части глина, смешанная с песком, нередко, однако и глинистый чернозем, сухой и столь твердый, что с нуждою можно ее разбивать кайлою. В 100 саженях от лагеря к востоку на несколько возвышенном месте оказалось: с поверхности на шесть вершков глинистый чернозем и под ним обыкновенная глина. Все пространство сего перехода бесплодно, и решительно можно сказать, что хлебопашество здесь заведено быть не может.

Растения. По левую сторону вдали на возвышении видны леса: 1) березовая роща, по-видимому, густая, длиною около одной с половиною версты; 2) за нею к югу другая, величиною около четвертой ее доли; 3) за сею еще березовая рощица – еще менее ее; 4) сосновый негустой лесочек, называемый *Биль-Карагай*, и в отличие из других сего же названия лесков северным. Окружность ее, по словам киргизцев, составляет более шести верст; 5) березы на урочище Бай-Назар-Сандал около озера Малый Алакуль. Травы по всему переходу мало. Она суха и состоит большою частью из мелкого дикого полыня (Absinthium ponticum). Местами находится в изобилии сухой, густой и довольно высокий ковыль (Stipa pennata). Его бы нужно осенью выжечь и каждый год в исходе мая или в начале июня месяца выкашивать, тогда бы может быть удалось превратить сии места в хорошие сенокосы, тем более, что, по словам старшины Алтая Миняшева, все пространство сего перехода весною покрывается стекающею с гор водою. Зеленая трава видна была только около озер и в весьма малом количестве, а около озера Малый Алакуль почти вовсе не было, и лошади должны были довольствоваться сухою травою и камышом.

Животные. По степи показывались сайги, дрофы (Otis tarda) и журавли. Около озера летали белые журавли с черными крыльями.

14-й переход

Время выступления. 3 часа пополудни.

Направление дороги. 600 оборотов – к востоку 3°; 500 оборотов – к востоку 33°; 1200 оборотов – к западу 11°; 1500 оборотов – к востоку 15°; 1200 оборотов – к востоку 20°; 500 оборотов – к востоку 5°; 900 оборотов – к востоку 36°; 700 оборотов – к востоку 22°; 300 оборотов – к востоку 60°; 200 оборотов – к востоку 55°; 250 оборотов – к востоку 65°.

Достойные примечания предметы. В ¾ верстах (200 оборотов) по левую сторону дороги кладбище, и на нем высокая покрытая землею могила.

В 9¼ верстах (3000 оборотов) по левую сторону, расстоянием около двух верст от дороги, заросшее озеро, и вскоре потом по правую сторону таковое же. Между сими озерами овраг неглубокий, по которому весною течет река Убаган, от которого только в сих озерках осталась вода.

В 18¼ верстах (5900 оборотов) команда подошла близко к краю высокой равнины, находящейся к востоку от дороги, приближавшись к ней постепенно.

В 22¾ верстах (7400 оборотов) по правую сторону близ дороги киргизское кладбище. От сего места команда поднималась на гору.

В 23¼ верстах (7600 оборотов) команда переправилось чрез овраг, при котором после остановилась. Он начинается на возвышении, находящемся к востоку от дороги, и теряется на низкой равнине.

14-е становище при первом овраге Джидасу,
от 13-го [становища] в 24,
от Усть-Уйской крепости в 317¼ верстах

14-е становище при первом овраге урочища Джидасу.

Расстояние. От 13-го становища при озере Малый Алакуль – 24 версты 55 сажен, или 7850 оборотов. От Усть-Уйской крепости – 317 верст 111 сажен, или 103 282 оборота.

Время прибытия. 8 часов вечера.

Описание становища. Место сие есть северный конец простирающегося вперед по дороге команды на 38 верст урочища Джидасу (по переводу *семь вод*). Западный скат возвышения, находившегося до сего места к востоку от дороги, прерывается семью оврагами, содержащими по большей части ключи с хорошею водою, и число сих оврагов послужило основанием к названию всего урочища. Сей первый овраг начинается расстоянием от становища около пяти верст к юго-востоку. С начала он имеет до полуверсты широты, отлогие берега, много ключей с отлично хорошею пресною водою и около их растет березовый лес. Ближе к лагерю, или к низкой равнине, берега его делаются высоки и круты, лесу мало, и вместо ключей находятся в нем глубокие ямы, или малые озера, с хорошею пресною водою, содержащие даже рыбу (большею частью карасей). Скат дна сего оврага велик, и поверхность воды в сих озерках гораздо выше, нежели низкая равнина, на которую весною, вероятно, с великим стремлением стекает вода сей лощины. Почва состоит из чистого тучного чернозема, на котором

растет густая, отлично хорошая трава, и в ней изобильно вязель (Coronilla varia и Coronilla coronata), составляющий отличный корм для скота.

Поверхность пройденного пространства. Равнина подобно как по предыдущему переходу. Ближе к становищу она несколько возвышается. Западное возвышение тянется далеко от дороги к Наурзуму, восточное же в 18¼ верстах от 13-го становища составляет выходящий угол и продолжается до оврага в недальнем расстоянии от дороги и почти параллельно с нею. У сего угла с возвышения видны: к югу – Наурзумский лес, озера Сурсу, Сары-Муин; к востоку от них и ближе к лагерю – еще четыре озера, одно за другим, величиною немного меньше первых; к западу видно вдали возвышение, простирающееся до Наурзума и к северо-западу – гора Дуллагай.

Команда шла без следа. Земля растрескалась и поверхность кочковата, однако не так сильно, как по 13-му переходу, отчего проезд на колесах был менее затруднителен.

Почва земли. По всему переходу глина; местами, где больше травы, чернозем, с глиною смешанный, сухой и весьма твердый. На возвышении от угла до становища – чернозем, смешанный с крупным песком и галькою, местами почти чистый песок и галька, около ключей чернозем.

В разных местах около лагеря, расстоянием не более полуторных верст, найдено:

1. С поверхности на восемь вершков чернозем, смешанный с песком; непосредственно за ним обыкновенная сланцеватая глина, желтого и пепельного цвета с бурыми пятнами. В сей глине сернокислая известь (гипс) в мелких игольчатых кристаллах. Чем глубже, тем глина влажнее, и кристаллы получали большую величину.

2. На десять вершков с поверхности чернозем с галькою, состоящею из зерен кварца, рогового камня и кремня; за сим на четыре вершка слой рыхлого пудинга, состоящего из таковых же зерен, связанных красною железистою глиною, рассыпающегося, сначала твердеющего на воздухе; затем таковой же пудинг, связанный обыкновенною желтою глиною – на десять вершков; наконец на десять же вершков обыкновенная глина с

мелкими гнездами белой глины, годной на фаянсовую посуду и трубку.

3. С поверхности на пять вершков чистый чернозем, далее на восемь вершков чернозем с песком, за сим на три вершка песок с глиною, затем на один вершок песок с железистою глиною, наконец, на пять с половиною вершков желтый песчаный камень, составляющий переход в пудинг.

4. С поверхности на пять вершков чистый чернозем; за ним на 11 вершков буро-желтоватый песок с галькою, далее белая обыкновенная глина и под нею белый песок.

5. С поверхности на полтора аршина чернозем, смешанный с глиною, затем обыкновенная буро-желтоватая глина.

6. С поверхности на девять вершков чернозем и за ним обыкновенная глина.

Все сии шурфы были заложены на высотах, в овраге же почва состоит с поверхности по большей части из чистого тучного чернозема.

Растения. Трава по горе и по всей низменности сухая, и состоит местами из мелкого полыня, местами из ковыля. От угла восточного возвышения до становища, около ключей, растет отлично хорошая тучная трава, и в ней много клубники (Fragaria collina). Там же дикая роза и молодой березовый кустарник. Местами видны еще толстые березовые пни, которые доказывают, что здесь прежде был хороший лес. В овраге около становища великое изобилие в траве. Около двух верст от лагеря находится молодая березовая и около пяти верст – сосновая роща Биль-Карагай, которые будут описаны с 15-м переходом.

Животные. По степи показывались сайги. Около лагеря поймали горностая. По возвышению водятся ежи. Над низменностью летали водяные птицы и между ими весьма большие пестрые утки.

Погода. Во весь день совершенно ясно. Зной и жар были весьма тягостны. Ветер северо-западный, до полудня малоприметный, около полудня слабый, потом весьма слабый, в 9 часов вечера юго-западный почти неприметный.

Термометр. В 2 часа утра +4°; в 12 часов полудня +18,5°; в 1 час пополудни +19,5°; в 3 часа +20°; в 9 часов вечера +11,5°.

Общие замечания о пространстве от Аблиякуль до Джидасу

Бесплодность сей пустыни, худая почва и недостаток хорошей воды не позволяют надеяться, чтоб она могла быть населена. В случае надобности можно бы завести на время лета форпост на речке Чиили, но на прочное селение не достает хлебопахотных и в близости сенокосных мест. Около озера Малый Алакуль по недостатку травы и даже форпоста учредить нельзя, но на возвышении при урочище Бай-Назар-Сандал есть к тому удобность; и если бы не было причины опасаться весенних наводнений, то бы можно завести селение около речки Чебенли; по крайней мере для летнего форпоста все потребное находится здесь в изобилии. С обратным походом места сии будут описаны подробно. Низкое положение равнины, раковины, встречающиеся на поверхности, положение возвышений по обеим сторонам, отличная от возвышенных мест бесплодная глинистая почва, соленая вода и весенние наводнения ясно доказывают, что низкая сия равнина есть ни что иное как дно прежде существовавшего обширного соленого озера (моря), простиравшегося от реки Сары-Тургай чрез Наурзум и описываемое здесь пространство до озера Убаган-Дингиз и до Звериноголовской крепости.

Кроме недостатка в хорошей траве и воде, трещины, которые делают дорогу чрезвычайно затруднительною, заставляют избегать сие место сколько возможно.

22 июня, вторник, дневка

Вожаки объявили, что находящийся в пяти верстах от лагеря лес Биль-Карагай есть последний по дороге к Свинцовой горе. Нужно было заготовить уголья для поковок во время похода и для исправления инструментов горных на руднике; и в запас оглобли, оси и другие к упряжи и для обоза потребные вещи; обоз, пострадавший на последних переходах, требовал починки, и утомленным лошадям нужен был отдых при хорошем корме и воде. Сии обстоятельства убедили г-на подполков-

ника и кавалера Феофилатьева остановиться здесь с командою на два дня.

Погода. Поутру ясно, с 9 часов утра до 5 часов пополудни местные облака, потом небо чистое. Ветер западный, поутру слабый, с 9 часов утра до 6 часов пополудни теплый, и около полудня довольно сильный, с 6 часов слабый, к вечеру тихо. Сильный жар увеличивался теплым ветром.

Термометр. В 5 часов утра +14,5°; в 7 часов +15°; в 8 часов +19,5°; в 9 часов +23°; в 1 час пополудни +26°; в 5½ часов +24°; с 7½ часов до ночи +18°.

23 июня, среда, дневка

Около полудня явился в лагерь киргизец аргынского рода, чар-джитымского отделения, принадлежащий к числу бедных рыбаков, кочующих на берегу озера Яркуль, одного из примеченных с высоты четырех озер, находящихся между лагерем и озером Сары-Муин. Вожаки полагали, что расстояние до него не более пяти верст. Киргизец сей просил подаяния, объявил, что за три дни пред сим собравшиеся в воровскую шайку 80 человек киргизцев тара- и узен-япасского отделений его и товарищей его совершенно ограбили, и таковом же намерении отвратились к озеру Большому Алакуль, но увидев команду, удалились в сторону, отправив для извещения товарищей своих, находящихся будто около Тургаев, о приближении ее двух человек, каждого с двумя лошадьми. Вечером он рассказывал киргизцам, при команде находившимся, приключения свои нараспев и, сколько можно было заметить, в стихах. Таким же образам он ответствовал на деланные ему вопросы.

Погода. Во весь день ясно и чистое небо. Ветер с утра западный слабый, в 8 часов посредственный, в 10 часов сильный, около полудня умеренный, в 3½ часов пополудни юго-западный умеренный, к вечеру слабый. Жар тягостный.

Термометр. В 6 часов утра +18,5°; в 8 часов +22°; в 10 часов +26°; в 12 часов +29°; в 3 часа пополудни +27,5°; в 5 часов +27°; в 8 часов вечера +19°; в 10 часов +15°.

24 июня, четверток, 15-й переход

Время выступления. 4 часа утра.

Направление дороги. 600 оборотов – к западу 18°; 1700 оборотов – к западу 6°; 1100 оборотов – к востоку 15°; 400 оборотов – к западу 11°; 700 оборотов – к востоку 5°; 1000 оборотов – к западу 5°; 1100 оборотов – к западу 10°; 900 оборотов – к востоку 4°; 700 оборотов – к западу 35°; 1000 оборотов – к западу 15°; 700 оборотов – к западу 10°; 360 оборотов – к западу 53°.

Достойные примечания предметы. В 1¾ версте (600 оборотов) от 14-го становища по левую сторону, расстоянием от дороги больше одной версты, рощица весьма густая, состоящая из молодых берез и между ими березового кустарника. Длина ее около 700 сажен.

В 3½ верстах (1100 оборотов) по левую сторону, около двух верст от дороги, показывается лесочек сосновый, называемый *Биль-Карагай*, и для различия от других сего названия лесков южных. Название сие прилагается киргизцами разным лесочкам, из которых уже два прежде сделались известны; первый около соленого озера Эбелей и другой – на восточном возвышении против 13-го перехода команды. Описываемый здесь следственно третий, и чтоб их различать между собою будут они в сем журнале называемы, первый – *Эбелейским*, второй – *Северным* и третий – *Южным*. Длина сего Южного Биль-Карагая составляет около двух верст, широта от 100 до 150 сажен. Он состоит из довольно крупных сосен, годных на неважное строение. Команда в сем лесе заготовляла уголь.

В 6¼ верстах (2000 оборотов) команда переправилась чрез второй овраг урочища Джидасу не без затруднения. Он глубок и берега его круты. Широта его не более 15 сажен. Дно его состоит из крупного песку и гальки, смешанных то более, то менее с красною железистою глиною. Весною он, вероятно, наполняется водою, ныне же только местами находилось ее по нескольку красного цвета, покрытой темною разноцветною плевою. По всему оврагу растет тальник, березовый кустарник и хорошая трава.

В 11 верстах (3600 оборотов) по правую сторону дороги, расстоянием несколько более полуверсты, молодая березовая рощица.

В 12¼ верстах (4000 оборотов) по правую сторону, в недальнем расстоянии от дороги, начинается лог и скат возвышения, сопровождающего с восточной стороны низкую равнину около озер Яркуль, Сары-Муин и Сурсу. Здесь находятся ключи с отлично хорошею пресною водою, около их растет много отлично хорошей травы, густой березовый кустарник и в нем много крупных старых берез.

В 13 верстах (4200 оборотов) команда подошла к северному берегу широкой третьей лощины урочища Джидасу. Спустившись с него по удобному отлогому скату, она переправилась в средине лощины в 13¾ верстах (4500 оборотов) чрез довольно глубокую рытвину с крутыми берегами. Во время переправы команды не было в ней воды, но весною, вероятно, течет здесь порядочная речка. По скату северного берега ключи с отлично хорошею холодною водою, и около их густой березовый кустарник и много крупных берез. По всей лощине растет хорошая трава. Она начинается, вероятно, далеко от сего места к востоку.

В 24 верстах (7800 оборотов) команда перешла чрез четвертую лощину урочища Джидасу. В средине ее рытвина, подобно как в третьей. Берега ее весьма отлоги и она не широка. По ней растет хороший тальник и березовый, а местами осиновый кустарник. Травы в ней не много. Около трех верст от дороги к востоку находится в сей лощине озерцо с крутыми берегами и пресною водою. Длина его до 100, широта местами до 10 сажен.

15-е становище в пятой лощине урочища Джидасу,
от 14-го [становища] в 31½,
от Усть-Уйской крепости в 348¾ верстах

15-е становище в пятой лощине урочища Джидасу.

Расстояние. От 14-го становища – 31 верста 256 сажен, или 10 260 оборотов колеса. От Усть-Уйской крепости – 348 верст 368 сажен, или 113 542 оборота.

Время прибытия. 11 часов пред полуднем.

Описание становища. В широкой лощине, начинающейся, по-видимому, недалеко от дороги к востоку, составляется из двух ключей ручеек, который по песку и глине, смешанным с черноземом, течет довольно скоро по отлогому скату возвышения к обширной низкой равнине, находящейся на восточный стороне озера Наурзум, и на ней теряется. Вода в ручейке и особливо в ключах отлично хорошая, светлая, вкусом весьма чистая и чрезвычайно холодная. Лощина, ближе к упомянутой равнине, расширяется, делается ниже и, наконец, с нею сливается. По всей лощине растет отличная трава, хороший тальник и березовый кустарник.

Озеро Наурзум видно к западу от лагеря, расстоянием около 25 верст. Возвышение, составляющее южный его берег, находится прямо против сего места, и команда, следовательно, проехала продолжение направления леса и широты озера. Направление первого – от юго-запада к северо-востоку, направление же длины озера – от юга к северу, и определяется лагерем 1814 г. на берегу его и возвышением, составляющим юго-восточный его берег. К востоку, однако, озеро образует немалый залив. Ясно, что киргизцы в 1814 г., по обыкновению своему, в описании пространства озера увеличили его.

Поверхность пройденного пространства. Команда шла весь переход без следа вдоль по возвышению, ограничивающему с восточной стороны огромную равнину, простирающемуся от Наурзумского леса до Аман-Карагая, большею частью недалеко от западного его ската, который, особливо на последней половине перехода, находился местами весьма близко от дороги. Гладкая и, несмотря на то, что местами земля несколько растрескалась, удобная для езды на колесах поверхность чрез весь переход волниста, однако между третьею и четвертою лощинами (от 14-й до 24-й версты) ровнее и меньше возвышена, нежели по прочему пространству сего перехода.

Почва земли. С начала перехода глина, сильно смешанная с крупным песком и мелкими валунами кварца; потом до половины перехода почти чистая глина; за сим почти чистый крупный песок; наконец, как с начала, глина, смешанная с крупным

песком и мелким кварцем. В лощинах чернозем, смешанный с песком, и часто чистый и тучный.

Около южного Биль-Карагая и внутри его с поверхности от двух до осьми вершков чернозем, смешанный с песком, а под ним песчаная глина, иногда красная, иногда белая, местами железистая, и в ней валуны бурого железного камня.

Во сто саженях от лагеря, на возвышении, с поверхности на пять вершков бурая глина, смешанная с песком, под нею обыкновенная глина темноватого цвета.

Растения. Трава по высоким местам суха и редка; она состоит местами из ковыли, местами из мелкого дикого полыня. В логах трава зеленая, густая и отлично хорошая. Она состоит из разных растений, составляющих отличный корм для скота. О тальнике, березовом кустарнике и лесе упомянуто уже особо.

Животные. Сайги бегали по степи целыми десятками, часто показывались дрофы и разных родов кулики.

16-й переход

Время выступления. 6 часов пополудни.

Направление дороги. 1000 оборотов – к востоку 22°; 700 оборотов – к востоку 15°; 435 оборотов – к востоку 30°.

Достойные примечания предметы. С самого становища команда поднималась на весьма отлогое возвышение, и в одной версте (300 оборотов) от оставленного лагеря находилась наверху его. По сему возвышению команда шла 200 оборотов и, отъехав всего 500 оборотов (1½ версты), начала спускаться по длинному (100 оборотов), но не очень удобному спуску в шестую лощину урочища Джидасу.

В 600 оборотах (две версты) в сей лощине овражек с крутыми берегами, вырытый весеннею водою. Лощина начинается к востоку от дороги, расстоянием около одной версты. По берегам неважные ключи и около их хороший березовый кустарник, местами и крупные березы. По овражку растет тальник, березовый кустарник и около берегов отличная густая трава.

За сим оврагом команда поднималась опять на отлогое возвышение и в четырех верстах (1300 оборотов) от 15-го становища проехала на нем между несколькими ногайскими могилами.

В пяти верстах (1600 оборотов) команда спустилась с сего второго возвышения в седьмую и последнею лощину урочища Джидасу, переехала ее накосо, переправившись чрез несколько вырытых весеннею водою овражков, поднялась на другой ее край и там остановилась.

16-е становище при седьмой лощине Джидасу,
от 15-го [становища] в 6½,
от Усть-Уйской крепости в 355¼ верстах

16-е становище при седьмой и последней лощине урочища Джидасу.

Расстояние. От 15-го становища – 6 верст 278 сажен, или 2135 оборотов. От Усть-Уйской крепости – 355 верст 146 сажен, или 115 677 оборотов.

Время прибытия. 7½ часов вечера.

Описание становища. Пред лагерем круглая яма, величиною в поперечнике в две сажени, глубиною в три четверти аршина, наполняющаяся из ключа отлично хорошею, чистою вкусом холодною водою. Из ямы сей вытекает ручеек, который разливается по покатости возвышения и делает поверхность болотистою. Около сего ключа, особливо к западу, другие менее важные, и весь край ската возвышения покрыт около их густыми молодыми березовыми рощицами и кустарником. Лощина широка и скаты возвышений большею частью отлоги. Вода из ключей не доходит до овражков, в средине находящихся, и они были сухи.

Поверхность пройденного пространства. Отлогие два возвышения, чрез которые команда проехала, разделяют описанные лощины, пересекают длиною своею дорогу ее и сливаются недалеко от оной к западу с низкою равниною, окружающею озеро Наурзум. Поверхность возвышений гладка, тверда и для езды на колесах удобна, в лощинах несколько кочковата. Команда шла без следа.

Почва земли. На высотах крупный песок с мелкими валунами кварца, иногда с примесью глины. В лощинах и около ключей, особливо около лагеря, чистый тучный чернозем. В 50 саженях от лагеря, на возвышении, с поверхности на

пять вершков чернозем, под ним желтоватая песчаная глина. В 250 саженях, с поверхности на десять вершков чернозем, под ним затверделая песчаная глина белого цвета. В одной версте от 15-го становища на поверхности возвышения много крупных кусков бурого железного камня.

Растения. По возвышениям редкий сухой ковыль. В лощинах, около ключей и особливо около лагеря, трава густая, свежая и тучная, испещренная разными цветами. В ней растет изобильно вязель (Coronilla varia et Coronilla coronata), клубника (Fragaria collina) и в рощицах костяника (Rúbus saxátilis).

Животные. Около становища много зайцев, которые сами собою забегали в лагерь, и великое множество белых куропаток, также показывались земляные зайцы (Mus jaculus).

Погода. Во весь день небо облачное. Между белыми облаками показывались часто дождевые густые тучи. Только около 2 часов пополудни просияло солнце. К ночи сделалось ясно. Ветер поутру в 3 часа юго-западный умеренный; в 11 часов северо-восточный слабый; в 2 часа пополудни северо-западный, довольно сильный и теплый; в 4 часа посредственный; вечером в 7 часов северный умеренный; к ночи тихо.

Термометр. В 3 часа утра +14°; в 11½ часов +23°; в 2 часа пополудни +26°; в 4 часа +23,5°; в 7 часов вечера +21°; в 9 часов +19°; в 10 часов +18,5°.

Общие замечания об урочище Джидасу

Урочище сие, занимающее на 38 верст западный скат возвышения, которое по восточной стороне частоупомянутой низкой обширной равнины продолжается от Аман-Карагая до Наурзума, есть одно из лучших в Киргизской степи, и если бы когда вознадобилось заселить сей край, то оно заслуживает особенное внимание. Изобилие в хорошей траве, в дровяном и строевом лесе (последний можно достать из южного Биль-Карагая и Наурзумского лесу) и хорошая плодородная почва земли в лощинах дают ему неоспоримое преимущество пред всеми прочими местами, которые находятся по дороге команды. Первая, третья, пятая и седьмая лощины изобильнее снабжены травою, удобными к хлебопашеству местами и лесом, нежели прочие, в которых сверх того не примечено воды. Около первой, третьей и седьмой можно бы завести хорошие селения, которых жители не будут иметь ни в чем недостатка. Невыгодно, однако, то, что урочище сие окружено бесплодными местами, по которым прочного заселения завести невозможно, хотя б неудобство сие можно уменьшить заведением форпостов или так называемых редутов на казенном продовольствии.

25 июня, пятница, 17-й переход

Время выступления. 3 часа утра.

Направление дороги. 1000 оборотов – к востоку 50°; 1300 оборотов – к востоку 62°; 1500 оборотов – к востоку 70°; 400 оборотов – к востоку 45°; 1400 оборотов – к востоку 54°; 1000 оборотов – к востоку 37°; 210 оборотов – к востоку 24°.

Достойные примечания предметы. В 20½ верстах (6700 оборотов) от последнего становища команда проехала мимо кладбища, оставляя его в 50 саженях по правую сторону. На нем могила, покрытая деревянным срубом, в которой похоронен умерший за восемь лет пред сим киргизец Сатыбалды-бий.

В 20¾ верстах (6800 оборотов) команда переправилась по сухому месту чрез реку Дямбе-Тургай. Переправа по топкости глинистого дна была несколько затруднительна, и нужно было набросать хворосту, чтобы повозки в глине не завязи

17-е становище на реке Дямбе-Тургай,
от 16-го [становища] в 21,
от Усть-Уйской в 376¼ верстах

17-е становище на берегу реки Дямбе-Тургай.

Расстояние. От 16-го становища – 20 верст 458 сажен, или 6810 оборотов. От Усть-Уйской крепости – 376 верст 105 сажен, или 122 487 оборотов.

Время прибытия. 8 часов утра.

Описание становища. Река Дямбе-Тургай, или Дямбы-Тургай (*дямбе* значит вкусный, гладкий, *тургай* – жаворонок), имеет вершины свои, по словам вожаков, около ста верст от

сего места. Главное направление течения ее от северо-востока к юго-западу. Не дошедши до места переправы река делает в недальнем расстоянии поворот к западу, следовав несколько верст (как заключить можно из положения возвышений) направлению почти параллельному дороге. Около сего места, особливо к западу, она находится в средине широкой лощины, и местами разделяется на несколько рукавов. Левый берег до места переправы сопровождается на несколько верст высоким и крупным возвышением в расстоянии одной версты и более. Здесь край сего возвышения составляет угол, уклоняясь к югу и потом к юго-востоку. На нем в двух местах видно по нескольку березового лесу, которого, как уверял Язы Янов, ближе к вершинам имеется много. Соснового лесу, по его же словам, по всей реке нигде нет. Река сия только весною имеет течение, в которое время, как уверяют киргизцы, она сильно разливается. Когда вода начинает убывать, река течет плёсами, летом же перешейки между ими совершенно высыхают. Плёсы невелики, длина их различна, но широта редко превышает три сажени, глубина однако в соразмерности к ширине значительна. В них водится несколько мелкой рыбы. Вода пресная и довольна хорошая. Дно реки состоит из топкой глины, смешанной местами с песком и черноземом. Около реки растет хорошая трава, но обыкновенно только в узкой полосе по берегам, и в одном только месте примечен луг шириною около ста сажен. По берегам реки растет тальник и между им изобильно таволга.

Река Дямбе-Тургай впадает в Сары-Тургай, сей – в Кара-Тургай, и сей, принявши в себя все прочие Тургаи, числом вместе с ним всего 64, впадает в обширное соленое озеро Алабаш (Пестрая голова). Касательно величины его все киргизцы согласно утверждают, что поперечник его составляет более ста верст. По словам их, оно находится в 790 верстах от Свинцовой горы, и в таком же расстоянии (к югу) от Орской крепости. С другой стороны оно принимает еще 32 реки, называемые *Улкуяк*, из которых главная находится в 500 верстах к югу от той же крепости. Около озера киргизцы летом кочуют в великом множестве.

Поверхность пройденного пространства. Команда шла весь переход без следа по возвышенной степи. Около половины

перехода она спустилась в весьма широкий лог, разделяющийся отлогим клинообразным возвышением на две части. Переехавший чрез конец его, команда опять спустилась в лог, поднялось за ним на возвышение и шла последние четыре версты по весьма отлогому южному его скату до реки.

Почва земли. Большею частью рыхлая глина, изредка на поверхности крупный песок с мелкими валунами кварца. Местами, особливо с начала перехода, земля растрескалась, от того кочковата и для езды на колесах неудобна. В 25 саженях от реки Дямбе-Тургай с поверхности на семь вершков чернозем, под ним обыкновенная глина. В трех верстах от лагеря, на возвышении, с поверхности на семь вершков буроватая глина, смешанная с песком, под нею обыкновенный белый кремнистый песок с мелкими валунами кварца.

Растения. Трава по всему переходу – сухой ковыль и мелкий полынь. Ее так мало, что многими местами земля почти голая. В первой лощине овражек широтою от одной до трех сажен, и в нем только растет хорошая зеленая трава. О количестве травы около реки уже говорено.

Животные. Земля на высоких местах изрыта сурками.

18-й переход

Время выступления. 2 часа пополудни.

Направление дороги. 1400 оборотов – к востоку 23°; 200 оборотов – к востоку 12°; 1000 оборотов – к востоку 18°; 1100 оборотов – к востоку 2°; 1600 оборотов – к востоку 27°; 600 оборотов – к востоку 43°; 600 оборотов – к востоку 70°; 200 оборотов – к востоку 25°; 200 оборотов – к востоку 50°; 125 оборотов – к востоку 150°.

Достойные примечания предметы. В одной версте (300 оборотов) от лагеря команда переправилась по сухому месту чрез овраг, отделившийся от реки расстоянием около одной версты с левой стороны и соединяющийся с нею в таковом же расстоянием от дороги по правую сторону. По сему оврагу растет тальник и изрядная трава. Местами в ямах несколько воды.

В 2½ верстах (800 оборотов) по левую сторону, расстоянием больше одной версты от дороги, край возвышения, находящегося на левом берегу реки, делает угол и уклоняется к востоку.

В 4¼ верстах (1400 оборотов) по левую сторону дороги – немалое пространство, покрытое зеленою травою (вероятно, высохшее озеро).

Край возвышения, сделавши дугу, приближается в 4½ верстах (1500 оборотов) от реки Дямбе-Тургай к дороге, составляет здесь угол, подобный как в 800 оборотов, за ним удаляется в кривой линии понемногу от дороги, составляет опять угол и за ним уклонятся к востоку.

В 10½ верстах (3400 оборотов) возвышение, сделавши большую дугу, пересекает дорогу в виде отлогого хребта, составляющего исходящий угол. Широта его, включая оба ската, составляет около двух верст. На верхнем краю северного ската находится несколько ключей, около которых растет хорошая трава и березовый кустарник. Воды в ключах мало и не во всех она хороша. Подобных мест видно немало по всему возвышению.

В 12¼ верстах (4000 оборотов) команда спустилась с сего возвышения.

В 14¼ верстах (4600 оборотов) возвышение, сделавши к востоку дугу, приближается к дороге и сопровождает ее на некоторое расстояние по прямой линии с левой стороны.

В 16½ верстах (5400 оборотов) команда поднялась по отлогому скату на хребтообразное возвышение, пересекающее дорогу и совершенно сходное с преждеупомянутым, и проехала мимо нескольких ключей, обросших хорошим березовым кустарником и отлично хорошею травою, оставляя их в левой стороне.

В 18½ верстах (6000 оборотов) команда начала спускаться с сего возвышения по отлогому удобному скату.

В 21¼ версте (6900 оборотов) команда переправилась по сухому месту чрез реку Муинли-Тургай

18-е становище на реке Муинли-Тургай,
от 17-го [становища] в 21½,
от Усть-Уйской крепости в 397¾ верстах

18-е становище на берегу реки Муинли-Тургай.

Расстояние. От последнего становища при реке Дямбе-Тургай – 21 верста 288 сажен, или 7025 оборотов. От Усть-Уйской крепости – 397 верст 393 сажени, или 129 512 оборотов

Время прибытия. В 6 часов вечера.

Описание становища. Команда остановилась на левом берегу реки Муинли-Тургай (*муин* значит черемуха). Река сия имеет, по уверению вожаков, вершины свои около ста верст от сего места к востоку, и в 20 верстах к западу соединяется с рекою Сары-Тургай. Направление ее почти параллельно с рекою Дямбе-Тургай, с которою она и в прочем много имеет сходства. Правый берег до места переправы сопровождается расстоянием от реки около трех верст, отлогим возвышением, но левый составляет обширную равнину, мало и постепенно от реки возвышающуюся. Река сия так же только весною имеет течение и летом перешейки между плёсами пересыхают. Плёсы, или малые озера, гораздо обширнее, нежели по Дямбе-Тургаю. Вода в них пресная, хорошая, и в них водится много рыбы, большею частью карасей и больших щук. Берега сих озер круты, и высота их доходит местами до трех сажен. Дно их состоит из чистой топкой глины. Река здесь разделяется на два рукава, которые в небольшом расстоянии опять соединяются. По берегам реки растет хороший тальник, и в тех местах, где они низки, изрядная трава.

Поверхность пройденного пространства. Команда шла весь переход без следа и, кроме описанных двух возвышений, по ровному месту. Поверхность земли на возвышениях тверда, весьма гладка и для езды на колесах удобна; по равнине поверхность менее гладка и местами даже кочковата и растрескалась. Река Дямбе-Тургай удаляется с начала перехода до четырех или пяти верст от дороги, и в сем расстоянии большую часть первой половины перехода течет почти параллельно с дорогою. Вдоль по правому берегу тянется возвышение.

Почва земли. Почти по всему переходу глина; на высоких местах она смешана с мелкими валунами кварца и крупным песком; около ключей чистый чернозем. На возвышениях много мелких валунов бурого железного камня и красно-железистой яшмы. Около лагеря на низких местах с поверхности чернозем. На одном из них оказался сверху на шесть вершков чернозем и под ним желтовато-бурая затверделая глина.

Растения. Трава по всему почти переходу суха, местами весьма редка и состоит из одного ковыля (Stipa pennata). Около ключей растет хорошая зеленая и густая трава и березовый, смешанный с осиновым, кустарник. С начала перехода растет по дороге в изобилии персиковый мелкий кустарник. Мелкие орехи его покрывали все пространство, кустарником занимаемое.

Животные. По степи показывались сайги, и около реки – белые куропатки (Tetrao lagopus).

Погода. Во весь день ясно. Поутру небо чистое, около полудня показались белые облака, к вечеру они исчезли. Ветер в 2 часа утра северо-восточный слабый, около полудня восточный умеренный, в 8 часов вечера и до ночи северный, довольно сильный.

Термометр. В 2 часа утра +13,5°; в 12 часов полудня +26°; в 8 часов вечера +21°; в 10 часов +18°.

26 июня, суббота, 19-й переход, полудневка

Время выступления. 4 часа утра.

Направление дороги. 1500 оборотов – к востоку 10°; 500 оборотов – к востоку 55°; 1300 оборотов – к востоку 45°; 1300 оборотов – к востоку 30°; 800 оборотов – к востоку 42°; 1200 оборотов – к востоку 20°; 800 оборотов – к востоку 35°; 500 оборотов – к востоку 8°; 900 оборотов – к западу 18°; 600 оборотов – к западу 10°; 700 оборотов – к западу 19°; 500 оборотов – к востоку 20°; 900 оборотов – к западу 8°; 300 оборотов – к востоку 3°.

Достойные примечания предметы. В 2¾ верстах (900 оборотов) от лагеря по правую сторону дороги кладбище. На одной простой, землею покрытой могиле, шесть связок хворосту, согнуты дугами и наверху связаны вместе. Могил на сем кладбище немного, и потому заключить можно, что киргизцы кочуют около сего места (по реке) в небольшом числе.

В 7¾ верстах (2500 оборотов) команда спустилась с высоты по весьма отлогому невысокому скату и шла некоторое расстояние по низкому месту. Против сего места, по левую сторону дороги, между возвышениями находится большая низкая равнина, на которой местами видна зеленая трава, вероятно, на дне высохших озер.

В 32½ верстах (10 600 оборотов) по левую сторону, расстоянием от дороги более одной версты, на месте более и более возвышающемся – небольшая молодая осиновая рощица. Поперечник ее не более ста сажен и ни одно дерево не имеет больше трех дюймов толщины. Около сей рощицы солончаковые места, и к северу от оной находятся невысокие, но крутые горки, состоящие из белой глины. Между рощицею и дорогою растет особый род можжевельника, который находится местами и по Оренбургской губернии. Растение сие не имеет игл, но вместо их весьма мелкие, толстые, сочные и частые листья, которыми как чешуею облеплены тонкие стебельки. Запах и ягоды совершенно такие же, как у можжевельника. Корни довольно толсты, весьма длинны, лежат почти на поверхности песчаной земли, и особливо старые из них имеют совершенно сложение, цвет и запах дерева, употребляемого на отделку английских карандашей.

Команда переправилась по сухому месту чрез реку Сары-Тургай и у самой переправы остановилась.

19-е становище на реке Сары-Тургай,
от 18-го [становища] в 36¼,
от Усть-Уйской крепости в 434 верстах

19-е становище на левом берегу реки Сары-Тургай.

Расстояние. От последнего становища на реке Муинли-Тургай 36 верст 121 сажень, или 11 800 оборотов. От Усть-Уйской крепости 434 верст 14 сажен, или 141 312 оборотов.

Время прибытия. 1 час пополудни.

Описание становища. Река Сары-Тургай (по переводу – желтый жаворонок) много походит на описанные пред сим две реки – Дямбе-Тургай и Муинли-Тургай. Она только весною имеет течение, разливается тогда, по уверению вожаков, сильно по находящейся по обеим сторонам равнине, но летом перешейки между плёсами пересыхают, тогда вода течения не имеет. Плёсы большею частью невелики, однако широта их доходит иногда до пяти сажен. Берега круты, большею частью подмыты водою, но не высоки. Дно реки состоит из топкой глины, между берегами реки растет по всей длине реки много хорошего тальнику. Травы около реки мало, однако на низких местах она зелена и густа. В плёсах вода пресная и довольно рыбы: карасей, язей и щук.

Поверхность пройденного пространства. Команда шла весь переход по холмистому месту и малым возвышениям, которые к востоку более возвышались, к западу же обыкновенно сливались в возвышенные равнины. От осиновой рощицы к северу тянется вдоль по дороге ряд небольших возвышений, состоящих из белой глины, которая содержит песок, однако по промывке могла бы быть употреблена на фаянсовую посуду. Поверхность по всему переходу кочковата и для езды неудобна. Около осьми верст от Сары-Тургая к северу находится овражек, вымытой весеннею водою, но во время следования команды по всему переходу нигде воды не было.

Почва земли. По всему переходу глина, иногда чистая, иногда песчаная сухая, всегда рыхлая и даже оттого топкая; цветом обыкновенно как бледная охра, но местами красная железистая, местами совершенно белая. В осьми верстах от реки Муинли-Тургай с поверхности на восемь вершков обыкновенная песчаная глина и под нею слоистая глина, в которой небольшими гнездами селенит (гипс) и болотная железная руда. Около реки Сары-Тургай на низком месте сверху на три вершка чернозем, а под ним красновато-желтая глина. Там же найден на поверхности земли выветрившийся кусок селенита.

Растения. Травы по всему переходу весьма мало. Местами находится сухой ковыль, в прочем большею частью мелкий полынь.

Животные. Около Сары-Тургая много сайг, иногда показывались лисицы. По дороге местами видны сурочные норы.

Погода. Поутру ясно; около полудня появились облака, небо обложилось и в 6 часов вечера шел небольшой дождь. Ветер в 2 часа утра северный умеренный; в 1 час пополудни восточный, едва приметный; в 6 часов вечера северо-восточный сильный, к ночи сей ветер постепенно утихал. Жар несносный.

Термометр. В 2 часа утра +10°; в 1 час пополудни +31°; в 6 часов вечера +25°; в 9 часов +19°.

27 июня, воскресенье, 20-й переход

Время выступления. 4 часа утра.

Направление дороги. 800 оборотов – к востоку 6°; 500 оборотов – к западу 1°; 900 оборотов – к востоку 27°; 900 оборотов – к востоку 35°; 700 оборотов – к востоку 14°; 800 оборотов – к востоку 39°; 1000 оборотов – к востоку 40°; 1300 оборотов – к востоку 18°; 400 оборотов – к востоку 22°; 700 оборотов – к востоку 30°; 130 оборотов – к востоку 100°.

Достойные примечания предметы. Бесплодный сей переход так единообразен, что на нем не только любопытства достойных, но даже и таких предметов не находится, которые составляли бы хотя малую перемену в единообразии его поверхности.

20-е становище безводное,
от 19-го [становища] в 24,
от Усть-Уйской крепости в 459 верстах

20-е становище на несколько низком, но безводном месте.

Расстояние. От последнего становища на реке Сары-Тургай – 24 верст 485 сажен, или 8130 оборотов. От Усть-Уйской крепости – 459 верст, или 149442 оборота.

Время прибытия. 11 часов пред полуднем.

Описание становища. Команда остановилась на несколько низком месте, на котором, по словам вожаков, прежде было озеро, но ныне не было воды и все пространство, покрытое зеленою травою, составляющее менее ¼ квадратной версты, со-

вершенно было сухо. Все место весьма ровно и бывшее здесь озеро, по-видимому, весьма было мелко. Весною скопляется здесь вероятно несколько времени снежная вода. В траве местами растет камыш, и она сама жестка и составляет худой корм для лошадей. Место сие называется киргизцами *Чупликуль* (Травное озеро), хотя как сказанного озера уже не существует.

Поверхность пройденного пространства. Команда шла весь переход без следа по обширной, почти совершенно ровной степи, которая чрез первые 20 верст неприметно возвышается. Остальные пять верст команда шла несколько под гору. Поверхность хотя несколько кочковата, но оттого, что земля не тверда, она для езды довольно удобна.

Почва земли. По всему переходу глина обыкновенно чистая, но иногда песчаная. Около лагеря весьма твердый чернозем, смешанный несколько с глиною, и под ним обыкновенная глина. Наверху сурочьей норы найдены кристаллы гипса.

Растения. Трава по всему переходу суха и редка. Обыкновенные растения – ковыль и мелкий дикий полынь. Зеленой травы, кроме места лагеря, нигде не примечено.

Животные. Около лагеря несколько сурочьих нор. Там же показывались змеи.

21-й переход

Время выступления. 3 часа пополудни.

Направление дороги. 1500 оборотов – к востоку 2°; 1000 оборотов – к востоку 39°; 2000 оборотов – к востоку 17°; 900 оборотов – к западу 10°; 500 оборотов – к востоку 35°; 300 оборотов – к востоку 48°; 155 оборотов – к востоку 50°.

Достойные примечания предметы. В 15¾ верстах (5100 оборотов) команда переправилась чрез овраг, спустившись с небольшого возвышения, и оставив на берегу оврага по правую сторону близ дороги курган почти круглый и конический. На северном скате его – киргизская могила. Овраг начинается недалеко от дороги по правую сторону и соединяется с рекою Яллама-Тургай. В нем много небольших, но довольно глубоких ям, наполненных хорошею пресною водою. Широта

оврага от пяти до десяти сажен. Длина озерков не превосходит 12 и ширина две с половиною сажени. Овраг сей называется *Ташли-Джилга* (Каменная речка).

В 18¼ верстах (5900 оборотов) подобный же овраг, называемый *Чуланкуль* (Короткие озера). По обоим, вероятно, текут весною речки в Яллама-Тургай.

21-е становище на реке Яллама-Тургай, от 20-го [становища] в 19½, от Усть-Уйской крепости в 478½ верстах

21-е становище на правом берегу реки Яллама-Тургай.

Расстояние. От последнего становища при безводном месте 19 верст 259 сажен, или 6355 оборотов. От Усть-Уйской крепости 478 верст 259 сажен, или 155 797 оборотов.

Время прибытия. 8 часов вечера.

Описание становища. Река Яллама-Тургай делает здесь небольшой изгиб. Берега ее попеременно один крут и высок (до трех сажен), другой отлог и низок. Широта ее не ровна, но доходит до 10 и местами более сажен, местами же не больше одной сажени. Она имеет довольно приметное течение, особливо по перешейкам между плёсов, которые имеют до двух сажен глубины; перешейки напротив весьма мелки. Дно реки состоит попеременно из песку и глины и часто из обоих вместе. Вода хотя светла и чиста, но имеет солоноватый вкус.

К югу от лагеря, в расстоянии одной версты, видны две могилы, покрытые белою глиною. Выше лагеря в шести верстах впадают в Ялламу-Тургай почти в одном месте с обеих сторон две речки – Таш-Тургай и Аджи-Таш-Тургай. Между ими и лагерем кочевали в нескольких кибитках хлебопашцы баганалинского рода.

Поверхность пройденного пространства. Команда шла без следа по волнистому или, по крайней мере, не так уже ровному и единообразному месту, как предыдущий переход. К северу от кургана находится несколько низкая равнина, на которой много сухих овражков, прорытых весеннею снежною водою. Поверхность глаже и удобнее для езды, нежели по последнему пред

сим переходу. Начиная от кургана, тянется по речке Ташли-Джилга и далее по Ялламе-Тургаю небольшое возвышение.

Почва земли. По всему переходу глина большею частью обыкновенная и рыхлая, но местами цветом красная и к концу перехода белая твердая. Курган состоит с поверхности на три вершка из глины и под нею из белого кремнистого песку. Он покрыт большими и малыми отломками бурого железного камня и глинистого железного камня. Около лагеря почва состоит из песку, смешанного с глиною.

Растения. Трава – большею частью сухой редкий ковыль и местами мелкий дикий полынь. В обоих оврагах растет густая зеленая и тучная трава, но около реки ее мало. По реке растет несколько тальнику, местами камыш и по низким местам берега мята и пижма.

Животные. Около реки утки разных родов. Между ими большие красно-бурые с белыми крыльями. В реке много рыбы, особливо язей.

Погода. С утра ясно и чистое небо; около полудня появились белые облака; вечером небо облачное, и чрез большую часть ночи к северо-востоку сверкала вдали молния и несколько раз слышен был слабый гром. Ветер с утра северо-восточный слабый; около полудня – западный, довольно сильный; к вечеру – северо-западный умеренный; к ночи тихо. Во весь день жарко.

Термометр. В 3 часа утра +15°; около полудня +30°; в 9 часов вечера +20°; в 10½ часов +16°.

28 июня, понедельник, полудневка, 22-й переход

Время выступления. 12 часов полудня.

Направление дороги. 1500 оборотов – к востоку 19°; 800 оборотов – к востоку 30°; 1400 оборотов – к востоку 12°; 1000 оборотов – к востоку 5°; 2200 оборотов – к западу 10°; 1400 оборотов – к западу 36°; 400 оборотов – к западу 43°; 1200 оборотов – к западу 25°; 700 оборотов – к западу 40°; 500 оборотов – к западу 60°; 400 оборотов – к западу 30°; 511 оборотов – к западу 5°.

Достойные примечания предметы. В ¾ версты (200 оборотов) от лагеря команда, следовав вдоль по правому берегу вниз по течению реки Яллама-Тургай, переправилась чрез нее вброд. Глубина брода не более четырех вершков. Берега реки на сем месте состоит из песку и довольно отлоги, почему переправа совершилась без дальнего затруднения.

В 13¾ верстах (4500 оборотов) команда проехала прямо посредине чрез заросшее немалое, но совершенно высохшее озеро. Теперь оно от прочей степи отличается только тем, что бывшее его дно ниже окружающих его мест и покрыто хорошею зеленою травою и местами камышом. По положению места можно заключить, что озеро сие было весьма мелко. Местами на поверхности лежат мелкие раковины. По северному берегу находится оставленная киргизская пашня. Место сие называется *Тупаланкуль*.

В 25½ верстах (8300 оборотов) команда переехала через вершины оврага, который вдоль по дороге по левую сторону продолжается почти до самой реки Кара-Тургай и называется *Ащикуль* (Горькое озеро). Овраг сей не широк, но довольно глубок; около двух верст к северу от реки он делается шире и разделяется на разные небольшие рытвины и так доходит до реки. До сего места в нем небольшие, но глубокие ямы, или малые озера, с соленою водою, и в них несколько мелкой рыбы.

22-е становище на реке Кара-Тургай,
от 21-го [становища] в 37,
от Усть-Уйской крепости в 515½ верстах

22-е становище на правом берегу реки Кара-Тургай.

Расстояние. От последнего пред сим становища на реке Яллама-Тургай – 36 верст 445 сажен, или 12 011 оборотов. От Усть-Уйской крепости – 515 верст 205 сажен, или 167 808 оборотов.

Время прибытия. 8 часов вечера.

Описание становища. Команда остановилась около того же места на правом берегу реки Кара-Тургай (Черный жаворонок), где подобная же команда 1814 г. с 19-го на 20-е число

июня ночевала. Место около реки ровное. Берега высоки (более трех сажен) и круты.

Поверхность пройденного пространства. От реки Яллама-Тургай до высохшего озера Тупаланкуль место ровное; от него до вершин оврага Ащикуль холмисто и приметно возвышается; отсюда же опять делается ниже и в двух верстах от Кара-Тургая начинается низкая равнина. Поверхность от последнего лагеря до высохшего озера несколько кочковата и для езды на колесах неудобна, но далее по возвышенности и вдоль по оврагу довольно гладка. Команда шла весь переход без следа, но около Кара-Тургая вышла на дорогу 1814 г.

Почва земли. По всему пространству глина, смешанная около рек с песком. Посредине засохшего озера Тупаланкуль сухой и весьма твердый чернозем, цветом сероватый. По берегам сего озера песчаная глина. Около Кара-Тургая глина сильно смешана с песком и местами чистый песок.

Растения. По всей степи сухой ковыль, который, однако, лошади едят довольно охотно. Зеленая трава растет только по высохшему озеру и по оврагу, однако здесь весьма не много. Около Кара-Тургая, недалеко от становища, довольно изрядная трава. По оврагу же растет пижма (Tanacétum vulgare), изредка дикая спаржа и местами несколько тальнику. Около лагеря – мята.

Животные. По высоким местам показываются корсаки и изредка сайги. По оврагу и реке – утки. В Кара-Тургае весьма много рыбы, большею частью язей.

Погода. Поутру ясно, в 7½ часов местные облака и сияние солнца; в 10½ часов облака умножились и шел малый дождь в крупных каплях; к востоку густые черные громовые тучи. В 3 часа пополудни сильный дождь, сопровождаемый молниею и беспрерывным громом, принудил команду остановиться на полчаса на высохшем озере. Дождь, уменьшившись, продолжался еще целый час. В 9 часов вечера тучи начали исчезать, но в 10 часов опять сгустились и обложили все небо. Ветер с утра северо-западный слабый, в 7½ часов западный, едва приметный; в 10½ часов – западный же слабый; в 3 часа пополудни – юго-восточный сильный, в 4 часа с юго-востока

пресильная буря, в 9 часов вечера и большую часть ночи – северо-восточный сильный.

Термометр. В 4 часа утра +14°; в 6 часов +16°; в 7½ часов +21,5°; в 10½ часов +24°; в 9 часов вечера +17°; в 10 часов +12°.

Общие замечания о пространстве между урочищем Джидасу и рекою Кара-Тургай

Все пространство есть самое бесплоднейшее по всей дороге от границы до свинцового прииска. Решительно сказать можно, что хлебопашества нигде завести нельзя, исключая несколько мест около ключей по 18-му переходу, которые, впрочем, так малы, что даже внимания не заслуживают. Киргизское хлебопашество против сего утверждения ничего не доказывает, ибо киргизцы сеют почти одно только просо, которое не иначе родится как с помощью поливки, удобопроизводимой только по малым участкам поля, и не по десяти и более десятинам, которые привык засевать российский крестьянин. Сверх того нужно бы еще отыскать по рекам сенокосные места, которых во время следования команды весьма мало примечено. По сим причинам невозможно завести прочного заселения, к чему и недостаток в лесе представляет немаловажное препятствие. Даже заведение на летнее время временных форпостов сопряжено с неудобствами, между которыми важнейшее есть недостаток воды; между реками Муинли- и Сары-Тургай на 36¼ верст; между Сары-Тургаем и оврагом Ташли-Джилга на 40 верст, и между реками Яллама- и Кара-Тургай на 37 верст (вода в овраге Ащикуль соленая, как уже сказано, и только для скотины по нужде годится). Сухой ковыль, который лошади едят охотно, доставит достаточный подножный корм.

29 июня, вторник, дневка

Команда простояла весь день на месте, потому что утомленным последними большими и затруднительными переходами лошадям нужен был отдых.

Погода. С утра небо облачное, в северо-восточный сторо-
не сверкала молния и слышен был слабый гром. С 10½ часов

утра и до 1½ часов пополудни шел небольшой дождь. Тучи расходились, но к вечеру опять сгустились и обложили все небо. В 8 часов шел дождь, который продолжался около получаса. С 7 часов вечера и во всю ночь видна была к югу молния и сначала слышен был вдали гром. Ветер поутру северо-восточный умеренный, после полудня сильный, в 8 часов и во всю ночь южный слабый.

Термометр. В 4 часа утра +13°; в 8 часов +16°; в 10½ часов +19°; в 2 часа пополудни +24°; в 7 часов вечера +15°; в 11 часов +12°.

30 июня, среда, 23-й переход

Время выступления. 4 часа утра.

Направление дороги. 500 оборотов – к востоку 32°; 700 оборотов – к востоку 67°; 700 оборотов – к востоку 15°; 1100 оборотов – к востоку 36°; 600 оборотов – к востоку 27°; 800 оборотов – к востоку 30°; 400 оборотов – к востоку 70°; 300 оборотов – к востоку 22°; 800 оборотов – к востоку 65°; 600 оборотов – к востоку 90°; 400 оборотов – к востоку 30°; 145 оборотов – к востоку 60°.

Достойные примечания предметы. В трех верстах (1000 оборотов) от лагеря команда переправилась вброд чрез реку Кара-Тургай. Брод сей имел не более полуаршина глубины. Расстоянием от 22-го становища от 14¾ верст (4800 оборотов) до 16 верст (5200 оборотов) находятся по левую сторону близ дороги овраги, в которых местами вода. Они отделяются от реки и опять с нею соединяются, вероятно, они остатки прежнего течения реки.

23-е становище у оврага при реке Кара-Тургай,
от 22-го [становища] в 21½,
от Усть-Уйской крепости в 537 верстах

23-е становище у залива, недалеко от реки Кара-Тургай на левом берегу.

Расстояние. От последнего становища 21 верста 319 сажен, или 7045 оборотов. От Усть-Уйской крепости 537 верст 24 сажени, или 174 853 оборотов.

Время прибытия. 10 часов утра.

Описание становища. Команда остановилась около того места, где ровно год пред сим 30 июня 1814 г. подобная же команда в обратный путь обедала. Здесь от реки отделяется овраг, наполненный большею частью водою, и далее в трех рукавах опять с нею соединяется. Овраг сей глубок, с высокими берегами, но воды в нем было ныне меньше, нежели в 1814 г.

Поверхность пройденного пространства. Против 22-го становища, расстоянием от него около двух верст к северу, находится возвышение, которое начинается в нескольких верстах от сего места к западу и сопровождает правый берег реки чрез весь переход, расстоянием от него до трех верст. На половине перехода река приближается к сему возвышению, протекая от оного расстоянием меньше, нежели на половину версты. Около сего места отделяется с правой стороны от реки пролив, который около трех верст к западу опять с нею соединяется. Возвышение сначала не высоко, но после постепенно возвышается. Скат его к реке большую частью крут и перерывается часто оврагами, прорытыми весеннею водою. На сем возвышении, около 16 верст от 22-го становища, находится кладбище; одна могила на нем покрыта острым, почти коническим сводом из железистого песчаного камня, вышиною в 2½, широтою в поперечнике около 1¾ сажени. Камни складены большею частью на глине, но часто просто положены один на другой. Почти половина верхней части сего с восточной стороны обрушилась. Из прочих могил две покрыты белою глиною, а остальные – камнем. На одной находилась небольшая белая плита, высеченная из крупнозернистого известкового камня, на которой изображен кружок и несколько полос. Старшина Язы уверял, что сей камень вывезен по заказу из Бухарии.

Команда шла весь переход по дороге 1814 г., проложенной по ровному левому берегу реки, удаляясь от нее не более двух верст. Против половины перехода по правую сторону, около одной версты от дороги, находится длинный ров прямой, почти параллельно с дорогою, соединяющийся с небольшим

оврагом, пересекающим дорогу в 16 верстах (5200 оборотов) от 22-го становища. Направление его так прямо, что он кажется быть вырытым человеческими руками; мнение сие получает еще больше вероятия от того, что другие небольшие рвы соединяются с ним под прямыми углами. Вожаки о нем не могли дать никакого сведения. Около его видны были признаки прежнего кочевья. Весною он, вероятно, наполняется водою.

Почва земли. По дороге песчаная глина, местами песок. Дно реки состоит попеременно из глины (обыкновенно под крутыми берегами) и из песку. В первом случае оно весьма топко. Вода в реке местами (от глины) мутна и имеет белый молочный цвет. Возвышение на правом берегу состоит из глины, которая иногда белого цвета. С начала перехода находится местами на поверхности возвышения много отломков прозрачной сернокислой извести (гипсу) и много крупных кусков железистого песчаного камня. Изредка попадается в овражках *болус*.

Растения. По дороге и по возвышениям растет скудно сухой ковыль, мелкий полынь и около реки род камыша, называемый киргизцами *чий*. Местами около реки изрядная зеленая трава. Около лагеря по оврагу довольно хорошей травы. По реке местами мята (Mentha crispa) и белена (Hyoscyamus niger).

Животные. Около лагеря – барсуки, по дороге – земляные мыши (без хвостов). Около реки показывались лебеди, гуси и много уток; по дороге – дрофы; над возвышениями летали орлы.

24-й переход

Время выступления. 2 часа пополудни.

Направление дороги. 1800 оборотов – к востоку 47°; 1800 оборотов – к востоку 63°; 1500 оборотов – к востоку 48°; 300 оборотов – к востоку 150°; 500 оборотов – к востоку 50°; 300 оборотов – к востоку 90°; 97 оборотов – к востоку 70°.

Достойные примечания предметы. В 2¼ верстах (700 оборотов) от становища команда удалилась от оврага, по берегу которого шла до сего места.

В четырех верстах (1300 оборотов) по левую сторону дороги две могилы, и на каждой из них по четыре длинные связки хворосту, соединенные наверху вместе.

В 15¾ верстах (5100 оборотов) команда поравнялась с могилою, называемою *Табык-мулла*, находящеюся по левую сторону за рекою, расстоянием около четырех верст от дороги. Она покрыта хорошо сделанным кирпичным сводом.

В 18¾ верстах (6100 оборотов) команда пришла к Карасевому проливу, и шла остальное расстояние сего перехода по берегу его.

24-е становище у Карасёвого пролива, от 23-го становища в 19¼, от Усть-Уйской крепости в 556¼ верстах

24-е становище у Карасёвого пролива.

Расстояние. От последнего пред сим становища 19 верст 170 сажен, или 6297 оборотов. От Усть-Уйской крепости 556 верст 194 сажени, или 181150 оборотов.

Время прибытия. 7 часов вечера.

Описание становища. В сем Карасёвом проливе, на берегу которого остановилась команда, ныне было гораздо меньше воды, нежели в 1814 г. В некоторых озерках, которые тогда содержали даже рыбу, ныне вовсе не было воды. Хорошей травы и теперь было довольно, но она не была так тучна и не в таком изобилии, как в прошедшем году. Все сие должно почитаться последствием необыкновенной суши нынешнего лета, и сие сравнение должно быть взято основанием при заключении о плодородии прочих мест, командою пройденных.

Поверхность пройденного пространства. Возвышение, находящееся на правом берегу реки, продолжается и чрез сей переход. Оно здесь весьма ровно, представляет скат к реке беспрерывный, в прямом почти направлении и без приметных перемен в вышине. Левый берег низок, но не так ровен, как по последнему пред сим переходу. До шести верст от 23-го становища поверхность несколько возвышается, и недалеко от Карасевого пролива начинается низкая равнина. Команда шла весь переход по дороге 1814 г. Река Кара-Тургай находится от

дороги большею частью от двух до четырех верст расстоянием на левой стороне. Берега по сему переходу несколько ниже, нежели по двадцать третьему.

Почва земли. Глина с примесью большего или меньшего количества песку. На дне оврагов и по низким местам с поверхности – топкий слой чернозема.

Растения. Около дороги сухой ковыль. В овраге трава зеленая, хорошая. По всему переходу много камыша, называемого *чий*. На последней половине перехода и против лагеря по реке хороший тальник.

Животные. По реке водятся кабаны и по степи бегали во множестве сайги. Около лагеря много уток и гусей.

Погода. С утра небо облачное и пасмурно. К полудню тучи разделились и до вечера местные облака и иногда сияние солнца. В 8 часов вечера появились к востоку густые синие тучи и слышен был гром. От 9 часов до 10½ – сильный дождь с бурею, сильным громом и молнией. Во всю ночь к западу слышен гром. Ветер с утра до полудня восточный слабый, в 8 часов – северо-восточный посредственный, в 9 часов – от северо-востока сильная буря, в 10½ часов – ветер северо-восточный, весьма слабый.

Термометр. В 3 часа утра +14°; около полудня +23°; в 1 час пополудни +24,5°; в 2 часа +25°; в 8 часов вечера +21°; в 9 часов +17°.

1 июля, четверток, 25-й переход

Время выступления. 3 часа утра.

Направление дороги. 3600 оборотов – к западу 2°; 600 оборотов – к востоку 20°; 1200 оборотов – к востоку 15°; 900 оборотов – к востоку 8°; 1400 оборотов – к западу 6°; 600 оборотов – к востоку 4°; 800 оборотов – к западу 8°; 420 оборотов – к востоку 18°.

Достойные примечания предметы. В 12 верстах (3900 оборотов) от последнего становища команда переправилась не без затруднения чрез глубокий овраг с высокими крутыми берегами, который начинается, по-видимому, далеко в правой стороне, и расстоянием около одной версты к левой стороне соединяется с рекою Кара-Тургай. Весною он, вероятно, наполняется водою, которая подмывает местами берега его. На южном берегу сего оврага, около реки, находится могила, кирпичом покрытая, о которой упомянуто в журнале 1814 г.

В 13¼ верстах (4300 оборотов) по левую сторону, около 30 сажен от дороги, большая ногайская могила. На ней находится несколько киргизских могил.

В 28¾ верстах (9400 оборотов) команда переправилась вброд чрез реку Кара-Тургай, не дошедши до могилы, покрытой красною глиною, и на том самом месте, где команда 1814 г. переправилась в передний путь.

25-е становище на правом берегу реки Кара-Тургай, от 24-го становища в 29¼, от Усть-Уйской крепости в 585½ верстах

25-е становище на правом берегу реки Кара-Тургай.

Расстояние. От последнего пред сим становищем 29 верст 120 сажен, или 9520 оборотов. От Усть-Уйской крепости 585 верст 314 сажен, или 190 670 оборотов.

Время прибытия. 10½ часов пред полуднем.

Описание становища. Воды в реке было так мало, что местами не только чрез ручейки, соединяющие глубокие места между собою, перешагнуть можно, но местами вода в крупном песке почти вся исчезала. Около становища не было ни одного места, где бы глубина воды составляла более одного аршина. Несмотря на сие обстоятельство, вся река наполнена чрезвычайным множеством мелкой рыбы. Берега реки круты и имеют до двух сажен высоты. Левый берег ровен, но правый изрыт весеннею и текущею весеннею же с возвышений водою.

Поверхность пройденного пространства. Команда шла весь переход по дороге 1814 г., проложенной по левому берегу реки Кара-Тургай. Возвышение, сопровождающее правый берег, удаляется по сему переходу от дороги далее, нежели по обоим предыдущим (до 15 верст), но около 25-го становища опять к ней приближается, делается выше и круче. Левый берег ровен, однако довольно приметно возвышается в правую сторону от дороги.

Почва земли. Попеременно глина и песок, большею же частью смесь из обоих. С начала перехода больше песку. Около лагеря местами по оврагам несколько чернозема.

Растения. По всему переходу по дороге сухой ковыль, около реки местами камыш, называемый *чий*, местами зеленая трава. Около лагеря по левому берегу чий, по правому в овраге несколько зеленой травы и мелкий ивовый кустарник. На первой половине перехода растет по реке хороший тальник. Около воды по реке растет мята (Mentha crispa) и пижма (Tanacetum vulgare).

Животные. По дороге показывались сайги и корсаки. Около реки летали гуси и утки. Иногда перелетали по степи дрофы.

26-й переход

Время выступления. 3 часа пополудни.

Направление дороги. 1400 оборотов – к востоку 29°; 700 оборотов – к востоку 35°; 1100 оборотов – к востоку 26°; 1100 оборотов – к востоку 79°; 800 оборотов – к востоку 62°; 700 оборотов – к востоку 72°; 300 оборотов – к востоку 80°; 500 оборотов – к востоку 21°; 700 оборотов – к востоку 37°; 410 оборотов – к востоку 13°.

Достойные примечания предметы. В восьми верстах (2600 оборотов) от последнего становища команда приблизилась к возвышению и поднялась на оное по отлогому длинному скату. Возвышение сие, приближаясь к реке, составляет против 25-го становища, расстоянием от трех до четырех верст, угол, далее приближается опять к реке и пересекает дорогу. У угла оно состоит из чистой белой глины и скат его весьма крут. Наверху возвышения белая глина покрыта слоем обыкновенной красноватой глины. На скате возвышения находятся несколько ключей с пресною водою, имеющею однако противный серный вкус и запах. Около сих ключей растет обыкновенный камыш и местами мелкий тальник. Такие же ключи находятся местами по равнине. При одном из них примечен куст растения, походящего несколько на боярышник (Crataegus monogyna rubra). Кора красноватая гладкая, листья походят на дубовые, сучья усажены острыми иглами длиною до двух дюймов, незрелые

зеленые плоды имеют в средине косточку твердую круглую и продолговатую и весьма вяжущий вкус. По наружному виду они имеют много сходства с маслинами. Вожаки уверяли, что деревце сие растет изобильно в Бухарии.

Команда спустилась с возвышения по отлогому скату и перешла чрез широкую равнину, на которой несколько оврагов, но воды в них ныне не было. За сею равниною команда поднялась опять на весьма отлогое возвышение, на скате которого в 16½ верстах (5400 оборотов) по правую сторону дороги довольно зеленой травы и несколько ям с холодною пресною водою, имеющею, однако, слабый серный вкус и запах.

В 17¾ верстах (5800 оборотов) от последнего становища команда оставила дорогу 1814 г., своротив с нее несколько налево.

В 21 версте (6800 оборотов) команда перешла чрез овраг, при котором подобная же команда 1814 г. 22 июня обедала. Ныне в нем вовсе не было воды.

26-е становище при овраге Солено-пресном,
от 25-го становища в 23¾,
от Усть-Уйской крепости в 609¼ верстах

26-е становище при овраге Солено-пресном.

Расстояние. От последнего пред сим становища – 23 версты 340 сажен, или 7710 оборотов. От Усть-Уйской крепости – 609 верст 155 сажен, или 198 380 оборотов.

Время прибытия. 8 часов вечера.

Описание становища. Вода в озерках, находящихся в сем овраге, который в 1814 г. найден, в одних соленая, в других пресная, ныне во всех оказалась соленая, и вообще ее ныне было гораздо меньше, нежели тогда. По нужде, однако, можно ее пить и для приготовления пищи она совершенно хороша. Северный берег сего оврага высок и довольно крут. Река Кара-Тургай протекает в трех верстах от лагеря.

Поверхность пройденного пространства. Весь переход холмист и более по сторонам дороги, нежели по самой дороге. Команда шла большую часть сего перехода по дороге 1814 г. Поверхность земли большею частью весьма гладка и только

по равнине, после первого возвышения, кочковата и изрыта местами весеннею водою. Река на сем переходе удаляется до пяти верст от дороги.

Почва земли. По всему переходу глина сначала местами белая, местами красная. По возвышениям на поверхности валуны кварца, глинистого сланца и несколько кусков светлого красноватого гранита. Около озер в овраге – чернозем.

Растения. По скатам возвышений сухой, но густой ковыль; на возвышениях только весьма мало мелкого дикого полыня. В овраге Солено-пресном, около озер, трава зеленая и тучная.

Животные. Сайги около дороги бегали целыми сотнями вместе. На возвышениях много змей. В пещерках белых глиняных гор живут лисицы и там же примечены волчьи следы. Также водятся летучие мыши.

Погода. Во весь день – местные облака и сияние солнца. С 9 часов вечера небо чистое. Ветер с полуночи северо-восточный слабый, около полудня едва приметный, в 2 часа пополудни слабый, в 9 часов вечера юго-восточный слабый. Весьма тягостный жар чрез весь день до самой ночи.

Термометр. В 1 час утра +12°; в 12 часов полудня +28°; в 2 часа пополудни +30°; в 9 часов вечера +20°.

2 июля, пятница, 27-й переход

Время выступления. 4 часа утра.

Направление дороги. 400 оборотов – к востоку 80°; 400 оборотов – к востоку 4°; 900 оборотов – к востоку 48°; 1100 оборотов – к востоку 4°; 900 оборотов – к востоку 29°; 700 оборотов – к востоку 66°; 800 оборотов – к востоку 50°; 800 оборотов – к востоку 41°; 600 оборотов – к востоку 55°; 500 оборотов – к востоку 73°; 95 оборотов – к востоку 85°.

Достойные примечания предметы. В 12 верстах (3900 оборотов) от оврага Солено-пресного команда переправилась чрез реку Каменную. Она здесь состоит из небольших, но глубоких озер, однако перешейки между ими высохли и, следственно, течения в ней не было. Вода в озерках пресная, хорошая. В них водится мелкая рыба, по берегам растет отлично хорошая трава и камыш.

27-е становище на речке Сабыр,
от 26-го становища в 19½,
от Усть-Уйской крепости в 628¾ верстах

27-е становище на левом берегу речки Серой, или Сабыр.

Расстояние. От последнего пред сим становища 19 верст 167 сажен, или 6295 оборотов. От Усть-Уйской крепости 628 верст 322 сажени, или 204 675 оборотов.

Время прибытия. 9 часов утра.

Описание становища. Речка сия называется киргизцами *Сабыр-Джилга*. Она состоит из глубоких небольших озер и ныне также течение не имела. Вода в озерках хорошая пресная и в них водится довольно мелкой рыбы. По берегам их растет отлично хорошая трава. Левый берег отлог и невысок, но по правому находятся значительные возвышения. Расстоянием несколько более трех верст от лагеря к юго-западу видна на сем правом берегу высокая длинная утесистая гора, состоящая из железистого песчаного камня. На ней находились, по словам вожаков, два дворца ханских, о которых старшина Алтай уверял в 1814 г., что они находятся на горе Улутау. То только справедливо, что гора сия находится недалеко от Медной горы (Мыстау), лежащей за протекающею мимо конца сей горы рекою Кара-Тургай. От дворцов никаких остатков не осталось, и даже нельзя различить места, где они находились. Вожаки уверяли, что они разломаны киргизцами, которые камнями, из которых они были состроены, покрыли могилы, на горе находящиеся.

Поверхность пройденного пространства. Команда шла весь переход без дороги (оставляя проложенную в 1814 г. расстоянием около полутора и до двух верст в правой стороне) по немалым, но отлогим горам, которых поверхность тверда, весьма гладка и для езды на колесах очень удобна.

Почва земли. По всему переходу – глина с валунами кварца, которого особливо много на горах. Между оврагом Солено-пресным и речкою Каменною горы состоят частью из красной железистой глины. Во многих местах видны большие отломки кварца, изредка гнейса, гранита и много слюдяного сланца, который иногда составляет небольшие горы. По оврагу около лагеря почва состоит с поверхности из чернозема.

Растения. По высоким местам – густой, большею частью зеленый ковыль, и в нем разные другие растения, составляющие хороший корм для скота. По всем лощинам трава весьма хорошая и тучная. Около озер в оврагах растет несколько тальнику.

Животные. По степи бегали сайги большими табунами, около гор много лисиц, также показывались волки. По всему переходу много змей.

28-й переход

Время выступления. 2 часа пополудни.

Направление дороги. 500 оборотов – к востоку 8°; 300 оборотов – к востоку 47°; 700 оборотов – к западу 25°; 600 оборотов – к западу 3°; 1400 оборотов – к востоку 55°; 1200 оборотов – к востоку 41°; 300 оборотов – к востоку 27°; 700 оборотов – к востоку 35°; 500 оборотов – к востоку 45°; 200 оборотов – к востоку 6°; 475 оборотов – к востоку 37°.

Достойные примечание предметы. В 6½ верстах (2100 оборотов) команда вышла на дорогу 1814 г., находившуюся до сего места по правую сторону от нынешней.

В 9½ верстах (3100 оборотов) команда перешла чрез речку Утесистую. Длина ее около шести или семи верст, и начало она имеет в горах из ключей. В небольших ямах находится пресная хорошая вода, которая из одной в другою течет в виде малейшего ручейка или пробирается под землею.

28-е становище при Свинцовой горе,
от 27-го [становища] в 21,
от Усть-Уйской крепости в 649¾ верстах

28-е становище при Свинцовой горе.

Расстояние. От последнего пред сим становища – 21 верста 58 сажен, или 6875 оборотов. От Усть-Уйской крепости – 649 верст 380 сажен, или 211 550 оборотов.

Время прибытия. 7 часов вечера.

Описание становища. Команда остановилась к югу от Свинцовой горы на берегу реки Кара-Тургай. Подробное описание сделано будет ниже.

Поверхность пройденного пространства. Команда шла по дороге 1814 г., проложенной по довольно высоким, но отлогим горам. Почва так тверда и гладка, что дорога мало была приметна. Река Кара-Тургай делает по сему переходу большие изгибы; от того места, где команда перешла чрез речку Утесистую, она протекает расстоянием несколько более полуверсты.

Почва земли. Глина с множеством мелких валунов кварца. Горы состоят большею частью из слюдяного сланца, который около речки Утесистой переходит местами в гнейс. Там же попадается полевой шпат мясного цвета. По лощинам почва состоит из чернозема.

Растения. Трава по всему почти переходу зелена, и хотя ее на горах немного, но зато она отлично хороша и густа во всех лощинах. Самый ковыль здесь высок, густ и составляет хороший корм для лошадей, которые его здесь почти охотнее ели, нежели тучную траву в лощинах. По реке Утесистой растет местами камыш необыкновенной толщины, высотою в две с половиною сажени и более. Там же растет шиповник (дикая роза), черная смородина (Ribes nigrum) и по Кара-Тургаю весьма хороший тальник и в нем молодые березы, ежевика и дикий хмель (Humulus lupulus). По лощинам и около реки растет березовый кустарник и местами небольшие молодые березовые рощицы.

Животные. Около реки по горам живут в норах лисицы. По всему переходу много змей.

Погода. Весь день ясно и чистое небо, только около полудня показывались местные облака. Ветер с утра до 7½ часов вечера слабый юго-восточный, к ночи северо-восточный слабый же.

Термометр. В 3 часа утра +15°; в 10 часов +24°; в 1 час пополудни +29°; в 7½ часов вечера +21°; в 11 часов +12°.

Общие замечания о пространстве, пройденном командою вдоль по реке Кара-Тургай

Пространство сие разделяется на две части, по которым в плодородии имеется великая разность. Первая половина от 22-го становища команды до 25-го против Белых гор, по которой дорога проложена на левом берегу реки, имеет поверхность ровную, исключая возвышение, сопровождающее в разном расстоянии правый берег реки. Почва ее состоит из глины, смешанной более или менее с песком, и вообще бесплодна. Хорошая трава растет только по оврагам около озер и по низким местам берегов, которых весьма немного. По сим только местам могло бы быть заведено небольшое хлебопашество, и кроме недостаточного пространства сих узких полос земли, способность их к произрастанию хлеба подвержена еще великому сомнению. В подножном корме для скотины ощутительного недостатка нет, но хороших сенокосных мест недостает. Вода в реке хорошая, пресная, и она с великим множеством рыбы, в реке находящейся, составляет единственное преимущество сего пространства пред бесплодною степью между урочищем Джидасу и 22-м становищем. Тальник хотя и растет по реке, но только местами и в узкой полосе по берегам, и он может доставлять только для летних форпостных команд хворост для варения пищи.

Весьма выгодно против сей первой половины отличается вторая, распространяющаяся от 25-го становища против Белых гор до самой Свинцовой горы. Сие пространство гористо, особливо по левому берегу Кара-Тургая, по которому проложена дорога. Река течет здесь большею частью между каменными утесами, и хотя она обыкновенно весьма мелка, но в плёсах водится множество мелкой рыбы. Все пространство последних трех переходов (не исключая даже и гор) составляет хорошие пастбища и по лощинам имеются хорошие сенокосные места. Небольшое хлебопашество, вероятно, может быть заведено, особливо же имеется много удобных мест для огородов. Впрочем нужно заметить, что в сих местах могут быть заведены только большие селения, потому что жители малого селения не были бы в состоянии сопротивляться нападениям киргизцев, и

для таковых, кроме недостатка, который вероятно откроется в хлебородной земле и даже в лугах, недостает еще важной потребности, – лесу. Строевого во всей окружности на дальнее расстояние вовсе нет, и дровяного (большею частью тальника) весьма немного.

Описание Свинцовой горы и окружности ее

Около 150 верст от Свинцовой горы вниз по течению реки Кара-Тургай начинается на правом берегу возвышение, с начала невысокое и отлогое, но возвышающееся более и более по мере приближения к вершинам реки. В 90 верстах от начала своего оно подходит близко к реке, образует горы, прерываемые оврагами и речками, от того обыкновенно длинные, сначала большею частью отлогие, но крутые и утесистые около реки. Одна из высочайших точек сего возвышения находится в 550 саженях от берега реки около лагеря команды. Возвышение ее над поверхностью воды в реке составляет 42 сажени 2 фута 9 дюймов. Скат ее прерывается лощинками, образующими горы, окружающие с трех сторон лагерь, находившийся между ими по обоим берегам реки. Важнейшая из сих гор есть та, в которой первоначально найдена свинцовая руда и в которой производилась главная разработка. Она называется киргизцами *Кургантау* (Свинцовая гора) и просто *Кара-Кургамтау* (черное олово, свинец), хотя сие последнее название принадлежит не одной горе, но более всей окружности. Длина сей горы около 450 сажен, широта от 30 до 40 сажен, включая оба ската. Направление длины ее почти прямое, от севера к югу с небольшим отклонением к востоку. Западный скат идет параллельно с гребнем горы и довольно ровен, но восточный прерывается отделяющимся от главной горы небольшими отраслями, чрез главную из которых проходит разработанная рудная жила. Отлогость обоих скатов имеет 20, 30 и до 40 градусов склонения; гребень же вдоль по реке – около 5 градусов. Гребень горы совершенно голый, но по обоим скатам растет ковыль. На вершине горы находится киргизское кладбище. Могилы покрыты взятыми с горы камнями, складенными сводом без глины.

Состав горы. Вся гора состоит из слюдяного сланца, и поверхность ее покрыта щебнем сего минерала и глиною. Сверху камень крошится и довольно мягок, но в глубине он составляет огромные плотные массы и так тверд, что при разработке нужно было рвать его порохом. Часто, особливо по поверхности, попадается белый и серый кварц и местами сернокислая известь (гипс) в мелких кристаллах слепившихся и составляющих ноздреватое белое вещество в небольших кусках.

Жилы рудные. В 167 саженях от вершины горы она пересекается рудною жилою, в которой по восточному скату горы и по обоим скатам отделяющегося от оной возвышения производилась горная работа, длиною, включая и оставшиеся не разработанными промежутки, на 70 сажен. Направление жилы от северо-востока к юго-западу и составляют с длиною горы угол в 49 градусов 10 минут. В 36 саженях от гребня горы, или начала разработки, отделятся от главной жилы другая, к восточной стороне под углом, составляющим около 30 градусов. Оная разработка и была длиною на 23 сажени. По западному скату, как и по всей горе, производилась разведка. Жилы сии содержат чистый сплошной свинцовой блеск и частью свинчак. После разведки 1814 г. киргизцы производили сильную разработку и добыли, по слухам, до 10 000 пудов руды, которую они отвезли на верблюдах будто в Бухарию. Гора ими сильно была изрыта и об успехах в работе свидетельствовали найденные на самой горе остатки суеверного их жертвоприношения, как-то: кости верблюжьи и волоса конские из гривы и хвоста, повешенные на прутьях, в землю воткнутых.

Разработка. По прибытии команды на другой день, 3 июля пополудни, наряжены были 390 человек башкирцев и 150 человек казаков, которые разделены были на три смены, из которых каждая, состоящая из 180 человек, работала по 8 часов в сутки, и по истечении их поступали в работу другие 540 человек. Таким образом продолжалась работа до 12-го числа июля, но тогда отряжены были 300 человек на Медную гору, и сверх того оказался недостаток в инструментах, потому что запас угольев, заготовленных в южном Биль-Карагае, при беспрерывной починке и наварке инструментов скоро истребился, и хотя в окружности по реке и по лощинам достано было немало хорошего тальни-

ку и молодого березового лесу, но уголь, из них добытый, не имел потребной доброты. По сим причинам в остальное время пребывания команды на месте наряжаемо было по обстоятельствам гораздо меньшее число людей, из которых большая часть занимались перевозкою руды с горы в стан команды, разбором, очищением, взвешиванием и размещением по повозкам. Всего добыто и привезено в Троицк 6086 пудов 23 фунта свинцовой руды, вся почти из описанных жил главной горы. В числе ее находились куски чистого свинцового блеска, весом 15 пудов. На месте осталось несколько сот пудов щебня и смешанной с горною породою руды. В первые сутки добывали 600, 700 и даже в одни сутки 840 пудов. Жилы выработаны были глубиною до четырех сажен, шириною – как требовало Положение рудное, но редко больше одной сажени. Вывезенная руда переплавлена на Миясском заводе, в 140 верстах от Троицка, и получено чистого свинца около 2500 пудов.

Подробное описание горы, руды, найденных минералов и производства работы сделано будет г-ном маркшейдером Германом.

Западный утес. К западу от Свинцовой горы, начиная с половины ее до конца, находится другая длинная гора, ей подобная, разделенная от нее неширокою лощиною; и к югу от обоих и к западу от лагеря находится высокая утесистая гора, длиною до 750 сажен, широтою местами до 100 сажен, которая в виде полуострова обтекается рекою. Восточный ее скат весьма крут и утесист и непосредственно под ним течет река, западный отложнее и каменные утесы, по оному находящиеся, не высоки. Вся гора состоит из слюдяного сланца, на поверхности она покрыта щебнем сего же камня и глиною; утесы состоят из голого камня. В углу, составляемом рекою по восточному скату, находится перерывающий его овраг, по которому можно всходить на гору.

Восточная гора. К востоку от Свинцовой горы находится подобная же, как к западу, длинная, превышающая ее гора, начинающаяся недалеко от кладбища и оканчивающаяся несколько ниже рудной жилы. На сей горе находился горный обоз, и в лощине, между ею и другою, пробирные печи. К востоку от нее начинается гора высокая, которая простирается до реки. За-

падный скат ее крут и прерывается лощинами. Южный же около берега реки высок, крут, утесист и состоит из голого камня. Восточный скат имеет на несколько расстояния направление от юга к северу и сопровождает потом берег реки в разных направлениях. Высота его не ровная, но он большею частью утесист, прерывается глубокими лощинами и состоит во многих местах из голого камня. Вся гора сия состоит также из слюдяного сланца; поверхность ее покрыта щебнем и глиною. В лощинах по западному скату находятся жилы свинцового блеска, и в одной из них производилась работа. Из нее добыто около 300 пудов руды. Вдоль по направлению жил киргизцы, по возвращении уже команды 1814 г. с рудника, выкопали много неглубоких ям, но не нашед такого изобилия в хорошей руде, как в главной жиле, вероятно, не почитали выгодным производить далее работу. Руда в сих жилах не сплошная, но смешанная большею частью с горною породою.

Цепь гор к юго-востоку от лагеря. Северное продолжение сей горы, составляющее правый берег реки Кара-Тургай, соединяется расстоянием около двадцати верст с цепью гор, приближающеюся сначала к лагерю, образующею потом большой полукруг, приближающеюся к юго-востоку от лагеря на 12 верст, где она составляет исходящий угол, и продолжается потом к югу. В сей цепи отличаются пред прочими высотою и обширностью три горы.

1. Арганат-Тау, или Арган-Ат-Тау (*арган* – усталой, *ат* – лошадь), находится к востоку от лагеря расстоянием около 17 верст. Гора сия не что иное, как возвышающийся сильно над цепью длинный неровный гребень, по скату которого примечены ключи и местами березовый кустарник. Она состоит из слюдяного сланца, скат неровен и крут. К западу от нее находятся вершины реки Кара-Тургай. Отдаленность от лагеря позволяла приближаться к ней не иначе как под сильным прикрытием, но к тому недоставало людей, потому что они были заняты работой, содержанием сильных для предосторожности караулов, и по уменьшении работ на главном прииске отряжена была команда на Медную гору. Сии обстоятельства препятствовали осмотреть гору сию в подробности.

2. Куянтау (Заячья гора) находится к востоку от лагеря и составляет исходящий угол цепи, о котором уже упомянуто. Расстояние ее от лагеря около 12 верст, длина более одной версты. Она так высока, что от Свинцовой горы кажется быть в близком расстоянии, но с вершины ее с трудом только можно простыми глазами различать горы, окружающие лагерь. Гора состоит из разных минералов. Около подошвы находится слюдяный сланец, местами по южному концу и по скату его – железистая яшма и верх состоит из пудинга, составленного из весьма крупных кусков гранита и кварца, связанных кремнистым сланцем, переходящим иногда в гнейс. В кварце находится часто железный блеск. Вся гора почти состоит из голого камня, и подошва только покрыта глиною. По скату имеются ключи, из которых собирается в щелях несколько пресной воды. Около подошвы находятся ключи, изобилующие хорошею водою, которая однако из них не стекает, но превращает окружности их в болотистые места, которых почва состоит из тучного чернозема. Вокруг сих последних ключей растет много хорошей травы. Гора так крута, что с великим только трудом можно на нее всходить.

3. К юго-востоку от горы Куянтау, расстоянием не менее 25 верст, находится гора Сарытау (Желтая гора). Она, повидимому, гораздо выше всех описанных здесь гор и имеет две вершины, или состоит, может быть, из двух отдельных гор почти равной высоты. Одна из них, находящаяся к югу от другой, длиннее, и обе по наружному виду походят на прежде описанные горы.

Овраги по левому берегу реки. Пространство между сими горами и прииском довольно ровное и перерывается несколькими лощинами большею частью с крутыми и местами с утесистыми каменными берегами, и местами в них имеется несколько воды в небольших ямах. Множество округленных валунов разных камней, находящихся на дне сих лощин, доказывает, что весною по оным течет сильная вода. Утесы состоят около реки из слюдяного сланца, но выше к вершинам лощин – из такового же пудинга, который находится на горе Куянтау. Часто попадается кремнистый сланец. Против утеса, находящегося к востоку от лагеря, соединяется с рекою лощина, в которой несколько

ключей с отлично хорошею водою. Таковой же ключ находится под восточным скатом Свинцовой горы. В нем изобилие отлично хорошей воды; он был углублен, обложен по краям камнем, покрыт шалашом, из хворосту сделанным, и снабжал водою работавших на горе. При нем устроена была кузница.

Река Кара-Тургай течет здесь небольшим ручьем между крутыми берегами, находящимися один от другого в расстоянии обыкновенно 25, но иногда более, иногда менее сажен. Высота берегов доходит иногда до двух сажен, исключая те места, где река течет под утесами каменных гор. Берега состоят большею частью из глины, но дно реки покрыто песком и множеством гальки. Река образует небольшие плёсы, в которых вода имеет редко более полутора аршин глубины; между собою они соединяются малыми ручейками и местами пробираются под песком и галькою, так что поверхность суха. Несмотря на то, вода имеет в перешейках между плёсами приметное течение. Плёсы большею частью наполнены мелкою рыбою, и вода в реке пресна и чиста.

Почва земли во всей окружности состоит из глины, смешанной иногда с песком, а в лощинах и особливо около ключей – из чернозема. В одном овраге на левом берегу реки найдены признаки медной руды.

Растения. По высоким местам растет хороший густой ковыль и во всех оврагах весьма хорошая зеленая трава, которая особливо хороша и в изобилии около горы Куянтау. Вообще травы в окружности Свинцовой горы много. При команде находилось до трех тысяч лошадей, которые днем паслись не далее пяти или шести верст от лагеря, ночью же кормили их накошенною днем травою, и никогда в корме не достатка не было. По реке растет тальник и по лощинам молодые березы, которые вместе могли бы снабжать дровами небольшое селение. По реке растет ежевика, которая находится в оврагах около горы Куянтау, черная смородина, шиповник, местами, но редко костяника, мята, пижма, около горы Куянтау клубника и около ключей во множестве конский щавель. По левому берегу реки растет местами дикий лук. Около горы Куянтау и по лощинам может быть заведено небольшое хлебопашество.

Животные. Во всей окружности водятся сайги, по горам лисицы и около горы Куянтау, соответственно названию ее, зайцы. Там же показываются иногда соколы и орлы, по степи дрофы и белые куропатки, около реки гуси и утки. Хотя змей по горам обыкновенных и в реке водяных весьма много, но во все время пребывания команды на месте они ни людям, ни лошадям не причинили ни малейшего вреда.

3 июля, суббота

Погода. Во весь день небо чистое. В 10 часов вечера появились местные облака. Ветер слабый, с утра северо-восточный, в 9½ часов юго-восточный, с 6 часов до ночи опять северо-восточный.

Термометр. В 4 часа утра +15°; в 6½ часов +18,5°; в 9½ часов +27°; в 12 часов полудня +30°; в 6 часов пополудни +25; в 10 часов вечера +15°.

4 июля, воскресенье

Погода. С утра до 10 часов вечера местные облака и по временам сияние солнца. В 10 часов облака сгустились, и в 10½ часов пошел небольшой дождь, который продолжался почти всю ночь. К западу видна была вдали молния. Ветер с утра юго-западный слабый, в 1 час пополудни – северо-восточный умеренный, в 4 часа – юго-западный умеренный, в 8 часов – западный сильный, в 10½ часов – северный умеренный.

Термометр. В 4 часа утра +14°; в 6 часов +17°; в 1 час пополудни +26°; в 4 часа +25°; в 8 часов вечера +21,5°; в 10½ часов +18°.

5 июля, понедельник

Погода. С утра до полудня небо чистое, потом до 8 часов вечера местные облака, которые к ночи исчезли. Ветер западный, с утра слабый, около полудня умеренный, в 2 [часа] пополудни сильный, с 8 часов вечера юго-западный слабый.

Термометр. В 4 часа утра +13°; в 6 часов +15°; в 1 час пополудни +23°; в 2 часа +24°; в 8 часов вечера +18°.

6 июля, вторник

Погода. Во весь день небо чистое, ветер северо-западный, с утра и к вечеру слабый, около полудня умеренный.

Термометр. В 4 часа утра +14°; в 8 часов +18°; в 12 часов полудня +22°; в 8 часов вечера +16,5°.

7 июля, среда

Погода. С утра и к вечеру небо чистое, около полудня местные облака. К полуночи собрались тучи, и шел небольшой дождь. Ветер северо-западный, с утра умеренный, потом слабый.

Термометр. В 4 часа утра +10°; в 8 часов +16°; в 2 часа пополудни +22°; в 10 часов вечера +12°.

8 июля, четверток, поход к Медной горе

Киргизцы, при команде находившиеся, полагая особую важность в открытии Медной горы, старались скрывать положение ее. Все объявления их не сходствовали между собою, и только показание усердного и прямодушного старшины Язы Янова приближалось к истине. Ласки, оказываемые им г-ном начальником команды подполковником и кавалером Феофилатьевым, и больше еще подарки убедили их, по советованию между собою, показать сию гору. Накануне осматривали ее еще Алтай Миняшев и Язы Янов для того, чтобы узнать ближайшую к ней дорогу. Сим г-н начальник и господа маркшейдер Герман, практикант Порозов и поручик Генс отправились туда под прикрытием трехсот человек башкирцев и казаков, когда киргизцы показали готовность их вести.

Обод колеса, употребленного для измерения дороги, составлял 1 сажен 3 фута 3¼ дюйма.

Время выступления. 6 часов утра.

Направление дороги. 600 оборотов – к западу 5°; 700 оборотов – к западу 133°; 700 оборотов – к западу 113°; 1000 оборотов – к западу 123°; 300 оборотов – к западу 115°; 700 оборотов – к западу 104°; 3000 оборотов – к западу 96°; 452 оборота – к западу 82°.

Достойные примечания предметы. Обороты колеса начали считать от переправы чрез реку Кара-Тургай.

В 1¾ версте (600 оборотов) команда обходила возвышение, находящееся против южного конца длинной утесистой горы, отделяющейся от Свинцовой, к западу от лагеря.

В 2¾ верстах (900 оборотов) команда находилась против угла, составляемого рекою по восточному скату сей горы.

В 17¾ верстах (6000 оборотов) несколько возвышенное место, которое по левую сторону довольно крутым скатом сопровождает на небольшое расстояние дорогу. Около сего места несколько могил. За возвышением широкий лог.

Мыстау, в 21¾ версте от Свинцовой горы

Становище на Медной горе.

Расстояние. От лагеря при Свинцовой горе 21 верста 434 сажени, или 7452 оборота.

Время прибытия. 10 часов пред полуднем.

Описание становища. На несколько возвышенном месте, к югу от реки Кара-Тургай, расстоянием от нее около восьми или несколько более верст находится неглубокая яма, круглая, имеющая в поперечнике около сорока сажен, окруженная насыпью вышиною до двух с половиною сажен, состоящею из глины цветом большею частью красной и кусков порфира, окрашенного медною зеленью, иногда медною чернью, синью, и проникнутою изредка самородною медью. Яма сия не что иное как завалившаяся шахта, о глубине которой можно судить по величине насыпи. Прежние обитатели сей страны, производя сильную разработку, отбирали, вероятно, только самую лучшую руду, и вместе с глиною бросали ту, которая теперь составляет почти половину насыпи. Опыты, которые учинятся над вывезенными 107 пудами 13 фунтами сей руды, докажут

содержание в ней металла, но по взгляду можно полагать, что 100 пудов руды дадут не менее четырех пудов чистой меди.

Примечание. Ныне руда сия переплавлена и получено из ней 7 пудов 35 фунтов чистой меди. В полутора верстах от сей прежней разработки течет небольшая речка, называемая *Канчебулган*, продолжающаяся до Кара-Тургая, в которой хорошая пресная вода. По сей речке найден утес, состоящий из порфира, проникнутого медною зеленью.

Поверхность пройденного пространства. Отряд шел по волнистому левому берегу реки, удаляясь от нее постепенно. К югу степь понемногу возвышается. Поверхность довольно гладка и для езды на колесах удобна. Горы, сопровождающие правый берег реки, чрез весь переход были видны по правую сторону дороги в разном расстоянии.

Почва земли. По всему переходу глина, большею частью обыкновенная, но местами красная железистая. Около дороги найдены местами валуны бурого железного и песчаного железного камня. На возвышении, находящемся по дороге в 17¾ верстах от Свинцовой горы, находится на поверхности много небольших кусков змеевика желто-зеленого цвета и опала в небольших кусочках, длиною и шириною до двух дюймов, толщиною редко более третьей доли дюйма. Опал обыкновенно обеих сторон покрыт тонким слоем серпентина. Там же попадается сернокислый барит (тяжелый шпат).

Растения. Большею частью сухой ковыль, местами и около речки зеленая трава, составляющая достаточный корм для скотины.

Животные. По степи бегали сайги и лисицы. Иногда перелетали водяные птицы.

Подробное минералогическое описание Медной горы и окружности ее доставлено будет от г-на маркшейдера Германа.

Погода. Поутру погода пасмурная; в 6 часов пошел мелкий дождь, который продолжался около часа. Около полудня местные облака, к вечеру небо чистое. Поутру совершенно тихо. В 8 часов поднялся юго-западный ветер, который от полудня до 4 часов был силен, но потом постепенно утихал, и в 10 часов вечера дул только весьма слабо.

Термометр. В 5 часов утра +15°; в 6 часов +19°; в 1 час пополудни +25°; в 8 часов вечера +21°; в 10 часов +17°.

Термометр находился в лагере при Свинцовой горе.

9 июля, пятница

Погода. С утра небо чистое, от полудня до вечера – местные облака и сияние солнца. Ветер во весь день северо-западный слабый.

Термометр. В 4 часа утра +13°; в 6 часов +15°; в 2 часа пополудни +22°; в 10 часов вечера +14°.

10 июля, суббота

Погода. С утра до полудня небо чистое, потом до ночи местные облака. Ветер слабый, с утра северо-восточный, пополудни – северо-западный.

Термометр. В 4 часа утра +11°; в 7½ часов +13,5°; в 1 час пополудни +18°; в 10 часов вечера +13°.

11 июля, воскресенье

Погода. С утра небо чистое, от полудня до 10 часов вечера местные облака. Ветер слабый, до полудня юго-восточный, потом северо-восточный.

Термометр. В 4 часа утра +12°; в 6 часов +13°; в 1 час пополудни +24°; в 10 часов вечера +16°.

12 июля, понедельник

Погода. С утра до 11 часов пред полуднем небо облачное и по временам мелкий дождь, потом местные облака и сияние солнца. Ветер весь день слабый северо-восточный.

Термометр. В 5 часа утра +16°; в 1 час пополудни +25°; в 11 часов вечера +15°.

13 июля, вторник

Погода. Небо облачное, пополудни по временам сияние солнца. Ветер юго-западный, до 7 часов утра слабый, потом до 2 часов пополудни весьма сильный порывистый; к вечеру западный слабый. В 1 час пополудни дождь в редких, но весьма крупных каплях, который продолжался около получаса.

Термометр. В 5 часов утра +15°; в 8 часов +18°; в 1 час пополудни +21,5°; в 10 часов вечера +16°.

14 июля, среда

Погода. С утра до полудня небо чистое, потом местные облака и сияние солнца. Ветер поутру западный слабый, с полудня северо-западный умеренный, к ночи едва приметный.

Термометр. В 4 часа утра +10°; в 6 часов +12°; в 1 час пополудни +19°; в 10 часов вечера +8°.

15 июля, четверток

Погода. Во весь день местные облака и сияние солнца. Ветер северо-западный, с утра и к вечеру слабый, около полудня умеренный.

Термометр. В 4 часа утра +7°; в 7 часов +9,5°; в 1 час пополудни +19°; в 11 часов вечера +12°.

16 июля, пятница

Погода. Во весь день местные облака и сияние солнца. Ветер северо-восточный, с утр слабый, около полудня умеренный, к ночи совершенно тихо.

Термометр. В 4 часа утра +12°; в 7 часов +14; в 1 час пополудни +21°; в 11 часов вечера +9°.

17 июля, суббота

Погода. Во весь день ясно и чистое небо. Ветер с утра южный, весьма слабый; около полудня северо-западный умеренный, к ночи совершенно тихо.

Термометр. В 4 часа утра +11°; в 7½ часов +14°; в 2 час пополудни +24°; в 11 часов вечера +17°.

18 июля, воскресенье

Погода. С утра небо чистое, около полудня появились тучи, и шел небольшой дождь в крупных каплях, потом до вечера местные облака и по временам сияние солнца. Поутру и вечером совершенно тихо, около полудня ветер северо-восточный умеренный.

Термометр. В 4 часа утра +14°; в 7 часов +18°; в 12 часов полудня +25°; в 1 час пополудни +27°; в 11 часов вечера +15°.

19 июля, понедельник

Погода. С утра небо чистое, с 2 часов пополудни местные облака и по временам сияние солнца. Ветер во весь день северный, поутру и к вечеру слабый, около полудня умеренный.

Термометр. В 4 часа утра +13°; в 6 часов +16°; в 2 часа пополудни +25°; в 11 часов вечера +16°.

20 июля, вторник, 29-й переход

Между прочими препоручениями возложено было на чиновников, при команде находившихся, осмотреть реку Ишим и описать пространство, находящееся между ею и Свинцовою горою, но все объявления вожаков по сему предмету были так разнообразны, что нельзя было решиться послать особый отряд в страну неизвестную, особливо еще потому, что все киргизцы старались представлять затруднения и опасность, сопряженные с произведением в действо такового предприятия. Расстояние от Свинцовой горы до сказанной реки все полагали различно, от 300 даже до 1000 верст, и сверх того они старались уверять, что по оной кочует летом великое множество киргизцев, которые верно старались бы удалить команду всеми силами от кочевья их, и что по необыкновенной суши сего лета в походе верно окажется недостаток в воде. Река Ишим приближается,

по их словам, к нынешней дороге наиболее около реки Яллама-Тургай.

Не имея кроме сего обстоятельства дальней надобности оставаться далее на Свинцовой горе, команда выступила в обратный поход.

Время выступления. 2 часа пополудни.

Команда следовала собственной своей прежней дороге.

29-е становище на речке Утесистой,
от Свинцовой горы в 11½ верстах

29-е становище на речке Утесистой, около 100 сажен к югу от дороги и немного более от реки Кара-Тургай.

Расстояние. От Свинцовой горы 11½ верст.

Время прибытия. 5 часов пополудни.

Погода. С утра небо облачное, около полудня – тонкие полупрозрачные облака, к вечеру небо чистое. Поутру совершенно тихо; около 10 часов поднялся слабый северный ветер, который усиливался до 2 часов пополудни, но потом ослабевал; к ночи сделалось совершено тихо.

Термометр. В 4 часа утра +13°; в 8 часов +17°; в 1 час пополудни +22,5°; в 11 часов вечера +11°.

21 июля, среда, 30-й переход

Время выступления. 4 часа утра.

Команда следовала [по] прежней дороге только несколько верст, потом шла по дороге 1814 г., оставляя новую недалеко в правой стороне.

30-е становище на речке Солено-пресной,
от 29-го [становища] в 29,
от Свинцовой горы в 40½ верстах

30-е становище на речке Солено-пресной

Расстояние. От последнего пред сим становища 29, от Свинцовой горы 40½ верст.

Время прибытия. 11 часов пред полуднем.

31 переход

Время выступления. 3 часа пополудни.

Команда следовала по прежней дороге.

31-е становище на правом берегу Кара-Тургая,
от 30-го [становища] в 20¾,
от Свинцовой горы в 61¼ верстах

31-е становище на правом берегу реки Кара-Тургай, не доехав три версты до переправы при 25-м становище.

Расстояние. От последнего пред сим становища – 20¾, от Свинцовой горы – 61¼ версты.

Время прибытия. 7½ часов вечера.

Погода. Во весь день небо чистое. Ветер северный, поутру слабый, около полудня умеренный, вечером весьма слабый.

Термометр. В 4 часа утра +7,5°; в 1 час пополудни +19°; в 11 часов вечера +10°.

22 июля, четверток, дневка

Погода. Во весь день небо чистое и слабый восточный ветер, который к ночи совершенно утих.

Термометр. В 4 часа утра +13°; в 6 часов +17°; в 1 час пополудни +21°; в 11 часов вечера +12°.

23 июля, пятница, 32-й переход

Время выступления. 3 часа утра.

Команда следовала по прежней своей дороге.

32-е становище при Карасёвом проливе,
от 31-го [становища] в 31¼, от Свинцовой горы
в 92½ верстах

32-е становище при Карасёвом проливе, не доехав одну версту до 24-го становища.

Расстояние. От последнего перед сим становища – 31¼, от Свинцовой горы – 92½ версты.

Время прибытия. 10 часов пред полуднем.

33-й переход

Время выступления. 3 часа пополудни.
Команда следовало по прежней дороге.

33-е становище при овраге около Кара-Тургая, от 32-го [становища] в 20¼, от Свинцовой горы в 112¾ верстах

33-е становище при овраге, отделяющемся от реки Кара-Тургай, на том же месте, где было 23-е становище.

Расстояние. От последнего пред сим становища – 20¼, от Свинцовой горы – 112¾ верст.

Время прибытия. 7 часов вечера.

Погода. С утра небо чистое, от полудня до ночи – местные облака. До полудня тихо, потом до ночи слабый северо-восточный ветер.

Термометр. В 3 часа утра +5°; в 1 час пополудни +24°; в 10 часов вечера +14°.

24 июля, суббота, 34-й переход

Время выступления. 3½ часа утра.
Команда следовала по прежней дороге.

34-е становище на левом берегу Кара-Тургая, от 33-го [становища] в 16½, от Свинцовой горы в 129¼ верстах

34-е становище на левом берегу реки Кара-Тургай, не доехав две версты до переправы и пять верст до 22-го становища.

Расстояние. От последнего пред сим становища – 16½, от Свинцовой горы – 129¼ верст.

Время прибытия. 10 часов пред полуднем.

35-й переход

Время выступления. 3 часа пополудни.

Команда следовала по прежней дороге около четырех верст, потом шла около трех верст без следа, оставляя дорогу по левую сторону, и вышла опять на дорогу 1815 г.

35-е становище при овраге Ащикуль, от 34-го [становища] в 13, от Свинцовой горы в 142¼ верстах

35-е становище при овраге Ащикуль (Горькие озера), в восьми верстах от 22-го становища.

Расстояние. От последнего пред сим становища 13, от Свинцовой горы 14¼ версты.

Погода. С утра небо облачное, около полудня местные облака и сияние солнца, к ночи облака сгустились. Ветер с утра северный, весьма слабый; около полудня – юго-восточный слабый, к ночи тихо.

Термометр. В 3 часа утра +8°; в 1 час пополудни +26°; в 11 часов вечера +18°.

25 июля, воскресенье, 36-й переход

Время выступления. 3½ часа утра.
Команда следовала по прежней своей дороге.

36-е становище [у] Яллама-Тургая, от 35-го [становища] в 28, от Свинцовой горы в 170¼ верстах

36-е становище на левом берегу реки Яллама-Тургай, не доехав одну версту до того места, где было 21-е становище.

Расстояние. От последнего пред сим становища – 28, от Свинцовой горы – 170¼ верст.

Время прибытия. 11 часов пред полуднем.

37-й переход

Время выступления. 3 часа пополудни.

Команда следовала по прежней своей дороге.

37-е становище при Ташли-Джилга,
от 36-го [становища] в 4¾, от Свинцовой горы
в 175 верстах

37-е становище на речке Ташли-Джилга около кургана.

Расстояние. От последнего пред сим становища 4¾, от Свинцовой горы 175 верст.

Время прибытия. 4½ часа пополудни.

Погода. Во весь день небо облачное. Облака понемногу исчезали, и к ночи сделалось совершенно ясно. Поутру тихо, около полудня ветер юго-западный умеренный, к ночи весьма слабый.

Термометр. В 3 часа утра+15°; в 1½ часа пополудни +28,5°; в 11 часов вечера +15°.

26 июля, понедельник, 38-й переход

Время выступления. 3 часа утра.

Команда следовала по прежней своей дороге.

38-е становище, сухая [степь],
от 37-го [становища] в 23¾, от Свинцовой горы
в 198¾ верстах

38-е становище на сухой степи без воды. Лошади должны были довольствоваться одним ковылем, который здесь растет в изобилии, но сухой, люди взяли с собою воду в запас из речки Ташли-Джилга.

Расстояние. От последнего пред сим становища 23¾, от Свинцовой горы 198¾ верст.

Время прибытия. 10 часов пред полуднем.

39-й переход

Время выступления. 2 часа пополудни.

Команда следовала по прежней своей дороге, однако около реки удалилась от нее несколько вправо.

39-е становище при реке Сары-Тургай,
от 38-го [становища] в 17, от Свинцовой горы
в 215¾ верст

39-е становище на правом берегу реки Сары-Тургай.

Расстояние. От последнего пред сим становища – 17, от Свинцовой горы – 215¾ верст.

Время прибытия. 6 часов пополудни.

Погода. С утра небо чистое, пополудни многие белые облака. Ветер северо-восточный, поутру и вечером слабый, около полудня умеренный.

Термометр. В 3 часа утра +12°; в 7 часов +15°; в 1 час пополудни +24°; в 11 часов вечера +14°.

27 июля, вторник, дневка

Погода. С утра небо чистое, пополудни местные густые облака. Ветер северо-восточный, поутру и вечером – слабый, около полудня умеренный.

Термометр. В 4 часа утра +12°; в 7 часов +15°; в 1 час пополудни +24°; в 11 часов вечера +14°.

28 июля, среда, 40-й переход, полудневка

Время выступления. 2 часа утра.

Команда следовала по прежней своей дороге.

40-е становище на реке Муинли-Тургай,
от 39-го [становища] в 36½, от Свинцовой горы
в 252¾ верстах

40-е становище на левом берегу реки Муинли-Тургай у самой переправы.

Расстояние. От последнего становища при реке Сары-Тургай 36½ , от Свинцовой горы 252¾ версты.

Время прибытия. 1 час пополудни.

Погода. До полудня – многие белые облака, потом небо чистое. Ветер поутру почти неприметный северо-восточный, с полудня – слабый северный.

Термометр. В 2 часа утра +10°; в 1½ час пополудни +18°; в 11 часов вечера +12°.

29 июля, четверток, 41-й переход, полудневка

Время выступления. 3 часа утра.

Команда следовала по прежней своей дороге.

41-е становище при реке Дямбе-Тургай, от 40-го [становища] в 21¼, от Свинцовой горы в 273½ верстах

41-е становище на правом берегу реки Дямбе-Тургай, около одной версты к западу от места переправы.

Расстояние. От последнего становища при реке Муинли-Тургай 21¼, от Свинцовой горы 273½ верст.

Время прибытия. 9 часов утра.

Погода. Во весь день небо чистое. Ветер слабый, до полудня северный, потом юго-восточный. К ночи тихо.

Термометр. В 3 часа утра +7°; в 1 час пополудни +15°; в 11 часов вечера +12°.

30 июля, пятница, 42-й переход

Время выступления. 3 часа утра.

Команда шла по прежней своей дороге.

42-е становище при седьмом овраге урочища Джидасу, от 41-го становища в 21, от Свинцовой горы в 294½ верстах

42-е становище при седьмом овраге урочища Джидасу.

Расстояние. От последнего становища при реке Дямбе-Тургай 21, от Свинцовой горы 294½ версты.

Время прибытия. 8½ часов утра.

43-й переход

Время выступления. 3 часа пополудни.

Команда следовала по прежней своей дороге.

43-е становище при пятом овраге урочища Джидасу, от 42-го [становища] в 6½, от Свинцовой горы 301 версте

43-е становище в пятой лощине урочища Джидасу при ручейке.

Расстояние. От последнего пред сим становища 6½, от Свинцовой горы 301 верста.

Время прибытия. 4½ часа пополудни.

Погода. Небо облачное и пасмурно. В 10 часов пошел мелкий дождь, который с остановками продолжался до 1 часа пополудни, тогда пошел довольно сильный дождь, который продолжался до 3 часов пополудни, потом облака исчезали, но к ночи опять сгустились, обложили все небо, и с 10 часов вечера до утра шел довольно сильный дождь.

Термометр. В 3 часа утра +12°; в 10 часов +13,5°; в 1 час пополудни +12,5; в 10 часов вечера +10°.

31 июля, суббота, 44-й переход

Время выступления. 3 часа пополудни.

Команда следовала по прежней своей дороге.

44-е становище за третьей лощиной урочища Джидасу, от 43-го [становища] в 19¼, от Свинцовой горы в 320¼ верстах

44-е становище при ключах, находящихся по скату возвышения, сопровождающего с восточной стороны низкую бесплодную равнину, простирающуюся от озера Наурзум до

Аман-Карагая, в ¾ версты к северу от третьей лощины урочища Джидасу.

Расстояние. От последнего становища при ручейке – 19¼, от Свинцовой горы – 320¼ верст.

Время прибытия. 10 часов пред полуднем.

45-й переход

Время выступления. 3 часа пополудни.

Команда следовала по прежней своей дороге, но, не доехав две версты, своротила с нее направо.

45-е становище при первой лощине урочища Джидасу, от 44-го [становища] в 12¼, от Свинцовой горы в 332½ верстах

45-е становище на северном скате первой лощины урочища Джидасу, около одной версты к востоку от того места, где было 14-е становище.

Расстояние. От последнего пред сим становища – 12¼, от Свинцовой горы – 332½ версты.

Время прибытия. 6 часов пополудни.

Погода. С утра небо облачное, около полудня – местные облака, к вечеру небо чистое. Ветер юго-восточный, с утра слабый, около полудня умеренный, к вечеру тихо.

Термометр. В 3 часа утра +11°; в 2 часа пополудни +19,5°; в 10 часов вечера +13°.

1 августа, воскресенье, полудневка, 46-й переход

Около полудня пришли в лагерь 15 человек киргизцев и привели четырех баранов, которых они променяли на двух усталых лошадей.

Время выступления. 2½ часа пополудни.

Направление дороги. 800 оборотов колеса (того же, которое было употреблено в передний путь) – к востоку 5°; 1100 оборотов – к западу 3°; 1100 оборотов – к западу 9°;

200 оборотов – к востоку 10°; 400 оборотов – к востоку 39°; 840 оборотов – к востоку 24°.

Достойные примечания предметы. В 2½ верстах (800 оборотов) от 45-го становища в правую сторону, расстоянием от дороги около двух или несколько более верст, березовая рощица длиною не более трехсот сажен. От сей рощицы идет поперек дороги лощина, которая мало ниже окружающего ее пространства. Широта ее более одной версты, в ней несколько овражков, вырытых весеннею водою, растет отлично хорошая трава, которая однако уже начала высыхать.

В 9¼ верстах (3000 оборотов) по правую сторону дороги, расстоянием около полуверсты, ногайская могила.

В 12¼ верстах (4000 оборотов) команда спустилась с возвышения.

В 12½ верстах (4100 оборотов) команда переправилась чрез овраг, называемый киргизцами речкою *Бай-Назар-Карасу* (*бай* – богатый, *Назар* – имя собственное, *карасу* – черная вода, под каким названием киргизцы разумеют речку и пресную воду). По правую сторону дороги местами в ямах несколько воды.

В 13¼ верстах (4300 оборотов) команда начала подниматься опять на возвышение.

46-е становище, Бай-Назар-Сандал, от 45-го [становища] в 16¾, от Свинцовой горы в 349¼ верстах

46-е становище при урочище Бай-Назар-Сандал.

Расстояние. От последнего пред сим становища – 16 верст 354 сажени, или 5440 оборотов. От Свинцовой горы – 349 верст 123 сажени, или 113 708 оборотов.

Время прибытия. 6½ часов вечера.

Описание становища. На скате возвышения ключи с хорошею пресною водою, которая однако не так чиста вкусом как по урочищу Джидасу, вероятно, оттого, что киргизцы набросали в ямы, в которых наполняется вода, разную нечистоту. В одном ключе она была чиста и хороша, но в прочих мутна и белого цвета от глины, составляющей дно ям. Около ключей и по

всему (обращенному к северо-западу) скату возвышения растет весьма хорошая зеленая трава в изобилии. Большая часть поверхности ската наводняется вытекающею из ключей малыми ручейками водою, и местами она топка и болотиста, подошва же возвышения совершенна суха, как вся бесплодная низкая многоупомянутая равнина. По скату растут одинокие крупные березы и между ими несколько мелкого березового кустарника. Оставшиеся толстые пни доказывают, что здесь были прежде хорошие рощи вдоль по гребню ската возвышения. Вдали к северо-западу видна была гора Дуллагай.

Поверхность пройденного пространства. Команда шла по возвышенной равнине, которой западный скат находился в разном расстоянии от дороги, но нигде далее двух верст. В 12¼ верстах от 45-го становища скат сей пересекает дорогу, удаляется от нее больше одной версты и делает там угол, в котором видны на нем березы и кустарник. Здесь начинается из ключей речка Бай-Назар-Карасу, которая только весною имеет течение, но тогда, как уверяли киргизцы, наводняет большую часть низкой равнины. От сего угла скат идет опять к востоку, пересекает дорогу в 14 верстах от 45-го становища и недалеко от сего места к западу делает угол и направляется к северу, не удаляясь много от дороги. Все пространство от сего угла до становища усажено редкими, но крупными березами, между которыми несколько березового кустарника. Местами находятся ключи. К востоку от дороги высокая равнина понемногу возвышается. Команда шла без следа, оставляя прежнюю свою дорогу в левой стороне. Поверхность возвышенной равнины ровна, весьма гладка и для езды на колесах удобнее многих набитых дорог, но по низменности по обеим сторонам речки Бай-Назар-Карасу поверхность растрескалась и кочковата.

Почва земли. По возвышению с поверхности крупный песок, смешанный (местами довольно изобильно) с черноземом и местами валунами кварца; по обеим сторонам речки на низменности чистая глина; на возвышении на последних трех верстах с поверхности крупный песок с мелкими валунами кварца и местами в смеси несколько чернозема; под ними белая глина. Около становища такая же глина под песком и кварцем. Около ключей чистый чернозем.

Растения. Травы с начала перехода много и она большею частью свежа и зелена. На последних трех верстах около дороги травы мало, но тем больше ее около ключей на скате возвышения и около лагеря. На низкой равнине только местами сухой ковыль. Особых растений не замечено.

Животные. По всему переходу показывались сайги. Башкирцы поймали ежа.

Погода. Весь день многие светлые облака; к ночи небо чистое. Ветер слабый, до полудня северо-западный, потом северо-восточный.

Термометр. В 5 часов утра +15°; в 1 час пополудни +23°; в 10 часов вечера +14°.

2 августа, понедельник, 47-й переход, полудневка

Время выступления. 3 часа утра.

Направление дороги. 1300 оборотов – к западу 3°; 800 оборотов – к западу 18°; 1000 оборотов – к западу 10°; 300 оборотов – к западу 35°; 300 оборотов – к западу 46°; 1100 оборотов – к западу 52°; 1000 оборотов – к западу 73°; 70 оборотов – к западу 67°.

Достойные примечания предметы. В ¼ версты (100 оборотов) команда спустилась с возвышения, на котором ночевала, и шла по низкой бесплодной равнине.

В 4 верстах (1300 оборотов) команда поднялась на низкий и длинный бугор, отделяющийся от возвышения, находящегося в правой стороне, и пересекающий дорогу.

В 4½ верстах (1500 оборотов) команда спустилась с сего бугра.

В 15 верстах (4800 оборотов) команда переправилась чрез овраг, разделяющийся здесь на несколько рукавов и продолжающийся довольно далеко в правую сторону от дороги. В ту же сторону около дороги местами в нем несколько воды; и он соединяется с речкою Чебень. Весною по всему оврагу течет, вероятно, река Убаган.

47-е становище, речка Чебень,
от 46-го [становища] в 18, от Свинцовой горы
в 367¼ верстах

47-е становище при речке Чебень.

Расстояние. От последнего пред сим становища – 18 верст 14 сажен, или 5870 оборотов. От Свинцовой горы – 367 верст 137 сажен, или 19 578 оборотов.

Время прибытия. 8½ часов утра.

Описание становища. Речка Чебень, или Чебенли, начинается к востоку от лагеря на возвышении, где она имеет название Терекли, конец же ее называется *Чебенли*, от растущего при нем тальника, но состоит почти до сего места из сухого оврага. Здесь скопляющаяся вода составляет на полторы версты разные, большею частью между собою соединяющиеся, глубокие озера, которых ширина простирается местами до пятнадцати сажен. Из сего явствует, что она летом течения не имеет, но, по словам киргизцев, она весною сильно разливается и продолжается к западу, где она, напитав глинистую почву по низким местам водою, служит во время жаров причиною трещинам, которые столько затрудняли команду на 13-м переходе. Берега ее низки и весьма отлоги; дно ее состоит из глины и потому топко. В ней довольно мелкой рыбы, особливо язей, чебаков и карасей. По берегам растет чрезвычайно густая и высокая трава, чрез которую даже трудно проходить, и много хорошего тальнику. Весьма твердая почва берегов состоит из глины, смешанной с черноземом. Если б она и была способна к хлебопашеству, но завести оное неудобно по малому пространству сей полосы земли около реки, и больше потому, что с заведением хлебопашества уничтожится единственное сенокосное место. Сверх сего неудобства, еще весенние наводнения запрещают завести здесь прочное селение, но для временного форпоста на летнее время имеется все потребное.

Поверхность пройденного пространства. Исключая упомянутый выше бугор, команда шла по низкой бесплодной равнине, которая довольно описана при 13-м и 14-м переходе, в передний путь. Скат возвышения с самого начала перехода удаляется от дороги, и от лагеря при речке Чебень находится

расстоянием около пятнадцати верст. На половине перехода он удаляется наиболее от дороги и составляет угол, в котором он перерывается речкою Терекли. Команда шла без дороги. Земля местами истрескалась и от того обоз проходил сей переход не без труда.

Почва земли. По всему переходу глина, смешанная, однако, местами с черноземом.

Растения. В углу, составляемом скатом возвышения, к востоку от дороги находится сосновый лесочек северный Биль-Карагай. Длина его около трех верст. Сухой ковыль составляет единственное растение по всему переходу; местами он довольно густ, но местами почти вовсе его нет.

Животные. Около лагеря показывались часто сайги и лисицы, также много уток и куликов.

Погода. Поутру небо облачно и пасмурно; с прибытия на место – многие местные облака и изредка сияние солнца. Ветер северо-восточный, поутру слабый, в 2 часа пополудни сильный, потом слабее и, наконец, к ночи тихо.

Термометр. В 2 часа утра +15°; в 2 часа пополудни +21°; в 10 часов вечера +10°.

***

Киргизский старшина Язы Янов, по убеждениям г-на подполковника и кавалера Феофилатьева, согласился вести особую команду без обоза прямо к Звериноголовский крепости; и на сей конец отряжены были под начальство инженер-поручика Генса всего 208 человек, которые выступили на другой день особою дорогою, которая описана будет особо.

При главной команде осталось 1403 человека с обозом, и она пошла прямо к Троицку.

3 августа, вторник, 48-й переход

Время выступления. 3 часа утра.

Направление дороги. 2700 оборотов – к востоку 3°; 1600 оборотов – к западу 34°; 1100 оборотов – к западу 50°; 400 оборотов – к западу 2°; 1800 оборотов – к востоку 7°; 200 оборотов – к западу 20°; 325 оборотов – к западу 31°.

Достойные примечания предметы. В трех верстах (1000 оборотов) от 47-го становища земля от жаров, на расстояние трех верст по дороге, сильно истрескалась.

В 13¼ верстах (4300 оборотов) по левую сторону дороги, расстоянием около одной версты – могила.

В 13¾ верстах (4500 оборотов) по правую сторону дороги, расстоянием несколько менее одной версты – две могилы.

В 15 верстах (4900 оборотов) по правую же сторону дороги, расстоянием от нее около полутора верст – восемь могил.

В 16 верстах (5200 оборотов) команда переправилась чрез овраг, в котором местами пресная вода. Широта его около 10 сажен. По берегам растет камыш. По сему оврагу течет весною река Убаим.

В 18 верстах (5800 оборотов) по левую сторону начинается длинное озеро. Широта его около 100 сажен, длина вдоль по дороге почти две версты (600 оборотов). Вода в сем озере соленая, берега низки и заросли камышом, дно покрыто илом. Против сего озера по правую сторону дороги – могила.

В 20 верстах (6500 оборотов) от 47-го становища и в 100 оборотах от конца сего озера начинается по левую же сторону дороги – другое. Длина его вдоль по дороге 1½ версты (500 оборотов), ширина около 150 сажен, вода солено-горькая.

В 23 верстах (7500 оборотов) по левую сторону дороги – солончаки.

48-е становище, Алакуль,
от 47-го [становища] в 25, от Свинцовой горы
в 392¼ верстах

48-е становище при озере Алакуль.

Расстояние. От последнего пред сим становища – 24 версты 477 сажен, или 8125 оборотов. От Свинцовой горы – 392 версты 115 сажен, или 127 703 оборота.

Время прибытия. 9 часов утра.

Описание становища. Озеро Алакуль уже описано вместе с передним путем команды. Около сего становища, находящегося на восточном берегу озера – три могилы.

Поверхность пройденного пространства. Команда шла весь переход без дороги по многоупомянутой низкой равнине. Поверхность местами истрескалась, и потому проезд обоза был затруднителен.

Почва земли. Глина, как по всей равнине, местами, однако, она содержит чернозем и около озер песок.

Растения. По всему переходу сухой ковыль, местами довольно густой. Около озер несколько зеленой травы.

Животные. Сайги, лисицы, по озерам – кулики и много уток. Иногда показывались *бабы* (Pelecanus onocrotalus).

49-й переход

Время выступления. 2 часа пополудни.

Направление дороги. 1100 оборотов – к западу 10°; 2100 оборотов – к западу 30°; остальные 5370 оборотов – по старой дороге из Усть-Уйской крепости.

Достойные примечания предметы. В одной версте (300 оборотов) по правую сторону дороги, расстоянием около полуверсты – круглое озеро с соленою водою. Поперечник его около 25 сажен, глубина около полуаршина. По берегам растет камыш.

В 1½ версте (500 оборотов) по правую сторону, в таковом же расстоянии – соленое озеро. Длина его около 100, широта около 40 сажен, глубина до двух аршин. Берега его обросли камышом.

В 2¾ верстах (900 оборотов) по левую сторону, расстоянием около 10 сажен от дороги – овраг с соленою водою. Широта его около 10, глубина около одной сажени. По крутым его берегам растет камыш. Дно состоит из глины и весьма вязко.

В 4½ верстах (1500 оборотов) по правую сторону, расстоянием от дороги около полуверсты – соленое озеро, длиною около 150, шириною около 100 сажен, глубиною немного более одного аршина. Дно его состоит из глины; по берегам растет камыш.

В 5 верстах (1600 оборотов) по правую же сторону, близ дороги – мелкое круглое озеро с соленою водою и низкими берегами. Поперечник его около 30 сажен.

В 9 верстах (2900 оборотов) по правую сторону, расстоянием от дороги около 150 сажен – мелкое соленое озеро, длиною около 100, шириною около 10 сажен. По низким его берегам растет камыш.

В 10 верстах (3200 оборотов) команда вышла на прежнюю свою дорогу.

49-е становище при озерах Авлиякуль, от 48-го [становища] в 26¼, от Свинцовой горы в 418½ верстах

49-е становище при озерах Авлиякуль.

Расстояние. От последнего пред сим становища – 26 верст 161 сажень, или 8570 оборотов. От Свинцовой горы – 418 верст 276 сажен, или 136 203 оборота.

Время прибытия. 9 часов вечера.

Описание становища. Команда остановилась при тех самых озерах, при которых 19 июня было 11-е становище.

Поверхность пройденного пространства. Команда шла до прежней дороги по ровному низменному месту и без следа. Поверхность несколько кочковата и для езды на колесах не очень удобна.

Почва земли. На первой половине перехода – песок, смешанный с черноземом и глиною. Последняя половина уже прежде описана.

Растения. Около озер – зеленая трава, по прочим местам – сухой ковыль.

Животные. По озерам много уток и других водяных птиц.

Погода. Небо весь день облачное, около полудня пасмурно. Ветер с утра слабый северо-восточный, около полудня – умеренный северный, вечером – слабый северо-западный.

Термометр. В 3 часа утра +11°; в 1 час пополудни +20; в 10 часов вечера +10°.

Общие замечания об обратной дороге команды между урочищами Джидасу и озерами Авлиякуль

Расстояние между ими по сей дороге составляет 86, а по прежней 82¼ верст, вся разница состоит, следовательно, в 3¾ верстах. Она бесспорно выгоднее прежней. При урочище Бай-Назар-Сандал и речке Чебенли изобильно растет отлично хорошая трава, которой при озере Малый Алакуль, где было 13-е становище, почти вовсе не было; и столько же преимущества дает обоим местам изобилие в хорошей воде и дровах. Сверх того, уменьшаются по обратной дороге переходы, и к числу их против прежней дороги прибавляется один. Дорога от урочища Джидасу до речки Чебенли гладка и хороша, и чрез то имеет новое преимущество пред прежнею. Только 48-е становище невыгодно по недостатку пресной воды, и потому следует от речки Чебенли выезжать на старую дорогу, чтобы можно было останавливаться на западном берегу озера Большой Алакуль, около речки Чиили.

Из описания переходов видно, что и по новой дороге завести заселение неудобно, но для летних форпостов имеется все потребное в изобилии, и при урочище Бай-Назар-Сандал можно бы даже учредить небольшое селение, но предварительно нужно сделать сим местам прилежнейший и подробнейший осмотр, по которому могут открыться новые удобства или неудобства. Вообще все описание пройденного пространства степи не имеет и, несмотря на все старание, не может иметь желаемой подробности, потому что команда пробежала его, так сказать, по узкой полосе дороги, имея в виду, с одной стороны, скорое исполнение повелений начальства, а с другой – сбе-

режение людей и лошадей. Что открывалось глазам по обеим сторонам дороги, то все описано, и ни один предмет, заслуживающий внимания, не оставлен без осмотра. Предпринимать же осмотрение мест, находящихся в дальнем расстоянии в стороне, не позволяло время и необходимость в сбережении утомленных и без того лошадей. Сверх того, климат, состояние весенней воды и разные другие предметы в скорости не могут сделаться известными, особливо когда словам киргизцев слепо верить опасно.

4 августа, среда, 50-й переход

Время выступления. 4½ часа утра.

В 5 верстах от лагеря команда, ехав без следа, вышла на дорогу 1814 г. и следовала ей до места 50-го становища.

50-е становище между двух пресных озер при Аман-Карагае, на том самом месте, где команда 1814 г. ночевала с 8 на 9 июня, и в обратной путь с 11 на 12 июля.

Расстояние. От последнего становища при озерах Авлиякуль – 18 верст 206 сажен, или 5995 оборотов. От Свинцовой горы – 436 верст 483 сажени, или 142 198 оборотов.

Время прибытия. 9 часов утра.

Подробное описание дороги от озер Авлиякуль до города Троицка находится в журнале 1814 г.

51-й переход

Время выступления. 2 часа пополудни.

Команда следовала по дороге 1814 г.

51-е становище при заросшем озере в лесу, от 50-го [становища] в 15¾, от Свинцовой горы в 452¾ верстах

51-е становище при заросшем камышом озере, с пресною водою, находящемся по левую сторону дороги.

Расстояние. От последнего становища – 15 верст 431 сажень, или 5165 оборотов. От Свинцовой горы – 452 верст 415 сажен, или 147 363 оборота.

Время прибытия. 8 часов вечера.

Погода. Пред светом шел дождь, с утра небо облачное; в 3 часа пополудни шел сильный дождь с громом и молниею и продолжался около получаса. Тучи исчезли, и к ночи сделалось ясно. В 4 часа утра тихо, в 10 часов поднялся сильный западный ветер, который в 3 часа пополудни был столь силен, что обоз должен был остановиться на короткое время. В 11 часов вечера тихо.

Термометр. В 4 часа утра +11; в 2 часа пополудни +27°; в 11 часов вечера +12°.

5 августа, четверток, полудневка, 52-й переход

Время выступления 12½ часов полудня.

Команда следовала по дороге 1814 г.

52-становище при заросшем озере около Малый Казан-Башлы, от 51-го [становища] в 25¾, от Свинцовой горы в 478½ верстах

52-е становище при заросшем озере, находящемся по правую сторону близ дороги, около двух верст расстоянием к северу от озера Малый Казан-Башлы.

Расстояние. От последнего пред сим становища 25 верст 361 сажень, или 8375 оборотов. От Свинцовой горы 478 верст 276 сажен, или 155 738 оборотов.

Время выступления. 7 часов вечера.

Погода. С утра местные облака, с полудня до самой ночи – небо облачное, пасмурно и часто перерывающийся мелкий дождь. Ветер юго-западный, поутру почти неприметный, около полудня слабый, к ночи тихо.

Термометр. В 7 часов утра +15°; около полудня +24°; в 10 часов вечера +15°.

6 августа, пятница, 53-й переход

Время выступления. 3 часа утра.
Команда шла по дороге 1814 г.

53-е становище при озерах Большой Казан-Башлы, от 52-го [становища] в 14, от Свинцовой горы в 492⅓ верстах

53-е становище при озерах Большой Казан-Башлы, не дошедши около одной версты до 9-го становища 1814 г.

Расстояние. От последнего пред сим становища – 14 верст 48 сажен, или 4590 оборотов. От Свинцовой горы – 492 версты 325 сажен, или 160 328 оборотов.

Время прибытия. 8 часов утра.

54-й переход

Время выступления. 1 час пополудни.
Команда следовала по дороге 1814 г.

54-е становище при озере Малый Киндерли, от 53-го [становища] в 14¼, от Свинцовой горы в 506¾ верстах

54-е становище при озере Малой Киндерли.

Расстояние. От последнего пред сим становища 14 верст 56 сажен, или 4595 оборотов. От Свинцовой горы 506 верст 382 сажени, или 164 923 оборота.

Время прибытия. 5 часов пополудни.

Погода. Поутру небо чистое, около полудня – местные облака и небольшой дождь, к вечеру небо чистое. Ветер чрез весь день весьма слабый, с утра – юго-западный, от полудня до вечера – северо-восточный.

Термометр. В 3 часа утра +13°; в 1½ часа пополудни +22°; в 9 часов вечера +15°.

7 августа, суббота, 55-й переход, полудневка

Время выступления. 4 часа утра.
Команда следовала по дороге 1814 г.

55-е становище на реке Тобол, от 54-го становища в 20¼, от Свинцовой горы в 527¼ верстах

55-е становище на правом берегу реки Тобола в 78 оборотах от брода, на том же месте, где подобная же команда 1814 г. останавливалось на обратном пути.

Расстояние. От последнего пред сим становища – 20 верст 255 сажен, или 6878 оборотов. От Свинцовой горы – 527 верст 137 сажен, или 171 601 оборот.

Время прибытия. 8 часов утра.

Погода. Во весь день небо чистое. Вечером напали тучи, и чрез всю ночь шел мелкий дождь. Поутру тихо, около полудня ветер слабый северо-восточный, и вечером таковой же восточный.

Термометр. В 3 часа утра +15°; в 2 часа пополудни +23°; в 10 часов вечера +16°.

8 августа, воскресенье, 56-й переход

Время выступления. 3½ часа утра.
Команда следовала по дороге 1814 г.

56-е становище при заросшем озере, от 55-го становища в 24, от Свинцовой горы в 551¼ версте

56-е становище при немалом, но сильном камышом заросшем пресном озере, находящемся по левую сторону дороги, при котором команда 1814 г. с 15 на 16 июля ночевала.

Расстояние. От последнего становища при реке Тобол – 23 версты 470 сажен, или 7795 оборотов колеса. От Свинцовой горы – 551 верста 108 сажен, или 179 386 оборотов.

Время прибытия. 8 часов утра.

57-й переход

Время выступления. 4 часа пополудни.
Команда следовала по дороге 1814 г.

57-е становище при чистом, глубоком озере, от 56-го [становища] в 13¾, от Свинцовой горы в 565 верстах

57-е становище при чистом, глубоком озере с пресною водою, находящемся по правую сторону дороги.

Расстояние. От последнего становища – 13 верст 356 сажен, или 4465 оборотов. От Свинцовой горы – 564 верст 465 сажен, или 183 861 оборот.

Время прибытия. 7 часов вечера.

Погода. Небо весь день чистое. Ветер поутру западный слабый. В 10 часов пред полуднем начался сильный северо-западный ветер, который продолжался до ночи.

Термометр. В 3 часа утра +15°; в 2 часа пополудни +26°; в 10 часов вечера +14°.

9 августа, понедельник, 58-й переход

Время выступления. 2 часа утра.
Команда следовала по дороге 1814 г.

58-е становище при обширном озере, от 57-го [становища] в 22¼, от Свинцовой горы в 587¼ верстах

58-е становище при обширном, но сильно заросшем пресном озере, находящемся по правую сторону дороги. Команда 1814 г. обедала при сем озере 16 июля. Ныне мало в нем было воды.

Расстояние. От последнего становища – 22 версты 264 сажени, или 7335 оборотов. От Свинцовой горы – 587 верст 229 сажен, или 191 196 оборотов.

Время прибытия. 8 часов утра.

59-й переход

Время выступления. 2 часа пополудни.
Команда следовала по дороге 1814 г.

59-е становище при глубоком озере, от 58-го [становища] в 22, от Свинцовой горы в 609¼ верстах

59-е становище при небольшом, но довольно глубоком пресном озере, находящемся по правую сторону в некотором расстоянии от дороги.

Расстояние. От последнего пред сим становища – 21 верста 472 сажени, или 7145 оборотов. От Свинцовой горы – 609 верст 202 сажени, или 198 341 оборот.

Время прибытия. 7 часов вечера.

Погода. Небо весь день облачное. В 4 часа пополудни шел пресильный проливной дождь с чрезвычайным громом, который продолжался около получаса. Ветер поутру восточный слабый, потом северо-восточный, после полудня сильный, к вечеру слабый.

Термометр. В 2 часа утра +14°; в 1 час пополудни +21°; в 10 часов вечера +12°.

10 августа, вторник, 60-й переход

Время выступления. 2 часа утра.
Команда следовала по дороге 1814 г.

60-е становище на дороге против озера, от 59-го становища в 21¼, от Свинцовой горы в 630¾ верстах

60-е становище на дороге против немалого (три версты длины и две ширины) озера, находящемся по левую сторону, около трех верст расстоянием от дороги. По берегам сего озера растет камыш.

Расстояние. От последнего становища – 21 верста 119 сажен, или 6915 оборотов. От Свинцовой горы – 630 верст 322 сажени, или 205 256 оборотов.

Время прибытия. 7 часов утра.

61-й переход

Время выступления. 2 часа пополудни.

Команда следовала по дороге 1814 г.

61-е становище на реке Тов-Узак,
от 60-го [становища] в 16¼, от Свинцовой горы
в 647 верстах

61-е становище на левом берегу реки Тов-Узак, около 300 оборотов от переправы.

Расстояние. От последнего пред сим становища – 16 верст 208 сажен, или 5345 оборотов. От Свинцовой горы – 647 верст 30 сажен, или 210 601 оборот.

Время прибытия. 5 часов пополудни.

Погода. Поутру и к вечеру небо чистое, около полудня местные облака. Ветер поутру юго-западный слабый и холодный; с 10 часов пред полуднем до 7 часов вечера сильный северный, потом тихо.

Термометр. В 2 часа утра +10°; в 2 часа пополудни +18°; в 10 часов вечера +10°.

11 августа, среда, полудневка, 62-й переход

Время выступления. 11 часов пред полуднем.

Команда следовала по дороге 1814 г.

62-е становище при малом озере,
от 61-го [становища] в 37¼, от Свинцовой горы
в 684¼ верстах

62-е становище при весьма малом (длина 5 сажен, ширина 2 сажени) пресном озере, находящемся по левую сторону, в некотором расстоянии от дороги.

Расстояние. От последнего становища 37 верст 76 сажен, или 12 096 оборотов. От Свинцовой горы 684 версты 106 сажен, или 222 697 оборотов.

Время прибытия. 7 часов вечера.

Погода. Поутру и к вечеру небо чистое, около полудня облачное. Ветер северо-восточный, сначала слабый, но с 7 часов утра до 4 часа пополудни сильный.

Термометр. В 6 часов +8°; в 1 час пополудни +22°; в 10 часов +14°.

12 августа, четверток, 63-й переход

Время выступления. 7 часов утра.

Команда следовала по дороге 1814 г.

63-е становище в городе Троицке,
от 62-го становища в 12¼, от Свинцовой горы
в 696½ верстах

63-е становище в городе Троицке.

Расстояние. От последнего становища до моста чрез реку Уй – 12 верст 207 сажен, или 4046 оборотов. От Свинцовой горы – 696 верст 314 сажен, или 226 733 оборота.

Время прибытия. Последние повозки с арьергардом прибыли в 1 час пополудни.

Погода. Местные облака. Ветер западный слабый.

Термометр. В 4 часа утра +14°.

***

Обратный путь 1814 г. составлял 689 верст и 482 сажени (231 643 оборота), следовательно, он короче нынешнего обратного же на 6 верст и 332 сажени.

Поход сей подал случай поверять замечания, сделанные в 1814 г. В рассуждении предметов замечены ныне вновь четыре озера в стороне от дороги, из которых только одно, против которого было 60-е становище, достойно внимания. Другое, из вновь замеченных, находится в 12 верстах от Троицка, и так

мало, что на карте разве только точкою могло бы быть означено. Остальные два находятся в Аман-Карагайском лесу, где их такое множество, что они легко могли быть пропущены.

Касательно расстояния оказались следующие разности.

От двух пресных озер, находящихся на краю Аман-Карагайского леса, или от 50-го становища до 55-го на левом берегу Тобола, оказалось ныне 90 верст 154 сажени 4 фута, но в 1814 г. От самой переправы до обоих озер 90 верст и 2 сажени. Разность составляет 152 сажени, но вычитав 120 сажен, или расстояние (78 оборотов) от переправы до 55-го становища, остается только 32 сажени.

Ощутительнее разность в расстоянии от Тобола до Тов-Узака. Ныне замечено 119 верст 393 сажени, но в 1814 г. – 119 верст 278 сажен. Разность составляет 115 сажен и, прибавив вычтенные выше 120 сажен, – 235.

От Тов-Узака ныне замечено 49 верст и 259 сажен, но в 1814 г. – 49 верст и 266 сажен, здесь разность составляет только 7 сажен.

Вся разность между расстоянием от обоих озер, при которых было 50-е становище, до Троицка составляет ровно 250 сажен. Команда, останавливаясь на становище, оставляли обыкновенно дорогу и по сей причине таковая разность неудивительна, хотя она и составляет почти 1/500 всего расстояния.

Поход отдельной команды от речки Чебень до Звериноголовской крепости

Команду сию составляли:

Инженерного корпуса порутчик (ныне штаб-капитан) Генс – начальник команды – 1.

Кондуктор – 1.

Писарь – 1.

Господин практикант (ныне шихтмейстер) Меньшенин – 1.

Штейгер – 1.

Унтер-шихтмейстер – 1.

Горных мастеровых – 4.

Звериноголовского гарнизонного батальона г-н подпоручик Дехтярев – 1.

Унтер офицеров – 3.

Рядовых – 30.

Оренбургского казачьего войска хорунжий – 1.

Урядников – 2.

Рядовых казаков – 50.

Башкирского войска походный старшина – 1.

Есаулов, сотников, хорунжих – 8.

Рядовых башкирцев – 100.

Толмач Василий Черкасов – 1.

Киргизские старшины Язы Янов и Койдагул Алтаев – 2.

Всего – 209 человек.

Лошадей находилось при команде – 230.

Для измерения дороги взята одна телега. Окружность заднего колеса, на сию надобность устроенного, составляла 1 сажень 5 футов 4 дюйма и три четверти (1°5′4,75″).

Провиантом команда запаслась на десять дней.

3 августа, вторник, 1-й переход

Время выступления. 5 часов утра.

Направление дороги. 900 оборотов – к востоку 18°; 1000 оборотов – к востоку 9°; 1900 оборотов – к востоку 17°; 500 оборотов – к западу 3°; 1400 оборотов – к востоку 21°; 1000 оборотов – к востоку 10°; 1000 оборотов – к востоку 2°; 700 оборотов – к востоку 22°; 1600 оборотов – к востоку 10°; 385 оборотов – к западу 3°.

Достойные примечания предметы. В 11 верстах (3100 оборотов) видна по правую сторону на возвышении березовая роща, называемая киргизцами *Терекли-Тал*.

В 19½ верстах (5500 оборотов) по правую сторону на возвышении – две небольшие березовые рощи, называемые *Бурукли-Тал*.

В 24 верстах (6800 оборотов) – сухой, на несколько рукавов разделяющийся овраг, по которому с возвышения, по правую сторону дороги находящегося, течет небольшая речка в Убаган.

За сим оврагом находится длинное возвышение, которое, отделяясь от возвышения, находящегося к востоку, пересекает

дорогу. В 27¼ верстах (7700 оборотов) команда находилась наверху его. Здесь две ногайские могилы по левую сторону тракта команды, расстоянием одна около 100 сажен, другая не менее двух верст. У последнего кончается возвышение сие.

Первое становище при речке Рай-Карасу, от реки Чебень в 36¾, от Свинцовой горы в 404 верстах

Первое становище при речке Рай-Карасу.

Расстояние. От речки Чебень – 36 верст 390 сажен, или 10 385 оборотов. От Свинцовой горы 404 версты 27 сажен.

Время прибытия. 11½ часов пред полуднем.

Описание становища. Речка Рай-Карасу летом не имеет течения, но весною течет от востока к западу и впадает в реку Убаган. Между пересыхающими перешейками остаются плёсы, шириною не более трех сажен, но довольно глубокие, содержащие хорошую пресную воду и даже рыбу, из которой попадались в сети небольшие караси и чебаки. Левый берег реки возвышается понемногу, но правый, или северный, сопровождается довольно высоким возвышением, которое недалеко от становища принимает направление к северу. От сего места к западу находится по левому берегу реки несколько мелких и большею частью высохших озер.

Поверхность пройденного пространства. Первые 25 верст команда шла по совершенной равнине, о которой уже много раз упомянуто. Возвышение, которым она ограничивается к востоку, с начала перехода находится далеко от дороги, но потом приближается и сопровождает ее в расстоянии осьми или несколько более верст до того места, где команда поднялась (27½ верст от речки Чебень) на исходящий его угол. Далее команда переходила несколько широких с весьма отлогими берегами логов, и потом шла до самого становища по возвышенному месту. К западу вдали видна была гора Дуллагай и к северу и северо-западу – лес Аман-Карагай. В сем последнем поднимался в трех местах густой дым. С возвышения можно было приметить озеро Большой Алакуль. Команда шла весь переход без дороги. Поверхность равнины была местами кочковата.

Почва земли. Чрез первые 15 верст – глина, смешанная местами с черноземом, потом чистая глина, и на последних 9 верстах глина, смешанная иногда с черноземом, иногда же галька, состоящая из мелких валунов кварца и красной яшмы. Между ими найдены (в 29½ верстах, или 8300 оборотах от речки Чебень) кусок весьма чистого прозрачного кварца (горного хрусталя) и мелкий кусок халцедона. Возвышение, находящееся по правому берегу реки Рай-Карасу, состоит из сланцеватой глины, содержащей в себе мелкие кристаллы гипса. На сем возвышении и около берега реки найдены большие отломки гнейса.

Растения. По всему переходу растет только один сухой ковыль; только в овраге, который встретился команде в 24 верстах от речки Чебень, и около высохших озер, находящихся около становища по левому берегу реки, примечено несколько зеленой травы. По равнине встречается солодка, и по возвышениям – мелкие полевые гвоздики. По берегам реки растет в узких полосах, но в достаточном и для большей команды количестве отличная тучная трава.

Животные. Сайги показывались в великих табунах. По всему переходу летали беркуты и ласточки, весьма похожие на обыкновенных, живущих в селениях.

2-й переход

Время выступления. 4 часа пополудни.

Направление дороги. 800 оборотов – к востоку 10°; 800 оборотов – к востоку 16°; 1400 оборотов – к востоку 6°; 1500 оборотов – к западу 15°; 700 оборотов – к востоку 13°; 280 оборотов – к востоку 6°.

Достойные примечания предметы. Около четырех верст от речки Рай-Карасу показывается вдали к западу на обширной равнине река Убаган, называемая обыкновенно жителями Звериноголовской крепости и окружности ее *Абуга*. Начало ее составляют ручейки, вытекающие из лощин урочища Джидасу. С правой стороны она принимает речки Бай-Назар-Карасу, Терекли, или Чебень, Рай-Карасу и Караган-Лисай и с левой – горькую речку Ащи, но весною, судя по словам киргизцев, по-

средством наводнения, которому подвержена вся равнина, доходят до оной вероятно и воды рек Данабика и Чиили. За сим впадает она в обширное озеро Дингиз, или Убаган-Дингиз. Летом она вся высыхает до 20 или около сего верст до устья в озеро, оставляет редкими только местами весьма малые озера ближе к вершинам, с пресною, но иногда тухлою, ближе же к озеру Дингиз – с солено-горькою водою. Из сего озера она вытекает к Звериноголовской крепости и в восьми верстах впадает в Тобол. По всему сему пространству вода солено-горькая и сообщает оное воде Тобола на несколько верст по правому берегу. В передний путь главная команда переходила чрез нее между 13-м и 14-м, а в обратный путь при конце 47-го и около половины 48-го переходов.

Около 15 верст от дороги к западу видны длинные и довольно широкие озера, вероятно, между собою соединяющиеся. Они расположены почти в прямой линии, которая имеет такое направление, что в семи верстах (1900 оборотов) от речки Рай-Карасу команда находилась на продолжении их. По сим озерам течет Убаган от востока к западу, составляет полукруг, принимает речку Ащи, приближается к концу Аман-Карагая, подходит опять к дороге команды, и около 10 верст от урочища Муш-Мурун впадает в озеро Убаган-Дингиз.

Описываемое здесь течение Убагана, особливо с начала, не должно принимать за непременное, ибо, по словам киргизцев, оно часто переменяется, когда весною вся низкая равнина покрывается водою, что и по множеству рытвин и оврагов, по сей равнине встречающихся, весьма вероятно.

В 5¾ верстах (1600 оборотов) от речки Рай-Карасу команда переправилась чрез глубокий овраг с крутыми берегами. Переправа чрез него так неудобна, что телегу должно было спустить и поднять людьми. По сему оврагу течет весною речка Караган-Лисай, летом она высыхает.

В 15¾ верстах (4400 оборотов) – овраг широкий и глубокий. В нем местами в ямах пресная вода, и по всей длине его, сколько можно было приметить, растет березовый кустарник.

Второе становище при урочище Муш-Мурун, от первого [становища] в 20¼, от Свинцовой горы в 424¼ верстах

Второе становище при урочище Муш-Мурун.

Расстояние. От последнего становища при речке Рай-Карасу – 20 верст 58 сажен, или 5680 оборотов. От 47-го становища главной команды при речке Чебень – 56 верст 48 сажен, или 16 065 оборотов. От Свинцовой горы – 424 версты 86 сажен […][1].

В 2½ верстах (700 оборотов) по правую сторону близ дороги простая, землею покрытая могила.

В 3¾ верстах (1000 оборотов) по правую сторону дороги в лощине – молодая березовая рощица.

В 4¾ верстах (1300 оборотов) команда начала спускаться с возвышения Муш-Мурун по отлогому и удобному скату. Здесь по обеим сторонам дороги находится лес, и особливо по правую, на 3¼ версты (900 оборотов) вдоль по дороге, густой, состоящий из крупных березовых и между ими ольховых дерев с молодыми подростками. По скату горы несколько ям с пресною водою. При подошве команда переправилась чрез болотистую небольшую лощину.

От возвышения далее команда переправилась чрез несколько сухих неглубоких оврагов, из которых один только заслуживает внимание. Он пересекает путь команды в 16 верстах (4500 оборотов) от места ночлега и продолжается до озера.

Третье становище при озере Убаган-Дингиз, от второго [становища] в 28¾, от Свинцовой горы в 453 верстах

Третье становище на берегу озера Убаган-Дингиз.

Расстояние. От последнего становища при урочище Муш-Мурун – 28 верст 326 сажен, или 8090 оборотов колеса. От 47-го становища главной команды при речке Чебень – 85 верст 274 сажени, или 24 155 оборотов. От Свинцовой горы – 452 версты 412 сажен.

[1] Отсутствует л. 68 и об.

Время прибытия. 10 часов утра.

Описание становища. Команда остановилась на самом берегу сего обширного озера. Длина его простирается до 60 и ширина, часто переменяющаяся в самом широком месте против сего 3-го становища, до 30 верст. Оно весьма мелко, по крайней мере с берегов. Охотники, которые ходили стрелять лебедей, удалились более одной версты от берега, и в сем расстоянии они ходили только до груди в воде. Около берегов находится несколько островов. Вода в озере имеет крепко соленый, горький и отвратительный вкус, и издали – бледный зеленоватый цвет. Лошади ее не пили, несмотря на сильный жар, и даже пища, сваренная с сею водою, имеет весьма неприятный вкус. Дно озера состоит из черного вонючего ила, покрытого тонким слоем глинистого песка, и весьма топко. Берега весьма низки и состоят большею частью из голых солончаков. Травы в близости озера вовсе нет и самых солончаковых растений весьма мало. Вообще становище сие есть самое скуднейшее изо всех, в оба пути встретившихся. По берегам озера растет камыш, и острова совершенно им покрыты. На противолежащем берегу озера виден в двух местах на возвышении лес.

Поверхность пройденного пространства. Возвышение Муш-Мурун образует северным скатом своим дугу и удаляется от дороги сильно к востоку. Начиная от него до самого становища – низкая равнина, прерываемая рытвинами, особливо около озера. Поверхность сей равнины кочковата и местами истрескалась. Для езды на колесах переход сей затруднителен, исключая, однако, возвышение, которого поверхность гладка. Команда шла без дороги.

Почва земли. С начала перехода на возвышении чернозем, смешанный местами с песком и глиною, по равнине – глина, и около озера – солончаки. На сурочьих норах по равнине встречается мергель.

Растения. По всему возвышению Муш-Мурун и особливо в лощинах лес (как уже сказано выше) и весьма много густой отлично хорошей травы, по равнине сухой редкий ковыль, солончаки совершенно почти голы. В овраге, находящемся в 16 верстах от 2-го становища, растет мелкая, но вкусная вишня на низких кусточках. Вожаки уверяли, что она растет крупнее

и в великом множестве на одном острове озера, против сего же места недалеко от берега находящемся.

Животные. Сайги показывались по всему переходу весьма часто. На возвышении примечено несколько зайцев. На равнине водятся хорьки, и по близости возвышения встретилось несколько сурочьих нор. Около возвышения летали беркуты, и на озере видно было чрезвычайное множество лебедей и хищных птиц, питающихся рыбою, и доказывающих присутствие ее, хоть около берега она не примечена. Дорогою показывались мухи, таковые же, как по 2-му переходу, однако в гораздо меньшем количестве.

4-й переход

Время выступления. 1 час пополудни.

Направление дороги. 400 оборотов – к востоку 65°; 600 оборотов – к востоку 49°; 1600 оборотов – к востоку 35°; 700 оборотов – к востоку 13°; 1300 оборотов – к востоку 24°; 350 оборотов – к востоку 33°.

Достойные примечания предметы. В одной версте (300 оборотов) от 3-го становища команда переправилась чрез солончаковый овраг, в котором местами несколько соленой воды. По берегам его растет камыш.

В 20 верстах (5600 оборотов) команда переправилась чрез довольно крутой и глубокий овраг, в котором местами в глубоких ямах хотя пресная, но мутная белого цвету вода (вероятно, от шедшего незадолго до прибытия команды сильного дождя). На берегу оврага находится киргизское кладбище. Он соединяется недалеко от сего места с речкою Кара-Кундуз.

Четвертое становище от речки Кара-Кундуз, от третьего [становища] в 20¼, от Свинцовой горы в 473¼ верстах

Четвертое становище при речке Кара-Кундуз.

Расстояние. От последнего становища при озере Убаган-Дингиз – 20 верст 182 сажени, или 5750 оборотов. От 47-го становище главной команды при речке Чебень – 105 верст 456 са-

жен, или 59 905 оборотов. От Свинцовой горы – 473 верст 94 сажени.

Время прибытия. 6 часов вечера.

Описание становища. Речка Кара-Кундуз есть важнейшая из впадающих в Убаган с правой стороны. Вожаки уверяют, что вершины его находятся в 350 верстах к востоку от сего места и недалеко от реки Ишима, что, однако, невероятно. В 15 верстах от становища она соединяется с озером Убаган-Дингиз. Плёсы, из которых состоит сия речка, невелики, но, по уверению вожаков, содержат много рыбы. Вода в них хотя пресная, но не чиста вкусом. Перешейки между плёсами не совершенно сухи, и потому может быть, что вода чрез оные имеет течение, но только весьма слабое, по крайней мере, приметить его вовсе нельзя. Весною, по словам киргизцев, весь желоб реки наполняется водою, весьма быстро текущею. Дно реки весьма топко и состоит из глины и черного вонючего ила. Берега высоки и весьма круты, так что переправа телеги стоила много трудов. В неширокой лощине, вмещающей в себя речку, растет хорошая густая и тучная трава и изрядный тальник.

Поверхность пройденного пространства. Команда шла без дороги по ровному почти месту, к северу несколько возвышающемуся. Поверхность земли кочковата, местами истрескалась и для езды на колесах неудобна. Озеро Дингиз с самого начала сего перехода теряет большую часть своей ширины и удаляется от дороги. От места ночлега оно находится в 15 верстах.

Почва земли. По всему переходу попеременно то глина, смешанная с черноземом, то почти чистый, но сухой чернозем.

Растения. Все пространство сего перехода покрыто сухим, но густым ковылем. Около половины пути встречалась местами хорошая, густая и высокая трава, которая однако начинала засыхать. На сих местах, вероятно, прежде были озера, и весною они покрываются водою.

Животные. Иногда показывались сайги. Насекомое, называемое *строка*, много беспокоила лошадей. Она весьма походит на осу, с тою только разницею, что оно вместо одного жала снабжено двумя искривившимися, которые оно употребляет наподобие клещей, чтобы ими зацепляться к животным.

Погода. Поутру небо облачное, и вскоре по выступлении несколько капель дождя. К полудню сделалось ясно. После полудня собирались густые тучи с западной стороны. За озером шел, по-видимому, весьма сильный дождь и по сторонам его видна была прегустая пыль. До полудня примечен был слабый южный ветер, но в 3 часа поднялась пресильная буря с западу, которая продолжалась около 10 минут. После трех весьма сильных громовых ударов шел дождь в чрезвычайно крупных, но редких каплях. Густые тучи перешли к возвышению Муш-Мурун, которое в расстоянии 40 верст еще ясно было видно. Наконец и к северу виден был сильный дождь и молния. После бури продолжался по-прежнему слабый южный ветер, который к вечеру совершенно утих. К ночи сделалось ясно. Поутру воздух был прохладный, около полудня весьма жарко при сильном зное, к вечеру пекло.

Буря сия действовала столь же сильно по дороге главной команды.

5 августа, четверток, 5-й переход

Время выступления. 4 часа утра.

Направление дороги. 1300 оборотов – к востоку 23°; 1100 оборотов – к востоку 18°; 500 оборотов – к востоку 5°; 900 оборотов – к западу 7°; 340 оборотов – к западу 19°.

Достойные примечания предметы. Кроме нескольких могил, находящихся на правом берегу речки Кара-Кундуз, ничего не встречалось.

Пятое становище при речке Кырс-Бутак,
от четвертого [становища] в 14¾, от Свинцовой горы
в 488 верстах

Пятое становище при речке Кырс-Бутак.

Расстояние. От последнего становища при речке Кара-Кундуз – 14 верст 331 сажень, или 4140 оборотов. От 47-го становища главной команды при речке Чебень – 120 верст 288 сажен, или 34 040 оборотов. От Свинцовой горы – 487 верст 425 сажен.

Время прибытия. 7½ часов утра.

Описание становища. Речка Кырс-Бутак имеет, по уверению киргизцев, вершины свои в расстоянии 100 верст к востоку или юго-востоку от сего места и впадает в реку Убаган в 20 верстах отсюда к западу. Она не имеет течения, но плёсы большею частью велики, и широта их, при значительной глубине, доходит до 10 сажен. Вода в них пресная и довольно чистая вкусом. Дно реки топко и состоит из глины. Берега невысоки (около трех сажен), но круты, и переправа затруднительна. Между берегами, заключающими желоб реки, растет довольно хорошей травы, изрядный тальник и в нем высокая крапива (Urtica dioica). Изредка примечена дикая спаржа. В реке водится рыба; по словам киргизцев, ее много, но в поставленные около становища сети попало только несколько мелких окуней.

Поверхность пройденного пространства. Все пространство сего перехода представляет равнину, которая сначала несколько возвышается. Команда шла без дороги по кочковатой и местами истрескавшейся поверхности ее, неудобной для езды на колесах. Озеро Убаган-Дингиз кончается против девятой версты сего перехода, и здесь вытекает из него река Убаган. За ним вдали к северо-западу от дороги виден на длинном возвышении, которое тянется параллельно дороге, березовый лес, называемый *Сары-Агач*.

Почва земли. По всему переходу – глина, смешанная с поверхности с черноземом.

Растения. Все пространство по обеим сторонам дороги покрыто хорошим густым, но сухим ковылем. Растения около становища уже описаны выше.

Животные. По степи бегали сайги, около дороги встречались сурочьи норы, близ реки Кырс-Бутак летали лебеди и утки.

6-й переход

Время выступления. 11½ часов пред полуднем.

Направление дороги. 900 оборотов – к востоку [...][1]; 900 оборотов – к западу 10°; 1300 оборотов – к западу 16°;

[1] В этом месте текст зашит в переплет.

800 оборотов – к западу 10°; [...][1] оборотов – к западу 17°; 1100 оборотов – к востоку 4°; 900 оборотов – к западу 5; [...][2] оборотов – к востоку 1°; 600 оборотов – к западу 33°.

Достойные примечания предметы. Команда переправилась чрез речку Кырс-Бутак по сухому месту. В 4¼ верстах (1200 оборотов) от 5-го становища команда прошла чрез одинакую тележную дорогу, проложенную от Пресногорьковской крепости к устью реки Кара-Кундуз в озеро Дингиз промышленниками, ездящими туда для ловли лебедей. Упомянутое устье находится от сего места, по словам киргизцев, в 20 верстах.

К востоку от дороги тянется чрез весь переход невысокое возвышение, которое сначала приближается и потом почти параллельно с дорогою продолжается, сопровождая ее в расстоянии пяти и местами менее верст.

В 5 верстах (1400 оборотов) на сем возвышении видно несколько березового кустарника. По уверению киргизцев, около него находятся ключи.

В 15 верстах (4200 оборотов) река Убаган в расстоянии пяти верст от дороги образует озеро длиною около двух верст. На восточном берегу его находится киргизское кладбище.

В 19½ верстах (5500 оборотов) по правую сторону дороги на возвышении, расстоянием до пяти верст, виден березовый лесок, называемый *Кара-Агач*. Далее впереди виден местами кустарник. Лес Сары-Агач, о котором говорено при предыдущем переходе, находится против сего места к западу от дороги, за рекою Убаганом, в расстоянии 20 верст. Он состоит из отдельных рощ, занимающих вдоль по возвышению, параллельно дороге, около 20 верст в длину.

Шестое становище при озере Кайранкуль, от пятого [становища] в 30, от Свинцовой горы в 518 верстах

Шестое становище при озере Кайранкуль.

[1] В этом месте текст зашит в переплет.
[2] В этом месте текст зашит в переплет.

Расстояние. От последнего становища при речке Кырс-Бутак – 30 верст 52 сажени, или 8500 оборотов колеса. От 47-го становища главной команды при речке Чебень – 150 верст 340 сажен, или 42 545 оборотов. От Свинцовой горы – 517 верст 477 сажен.

Время прибытия. 7½ часов вечера.

Описание становища. Озеро Кайранкуль имеет до одной версты длины и несколько менее ширины. Берега его низки, плоски и обросли сильно камышом, который растет местами и посредине озера. По сему заключить можно, что оно неглубоко. Дно озеро состоит из крупного песку и гальки, в которой более всего попадается яшма черная, розовая, бурая, зеленоватая и других цветов. Там же найдены округленный кусок весьма чистого прозрачного кварца, или горного хрусталя, и мелкие валуны гранита и белого песчаного камня. Вода в озере пресная и весьма чистая вкусом. Оно содержит много рыбы, из которой однако в расставленные сети попадали одни караси. Берега около озера покрыты слоем весьма рыхлого чернозема, происшедшего от сгнившего камыша. На нем растет отлично хорошая трава. Между озером и рекою Убаганом, протекающей от него в двух или трех верстах к востоку, находится возвышенное место, на котором видно несколько больших могил.

Поверхность пройденного пространства. Команда шла без дороги по почти ровному месту, к концу перехода несколько возвышающемуся, которого кочковатая и местами истрескавшаяся поверхность затрудняет езду на колесах. Река Убаган течет по сему переходу почти параллельно с дорогою и удаляется от ней не более пяти верст. О возвышении, сопровождающем дорогу с правой стороны, говорено уже выше. Оно кажется быть продолжением подобных ему возвышений, составляющих урочища Джидасу, Бай-Назар и Муш-Мурун.

Почва земли. По всему переходу попеременно глина, смешанная с черноземом, и чистый, но сухой чернозем.

Растения. На глинистом черноземе растет весьма густой и хотя большею частью сухой, но для корму лошадей отлично хороший ковыль; на чистом черноземе – изрядная зеленая трава.

Животные. По дороге встречались сурочьи норы. Сайги бегали по степи в великом множестве. Пеликан один перелетал

чрез дорогу к Убагану. Около озера водится весьма много уток и разного рода куликов. Строка сопровождала команду изобильнее, нежели по предыдущим переходам.

Погода. С утра местные облака, пред полуднем сделалось ясно. Пополудни облачное небо и небольшой дождь; к вечеру ясно. Ветер чрез весь день западный слабый, к ночи тихо. Чрез весь день тепло, около полудня жарко.

6 августа, пятница, 7-й переход

Время выступления. 2 часа утра.

Направление дороги. 2100 оборотов – к востоку 18°; 1300 оборотов – к западу 8°; 700 оборотов – к западу 17°; 500 оборотов – к западу 22°; 900 оборотов – к западу 27°; 1000 оборотов – к западу 13°; 900 оборотов – к западу 23°; 670 оборотов – к западу 13°.

Достойные примечания предметы. За озером Кайранкуль находится еще несколько других озер, занимающих вдоль по дороге 4¼ версты (1200 оборотов). Одно из них называется *Узюнкуль*.

В 12¼ верстах (3400 оборотов) от озера Кайранкуль река Убаган, в расстоянии четырех верст от дороги, образует озеро, длиною до двух, шириною около полуверсты.

В 15 верстах (4200 оборотов) по правую сторону близ дороги находится киргизское кладбище. Одна могила покрыта деревянным, довольно хорошо сработанным срубом, обложенным и покрытым битою землею. В ней похоронен умерший около шести лет пред сим богатый киргизец Мамбет-бай.

В 15¾ верстах (4400 оборотов) команда переправилась чрез речку Чулансу. Она начинается в березовых рощах, находящихся в четырех верстах от дороги к востоку, и продолжается до реки Убаган. Течения она летом не имеет, но в глубоких плёсах остается много воды, крепко-соленой. Дно реки состоит из весьма топкой глины, затрудняющей переправу. Берега невысоки и состоят из солончаков. По реке растет хороший тальник.

В 19½ верстах (5500 оборотов) река Убаган образует озеро, подобное описанному пред сим, но несколько длиннее.

В 24 верстах (6700 оборотов) команда переправилась чрез высохшую речку, начинающуюся к востоку от дороги в лесу, расстоянием от оной около пяти верст и продолжающуюся до Убагана. По берегам растет тальник.

Седьмое становище при речке Уранонсай, от шестого [становища] в 28½, от Свинцовой горы в 546½ верстах

Седьмое становище при речке Уранонсай.

Расстояние. От последнего пред сим становища при озере Кайранкуль – 28 верст 290 сажен, или 8070 оборотов. От 47-го становища главной команды при речке Чебень – 179 верст 130 сажен, или 50 515 оборотов. От Свинцовой горы – 546 верст 268 сажен.

Время прибытия. 9 часов утра.

Описание становища. Речка Уранонсай (по переводу – Воровская яма) начинается в находящемся к востоку от становища лесу и доходит до реки Убаган, протекающей от сего места в расстоянии шести верст. Летом речка сия течения не имеет, но в глубоких плёсах остается много воды, имеющей солоноватый вкус. Для приготовления пищи она однако без нужды годна, и лошади пьют ее без отвращения. В плёсах водится много мелкой рыбы, особливо бледных карасей. Дно речки состоит из топкого, черного вонючего илу. Берега низки и по обеим сторонам речки место ровное. Около плёсов растет несколько травы и тальнику.

Поверхность пройденного пространства. Команда шла весь переход без дороги по почти ровному месту, которого поверхность большею частью гладка и для езды на колесах удобна. Местами видны были слабые тележные следы.

Почва земли. Большею частью чернозем, смешанный иногда с песком, иногда с глиною. Местами встречаются солончаки.

Растения. Большая часть сего пространства покрыта изрядною зеленою, но уже засыхающею травою. Ковыль растет только местами и изобильнее и сильнее, нежели по предыдущим переходам. Между могилою Мамбет-бая и соленою речкою Чулансу растет челижник (дикая акация) и березовый кустарник. По обеим сторонам дороги растет березовый лес в отдельных небольших рощах. По левую сторону он находился за рекою Убаганом.

Животные. Водяные птицы летали изобильно около Убагана.

8-й переход

Направление дороги. 700 оборотов – к востоку 11°; 1300 оборотов – к западу 15°; 500 оборотов – к западу 5°; 600 оборотов – к востоку 29°; 1100 оборотов – к востоку 17°; 600 оборотов – к западу 11°; 900 оборотов – к западу 19°; 500 оборотов – к западу 24°; 100 оборотов – к западу 29°.

Достойные примечания предметы. При самом становище команда перешла без затруднений чрез речку Уранонсай. В 2¼ верстах (600 оборотов) команда переправилась чрез речку Ачили-Джилга. Она имеет вершины свои в расстоянии 10 верст к востоку от дороги в лесу Ачили-Агач и продолжается до Убагана. Течения она не имеет, но в больших плёсах находится солено-горькая отвратительного вкуса вода. Дно речки состоит из топкой глины и по низким берегам находятся солончаки. Переправа несколько затруднительна. Около речки растет хорошая трава и тальник.

В 4¾ верстах (1300 оборотов) начинается по правую сторону дороги густой сплошной березовый лес, который продолжается до самого места ночлега.

В 5¾ верстах (1600 оборотов) по левую сторону, недалеко от дороги, находится курган (вероятно, ногайская могила) и около его несколько киргизских могил. За ним в полуверсте или несколько более от дороги Убаган образует небольшое озеро, в котором вода не очень соленая.

В 9¼ верстах (2600 оборотов) команда переправилась чрез речку Куйбак-Карасу. Она имеет вершины свои в 12 верстах к востоку от дороги в лесу, называемом *Кунтимиш*, и доходит до Убагана. Течения она не имеет, но в немалых плёсах остается летом довольно соленой воды. Дно и берега она имеет таковые же, как речка Ачили.

Восьмое становище при речке Давлетбак, от седьмого [становища] в 22½, от Свинцовой горы в 568¾ верстах

Восьмое становище при речке Давлетбак.

Расстояние. От последнего становища при речке Уранонсай – 22 версты 156 сажен, или 6300 оборотов. От 47-го становища главной команды при речке Чебень – 201 верста 286 сажен, или 56 815 оборотов. От Свинцовой горы – 568 верст 424 сажени.

Время прибытия. 7 часов вечера.

Описание становища. Речка Давлетбак имеет вершины свои в пяти верстах от сего места к востоку в лесу, называемом *Кузговли*, и в 10 верстах к западу соединяется с Убаганом. Летом она не имеет течения, но плёсы, между которыми перешейки пересыхают, велики, глубоки и содержат весьма чистую вкусом пресную воду и много мелкой рыбы. Дно состоит из глинистого чернозема, берега ровны и невысоки, однако круты. Около реки растет густая отличная трава, содержащая много разнородных растений, березовые рощица и такой же кустарник, и по берегам плёсов в изобилии черная смородина. Команда переправилась без затруднения и остановилась на правом берегу речки.

Поверхность пройденного пространства. Команда шла без дороги, по ровному месту, которого поверхность не гладка, кочковата и местами, особливо с начала и к концу перехода, истрескалась.

Почва земли. Большею частью чистый чернозем, потом, где земля истрескалась, смешанный с глиною. Часто встречаются солончаки. Около речки Давлетбак – чистый тучный чернозем.

Растения. Трава по всему переходу большею частью густая и зеленая, исключая солончаков, которые, как обыкновенно, голы. Ковыль встречается еще менее, нежели по последнему пред сим переходу. Чрез все пространство сего перехода, по правую сторону дороги, находится в разном расстоянии березовый густой лес, и около дороги местами кустарник.

Животные. Местами показывались сайги, и около реки много водяных птиц. Ласточки черные изобильно летали около дороги. Строка беспокоила много лошадей.

Погода. Поутру сильная роса, тихо, ясно, сначала прохладно, но потом жарко до 9 часов. В 7 часов поднялся западный ветер, сначала слабый, потом посредственный. В 10½ часов появились тучи и закрыли солнце. Пополудни в 3 часа пошел, при сильном западном ветре, сильный дождь, который продолжался беспрерывно больше часа и потом, с остановками, до вечера.

7 августа, суббота, 9-й переход

Время выступления. 4 часа утра.

Направление дороги. 1100 оборотов – к востоку 3°; 1500 оборотов – к западу 12°; 1200 оборотов – к западу 23°; 1300 оборотов – к западу 17°; 800 оборотов – к западу 20°; 1160 оборотов – к востоку 7°.

Достойные примечания предметы. В одной версте (200 оборотов) от речки Давлетбак, по левую сторону близ дороги, киргизское кладбище.

В 10¼ верстах (2900 оборотов) по правую сторону дороги курган, походящий на большую ногайскую могилу.

В 12½ верстах (3500 оборотов) по правую сторону близ дороги озеро Джанабеккуль. Оно почти кругло и имеет в поперечнике около 300 сажен; берега низки, отлоги и обросли камышом. Посему глубина озера не может быть значительна, но, вероятно, она достаточно велика, чтоб озеро сие зимою не вымерзало, ибо в нем приметна рыба, и над ним летали в великом множестве разные птицы, рыбою пытающиеся. Вода в озере пресная и чистая. Около берегов растет отличная трава. На южном берегу озера, расстоянием от него более полуверсты, находится киргизское кладбище.

В 13¼ верстах (3700 оборотов) команда переправилась чрез речку Мангибай. Она имеет вершины свои к востоку от дороги и, вероятно, не близко от сего места, хотя вожаки не могли дать в том достаточного сведения. В 15 верстах отсюда, к западу, она соединяется с Убаганом. Течения она летом не имеет, и в ямах, хотя глубоких, но малых остается немного пресной

воды. Дно реки состоит из чернозема, смешанного с песком и глиною. Берега высоки и круты, так что переправа телеги составляла великое затруднение. По всей речке, сколько можно было приметить, растет крупный березовый лес, и в лощине, между высокими берегами заключенной, отлично хорошая трава, березовый кустарник, смородина и изредка ежевика.

В 15¼ верстах (4300 оборотов) по левую сторону дороги озеро с пресною водою. Величина и положение берегов так же, как при озере Джанабек.

В 17 верстах (4800 оборотов) команда проехала чрез полосу березового леса.

В 21 версте (5900 оборотов) команда перешла чрез лощину, по которой растет березовый лес.

В 21¾ версте (6100 оборотов) команда перешла чрез небольшую тележную дорогу, проложенную промышленниками от Пресногорьковской крепости к какому-то озеру, около Убагана находящегося, для рыбной ловли. Вожаки называли озеро сие *Исть-Сарыкуль*. Вероятно, оно один из заливов реки Убагана, которых она образует много. От сего места до самого становища команда шла между березовыми рощами, которые состоят из крупных берез, но большею частью невелики.

Девятое становище при речке Кугалы,
от восьмого [становища] в 25, от Свинцовой горы
в 593¾ верстах

Девятое становище при речке Кугалы-Джилга.

Расстояние. От последнего становища при речке Давлетбак – 25 верст 2 сажени, или 7060 оборотов колеса. От 47-го становища главной команды при речке Чебень – 226 верст 289 сажен, или 63 875 оборотов. От Свинцовой горы – 593 верст 426 сажен.

Время прибытия. 11 часов пред полуднем.

Описание становища. Речка Кугалы-Джилга, на левом берегу которой команда остановилась, начинается в полутора верстах от становища к востоку и в 15 верстах к западу соединяется с рекою Убаганом. Около сего становища она не только течения не имеет, но и воды в ней в небольших ямах

весьма немного, но зато она пресная и весьма чистая. Дно реки состоит из тучного чернозема; берега отлоги и покрыты отлично хорошею тучною травою, кустарником и крупными березами, составляющими небольшие рощи.

Поверхность пройденного пространства. Весь переход команда шла без дороги по почти ровному месту, которого поверхность не везде гладка, но вообще удобнее для езды на колесах, нежели по предыдущим переходам.

Почва земли. По всему переходу чернозем; около озер и речек тучный и чистый, по несколько возвышенным местам – смешанный немного с песком и местами с глиною.

Растения. Трава, покрывающая всю поверхность земли, состоит из разных растений и вся без исключения зелена. Около озер, речек и лесов она чрезвычайно густа и тучна. Сухой ковыль почти вовсе не встречается. Все пространство сего перехода покрыто березовыми рощами, состоящими из крупных дерев.

Животные. Изредка показывались зайцы, и чрез дорогу перелетали водяные птицы. Они же водятся в великом множестве около озер.

10-й переход

Время выступления. 2½ часа пополудни.

Направление дороги. 800 оборотов – к западу 9°; 900 оборотов – к западу 15°; 1300 оборотов – к западу 16°; 1000 оборотов – к западу 31°; 900 оборотов – к западу 22°; 600 оборотов – к западу 27°; 1200 оборотов – к западу 33°; 650 оборотов – к западу 105°.

Достойные примечания предметы. При начале сего перехода команда перешла без всякого затруднения чрез речку Кугалы-Джилга. По левую сторону видны вдали заливы реки Убаган.

В 4¼ верстах (1200 оборотов) команда перешла чрез сухою лощину.

В 6¾ верстах (1900 оборотов) команда перешла чрез небольшую тележную дорогу, проложенную от Сибирского реду-

та к реке Убаган промышленниками, ездящими туда для рыбной ловли.

В 7¼ верстах (2000 оборотов) по левую сторону дороги, расстоянием около 150 сажен, озеро, длиною около 150, широтою около 100 сажен. По берегам его находятся березовые рощи.

В 13¼ верстах (3700 оборотов) команда перешла чрез сухой лог с отлогими берегами.

В 15¼ верстах (4300 оборотов) подобный же лог.

В 18¼ верстах (5100 оборотов) команда перешла чрез полосу березового лесу, пересекающую дорогу.

По левую сторону дороги видны были небольшие озера, о которых вожаки уверяли, что вода в них соленая.

Десятое становище при речке Ханлы,
от девятого [становища] в 26, от Свинцовой горы
в 619¾ верстах

Десятое становище при речке Ханлы-Джилга.

Расстояние. От последнего становища при речке Кугалы-Джилга – 26 верст 15 сажен, или 7350 оборотов. От 47-го становища главной команды при речке Чебень – 252 версты 304 сажени, или 71 225 оборотов. От Свинцовой горы – 619 верст 442 сажени.

Время прибытия. 9½ часов вечера.

Описание становища. Речка Ханлы-Джилга, на правом берегу которой остановилась команда, имеет вершины свои около пяти верст к востоку от сего места, и в 12 верстах к западу соединяется с рекою Убаган. Течения она не имеет, но в глубоких ямах остается довольно пресной, но не совсем чистой вкусом воды. Дно состоит из чистого тучного чернозема, берега высоки, круты и покрыты крупными березами и березовым же кустарником. Между берегами в логу растет такой же кустарник и отлично хорошая тучная трава.

Поверхность пройденного пространства. Весь переход команда шла без дороги по равнине несколько волнистой, которой поверхность с начала перехода кочковата и местами истрескалась.

Почва земли. Чернозем большею частью чистый, но иногда смешанный с песком. Редко встречается в смеси почвы глина.

Растения. Трава зеленая покрывает большую часть поверхности земли, но сухой, однако, густой ковыль занимает немалые полосы. Все пространство сего перехода покрыто березовым лесом.

Животные. Водяные птицы перелетали часто чрез дорогу. Насекомые и между ими строка окружали команду в великом множестве и мучили лошадей.

Погода. Поутру весьма сильная роса. Небо чрез весь день чистое, и только около полудня появились облака. Поутру и вечером тихо, около полудня слабый восточный ветер.

8 августа, воскресенье, 11-й переход

При выступлении команды отряжен надежный унтер-офицер Звериноголовского гарнизонного батальона с 30 человеками на лучших лошадях для доставления правившему в Звериноголовской крепости должность коменданта г-ну майору Серебренникову рапорта о приближении команды и об отводе для людей квартир и для лошадей пастбищного места. Отряду сему приказано следовать впереди команды так, чтобы она ее не потеряла из виду до того места, где она увидит Никольский форпост, находящийся в семи верстах от крепости, и потом следовать без замедления до крепости.

Время выступления. 5½ часов утра.

Направление дороги. 1500 оборотов – к западу 19°; 1000 оборотов – к западу 25°; 800 оборотов – к западу 31°; 400 оборотов – к западу 39°; 300 оборотов – к востоку 20°; 400 оборотов – к востоку 10°; 800 оборотов – к востоку 14°.

Достойные примечания предметы. В четырех верстах (1100 оборотов) команда перешла чрез речку Тура-Илгасы. Она начинается в трех верстах от сего места к востоку, и в семи верстах к западу соединяется с рекою Убаган. Течения она не имеет и в небольших ямах находится немного несколько солоноватой воды.

В пяти верстах (1400 оборотов) по левую сторону дороги находится озеро пресное, длиною около 100, шириною около 50 сажен.

За сим озером в двух верстах находится таковое же, но несколько обширное.

В 6¾ верстах (1900 оборотов) по правую сторону дороги таковое же озеро. Расстояние его от дороги около полутора верст.

В восьми верстах (2200 оборотов) по левую сторону дороги, расстоянием около одной версты, озеро, длиною до 400, широтою около 150 сажен.

В 8½ верстах (2400 оборотов) по левую сторону близ дороги – киргизское кладбище и за ним, расстоянием около версты, небольшое озеро.

В 12¼ верстах (3400 оборотов) команда вышла на хорошо набитую тележную дорогу, по которой из Звериноголовской крепости ездят жители к реке Убаган и озерам, здесь находящимся, для рыбной ловли, и соленым озерам Эбелей и Уркач – за солью.

В 15¾ верстах (4400 оборотов) по левую сторону дороги озеро, длиною около 200, шириною около 100 сажен.

К востоку от дороги находится в расстоянии двух и более верст несколько озер, при которых кочевал матакай-киреского рода старшина Емангул Бактыбаев.

Все озера, здесь описанные, имеют пресную воду, содержат рыбу и окружены березовыми рощами, и при них кочуют большею частью киргизцы упомянутого рода. При одном магометанский священник (мулла) имеет выстроенный из бревен домик.

В 17 верстах (4800 оборотов) команда прошла мимо Никольского форпоста и вступила, следственно, в российскую границу. Форпост сей находится недалеко от озера, при другом конце которого команда остановилась.

11-е становище при озере Никольском, от десятого [становища] в 18½, от Свинцовой горы в 638¼ верстах

11-е становище при озере Никольском.

Расстояние. От последнего пред сим становища при речке Ханлы-Джилга – 18 верст 208 сажен, или 5200 оборотов колеса. От 47-го становища главной команды при речке Чебень – 271 верста 13 сажен, или 76 425 оборотов. От Свинцовой горы – 638 верст 150 сажен.

Время прибытия. 11 часов пред полуднем.

Описание становища. Озеро Никольское находится по левую сторону дороги и лежит длиною своею до одной версты, простирающегося параллельно с нею. Широта его доходит до 300 сажен. Дно его состоит из чернозема, покрытого крупным песком. Берега отлоги, низки и покрыты камышом и хорошею травою. Вода в озере пресная и, по уверению жителей Звериноголовской крепости, оно содержит много рыбы. К западу от него находится еще несколько озер, ему подобных, которые все вместе с сим называются киргизцами *Балыкликуль* (Рыбные озера).

Поверхность пройденного пространства. Команда шла сначала 12 верст без дороги, потом по дороге вышеописанной. Все пространство сего перехода представляет равнину несколько волнистую, которой поверхность гладка и для езды на колесах удобна.

Почва земли. По всему переходу чернозем, смешанный большею частью с песком, но часто чистый и тучный, особливо около леса.

Растения. Вся поверхность земли по сему переходу покрыта весьма хорошею зеленою травою и березовыми рощами. Первая доставляет жителям Звериноголовской крепости весьма изобильные сенокосы, и последняя – дрова.

Животные. Около озер показывались водяные птицы (большею частью утки) и по дороге зайцы.

Расстояние. От последнего становища при речке Кырс-Бутак – 30 верст 52 сажени, или 8500 оборотов колеса. От 47-го становища главной команды при речке Чебень – 150 верст 340 сажен, или 42 545 оборотов. От Свинцовой горы – 517 верст 477 сажен.

Время прибытия. 7½ часов вечера.

Описание становища. Озеро Кайранкуль имеет до одной версты длины и несколько менее ширины. Берега его низки, плоски и обросли сильно камышом, который растет местами и посредине озера. По сему заключить можно, что оно неглубоко. Дно озеро состоит из крупного песку и гальки, в которой более всего попадается яшма черная, розовая, бурая, зеленоватая и других цветов. Там же найдены округленный кусок весьма чистого прозрачного кварца, или горного хрусталя, и мелкие валуны гранита и белого песчаного камня. Вода в озере пресная и весьма чистая вкусом. Оно содержит много рыбы, из которой однако в расставленные сети попадали одни караси. Берега около озера покрыты слоем весьма рыхлого чернозема, происшедшего от сгнившего камыша. На нем растет отлично хорошая трава. Между озером и рекою Убаганом, протекающей от него в двух или трех верстах к востоку, находится возвышенное место, на котором видно несколько больших могил.

Поверхность пройденного пространства. Команда шла без дороги по почти ровному месту, к концу перехода несколько возвышающемуся, которого кочковатая и местами истрескавшаяся поверхность затрудняет езду на колесах. Река Убаган течет по сему переходу почти параллельно с дорогою и удаляется от ней не более пяти верст. О возвышении, сопровождающем дорогу с правой стороны, говорено уже выше. Оно кажется быть продолжением подобных ему возвышений, составляющих урочища Джидасу, Бай-Назар и Муш-Мурун.

Почва земли. По всему переходу попеременно глина, смешанная с черноземом, и чистый, но сухой чернозем.

Растения. На глинистом черноземе растет весьма густой и хотя большею частью сухой, но для корму лошадей отлично хороший ковыль; на чистом черноземе – изрядная зеленая трава.

Животные. По дороге встречались сурочьи норы. Сайги бегали по степи в великом множестве. Пеликан один перелетал

чрез дорогу к Убагану. Около озера водится весьма много уток и разного рода куликов. Строка сопровождала команду изобильнее, нежели по предыдущим переходам.

Погода. С утра местные облака, пред полуднем сделалось ясно. Пополудни облачное небо и небольшой дождь; к вечеру ясно. Ветер чрез весь день западный слабый, к ночи тихо. Чрез весь день тепло, около полудня жарко.

6 августа, пятница, 7-й переход

Время выступления. 2 часа утра.

Направление дороги. 2100 оборотов – к востоку 18°; 1300 оборотов – к западу 8°; 700 оборотов – к западу 17°; 500 оборотов – к западу 22°; 900 оборотов – к западу 27°; 1000 оборотов – к западу 13°; 900 оборотов – к западу 23°; 670 оборотов – к западу 13°.

Достойные примечания предметы. За озером Кайранкуль находится еще несколько других озер, занимающих вдоль по дороге 4¼ версты (1200 оборотов). Одно из них называется *Узюнкуль*.

В 12¼ верстах (3400 оборотов) от озера Кайранкуль река Убаган, в расстоянии четырех верст от дороги, образует озеро, длиною до двух, шириною около полуверсты.

В 15 верстах (4200 оборотов) по правую сторону близ дороги находится киргизское кладбище. Одна могила покрыта деревянным, довольно хорошо сработанным срубом, обложенным и покрытым битою землею. В ней похоронен умерший около шести лет пред сим богатый киргизец Мамбет-бай.

В 15¾ верстах (4400 оборотов) команда переправилась чрез речку Чулансу. Она начинается в березовых рощах, находящихся в четырех верстах от дороги к востоку, и продолжается до реки Убаган. Течения она летом не имеет, но в глубоких плёсах остается много воды, крепко-соленой. Дно реки состоит из весьма топкой глины, затрудняющей переправу. Берега невысоки и состоят из солончаков. По реке растет хороший тальник.

В 19½ верстах (5500 оборотов) река Убаган образует озеро, подобное описанному пред сим, но несколько длиннее.

В 24 верстах (6700 оборотов) команда переправилась чрез высохшую речку, начинающуюся к востоку от дороги в лесу, расстоянием от оной около пяти верст и продолжающуюся до Убагана. По берегам растет тальник.

Седьмое становище при речке Уранонсай, от шестого [становища] в 28½, от Свинцовой горы в 546½ верстах

Седьмое становище при речке Уранонсай.

Расстояние. От последнего пред сим становища при озере Кайранкуль – 28 верст 290 сажен, или 8070 оборотов. От 47-го становища главной команды при речке Чебень – 179 верст 130 сажен, или 50 515 оборотов. От Свинцовой горы – 546 верст 268 сажен.

Время прибытия. 9 часов утра.

Описание становища. Речка Уранонсай (по переводу – Воровская яма) начинается в находящемся к востоку от становища лесу и доходит до реки Убаган, протекающей от сего места в расстоянии шести верст. Летом речка сия течения не имеет, но в глубоких плёсах остается много воды, имеющей солоноватый вкус. Для приготовления пищи она однако без нужды годна, и лошади пьют ее без отвращения. В плёсах водится много мелкой рыбы, особливо бледных карасей. Дно речки состоит из топкого, черного вонючего илу. Берега низки и по обеим сторонам речки место ровное. Около плёсов растет несколько травы и тальнику.

Поверхность пройденного пространства. Команда шла весь переход без дороги по почти ровному месту, которого поверхность большею частью гладка и для езды на колесах удобна. Местами видны были слабые тележные следы.

Почва земли. Большею частью чернозем, смешанный иногда с песком, иногда с глиною. Местами встречаются солончаки.

Растения. Большая часть сего пространства покрыта изрядною зеленою, но уже засыхающею травою. Ковыль растет только местами и изобильнее и сильнее, нежели по предыдущим переходам. Между могилою Мамбет-бая и соленою речкою Чулансу растет челижник (дикая акация) и березовый кустарник. По обеим сторонам дороги растет березовый лес в отдельных небольших рощах. По левую сторону он находился за рекою Убаганом.

Животные. Водяные птицы летали изобильно около Убагана.

8-й переход

Направление дороги. 700 оборотов – к востоку 11°; 1300 оборотов – к западу 15°; 500 оборотов – к западу 5°; 600 оборотов – к востоку 29°; 1100 оборотов – к востоку 17°; 600 оборотов – к западу 11°; 900 оборотов – к западу 19°; 500 оборотов – к западу 24°; 100 оборотов – к западу 29°.

Достойные примечания предметы. При самом становище команда перешла без затруднений чрез речку Уранонсай. В 2¼ верстах (600 оборотов) команда переправилась чрез речку Ачили-Джилга. Она имеет вершины свои в расстоянии 10 верст к востоку от дороги в лесу Ачили-Агач и продолжается до Убагана. Течения она не имеет, но в больших плёсах находится солено-горькая отвратительного вкуса вода. Дно речки состоит из топкой глины и по низким берегам находятся солончаки. Переправа несколько затруднительна. Около речки растет хорошая трава и тальник.

В 4¾ верстах (1300 оборотов) начинается по правую сторону дороги густой сплошной березовый лес, который продолжается до самого места ночлега.

В 5¾ верстах (1600 оборотов) по левую сторону, недалеко от дороги, находится курган (вероятно, ногайская могила) и около его несколько киргизских могил. За ним в полуверсте или несколько более от дороги Убаган образует небольшое озеро, в котором вода не очень соленая.

В 9¼ верстах (2600 оборотов) команда переправилась чрез речку Куйбак-Карасу. Она имеет вершины свои в 12 верстах к востоку от дороги в лесу, называемом *Кунтимиш*, и доходит до Убагана. Течения она не имеет, но в немалых плёсах остается летом довольно соленой воды. Дно и берега она имеет таковые же, как речка Ачили.

Восьмое становище при речке Давлетбак, от седьмого [становища] в 22½, от Свинцовой горы в 568¾ верстах

Восьмое становище при речке Давлетбак.

Расстояние. От последнего становища при речке Уранонсай – 22 версты 156 сажен, или 6300 оборотов. От 47-го становища главной команды при речке Чебень – 201 верста 286 сажен, или 56 815 оборотов. От Свинцовой горы – 568 верст 424 сажени.

Время прибытия. 7 часов вечера.

Описание становища. Речка Давлетбак имеет вершины свои в пяти верстах от сего места к востоку в лесу, называемом *Кузговли*, и в 10 верстах к западу соединяется с Убаганом. Летом она не имеет течения, но плёсы, между которыми перешейки пересыхают, велики, глубоки и содержат весьма чистую вкусом пресную воду и много мелкой рыбы. Дно состоит из глинистого чернозема, берега ровны и невысоки, однако круты. Около реки растет густая отличная трава, содержащая много разнородных растений, березовые рощица и такой же кустарник, и по берегам плёсов в изобилии черная смородина. Команда переправилась без затруднения и остановилась на правом берегу речки.

Поверхность пройденного пространства. Команда шла без дороги, по ровному месту, которого поверхность не гладка, кочковата и местами, особливо с начала и к концу перехода, истрескалась.

Почва земли. Большею частью чистый чернозем, потом, где земля истрескалась, смешанный с глиною. Часто встречаются солончаки. Около речки Давлетбак – чистый тучный чернозем.

Растения. Трава по всему переходу большею частью густая и зеленая, исключая солончаков, которые, как обыкновенно, голы. Ковыль встречается еще менее, нежели по последнему пред сим переходу. Чрез все пространство сего перехода, по правую сторону дороги, находится в разном расстоянии березовый густой лес, и около дороги местами кустарник.

Животные. Местами показывались сайги, и около реки много водяных птиц. Ласточки черные изобильно летали около дороги. Строка беспокоила много лошадей.

Погода. Поутру сильная роса, тихо, ясно, сначала прохладно, но потом жарко до 9 часов. В 7 часов поднялся западный ветер, сначала слабый, потом посредственный. В 10½ часов появились тучи и закрыли солнце. Пополудни в 3 часа пошел, при сильном западном ветре, сильный дождь, который продолжался беспрерывно больше часа и потом, с остановками, до вечера.

7 августа, суббота, 9-й переход

Время выступления. 4 часа утра.

Направление дороги. 1100 оборотов – к востоку 3°; 1500 оборотов – к западу 12°; 1200 оборотов – к западу 23°; 1300 оборотов – к западу 17°; 800 оборотов – к западу 20°; 1160 оборотов – к востоку 7°.

Достойные примечания предметы. В одной версте (200 оборотов) от речки Давлетбак, по левую сторону близ дороги, киргизское кладбище.

В 10¼ верстах (2900 оборотов) по правую сторону дороги курган, походящий на большую ногайскую могилу.

В 12½ верстах (3500 оборотов) по правую сторону близ дороги озеро Джанабеккуль. Оно почти кругло и имеет в поперечнике около 300 сажен; берега низки, отлоги и обросли камышом. Посему глубина озера не может быть значительна, но, вероятно, она достаточно велика, чтоб озеро сие зимою не вымерзало, ибо в нем приметна рыба, и над ним летали в великом множестве разные птицы, рыбою пытающиеся. Вода в озере пресная и чистая. Около берегов растет отличная трава. На южном берегу озера, расстоянием от него более полуверсты, находится киргизское кладбище.

В 13¼ верстах (3700 оборотов) команда переправилась чрез речку Мангибай. Она имеет вершины свои к востоку от дороги и, вероятно, не близко от сего места, хотя вожаки не могли дать в том достаточного сведения. В 15 верстах отсюда, к западу, она соединяется с Убаганом. Течения она летом не имеет, и в ямах, хотя глубоких, но малых остается немного пресной

воды. Дно реки состоит из чернозема, смешанного с песком и глиною. Берега высоки и круты, так что переправа телеги составляла великое затруднение. По всей речке, сколько можно было приметить, растет крупный березовый лес, и в лощине, между высокими берегами заключенной, отлично хорошая трава, березовый кустарник, смородина и изредка ежевика.

В 15¼ верстах (4300 оборотов) по левую сторону дороги озеро с пресною водою. Величина и положение берегов так же, как при озере Джанабек.

В 17 верстах (4800 оборотов) команда проехала чрез полосу березового леса.

В 21 версте (5900 оборотов) команда перешла чрез лощину, по которой растет березовый лес.

В 21¾ версте (6100 оборотов) команда перешла чрез небольшую тележную дорогу, проложенную промышленниками от Пресногорьковской крепости к какому-то озеру, около Убагана находящегося, для рыбной ловли. Вожаки называли озеро сие *Исть-Сарыкуль*. Вероятно, оно один из заливов реки Убагана, которых она образует много. От сего места до самого становища команда шла между березовыми рощами, которые состоят из крупных берез, но большею частью невелики.

Девятое становище при речке Кугалы,
от восьмого [становища] в 25, от Свинцовой горы
в 593¾ верстах

Девятое становище при речке Кугалы-Джилга.

Расстояние. От последнего становища при речке Давлетбак – 25 верст 2 сажени, или 7060 оборотов колеса. От 47-го становища главной команды при речке Чебень – 226 верст 289 сажен, или 63 875 оборотов. От Свинцовой горы – 593 верст 426 сажен.

Время прибытия. 11 часов пред полуднем.

Описание становища. Речка Кугалы-Джилга, на левом берегу которой команда остановилась, начинается в полутора верстах от становища к востоку и в 15 верстах к западу соединяется с рекою Убаганом. Около сего становища она не только течения не имеет, но и воды в ней в небольших ямах

весьма немного, но зато она пресная и весьма чистая. Дно реки состоит из тучного чернозема; берега отлоги и покрыты отлично хорошею тучною травою, кустарником и крупными березами, составляющими небольшие рощи.

Поверхность пройденного пространства. Весь переход команда шла без дороги по почти ровному месту, которого поверхность не везде гладка, но вообще удобнее для езды на колесах, нежели по предыдущим переходам.

Почва земли. По всему переходу чернозем; около озер и речек тучный и чистый, по несколько возвышенным местам – смешанный немного с песком и местами с глиною.

Растения. Трава, покрывающая всю поверхность земли, состоит из разных растений и вся без исключения зелена. Около озер, речек и лесов она чрезвычайно густа и тучна. Сухой ковыль почти вовсе не встречается. Все пространство сего перехода покрыто березовыми рощами, состоящими из крупных дерев.

Животные. Изредка показывались зайцы, и чрез дорогу перелетали водяные птицы. Они же водятся в великом множестве около озер.

10-й переход

Время выступления. 2½ часа пополудни.

Направление дороги. 800 оборотов – к западу 9°; 900 оборотов – к западу 15°; 1300 оборотов – к западу 16°; 1000 оборотов – к западу 31°; 900 оборотов – к западу 22°; 600 оборотов – к западу 27°; 1200 оборотов – к западу 33°; 650 оборотов – к западу 105°.

Достойные примечания предметы. При начале сего перехода команда перешла без всякого затруднения чрез речку Кугалы-Джилга. По левую сторону видны вдали заливы реки Убаган.

В 4¼ верстах (1200 оборотов) команда перешла чрез сухою лощину.

В 6¾ верстах (1900 оборотов) команда перешла чрез небольшую тележную дорогу, проложенную от Сибирского реду-

та к реке Убаган промышленниками, ездящими туда для рыбной ловли.

В 7¼ верстах (2000 оборотов) по левую сторону дороги, расстоянием около 150 сажен, озеро, длиною около 150, широтою около 100 сажен. По берегам его находятся березовые рощи.

В 13¼ верстах (3700 оборотов) команда перешла чрез сухой лог с отлогими берегами.

В 15¼ верстах (4300 оборотов) подобный же лог.

В 18¼ верстах (5100 оборотов) команда перешла чрез полосу березового лесу, пересекающую дорогу.

По левую сторону дороги видны были небольшие озера, о которых вожаки уверяли, что вода в них соленая.

Десятое становище при речке Ханлы,
от девятого [становища] в 26, от Свинцовой горы
в 619¾ верстах

Десятое становище при речке Ханлы-Джилга.

Расстояние. От последнего становища при речке Кугалы-Джилга – 26 верст 15 сажен, или 7350 оборотов. От 47-го становища главной команды при речке Чебень – 252 версты 304 сажени, или 71 225 оборотов. От Свинцовой горы – 619 верст 442 сажени.

Время прибытия. 9½ часов вечера.

Описание становища. Речка Ханлы-Джилга, на правом берегу которой остановилась команда, имеет вершины свои около пяти верст к востоку от сего места, и в 12 верстах к западу соединяется с рекою Убаган. Течения она не имеет, но в глубоких ямах остается довольно пресной, но не совсем чистой вкусом воды. Дно состоит из чистого тучного чернозема, берега высоки, круты и покрыты крупными березами и березовым же кустарником. Между берегами в логу растет такой же кустарник и отлично хорошая тучная трава.

Поверхность пройденного пространства. Весь переход команда шла без дороги по равнине несколько волнистой, которой поверхность с начала перехода кочковата и местами истрескалась.

Почва земли. Чернозем большею частью чистый, но иногда смешанный с песком. Редко встречается в смеси почвы глина.

Растения. Трава зеленая покрывает большую часть поверхности земли, но сухой, однако, густой ковыль занимает немалые полосы. Все пространство сего перехода покрыто березовым лесом.

Животные. Водяные птицы перелетали часто чрез дорогу. Насекомые и между ими строка окружали команду в великом множестве и мучили лошадей.

Погода. Поутру весьма сильная роса. Небо чрез весь день чистое, и только около полудня появились облака. Поутру и вечером тихо, около полудня слабый восточный ветер.

8 августа, воскресенье, 11-й переход

При выступлении команды отряжен надежный унтер-офицер Звериноголовского гарнизонного батальона с 30 человеками на лучших лошадях для доставления правившему в Звериноголовской крепости должность коменданта г-ну майору Серебренникову рапорта о приближении команды и об отводе для людей квартир и для лошадей пастбищного места. Отряду сему приказано следовать впереди команды так, чтобы она ее не потеряла из виду до того места, где она увидит Никольский форпост, находящийся в семи верстах от крепости, и потом следовать без замедления до крепости.

Время выступления. 5½ часов утра.

Направление дороги. 1500 оборотов – к западу 19°; 1000 оборотов – к западу 25°; 800 оборотов – к западу 31°; 400 оборотов – к западу 39°; 300 оборотов – к востоку 20°; 400 оборотов – к востоку 10°; 800 оборотов – к востоку 14°.

Достойные примечания предметы. В четырех верстах (1100 оборотов) команда перешла чрез речку Тура-Илгасы. Она начинается в трех верстах от сего места к востоку, и в семи верстах к западу соединяется с рекою Убаган. Течения она не имеет и в небольших ямах находится немного несколько солоноватой воды.

В пяти верстах (1400 оборотов) по левую сторону дороги находится озеро пресное, длиною около 100, шириною около 50 сажен.

За сим озером в двух верстах находится таковое же, но несколько обширное.

В 6¾ верстах (1900 оборотов) по правую сторону дороги таковое же озеро. Расстояние его от дороги около полутора верст.

В восьми верстах (2200 оборотов) по левую сторону дороги, расстоянием около одной версты, озеро, длиною до 400, широтою около 150 сажен.

В 8½ верстах (2400 оборотов) по левую сторону близ дороги – киргизское кладбище и за ним, расстоянием около версты, небольшое озеро.

В 12¼ верстах (3400 оборотов) команда вышла на хорошо набитую тележную дорогу, по которой из Звериноголовской крепости ездят жители к реке Убаган и озерам, здесь находящимся, для рыбной ловли, и соленым озерам Эбелей и Уркач – за солью.

В 15¾ верстах (4400 оборотов) по левую сторону дороги озеро, длиною около 200, шириною около 100 сажен.

К востоку от дороги находится в расстоянии двух и более верст несколько озер, при которых кочевал матакай-киреского рода старшина Емангул Бактыбаев.

Все озера, здесь описанные, имеют пресную воду, содержат рыбу и окружены березовыми рощами, и при них кочуют большею частью киргизцы упомянутого рода. При одном магометанский священник (мулла) имеет выстроенный из бревен домик.

В 17 верстах (4800 оборотов) команда прошла мимо Никольского форпоста и вступила, следственно, в российскую границу. Форпост сей находится недалеко от озера, при другом конце которого команда остановилась.

11-е становище при озере Никольском, от десятого [становища] в 18½, от Свинцовой горы в 638¼ верстах

11-е становище при озере Никольском.

Расстояние. От последнего пред сим становища при речке Ханлы-Джилга – 18 верст 208 сажен, или 5200 оборотов колеса. От 47-го становища главной команды при речке Чебень – 271 верста 13 сажен, или 76 425 оборотов. От Свинцовой горы – 638 верст 150 сажен.

Время прибытия. 11 часов пред полуднем.

Описание становища. Озеро Никольское находится по левую сторону дороги и лежит длиною своею до одной версты, простирающегося параллельно с нею. Широта его доходит до 300 сажен. Дно его состоит из чернозема, покрытого крупным песком. Берега отлоги, низки и покрыты камышом и хорошею травою. Вода в озере пресная и, по уверению жителей Звериноголовской крепости, оно содержит много рыбы. К западу от него находится еще несколько озер, ему подобных, которые все вместе с сим называются киргизцами *Балыкликуль* (Рыбные озера).

Поверхность пройденного пространства. Команда шла сначала 12 верст без дороги, потом по дороге вышеописанной. Все пространство сего перехода представляет равнину несколько волнистую, которой поверхность гладка и для езды на колесах удобна.

Почва земли. По всему переходу чернозем, смешанный большею частью с песком, но часто чистый и тучный, особливо около леса.

Растения. Вся поверхность земли по сему переходу покрыта весьма хорошею зеленою травою и березовыми рощами. Первая доставляет жителям Звериноголовской крепости весьма изобильные сенокосы, и последняя – дрова.

Животные. Около озер показывались водяные птицы (большею частью утки) и по дороге зайцы.

12-й, последний, переход

Время выступления. 2 часа пополудни.

Направление дороги. 400 оборотов – к востоку 8°; 400 оборотов – к западу 6°; 200 оборотов – к востоку 2°; 400 оборотов – к западу 17°; 300 оборотов – к западу 3°; 230 оборотов – к западу 33°.

Достойные примечания предметы. В 1½ версте (400 оборотов) команда перешла чрез неширокий лог, по которому растет березовый и осиновый кустарник.

В 2½ верстах (700 оборотов) команда перешла чрез сухой овраг с крутыми и высокими берегами. По сему оврагу растет таковой же кустарник, как по описанному пред сим логу.

В трех верстах (800 оборотов) по левую сторону, около 100 сажен от дороги, небольшое пресное озеро.

В пяти верстах (1400 оборотов) по левую сторону, около 100 сажен от дороги, курган, в поперечнике до 20 сажен, высотою до 5 аршин.

В 1700 оборотах команда перешла по мосту чрез овраг с крутыми берегами, в котором течет ручей, впадающий в одной версте к западу в реку Тобол. В правую сторону дороги находится кирпичный завод Звериноголовской инженерной команды.

12-е становище, Звериноголовская крепость, от 11-го [становища] в 6¾, от Свинцовой горы в 645 верстах

12-е становище, Звериноголовская крепость.

Расстояние. До шлагбаума крепости от последнего становища – 6 верст 417 сажен, или 1930 оборотов. От 47-го становища главной команды при речке Чебень – 277 верст 430 сажен, или 78 355 оборотов. От Свинцовой горы – 645 верст 68 сажен.

Время прибытия. 4 часа пополудни.

Поверхность пройденного пространства. Команда следовала по упомянутой при описании 11-го перехода дороге, проложенной по равнине, перерезанной оврагами.

Почва земли. Чернозем, смешанный, чем ближе к крепости, тем более, с крупным песком.

Растения. По всему переходу растет отлично хорошая трава и березовый лес с молодыми соснами.

Погода. Местные облака и иногда сияние солнца. Около полудня шел небольшой дождь. Ветер умеренный западный.

Общие замечания о всей дороге от речки Чебень до Звериноголовской крепости

Все пространство, заключающееся между речкою Чебень и Звериноголовской крепостью, разделяется на две части, которые между собою весьма различны.

Первая половина начинается у 47-го становища главной команды, продолжается до озера Кайранкуль и занимает в длину 150 верст. Вся сия полоса по дороге отдельной команды большею частью бесплодна (исключая урочище Муш-Мурун), и не только к заселению, но даже и к проезду с большею командою неспособна.

Вторая, напротив, половина от озера Кайранкуль до Звериноголовской крепости имеет плодородную почву, изобилует отличными пастбищами, сенокосными местами, лесом, рыбою и водяными птицами, которых ловля и теперь уже составляет важную часть промышленности жителей восточной части Оренбургской и западной части Сибирской линий и, бесспорно, могла бы быть с выгодою населена, если б правительство считало б то нужным. В рассуждении скотоводства нужно сказать, что здесь, вероятно, встретятся те же неудобства, которые делают сию часть хозяйства и на Сибирской, или так называемой *Горькой*, линии ненадежною; именно: почти ежегодный падеж и насекомые. Сие обстоятельство принуждает жителей упомянутой линии на летнее время отгонять скотину свою во внутренность Тобольской губернии или препоручать ее киргизцам.

По сей дороге расстояние между Свинцовою горою и границею Российской империи короче 4 верстами и 311 саженями, нежели по дороге от Усть-Уйской крепости, но маловажная сия разность не может уменьшить неудобства дороги сей, проис-

ходящего от бесплодия первых переходов, от затруднительных переправ чрез овраги и речки и от кочковатой поверхности земли.

***

Команда, по наставлению, данному начальнику от г-на подполковника Феофилатьева, распущена была в Звериноголовской крепости. Нижние чины и рядовые Звериноголовского гарнизонного батальона сданы г-ну майору Серебренникову, а казаки и башкирцы отпущены в кантоны. Господин поручик Генс, практикант Меньшенин, горные и инженерные нижние чины и служители, вожаки и толмач отправились 10 августа в город Троицк.

Весь отряд кончил поход сей так счастливо, что не потерял ни одного человека и даже ни одной лошади, несмотря на изнурительные переходы, на недостаток хорошей воды при некоторых становищах, на совершенное отсутствие корму при озере Убаган-Дингиз и на насекомые, которые не позволяли днем лошадям пользоваться и хорошим кормом.

РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18526. Л. 1–80 об. Копия.

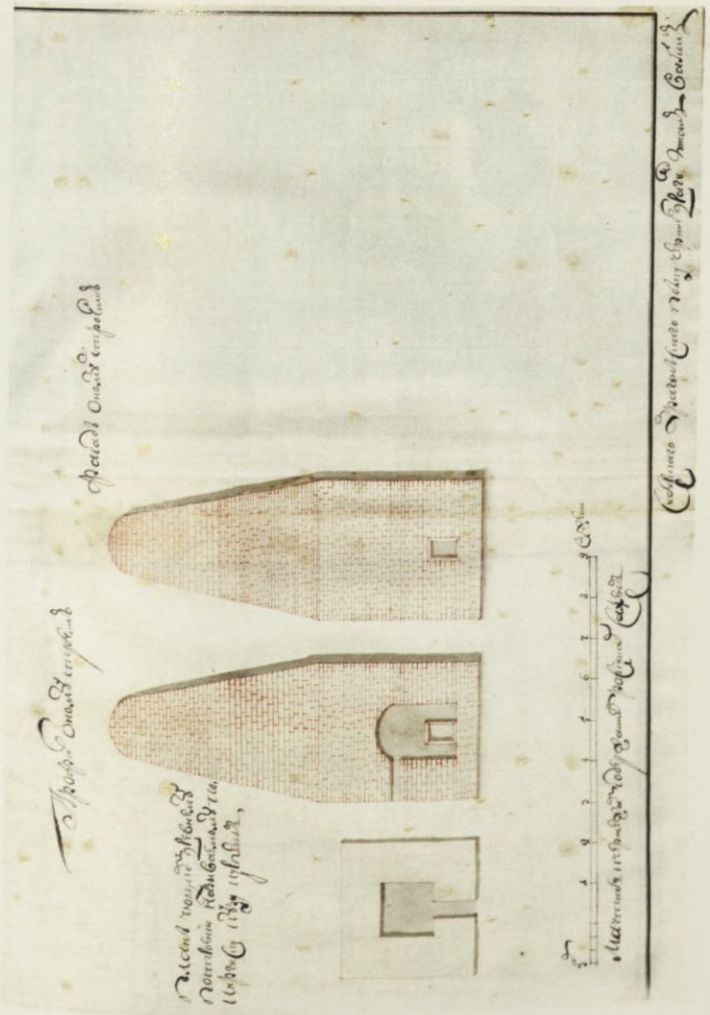

Рис. 1. План и фасады памятника Козы-Корпеш и Баян-сулу. Рисунок И. Саблина. 1771 г.

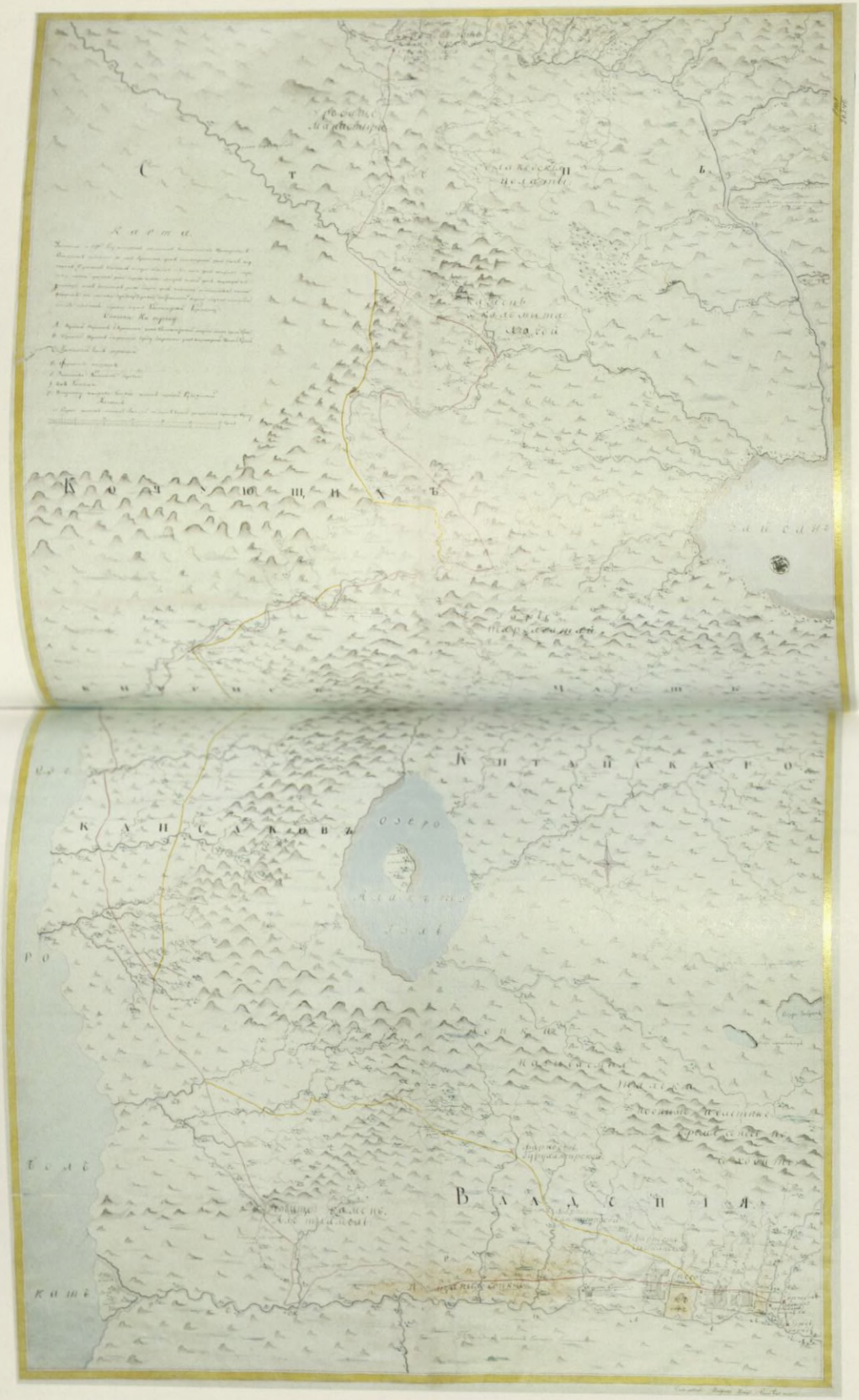

Рис. 2. Карта маршрута сибирского казачьего атамана Г. Волошанина. 1771 г.

Рис. 3. Каменное женское изваяние памятника Козы-Корпеш и Баян-сулу. Рисунок И. Саблина. 1771 г.

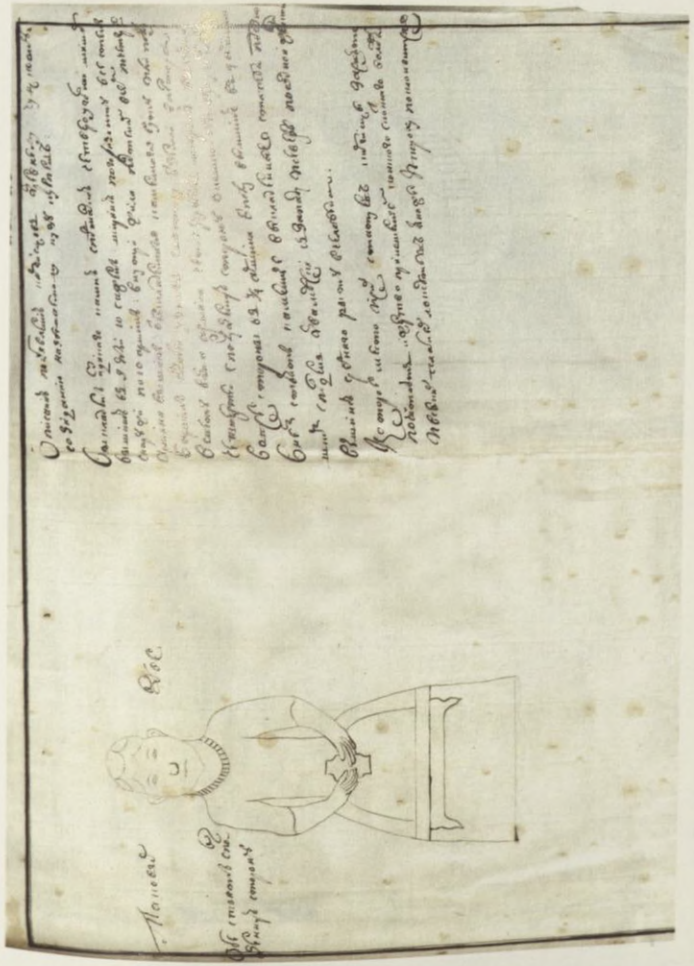

Рис. 4. Каменное мужское изваяние памятника Козы-Корпеш и Баян-сулу. Рисунок И. Саблина. 1771 г.

Рис. 5. Карта Казахской степи, Средней Азии, бывшего Джунгарского ханства и Цинской империи, составленная офицерами Сибирского корпуса. 1784 г. Фрагменты

Рис. 6. Карта маршрута коллежского регистратора А. Т. Путинцева. 1812 г.

Рис. 7. Ойратская молельня в горах над целебным источником Арасан. Рисунок В. В. Верещагина. Вторая половина XIX в.

Маршрут Омского военно-сиротского отделения смотрительного помощника 14-го класса Лещева, командированного в 1821 г. из крепости Семиполатной при купеческом караване под прикрытием казачьего отряда Киргизскою степью по тракту к городу Кашкару, принадлежащему Китайскому государству, учиненной направление дороги по компасу, а расстояние примерно по ходу верховых лошадей по шесть верст в час, прочее ж описание по расспросам едущих в караване торговцев и киргизов*

Купцы объявили готовность к отправлению каравана за границу.

Июня 18-го числа казачий отряд переправился из крепости Семиполатной чрез реку Иртыш и остановились на берегу оного.

19-го и 20-го числа дожидали караван, но за неимением лошадям корма, не дождав каравана 21-го числа отправился по левому берегу реки Иртыш, у коего и имели ночлег: направление дороги – SO 58°; время хода – 1 час 36 минут; всего хода – 9 верст 300 сажен; положение на плане – 8 верст 265 сажен.

Ход был долом, который по пути нашему продолжается в правую руку на 25 или 30 верст, а вверх и вниз по реке Иртышу

* В сем маршруте написано *увалы* – значит отлогое небольшое возвышение; *сопки* – круглое возвышение.

на дальнее расстояние, по оному грунт земли песчаный с каменистою дресвою, пахотных мест не имеется.

[Июня] 22-го от реки Иртыша шли по наносным от ветров песчаным буграм, а местами и ровным местоположением до озера Каравankуля, где и имели ночлег: направление дороги – SO 48°; время хода – 6 часов; всего хода – 36 верст; положение на плане – 32 версты 166 сажен.

На сем пути грунт земли песчаный с каменистою дресвою, пахотных мест не имеется.

Озеро Каравankуль длиною четыре, широтою в одну версту, а местами и ширее и глубиною – не более двух аршин, а по берегам оного растет мелкий камыш, вода осолотковата и от прелости камыша душновата.

От реки Иртыш и до озера Каравankуля продолжались в обеих сторонах пути более 10 верст низкие и отлогие песчаные бугры.

Против стана нашего в левой руке в 25 или 30 верстах гора Дельбигитей, каменная, крутая, скалами посредственной вышины, лежащая от севера к полудню. В правой руке в 15 верстах горы Семитау, начало свое имеют каменное, невысоки, покатости оных отлогие, лежащие от востока к западу, которые продолжаются до 100 верст.

Лугов и трав, годных к сенокосу, не имеется, лошади казачьего отряда кормились около озера Каравankуля камышом.

На сем пути строевого и годного на дрова леса нет, а местами и в малом количестве мелкие терновые кустарники имеются.

[Июня] 23-го. От озера Каравankуль таковыми ж песчаными буграми до речки Чар-Гурбан, где и ночлег имели: направление дороги – SO 13°; время хода – 4 часа 10 минут; всего хода – 25 верст; положение на плане – 22 версты 444 сажени.

На сем пути грунт земли песчаный с каменистою дресвою, хлебопахотных мест не имеется.

Речка Чар-Гурбан выпадает из Калбинских гор и впадает в реку Иртыш против редута Талицкого, широтою в сем месте от пяти до шести сажен, глубина оной омутами местами в поларшина, а другими до двух аршин, берега не выше двух аршин, течение имеет посредственной быстроты, вода пресная.

По обе стороны пути низкие и отлогие прерывистые с каменистою дресвою бугры, продолжающие от озера Каравankуля и до речки Чар-Гурбан, а по пути в правую руку до 15 верст. От сего стана горы Дельбигитей остаются в левой руке, расстоянием в 10 или 11 верстах.

По обе стороны речки Чар-Гурбан есть небольшие луга, шириною от 50 до 100 сажен, но трав, годных к сенокосу, не имеется, для отряда в корм лошадям было достаточно.

Строевого и годного на дрова леса нет, и местами в небольшом количестве мелкий терновый кустарник имеется.

В речке Чар-Гурбан водится рыба: щуки, окуни и чебаки, кои заходят из реки Иртыш.

[Июня] 24-го. Перейдя речку Чар-Гурбан с левого на правый берег, шли долом и имели ночлег при речке Чар-Гурбан: направление дороги – SW 8°; время хода – 3 часа 25 минут; всего хода – 20 верст 250 сажен; положение на плане – 18 верст 210 сажен.

Дол по пути нашему в левую руку простирается от речки Чар-Гурбан до гор Дельбигитей, расстоянием на 15 верст; по оному грунт земли песчаный и пахотных мест не имеется.

Речка Чар-Гурбан от пути удалялась в правую руку от двух до пяти верст.

От речки Чар-Гурбан по пути нашему в правую руку простираются низкие и отлогие песчаные бугры, расстоянием до 20 верст. Горы Дельбигитей против стана нашего в левой руке, расстоянием не далее восьми верст. В правой руке в 15 и 20 верстах горы Аргалык каменные, низкие и отлогие, начало свое имеют и продолжаются к западу на дальнее расстояние.

[Июня] 25-го. Шли долом подле речки Чар-Гурбан, у коей и ночлег имели: направление дороги – SO 32°; время хода – 4 часа 15 минут; всего хода – 25 верст 250 сажен; положение на плане – 22 версты 466 сажен.

Против сего места в левую руку дол, простирается не далее трех верст, по коему грунт земли как выше сего описан.

Против стана нашего в правой руке, расстоянием не более трех верст, невысокая отлогая песчаная сопка, лежащая длиною от полудня к западу до пяти верст, называемая по-киргизски

Аяк-Караул. Против сего места в левой руке в трех верстах горы Дельбигитей имеют свое окончание.

По обе стороны речки Чар-Гурбан есть небольшие луга, широтою от 50 до 100 сажен, но трав, годных к сенокосу, не имеется. Для отряда в корм лошадям было достаточно.

[Июня] 26-го числа дневали.

[Июня] 27-го числа шли долом подле той же речки Чар-Гурбан, у коей и ночлег имели: направление дороги – SO 10°; время хода – 5 часов 5 минут; всего хода – 30 верст 250 сажен; положение на плане – 27 верст 222 сажени.

По всему пути в левой руке до увалов, а в правой, исключая песчаные сопки, дол простирается до 12 верст, по оному грунт земли песчаный с каменистою дресвою, пахотных мест не имеется.

Речка Чар-Гурбан от пути нашего удалялась сначала недалеко, где остановились ночевать, до четырех верст.

От ночлега пройдя четыре версты, поравнялись против песчаной сопки, называемой *Урта-Караул*, которая в правой руке от пути нашего не далее одной версты, а от оной чрез две версты другая песчаная сопка Баш-Караул, величиною первая – до пяти, последняя – до семи верст. По пути в левой руке – от одной до двух, а в правой – в 10 или 11 верстах во весь ход продолжались низкие и отлогие земляные прерывистые увалы на дальнее расстояние.

По речке Чар-Гурбан местами небольшие луга, но трав, годных к сенокосу, не имеется, для отряда в корм лошадям было достаточно.

На сем пути леса строевого и годного на дрова нет, а местами в небольшом количестве между покатостей увалов мелкий терновый кустарник имеется.

[Июня] 28-го, 29-го, 30-го числа проживали, дожидаясь купеческого каравана.

Июля 1-го. Перейдя речку Чар-Гурбан с правого на левый берег, шли подле оной долом, у коей и ночлег имели: направление дороги – SO 50°; время хода – 2 часа 15 минут; всего хода – 13 верст 250 сажен; положение на плане – 11 верст 449 сажен.

По всему пути простирается дол, в левую руку – не далее двух, а в правую – до 10 верст, по оному грунт земли песчаный, но большею частью солонечный, пахотных мест не имеется.

От ночлега речка Чар-Гурбан имеет поворот к востоку не далее 10 верст, а потом оборачивается ближе к полудню.

Во все расстояние с того дня хода в левой руке не далее двух, а в правой – десяти верст, продолжались низкие и отлогие земляные прерывистые увалики, простирающиеся на дальнее расстояние.

На сем пути никакого леса, кустарников не предвиделось, и пищу варили кизяком.

[Июля] 2-го, 3-го, 4-го, 5-го и 6-го числа проживали, дожидаясь купеческого каравана.

[Июля] 7-го. Оставя речку Чар-Гурбан в левой руке, шли долом до речки Дженишкесу, у коей и ночлег имели: направление дороги – SW 6°; время хода – 5 часов 10 минут; всего хода – 31 верста; положение на плане – 27 верст 444 сажени.

С начала хода дол, простирающийся в правой руке на девять верст, а при стане сего дня не более 300 сажен, в левую же руку на дальнее расстояние, по оному грунт земли песчано-иловатый, большею частью солонечный, хлебопахотных мест не имеется.

Речка Дженишкесу выпадает между гор Калбинских и Джилькара от полудня к северу и впадает в речку Чар-Гурбан, от ночлега в 10 верстах, широтою в четыре, а местами и в шесть аршин, течение имеет только весною, а летом вода остается омутами глубиною от одного до двух аршин, во многих местах по берегам растет мелкий камыш, от прелости коего вода несколько душновата.

С начала хода в правой руке в девяти верстах, а при стане нашем не далее 300 сажен, продолжаются небольшие земляные отлогие прерывистые увальчики на дальнее расстояние.

Лугов и сенокосных мест не имеется, для корма лошадям между покатостей гор травы, называемой кипцом, было в избыточестве.

Лесов и кустарников не имеется, пищу варили кизяком.

В речке Дженишке видели рыбу: небольшие щуки живые должны заходить во время весны из озера Балыккуля или речки

Чар-Гурбана, которая по скате воды остается в омутах или ямах сей речки.

[Июля] 8-го дневали.

[Июля] 9-го. Шли подле речки Дженишкесу долом до гор Калбинских и Аркат: направление дороги – SW 20°; время хода – 2 часа 27 минут; всего хода – 14 верст 350 сажен; положение на плане – 13 верст 31 сажень.

По покатостям гор Аркат имели ночлег у речки Дженишке: время хода – 2 часа 48 минут; всего хода – 15 верст 150 сажен; положение на плане – 12 верст 431 сажень.

Итого: время хода – 5 часов 5 минут; всего хода– 31 верста 100 сажен; положение на плане – 25 верст 462 сажени.

Дол простирается от пути в левую руку на дальнее расстояние, а в правую – не далее двух верст, по оному грунт земли песчаный, а местами с каменистою дресвою, хлебопахотных мест не имеется.

Речка Дженишкесу от ночлега к стану сего дня удалилась в левую руку, от пути нашего постепенно до пяти верст.

По пути нашему в левой руке горы Калбинские каменные посредственной вышины, покатости оных местами круты, а другими – отлогие, здесь начало свое имеют и продолжаются к полудню.

Лугов и сенокосных мест не имеется, для корма лошадям между покатостей гор травы, называемой кипцом, было в избыточестве.

Лесов и кустарников не имеется, пищу варили кизяком.

[Июля] 10-го числа дневали.

[Июля] 11-го. Подле речки Дженишкесу покатостями гор Калбинских до впадения в Дженишке речки Джаирмы: направление дороги – SW 45°; время хода – 1 час 17 минут; всего хода – 7 верст 350 сажен; положение на плане – 6 верст 80 сажен.

От Джаирмы по той же речке Дженишке до поворота: время хода – 1 час 1 минута, всего хода – 6 верст 20 сажен; положение на плане – 5 верст 286 сажен.

Поворотом и остановились ночевать на речке Дженишкесу: направление дороги – SO 15°; время хода – 3 часа 5 минут;

всего хода – 18 верст 225 сажен; положение на плане – 15 верст 118 сажен.

Итого: время хода – 5 часов 23 минуты; всего хода – 32 версты 295 сажен; положение на плане – 26 верст 484 сажен.

Речка Джаирма выпадает из гор Игрекей от полудня к востоку, соединяется с озером Балыккуль и впадает в речку Дженишкесу, в означенном расстоянии широтою до шести аршин, берега низкие, течение имеет только весною, а летом вода остается омутами, глубиною в ¾ аршина, а местами и глубже, по берегам во многих местах растет мелкий камыш, от прелости коего вода душновата. Два озера Балыккуль от впадения речки Джаирмы в Дженишке находятся в пяти или шести верстах, которые, сказывают, каждое долготою в четыре, а широтою от 2½ до трех верст, глубиною от пяти до шести аршин, берега имеют отлогие, по коим растет камыш, вода пресная.

На сем пути в левой руке продолжаются горы Калбинские. От поворота сего дня в правой руке горы Джилькара каменные, посредственной вышины, покатости имеют отлогие, от поворота начало свое имеют и продолжаются к полудню до 40 или 50 верст и соединяются с горами Игрекей.

Лугов и сенокосных мест не имеется, а подножного корма для лошадей было достаточно.

На сем пути при самом начале и далее по речке Дженишкесу довольно есть леса, годного на дрова, талового и черемухового кустарников.

В обоих озерах Балыккуль водится рыба: щуки, окуни и чебаки.

[Июля] 12-го, 13-го, 14-го, 15-го, 16-го, 17-го и 18-го числа стояли, дожидались купеческого каравана.

[Июля] 19-го. Перейдя речку Дженишке с правого на левый берег, шли покатостями гор Джилькара и остановились ночевать при речке Дженишке: направление дороги – SO 1°; время хода – 3 часа 40 минут; всего хода – 22 версты; положение на плане – 18 верст 407 сажен.

От сего ночлега речка Дженишкесу сделала поворот в правую руку, и сказывают, что имеет свое начало в 20 или 25 верстах.

По обе стороны пути продолжались горы, в левой руке – Калбинские, а в правой – Джилькара.

Лугов и сенокосных мест не имеется, а подножного корма для лошадей было достаточно.

На сем пути по речке Дженишке лес таловый, годный на дрова, в небольшом количестве.

[Июля] 20-го, 21-го, 22-го, 23-го и 24-го стояли, ожидали купеческий караван.

23-го числа прибыл к отряду караван с купеческим товаром, но караван-баши и двое приказчиков остались еще в крепости Семипалатинской.

[Июля] 25-го. От речки Дженишкесу до речки Кокбукты между гор Калбинских и Джилькара – долом, и остановились ночевать при речке Кокбукты: направление дороги – SO 50°; время хода – 4 часа 17 минут; всего хода – 25 верст 350 сажен; положение на плане – 23 версты 54 сажени.

Дол сей по обе стороны пути нашего простирается не шире пяти или шести верст, на оном грунт земли песчано-каменистый, хлебопахотных мест не имеется.

Речка Кокбукты выпадает из гор Кара-Адыр, течение имеет от запада к востоку и впадает в озеро Нор-Зайсан, где мы шли, и широтою будет от трех до четырех сажен, глубиною омутами в пол-аршина, а местами глубже, течение имеет только весною, а в прочее время пересыхает, берега оной вышиною до двух аршин, вода пресная.

По обе стороны пути продолжались горы, в правой руке – Джилькара, а в левой – Калбинские.

Лугов и сенокосных мест не имеется, а для скота подножного корма было достаточно.

На сем пути в развалах гор Калбинских и Джилькара местами есть березовый лес, годный на дрова, небольшими колками.

[Июля] 26-го числа дневали.

[Июля] 27-го. От речки Кокбукты небольшими горами Джилькара до поворота: направление дороги – SO 10°; время хода – 2 часа 30 минут; всего хода – 15 верст; положение на плане – 12 верст.

Поворотом: направление дороги – SW 30°; время хода – 30 минут; всего хода – 3 версты; положение на плане – 2 версты 200 сажен.

[Июля] 27-го. Долом между гор Куш-Мурун и Кара-Адыр: направление дороги – SO 10°; время хода – 4 часа; всего хода – 24 версты; положение на плане – 21 верста 300 сажен.

Чрез гору Куш-Мурун до речки Кельбатыр, у коей и ночлег имели: направление дороги – SW 20°; время хода – 50 минут; всего хода – 5 верст; положение на плане – 4 версты.

Итого: время хода – 7 часов 50 минут; всего хода – 47 верст; положение на плане – 40 верст.

Дол по обе стороны пути простирается от шести до семи верст, по оному грунт земли песчано-каменистый, пахотных мест не имеется.

Речка Кельбатыр выпадает из гор Куш-Мурун от полудня к северу и впадает в речку Кокбукты, широтою от пяти до шести аршин, глубиною местами в пол-аршина, а другими – глубже, течение имеет по веснам, а в прочее время остается омутами, вода в оной пресная, берега низкие. Не доходя речки Кельбатыр двух верст, перешли небольшой ключик, протекающий от востока к западу и впадающий в речку Кельбатыр.

На сем пути прошли небольшие отлогие прерывистые земляные с насыпью камней горы Джилькара, которые продолжаются в левую руку, не далее 15 верст гора Куш-Мурун посредственной вышины, верх оной в некоторых местах скалами, от пути в левую руку в трех верстах лежащая, от полудня к западу до 60 верст, а потом делает поворот к северу. По правую руку пути в четырех верстах проходят горы каменные Кара-Адыр, лежащие от севера к полудню, посредственной вышины, в некоторых местах с небольшими скалами.

Лугов и сенокосных мест не имеется, а для скота подножного корма было достаточно.

На сем пути строевого и годного на дрова леса нет, а от ночлега в первых горах мелкий терновый кустарник местами в небольшом количестве имеется.

[Июля] 28-го числа дневали.

[Июля] 29-го. Между гор Куш-Мурун и Кара-Адыр шли отлогими покатостями оных до поворота: направление доро-

ги – SO 4°; время хода – 55 минут; всего хода – 5 верст 250 сажен; положение на плане – 4 версты 335 сажен.

Теми ж покатостями до речки Балта-Кара: направление дороги – SW 33°; время хода – 1 час 40 минут; всего хода – 10 верст; положение на плане – 8 верст 200 сажен.

До гор Балта-Кара: время хода – 30 минут; всего хода – 3 версты; положение на плане – 2 версты 333 сажени.

Чрез горы Балта-Кара до речки Испе, у коей и ночлег имели: направление дороги – S; время хода – 1 час 30 минут; всего хода – 9 верст; положение на плане – 7 верст 160 сажен.

Итого: время хода – 4 часа 35 минут; всего хода – 27 верст 250 сажен; положение на плане – 23 версты 28 сажен.

Речка Балта-Кара выпадает из гор сего же названия и впадает в речку Аягуз, широтою от трех до четырех сажен, глубиною местами в ¾ аршина, а другими – до двух аршин, течение имеет по веснам, а в прочее время вода пресная остается омутами, берега оной низкие. Речка Испе выпадает из гор Сылдарма и впадает в речку Балта-Кара, широтою от двух до трех сажен, глубиною от одного до двух аршин, течение имеет по веснам, и в прочее время остается омутами, берега низкие и местами топкие, обросшие камышом, вода от прелости камыша душновата.

Горы Куш-Мурун и Кара-Адыр продолжаются по обе стороны пути и соединяются с горами Балта-Кара; горы Балта-Кара посредственной вышины, верха оных кругловаты, но покатости довольно круты, лежащие в левую руку к полудню, а в правую – на запад, долготою в правую руку до 15 верст, а в левую руку гораздо далее.

На сем пути лугов и трав, годных к сенокосу, не имеется.

На сем пути строевого и годного на дрова леса нет, и местами между покатостей гор мелкий терновый кустарник имеется.

[Июля] 30-го. Долом до горы Сылдарма: направление дороги – SO 10°; время хода – 1 час 5 минут; всего хода – 6 верст 250 сажен; положение на плане – 5 верст 388 сажен.

Горами Сылдарма до речки Бордубай: время хода – 1 час 11 минут; всего хода – 7 верст 50 сажен; положение на плане – 5 верст 380 сажен.

Долом до гор Якши-Кызылташ: время хода – 2 часа 54 минуты; всего хода – 17 верст 200 сажен; положение на плане – 15 верст 265 сажен.

Горами до речки Аягуз, у коей имели становье: время хода – 50 минут; всего хода – 5 верст; положение на плане – 4 версты 123 сажени.

Итого: время хода – 6 часов; всего хода – 36 верст; положение на плане – 31 верста 138 сажен.

Дол первый простирается по обе стороны пути на 20, а второй – на шесть верст, по оным грунт земли песчано-каменистый и пахотных мест не имеется.

Речка Бордубай выпадает между гор Кызылташ и Сылдарма и впадает в речку Аягуз от запада к полудню, широтою от трех до пяти сажен, глубиною местами в один аршин, а другими – глубже; течение имеет веснами, прочее время вода остается омутами, берега оной вышиной от одной до двух сажен, около воды растет камыш, от прелости оного вода душная.

Речка Аягуз выпадает с северной стороны гор Тарбагатая, начально от полудня к северу и делает оборот паки к полудню, впадает в озеро Балхаш, широтою до восьми сажен, глубиною местами в 10 вершков, а другими и в 2½ аршина, берега вышиною до трех аршин, вода пресная, течение имеет посредственной быстроты.

Горы Сылдарма каменные, низкие, лежащие по длине к западу от пути нашего в правую руку на 25 верст, соединяясь с оными горы Яман-Кызылташ в левой руке не далее одной версты – каменные, довольно высокие, верха имеющие скалами, долгота оных от запада к полудню продолжающаяся до речки Аягуз, а от оной сделала поворот несколько на восток расстоянием до 12 верст. В правой руке в пяти верстах горы каменные Якши-Кызылташ, довольно высокие, верха кругловаты, но покатости крутые, долгота оных простирается от полудня к западу расстоянием на 40 верст.

По речке Аягуз есть небольшие луга, но трав, годных к сенокосу, не имеется, да и для подножного корма местами в небольшом количестве.

По пути никакого леса не предвиделось, а по речке Аягуз местами есть таловый кустарник в малом количестве.

В речке Аягуз водится рыба с виду похожая на тайменя, цветом желтовата, чешуя тонка и чрезвычайно мелка, телом мягка и жирна, величиною до одного аршина, настоящего звания ей неизвестно, а казаки называют *маринкою*, которую довольно ловили удочками и употребляли в пищу, и кто много оной ел на другой день открывался с ними понос с болью в животе. После сего употреблять оную в пищу было воспрещено. В горах Якши-Кызылташ есть камни топазовые, палевого дымчатого и белого цвета, коих небольшие частицы показывали киргизы, пасшие в ущельях оных гор скот, находили, а о количестве и величине оных неизвестно.

Июля 31-го, августа 1-го, 2-го, 3-го, 4-го, 5-го, 6-го, 7-го, 8-го, 9-го, и 10-го числа проживали, дожидаясь караван-баши и других приказчиков.

[Августа] 10-го числа приехали к отряду караван-баши и с ним еще двое приказчиков, кои от каравана по своим делам оставались в крепости Семипалатинской.

[Августа] 11-го. От речки Аягуз долом до горы и речки Бюрулы: направление дороги – SW 20°; время хода – 3 часа 15 минут; всего хода – 19 верст 250 сажен; положение на плане – 17 верст 266 сажен.

Горою Бюрулы до поворота: время хода – 20 минут; всего хода – 2 версты; положение на плане – 1 верста 300 сажен.

Поворотом: направление дороги – SO 20°; время хода – 25 минут; всего хода – 2 версты 250 сажен; положение на плане – 1 верста 310 сажен.

Вторым поворотом до речки Акджаулы: направление дороги – SW 15°; время хода – 1 час 30 минут; всего хода – 9 верст; положение на плане – 7 верст 325 сажен.

Итого: время хода – 5 часов 30 минут; всего хода – 33 версты; положение на плане – 28 верст 201 сажень.

Дол простирается по пути нашему в левую руку – на одну, и в правую – на три версты, по оному грунт земли песчаный с каменистою дресвою, пахотных мест не имеется.

Речка Бюрулы выпадает из гор сего ж звания от полудня к востоку и впадает в речку Аягуз, широтою от пяти до шести аршин, глубиною в пол-аршина, а местами глубже, берега низ-

ки, вода пресная; при самых горах Бюрулы в сию речку впадает небольшой и мелкий ключик, в коем вода пресная.

От речки Аягуз до горы Бюрулы по пути нашему в левой руке в одной версте, а в правой – в трех верстах продолжались прерывистые песчаные сопки. Горы Бюрулы каменные, посредственной вышины, лежащие от полудня к западу, расстоянием полагая примерно на 30 верст; от пути нашего в 15 верстах гора каменная, посредственной вышины, называемая *Убкуты*, лежащая долготою от севера к полудню до 12 верст.

Лугов и сенокосных мест не имеется, да и подножного корма для скота недостаточно.

По ущельям гор Бюрулы есть лес, годный на дрова, таловый, и черемуховый кустарник в малом количестве.

[Августа] 12-го. Долом до ключа, коему звания неизвестно; направление дороги – S; время хода – 30 минут; всего хода – 3 версты; положение на плане – 2 версты 333 сажени.

Небольшими горами до другого ключа: время хода – 25 минут; всего хода – 2 версты 250 сажен; положение на плане – 2 версты 60 сажен.

Посредственными горами Акчаули до речки Акджайляу: время хода – 1 час; всего хода – 6 верст; положение на плане – 4 версты 400 сажен.

Теми же горами до речки Каракул: время хода – 10 минут; всего хода – 1 верста; положение на плане – 400 сажен.

От Каракуля до двух ключей: SO 13°; время хода – 35 минут; всего хода – 3 версты 250 сажен; положение на плане – 2 версты 400 сажен.

До горы Тарбагатай и двух ключей: время хода – 50 минут; всего хода – 5 верст; положение на плане – 4 версты.

Горою Тарбагатаем до речки Бельтеу: время хода – 1 час 30 минут; всего хода – 9 верст; положение на плане – 6 верст 150 сажен.

Итого: время хода – 5 часов; всего хода – 30 верст; положение на плане – 23 версты 343 сажени.

Дол по пути в обе стороны простирается на 5½ верст, по оному грунт земли песчано-каменистый, пахотных мест не имеется.

Речка Акджайляу выпадает из гор Бюрулы от севера к полудню, соединяется с речкой Каракул, широтою от четырех до пяти аршин, глубиною от шести до десяти вершков, в которую впадает с левой стороны четыре и с правой – соединившиеся вместе два ключа. Речка Каракул в горах течение имеет от востока к западу, а по выходе из гор к полудню, и впадает в озеро Сасыккуль, широтою от пяти до шести аршин, глубиною от 6 до 12 вершков, в которую впадают небольшие ключи: от правой руки – один, а от левой – три, а потом двое, соединившись в одно место; как речки, так и ключи берега имеют низкие и течение быстрое.

Небольшие отлогие земляные горы по обе стороны речки Акджайляу простираются на недальнее расстояние. Посредственные каменные горы Акчаули, лежащие в левой руке между полуднем и востоком, а в правой – между западом и севером, расстоянием более 30 верст. Горы Тарбагатай каменные, высоки и круты, большими скалами, которые от пути нашего в правую руку продолжаются не далее 35 верст, а в левую – до верхнего Иртыша, выше озера Нор-Зайсан.

Лугов и трав, годных к сенокосу, не имеется, да и подножного корма для скота не так достаточно.

На сем пути местами между покатостей гор и в ущельях лес таловый и черемуховый, годный на дрова, кустарник терновый и таволожник имеется в довольном количестве.

В ущельях гор Тарбагатайских с северной стороны во все лето в некоторых местах лежит снег, не растаивает, а обращается слоями в лед и в половине октября месяца выпадает вновь довольно глубокий, так что чрез сии горы и киргизы уже хода не имеют, а обходят оные вокруг.

[Августа] 13-го. Покатостями гор Тарбагатайских и подле речки Бельтеу до двух ключей: направление дороги – SO 55°; время хода – 30 минут; всего хода – 3 версты; положение на плане – 2 версты 50 сажен.

До первого ключа: время хода – 32 минуты; всего хода – 3 версты 100 сажен; положение на плане – 2 версты 120 сажен.

И от оного до другого ключа: время хода – 58 минут; всего хода – 5 верст 400 сажен; положение на плане – 4 версты 30 сажен.

До речки Теректы: направление дороги – SO 42°; время хода – 30 минут; всего хода – 3 версты; положение на плане – 2 версты 50 сажен.

От Теректы до двух ключей: время хода – 1 час; всего хода – 6 верст; положение на плане – 4 версты 100 сажен.

До поворота: направление дороги – SO 6°; время хода – 1 час 15 минут; всего хода – 7 верст 250 сажен; положение на плане – 5 верст 125 сажен.

Поворотом до речки Кынаш, у коей и ночлег имели: время хода – 3 часа 5 минут; всего хода – 18 верст 250 сажен; положение на плане – 12 верст 475 сажен.

Итого: время хода – 7 часов 50 минут; всего хода – 47 верст; положение на плане – 32 версты 450 сажен.

Речка Бельтеу выпадает из гор Тарбагатай, соединяется с речкою Теректы, течение имеет от запада к полудню, широтою не более четырех аршин, глубиною в четыре вершка, местами глубже; в оную речку из гор же Тарбагатайских впадают небольшие три ключа. Речка Теректы из тех же гор, течение имеет от севера к востоку, несколько ниже полудня, и впадает в Урджар, широтою в две сажени, глубиною в семь вершков, а местами глубже, в которую протекают три ключа: первый – по течению в правый, а второй с последним – в левый берег. Речка Кынаш выпадает из Тарбагатайских же гор от севера к полудню и впадает в речку Урджар, широтою от четырех до пяти аршин, глубиною от четырех до шести вершков; в оную речку, ниже стана нашего, в полуверсте от правой руки, впадает небольшая речка Чилимбай. Все означенные речки из гор Тарбагатая течение имеют быстрое и вода в оных пресная.

По всему пути продолжались горы, в правой руке в пяти верстах, каменные, посредственной вышины, крутые и большими скалами, называемые Бельтеу, а в левой – снежные Тарбагатайские.

На сем пути по обе стороны речки Теректы луг, простирающийся длиною до пяти верст, а широтою от 100 до 300 сажен, на коем трава, годная к сенокосу.

По берегам речек Теректы и Кынаш есть лес ветловый и тополевый, годный на домовое строение, в посредственном количестве. В ущельях гор Тарбагатайских кустарники калино-

вые, черемуховые, персиковые, жимолость и шиповник местами и в небольшом количестве.

В речках Теректы и Кынаш водится рыба, названная казаками маринкою. Сего дня по причине спусков и подъемов в горах и ущельях по россыпям камней ход был для лошадей и верблюдов весьма затруднителен.

[Августа] 14-го. Шли невысокими покатостями гор Тарбагатайских до ключа, впадающего в речку Кынаш: направление дороги – SO 43°; время хода – 30 минут; всего хода – 3 версты; положение на плане – 2 версты 275 сажен.

Теми же покатостями гор до поворота: время хода – 45 минут; всего хода – 4 версты 250 сажен; положение на плане – 3 версты 408 сажен.

Долом до речки Чучкалы: направление дороги – SO 6°; время хода – 40 минут; всего хода – 4 версты; положение на плане – 3 версты 276 сажен.

От Чучкалы до речки Урджар: время хода – 25 минут; всего хода – 2 версты 250 сажен; положение на плане – 2 версты 110 сажен.

Итого: время хода – 2 часа 20 минут; всего хода – 14 верст; положение на плане – 12 верст 69 сажен.

Дол начинается от гор Тарбагатай и простирается в обе стороны пути нашего на дальнее расстояние, по которому грунт земли глинисто-песчаный, пахотных мест в большом количестве.

Речка Чучкалы выпадает из гор Тарбагатайских, соединяется с речкою Урджар, широтою от пяти до шести сажен, глубиною в пол-аршина, а местами глубже, берега оной круты, вышиною до трех аршин. Речка Урджар выпадает из тех же гор Тарбагатайских, протекает от севера к полудню и впадает в озеро Алакуль, широтою от шести до десяти сажен, глубиною от одного до шести аршин, берега оной круты, вышиною от трех до шести аршин, быстрота обеих речек посредственная.

По обе стороны пути продолжаются горы, в правой руке – Бельтеу, а в левой – Тарбагатайские, которые от сего места продолжаются к востоку выше озера Нор-Зайсан до верхнего Иртыша.

По речкам Чучкалы и Урджар есть луговые места, долготою от 200 сажен и до пяти верст, а широтою от 100 сажен и до двух верст, по коим трав, годных к сенокосу, в большом количестве.

По берегам речек Чучкалы, Хатынсу и Урджару довольно есть леса тополевого, ветлового и талового, годного на дрова, а на строение – в посредственном количестве.

От пути нашего в левой руке в 10 и 20 верстах на полуденной стороне гор Тарбагатайских довольно есть яблокового леса, на коем растут яблоки мелкие и кислые, каковые в России называются резанью.

На сем пути по долу во многих местах киргизы имеют пашни, на коих посеяны горох и просо, при урожае снимают оные с большою прибылью. Для пашен из речек проводятся каналы и напоят землю водою, а без оного по причине песчаной земли и летом большого жара не могли бы получать надлежащего урожая.

[Августа] 15-го, 16-го и 17-го числа проживали на месте для отдохновения верблюдам и лошадям, также и мены торгующими с киргизцами изнуренных лошадей и вымену жизненных припасов.

[Августа] 18-го. Шли долом подле речки Урджар до впадения в оную речки Кынаш: направление дороги – S; время хода – 1 час 5 минут; всего хода – 6 верст 250 сажен; положение на плане – 5 верст 287 сажен.

До впадения другой речки Хатынсу: время хода – 2 часа 40 минут; всего хода – 16 верст; положение на плане – 14 верст 109 сажен.

До впадения в Урджар же речки Теректы, где ночлег имели: время хода – 40 минут; всего хода – 4 версты; положение на плане – 3 версты 270 сажен.

Итого: время хода – 4 часа 25 минут; всего хода – 26 верст 250 сажен; положение на плане – 23 версты 166 сажен.

Исключая песчаных увальчиков, дол в обе стороны пути простирается на дальнее расстояние, по оному грунт земли глинисто-песчаный, пахотных мест в большом количестве.

Речка Урджар продолжалась в левой руке от пути нашего не в дальнем расстоянии. На сем пространстве, как показано, в

правый берег реки Урджар впадают речки Кынаш и Теректы, а в левый – Хатынсу, которая, сказывают, что выпадает из гор Тарбагатай, широтою до восьми сажен, глубиною также как и Урджар.

По обеим сторонам речки Урджар продолжаются невысокие отлогие песчаные прерывистые увальчики, а против стана нашего в левой руке большая песчаная сопка, называемая *Яйтюбе*.

По речкам Чучкалы и Урджар есть луговые места, долготою от 200 сажен и до пяти верст, а широтою от 100 сажен и до двух верст, по коим трав, годных к сенокосу, в большом количестве.

По берегам речек Чучкалы, Хатынсу и Урджар довольно есть леса тополевого, ветлового и талового, годного на дрова, а на строение – в посредственном количестве.

По обе стороны пути у киргизов имеется хлебопашество в довольном количестве, в посеве же состоит китайская пшеница и просо, которые по снятию с жатвы толкут в ступках, очистив шелуху, варят в молоке жидко и употребляют в пищу.

[Августа] 19-го. Шли долом подле речки Урджар, у коей и ночлег имели: направление дороги – SW 4°; время хода – 5 часов 50 минут; всего хода – 35 верст; положение на плане – 31 верста 221 сажень.

Дол простирается от гор Тарбагатай по пути в обе стороны на дальнее расстояние, по оному грунт земли глинисто-песчаный, хлебопахотных мест в большом количестве.

Сего дня пройдя 22 версты речка Урджар удалялась от пути нашего в левую руку на пять или шесть верст, а где мы остановились ночевать, сдалась в правую руку и от ночлега паки сделала крутой заворот влево и, сказывают, что от сего места не в дальнем расстоянии имеет впадение в озеро Алакуль.

По всему пути около берегов речки Урджар продолжались луга, широтою от одной до трех верст, и по оным травы, годной к сенокосу, в большом количестве, только во многих местах киргизским скотом вытравлены и вытоптаны.

По берегам речки Урджар лес частью тополевый, годный на строение, таловый и по-киргизски называемый *джида*, ремуховый, боярышный, по нужде годный на дрова, и шипового кустарника в довольном количестве.

[Августа] 20-го числа дневали.

[Августа] 21-го. Шли долом до реки Сасык и впадающей в оную протоки: направление дороги – SW 47°; время хода – 2 часа 20 минут; всего хода – 14 верст; положение на плане – 12 верст 221 сажень.

Подле речки до второй протоки: время хода – 34 минуты; всего хода – 3 версты 200 сажен; положение на плане – 3 версты.

От второй протоки до ночлега: время хода – 46 минут; всего хода – 4 версты 300 сажен; положение на плане – 4 версты 155 сажен.

Итого: время хода – 3 часа 40 минут; всего хода – 22 версты; положение на плане – 19 верст 376 сажен.

Дол в обе стороны пути нашего простирается на дальнее расстояние, по коему грунт земли песчано-иловатый, где мы шли между озер Алакуль и Сасыккуль – солонцеватый и пахотных мест не имеется.

Речка Сасык и входящие в оную две протоки из озера Сасыккуль течение имеют по веснам в озеро Алакуль, а в прочее время вода остается в ямах, глубиною местами от одного до пяти аршин, широта оных от 8 до 10 сажен, берега вышиной от трех до четырех аршин, при воде во многих местах топкие, и около оных растет мелкий камыш, от прелости коего вода очень душная. От сего места, хотя нам и не видно было, но сказывают, что от пути нашего в левой руке озеро Алакуль не далее пяти или шести, а в правой руке – Сасыккуль в 10 верстах находятся.

На сем пути лугов и сенокосных мест не предвиделось и подножного корма для скота недостаточно.

На сем пути, кроме таволожника, никого леса нет, как только при стане нашем – таловый кустарник в весьма малом количестве.

[Августа] 22-го. Шли долом до поворота: направление дороги – SW 37°; время хода – 2 часа 40 минут; всего хода – 16 верст; положение на плане – 14 верст 109 сажен.

Поворотом: направление дороги – 80°; время хода – 2 часа 15 минут; всего хода – 13 верст 250 сажен; положение на плане – 11 верст 499 сажен.

Вторым поворотом до речки Карасу, у коей и ночлег имели: направление дороги – 29°; время хода – 3 часа 10 минут; всего хода – 19 верст; положение на плане – 17 верст 44 сажени.

Итого: время хода – 8 часов 5 минут; всего хода – 48 верст 250 сажен; положение на плане – 43 версты 143 сажени.

Дол по обе стороны пути простирается на дальнее расстояние, по коему грунт земли солонцеватый, хлебопахотных мест не имеется.

Речка Карасу начало свое имеет выше стана нашего не далее полуверсты ключами, исходящими из берегов и подошвы дна, и проходит в речку Тентексу от востока к западу не далее 12 или […][1] верст, широта оной не одинакова, местами в четыре аршина, другими в шесть сажен, глубиною в семь вершков, а местами до пяти аршин, берега низкие, обросшие камышом, во многих местах топкие, вода пресная.

Озеро Сасык видно было от пути нашего в правой руке не далее шести верст, величина оного совершенно неизвестна, но как сказывают, что долгота оного не более 50 или 60 верст, широта к пути нашему 35, а далее до 50 верст, глубина по местам в середине до 10 сажен, от берегов очень отмело, так что на версту и более растет камыш вокруг всего озера, вода в оном горька и от прелости камыша чрезвычайно душная. На оном озере виден был остров в левой руке, хотя нам и не видно было, сказывают, что не далее шести или семи верст.

Озеро Алакуль длиною не более 35 и широтою до 30 верст, глубиною пяти или шести сажен, по берегам оного растет камыш, вода осолотковата, на оном озере три острова.

На озере Сасыккуль остров, на коем каменная высокая сопка, полагая примерно длиною до 25, а широтою от 12 до 15 верст.

[1] В этом месте текст зашит в переплет.

На озере Алакуль три острова, на коих посредственной вышины каменные сопки, каждая, сказывают, не длиннее пяти или шести, а широтою до четырех верст.

Лугов и трав, годных к сенокосу, не имеется, и для скота подножного корма, кроме камыша, травы никакой не было.

На сем пути леса никакого нет и пищу варили кизяком, твердою травою, по-киргизски называемую *чием*.

Озеро киргизцами называемое *Сасык*, а по-русски перевести – Душное, потому что чрезвычайно от прелости камыша вода душная, которое на картах значится по калмыкскому названию Алактугулем.

В озере Алакуле, сказывают, есть крупная и другого рода мелкая рыба, названия оных не знают.

[Августа] 23-го числа дневали.

[Августа] 24-го. Долом до речки Тентяксу: направление дороги – SW 62°; время хода – 2 часа 15 минут; всего хода – 13 верст 250 сажен; положение на плане – 11 верст 499 сажен.

Дол от пути нашего в левую руку простирается до гор Алатау, расстоянием до шести верст, а в правую – на дальнее расстояние, грунт земли песчано-иловатый и местами с каменистою дресвою, хлебопахотных мест в довольном количестве.

Речка Тентяксу выпадает из гор Алатавских, сказывают, что от стана нашего в 40 или 50 верстах, которая от гор ниже стана нашего расстоянием верст на 20, разбиваясь, где шестью, а в других местах девятью протоками, широтою главная из оных будет 12, а прочие – от двух до семи сажен, а все оные соединившись в одно место широтою будет не менее 120 сажен, глубиною местами в один аршин, а другими до двух сажен, вода пресная, течение имеет весьма быстрое, весною разливается от четырех до пяти верст.

От пути нашего в левой руке в пяти или шести верстах горы снежные, большие, высокие, каменные, скалами, называемые Алатавом, кои начало свое имеют выше озера Алакуля и продолжаются по пути нашему на дальнее расстояние.

Луга по обе стороны речки Тентяксу простираются широтою от одной до четырех верст, а длиною до самого озера Сасыккуля, на коих есть травы, годные к сенокосу, в довольном количестве, а между проток на островах большею частью на-

ходится наносный камень из гор Алатавских, на коих местах никакой травы не имеется.

По берегам речки Тентяксу и на островах лес тополевый, ветловый в довольном количестве, на строение ж годного очень мало. Кустарников таловых, шиповника и таволожника в большом количестве. Хотя нам и не видно было, но сказывают, что от озера Алакуля и далее сего места по хребту гор Алатавских довольно есть леса пихтового, годного на домовое строение.

На сем пути киргизы имеют хлебопашество в большом количестве, сеют пшеницу и просо, напояют пашни водою проведенными из речек каналами. От стана нашего в правой руке в полуверсте древних магометанских обитателей земляное четырехстороннее укрепление, каждый фас не более 60 сажен, которое уже обрушилось; ров широкий, но неглубокий, наружная крутость, без бермы, от подошвы рва вышиною сажени полторы, а внутренняя до 2½ аршин. Внутри укрепления никаких развалин неприметно, и видно, что домовое строение было деревянное.

[Августа] 25-го. Долом до мыса гор Алатавских, называемого *Сайкан*: направление дороги – SW 62°; время хода – 1 час 47 минут; всего хода – 10 верст 350 сажен; положение на плане – 9 верст 152 сажени.

Покатостями гор: направление дороги – 23°; время хода – 2 часа 18 минут; всего хода – 13 верст 375 сажен; положение на плане – 11 верст 20 сажен.

До ключа Сарыбулак: направление дороги – 58°; время хода – 15 минут; всего хода – 1 верста 250 сажен; положение на плане – 1 верста 100 сажен.

До речки Чинжилы, у коей и ночлег имели: время хода – 2 часа 35 минут; всего хода – 15 верст 250 сажен; положение на плане – 12 верст 200 сажен.

Итого: время хода – 6 часов 55 минут; всего хода – 41 верста 225 сажен; положение на плане – 33 версты 472 сажени.

Дол простирается от пути нашего в левую руку до гор Алатавских, не далее шести верст и в правую – на дальнее расстояние, по оному грунт земли песчано-иловатый, большею частью с каменистою дресвою, хлебопахотных мест не имеется.

Ключ Сарыбулак протекает из гор Алатавских в речку Чинжилы широтою от двух аршин, глубиною от […][1] до 10 вершков, по берегам оного во многих местах растет мелкий камыш, вода в оном пресная. Речка Чинжилы выпадает из гор Алатавских, которая, удаляясь от пути нашего более 10 верст, впадает в речку Тентяксу, широтою от двух до трех сажен, глубиною в пол-аршина, а местами и глубже, берега оной низкие и во многих местах растет камыш, вода пресная.

Высоты снежных каменных гор Алатавских оставались в левой руке, шли низкими покатостями оных чрез мыс, называемый *Сайкан*, который от пути нашего в правую руку продолжается до 20 верст.

На сем пути лугов и трав, годных к сенокосу, не имеется.

По берегам речки Чинжилы лес – таловый кустарник, годный на дрова, в довольном количестве.

От стана нашего в одной версте стоял китайский отряд, лагерем стоящий, из двух офицеров и 100 человек нижних чинов, командированный от своего начальства для сбора с кочующих около их границы киргизцев подати. Когда наш караван и отряд остановились лагерем, тогда хорунжий Монин к китайским офицерам послал двух урядников и толмача, с тем чтоб просить их в наш лагерь или не позволено ль будет к ним приехать нашим чиновникам, которые посланным объявили, что чрез час времени они сами приедут в наш лагерь. До приезда их при лагере часовые и отдельные бикеты уже выставлены были, седла с прибором положены на линейку, пики, ружья поставлены в козлы, оставшиеся за караулом казаки для вечерней переклички стояли во фронте во всей форме. В непродолжительное время оба офицера с четырьмя урядниками, тремя рядовыми и двумя толмачами, не доехав до нашего лагеря более 50 сажен остановились, послав урядников и толмача просить позволение войти им в наш лагерь, а мы между тем шли их встретить и по приглашению нашему они слезли с лошадей и отдали их в руки своим рядовым, когда сделав друг другу почтение, пошли с нами пешком, подходя наперед по фронту стоящих казаков, обойдя оных, потом осмотрели на линейке седла и прочие аму-

[1] В этом месте текст зашит в переплет.

ничные вещи и удивились, что у каждого казака столь много оружия, а потом увидели и пикеты. Спрашивали, для чего на двух высоких сопках находятся с лошадьми казаки, сказывали им, для того, чтоб вдали можно было видеть злоумышленных людей, которые не могли бы учинить каравану или отряду вреда. После сего просили их в свою палатку и угощали чаем, более ж сего угощать было нечем. Между тем спрашивали их, велик ли отряд, куда и для чего идут, да и в других местах нет ли таковых же команд, которые изъясняли, что всего командировано четыре отряда, в первом – один штаб- и два [обер]-офицера с 200 нижних чинов, в трех последних – по два офицера и по 100 человек нижних чинов, которые отряды были впереди нас в волостях Сюк-солтана, и все сходятся в одном месте для сдачи штаб-офицеру собранной с киргизов, кочующих около их границы, подати; который при своем отряде доставит к губернатору в город Кульджу, а прочие команды возвратятся по своим местам. Мы спрашивали о количестве подати и какими вещами. Они сказали, что по количеству в волости скота по две, по три и по четыре лошади с волости, начиная от верхнего Иртыша до закаменных киргизцев. Собирается означенными отрядами всего от 150 до 200 лошадей и во время похода довольствуются от киргизов баранами, а от закаменных киргизцев таковой подати не собирают по причине их недостатков (а киргизы напротив того сказывают, что китайцы сами к тому приступить смелости не имеют). Как уже был вечер, они, окончив разговор, встав на ноги, поблагодарили за оказанную им приветливость, а притом и просили нас, чтобы на завтрашний день приехать к ним в лагерь, мы обещались удовлетворить их желание, распростившись с нами, отправились в свой лагерь.

На завтрашний день поутру хорунжий, я, двое урядников, двое казаков, толмач и от каравану двое торговцев с тою же учтивостью приехали к их лагерю и встречены двумя их урядниками и доведены к офицерам в палатку, от коих угощенье было взаимно нашему, а между тем спрашивали у нас, куда и зачем следуем, отвечали им – для торгу к закаменным киргизцам, а воинская команда – для предохранения от разбойников и хищных людей. После сего, поблагодаря их и распростившись, возвратились в свой лагерь. А как уже наш караван и отряд были

готовы, в то ж время и отправились в следующий путь, проходя следующим порядком мимо их лагеря, то все китайцы вышли из палаток и смотрели, проводя нас взором далее версты, возвратились в свои палатки.

Около китайского лагеря караула не имелось, как только при пастьбе лошадей. Как офицеры, так и нижние чины никакого воинского оружия не имели, как только одни охотники для стреляния зверей и имели ружья без замков с фитилями, и небольшая часть нижних чинов – колчаны со стрелами. Платье ж на всех одной формы, только разной доброты материи; и офицеры против нижних чинов никакой разности не имеют, только отличаются имевшими на шляпах камнями и павлиньими перьями.

[Августа] 26-го. Шли небольшими песчаными увалистыми горами до дола и протоки: направление дороги – SW 35°; время хода – 4 часа 30 минут; всего хода – 27 верст; положение на плане – 22 версты 475 сажен.

Долом до речки Лебсу, у коей и ночлег имели: время хода – 1 час; всего хода – 6 верст; положение на плане – 5 верст 166 сажен.

Итого: время хода – 5 часов 30 минут; всего хода – 33 версты; положение на плане – 28 верст 141 сажень.

Дол простирается в левую руку до гор Алатавских не более 10 верст, а в правую – на дальнее расстояние, грунт земли глинисто-песчаный, по которому хлебопахотных мест в довольном количестве.

Протока речки Лебсу широтою 1½, а глубиною в ½ аршина. Речка Лебсу из семи речек первая выпадает из гор Алатавских и впадает в озеро Балхаш, где мы остановились, течение имеет шестью протоками, широтою из коих главная – не менее шести сажен, а в горах – восьми, и ниже стана нашего в 20 верстах – до 12 сажен, глубиною в один аршин, а местами – до двух сажен, берега оной вышиною от двух до четырех аршин, течение имеет быстрое, вода пресная.

Сего дня шли по отлогостям невысоких песчаных гор Алатавских, но здесь называют оные *Куктавом*, которые от пути нашего в правую руку простираются не далее 10 или 12 верст, а

хребет оных каменный оставался в левой руке в 30 или 35 верстах.

По обе стороны речки Лебсу луга простираются широтою от двух до трех верст, но травы, годной к сенокосу, имеется местами в посредственном количестве.

По берегам речки Лебсу лес тополевый, ветловый, годный на дрова, в большом количестве, а на строение годного очень мало; кустарников таловых и шиповника в большом количестве.

На сем пути по долу у киргизов имеется хлебопашество в большом количестве. При стане нашем на левом берегу речки Лебсу – обрушившееся четырехстороннее земляное укрепление, величиною каждый фас не более 100 сажен, которое устроено было моголами, прежними на сем месте обитателями.

Балхаш на карте значится озером, а киргизы вообще называют его *тенгиз*, сие название по-русски значит море, а озеро по-киргизски называется *куль*.

[Августа] 27-го числа дневали.

[Августа] 28-го. Шли долом до речки Наурусбай, у коей и ночлег имели: направление дороги – SW 50°; время хода – 3 часа; всего хода – 18 верст; положение на плане – 16 верст 100 сажен.

Дол сей простирается в левую руку до гор Алатавских на 8 или на 10 верст, а в правую – на дальнее расстояние, грунт земли глинисто-песчаный, по оному хлебопахотных мест в большом количестве.

Речка Наурусбай выпадает из гор Алатавских и впадает в речку Лебсу, широтою в две, а местами и до четырех сажен, течение имеет весною, а прочее время вода пресная остается омутами, глубиною от одного до 2½ аршин, берега низкие, во многих местах топкие, обросшие камышом.

От пути нашего в левой руке продолжаются горы Алатау или Кукутау в 10 или 12, а хребет оных – в 30 верстах.

На сем пути лугов и сенокосных мест не имеется. Лесов и никаких кустарников не имеется, пищу варили кизяком и сухим камышом.

Торговцы большею частью просто называют семь рек, из коих первая есть Лебсу, вторая – Баскан, третья – Саркан,

четвертая – Аксу, пятая – Биюн, шестая – Каратал, седьмая – Куксу. От Иртыша до речки Лебсу обитают киргизцы Средней орды, а от оной далее за реку Илю – Большой орды.

[Августа] 29-го. Шли долом до протоки речки Баскан: направление дороги – SW 68°; время хода – 2 часа 40 минут; всего хода – 16 верст; положение на плане – 14 верст 110 сажен.

До второй протоки: время хода – 1 час 5 минут; всего хода – 6 верст 250 сажен; положение на плане – 5 верст 388 сажен.

Увалами до речки Баскан, у коей и ночлег имели: время хода – 1 час 35 минут; всего хода – 9 верст 250 сажен; положение на плане – 8 верст 37 сажен.

Итого: время хода – 5 часов 20 минут; всего хода – 33 версты; положение на плане – 28 верст 35 сажен.

Дол простирается в левую руку до гор Алатавских не более 10 верст и в правую – на дальнее расстояние, по оным грунт земли сначала до половины пути солонцеватый, а ближе к Баскану – иловатый с песком.

Первая и вторая протоки речки Баскан широтою в два аршина и глубиною от шести до восьми вершков. Речка Баскан из семи речек вторая, выпадает из гор Алатавских и впадает в речку Лебсу, от пути в правой руке в 50 или 60 верстах, широтою от шести до восьми сажен, глубиною местами от 10 вершков до трех аршин, берега низкие, вода пресная.

Увалы песчано-иловатые, плоские, но покатости оных весьма круты, продолжаются по обе стороны пути не далее 12 верст. Хребет гор Алатау в левой руке продолжается в 35 верстах, но от хребта покатости оных называют *Баскан-Караул*.

По речкам Баскан и Аксу есть луга широтою от 200 сажен до двух верст, но трав, годных к сенокосу, очень мало. По берегам речек Баскан и Аксу есть лес тополевый, годный на дрова – в посредственном, и на строение – в малом количестве.

[Августа] 30-го. Долом до небольшой речки: направление дороги – SW 53°; время хода – 30 минут; всего хода – 3 версты; положение на плане – 2 версты 333 сажени.

От речки до поворота: время хода – 45 минут; всего хода – 4 версты 250 сажен; положение на плане – 3 версты 498 сажен.

Поворотом до речки Саркан: направление дороги – W; время хода – 45 минут; всего хода – 4 версты 250 сажен; положение на плане – 3 версты 498 сажен.

От Саркана до двух ключей увалами: время хода – 2 часа 10 минут; всего хода – 13 верст; положение на плане – 11 верст 24 сажени.

От ключей до речки Аксу, у коей и ночлег имели: время хода – 1 час 25 минут; всего хода – 8 верст 250 сажен; положение на плане – 7 верст 276 сажен.

Итого: время хода – 5 часов 25 минут; всего хода – 35 верст; положение на плане – 29 верст 129 сажен.

Дол простирается в левую руку пути нашего на восемь или девять верст, а в правую – на дальнее расстояние, грунт земли песчано-иловатый, хлебопахотных мест очень довольно.

Небольшая речка, которой название неизвестно, выпадает из гор Баскан-Караул и не в дальнем расстоянии ниже пути нашего впадает в речку Баскан, широтою не более 3½, глубиною в ½ аршина, берега низкие, вода пресная. Речка Саркан из семи речек третья, выпадает из тех же гор и впадает в речку Аксу ниже пути нашего в правой руке в 30 или 35 верстах, широтою от двух до трех сажен, глубиною от семи вершков до одного аршина. Два небольших ключа впадают в речку Аксу. Речка Аксу из семи речек четвертая, выпадает из гор Алатавских и впадает в озеро Балхаш, широтою от шести до восьми сажен, глубиною от одного до пяти аршин, берега высотою от двух до трех аршин, течение имеет быстрое; как в оной, так в речке Саркан и ключах вода пресная.

Увалы посредственной вышины, песчано-иловатые, покатости коих весьма крутые, от пути нашего в правую и левую руку простираются на 10 или 12 верст. Хребет гор Алатау от пути нашего в левой руке продолжается в 30 или 35 верстах.

[Августа] 31-го числа дневали.

Сентября 1-го. Шли долом до речки Биюн: направление дороги – SW 80°; время хода – 4 часа 45 минут; всего хода – 28 верст 250 сажен; положение на плане – 25 верст 299 сажен.

От Биюна до речки Кульденен: направление дороги – WN 9°; время хода – 2 часа 5 минут; всего хода – 12 верст 250 сажен; положение на плане – 11 верст 55 сажен.

Итого: время хода – 6 часов 50 минут; всего хода – 41 верста; положение на плане – 36 верст 354 сажени.

Дол по пути в левую руку до гор Алатавских простирается на более шесть верст, и в правую – на дальнее расстояние, грунт земли песчано-иловатый, хлебопахотных мест в довольном количестве.

Речка Биюн из семи речек пятая, выпадает из гор Алатавских, сначала от полудня к северу, а потом оборачивается к востоку и впадает в речку Аксу, широтою не более шести сажен, а где мы проходили – течение имеет тремя протоками глубиною от шести вершков до одного аршина, берега невысоки, быстрота оной посредственная, весною разливается более версты, вода пресная. Речка Кульденен выпадает из дола и впадет в речку Биюн, широтою местами не более двух аршин, другими – до четырех сажен, глубина омутами от шести вершков и до двух аршин, берега низки и отлоги, по коим во многих местах растет мелкий камыш, течение имеет весьма тихое, вода от прелости камыша душновата.

Горы Алатау от сего места по пути нашему продолжались в левой руке не далее шести верст.

По речкам Биюн и Кульденен местами есть небольшие луга, и по оным трава, годная к сенокосу, в небольшом количестве. На сем пути строевого леса нет и по берегам речки Биюн таловый кустарник, годный на дрова, в довольном количестве.

При самом переходе речки Биюн на левом берегу – обрушившееся четырехстороннее земляное укрепление, величиною каждый фас по 80 сажен, которое устроено было моголами, прежними сего места обитателями.

[Сентября] 2-го. От речки Кульденен шли долом до речки Кызыл-Агач: направление дороги – SW 75°; время хода – 4 часа 10 минут; всего хода – 25 верст; положение на плане – 22 версты 245 сажен.

До горы и поворота: направление дороги – 37°; время хода – 1 час 40 минут; всего хода – 10 верст; положение на плане – 8 верст 342 сажени.

Горою до ключа Алаиде-Булак: время хода – 1 час 20 минут; всего хода – 8 верст; положение на плане – 6 верст 200 сажен.

По ключу, на коем и ночлег имели: направление дороги – SO 8°; время хода – 35 минут; всего хода – 3 версты 250 сажен; положение на плане – 2 версты 422 сажени.

Итого: время хода – 7 часов 40 минут; всего хода – 46 верст; положение на плане – 39 верст 487 сажен.

Дол по пути в левую руку простирается до гор Алатавских, а в правую – на дальнее расстояние, грунт земли местами песчано-иловатый, а другими – солонцеватый и есть годный к хлебопашеству.

Речка Кызыл-Агач выпадает из гор Алатавских от востока к западу, широтою от трех до четырех сажен, глубиною от шести вершков и более одного аршина, берега низкие, по коим во многих местах растет мелкий камыш, течение имеет тихое, впадает в три озера, называемые *Учкуль*, соединяющиеся один с другим небольшими перешейками, которые озера от пути нашего в западной стороне не далее 40 или 50 верст, долготою каждая не более пяти верст, а широтою до четырех верст. Ключ Алаиде и другой при стане нашем соединяются с оным и впадают в речку Аладжида, широтою каждый от одного до 1½ аршина, глубиною до четырех вершков. Речка Аладжида впадает в речку Кызыл-Агач, широтою от трех до четырех аршин, глубиною от 6 до 10 вершков, в правой руке в восьми верстах небольшая речка Ичкесу, выпадает из гор сего ж звания и впадает в речку Кызыл-Агач, во всех речках вода пресная.

Сего числа шли чрез мыс каменных гор Алатавских, которые посредственной вышины, верха оных плоски, но в некоторых местах покатости есть крутые. Горы каменные посредственной вышины Ичкетау от пути нашего продолжаются в правую руку к западу до 40 или 50 верст.

На сем пути лугов и сенокосных мест не имеется. Строевого леса и кустарников не имеется.

[Сентября] 3-го числа дневали.

[Сентября] 4-го. Небольшими горами до ключа Саучи-Булак: направление дороги – SW 39°; время хода – 1 час 25 минут; всего хода – 8 верст 250 сажен; положение на плане – 7 верст 110 сажен.

От ключа посредственными горами до поворота: время хода – 1 час 50 минут; всего хода – 11 верст; направление дороги – 8 верст 400 сажен.

От поворота долом до речки Кайнар-Киши, у коей и ночлег имели: направление дороги – SO 3°; время хода – 3 часа 20 минут; всего хода – 20 верст; положение на плане – 18 верст 288 сажен.

Итого: время хода – 6 часов 35 минут; всего хода – 39 верст 250 сажен; положение на плане – 34 версты 298 сажен.

Дол от поворота до речки Кайнар-Киши сначала широтою до четырех, а к речке не шире одной версты, по оному грунт земли солонцеватый, хлебопахотных мест не имеется.

Ключ Саучи-Булак выпадает из гор, коим звания неизвестно, от полудня к северу и впадает в речку Аладжиды, широтою до 2½ аршина, глубиною от яти вершков до одного аршина, течение имеет тихое, вода пресная.

Ключ Сары-Булак выпадает из тех же гор от севера к полудню и впадает в речку Каратал, вышедши гор, берега оного низкие и во многих местах топкие, обросшие камышом, широтою местами в два аршина, а другими – до трех сажен, глубиною от четырех вершков до 1½ аршина, вода от прелости камыша душная. Речка Кайнар-Кише выпадает из гор Алатавских, а в сем месте, называемых *Балыклы*, и впадает в речку Каратал, широтою от одной до двух сажен, глубиною от ½ до одного аршина, течение имеет посредственное, берега низкие и вода пресная.

Горы каменные посредственной вышины, плоские, но местами покатости крутые, от пути нашего в левую руку, соединяются с горами Алатау, а в правую – продолжаются, на какое расстояние неизвестно.

По речке Кайнар-Кише есть небольшие луга и трава, годная к сенокосу, но в малом количестве.

От пути нашего в левой руке в 30 или 50 верстах на горах Алатавских и по ущельям оных есть лес пихтовый, годный на строение, в большом количестве, также от 10 до 15 верст – яблоневого крупного кустарника в довольном количестве, на коем были яблоки мелкие и кислые. По берегам речки Кайнар-

Кише талового кустарника, годного на дрова, в большом количестве.

Ежели бы надобность востребовалась доставить пихтовый лес, то очень трудно, горы снежные высоки и круты так, что и на простой повозке доехать будет невозможно, разве только ущельями и косогорами. Способнее бы – срубать и спускать на речку Каратал и плавить по оной, только весною, но паки оная течение имеет быстрое и в горах большими порогами, а ниже гор многими протоками, между оных проток на островах произрастают разные кустарники, кои препятствовать могут.

[Сентября] 5-го, 6-го и 7-го числа проживали, как караван, так и отряд, для отдохновения лошадям, верблюдам и баранам.

6-го числа низкие покатости Алатавских гор покрылись снегом, так и хребет оных, а на долу оного не было, но двое суток продолжался чувствительный холод.

[Сентября] 8-го. Шли долом до речки Каратал: направление дороги – SW 28°; время хода – 12 минут; всего хода – 1 верста 100 сажен; положение на плане – 1 верста 32 сажени.

До проток речки Куксу: время хода – 4 часа; всего хода – 24 версты; положение на плане – 21 верста 300 сажен.

До речки Куксу, у коей и ночлег имели: время хода – 8 минут; всего хода – 400 сажен; положение на плане – 354 сажени.

Итого: время хода – 4 часа 20 минут; всего хода – 26 верст; положение на плане – 23 версты 186 сажен.

Дол, простирающийся в левую руку до гор Алатау, а здесь называемых *Каратау*, не далее 8 или 10 верст, а в правую – на дальнее расстояние, по оному грунт земли глинисто-песчаный, местами с каменистою дресвою, но есть места, годные к хлебопашеству.

Речка Каратал из семи речек шестая, выпадает из гор Алатавских и впадает в озеро Балхаш, выходя из гор, протекает шестью протоками, из коих главная широтою до восьми, а прочие – от трех до шести сажен, глубиною, когда мы шли, от 10 вершков до 1½ аршин, течение имеет быстрое, берега оной не выше одной сажени, весною разливается от трех до четырех верст, вода пресная.

Речка Куксу из семи речек седьмая, выпадает из тех же гор и впадает в Каратал, течение имеет быстрое, многими протоками, из коих главная будет широтою до восьми и прочие от четырех до шести сажен, глубиною от одного до 2½ аршин, берега вышиною от трех до четырех аршин, вода пресная, весною разливается широтою от двух до трех верст.

От сего места низ гор Алатау продолжается в левой руке в 8 или 10 верстах.

По речкам Каратал и Куксу довольно лугов, широтою от двух до четырех верст, на коих есть травы, годные к сенокосу, в большом количестве.

По берегам речек Каратал и Куксу есть лес тополевый, годный на дрова, в довольном количестве, а на строение – в малом количестве. Кустарников таловых и черемуховых, годных на дрова: первых – в большом количестве, а последних – в малом количестве.

На сем пути по долу во многих местах киргизы имеют хлебопашество и в большом количестве, в посеве ж состоит китайская пшеница и просо.

[Сентября] 9-го. Долом до гор Лоба и Кидень: направление дороги – SW 30°; время хода – 1 час 55 минут; всего хода – 11 верст 250 сажен; положение на плане – 10 верст 137 сажен.

Горами до небольшого ключа: направление дороги – 6°; время хода – 50 минут; всего хода – 5 верст; положение на плане – 4 версты.

До другого ключа: время хода – 1 час 15 минут; всего хода – 7 верст 250 сажен; положение на плане – 6 верст.

До речки Мукрунынбой, у коей и ночлег имели: время хода – 1 час; всего хода – 6 верст; положение на плане – 4 версты 400 сажен.

Итого: время хода – 5 часов; всего хода – 30 верст; положение на плане – 25 верст 37 сажен.

Дол по пути нашему простирается в левую руку не далее 10 верст, а в правую – на дальнее расстояние, по оному грунт земли глинисто-иловатый, пахотных земель в большом количестве.

Оба ключа выпадают из гор и протекают в речку Мукрунынбой, широтою каждый не более одного аршина, глубиною в четыре вершка. Речка Мукрунынбой выпадает из гор от полудня к северу и впадает в речку Куксу, широтою от двух до че-

тырех аршин, глубиною от четырех до шести вершков, берега оной низкие; вода, как в речке, так и в ключах пресная.

По пути нашему горы сначала глинистые, а потом каменистые, называемые в левой руке – Лоба, а в правой – Кидень, посредственной вышины, покатости оных отлогие.

Лугов и трав, годных к сенокосу, не имеется. На сем пути ни леса, ни кустарников не предвиделось.

[Сентября] 10-го. Шли большими горами Чаган-Бугу до речки Бижи: направление дороги – SW 18°; время хода – 2 часа 20 минут; всего хода – 14 верст; положение на плане – 9 верст 400 сажен.

От Бижи посредственными горами Джильдегара до ключа, у коего и ночлег имели: направление дороги – 5°; время хода – 2 часа 40 минут; всего хода – 16 верст; положение на плане – 12 верст 400 сажен.

Итого: время хода – 5 часов; всего хода – 30 верст; положение на плане – 22 версты 300 сажен.

Речка Бижи выпадает из гор Чаган-Бугу и соединяется с Третьей Бижою, течение имеет от востока к западу, широтою […][1] аршин, глубиною от ½ до одного аршина, берега оной низкие, вода пресная. Ключ, у коего имели ночлег, выпадает из гор Джильдегара, течение имеет не далее трех верст и теряется, широта оного от ½ до одного аршина, глубиною в три или четыре вершка, в коем вода пресная.

Горы Чаган-Бугу от подошвы глинистые, а верха оных каменные, высоки, кругловаты, покатости во многих местах крутые, Джильде – гора посредственная, простирается в обе стороны пути нашего на дальнее расстояние.

По речке Бижи есть небольшие луга широтою от 50 до 300 сажен, по коим есть травы, годные к сенокосу, но местами и в малом количестве. По берегам речки Бижи есть мелкий таловый кустарник в малом количестве.

[Сентября] 11-го. От ключа сначала горою Джильдегара, а потом отлогими увалами до речки Второй Бижи: направление дороги – SO 3°; время хода – 2 часа 20 минут; всего хода – 14 верст; положение на плане – 11 верст 448 сажен.

[1] Цифра стерта.

По увалам грунт земли глинисто-иловатый, годный к хлебопашеству.

Речка Вторая Бижи выпадает из гор Алтынемель и впадает в третью речку Бижи, течение имеет от востока к западу, широтою от двух до трех аршин, глубиною в четыре вершка, течение имеет посредственной быстроты, берега низкие и вода пресная.

От пути нашего в левой руке в 20 верстах продолжаются горы Алатау, а здесь называемые *Чалтык*е, в правой руке в восьми верстах небольшие плоские земляные горы, коим звания неизвестно.

На сем пути лугов и трав, годных к сенокосу, не имеется. Леса никакого нет.

[Сентября] 12-го числа дневали.

[Сентября] 13-го. Невысокими и отлогими увалами до горы и отноги речки Бижи: направление дороги – SO 10°; время хода – 1 час 13 минут; всего хода – 7 верст 150 сажен; положение на плане – 6 верст 90 сажен.

Между гор Алтынемель и Майтюбе ущельем до ключа: время хода – 11 минут; всего хода – 1 верста 50 сажен; положение на плане – 1 верста 8 сажен.

До второго ключа: время хода – 25 минут; всего хода – 2 версты 250 сажен; положение на плане – 2 версты 61 сажень.

До поворота речки Третьей Бижи: время хода – 40 минут; всего хода – 4 версты; положение на плане – 3 версты 196 сажен.

Посредственными горами до ключа Майтюбе: время хода – 1 час 10 минут; всего хода – 7 верст; положение на плане – 5 верст 300 сажен.

До второго ключа, у коего и ночлег имели: время хода – 1 час 46 минут; всего хода – 10 верст 300 сажен; положение на плане – 8 верст 240 сажен.

Итого: время хода – 5 часов 25 минут; всего хода – 32 версты 250 сажен; положение на плане – 26 верст 295 сажен.

По увалам грунт земли глинисто-иловатый, а местами с каменистою дресвою, между покатостей оных в некоторых местах можно иметь хлебопашество.

Отнога речки Бижи течение имеет из гор Алтынемель и соединяется с Третьей Бижою, широтою в 1½ сажени, глуби-

ною в 8 или 9 вершков, берега имеет низкие. Ключ протекает не более двух верст и впадает в Третью Бижу, широтою до одного аршина, глубиною от трех до пяти вершков. Речка Бижи выпадает из гор Алтынемель и впадает в речку Куксу, широтою в две сажени, глубиною от ½ до одного аршина, берега имеет низкие, течение посредственной быстроты.

Ключ Майтюбе выпадает из тех же гор и впадает в Третью Бижу, широтою от одного до 1½ аршин, глубиною от четырех до семи вершков. Ключ, у коего ночлег имели, протекает не более трех верст и теряется, широтою в три и четыре четверти аршина, глубиною от трех до пяти вершков; как в речках, так и в ключах вода пресная.

Увалы земляные невысоки и покатости имеют отлогие, продолжаются в обе стороны пути, но на какое расстояние неизвестно. Горы, между коих шли ущельем, каменные, в левой руке – Алтынемель, остаток Алатау, высокие и крутые скалами, в правой руке – Майтюбе, посредственной высоты, верха оной кругловаты, покатости крутые продолжаются до 40 или 50 верст.

Около речки Третьей Бижи есть небольшие луга, широтою от 50 и до 80 сажен, по коим и травы есть годные к сенокосу, но в малом количестве. На сем пути строевого леса нет, а по берегам речки Третьей Бижи есть мелкий таловый кустарник в малом количестве.

[Сентября] 14-го. Шли низкими и отлогими увалами до ключа: направление дороги – S; время хода – 35 минут; всего хода – 3 версты 250 сажен; положение на плане – 2 версты 487 сажен.

От оного до горы Чулактау и остановились при ключе, коему звания неизвестно: время хода – 1 час 15 минут; всего хода – 7 верст 250 сажен; положение на плане – 6 верст 187 сажен.

Итого: время хода – 1 час 50 минут; всего хода – 11 верст; положение на плане – 9 верст 174 сажени.

На сем пути прошли один ключ и у другого остановились, которые выпадают с восточной стороны из гор: первый – Алтынемель, а второй – из Чулактау, течение имеют к западу, не

далее трех или четырех верст и теряются, широтою каждый не более одного аршина, глубиною в три и четыре вершка.

Горы Алтынемель – окончание Алатау, которые соединяются с горою Чулактау. Горы Чулактау – каменные, посредственной вышины, верха оных кругловаты, покатости большею частью крутые, лежащие от востока к западу расстоянием от пути нашего в левую руку до 60 или 70, а в правую – до 50 верст.

На сем пути лугов и сенокосных мест не имеется, и подножного корма для скота было недостаточно. Строевого леса и никаких кустарников не имеется.

[Сентября] 15-го числа дневали.

[Сентября] 16-го. Сначала шли чрез гору Чулактау ущельем и покатостями оных: направление дороги – SO 14°; время хода – 2 часа 10 минут; всего хода – 13 верст; положение на плане – 9 верст 50 сажен.

От ключа посредственными горами до поворота: направление дороги – 12°; время хода – 3 часа 20 минут; всего хода – 20 верст; положение на плане – 17 верст 488 сажени.

Итого: время хода – 5 часов 30 минут; всего хода – 33 версты; положение на плане – 27 верст 38 сажен.

От горы Чулактау дол простирается до реки Или, по обе стороны пути нашего на дальнее расстояние грунт земли песчаный, на поверхности коего беспрерывная насыпь камней.

Река Или судоходная, течение имеет посредственной быстроты, выпадает из-за границы Китайского государства с восточной стороны к западу и от пути нашего делает оборот ближе к северу и впадает в озеро Балхаш, широтою от 150 до 200 сажен, глубиною от двух до восьми аршин, берега песчано-иловатые, вышиною от трех до пяти аршин.

Чрез гору Чулактау шли по ущелью во многих местах россыпями камней, в трех местах поднимались косогорами: в первом – отлого, а в двух – круто и спускались так же.

Около реки Или есть луга довольно обширные, но по оным трав, годных к сенокосу, не имеется и подножного корма для скота было недостаточно. По обе стороны реки Или лес тополевый и по-киргизски называемой *джида*, годные на дрова, а

на строение – очень мало. Кустарников таловых, кызыл и сарыагач, также и шиповника в большом количестве.

Чрез реку Или переправа была на одном имеющемся у киргизов небольшом судне или плашкоуте, на который помещалось не более 60 баранов, переправляя на оном верблюдов, баранов, товар и другие вещи, а лошадей без судна самих собою. При сплаве оных во всем караване утонуло девять и у приказчика купца Попова Файзуллы Сейфулина из киргизов один работник. От сего места впереди пути нашего за рекою Или на горах Алатавских виден был снег и 20-го числа покрылись таковым же горы Сугеты и Туру-Айгыр.

[Сентября] 17-го, 18-го, 19-го, 20-го и 21-го числа имели переправу чрез реку Или.

[Сентября] 22-го. Шли долом и по низким песчаным буграм до первого ключа: направление дороги – SO 32°; время хода – 4 часа 45 минут; всего хода – 28 верст 250 сажен; положение на плане – 25 верст 298 сажен.

До второго ключа: время хода – 30 минут; всего хода – 3 версты; положение на плане – 2 версты 333 сажени.

До увалов: время хода – 2 часа 30 минут; всего хода – 15 верст; положение на плане – 11 верст 499 сажен.

Увалами до горы Сугеты и ключа, у коего и ночлег имели: время хода – 1 час 5 минут; всего хода – 6 верст 250 сажен; положение на плане – 5 верст 262 сажени.

Итого: время хода – 8 часов 50 минут; всего хода – 53 версты; положение на плане – 45 верст 362 сажени.

Дол от реки простирается до увалов горы Сугеты, а по пути в обе стороны на дальнее расстояние, по которому грунт земли с начала хода нашего до 20 верст – песчаный, с наносными от ветров буграми; по обе стороны ключей – солонцеватый, а от оного до увалов – песчаный с каменистою дресвою, хлебопахотных мест не имеется.

На сем пути пройденные два ключа, в коих вода пресная, течения не имеют, широтою местами в два аршина, а другими до четырех сажен, глубиною также местами в ½ и другими до 2½ аршина, берега оных вышиною до пяти аршин и при воде во многих местах топкие и обросшие мелким камышом. Ключ Сугеты выходит из гор того же звания и протекает не далее

двух верст, а потом теряется, широтою от одного до двух аршин, глубиною не более четырех вершков.

Увалы до гор Сугеты отлогие, и поверхность оных видна красной, желтой и белой глины, смешанные с большими и мелкими частицами камней.

На сем пути лугов и трав, годных к сенокосу, не имеется, и подножного корма для скота было недостаточно. На сем пути строевого леса нет, а от реки Или в 15 верстах есть небольшие кустарники саксаул и кызыл-агач, в довольном количестве.

[Сентября] 23-го. Чрез гору Сугеты ущельем до ключа: направление дороги – SO 7°; время хода – 2 часа 5 минут; всего хода – 12 верст 250 сажен; положение на плане – 8 верст 375 сажен.

Между гор Сугеты небольшим долом по ключу: время хода – 55 минут; всего хода – 5 верст 250 сажен; положение на плане – 4 версты 443 сажени.

Итого: время хода – 3 часа; всего хода – 18 верст; положение на плане – 13 верст 318 сажен.

Дол между гор Сугеты широтою от 300 сажен и до одной версты, по коему земля черная и мягкая, большею частью с гор с россыпью крупных и мелких камней.

При окончании гор Сугеты протекает ключ не далее шести верст и скрывается под землю, широтою до двух аршин, глубиною местами в три вершка, а другими – более аршина, по берегам во многих местах растет мелкий камыш.

Горы Сугеты, их же называют и *Сарамсак*, каменные, посредственной высоты, покатости оных крутые, лежащие от востока к западу, от пути нашего продолжаются в левую руку на 50 или 60, а в правую – не далее 12 верст, соединяются с хребтом снежных Алатавских гор.

На сем пути лугов и трав, годных к сенокосу, не имеется, и подножного корма для скота было недостаточно. По ущелью горы Сугеты местами есть мелкие кустарники саксауловые и таволожник в небольшом количестве, а на горах Алатау елового и пихтового леса, годного на строение, в большом количестве.

[Сентября] 24-го. Шли долом до горы Туру-Айгыр: направление дороги – SO 11°; время хода – 2 часа 20 минут; всего хода – 14 верст; положение на плане – 12 верст 221 сажень.

Чрез гору ущельем: время хода – 1 час 10 минут; всего хода – 7 верст; положение на плане – 5 верст 250 сажен.

Итого: время хода – 3 часа 30 минут; всего хода – 21 верста; положение на плане – 11 верст 471 сажень.

Дол простирается по пути нашему в правую руку на дальнее расстояние, а в левую – до гор Алатавских на 12 верст, по оному грунт земли сначала от гор Сугеты песчаный и местами солонцеватый, а к горам Туру-Айгыр – глинисто-песчаный с каменистою дресвою.

Горы Туру-Айгыр каменные, высоки и круты, лежащие от востока к западу, от пути нашего в восточную сторону на 60, и в западную до гор Алатавских – не более 12 или 15 верст, по коим сего числа ход был ущельем, сначала отлого, а потом очень круто.

На сем пути лугов и трав, годных к сенокосу, не имеется. На сем пути строевого леса нет, в ущелье и покатостям гор Туру-Айгыр местами есть кустарники вересковые, таволожник, кызыл-агач в небольшом количестве. На сем месте по неимению воды, как люди, так и скот пользовались снегом.

[Сентября] 25-го. Шли чрез гору Туру-Айгыр ущельем: направление дороги – SO 8°; время хода – 1 час; всего хода – 11 верст 250 сажен; положение на плане – 8 верст 25 сажен.

От горы долом: направление дороги – 5°; время хода – 2 часа 25 минут; всего хода – 14 верст 250 сажен; положение на плане – 12 верст 443 сажени.

Отлогими увалами до речки Четь-Мерки: время хода – 1 час 45 минут; всего хода – 10 верст 250 сажен; положение на плане – 8 верст 458 сажен.

Итого: время хода – 6 часов 5 минут; всего хода – 36 верст 250 сажен; положение на плане – 29 верст 426 сажен.

Дол простирается по пути нашему в правую руку до гор Алатау не далее 10 верст, а в левую – на дальнее расстояние, по которому грунт земли глинисто-песчаный и пахотных мест довольно.

На сем пути подходили к речке Чарын, близ впадения в оную речки Четь-Мерки. Чарын течение имеет от полудня к востоку, проходя горы Туру-Айгыр и Сугеты и впадает в речку Или, берега оной чрезвычайно круты, обвальны, в горах вышиною будут более версты, а между гор Туру-Айгыр и Сугеты долом около полуверсты, течение имеет быстрое, широтою от 12 до 15 сажен, глубиною местами в один аршин, а другими – глубже. Речка Четь-Мерки выпадает из гор Алатавских с полуденно-западной стороны к востоку и впадает в речку Чарын, широтою от двух до трех сажен, глубиною от 10 вершков до одного аршина, берега между гор низкие, вода в обеих речках пресная.

Чрез горы Туру-Айгыр ход был ущельем по россыпям камней, два подъема и спуски довольно были круты, для верблюдов и лошадей затруднительны. Пройдя от гор Туру-Айгыр восемь верст поравнялись с горою Куулук, которые от пути нашего продолжаются в восточную сторону до 45 или 50 верст, оные горы каменные, посредственной вышины, имеют верхи круты скалами.

На сем пути лугов и трав, годных к сенокосу, не имеется. По берегам речки Четь-Мерки довольно есть кустарника талового, годного на дрова, и кроме оного мелкого, называемого *ргай*, сары-агача и шиповника, а на горах Алатау и Куулук пихтового и елового, годного на строение, в большом количестве.

[Сентября] 26-го. Перешед речку Четь-Мерки, поднимались на гору Меркенынбаши: направление дороги – SW 5°; время хода – 30 минут; всего хода – 3 версты; положение на плане – 2 версты 50 сажен.

Горою до речки Урта-Мерки: направление дороги – SO 35°; время хода – 30 минут; всего хода – 3 версты; положение на плане – 2 версты 50 сажен.

До речки Третьей Мерки, у коей ночлег имели: время хода – 1 час 30 минут; всего хода – 9 верст; положение на плане – 6 верст 150 сажен.

Итого: время хода – 2 часа 30 минут; всего хода – 15 верст; положение на плане – 10 верст 250 сажен.

На сем пути прошли речки Урта и Третью Мерки, которые выпадают из гор Алатавских и впадают в речку Чарын, течение

имеют быстрое от полудня к востоку, широтою первая – от пяти до восьми аршин, вторая – в две сажени, а местами и шире, глубиною каждая в 12 вершков, а местами и более аршина, в обеих речках вода пресная.

От пути нашего в правой руке продолжаются снежные горы Алатау, а сего числа шли отногами оных, называемыми Меркенынбаши, которые довольно высоки и к речкам подъемы и спуски были очень круты. В левой руке не далее трех верст горы каменные Куулук.

По речкам Урта и Третья Мерки между гор есть небольшие луга, широтою не более 60 и 80 сажен, но трав, годных к сенокосу, есть только по речке Третьей Мерки в небольшом количестве. На горах Алатавских и Куулук есть лес еловый и пихтовый, годный на всякое строение, в большом количестве, по покатостям гор и в ущельях – рябиновый кустарник, по рекам Урта и Третьей Мерки – кустарник, годный на дрова, и мелкий, по-киргизски называемый *сары-агач*, и шиповник в небольшом количестве.

На 27-е число в ночи шел большой дождь, а днем выпал снег вышиною более полуаршина.

[Сентября] 27-го и 28-го числа дневали.

[Сентября] 29-го. От речки Третьей Мерки шли горою до речки Чарын и подле оной до ключа: направление дороги – SO 58°; время хода – 1 час 34 минуты; всего хода – 9 верст 200 сажен; положение на плане – 7 верст 260 сажен.

От ключа до дола отлогими покатостями: время хода – 26 минут; всего хода – 2 версты 300 сажен; положение на плане – 2 версты 40 сажен.

Долом до ключа Бащи-Булак: время хода – 22 минуты; всего хода – 2 версты 100 сажен; положение на плане – 1 верста 476 сажен.

До речки Джирганаты: время хода – 26 минут; всего хода – 2 версты 300 сажен; положение на плане – 2 версты 40 сажен.

Перейдя речку Джирганаты, шли большими отлогими горами: направление дороги – SO 15°; время хода – 2 часа 45 минут; всего хода – 16 верст 250 сажен; положение на плане – 13 верст 100 сажен.

Долом до ключа Талды-Булак, у коего и ночлег имели: направление дороги – SW 25°; время хода – 2 часа 55 минут; всего хода – 17 верст 250 сажен; положение на плане – 14 верст 276 сажен.

Итого: время хода – 8 часов 50 минут; всего хода – 53 версты; положение на плане – 42 версты 150 сажен.

Дол от горы сначала широтою не более одной версты, который в восточную сторону уширился до 15, а где остановились ночевать до 30 верст, грунт земли глинисто-песчаный, на коем около гор можно иметь хлебопашество в большом количестве.

Первый ключ небольшой, коему звания неизвестно, второй ключ Бащи-Булак широтою от двух до трех аршин, глубиною от четырех до шести вершков. Речка Джирганаты широтою от пяти до шести аршин, глубиною от шести вершков и до одного аршина. Ключ Талды-Булак широтою от двух до четырех аршин, глубиною от четырех до шести вершков, в него недалеко от стана нашего впадают три ключа: один с правой по течению, а два с левой стороны. Все оные речки и ключи выпадают из гор Алатавских и впадают в речку Чарын. При сем месте речка Чарын и еще небольшие речки выпадают из гор Каркара и соединяются с Чарыном. У всех речек берега низкие, вода пресная, течение имеют быстрое.

Высоты гор Алатавских от пути нашего продолжались в правой руке. Горы Куулук в левой руке против перехода речки Джирганаты окончание свое имеют. От оных гор не далее двух или трех верст горы Каркара начало свое имеют и продолжаются сначала от севера к полудню и потом имеют поворот к западу.

По берегам речек Чарын, Джирганаты и ключа Талды-Булак есть большие луга, на коих довольно трав, годных к сенокосу.

На горах и по берегам речек лес такой же, как описан 26-го числа.

Сего дня ход был снегом по ровным местам, глубиною в ½, а по ущельям и между покатостей гор – более одного аршина, для верблюдов, баранов и коней было очень затруднительно. Сего дня проходили близ двух летних китайских карау-

лов, которые находились: первый – к ночлегу в 3½ верстах при речке Чарыне, а второй – при речке Джирганаты, на каждом по одному офицеру, по три урядника и по 40 человек рядовых. На караулах, кроме земляных шалашей, ничего не имеется; как офицеры, так и нижние чины видели нас, но не останавливали и не спрашивали, кто мы таковые и куда идем, а из числа же наших торговцев заезжали к ним, у коих между прочим разговором спрашивали, что за команда, куда и для чего идет, которые сказали им, что караван для мены товаров к закаменным киргизцам и с тем явились в свой караван.

[Сентября] 30-го. Шли подле гор Алатау долом до ключа Санташ и речки Тюп: направление дороги – SW 54°; время хода – 2 часа 10 минут; всего хода – 13 верст; положение на плане – 11 верст 277 сажен.

Дол сей между гор: по правую сторону – Алатау, а по левую – Каркара, широтою не более одной версты, грунт земли глинисто-песчаный, по коему можно иметь хлебопашество.

Речка Тюп выпадает из гор Каркара и впадает в озеро Иссык-Куль, которое озеро на карте значится *Тускель*, широтою от пяти до шести сажен, глубиною от 10 вершков до одного аршина, быстрота оной посредственна, берега низки и вода пресная. В речку Тюп по течению в правый берег впадает небольшой ключ, называемый *Санташ*.

Горы продолжаются: в правой руке – Алатау, в левой – Каркара, которые разделяются долом одна от другой не более одной версты.

На сем пути лугов и трав, годных к сенокосу, нет и для подножного корма [в] избыточестве.

На горах Алатау и Каркара пихтового и елового леса, годного на строение, в большом количестве; по берегам речки Тюп таловый, джида и облепиха в избыточестве.

Сего дня шли снегом глубиною в ½ аршина, а местами и глубже. При впадении ключа Санташ в речку Тюп, на берегу оной находятся два круглых больших бугра, наложенные из мелких камней, из коих у одного верх овальный, а другого – снятый, плоский, которые азиатцы называют *санташ*, т. е. миллион камней. Киргизы хотя совершенно истории не знают, но сказывают, что в давнопрошедшие времена воин, называемый

Темирлан, или *Темир-Аксак*, из Астрахани или с той стороны из другого места пришел со своим войском, овладел Ташкениею и потом пошел к Китайскому государству, остановившись на оном месте, приказал каждому воину взять с берегов речки по одному камню и положить в сии кучи, для того чтоб возвратившись из Китайского государства, взять из оных каждому воину также по одному камню и оставшаяся часть тех камней покажет потерю его войска. По возвращении теми воинами взято было из одного бугра не более четвертой доли камней и брошены в речку, а прочие за потерею людей остались на сем месте. Темирлан, видев таковую чувствительную потерю, с остальным войском ушел паки в Ташкению, устроил мечети, восстановил магометанскую веру, а до того времени ташкентцы были идолопоклонниками, и владел Ташкениею долгое время.

Октября 1-го. Шли подле речки Тюп по покатостям гор Алатавских до первого ключа: направление дороги – SW 85°; время хода – 25 минут; всего хода – 2 версты 250 сажен; положение на плане – 2 версты.

До второго ключа: время хода – 19 минут; всего хода – 1 верста 450 сажен; положение на плане – 1 верста 260 сажен.

До третьего ключа: время хода – 27 минут; всего хода – 2 версты 350 сажен; положение на плане – 2 версты 80 сажен.

До речки Тубулгуты: время хода – 59 минут; всего хода – 5 верст 450 сажен; положение на плане – 4 версты 360 сажен.

Итого: время хода – 2 часа 10 минут; всего хода – 13 верст; положение на плане – 10 верст 200 сажен.

Дол между гор Алатау, Кызыл-Боянын и Сары-Тологой широтою от 200 до 300 сажен, на коем земля черная и мягкая, годной к хлебопашеству не имеется.

В речку Тюп впадают с левой стороны из гор Кызыл-Боянын и Сары-Тологой – два, а с правой из гор Алатау – три ключа, которые широтою не более одного аршина, глубиною от трех до пяти вершков. Речка Тубулгуты выпадает из Алатавских же гор и впадает в речку Тюп, широтою от шести до восьми аршин, глубиною в 12 вершков, местами глубже, берега оной низкие; вода, как в сей речке, так и в ключах пресная.

На сем пути продолжаются горы: в правой руке – Алатау, в левой – Кызыл-Боян и Сары-Тологой, первые две высоки, ка-

менные и крутые, а последняя посредственной вышины, глинистая, покатости имеет отлогие.

По всему пути между гор подле речки Тюп луг широтою от 200 до 300 сажен и травы, годные к сенокосу. На горах Алатау и Кызыл-Боян лес еловый и пихтовый, годный на всякое строение, а по речке Тюп – как описан вчерашнего дня.

На сем пути снег был не глубже трех и четырех вершков. От сего места имеют кочевье закаменные, или дикие, киргизцы между гор Алатау и Мыстау, а позади сей последней до Кашкарии и продолжаются до Кукании.

[Октября] 2-го. Шли долом подле речки Тюп: направление дороги – SW 77°; время хода – 1 час 45 минут; всего хода – 10 верст 250 сажен; положение на плане – 9 верст 165 сажен.

Перейдя речку Тюп шли чрез посредственные и отлогие горы Сары-Тологой до речки Джиргалы: направление дороги – 5°; время хода – 2 часа 30 минут; всего хода – 15 верст; положение на плане – 12 верст.

Итого: время хода – 4 часа 15 минут; всего хода – 25 верст 250 сажен; положение на плане – 21 верста 165 сажен.

Дол с начала хода сего дня не шире одной версты, а где сделали поворот уширился до 10 верст до гор Алатавских и продолжается до озера Иссык-Куль не менее 20 или 25 верст, на оном грунт земли глинисто-песчаный, есть местами с каменистою дресвою, но хлебопахотных мест очень довольно.

Речка Тюп подходит ближе к горам Алатау и от поворота в 20 или 25 верст впадает в озеро Иссык-Куль. Озеро Иссык-куль, а по-русски Теплое, сказывают, что длиною будет более 80, а широтою до 30 или 35 верст, глубиною с берегов отмело, а посередине до пяти или шести сажен, подле оного озера обходят горы с северной стороны – Алатау, а с полуденной – Мыстау, которые и соединяются одна с другою и продолжаются далее сего озера, на какое расстояние – никто совершенно не знает. Речка Джиргалы выпадает из гор Мыстау и впадает в озеро Иссык-Куль, широтою не более трех сажен, глубиною до одного аршина. Выше стана нашего, не в дальнем расстоянии, из тех же гор выпадают три небольшие речки: первая – Аксу, вторая – Баш-Учку-Джиргес, третья – Кичи-Джиргес, и впадают в речку Джиргалы, у всех оных берега низкие и вода пресная.

Горы Сары-Тологой от пути нашего продолжаются в западную сторону к озеру Иссык-Куль на 20 верст. Хребет снежных каменных высоких гор Мыстау соединяется с горами Каркара и Кызыл-Боян и продолжается в полуденно-западную сторону от стана нашего не далее трех или четырех верст.

По речке Джиргалы есть луговые места и травы, годные к сенокосу, в небольшом количестве. На горах Мыстау пихтового и елового леса, годного на всякое строение, в большом количестве, а по берегам речки Джиргалы – годного на дрова талового, джиды и облепихи в довольном количестве.

На сем пути снега уже не было. В озере Иссык-Куль, киргизы сказывают, есть большая рыба, которую два человека поднять едва могут, по словам их, должно быть сомы. Хребет гор по-киргизски называемый *Мыстау*, а по-русски значит Ледяной. Не доходя речки Джиргалы 20 верст, при речке Тюп встретили нас закаменных киргизцев лучшие бии Есен-Аман и два племянника его, Альджибай и Кочубек, сей последний жалован от российского двора чином титулярного советника, саблею и медалью, при них еще было для прислуги четыре киргизца, им подданных, просили как караван, так и отряд в свои аулы. По просьбе их и остановились вблизи аулов. По приказанию сих биев поставлено было три юрты, в коих делали угощение хлебным вином ихнего дела – бузою или брагою, а кто пил кумыс, то кумысом, т. е. квашенным кобыльим молоком. При сем случае вызвались проводить караван до города Турпана с уверением, что от других киргизцев каравану никто никакой обиды причинить не может, и 7-го числа означенные три бия с 30 киргизцами следовали с нами.

[Октября] 3-го, 4-го, 5-го и 6-го числа проживали для промены с киргизцами изнуренных лошадей и вымену баранов.

[Октября] 7-го. Долом подле речки Джиргалы до речки Ири-Джиргес: направление дороги – SW 63°; время хода – 1 час 26 минут; всего хода – 8 верст 300 сажен; положение на плане – 8 верст 20 сажен.

До речки Второй Аксу: время хода – 2 часа 14 минут; всего хода – 13 верст 200 сажен; положение на плане – 11 верст 454 сажени.

Остановились при небольшом ключе: время хода – 2 часа 25 минут; всего хода – 14 верст 250 сажен; положение на плане – 12 верст 443 сажени.

Итого: время хода – 6 часов 5 минут; всего хода – 36 верст 250 сажен; положение на плане – 32 версты 417 сажен.

Дол сей простирается по пути нашему между гор Мыстау и Сары-Тологой – не более четырех, а потом до гор Алатавских – более 20 верст, грунт земли глинисто-песчаный, годный к хлебопашеству.

Речка Ири-Джиргес, Вторая Аксу и ключ выпадают из гор Мыстау и впадают в речку Джиргалы, широтою обе речки до двух сажен, глубиною от 10 вершков до одного аршина, берега оной низкие, течение имеют быстрое, вода пресная. Ключ широтою более одного аршина, глубиною от трех до четырех вершков, вода пресная.

От пути нашего в пяти верстах в левой руке продолжается хребет гор Мыстау.

Луга по берегам речки Джиргалы широтою не более одной версты, а местами уже, и травы есть годные к сенокосу. Лес на горах Мыстау, как описан 2-го числа, а по берегам речек Джиргалы, Ири-Джиргес и Аксу – годный на дрова таловый, джида и облепиха в посредственном количестве.

[Октября] 8-го. Долом до речки Каракул: направление дороги – SW 48°; время хода – 10 минут; всего хода – 1 верста; положение на плане – 444 сажени.

До речки Урданын: время хода – 1 час 40 минут; всего хода – 10 верст; положение на плане – 8 верст 442 сажени.

До речки Джитогус: время хода – 2 часа 40 минут; всего хода – 16 верст; положение на плане – 14 верст 109 сажен.

До небольшого ключа, у коего и ночлег имели: время хода – 3 часа; всего хода – 18 верст; положение на плане – 16 верст 100 сажен.

Итого: время хода – 7 часов 30 минут; всего хода – 45 верст; положение на плане – 40 верст 95 сажен.

Дол простирается от гор Мыстау до озера Иссык-Куль в правую руку на дальнее расстояние, грунт земли глинисто-песчаный, а местами с каменистою дресвою, по коему хлебопахотных мест в довольном количестве.

Речки Каракул, Джитогус, Урданын и ключ выпадают из гор Мыстау и впадают каждая своим устьем в озеро Иссык-Куль, а ключ – в речку Каракул, широтою Урданын в 1½ аршина и Джитогус – до трех сажен, глубиною все оные речки от семи вершков до одного аршина, берега низки и вода пресная.

Продолжаются горы Мыстау от пути нашего в левой руке в пяти верстах, и в правой, между речек Каракул и Урданын, в четырех верстах небольшая земляная сопка, называемая *Керек-Баши*.

На сем пути лугов и сенокосных мест не имеется, да и подножного корма для скота недостаточно. Леса, кроме горы Мыстау, на строение годного нет, а по берегам речки Каракул есть таловый мелкий кустарник в малом количестве.

На сем пути у закаменных киргизов имеются пашни в большом количестве, сеют китайскую пшеницу, просо, ячмень и горох.

[Октября] 9-го. Долом до речки Кызылсу: направление дороги – SW 10°; время хода – 1 час; всего хода – 6 верст; положение на плане – 5 верст 166 сажен.

Покатостями гор подле речки Кызылсу до мельницы: направление дороги – SO 15°; время хода – 37 минут; всего хода – 3 версты 350 сажен; положение на плане – 2 версты 480 сажен.

До Мыстау и небольшого ключа: время хода – 1 час 53 минуты; всего хода – 11 верст 150 сажен; положение на плане – 9 верст 20 сажен.

Ущельем гор Мыстау до второго ключа: время хода – 1 час 5 минут; всего хода – 6 верст 250 сажен; положение на плане – 4 версты 275 сажен.

До третьего ключа: время хода – 1 час 20 минут; всего хода – 8 верст; положение на плане – 5 верст 300 сажен.

Остановились в ущелье у речки Кызылсу: время хода – 1 час 50 минут; всего хода – 11 верст; положение на плане – 7 верст 350 сажен.

Итого: время хода – 7 часов 35 минут; всего хода – 45 верст 400 сажен; положение на плане – 34 версты 445 сажен.

Дол сей простирается от гор Мыстау по пути нашему в правую руку до озера Иссык-Куль, на коем грунт земли глинисто-песчаный, местами с каменистою дресвою, также есть места, годные к хлебопашеству.

Речка Кызылсу выпадает из гор Мыстау и впадает в озеро Иссык-Куль, течение имеет быстрое от полудня к северу, широта оной в две сажени, а местами и более, глубина от одного до 1½ аршина, берега низкие, вода пресная. Ключи выпадают из тех же гор и впадают в речку Кызылсу: первый – по течению воды в правый, и последние два – в левый берег, широтою каждый не более аршина, а глубина от трех до пяти вершков.

Сего числа шли между покатостей и ущельем гор Мыстау.

Лугов и сенокосных мест не имеется, и подножного корма крайне было недостаточно. На покатостях гор Мыстау лес еловый и пихтовый, годный на всякое домовое строение, в большом количестве; верескового, рябинового, калинового и шиповника по ущельям и покатостям гор в довольном количестве.

На означенном месте речки Кызылсу у закаменных киргизов имеется мельница, каковые в России называются *мутовками*, которая начально устроена была беглыми татарами, а ныне уже поддерживается самими киргизцами, которая в одни сутки вымалывает муки до 30 пудов.

[Октября] 10-го. Чрез гору Мыстау ущельем и косогорами подле речки Кызылсу до ключа: направление дороги – SO 10°; время хода – 15 минут; всего хода – 1 верста 250 сажен; положение на плане – 1 верста 25 сажен.

До другого ключа: время хода – 55 минут; всего хода – 5 верст 250 сажен; положение на плане – 3 версты 425 сажен.

От ключа до поворота: время хода – 45 минут; всего хода – 4 версты 250 сажен; положение на плане – 3 версты 75 сажен.

Поворотом до ночлега при реке Кызылсу: направление дороги – SW 5°; время хода – 40 минут; всего хода – 4 версты; положение на плане – 2 версты 400 сажен.

Итого: время хода – 2 часа 35 минут; всего хода – 15 верст 250 сажен; положение на плане – 10 верст 425 сажен.

Два небольших ключа выпадают из гор Мыстау и впадают в речку Кызылсу, широтою каждый до 1½ аршина, глубиною от трех до четырех вершков. Речка же Кызылсу от сего ночлега в 20 или 25 верстах начало свое имеет.

Широта гор Мыстау от сего места, сказывают киргизцы, простирается еще [на] два дня хода, а потом будут другие горы, более оных, называемые *Бедель-Дуван*, коих широта простирается почти до самого города Турпана.

Лугов и сенокосных мест не имеется, и подножного корма крайне было недостаточно.

На покатостях гор Мыстау лес еловый и пихтовый, годный на всякое домовое строение, в большом количестве; верескового, рябинового, калинового и шиповника по ущельям и покатостям гор в довольном количестве.

Сего дня в ущелье и косогорами ход был для верблюдов и лошадей весьма затруднителен, во многих местах подъемы и спуски были очень крутые, по россыпям камней и по заледеневшему многими слоями снегу; внизу ущелья гор воздух чрезвычайно тяжелый, от коего все люди сделались нездоровы головою, как в обмороке. От сего ночлега казачий отряд возвратился обратно по тракту в крепость Семиполатную, а караван пошел вперед к городу Турпану за препровождением упомянутых закаменных киргизцев 30 человек и трех биев, их начальников. Те ж закаменные киргизцы показывали нам тракт к городу Турпану на полдень, а к Кашкару – гораздо восточнее. Города же сии на картах значатся: Кашкар – ближе к пути нашему, а Турпан – далее. Напротив того сказывают, что где значится Турпан, на том месте должен быть Кашкар, а Кашкар – где Турпан. Расстояние ж до оных положить совершенно не можно, а как сказывают, что тихим ходом с тягостью до Турпана три или четыре, а до Кашкара, ежели не чрез Турпан, то шесть или семь, а чрез Турпан – восемь дней хода.

Всего от крепости Семиполатной Киргизской степью в передний путь пройдено 1537 верст 170 сажен. Положение на плане – 1303 версты 252 сажени.

[Октября] 11-го. От речки Кызылсу отряд возвратился обратно передним путем и 14-го числа пришли на речку Тубулгуты, на коем месте в передний путь 1-го числа ночлег

имели: всего хода – 168 верст 150 сажен; положение на плане – 141 верста 447 сажен.

[Октября] 15-го. От речки Тубулгуты шли между покатостей гор Алатау: направление дороги – NO 21°; время хода – 2 часа; всего хода – 12 верст; положение на плане – 8 верст 200 сажен.

[Октября] 16-го. Поднимались на гору Алатау до поворота: время хода – 16 часов 37 минут; всего хода – 12 верст 150 сажен; положение на плане – 8 верст 305 сажен.

Поворотом чрез самый хребет и спускались в ущелье: направление дороги – NO 37°; время хода – 16 часов 37 минут; всего хода – 13 верст 300 сажен; положение на плане – 9 верст 260 сажен.

На сем пространстве перешли чрез небольшие речки, кои впадают в левый берег речки Третьей Мерки, а как с нами вожака не было, потому оным звания неизвестно.

Дабы избегнуть окольной дороги, по уверению киргизцев, что чрез хребет Алатавский без трудности перейти можно, и потому пошли прямо, сначала поднимались не так круто и снег был не более одного аршина, а чем далее – гора была круче, а снег глубже, так что в некоторых местах не могли доставать земли копейной древкой. Выгребли оный лопатами, глубиною на два аршина, а местами и глубже, а потом те же места протаптывали попеременно людьми и лошадьми, делали дорогу. Мучаясь третьи сутки до совершенного устатка и с большою трудностью могли выйти, и во все сие время шел снег и ущелья гор наполнялись оным, когда были при самой высоте гор, сделался туман, так что в пяти саженях человека было не видно, но оный продолжался не более 1½ часа. Все три сутки у отряда лошади и бараны, имевши для содержания, были голодны, и ночевали кто где находился, большее же беспокойство и со вредом было от того, что теми ущельями под снегом протекали речки, проходя чрез оные, кони растаптывая снег, канал речки запруживался оным, и вода течение возымеет не своим каналом, а нашею дорогою, как люди, так и скот утопали в воде выше колена, пока ей не откроют другого хода. Не только от воды, но и от снега на всех людях одежда была мокрая, да и обсушить оную не было удобного места, хотя под пихтовыми деревьями и раскладывали огонь для обсушки, но оная более прела, а не сохла. К счастью нашему еще были теплые дни и ночи, нежели бы три дня позже сего времени, то киргизы говорили, чтоб никак выйти из гор уже невозможно было. 16-го числа при отряде у казаков до 20 лошадей оставались свободными, которые были связаны одна за другую. Не поднявшись еще на самую высоту гор, одна лошадь оборвала повод и поворотила с дороги под гору, а за оной еще шесть лошадей. Находившиеся при них казаки, побежав пешие глубиною снега, с большим трудом догнав пять лошадей и в 4 часа времени вытащили оных на дорогу, а шестая была спустивши низко под горою, которую достать никакой надежды не было, и потому осталась там погибнуть. Того же числа по усталости девяти вьючных лошадей, одна с ящиком, в коем были медикаменты, и прочие – с харчевыми припасами и малым количеством излишней одежды, с коих по необходимости тягость сложили и вели простых, а как уже вечером было темно и поздно, то за теми оставленными вещами решились послать на другой день, посланные ж проездили более восьми часов времени и до тех вещей доехать никак не могли, лошади тощие устали, а дорога, прочищенная отрядом, уже наполнена была снегом, так что и знака не было, казаки как сами, так и усталых своих лошадей едва к отряду привести могли. По сим изъясненным причинам расстояние пути от 15-го по 19-е число положено примерно.

[Октября] 17-го. Ущельем гор Алатавских: направление дороги – NW 8°; время хода – 10 часов 5 минут; всего хода – 11 верст 150 сажен; положение на плане – 7 верст 350 сажен.

[Октября] 18-го. Тем же ущельем до речки Третьей Мерки, остановились на том же месте, где в передний путь становье имели: время хода – 6 часов 47 минут; всего хода – 16 верст 50 сажен; положение на плане – 11 верст 135 сажен.

[Октября] 19-го. От Третьей Мерки отногами гор Алатавских: направление дороги – NW 35°; время хода – 1 час 20 минут; всего хода – 8 верст; положение на плане – 5 верст 300 сажен.

До Четь-Мерки, у коей и ночлег имели: время хода – 1 час; всего хода – 6 верст; положение на плане – 4 версты 100 сажен.

Итого: время хода – 2 часа 20 минут; всего хода – 14 верст; положение на плане – 9 верст 400 сажен.

Речки сии описаны в переднем пути.

Отноги гор Алатавских, называемые *Меркенын-Баши*, описаны в переднем пути.

Луга описаны в переднем пути.

Леса описаны в переднем пути.

На сем пути снег был не глубже полуаршина.

[Октября] 20-го. От речки Четь-Мерки поднимались на гору: направление дороги – NW 25°; время хода – 30 минут; всего хода – 3 версты; положение на плане – 2 версты 50 сажен.

Отлогими увалами долом с небольшою покатостью до горы Туру-Айгыр и речки Чилик, у коей и ночлег имели: время хода – 3 часа 10 минут; всего хода – 19 верст; положение на плане – 17 верст 44 сажени.

Итого: время хода – 5 часов 50 минут; всего хода – 35 верст; положение на плане – 30 верст 118 сажен.

Дол сей описан в переднем пути.

Речка Чилик выпадает из гор Алатау и протекает между сих и Туру-Айгыр от полудня к северу и впадает в реку Или, широтою от шести до семи сажен, глубиною местами менее аршина, а другими – глубже сажени. В горах течение имеет очень быстрое, а ниже гор – посредственное, берега оной вышиною от двух до трех аршин, вода пресная.

От пути нашего горы Алатау в левой руке были не далее двух верст.

По берегам речки Чилик есть небольшие луга, но трав, годных к сенокосу, не имеется. По берегам речки Чилик лес тополевый в небольшом количестве и годный на строение, и небольшою частью березовый и таловый, годный на дрова.

До половины пути снег был глубиною от двух до трех вершков, а с половины – совсем не было.

[Октября] 21-го. Чрез гору Туру-Айгыр, сначала ущельем, а потом покатостями оных до поворота: направление дороги – NW 10°; время хода – 1 час 50 минут; всего хода – 11 верст; положение на плане – 7 верст 350 сажен.

Поворотом до речки Чилик: направление дороги – 65°; время хода – 1 час 25 минут; всего хода – 8 верст 250 сажен; положение на плане – 5 верст 475 сажен.

Подле речки Чилик до дола: направление дороги – N; время хода – 1 час; всего хода – 6 верст; положение на плане – 4 версты 100 сажен.

Долом до горы Сугеты и ночлег имели у речки Чилик: направление дороги – NW 35°; время хода – 30 минут; всего хода – 3 версты; положение на плане – 2 версты 333 сажени.

Итого: время хода – 4 часа 45 минут; всего хода – 28 верст 250 сажен; положение на плане – 20 верст 406 сажен.

Дол описан в переднем пути.

Горы Туру-Айгыр описаны в переднем пути.

Лугов и сенокосных мест не имеется. По речке Чилик леса, талового кустарника, годного на дрова, в небольшом количестве.

Чрез горы Туру-Айгыр ход был затруднителен, гораздо хуже, нежели чрез которое место шли передним путем.

[Октября] 22-го. Чрез гору Сугеты до поворота: направление дороги – NW 35°; время хода – 20 минут; всего хода – 2 версты; положение на плане – 1 верста 200 сажен.

Поворотом: направление дороги – 45°; время хода – 4 часа 25 минут; всего хода – 26 верст 250 сажен; положение на плане – 21 верста 100 сажен.

Вторым поворотом до увалов: направление дороги – 12°; время хода – 20 минут; всего хода – 2 версты; положение на плане – 1 верста 200 сажен.

Невысокими отлогими увалами до речки Асу: время хода – 20 минут; всего хода – 2 версты; положение на плане – 1 верста 348 сажен.

Теми же увалами до дола: время хода – 1 час 10 минут; всего хода – 7 верст; положение на плане – 5 верст 474 сажени.

Долом и остановились у ключа: время хода – 2 часа; всего хода – 12 верст; положение на плане – 10 верст 333 сажени.

Итого: время хода – 8 часов 35 минут; всего хода – 51 верста 250 сажен; положение на плане – 42 версты 158 сажен.

Дол сей простирается в обе стороны пути на дальнее расстояние, грунт земли песчано-иловатый, и к горам Сугеты довольно есть мест, годных к хлебопашеству.

Речка Асу выпадает из гор Алатавских и впадает в речку Чилик, широтою от четырех до пяти аршин, глубиною от 6 до 10 вершков, течение имеет быстрое, берега низки, вода пресная. Ключ, у коего остановились ночевать, звания неизвестно, выпадает из увалов и впадает в речку Чилик, широтою местами в один, другими до четырех аршин, глубиною четыре вершка, а местами до одного аршина, берега оного низкие и во многих местах топкие, около оных растет мелкий камыш.

Горы Сугеты описаны в переднем пути, которые в сем месте соединяясь с хребтом Алатавским, который от пути нашего продолжается в западную сторону на дальнее расстояние, но где оной оканчивается, никто не знает.

На сем пути лугов и сенокосных мест не имеется, да подножного корма недостаточно. Никакого леса не предвиделось.

[Октября] 23-го. Шли долом сначала подле ключа, подошли к речке Чилик: направление дороги – NW 12°; время хода – 4 часа 45 минут; всего хода – 28 верст 250 сажен; положение на плане – 25 верст 299 сажен.

От Чилика до реки Или: время хода – 1 час; всего хода – 66 верст; положение на плане – 5 верст 166 сажен.

Итого: время хода – 5 часов 45 минут; всего хода – 34 версты 250 сажен; положение на плане – 30 верст 465 сажен.

Дол сей простирается в обе стороны пути на дальнее расстояние, грунт земли с начала хода сего дня на 10½ верст солонцеватый, и потом до реки Или – песчаный.

Пройдя от ночлега ровным долом не более шести верст, шли до самой реки Или наносными от ветров песчаными буграми, которые в обе стороны пути продолжались на дальнее расстояние.

Луга около реки Или есть довольно обширные, но трав, годных к сенокосу, не имеется. Леса, как описаны в переднем пути сентября 16-го числа.

[Октября] 24-го. Переправлялись чрез реку Илю.

Река Иля описана в переднем пути.

Переправлялись на имеющихся у киргизов трех плашкоутах, таких же, как описано в переднем пути.

[Октября] 25-го. От реки Или долом до горы Чулактау: направление дороги – NW 67°; время хода – 1 час 35 минут; всего хода – 9 верст 250 сажен; положение на плане – 8 верст 215 сажен.

Чрез гору Чулактау: направление дороги – 45°; время хода – 1 час 50 минут; всего хода – 11 верст; положение на плане – 8 верст 400 сажен.

Поворотом: направление дороги – 5°; время хода – 1 час 35 минут; всего хода – 9 верст 250 сажен; положение на плане – 7 верст 300 сажен.

Вторым поворотом отлогими покатостями гор Чулактау, ночлег был при колодце: направление дороги – 30°; время хода – 1 час; всего хода – 6 верст; положение на плане – 4 версты 400 сажен.

Итого: время хода – 6 часов; всего хода – 36 верст; положение на плане – 29 верст 315 сажен.

Дол сей простирается в обе стороны пути на дальнее расстояние, грунт земли песчаный с каменистою дресвою.

При ночлеге в колодце вода осолотковата и душная.

Горы Чулактау описаны в переднем пути, которые от пути нашего продолжаются в западную сторону не далее пяти или шести верст.

Лугов и трав, годных к сенокосу, не имеется. Леса никакого нет.

Сего числа пополудни с 7 и до 12 часов шел большой дождь.

[Октября] 26-го. Долом до горы, коей звания неизвестно: направление дороги – NO 5°; время хода – 2 часа 20 минут; всего хода – 14 верст; положение на плане – 12 верст 221 сажень.

Горами посредственной высоты: время хода – 2 часа 15 минут; всего хода – 13 верст 250 сажен; положение на плане – 10 верст 400 сажен.

Итого: время хода – 4 часа 35 минут; всего хода – 27 верст 250 сажен; положение на плане – 23 версты 121 сажень.

Дол сей простирается в восточную сторону не более пяти верст, а в западную – на дальнее расстояние, по оному

грунт земли глинисто-песчаный и местами с каменистою дресвою, довольно есть мест, годных к хлебопашеству.

Горы, коим звания неизвестно, каменные, посредственной вышины, покатости имеют местами крутые, а другими – отлогие, продолжаются в восточную сторону на дальнее расстояние и соединяются с другими, а в западную – на 18 или 20 верст.

Лугов и трав, годных к сенокосу, не имеется. Леса никакого нет.

Здесь ночлег был при дождевой воде, натекшей с покатостей гор в лощину.

[Октября] 27-го. Шли небольшими отлогими горами до поворота: направление дороги – NW 12°; время хода – 1 час 20 минут; всего хода – 8 верст; положение на плане – 6 верст 200 сажен.

Поворотом: направление дороги – NO 20°; время хода – 1 час; всего хода – 6 верст; положение на плане – 4 версты 400 сажен.

Низкими и отлогими увалами до ключа, у коего и ночлег имели: направление дороги – 38°; время хода – 55 минут; всего хода – 5 верст 250 сажен; положение на плане – 4 версты 335 сажен.

Итого: время хода – 3 часа 15 минут; всего хода – 19 верст 250 сажен; положение на плане – 15 верст 435 сажен.

Ключ сей лежит от запада к северу, течения не имеет, долгота его не более четырех верст, широтою местами в один, а другими – в четыре аршина, глубиною в четыре вершка, а местами – глубже аршина, по берегам коего растет мелкий камыш и вода душная.

Небольшие горы земляные продолжаются подле пути нашего в левой руке в западную сторону до 20 верст, а увалы – до гор Малайсары. Горы Малайсары – каменные, посредственной вышины, от стана нашего продолжаются в полуденно-западную сторону на 40 верст.

Лугов и трав, годных к сенокосу, не имеется. Леса никакого нет.

Сказывают, что река Иля от пути нашего в левой руке в 40 или 45 верстах.

[Октября] 28-го. Шли небольшими отлогими горами: направление дороги – NO 5°; время хода – 1 час 40 минут; всего хода – 10 верст; положение на плане – 8 верст 246 сажен.

Долом до ключа, коему звания неизвестно: направление дороги – 10°; время хода – 1 час 35 минут; всего хода – 9 верст 250 сажен; положение на плане – 8 верст 322 сажени.

Подле ключа до речки Биш-Тамак: время хода – 30 минут; всего хода – 3 версты; положение на плане – 2 версты 333 сажени.

Отлогими увалами и ночлег имели у речки Биш-Тамак: направление дороги – 12°; время хода – 50 минут; всего хода – 5 верст; положение на плане – 4 версты 123 сажени.

Итого: время хода – 6 часов 15 минут; всего хода – 37 верст 250 сажен; положение на плане – 32 версты 24 сажени.

Дол сей простирается не более на пять верст, который со всех сторон обходят горы, по оному грунт земли глинисто-песчаный, можно иметь хлебопашество.

Ключ выпадает из гор Малайсары от запада к востоку и впадает в речку Биш-Тамак, широтою от одного до двух аршин, глубиною от четырех до пяти вершков. Речка Биш-Тамак выпадает из гор от полудня к северу и впадает в речку Третью Бижи в трех верстах ниже стана нашего, широтою 2½ сажен, глубиною в восемь вершков и местами глубже, берега оной низкие и вода пресная.

Небольшие и отлогие земляные горы продолжаются в обе стороны пути нашего, окончания оных было не видно и спросить не у кого, и потому расстояние неизвестно. Горы Биш-Тамак – каменные, посредственной вышины, лежащие от востока ниже запада[1] в обе стороны пути, продолжаются по 25 или 30 верст.

Лугов и трав, годных к сенокосу, не имеется. По берегам речки Биш-Тамак лес таловый, годный на дрова, в небольшом количестве.

Сказывают, что река Иля от пути нашего в левой руке в 60 или 65 верстах.

[1] Так в документе.

[Октября] 29-го. Шли увалами до речки Бижи: направление дороги – NO 12°; время хода – 1 час; всего хода – 6 верст; положение на плане – 5 верст 50 сажен.

До горы Кидень: время хода – 45 минут; всего хода – 4 версты 250 сажен; положение на плане – 3 версты 50 сажен.

Чрез гору Кидень: направление дороги – 15°; время хода – 1 час 15 минут; всего хода – 7 верст 250 сажен; положение на плане – 6 верст.

Горою же: направление дороги – 30°; время хода – 1 час 30 минут; всего хода – 9 верст; положение на плане – 7 верст 100 сажен.

Долом до речки Куксу, у коей и ночлег имели: направление дороги – 25°; время хода – 1 час 40 минут; всего хода – 10 верст; положение на плане – 8 верст 420 сажен.

Итого: время хода – 6 часов 10 минут; всего хода – 37 верст; положение на плане – 30 верст 120 сажен.

Дол сей простирается в обе стороны пути на дальнее расстояние, который описан в переднем пути.

Речки Бижи описаны в переднем пути.

Увалы – невысоки и отлоги, земляные, продолжаются до горы Кидень в западную же сторону до 25 верст. Горы Кидень – каменные, верха оных кругловаты, покатости во многих местах крутые, а от оных низкие глинистые продолжаются от востока к западу до 50 верст.

Луга такие ж, как в переднем пути. Лес описан в переднем пути.

Против сего места озеро Балхаш, сказывают, начало свое имеет от пути нашего в левой руке в 70 или 80 верстах.

[Октября] 30-го. От речки Куксу долом до речки Караталу: направление дороги – NO 35°; время хода – 3 часа 50 минут; всего хода – 23 версты; положение на плане – 20 верст 321 сажень.

Дол сей описан в переднем пути.

Речка описана в переднем пути.

Луга описаны в переднем пути.

Леса описаны в переднем пути.

[Октября] 31-го. От речки Каратал долом до горы: направление дороги – NO 40°; время хода – 3 часа 5 минут; всего хода – 18 верст 250 сажен; положение на плане – 16 верст 322 сажени.

Горою до ключа Саучи-Булак, у коего и ночлег имели: направление дороги – 38°; время хода – 45 минут; всего хода – 4 версты 250 сажен; положение на плане – 3 версты 300 сажен.

Итого: время хода – 3 часа 50 минут; всего хода – 23 версты; положение на плане – 20 верст 122 сажени.

Долы сии описаны в переднем пути.

Все сии речки и ключи описаны в переднем пути.

Горы сии описаны в переднем пути.

Луга описаны в переднем пути

Леса описаны в переднем пути.

[Ноября] 1-го. Горами до ключа Алакус: направление дороги – NO 40°; время хода – 2 часа 20 минут; всего хода – 14 верст; положение на плане – 11 верст 110 сажен.

До перехода речки Аладжиды и поворота: направление дороги – 25°; время хода – 55 минут; всего хода – 5 верст 250 сажен; положение на плане – 4 версты 200 сажен.

Поворотом: направление дороги – 40°; время хода – 55 минут; всего хода – 5 верст 250 сажен; положение на плане – 4 версты 200 сажен.

До ночлега, который имели при речке Аладжиды: направление дороги – NW 20°; время хода – 40 минут; всего хода – 4 версты; положение на плане – 3 версты 276 сажен.

Итого: время хода – 4 часа 50 минут; всего хода – 29 верст; положение на плане – 23 версты 376 сажен.

Дола сии описаны в переднем пути.

Все сии речки и ключи описаны в переднем пути.

Горы сии описаны в переднем пути.

Луга описаны в переднем пути.

Леса описаны в переднем пути.

Против сего места озеро Балхаш в левой руке в 60 или 70 верстах.

[Ноября] 2-го, 3-го и 4-го числа проживали для отдохновения лошадей.

[Ноября] 5-го. Шли долом до речки Кызыл-Агач: направление дороги – NO 47°; время хода – 1 час 50 минут; всего хода – 11 верст; положение на плане – 9 верст 387 сажен.

От Кызыл-Агач до речки Биюн: время хода – 5 часов 50 минут; всего хода – 35 верст; положение на плане – 31 верста 222 сажени.

Итого: время хода – 7 часов 40 минут; всего хода – 46 верст; положение на плане – 41 верста 109 сажен.

Дол сей простирается на дальнее расстояние, грунт земли до речки Кызылсу песчаный, с каменистою дресвою, а до речки Биюн – песчаный, без дресвы.

Речки Кызыл-Агач и Биюн описаны в переднем пути.

Гор не имеется. Лугов не имеется.

Леса и кустарников никаких нет.

[Ноября] 6-го. До речки Аксу: направление дороги – NO 50°; время хода – 3 часа 48 минут; всего хода – 22 версты 400 сажен; положение на плане – 20 верст 231 сажень.

До ночлега небольшими песчаными буграми: время хода – 5 часов 12 минут; всего хода – 31 верста 100 сажен; положение на плане – 28 верст 69 сажен.

Итого: время хода – 9 часов; всего хода – 54 версты; положение на плане – 48 верст 300 сажен.

Дол сей простирается на дальнее расстояние, по оному грунт земли песчано-иловатый и около речки Аксу есть места, годные к хлебопашеству.

Речка Аксу описана в переднем пути.

Гор не имеется, а местами наносные от ветров песчаные бугры небольшой долготы, вышиною от двух до пяти сажен.

По берегам речки Аксу довольно есть лугов и сенокосных мест в избыточестве.

По неимению с нами вожака, воды нигде не могли найти, а переход уже был велик и потому ночевали без воды и варения пищи.

[Ноября] 7-го. Теми же песчаными буграми до речки Лебсу: направление дороги – NO 41°; время хода – 8 часов 19 минут; всего хода – 49 верст 450 сажен; положение на плане – 42 версты.

Дол простирается во все стороны на дальнее расстояние, грунт земли песчаный с наносными от ветров буграми, хлебопахотных мест не имеется.

Речка Лебсу описана в переднем пути.

Горы не имеются, а бугры песчаные продолжались на все расстояние сего дня хода.

Лугов по берегам речки Лебсу довольно, но трав, годных к сенокосу, не имеется. По берегам речки Лебсу лес – таловый кустарник в небольшом количестве, а других же местах никакого не имеется.

От сего ночлега озеро Балхаш по пути нашему в левой руке не далее 40 верст, которое нам едва видеть можно было.

[Ноября] 8-го. Ровным долом до горы Кыскач: направление дороги – NO 20°; время хода – 1 час 5 минут; всего хода – 6 верст 250 сажен; положение на плане – 5 верст 388 сажен.

Горою: время хода – 1 час 52 минуты; всего хода – 11 верст 100 сажен; положение на плане – 9 верст 112 сажен.

Увалами до ключа Ащи-Булак, у коего и ночлег имели: направление дороги – NO 27°; время хода – 5 часов 15 минут; всего хода – 31 верста 250 сажен; положение на плане – 27 верст 388 сажен.

Итого: время хода – 8 часов 12 минут; всего хода – 49 верст 100 сажен; положение на плане – 42 версты 387 сажен.

Дол сей обе стороны пути до гор простирается на дальнее расстояние, по оному грунт земли песчаный, с каменистою дресвою.

Ключ Ащи-Булак – омутами или ямами, течения не имеет, долготою до трех верст, широтою местами в один аршин, а другими – до двух сажен, глубиною от пяти вершков до одного аршина, по берегам оного растет мелкий камыш, вода осолотковата и от камыша душная.

Горы Кыскач – каменные, невысоки, покатости отлогие, лежащие от востока к западу от пути нашего в правую руку на 40, а в левую – до 50 или 60 верст.

На сем пути лугов и трав, годных к сенокосу, не имеется. Леса и кустарников нет.

На сем пути был снег глубиною не более двух вершков.

[Ноября] 9-го. Шли увалами: направление дороги – NO 27°; время хода – 50 минут; всего хода – 5 верст; положение на плане – 4 версты 123 сажени.

Долом: направление дороги – 5°; время хода – 2 часа 10 минут; всего хода – 13 верст; положение на плане – 11 верст 277 сажен.

Песчаною сопкой: время хода – 2 часа; всего хода – 12 верст; положение на плане – 10 верст 100 сажен.

От сопки песчаными буграми: направление дороги – 20°; время хода – 2 часа 20 минут; всего хода – 14 верст; положение на плане – 11 верст 448 сажен.

Итого: время хода – 7 часов 20 минут; всего хода – 44 версты; положение на плане – 37 верст 448 сажен.

Дол по пути нашему широтою не более пяти верст, по коему грунт земли солонцеватый. Вод никаких нет.

Увалы земляные, невысокие, продолжаются по пути нашему в обе стороны на дальнее расстояние. Песчаные сопки невысокие, лежащие от востока выше запада[1] на 15 верст. В правой руке с начала хода по долу в одной версте оставалась невысокая каменная гора Арганаты, лежащая от востока к полудню на 30 верст, прочее ж расстояние продолжались невысокие песчаные бугры.

Лугов и травы, годной к сенокосу, также и для подножного корма, кроме мелкой полыни, никакой не было. Леса никакого нет.

На сем пути по неимению воды, как люди, так и скот пользовались снегом, который был глубиною не более двух вершков. С песчаной сопки видно было окончание озера Балхаш, полагая примерно от пути нашего в левой руке не далее 20 или 25 верст, в котором месте речка Аягуз впадение имеет, и подле правого берега оной речки от озера продолжается песчаная невысокая сопка, долготою будет до 25 верст.

[Ноября] 10-го. Долом с мелкими песчаными буграми: направление дороги – NO 20°; время хода – 1 час 50 минут; всего хода – 11 верст; положение на плане – 9 верст 177 сажен.

Ровным долом до старицы речки Аягуз: время хода – 40 минут; всего хода – 4 версты; положение на плане – 3 версты 276 сажен.

[1] Так в документе.

Подле старицы до урочища, по-киргизски *Юс-Агач*, а по-русски значит сто деревьев: время хода – 2 часа 57 минут; всего хода – 17 верст 350 сажен; положение на плане – 15 верст 467 сажен.

Итого: время хода – 5 часов 27 минут; всего хода – 32 версты 350 сажен; положение на плане – 28 верст 420 сажен.

Дол с мелкими песчаными буграми от пути нашего в левую руку до озера Балхаш, ровный же в правую руку до гор, по первому грунт земли песчаный, а по второму – солонцеватый.

Старица речки Аягуз с настоящей в недальнем расстоянии впадает в озеро Балхаш, течения не имеет, вода в оной омутами, местами есть, а другими – нет, широтою местами в два, а другими – до восьми сажен, глубиною от одного до двух аршин, берега низки и во многих местах топки, обросшие мелким камышом, вода несколько душновата.

Пройдя 18 верст, в правой руке от пути нашего в 10 или 12 верстах видны были горы каменные, невысокие и отлогие, лежащие от востока к западу, долготою до 50 верст, коим звания неизвестно.

Леса никакого не было, как только на урочище Юс-Агач – небольшой осиновый колок, годный на небольшое строение или на дрова.

Урочище по-киргизски *Юс-Агач*, а по-русски значит – *Сто дерев*, который лес киргизы не рубят и почитают сие место святым с дальних лет, приезжают к оному для поклонения, а почему сие творят, узнать было не от кого.

[Ноября] 11-го. Долом до невысокой горы Тогускель: направление дороги – NO 12°; время хода – 2 часа 15 минут; всего хода – 13 верст 250 сажен; положение на плане – 11 верст 499 сажен.

Чрез гору: время хода – 1 час 35 минут; всего хода – 9 верст 250 сажен; положение на плане – 7 верст 300 сажен.

Долом до речки Аягуз и урочища Кузу-Курпеч: направление дороги – 5°; время хода – 3 часа 40 минут; всего хода – 22 версты; положение на плане – 19 верст 376 сажен.

Итого: время хода – 7 часов 30 минут; всего хода – 45 верст; положение на плане – 39 верст 175 сажен.

Долы 1-й и 2-й простираются от пути нашего в восточную сторону и западную на дальнее расстояние, грунт земли солонцеватый, хлебопахотных мест поблизости пути не предвиделось.

Речка Аягуз описана в переднем пути.

Горы Тогускель – каменные, невысоки, покатости оных отлоги, от пути нашего в восточную сторону продолжаются не далее 20, а в западную – до пяти верст, а от оных начинаются выше урочища Кузу-Курпеч такой же высоты каменные горы Кузу-Курпешские и продолжаются подле правого берега речки Аягуз, расстоянием до 60 верст.

По речке Аягуз есть большие луга, но сенокосных мест очень мало по причине солонечного грунта земли.

По берегам речки Аягуз лес осиновый и таловый в довольном количестве, осинового же есть часть, годного на небольшое строение, а в прочем – только годный на дрова.

Урочище Кузу-Курпеч не что иное, как на горе выкладенная из дикого камня на глине четырехсторонняя пирамида, по основанию долготою и широтою по три, а по высоте – до семи сажен, внутри оной обмазано белою глиною и поставлены четыре статуи, высеченные из дикого беловатого камня, которые вид имеют в одежде убора киргизского – два мужеска и два женского роду, которое место киргизы почитают тоже святым и делают поклонение, а по каким причинам спросить и узнать было не от кого.

[Ноября] 12-го числа дневали.

[Ноября] 13-го. От речки Аягуз долом до поворота: направление дороги – NO 28°; время хода – 1 час 50 минут; всего хода – 11 верст; положение на плане – 9 верст 388 сажен.

Поворотом шли между увалов: направление дороги – 15°; время хода – 3 часа 5 минут; всего хода – 18 верст 250 сажен; положение на плане – 16 верст 322 сажени.

Вторым поворотом шли увалами и остановились ночевать у ключа: направление дороги – 10°; время хода – 1 час 45 минут; всего хода – 10 верст 250 сажен; положение на плане – 8 верст 458 сажен.

Итого: время хода – 6 часов 40 минут; всего хода – 40 верст; положение на плане – 35 верст 168 сажен.

Дол по первому румбу в обе стороны пути распространяется более 20, а по второму – не более 8 верст, по коим грунт земли каменистый и хлебопахотных мест не имеется.

Ключ, у коего ночлег имели, протекает от востока к западу не более трех верст, широтою местами в один, а другими – в три аршина, глубиною от трех до семи вершков, берега низкие и вода пресная.

От первого поворота продолжаются невысокие отлогие каменистые увалы по обе стороны пути нашего, одни от других в восьми верстах, а по последнему румбу таковые ж продолжаются в полуденную сторону на дальнее расстояние, а в северную – до речки Аягуз.

Лугов и трав, годных к сенокосу, не имеется. Леса строевого нет, а по пути в некоторых местах и при стане нашем терновый мелкий кустарник есть в довольном количестве. В сем месте речка Аягуз удалялась от пути нашего в левую руку до 15 верст.

[Ноября] 14-го. От ключа увалами: направление дороги – NO 15°; время хода – 40 минут; всего хода – 4 версты; положение на плане – 3 версты 276 сажен.

Поворотом до речки Аягуз: направление дороги – 11°; время хода – 5 часов 10 минут; всего хода – 31 верста; положение на плане – 27 верст 444 сажени.

Итого: время хода – 5 часов 50 минут; всего хода – 35 верст; положение на плане – 31 верста 220 сажен.

Речка Аягуз описана в переднем пути. Начиная от урочища Кузу-Курпеч в оную впадают из гор Сандыкташ от севера к полудню пять небольших и мелких речек: первая – Айгыс, вторая – Дженишке, третья – Куйралы, четвертая – Чуигун, пятая – Уртениз, из коих нам видно было только одну последнюю, а о прочих сказано киргизцами.

Увалы, чрез которые ход имели, невысоки, каменистые, лежащие от полудня к северу и продолжаются в восточную сторону на дальнее расстояние, а в западную – до речки Аягуз. Горы каменные Чабдар-Чеку посредственной вышины, при стане нашем от речки Аягуз начало свое имеют и продолжаются в восточную сторону до 30 или более верст.

Луга по речке Аягуз есть, широтою от одной до двух верст, но по оным травы, годной к сенокосу, не имеется. Строевого леса нет, по берегам речки Аягуз – таловый, годный на дрова, и по покатостям увалов местами есть терновый кустарник в довольном количестве.

[Ноября] 15-го. Перейдя речку Аягуз шли долом до речки Карасу и горы Сандыкташ: направление дороги – NO 15°; время хода – 1 час 10 минут; всего хода – 7 верст; положение на плане – 6 верст 110 сажен.

Горою до поворота: время хода – 25 минут; всего хода – 2 версты 250 сажен; положение на плане – 2 версты 88 сажен.

Поворотом и остановились ночевать у речки Карасу: направление дороги – 5°; время хода – 2 часа 30 минут; всего хода – 15 верст; положение на плане – 12 верст 375 сажен.

Итого: время хода – 4 часа 5 минут; всего хода – 24 версты 250 сажен; положение на плане – 21 верста 73 сажени.

Дол сей продолжается по правому берегу речки Аягуз не далее восьми верст, по коему грунт земли песчано-каменистый, хлебопахотных мест не имеется.

Речка Карасу течение имеет от севера к полудню и впадает в речку Аягуз, широтою от двух до четырех аршин, глубиною от 5 до 10 вершков, берега низкие и вода пресная.

Горы Сандыкташ невысоки, каменные, покатости имеют отлогие, которых долгота подле речки Аягуз по пути нашему в левую руку до урочища Кузу-Курпеч, а в правую – продолжаются не более 20 верст.

По берегам речки Карасу луга не шире 200 сажен, по которым есть травы, годные к сенокосу. Лес березовый и осиновый, годный на дрова, от пути нашего в обе стороны, не далее одной версты между покатостей гор Сандыкташ произрастающий небольшими колками, а по речке Карасу – таловый кустарник в небольшом количестве.

[Ноября] 16-го числа дневали.

[Ноября] 17-го. Шли между увалов до поворота: направление дороги – NO 5°; время хода – 50 минут; всего хода – 5 верст; положение на плане – 4 версты 123 сажени.

Поворотом: направление дороги – 15°; время хода – 3 часа; всего хода – 18 верст; положение на плане – 15 верст 150 сажен.

Долом до солонечного грунта: направление дороги – 10°; время хода – 55 минут; всего хода – 5 верст 250 сажен; положение на плане – 4 версты 443 сажени.

Солонечным грунтом: время хода – 1 час 5 минут; всего хода – 6 верст 250 сажен; положение на плане – 5 верст 388 сажен.

До речки Ащису: время хода – 2 часа; всего хода – 12 верст; положение на плане – 10 верст 333 сажени.

Итого: время хода – 7 часов 50 минут; всего хода – 47 верст; положение на плане – 40 верст 437 сажен.

Дол между увалов сначала был не шире четырех, а где остановились ночевать – до 15 верст, по которому грунт земли близ увалов песчано-иловатый, а далее от увалов – солонцеватый, при увалах можно иметь хлебопашество.

Речка Ащису течение имеет только весною, а в прочее время вода остается омутами, широтой местами в 1½, а другими – до пяти аршин, глубиною от пяти вершков до одного аршина, берега низки, местами обросшие камышом, вода душная, но куда течение имеет – неизвестно, по неимению с нами вожака спросить было не у кого.

Увалы каменные, есть и земляные, невысоки, отлогие, продолжаются по пути нашему в обе стороны не менее на 20 верст. От пути нашего в правой руке в семи верстах земляные невысокие сопки: первая – Кус-Кузуль, вторая – Айгырджаль, а в левой руке в восьми верстах горы Укпете – каменные, посредственной вышины, покатости имеют отлогие, которые продолжаются в западную сторону до 70 верст.

Лугов и трав, годных к сенокосу, не имеется, а подножного корма для скота достаточно. Леса строевого и годного на дрова не имеется, а по долу и между покатостей гор тернового кустарника в довольном количестве.

Как речка Ащису, так и все описанные в переднем пути речки, которые течение имеют только по весне, киргизы сказывают, что назад тому около 15 лет, как все те речки течение

имели во все время года, и время от времени начали пересыхать и останавливать свое течение.

[Ноября] 18-го, 19-го и 20-го проживали для роздыха и поправления лошадей.

[Ноября] 21-го. Шли долом до горы Игрекей: направление дороги – NO 10°; время хода – 2 часа 10 минут; всего хода – 13 верст; положение на плане – 11 верст 277 сажен.

Горою до ключа: время хода – 2 часа 15 минут; всего хода – 13 верст 250 сажен; положение на плане – 11 верст 499 сажен.

От ключа до поворота: время хода – 25 минут; всего хода – 2 версты 250 сажен; положение на плане – 2 версты 110 сажен.

Поворотом чрез увалы до ключа, у коего и ночлег имели: направление дороги – NW 8°; время хода – 1 час; всего хода – 6 верст; положение на плане – 5 верст 50 сажен.

Итого: время хода – 5 часов 50 минут; всего хода – 35 верст; положение на плане – 29 верст 436 сажен.

Дол сей простирается в обе стороны до гор на дальнее расстояние, по которому грунт земли песчано-иловатый с каменистою дресвою.

Оба ключа небольшие, течения не имеют, а для скопления воды киргизцами выкопаны колодцы, в коих вода пресная.

Горы Игрекей – каменные, невысоки и отлоги, лежащие от востока к западу, продолжаются от пути нашего в правую руку до 40, а в левую – до 15 верст. Увалы земляные, небольшие, отлогие, также продолжаются, как и горы.

Лугов и трав, годных к сенокосу, не имеется, а подножного корма для скота достаточно. Леса строевого и годного на дрова не имеется, а по долу и между покатостей гор тернового кустарника в довольном количестве.

[Ноября] 22-го. Шли долом до увалов: направление дороги – NW 8°; время хода – 4 часа 30 минут; всего хода – 27 верст; положение на плане – 24 версты 100 сажен.

Увалами до небольшого ключа: время хода – 12 минут; всего хода – 1 верста 100 сажен; положение на плане – 1 верста 8 сажен.

От ключа до поворота: время хода – 38 минут; всего хода – 3 версты 400 сажен; положение на плане – 3 версты 149 сажен.

Поворотом между гор долом до речки Кур-Испе, у коей и ночлег имели: направление дороги – NO 3°; время хода – 3 часа 5 минут; всего хода – 18 верст 250 сажен; положение на плане – 15 верст 362 сажени.

Итого: время хода – 8 часов 25 минут; всего хода – 50 верст 250 сажен; положение на плане – 44 версты 119 сажен.

Долы по пути нашему в обе стороны простираются: первый – до 10, а второй – не более двух верст, грунт земли песчано-иловатый с каменистою дресвою.

Ключ долготы имеет не более двух или трех верст, вода в нем ямами, течения не имеет, по берегам оного местами растет мелкий камыш. Речка Кур-Испе течение имеет только весною от запада к востоку, но куда впадает – неизвестно, широтою местами от 1½ до 5 аршин, глубина от 5 до 10 вершков, берега низкие, вода осолотковата.

Увалы невысоки и отлоги, каменисты, смешанные с земляными. Горы Аркат – каменные, посредственной вышины, местами отлогие, а другими – крутые; как горы сии, так и увалы продолжаются от пути нашего в правую руку до речки Джинишкесу, а в левую – на 40 верст.

По берегам речки Кур-Испе есть небольшие луга и травы, годные к сенокосу, в малом количестве. На сем пути местами есть мелкий кустарник терновый и таволожник в довольном количестве.

[Ноября] 23-го. Долом между гор Аркат: направление дороги – NO 3°; время хода – 1 час 10 минут; всего хода – 7 верст; положение на плане – 6 верст 110 сажен.

Вышли из гор долом же до колодца: направление дороги – NW 7°; время хода – 2 часа 15 минут; всего хода – 13 верст 250 сажен; положение на плане – 11 верст 499 сажен.

До гор Яманташ, остановились при колодце: время хода – 3 часа 15 минут; всего хода – 19 верст 250 сажен; положение на плане – 17 верст 266 сажен.

Итого: время хода – 6 часов 40 минут; всего хода – 40 верст; положение на плане – 35 верст 375 сажен.

Дол первый по пути нашему в обе стороны простирается широтою до трех верст, а второй – от пути в левую руку про-

стирается до восьми или девяти верст, по оным грунт земли песчаный с каменистою дресвою, хлебопахотных мест не имеется.

Колодцы, выкопанные киргизцами, небольшие, глубиною не более одной сажени, вода в оных осолотковата.

По пути нашему в левой руке в 9 или 10 верстах – увалы земляные, смешанные с каменными, низкие и отлогие, простираются на дальнее расстояние. Горы каменные Яманташ, лежащие от востока к западу, посредственной вышины, отлогие, простираются от пути нашего в правую руку до 25, а в левую – до 30 верст.

Лугов и трав, годных к сенокосу, не имеется, а подножного корма достаточно. Леса, годного на строение и на дрова, не имеется, а местами между покатостей гор и увалов есть мелкий кустарник терновый и таволожник.

[Ноября] 24-го. Шли чрез гору Яманташ: направление дороги – NW 5°; время хода – 1 час 25 минут; всего хода – 8 верст 250 сажен; положение на плане – 7 верст 276 сажен.

Отлогими увалами: направление дороги – N; время хода – 40 минут; всего хода – 4 версты; положение на плане – 3 версты 196 сажен.

Поворотом до колодца: направление дороги – NW 7°; время хода – 45 минут; всего хода – 4 версты 250 сажен; положение на плане – 3 версты 412 сажен.

Вторым поворотом: направление дороги – NO 10°; время хода – 1 час; всего хода – 6 верст; положение на плане – 5 верст 50 сажен.

Третьим поворотом до ключа: направление дороги – N; время хода – 1 час 10 минут; всего хода – 7 верст; положение на плане – 5 верст 474 сажени.

До ночлега: направление дороги – NW 8°; время хода – 1 час 39 минут; всего хода – 9 верст 450 сажен; положение на плане – 8 верст 398 сажен.

Итого: время хода – 6 часов 39 минут; всего хода – 39 верст 450 сажен; положение на плане – 34 версты 296 сажен.

Ключ, коему звания неизвестно, течения не имеет, долготою до шести верст, вода в оном душная, ямами или омутами,

глубиною местами в 10 вершков, а другими и более аршина, берега низкие, по коим местами растет мелкий камыш.

Увалы каменные невысоки, отлогие, простираются в обе стороны пути нашего на дальнее расстояние.

Лугов и трав, годных к сенокосу, не имеется, а подножного корма достаточно. Леса, годного на строение и на дрова, не имеется, а местами между покатостей гор и увалов есть мелкий кустарник терновый и таволожник.

Ночлег был без воды, как люди, так и скот пользовались снегом, который был не глубже двух вершков.

[Ноября] 25-го. Шли небольшими увалами до колодца: направление дороги – N; время хода – 2 часа 8 минут; всего хода – 12 верст 400 сажен; положение на плане – 10 верст 438 сажен.

До гор Аргалык: время хода – 22 минуты; всего хода – 2 версты 100 сажен; положение на плане – 1 верста 432 сажени.

Чрез гору Аргалык до ключа Сары-Булак: направление дороги – NW 5°; время хода – 1 час 35 минут; всего хода – 9 верст 250 сажен; положение на плане – 8 верст 37 сажен.

От ключа до дола: время хода – 40 минут; всего хода – 4 версты; положение на плане – 3 версты 100 сажен.

Долом до ночлега [у] гор Семитау: направление дороги – NO 3°; время хода – 3 часа 35 минут; всего хода – 21 верста 250 сажен; положение на плане – 19 верст 155 сажен.

Итого: время хода – 8 часов 20 минут; всего хода – 50 верст; положение на плане – 43 версты 142 сажени.

Дол по пути нашему простирается в обе стороны на дальнее расстояние, по оному грунт земли песчаный с каменистою дресвою, пахотных мест не имеется.

Колодец выкопан киргизцами, в коем вода осолотковата. Ключ Сары-Булак течение имеет только весною, а куда впадает – совершенно неизвестно, некоторые сказывают, в реку Иртыш, а другие – в речку Чар-Гурбан, ныне ж продолжается от полудня к северу не далее 8 или 10 верст, широтою местами в 1½ и другими до пяти аршин, глубиною от пяти вершков до одного аршина, по берегам оного растет мелкий камыш, вода душновата.

Увалы некоторые каменные, а другие – земляные, смешанные с каменистою дресвою, невысоки и отлогие, продолжаются в обе стороны пути на довольное расстояние. Горы Аргалык невысоки, каменные, местами круты, а другими – отлогие, продолжаются от пути нашего в правую руку до сопок Урта-Караул, а в правую – к западу до 60 верст.

Лугов и сенокосных мест не имеется, также и травы для подножного корма недостаточно. Леса, на строение и на дрова годного, не имеется, а местами по покатостям гор и увалов есть мелкий кустарник терновый и таволожник, и то в малом количестве.

Ночлег был без воды, как люди, так и скот пользовались снегом, который был не глубже двух вершков.

[Ноября] 26-го. Покатостями гор Семитау: направление дороги – NW 5°; время хода – 1 час 30 минут; всего хода – 9 верст; положение на плане – 7 верст 325 сажен.

Долом до реки Иртыш, остановились при карантине: направление дороги – N; время хода – 5 часов 5 минут; всего хода – 30 верст 250 сажен; положение на плане – 27 верст 222 сажени.

Итого: время хода – 6 часов 35 минут; всего хода – 39 верст 250 сажен; положение на плане – 35 верст 47 сажен.

Дол простирается сначала между покатостей гор Семитау и песчаных наносных бугров не шире пяти верст, а потом от бугров в левую руку на дальнее расстояние, по оному грунт земли песчаный с каменистою дресвою, пахотных мест не имеется. На сем пути вод никаких не было.

Горы Семитау – каменные, невысоки и отлоги, продолжаются по пути нашему в правую руку не далее 15 или 16 верст, а в левую – к западу до 30 верст.

Лугов и сенокосных мест не имеется, также и травы для подножного корма недостаточно. Леса, на строение и на дрова годного, не имеется, а местами по покатостям гор и увалов есть мелкий кустарник терновый и таволожник в малом количестве.

[Ноября] 27-го числа при карантине, как комендантом и штаб-лекарем, также и таможенными чиновниками учинено

всему казачьему отряду осмотр и свидетельство. Перейдя по льду реку Иртыш вошли в крепость Семипалатную.

Всего в обратный путь пройдено расстояния 1328 верст 250 сажен. Положение на плане – 1150 верст 230 сажен.

Казачий отряд при отправлении за границу на отпущенную оному […][1] на промен с киргизцами купили красные яловые кожи с […], выменивали баранов и получали за одну кожу по три и по четыре барана […], меняли на просовую крупу, получая за каждую по четыре и по пять фунтов, чем […] покупку фуража, довольствовались только травою на подножном корме, […] начав передний путь, пришли в изнурение, и за неимением киргизских аулов […], усталостью, брошены на степи, вместо коих казакам от каравана […], начав передний путь, не были надежными к возвращению; у закаменных киргизцев […] к изнуренной по половине, и по целой коже, смотря по доброте […]

Во время же следования пути вперед и обратно в Киргизской степи […] в прочем никаких заразительных болезней, как на скот, так и на людей […]

Омского военно-сиротского отделения
смотрительский помощник 14-го класса *Лещев*

РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 20648. Л. 1–49 об. Подлинник.

[1] Здесь и далее отточиями отмечен отсутствующий лист разворота документа с продолжением текста.

Записки саратовского купца Я. П. Жаркова о киргизах. 1852 г.

Статья первая

Вступление. – Выезд из Саратова. – Немецкие колонии. – Город Николаевск. – Саратовские степи. – Сельские священники. – Уральские казаки. – Разделение войсковой земли на части. – Башкирцы. – Общий Сырт. – Житье уральцев. – Их домашний быт. – Письмо к киргизскому султану. – Поездка по степи. – Казачья песня. – Встреча с киргизами. – Киргизский аул. – Аульный старшина. – Киргизские женщины. – Необычайный поезд. – Проруха с письмом.

Говорится у нас по-старинному: «Куда конь с копытом – туда и рак с клешней». Пословица эта тотчас пришла мне в голову, когда я засел за конторку и обмакнул перо в чернила. Ну, что я это над собою делаю? Уж ли, в самом деле, книжку берусь печатать? Взаправду нешто лезу я туда, где все меня примут как незваного гостя? Пишут книжки люди ученые: я-то для чего не за свое берусь дело?

Сам себе объяснить не умею этого дела, – а вот третий месяц все мучусь, все хожу, да думаю: ай, напишу?.. ай, не стану! Руки зудят, в голове гудит, сердце бьется, в груди что-то кипит – так и тянет меня к конторке… а страшно! боюсь опаски! как кура во щи попадусь!.. А есть что-то такое во мне, что нудит меня всякий день очинивать новое перо, всякий день садиться за чистую тетрадь бумаги. Как будто дедко-домовой меня смущает, руку подталкивает, под ухо шепчет: «Садись, хозяин; не бойся – пиши; рассказывай, что видел, что знаешь… пиши»!

Ну, ин быть так! Рассказывать, так рассказывать! Беру на свою душу грех: грех да беда, на ком не была… ну, а может статься найдутся люди, что и не станут меня корить, да еще и мне же промолвят: «Благодарствуй»!

Лиха беда сказать первое слово, а исписав целую страницу, легче уж шагать дальше. Перевернем листок, благословясь!

***

Летошним годом собрался я со своею хозяйкою, Авдотьей Ивановной, в дорогу, по своему торговому делу. Сожительницу свою никогда не случалось мне прежде брать с собою из Саратова, да нынче вот случай такой выпал, что надо ей ехать, а с нею и мне отправляться в незнакомую сторону. У Авдотьи Ивановны грудь слабовата маленько, да что-то она у меня прикашливать стала: пришлось и за лекарем! Добрый человек у нас Артемий Петрович, да и с аптекарем Густавом Богданычем знакомство ведем мы не первый год; вот и присоветовали они нам съездить за Волгу, прокатиться по степи, подышать тамошним воздухом, да и поиспробовать кумысу. Отойдет, говорят, грудная боль, всякую немощь как рукой снимет. Хозяйка у меня старинного покрою: лошадиного-то молока к устам не допустит, ну да уж мы как-нибудь ее да уломаем, только бы разочек невдомек испила!

У нас в Саратове свое заведение, исстари, еще от покойного батюшки досталось: сало топим, да в бочках к Макарью шлем; мясо солим – продаем бурлакам; промышляем и красным товаром, да я еще как в мальчуганах живал, так приглядел ся к бумажным издельям, а потом, уж после батюшки, завел свои дела насчет ситцев да выбоек. Шлют жену за Волгу: ну-тко, мол, и я насчет баранчиков, да ситцев попригляжусь у карсаков, либо дальше у уральцев! А там, может, и еще того дальше – пущусь к настоящим карсакам, в дальние орды. В Уральский город приятели надавали мне писем к своим хорошим знакомым.

У нашего брата, торгового человека, велики ли сборы? Паспорт за пазуху, да кузовочек с бельишком… с бабьем вот только трудновато возиться! Вишь ты какая, думаю, ведь больна-больна, а платьев, да серег, да платков, да того да другого набрала, будто в чужие края на балы поехала. Ведь такая, право, хозяйка моя чудная! Едет в Киргизию, а туда же, модную шляпку с собою берет! Не перечить же мне ей, не огорчать же ее из-за пустяков: пускай ее, с богом, рядится перед татарками. Молода еще у меня Авдотья Ивановна, но добросердечна и кротка… ну, а принарядиться-то… вестимо, женское дело! Тоже хочется этак пошире да поважнее!

Вот-с, хорошо-с! Уложили мы свой тарантас, парнишку в молодцы взяли, Феклу взяли с собой, и, прикрыв ящики да чемоданы важнейшим пуховиком, забрались в свою колымагу, улеглись в ней, словно на кровати, нашпилили фартук, спустили зонтик, и гай-да, пошел!.. Ямщик, трогай!!!

Эх-ма! Тяжело было расставаться нам с родным Саратовом, с укромным родительским домом, с уютною светлицей, с заветным теплым углом… Еще того тошнее покидать привычные, широкие, правильные улицы, прощаться с великанами – высокими каменными домами, с богатством наших частных и общественных строений… Умиленно крестились мы на золотые кресты наших великолепных божьих церквей, миновали наш собор, выстроенный всем на удивленье… и спустились к пристани, где ожидало нас судно для перевоза через Волгу.

Пристань наша кипела народом, который тут кишмя кишит, нагружая одни суда хлебом и разгружая другие суда с разным верховым товаром. Волги, почитай, вовсе не видно: ее загородили от глаза целые леса мачт на сомкнувшихся в одну сплошную кучу судах. Сколько тут переливается капиталов, усилий, трудов видимых... И сколько тут слез и стенаний, никому невидимых! Недаром говорится, что «через золото слезы текут»! Вглядитесь в торговое дело, всмотритесь во все обороты его, пройдите все мытарства по всем ступеням той лестницы, по которой в голове вашей проходит горсть хлебных зернышек, начиная от той минуты, с которой зернышки эти раскидываются по пашне, и доводя до того часу, когда вы сами, на добытые трудом деньги, покупаете семье своей ковригу хлеба. Так-то

господь бог устроил все в здешнем мире. К нему единому мы прибегаем и благодарим мудрый промысел за устроение нашей жизни, за облегчение страданий наших радостями, за наказание гордыни нашей горем; а не спознаваться с горестями – не вкушать будет и сладостей!

Переехали мы Волгу благополучно, и словно в иное царство попали: глушь, тишь и ничего более… Поднялся ветерок, зарокотали волны в реке, насупилось небо, нахмурился ямщик, засопела наша Фекла, уткнулась в подушки Авдотья Ивановна, и на самого меня нашла дремота. Проснулись мы в Красной Колонке.

В Красной Колонке ямщик остановился у чистенького домика, возле кирки, и сдал меня колонисту, обстриженному в кружок по-мужицки, но безбородому и одетому в сермягу. Мы с Авдотьей Ивановной вошли к немцу в избу.

– Добрая мадам, выйдите ко мне на минутку! – сказала моя Авдотья Ивановна, постучав в двери соседней комнаты.

– Стушил… зашим стушил?.. рюсска!!!

– Мадам, я бы позавтракать хотела…

– Сафтра?.. што такой сафтра, рюсска?

– Нет ли яиц всмятку? Мне кушать хочется: нет ли хлеба?

– Теперь курошки яишки нит! Хлеп пошол на лавка! – с сердцем отвечала колонистиха моей хозяйке.

– Сатитесь, купец, я сапрагал лошатка! – сказал мне сердитый хозяин.

– Но нам бы закусить хотелось… Не знаешь ли, где бы нам достать?

– Искайте сама!

– Да нет ли у тебя?

– Тут не трактэр!

– А вот я велю поставить самовар!

– Мой штаться не пудет!

– Но нельзя же, брат немец, с пустым желудком ехать.

– Не польне талоко: там на Паронска мошно обетить!

Предусмотрительная Авдотья Ивановна избавила нас от излишних хлопот: она удовольствовалась кринкой молока, а в кулечках да в мешочках у нее мы нашли и жареную дичь, и пироги. Мы были в независимом положении настолько, что могли

даже другим услужить сухим бульоном, серенками, содовыми порошками, плитками шоколаду и лимонадом в коробках.

Баронская колония чуть ли не самая обширная из всех немецких колонок на луговой стороне Волги; здесь богатые хлебные амбары, чистые и свеженькие домики, мало уже похожие на обыкновенные избушки, знатная пристань, чистота, опрятность и заметный во всем порядок. Здешние немцы очень зажиточны: у них одного хлеба грузится более полутораста судов; на чересчур уж узеньких улицах селения весело блестят чистенькие окна, заставленные цветами; на очень многих домиках навешаны разные вывески: тут, мол, сапожник, а тут портной, а это, мол, продают то-то. Одно, только одно мне тут не понравилось: был день не праздничный и пора рабочая, а пьяненькие мне попадались-таки на глаза. Немец грамоте учится с малых лет, нужды горькой знать не может – а кабака не чуждается! Не знает немец нашей пословицы: «Пей, да разум не пропей»! Право, не ждал я того от колонистов: у нас, по Саратову, они живут отлично, и дела ведут хорошие, и капиталами владеют, и оборотами разными занимаются. Один у них порок; очень грубы с нашими, а все-таки народ примерно хороший. Лет сотня – хоть оно и не сотня, а восемьдесят-то лет живут же они на этой земле, без хлопот, без наших забот: пора бы с нашими сжиться!

Проехав все колонии этого берега Волги, вверх по реке, мы из последней из них, из так прозываемый Северной Колонки, въехали в город Николаевск.

Николаевск – бедный городок с татарской слободкой; он живет еще так недолго, что не успел из прежде бывшего селения разрастись в замечательный почему-либо город.

За Николаевском начинается коренная, старинная, а пожалуй что и устарелая Русь; люди, которые терпеть не могут нашего брата табачника и бритоуса. Здесь мы останавливались в зажиточных селениях, которые назывались: одно – Журавлиха, другое Гусиха, или иначе, Аннин верх; далее Селезниха и потом село Сестры, или Сестринский умёт. Тракт тут не почтовый и дорога не торговая, и мы принуждены были искать приюта у сельских священников, в отрешении от мирской суеты

благовествующих евангельские истины и наставляющих своих прихожан здравомыслию и единению.

Они кротки, приветливы и угодливы к страннику. «Матушка» ухаживает за Авдотьей Ивановной, хлопочет устроить ей ночлег так, чтобы ее ничто не могло обеспокоить, и суетится по хозяйству, чтоб ласковее уберечь мою больную, да повкуснее накормить дорожных гостей. «Батюшка», скинув рясу и повязав подрясник новым кушаком, женино рукоделие, показывает мне свое маленькое хозяйство, рассказывает о добрых сторонах своих прихожан, скромно умалчивает о своих подвигах благовествования, – и час за часом время дружно проходит у нас в назидательных беседах.

Мы, бывало, переночуем у доброго пастыря, и, прощаясь наутро с благочестивыми хозяевами, придумываем с женой, как бы без огорчения отблагодарить их за ласку и за трапезу. Пробовали мы наше доброхотное даяние вручать и самому священнику – неудача! Мы матушке зелененькую передавали – тот же отказ, не слушая никаких упрашиваний! Мы малым ребяткам, поповым деткам, будто что на пряники втихомолку давали – и пуще того хозяева обижались!

– Нет, нет, ваше степенство, – хозяин – не корите наш дом подаяньем!

– Не обессудьте, матушка: мы вам поклониться хотели, за привет и за ласку! Дозвольте хотя чем-либо показать наше благодарение!

– Доброе слово дороже нам денег! Писание велит нам принять странника. Грех за такое дело мзду принимать!

– Мы, матушка, – сказала Авдотья Ивановна, – долго-долго будем вас помнить; хотелось бы, чтоб и вы подольше о нас вспоминали. Не огорчите хоть меня отказом; я непременно хочу что-нибудь оставить вам на память. Научите меня, не досаждая вам, исполнить мое сердечное желание!

– Я у вас видела целую корзинку спичек: снабдите нас маленькой коробочкой; у нас на прошлой неделе все сереньки вышли; а из городу торговцев теперь не скоро дождешься… а уж как бы вы нас этим разодолжили!..

На этом вся наша благодарность и кончалась!.. Вспоминают здесь добрым словом ласковых проезжих, по именам на-

зывают тех из них, которые мало-мальски ознаменовали себя добрыми делами и помощью бедным семействам.

За Сестрами, немножко вправо от дороги, виднеется озеро, именуемое *Тягловым озером*; по нем и деревня тут построенная от разных сходцев, называется *Тягловою* же. Жители здешние во многом сродни своим саратовским, дубовским и закавказским однокашникам. Мы рады были, что в Тягловой незачем нам было долго засиживаться: больно скучно! Далее много есть хуторов и умётов, заселенных малороссами, которые в благосостоянии своем далеко уступают зажиточности коренных русских переселенцев. Земли здесь тучные, а в угодьях приволье такое, что на кортому оброчных статей и купечество, и городские чиновники составляют компании, и уже от себя передают пустопорожние земли, еще через двое рук в третьи, под обработку и землепашество наезжим крестьянам. Важно растет здесь пшеница, и многих пшеница эта кормит!

От самого города Николаевска мы с женой ехали все по реке Иргизу. За Тягловым мы очутились на притоке Иргиза – речке Камелик; отсюда начинается обширная область земель уральских казаков. Область эта, как бы это сказать?.. Область эта есть как бы военная губерния, которой каждый житель есть уже по самой природе и породе своей коренной, исконный казак. Всякая губерния делится на уезды, и земля уральских казаков точно также делится, только не на уезды, а на особенные отделы, которые нашему брату, торговому человеку, если здесь свои дела иметь, знать необходимо нужно. Вот какое это разделение:

Отдел I. Город Уральск; в этот отдел включен самый город Уральск и примыкающие к нему, вне города, хутора, умёты, скиты, зимовки. Этот первый отдел делится на четыре части: 1) город Уральск; 2) первый округ; 3) второй округ и 4) третий округ.

Отдел II. Сакмарская станица; в этом отделе включен Сакмарский городок, с принадлежащими ему выселками и хуторами.

Отдел III. Илецкая станица; в нем Илецкий городок с соседственными форпостами; этот отдел разделяется на три части: 1) городок; 2) Внутренняя дистанция и 3) Новоилецкая дистанция.

Отдел IV. Гурьев-городок; один только он, безо всего.

Отдел V. Верхняя дистанция, с известным числом форпостов, в самом верхнем, по реке Уралу, краю казачьей общественной земли.

Отдел VI. Средняя дистанция, со своими форпостами и крепостями.

Отдел VII. Нижняя дистанция, то же со своими крепостями и форпостами; она идет по реке Уралу вплоть до Гурьева-городка.

Отдел VIII. Чижинская дистанция, с форпостами, хуторами, зимовками и кордонами.

Отдел IX. Внутренняя Уральская линия, то же с известным числом форпостов, хуторов и кибиток.

Отдел X. Башкирское отделение, разделяющееся на три части, или юрты, каждая с определенным числом хуторов, зимовок или деревень и кибиток.

Вот этих-то башкирцев я и встретил на Камелике, где их кочевки.

Недалеко отсюда довелось мне переезжать *Общий Сырт*; но сказать об нем многого не могу, разве что его здесь вообще называют *Опчий*, и что это не что иное, как плоская, верст в десять шириной, возвышенность, с довольно отлогими покатостями; *сыртом* здесь называется вообще всякая возвышенность, точно так же, как ордой называется всякое кочевое племя.

Казаки Уральского войска состоят из четырех племен: первое место занимают коренные русские, потом татары, потом калмыки и, наконец, башкирцы. Первые три племени вместе составляют народ уральцев; башкирцы же не суть уральцы, они не называются даже уральскими казаками; да кроме того три отдела, которые мы отметили цифрами II, III и X, состоят на особом положении, и в правах пользования рекою Уралом не смешиваются с остальными семью отделами.

Что это, боже мой, за народ, эти уральцы! Живал я, слава богу, и помыкался-таки на своем веку довольно и между донцами, и между черноморцами, присмотрелся к лихому воинству

и на Тереке – и… что греха таить, видал я богатырей; – а того, что увидел в Уральской земле, – и во сне мне видать не удавалось! Этакое чудо чудное, диво дивное!

Мне в Уральской земле случай выпал зажиться маленечко: стало, я мог кой к чему присмотреться, но насмотреться и налюбоваться и доселе вдоволь не могу. Казачья земля – дрянь-дрянью, ни на что не годится: пески да солонцы – только и есть; по этой причине хлебопашества почти вовсе нет; хлеба нет, льна нет, пеньки нет, лесу нет! Здесь все привозное, все покупается на наличные деньги, начиная от насущного ломтя хлеба, от обуви, от одежды до последней веревки и нитки, от речной бударки до весла, от невода до багорного шеста! А гляньте-ко кругом, как живет народ? Дома опрятные, чистые, в линию; в домах убранство разное, и зеркала, и часы, и оконные ширмочки из разноцветных стекол, да еще на стеклышках-то живопись: здоровенный такой купец с окладистой бородой, должно быть, наш же саратовский, на коленях так и рассыпается перед разодетой в пух барыней в чепце; а та с обнаженными плечами сидит себе за самоваром, да чаек распивает!

Уральцы едят вкусно и сытно; даже простые казаки – и тем мясо знакомо не в один Христов день! Под Уральском разведены богатые сады; каждый, почитай каждый казак – и богатырь, и купец; сам он и табуны пасет, сам и скот гоняет; сам и рыбу ловит, сам и солит ее; сам и на торги едет в степь, сам и от врага боронится… завидная земля счастья, умения и трудов, боевых и миролюбивых!

Казак, вестимо дело, рожден не на печи лежать, а биться за царя да за Русь Святую; должен он сам и выправиться на службу, и царю полки выставить, и пушки для него изготовить. Откуда же у уральцев такое богатство? У них два источника этого богатства: первый неистощимый источник – рыболовство в реке Урале и против его устий, в море, а второй источник – скотоводство и торговля баранами.

Мы здесь много набрались толков о киргизах, или, как их у нас в Саратове называют, *карсаках*, и все, чего мы о них ни наслышались, все это уверило, что теперь киргизы совсем не то, что были за пятьдесят лет. Признаться, побаивался я сначала маленько везти туда жену, помня, что у нас про них толкуют:

называют их и ворами, и хищниками, и дикими, и чуть-чуть не людоедами; стращали нас, что и в плен-то киргизы нас возьмут, и в Хиву-то нас перепродадут, и станут мучить нас голодом, и, господи! чего только нам про них не наговорили! Здесь посмеялись только над всеми сказками, и обещали нам рекомендовать нас одному почетному киргизу, да присоветовали еще самим отнестись с письмом не к какому-нибудь простому султану, а султану с весом, с чином, с орденом, с властью.

В городе Уральске модные шляпки да шелковые платья пригодились моей Авдотье Ивановне, да только не совсем-то ладно.

Было у меня письмо из Саратова к одному здешнему торговцу баранами, Георгию Ларионовичу. Вот и поехал я к нему, как водится, с почтением. Ну, думаю – баранами торгует: видно, мужик богатый! Принаряжусь-ка, мол, я, да выпущу-ка свою медаль; все-таки, мол, честь лучше бесчестья.

Что ж бы вы думали? Подъезжаю к старому-старому дому, должно быть, что лет больше полсотни стоит, въезжаю в широкий двор; меня подвозят в деревянному дому, что прямо против ворот; у крылечка лежит пара важных легавых собак; сенцы выстланы хорошим ковром; вхожу в переднюю – слуга бросается снимать с меня верхнее платье, спрашивает меня об имени, растворяет дверь в залу, оставляет меня одного, сам идет дальше, и я издалека слышу, как он в пятой комнате доложил обо мне хозяину.

– Яков Прохорович Жарков, из Саратова.

– Проси в гостиную.

Жду я: вот, мол, сейчас вылезет торговец баранами! Надо, дескать, взглянуть, каков казачина выступит; должно быть, коренастый, толст как вол, борода ниже пояса… только вдруг… шасть… передо мной стоит молодой, видный собою офицер, высокий, молодец такой, кованые эполеты, на воротнике чекменя две шитые петлицы, на пуговицах орлы, на груди крест. Пошли тары-да-бары, и я узнаю, что Георгий Ларионович, отслужив урочные годы в Петербурге, в гвардии, воротился на родину и занимается теперь дома по хозяйству. Мы познакомились – и хозяин тут же предложил познакомить меня со своим дядей, Стахеем Дмитриевичем, старым рубакой, отчаянным во-

ином двенадцатого года, но нисколько не устарелым и все еще красующимся обстриженным в скобку волосами и длинною густою бородой! Стахей Дмитриевич отслужил свои тридцать пять лет царю-государю, и давно полковником в отставке, а все еще молодец! Хоть сейчас на коня да на турку, а уж какой веселый – и рассказать нельзя!

Дядя и племянник – люди семейные и весьма почетные горожане: надо было мне и свою хозяйку свозить к ним… разоделась моя Авдотья Ивановна, надела барежевое платье, продела в уши модные серьги узлом, едва-едва справилась с перчатками, от которых уже поотвыкла, накинула мантильку, напялила на голову новомодную шляпку… собрались мы… поехали… приехали… входим – и перед нами все лучшее общество – в сарафанах! Да ведь в каких? Бархатный, примерно, гранатового цвета, весь обшит золотым кружевом! Или, например, голубой из самого дорогого штофа и весь обложен серебряным позументом.

Хозяйка моя родилась в коренной русской семье, еле-еле отвыкла от платочка, и по моей только милости; никогда терпеть не могла модных шляпок, рада бы и сама носить сарафаны, благо они ей и к лицу, и к росту… А на, вот тебе, какой грех вышел! Рядилась, рядилась, да с нарядами-то совсем и опростоволосилась. Обидно, видите, ей стало от сарафанов уралок… Да полно, обидно ли? Не завидно ли?

Весело и отрадно провели мы с хозяюшкой время в Уральске, и здесь, благодаря новым знакомствам, выпила-таки моя хозяйка кумызу, без приневоливания, а с обманцом, вместо сыворотки; показалось вкусно; после, когда открыли секрет, на первых порах ее было немножечко и помутило, ну, да слава богу, все прошло благополучно, и уж на третий день я от нее самой услышал: «Налейте-ка мне, Яков Прохорыч, еще стаканчик!» Но пить кумыз и жить на одном месте, без большого моциону, – незачем, пропащие хлопоты; назначили завтра выехать в степь, а сегодня, примером, послал я, по совету приятелей, к султану-правителю письмо, а в письме-то и пишу, не своим языком, а по галантерейному, вот как: «Ваше высокостепенство, г-н полковник и кавалер, высокостепеннейший султан-правитель, высокородный султан Арслан! Обращаясь к вам,

милостивый государь, как к согражданину общего нашего отечества и сыну нашей матери России, с приветом и пожеланием вам, султан и султан-правитель, доброго здоровья и успеха во всех ваших предприятиях, я беру смелость беспокоить вас, султан, покорнейшею просьбою об оказании мне гостеприимства в аулах киргизов, вверенных начальством вашему бдительному надзору и попечению. Я надеюсь, что сумею достойно оценить и окупить те беспокойства, которые пребыванием моим в кибитке могут быть причинены моим будущим хозяевам. Я сам еду в степь по торговым делам, но главная цель моей поездки есть желание излечить жену от грудной боли кумызом и степным воздухом. Опираясь на вашу снисходительность и на патриархальные добродетели киргизского народа, я завтра переезжаю Урал, и радуюсь случаю, доставившему мне возможность предварительно личного знакомства, выразить вам, милостивый государь, на письме знаки отличного моего уважения и совершенной вам, султан, преданности».

Это письмо я сам отвез на меновой двор, и, написав на конверте: «В ставку правителя», попросил встречного маклера, попросту фактора, или татарина на побегушках, тотчас же отправить его до первого аула, с тем, чтоб дальше пустить по верной передаче.

На следующее утро мы заменили свой укладистый экипаж другим, более легким тарантасом, запрягли в него казачью тройку, переехали мост через Урал, двинулись к меновому двору, явились в таможню, предъявили свои пожитки, и – поехали дальше.

Дорога, по которой мы ехали первое время, была накатана: она вела на Черхальское морцо, но скоро мы ее оставили вправе, а сами взяли в левую руку, с тем, чтоб после выехать на реку Утву, где в прежние столетия казаки часто и крупно переведывались с ордынцами, которые хищнически нападали на передовые казачьи пикеты, и злодейски, как предатели, искали случая погубить православное русское воинство. Говорят, что в стародавние годы, на этой реке орда один раз тайно напала на казачий лагерь, расположенный шатрами и кибитками, и всех молодцов наших изгубила: орды было тьма-тьмущая, ночь темная и бурная, надежда на поживу чуткая… Да уж и казаки

зато надолго заставили их себя помнить! Лихо, после того, они зачитали ордынцам их вины!

Везший нас казак, в синем бумажном с мелкими полосками татарском халате, подпоясанный саблей и в форменной фуражке, много и складно рассказывал нам о прежних побоищах с ордою; после того, покривлявшись на козлах, чтоб поладнее усесться на непривычном сиденье, он нахлобучил плотнее фуражку, подобрал вожжи, гаркнул на лошадок, и, промурлыкав что-то под нос, тихо запел свою казачью песню:

За рекой, за речкой быстрой,
За Утвою,
За утвинскими крутыми
Берегами,
Позабытая есть пашня
Зеленая.
В давны годы тую пашню
Распахали!
Пашня пахана не плугом,
Не сохою,
Взборонована не нашей
Бороною:
А распахана та пашня
Зеленая
Злых киргизцев да хивинцев
Острой саблей.
Исполосанную пашню
Боронили
Остры копья!
А опосля тую пашню
Притоптали
Лютых злющих ордынцев
Дики кони:
Их лихие аргамаки
Пашню взрыли,
А некованны копыты
Всю взбугрили,
И засеяна та пашня

Зеленая,
Не пшеницей и не житом,
И не просом:
А засеяна та пашня
Зеленая
Удалых наших казаков
Головами!
Поливали тую пашню
Не водицей,
А родных наших братанов
Свежей кровью!
Но давно минуло время
Той невзгоды,
И давно уж тая пашня
Зеленеет!..
Зеленейся, наша пашня,
Зеленейся!
На поливочку теперь ты
Не надейся!
Кто польет тебя? Разве что
С неба дождик?

Мы ехали трусом по степи, но дорога была хоть и не то, что колесная, однако похожа на колесную: верблюды так ее славно протоптали, что мы с Авдотьей Ивановной едва поверили рассказам о том казака. Караваны идут всегда гусем, верблюд за верблюдом; иногда бывают две длинные линии верблюдов; – вот они и проложили нам дорожку, по которой легко теперь катится наш тарантас.

– Яков Прохорыч, голубчик, гляньте-тко сюда! – не без страха крикнула моя Авдотья Ивановна, показав пальцем на ближний холм, на скате которого стояли какие-то два страшилища.

– Матушка, Авдотья Ивановна, разбойники!.. Черти!.. Дьяволы!.. С нами крестная сила!.. Господи, упаси мою душеньку!.. – завопила наша Фекла.

– Чтой-то, брат-казак, такие за пугало? – спросил я, обратившись к нашему казаку, и… да что уж тут греха таить, маленько трухнувши, сам я не знал что делать.

– Это?.. А?!.. Это наши соседи табынцы… смиренный народ… эй, приятели, ай-да сюда! – заревел казак во все горло.

– Ярар! (Ладно)! – отвечали киргизы, и мигом подлетели к нам.

Мы не знали с женой, что с нами будет; мы понимали, что дурного ничего случиться не может, а все как-то чудно и дико казалось нам видеть вооруженных саблями и предлинными пиками киргизов, в халатах и в белых, лохматых, ушастых колпаках. Уже конечно мы старались, чтоб даже не поморщиться, но зато Фекла наша вся перетрусилась, а Антоша-парнишка сидит себе рядком с казаком, ни гу-гу! Ни слова, будто и не его дело!

– Тащу гостей к вам в аул, – начал казак.

– Айе! – прервал киргизец; а «айе» у них то же как бы сказать «так», мол.

– В ставку к султану едут…

– Айе!

– Хорошие такие люди…

– Айе…

– Неспесивы…

– Айе…

– Так проводи нас в свой аул…

– Айе!

– Лошадей переменить…

– Айе… шулай… ярар! Ладно, мол, – говорит, – хорошо!

Киргизцы повернули, взмахнули нагайками, гикнули и полетели стрелой; но скоро снова к нам вернулись, опять гикнули, вытянули длинные свои копья, и опять понеслись вперед по дороге. Мы въехали на небольшую возвышенность, и перед нами открылось невиданное нами прежде зрелище… ну, словом сказать, точно картина.

Перед нами была, как бы сказать? – впадина; ее окружали с одной стороны дорога, пробитая верблюдами, с другой – крохотное озерко, или большая лужица, в которую скопилась вся вода от таяния вешнего снегу; с третьей стороны был не то пригорок, не то простая отлогость, а так себе равнина, которая,

должно быть, поднимаясь помаленечку все в гору да в гору, вдруг пошла круто обрываться: этой-то другой стороны нам и не видать стало, а где возвышенность кончается, тут просто видно было только одно голубое без облачков небо. Середь равнинки раскинуты были кибитки, в двух очень близких одно к другому местах; – десятка полтора с одной стороны, да столько же, видно, и с другой. Это и были два первые виденные нами аула. В стороне мелькал скот, оравы баранов, коровы, там дальше лошади, а близ их – долговязые верблюды.

Из каждой кибитки вился синий дымок; малые ребята, мальчики с бритыми головами, а девчонки с всклоченными волосами, нагие или едва прикрытые какими-нибудь лохмотьями, выглядывали на нас из-за своих матерей и теток; все они смотрели на нас со знаками того же изумления, с какими, вероятно, и мы сами вглядывались в их загорелые лица, в их востроносые шапочки, в их остроухие колпаки, во все, во все, на что у нас теперь глаза разбежались.

К тарантасу подъехал какой-то ордынец, который на наших глазах сел у самой кибитки верхом на лошадь и поскакал к нам, хотя расстояние было и невелико… Чудной, право, народ! По моему разумению, ему и легче и скорее было добежать пешком и миновать полсотни шагов попросту на своих на двоих, чем возиться еще с лошадью!

– Саламалык! – сказал я подъехавшему господину в хорошем киргизском платье, в суконном халате и с белыми, как снег, длинными воротничками, которые у всех киргизов отворачиваются от шеи на плечи.

– Селям-алейкюм! – сильно, должно быть, перемогая себя, решилась произнести моя хозяйка, обратившись к статному, но уже порядком-таки пожилому наезднику.

– Будь джаровы… твоя, барин, татарская нить знаю: я сама тиби мало-мало покалякиваю!

– А вы, почтенный, примерно, из каких?

– Аульна старчин моя… далше пошля – сама дистанишна будет.

– Так-с, господин аульный старшина! А до господина-то дистаночного начальника еще далече нам ехать?

– Два аул; три аул, – тама дистанишна.

– Ну, вот и хорошо-с! Сталось, мы сегодня до него выберемся!

– Сувони, сувони! А таберь пошля на моя кош… Ташил своя баба… поджалюста!

– Благодарим покорно, господин старшина… Мы торопимся!.. Вот бы нам лошадок только пожаловали…

– Лошатка?.. Лошатки много!!.. Снасть нет! Нет хамут, нет сбруя! Пошля на кош!.. Твоя бежил много: устал баба! Моя будет роспурджани!

Я понял, что лошадей-то много у него, да упряжи не хватило, и что пока, дескать, он, старшина, будет делать распоряженье, нам нелишне бы войти в кибитку: вишь, говорит, много ехали, хозяйка устала!

Все киргизы и киргизята выстроились рядами около большой, опрятной кибитки, покрытой большими полстями белого войлоку, и ждали нашего выхода. Мы с хозяйкой вылезли из тарантаса и пошли в ту кибитку, которая, как оказалось, принадлежала аульному старшине.

Следом за нами вошли мужчины и женщины с ребятами; бабье окружило мою хозяйку и пустилось с ней в разные разговоры. Уж как они друг друга понимали, – господь их ведает! Мне было не до того: я беседовал с хозяином, а после принялся хлопотать о конях, и был уверен, что казак наш уважит меня и ссудит на будущий путь своими шлеями, дугой и вожжами, и что мы после воротим ему все в сохранности. Но пока мы лакомились в кибитке кумызом, который Авдотье Ивановне моей шибко пришелся по вкусу, казак рассчитался, да и тягу! И след его простыл! Люди ловили в табуне лошадей, другие гомозились около нас в кибитке: отъезда казака никто не приметил.

Как же тут быть? Мы уж прикидывали и так, придумывали и сяк; нет, видно, придется оставить нам удобную повозку и пуститься в степь верхом! Мне-то бы да парнишке это ничего, Антоша у нас парень молодецкий, да с Феклой-то нам не справиться; ну, и Авдотье-то Ивановне на седло не взобраться; а на верблюдах ей и сами киргизы верхом не советовали ехать – сильно умучает и раскачает!

– Запряжемте-ка, молодцы-батыри, верблюдов под повозку?! – говорил по-своему один киргиз другим товарищам. – Кроме арканов нам ничего не будет нужно.

– Да неужто мы с лошадьми не справимся? – спрашивал старшина.

– А вожжи где? Где хомут?

– А вот, постой… Тут в долине живет султан Адиль; ведь он не байгуш какой: у султанши тоже повозка! Да, да! У них есть и дуга, и хомут… Хорошо, что вспомнил!.. Эй, куч-чак! Садись на-конь, беги к султану Адилю, проси хомута: скажи – гости!

Я вошел снова в кибитку и… ей же ей! Право… немало подивился короткостям, которые завязались у киргизских женщин с нашими. Те, что казались повиднее да позаживнее угощали Авдотью Ивановну, которую они усадили на ковре, на целой горе мягких подушек, и подносили ей маленькие лепешечки к чаю; простые киргизянки, должно быть, прислужницы что ли какие, или просто небогатые соседки, те занялись Феклой. Они отвели ее к сторонке от того места, где тешилась моя хозяйка, и усадили на простом войлоке, на полу, возле кипящего самовара. Чай заваривал молодой красивый парень и разливал его в маленькие миски без ручек, а молоденькая девчоночка, уже на возрасте, годков этак четырнадцати, видно, сестра его, – с лица тоже такая красивая, – та принимали поднос с мисками и подавала его Авдотье Ивановне. А когда я вошел, то мне чай подал тот же молодец, что хлопотал около самовара.

Авдотья Ивановна, а особенно Фекла, так и рассыпались перед киргизянками в разных вежливостях, а те перед ними то и дело тараторили по-своему. Понимали ли они друг друга – это особая статья; но они, видимо, были друг другом довольны. Киргизянки любовались нарядом моей жены, жена рассматривала их головные навертки и шапочки, шутили они, смеялись, хохотали, да и я-то позанялся с хозяином так, что с час времени прошло незаметно… и попили же мы с ним чайку!

Но вот привели лошадей, привезли сбрую, вот серый жеребец запряжен в оглобли, вот два другие жеребца на пристяжке… Пора в дорогу!

Одно слово – хозяйка! Золотая хозяйка, моя Авдотья Ивановна!

Я себе и думать обо всем позабыл, а она, такая предупредительная, вынула два миткалевых платочка, один пестрый с цветочками, другой красный клетчатый, и подарила их хозяйке и хозяйской дочери, что чай-то ей подавала… Хозяева так обрадовались, точно невидаль какая, нашему подарку, что чуть было не навязали нам огромного барана! Я было старшине целковый за угощенье… Куда! Ни целкового, ни прогонов, ни за что брать не хочет!

Прежде чем засесть в тарантас, Авдотья Ивановна попросила старшину, чтоб он велел ямщику проехаться маленечко вокруг аула. Приземистый киргиз-байгуш залез было на козлы, но потом сполз оттуда на ящик, что под ногами, – у нас еще тут сало да топоришко уложены были, – махнул нагайкой, гикнул… и непривычные к упряжке жеребцы рванулись, на дыбах, в разные стороны. Пристяжные лошади замотали головами, закрутили хвостами, пронеслись шагов с двадцать вперед и бросились одна туда, другая сюда. Коренная взвилась на дыбы, задрала к верху морду, концом ее хватила по вершинке широкой, но низкой дуги… и пошел дым коромыслом! Подбежавший народ поспешил собрать разметавшихся врозь лошадок в одну кучку; пугливых коней успокоили, ямщик снова взмахнул нагайкой, снова гикнул, лошадки дернули, пронеслись еще десятка с два шагов и снова заартачились. Хомут у коренного расшатался, гужи распустились, дуга свалилась серке на шею; жеребец забесился, пристяжки хватились в стороны, рванулись, порвали поводки, которыми были привязаны к концам оглобель у дуги, и на всем скаку повернулись хвостами в степь, мордами к колесам: их задержали только боковые арканы, заменявшие постромки.

Совсем было беда пришла, да хорошо еще, что мы-то засесть не успели в повозку. Бились мы, бились с лошадками еще часа два; наконец, киргизы смекнули делом по-своему и придумали славную штуку.

Они впрягли лошадей снова и закрепили их в оглоблях и в постромках двойными узлами; к уздечкам жеребцов они подвязали новые предлинные арканы; трое молодых хватов сели на

верховых коней, навязали себе на руки концы этих подвязных арканов, и ими поволокли за собою весь поезд; наш ямщик-байгуш тоже взгромоздился верхом, но сел не на особого коня, а на впряженного в тарантас серку, и таким-то необыкновенным порядком спроворилась наша поездка по степи. Выходило, что три молодца-наездника тянули за арканы нашу тройку, тройка эта волочила тарантас, а уж в тарантасе-то мы с Авдотьей Ивановной и с Феклушей расположились… но теперь уже не на пуховике! Мы оставили его в Уральске! А на покрытых подушками чемоданах и ящиках, которые заменяли нам обыкновенное сиденье рессорных экипажей.

С грехом пополам покатили мы дальше. Кони наши по временам припрыгивали и расстраивали порядок; арканы развязывались, но не рвались, дуга болталась, гужи ослаблялись, седелка и чересседельник съезжали со спины на бок; жеребчики наши от всего пугались и артачились; но неприятных какихнибудь происшествий с нами не случалось, кроме разве того, что нам, против воли, приходилось подскакивать да подпрыгивать на не слишком-то мягких подушках. Особенно трясковато приходилось, когда мы съехали с торной дороги и пустились целиком по степи, по негладким ложбинкам, по кочковатым и солонцеватым плешинкам, по которым местами зеленела сочная трава, а местами торчали одни лишь жесткие степные былинки.

Ну уж степь – так степь! Глазом не окинешь дали! Кажись, и конца нет необозримому полю, которое далеко-далеко раскинулось во все стороны. О степи, оно конечно, нельзя сказать, что, дескать, шаром покати – ни обо что не зацепить: нет, тут есть и пригорки, есть и овражки, есть и кустарник невзрачный; да все эти увалы, пригорки, овражки и крути так слились вместе, от зелени трав и кустов, и так они, по величине, незначительны, что глаз ловко и смело окидывает пустыню верст на двадцать во все стороны. Только тени вдали, темнее ли, светлее ли одна другой, показывают сами собой, что вот, дескать, тут есть ложбинка, а там вот холмится почва. Цвет травы под самыми ногами лошадей – ярко-зеленый; но чем далее вперед окидываешь место, тем более цвет этот бледнеет и мутится; потом зеленый цвет маленечко все пропадает-пропадает, и вме-

сто него всюду выступает синий цвет. Но и синева недолго же держится; она принимает сероватый оттенок, и серый цвет, чем дальше, тем сильнее сгущается, и под конец незаметно сливается с сероватым небом, а оно яркою лазурью, густою синевою блещет над тем местом, где мы проезжаем.

Но вот еще аул. Народ высыпал нам навстречу и заманил в кибитки. И здесь мы тоже приютились у старшины, и тоже нашли скорую готовность на предмет лошадок.

– Далеко ли вы едете, приятель? – спросил меня старшина, довольно хорошим выговором.

– А пробираюсь в ставку!

– Там, где правитель?

– Там, где правитель!

– Лошадей мы для вас сейчас припасем: долго не задержим; но услужите, пожалуйста-ка, мне немножко.

– Со всем нашим удовольствием!

– Сегодня приехал к нам… недавно, почти что перед вами… один из наших байгушей и привез письмо к султану Араслану… это не казенный конверт, да и не с почты… Захватите с собой это письмо и потрудитесь отдать его в ставке. А не то, если то вас обременит, сдайте эту посылку нашему дистаночному начальнику, которого вам по дороге нельзя миновать: он уже сам распорядится переслать письмо к султану.

А взял письмо – смотрю: на вот тебе! Да ведь это моя же грамотка! Та грамотка, что сам же я написал да и передал маклеру на меновом… А я то думаю, это, мол, что значит султанский приказ! У киргизов, в степи, в диких аулах, мне переменяют лошадей, словно на станциях почтовых! Ан, это только одна приветливость, одно гостеприимство… надул, мошенник фактор!.. А еще трехрублевый взял!.. Сегодня же, говорит, беспременно письмо будет доставлено в ставку.

– Как думаешь, Авдотья Ивановна, опаски никакой не будет нам ехать вперед? Не останемся мы без лошадей? Не придется нам пешком тащиться?

– И, что вы это, Яков Прохорыч! По божьей милости уж сколько мы сегодня степи миновали, – все благополучно прошло, слава богу!

– А не боишься ты, мой друг, киргизов?

– И полноте! Теперь мы нагляделись на них вдоволь: не ждала я такой ласки от них. Даром что дикие, злющие люди, а смотрите-ка как они с нами обходительны! Какие у всех веселые, открытые лица! Да и жены-то у них не на заперти! И до детей-то какие все они сострадательные, да приветливые!..

– Так как же? Али без письма поедем? На волю божью?

– Как знаете, Яков Прохорыч: мое дело женское. Думаю так: ехали без письма, получали вспоможение без напрашиванья, ну и дальше поедем… Бог милостив!

– Быть так!.. Поедем, простимся со старшиной, да и поедем! Вон, лошади подвязаны уж к тарантасу и верховые батыри с арканами готовы!..

Статья вторая

Вторая тетрадка

Аул дистаночного начальника. – Сторожевой киргиз. – Гостеприимство хозяина. – Киргизская кибитка. – Ее устройство. – Киргизские пожитки. – Внутреннее убранство кибитки. – Одежда киргизов. – Их внимательность. – Бухарские сласти и конфекты. – Рассказ киргиза Барангула о стародавних пленных. – Султан Баймухаммед. – Разбой туркменцев на Каспийском море. – Каспийские морские ловцы. – Поездка в Хиву. – Город Ходжейли. – Хивинские дома. – Их убранство. – Хан Ала-Кул. – Незнакомец. – Бегство Барангула в Бухару. – Стачка с пленными. – Армянин Мартын. – Сомнительное положение. – Еврей, странствующий из Индии в Гамбург. – Выезд из Бухары.

Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли – а все же, благодарение господу, ехали мы благополучно по Киргизской степи. Скоро сказка сказывается, да нескоро дело делается, говаривали нам няньки да мамки: так-то вот и с нами случилось! И близок, кажись, был аул дистаночного начальника, да нескоро мы с Авдотьей Ивановной добрались до него. То лошади артачились, то тяжеловато было ехать на колесах по сырой и густой траве, то лишний час возились мы при объезде оврагов,

да при спусках в рытвины; время текло, и к вечеру только бог донес нас до желанного местечка.

Там, где жил дистаночный, раскинуто было несколько аулов. Народ кишмя кишел около кибиток; мы издали еще заметили какую-то сумятицу, и один из провожавших нас киргизов, кое-как болтавший по-нашему, объяснил нам, что денные работы ордынцев к вечеру покончились, люди воротились к семьям из отгонных полей и из табунов; скот, почитай весь, подогнали к кибиткам, и вот теперь все хозяйки хлопочут около кобыл, коров и овец.

Издали глазели мы на аул; мы его давно уже признали по струйкам синего дыма, который вился над кибитками, но ордынцы заприметили нас своими рысьими глазами гораздо раньше. Едва только мы опознали это человеческое жилье, как перед нами, точно из-под земли, выросли два лихих киргизских наездника.

Пробормотавши что-то с нашими провожатыми по-своему, они обратились с расспросом ко мне.

– Какой шалавик? – спросил меня трехаршинный богатырь, лет этак под тридцать, молодчина такой, что хоть сейчас в гренадеры: и собой красив, румянец во всю щеку, и в плечах косая сажень, и удаль залихватская во всех движениях.

– В гости, мол, в аул едем.

– Твоя – шинавник? – спросил он опять, схватившись обеими руками за треухи своего колпака. – Твоя – ваша благородия?

– Никак нет, господин киргиз, мы не из таких.

– Купся твоя?

– Купец, господин киргиз.

– А это твой баба?

– Это моя хозяйка.

– Ходжака… ходжака!.. Знай, баба-ходжака! Зачем бирал своя баба в аул?.. Боился?.. Ни?.. Ти, баба-ходжака, твой нитуй боился наша казак? – спросил веселый богатырь, обратившись к моей Авдотье Ивановне.

– Чего нам добрых людей бояться! – ответила Авдотья Ивановна, как будто ни в чем не бывало, а сама так и побледнела, так и трясется.

– Ордынска шалавик – страшна!.. Ай-яй страшна!.. Казак-кыргыз!.. Ух, какой балчой звери! Кыргыз бабам ашаит (т. е. кушает)! Твоя не лубляйт кыргызы!

– Мы знаем, что киргизы добрые люди! Киргиз бик-яхшы адам!

– А? Бик-джаксы адам?! Твоя татарска мало-мало покаляякивай? Джаксы! Джаксы!! Ай, бабам, молодес! Моя твоя крепко рука держить будит! Ташил своя повозка, айда вперед!

«Адам»-то по-ихнему значит «человек», «бик-джаксы» значит «больно хорошо», а «тащить» значит везти, ехать.

– Ну, теперь тащил надо к дистанишному: вот его хош (дом, кибитка).

Мы уже близко подъехали к аулу. Народу высыпало множество, чтоб взглянуть на нас, словно как на чудо заморское. Бабье покинуло овец, которых до того они доили, выстроивши их в линии, словно в две струнки. Ребятишки, кто нагишом, кто в коротенькой рубашонке, глазели на нас исподтишка, и верно, не чаяли, что сами дивили нас своим замарашеством и отвратительными язвами на всем лице, даже на губах.

Мы с Авдотьей Ивановной вошли в кибитку дистаночного начальника. Нас встретил сам хозяин, пожилой мужчина, лет под шестьдесят, с седою бородою и с золотою медалью на шее.

После первых приветствий и объяснения причин, ради которых показались в степи совершенно нежданные гости, старик усадил нас на видных местах, послал звать свою хозяйку, и, насказав нам множество ласковых слов, прибавил.

– Ты гость наш – мы постараемся, чтоб тебе хорошо у нас было. Ты мой гость – и я усердно служить тебе буду: мой дом – твой дом, будь в нем хозяин!

Выслушав этот привет, я еле-еле удержался, чтоб не расхохотаться, но не от гостеприимства киргизов – сохрани меня боже! – а от другой, схожей несколько с этою лаской, немножко только перековерканной, как у нас попросту говорится, шиворот-навыворот.

Случилось мне как-то давно побывать по делу в Кизляре. В этом-то городе Кизляре довелась мне нужда познакомиться с одним торговцем из армян. Вот прихожу я к этому торговцу,

знакомлюсь с ним, а он с первого же слова, отпустил вот какую ласку:

– Твой дом – мой дом, твой карман – мой карман: пожалиста, будим знакоми!

И кабы еще он сказал это для шутки? А то мы совсем не в таких отношениях друг к другу были!

Покамест наш приветливый киргизский бий, дистаночный начальник, хлопотал об угощении, мы осматривали убранство его подвижного дома.

Кибитка его была очень вместительна… Да, что я говорю: кибитка?.. Читал я в какой-то книжке сочинение какого-то петербургского господина. Описывал он в этой книжке разные разности и всякие народы: и как барки с хлебом ходят через пороги, и как белых медведей ловят, и как тюлешку бьют на море. Все было ладно. Только вот дошла очередь и до киргизов. Вот и говорит господин-то сочинитель, что киргизы, дескать, обедали в кибитках; лошади, дескать, паслись недалеко по степи; только сделалась, мол, маленькая тревога – киргизы встрепенулись, запрягли в кибитки коней, да ну-ка удирать на рысях!!! А ведь кибитка-то совсем не экипаж какой, не та крытая рогожей повозка, что у нас зовется кибиткой: у киргизов она совсем другое, просто-напросто жилой, но переносной с места на место дом.

Дом этот, если мы его хорошенько поразберем, делается очень просто. Берут в палец толщины жерди в сажень длины и делают из них решетчатые стены, вроде ширмочек, стену можно и сдвинуть, и раздвинуть. Таких складных решетчатых стен нужно, по малой мере, четыре, но бывает и пять, и шесть складных решеток. Потом их окрашивают красной краской с обеих сторон. С верхнего конца решетки, переложенные крестнакрест, жерди сходятся попарно, и каждая такая пара называется *головкой*.

Когда стенки решетки раздвинут и поставят наземь, то четыре, или пять, или шесть решеток образуют круглую сквозную стену, которая тем будет, разумеется, обширнее, чем более в ней будет считаться головок. У бедняка кибитка небольшая, головок в 70 или 80, а у богатых людей и в 150 и даже в 200 головок, а если и жерди еще будут длинные – то уж, конечно,

внутренность кибитки будет походить на обширную круглую залу.

Стены кибитки связываются друг с дружкой жилами, или ремнями, или широкими шерстяными полосками. Потом на них навешивается большой обруч, а навешивается он непросто, а посредством прямых длинных палок, *унин*, вставляемых в нарочно сделанные в обруче отверстия. Один-то конец палки втыкается в обруч, а другой – волосяною петелькою навешивается на головку решетки, и выйдет этаким манером род колпака на круглой стене. С одной стороны решеток оставляется пустое пространство – в него вставляется деревянная рама, а на раму навешиваются двери. Вот-те дом и готов!

Но ведь этак в клетки, образуемые жердями, будет дуть теперь ветер и проникать дождь: так чтоб избежать таких неприятностей, киргиз весь свой дом окутывает таким толстым войлоком, что его и пулей нескоро проймешь. А чтоб свету было больше, то войлоки откидывают с верхушки, у того места, где приходится обруч, а не то приподнимают их у стенок решетки с разных сторон.

Когда дом надо перенести через несколько шагов, – так его берут человека четыре, а не то и больше, под низ, под нижнее основание решетки, да так на руках и тащат куда надо; если же дом надо перевезти за несколько верст, то его разбирают на части. Решетки складывают особо, унины особо, кошмы, или войлоки, особо, увязывают все это в порядке и навьючивают на верблюда. Под небольшую кибитку довольно и одного вьючного верблюда; ну а если кибитка велика, то без пары верблюдов не обойтись, не считая пожитков: пожитки вьючатся на других верблюдов.

Какие же у степного киргиза пожитки? Вот это-то я и хотел сам узнать, всматриваясь в убранство кибитки дистаночного начальника. К барыне-то его у меня доступу не было, так на это у меня Авдотья Ивановна мастерица, все подсмотрела, все заметила и все смекнула недурно; а вот как теперь-то стали мы с ней кой-что припоминать, так или она мне подскажет что-нибудь, иль я ее наведу на память… Ну, а многое же есть и такое, чего мы и не заметили, иное в голову не пришло разглядеть хорошенько, а иное просто-таки забыли…

У дистаночного в кибитке первое место, прямо против дверец входа, занято было широкою постелью. На разостланных на полу войлоках поставили низенькие дощатые подставки, и на них положили перину, набитую верблюжьею и бычьею шерстью; но перина была не простая, а вся кругом обшита полушелковой материей, что у них зовется *сусой*; в головах положены две такие же подушки, и все это сверху прикрыто большим, толстым-претолстым стеганным шелковым же одеялом.

Сверху над кроватью спущен был красивый полог из ситцевых чистеньких занавесок, с черными букетами по пунцовому полю. По обе стороны кровати стояли, в два и в три ряда, обитые жестью и железом сундуки; самые большие стояли внизу, а которые поменьше – те повыше. Сундуки эти были простые, обыкновенные, что у нас называется сибирского манера; но те из них, которые получше, да покрасивее обделаны, были обшиты тонкими белыми войлоками, развязанными и откинутыми с лицевой стороны для того, чтоб гости имели случай подивоваться роскоши и богатству хозяина.

По стенке решетки и по перекладинам, к ней приложенным, висели разные принадлежности мужской одежды: плисовые шаровары, шелковые халаты, суконные чапаны; далее торчала нагайка, висели три винтовки и одно французское ружье; с противной стороны развешаны были щегольские уздечки, верховая сбруя и разукрашенные седла.

По полу, по голой земле, растянуты были поверх кошем очень богатые ковры: они маленечко поплоховатее будут персидских, а все же оченно ладные ковры, туркменской работы, а туркмены, известное дело, промышляют приготовлением ковров, которые жены их ткут от утра и до вечера. Да и ткут-то как?! Начнет, примерно, мать по одному узору – вот она и ткет его долго и долго; вдруг умрет, и работа переходит к дочери, – та продолжает ткать тот же ковер, но уж по новому узору; потеряет она этот узор, или надоест он ей – тогда ткет ковер по третьему узору. Такого-то изделия коврик попался мне на глаза и у дистаночного начальника. Всех ковров в этой кибитке, на полу и на сундуках разостлано было, сколько я мог заприметить, больше полудюжины.

У входа, с правой стороны, стоял пребольшущий *турсук*, сшитый из кобыльей кожи и назначенный для хранения кумыза: по сторонам его стояли меньшего размера *тунуки*, или турсуки с горлышками, тоже для кумыза. Немножечко подальше красовался самовар, такой огромный, что у нас в Саратове такого, пожалуй, и не найдешь. А над ним целая полочка замещена была чайниками, блюдами и фарфоровыми и фаянсовыми небольшими мисками, вроде наших полоскательных чашек. Миски эти были частью нашего русского изделия, а частью настоящие китайские. Китайские миски киргизы предпочитают нашим... Ну, чтобы нашим-то фабрикантам делать эти чашки на китайский манер! Узоры достать – не бог знает какая мудрость!

У самой кровати, в уголку, между ею и соседними сундуками, помещался большой, ярко вычищенный медный таз, а на нем медный же *кумган*, вроде рукомойника, но старинного дела: высокий, с длинным изогнутым носком, как у кофейника, с крышкою на шолнерах и с металлическою ручкою. Таз и кумган – необходимые для каждого татарина вещи: ими он исправляет свои пятикратные дневные омовения при намазах, или при молитвах.

Хозяин наш был одет в три халата, и два нижних халата были подвязаны каждый особым кушаком. Нижний халат был простой хивинский бумажный, с узенькими полосками; средний халат был полушелковый, а верхний, тоже полушелковый, был надет нараспашку, а из-за пазухи среднего халата торчал бумажный красный клетчатый платок ивановского дела.

У каждого халата рукава были длинные и у кисти руки узковатые; кроме того, у каждого рукава, примерно сказать, на четверть от оконечности, сделаны были прорези, или прорехи, отороченные снурочками. Это, как я узнал после, делается вот для каких причин. Когда, при намазах, надо делать омовения, то киргизу очень трудно засучить рукава с кисти руки, а поэтому-то он спустит кончик рукава с кисти руки, а потом всю руку и просунет в широкую прореху, про которую я уже сказал, да потом уж и засучивает рукава по самые, почитай, плечи.

Ворот рубахи у нашего киргиза был застегнут корольковою пуговкою, а длинные концы воротничка, белого как снег,

выпущены были поверх халата и спускались на грудь острыми мысочками.

Белый войлочный колпак у дистаночного был снят; вместо него надета была простая суконная шапка, обшитая бобриком; а из-под шапки выглядывал шелковый островерхий тюбетей, надетый на выбритую до гола, а от старости лет, я чай, и без того голую голову.

Хозяин пригласил нас сесть на ковер; а так как он смекал, что нам не в привычку сидеть по-ихнему, т. е. поджав под себя ноги, то и велел подать, вместо стульев, мне большую крепкую подушку, на которую поставлено было седло, чтоб мне спокойнее сидеть, а для Авдотьи Ивановны наставили целую груду подушек, и она, моя матушка, как села на них – так-таки с них с съехала наземь. Она приподнялась, переправила свое пуховое ложе, взобралась на него, прыгнув одним разом, уселась и почти что потонула в мягких подушках, так в них и ушла, словно в опару.

Но вот пришла и хозяйка, и прямехонько подошла к Авдотье Ивановне, взяла ее за обе руки, потом правую ее руку приложила к своему сердцу, а свою правую руку приложила к ее сердцу, пробормотала ей что-то по своему и уселась рядом с нею, но не на подушках, а просто на ковре, подогнув под себя обе ноги. Хозяйка-киргизянка одета была в стеганный полушелковый халат; голова была укутана двумя большими белыми кусками бумажного полотна; край одного платка, *джаулука*, закрывал ей плечи, грудь и спину, а другой платок навит был на голове убором, который, по мягкости ткани, не мог плотно держаться, и как его хозяйка ни поправляла, все сваливался на левую сторону.

За хозяйкой вошли и другие женщины, точно так же, как и она, одетые, с тою разницей, что некоторые как будто прифрантились в лучшие свои наряды, а некоторые явились замарашками; но для чего не отдать справедливости всем им и не сказать, что белье у всех их было чисто и опрятно, и что все до одной бабы были сильно нарумянены баканом?!

Для нас велено было поставить самовар, и я, скрепя сердце, смотрел, как немилосердные киргизы, вместо угольев, разжигали кизяк и кусками кидали его в самовар. Как нам ни противно было после этого пить чай, но мы скоро к этому топливу привыкли, а через несколько дней довелось нам и самим разогревать все кушанья, даже готовить их при помощи отвратительного для нас, чистоплотных людей, кизяка. Лесу нет, дров нет – вот и кизяком не брезгаешь!

Пока ставили самовар, хозяева занялись угощеньем: наставили до десятка блюдечек, полнешеньких разных сухих сластей, запыленных и вовсе непромытых. На одном блюдце был желтый изюм, или, как киргизы его называют, *абъюш*, или просто *узум*; на другом насыпан был мелкий изюм без косточек, что мы называем *кышмыш*, а киргизы – *кара-миз*, а еще *шубурган-мензе-кара*; на третьем насыпаны фисташковые орехи – *писта*; четвертое блюдце было полно урюком, внутри которого находились очищенные от скорлупы ядра абрикосов и миндаля; это здесь называют *аштяком*; много блюдцев было с *кандалат-хили*, или с бухарскими конфектами, с обсахаренными зернами аниса, ядрами миндаля и с разными разностями.

Мы приехали в аул поздно вечером, когда киргизы совершили уже последний свой намаз и отмолились богу при закате солнца. Они успели уже и поужинать. А так как день, с самого утра, выдался жаркий, то все мужчины, выспавшись хорошо днем, рады были заезжим гостям, чтоб по холодку пробеседовать с ними хоть целую ночь напролет. Мы тоже были не прочь от дружеских разговоров: нас здесь все занимало, и мы, обласканные хозяевами, и, завязав речи, сами не имели никакого позыва ко сну.

– У вас, хозяин, золотая медаль на шее? – спросил я дистаночного.

– Медаль! – отвечал он горделиво.

– Жалованная!

– Жалован!.. Сам царь давал!

– За что же вам медаль-то пожаловали?

– Царь знает своя верный Барангул! У Барангул – душа русская! И казак, русский – все братья… И царь один!.. Ну, царь и давал мне своя медаль…

Я стал Барангула расспрашивать, и вот что он рассказал мне своим ломаным языком, хоть не слово в слово так, как я

передаю, а очень близко. Память мне не изменяет в том, что касается до существенных обстоятельств его рассказа.

«Давно, пятнадцать лет тому назад, степь наша совсем была не та, что теперь. Теперь ты сам сюда забрался доброю волей, да еще и хозяйку свою взял: пятнадцать лет назад не заманил бы тебя сюда ни калачом! Нам самим беда – как плохо было! Плуты хивинцы куролесили здесь на свою голову, мутили киргизов, строили разные разности, и воровским манером полонили русских.

Был у нас тогда царем поставлен в султаны-правители природный султан, султан Баймухаммед, сын Айчувака. Баймухаммед был славный служака царский, и государь наш Николай Павлович очень его жаловал. Баймухаммед и в Петербург бывал сколько раз… И еще немного лет прошло, как он у нас умер. Баймухаммед скоро дослужился на царской службе до майора; царь-государь наш дал ему прежде чин полковника, потом сделал его генералом, дал ему звезду, дал ленту, и до самой кончины султана не лишал его своих щедрот и милостей за верную, по гроб жизни, службу Баймухаммеда.

Славный человек был наш Баймухаммед: с киргизом он был киргиз, с русским – русский. То ты увидел бы его в халате и в белом колпаке за шахматной доской, то встретил бы его в казачьем мундире за картами в русском городе. Здесь он жил в кибитке, на степную ногу, там он занимал богатые палаты. В степи весело, в кругу приятелей, распивал он наш родной кумыз, а в Оренбурге провозглашал тосты с бокалом шампанского в руке. Здесь Баймухаммед, бритоголовый, в овчинном тулупе, несется по степи, осматривая богатые табуны свои, а в Петербурге – Баймухаммед ловко расшаркивался по лощенным паркетам вельможеских домов; голова его была там прикрыта париком, молодецкий стан ловко был обтянут богатым мундиром, широкие плечи щеголевато сияли эполетами, а могучая грудь разукрашена была звездой и лентой. Степной киргиз-дикарь в столице явился барином.

Я тебе говорил, что хивинцы против нашего государства много дурных дел делали, и что они полонили наших братьев, русских. Но как же они это делали? Иногда сами, а иногда через посредство отступников киргизов и через туркмен. Теперь давно уж этого нет и быть не может.

Ты слыхал про народ туркменцев? Это и хорошие люди, и вместе с тем пустые люди. Они сами про себя говорят: мы куры того хозяина, у которого больше всех проса. Теперь понимаешь – насколько они заслуживают уважения и участия к себе? Туркменцы живут в соседстве с Персией и с Хивой: вот хивинцы и прикармливали тогда этих кур своим просом.

Пятнадцать лет назад я виделся в Хиве с теми туркменцами, которые занимаются хищничеством людей. Не подумай, что это они считают беззаконным, очень дурным делом! Нет, это у них такой же промысел, как у нас наниматься извозчиками в Хиву или ловить сайгаков! Они еще и о сю пору промышляют тем, что воруют кызылбашей и торгуют ими в Бухаре и в Хиве! Я свел дружбу с этими туркменцами, и притворялся, что хочу перебежать к ним с Утвы в Астрау, в прибрежье Каспийского моря, хочу поселиться с ними… Ну, словом сказать, точил им разные лясы и выпытывал: как это они ловят русских? Они мне сказали, что в Астрау, на самом берегу моря, у них в скрытных, тайных местах, в камышах, куда никто не заходит и чего никому не придет и в голову, запрятаны лодки. Живя на взморье, они вглядываются вдаль, зная, что вольные рыбопромышленники каспийские далеко заходят не только в открытое море, но проникают и дальше, к враждебным и диким берегам.

Надо тебе сказать и то, что в июне и в июле месяцах Каспийское море, в самой середине своей, постоянно тихо. Торговые суда не знают хорошенько этого моря и ходят по Каспию все бережками, а насквозь, прямо, открытым морем большие суда не ходят: боятся сбиться с дороги. Но вольные рыболовы проникают сюда и, узнав, что в глуби открытого моря, на самых далеких расстояниях от берегов, волнения никогда летом не бывают, в огромном числе съезжаются сюда для того, чтоб ловить рыбу. Большая рыба, выметав с весны икру в пресной воде в реках, обращается назад в море, от шума уходит дальше и дальше от берегов, в самую глушь, и с малютками своими веселится в тихой и не волнующейся соленой воде, тысячами тысяч, миллионами миллионов. Тут-то вот этих и огромных

рыбищ и маленьких рыбок вольные рыбаки и ловят то живодью, то на кус, то разными иными хитростями.

Когда они рыбу ловят, то, шныряя по всем направлениям, или сбиваются с пути, или сносятся ветром, или, наконец, сами убегают к туркменским берегам, стараясь и тут захватить и изловить всю рыбу, которая подороже ценой, а притом и легче может им достаться.

Когда туркмен завидит с берега в море рыболовное судно, сначала кажущееся ему в виде черной точки, он кличет товарища, укладывает в свою лодку или нагайку, или саблю, или ружье, выводит суденышко из камышей и летит на приманку. Особенно ловко дело удается, если рыболовное судно стоит на якоре…

Смотри же, не забудь заметить, что я говорю про то, что водилось лет пятнадцать назад: нынче уж этого не смеют делать! Нынче дрожат от одного имени – русский!..»

– Ну, так вот туркмен и летит…

– Но туркмен не прямо бежит на это судно! Нет, он хитер на выдумки!.. Рыболовное судно гораздо больше туркменской лодчонки, стало быть, туркмен гораздо прежде завидит русских, чем русские заметят самого его. Так вот, зная это необходимое и весьма естественное условие, туркмен и старается принять такое направление в отношении к рыбакам и так объехать судно, чтоб русские в то время, когда он к ним будет приближаться и когда они будут в возможности разглядеть его лодчонку, подумали, что это не туркмены, а их же братья, вольные ловцы. Туркмены наезжают на судно обыкновенно с севера или с северо-запада, а бедные ловцы, завидя их, и толкуют, я чай, меж собой: глянь-ко, мол, дядя Микита – это никак с Гурьева, али с Астрахани наши же пловцы плывут!

– Да, как же не так! Из Гурьева, да из Астрахани!.. Нет, это злодеи туркмены! Негодный народ: они так в ту пору навострились, что, выезжая на разбой, и одевались в русскую ловецкую одежду; да между ними много было и таких, что видно научились толковать по-русски.

– К русскому судну они, бывало, всегда подъезжали на самом рассвете, чуть только забрезжится. Народ-от спит, а с сонным как не совладать?! А если, бывало, рыбопромышленники

и заметят и захотят голосом опознать: кто к ним подъезжает? – Разбойники и заголосят, внятно и твердо, что у них вышли, дескать, запасы или пресной воды, или хлеба, и что они просят ловцов поделиться с ними мукой, да водицей. Рыбаки подпускают их к судну без подозрения, а тем того только и нужно! Ну, и пошла потеха! И вольные ловцы в полон попались, словно кура во щи!..

– Ну, так вот же этих-то полоненных людей хивинцы и перекупали у туркмен. И нынче пропасть у них таких пленников, только теперь пленники все персияне, а русских здесь нет уж ни одного человека. В 1839 г. хивинский хан так перетрусился, что всюду разослал приказы: отнюдь не осмеливаться брать русских в плен! О сю пору, ух, как строго это соблюдается!

– Вот пятнадцать лет тому назад султан Баймухаммед призвал меня к себе и говорит: ступай, Барангул, в Хиву; придумай какую-нибудь причину, если тебя будут там расспрашивать, поживи там, разузнай что-нибудь о русских пленниках, да вывези, кого бог поможет, обратно на родину.

– Сказано – сделано! Я выбрал двух лошадок и одвуконь отправился в дорогу: на одного коня сел верхом, другого взял в повода, и потом, когда один конь уставал, я пересаживался на другого, а первого брал в повода – таким образом, всем нам троим было легко совершить нашу поездку.

– Дело было глухой осенью. Ехал я скоро, останавливаясь на привале в незнакомых аулах по сю сторону Усть-Урта, взобрался на самый Усть-Урт, и через несколько дней спустился с него у Каскаджула, добрался до хивинских владений, и, оставив в левой руке городок их Кунграт, сам взял вправо, к городку Хузейли, или Ходжейли.

– Хузейли от берега Амударьи лежит верст, примерно сказать, на пять, при небольшом канале, водою которого и здесь, как и во всем Хивинском владении, орошают поля.

– Городишко этот неважный: это не то, что какой-нибудь Уральск! Куда! Да и сама-то Хива Уральску в подметки не годится! В Хузейли всего пятьсот мазанок. Жители – узбеки, занимаются торгом: тот сшитый халатишко несет на базар, иной кусок сусы домашней работы туда же тащит, третий сбывает пряденой бумаги моточек, четвертый – фунтик другой кроше-

ной марены, всяк кто чем смог промышляет на базаре, а базары бывают каждую неделю по одному разу; на базары и съезжается народ с хуторов и с деревушек, что у вас называют городами.

– Хивинец построил себе мазанку, два-три товарища, соседи по полям, выставили свои землянки тут же рядом – вот те и селение; а как еще домишки-то эти обнесут общим забором, или, по-настоящему, глиняной стеной, потому что на заборы лесу нет – ну, так это уж и настоящий город!

– Ты знаешь ли, как в Хиве дома строятся?.. Не знаешь?.. Ну, так вот же я тебе скажу как!.. Видишь ли ты, что лес в Хиве очень дорог, – хивинец и купит с десяток хороших бревен. Вот он и сделает из них два венца: один кладет наземь, а другой – верхний.

– Верхний-то венец держится на нижнем особыми стойками, толстыми жердями из самого дрянного дровяного лесу. Жердей этих идет в дело много, и стойка возле стойки приходится плотно одна к другой. Когда их расставят на место, то стойки эти с обеих сторон толсто обмазывают глиною, перемешанною с рубленой соломою.

– На стены кладут матицы… этак, через аршин; на матицах выстилают помост из маленьких жердочек; как жердочки-то накладут – их и покрывают камышовыми рогожами. На рогожки на эти насыпают сухой глины, выравнивают ее, а сверху обмазывают мятою глиною. Это ты думаешь, что выйдет такое? Тебе не в догад?.. А это и потолок и крыша вместе!

– В середине этого потолка оставляют четырехугольную дыру, примерно в пол-аршина ширины и длины – это тебе и окно для свету и труба для дыму! А чтоб в эту дыру воры не пролезли – в нее вделывают деревянные решетки. Нынче только, недавно однако, начали делать окна в стенах, но стекол не знает никто, кроме самого хана, да самых богатых людей из его приближенных. Когда хан в первый раз, лет двадцать пять тому назад, велел пробить у себя два окна и вставить в них стекла… да и то его надоумили на это русские же пленные.. так все хивинцы и рты разинули от удивления на такую неслыханную роскошь!

– Двери в избе у хивинца без петель и без косяков и прилаживаются к стене так, что захлопываются сами собой, собственною тяжестью. Надо мне выйти из комнаты – и я толкну дверь рукой: она растворится, да сама же и запрется. А надо мне войти в комнату. Вот я к двери-то подойду, да нагнусь, да руку подсуну под низ доски у порогу, да так ее и расхлебяню. Вот они, хивинские-то хозяева, как живут!.. Только у самого хана, да и немногих богачей заведены двери и с петлями, и с косяками, а нынче, говорят, есть двери и столярной работы.

– В каждой такой мазанке всего на все один покойчик, небольшой, но высокий. У богатых людей мазанка прилаживается к мазанке – вот тебе и вышли палаты!

– Мазанки выстраиваются рядком и двери у всех прорублены в одну сторону, а с этой стороны, во всю длину палат, выводятся общие сени, или галерея. Весь дом со двором обносится стеною из битой глины.

– Пол в комнатах земляной, выровненный и толсто-обмазанный глиною; деревянных или каменных полов нет; разве у одних только богачей найдешь кирпичные полы. На полу расстилаются циновки, камышовые рогожи, войлоки или ковры.

– Мебели нет никакой, а есть то же самое, что ты видишь вот здесь, у меня в кибитке… Ну, скажи на милость, чем такой дом лучше нашей кибитки? Только слава, что народ оседлым сделался! А кибиток все же-таки они бросить не могут: и сам хан, и все его приближенные летом из кибиток не выходят!.. Все они простыми мужиками живут! Хан, ни дать ни взять, какой-нибудь богатый мужик; приближенные к нему – его холопы, такие же мужики.

– В те времена, про которые я тебе рассказываю, ханом был в Хиве Ала-Кул. Он, бывало, каждый год объезжает свою землицу, от города Хивы вплоть до самого моря Аральского, и занимается в это время охотою с собаками, с соколами и с ястребами.

– Я, как на беду, столкнулся с ним самим и встретил его поезд близ самого Хузейли. Взяли меня и привели к хану. И стал он меня выспрашивать, кто я такой? И для чего в его землю пришел, да около города шныряю! А я не будь глуп, да и расскажи ему турусы на колесах. Так и так, мол, хан, я пришел из России к тебе служить – буду тебе верным рабом. Я бежал из острога! По ночам скитался в разных местах; кой-как тишком и

тайком добрался до аулов дальней степи, добыл коней и бежал в Хиву… Буду служить хану Ала-Кулу, да продлит пророк его годы… Нет Аллаха кроме Аллаха!.. Надеюсь на ханские милости!

– Ала-Кул поверил моим словам и рад был, что приобрел себе такого батыря… Ну, а за пятнадцать лет назад я не был еще таким стариком, каким теперь гляжу… Барангул был молодчина… Винтовка его не знала промаха, конь не знал усталости… Сила Барангула и его храбрость были известны целой орде.

– Хан принял меня в свою дворню, велел быть заодно с его домашнею прислугой и наобещал столько милостей, что и пересказать нельзя. Ну, что делать? Должен я был при хане остаться! Провел я при нем целую зиму и вместе с ним прибыл в Хиву. И стал я здесь сходиться с двумя пленными: с Сидором, да с Иваном. И пошло у нас дело на лад. Я всегда показывался на базаре, где постоянно видался с русскими, говорил с пленниками о чем нужно, но мимоходом, не останавливаясь, и так, чтоб никто не мог заметить наших сношений… Назначили мы день, свиделись, по уговору, на базаре… Я им «смаячил», т. е. переговорил с ними условными знаками… Подал им последний сигнал – и вот мы ночью, все втроем, за городской стеной!

– Но Сидор и Иван сплоховали – не сумели подобрать себе коней с чужих конюшен… Вот беда!.. Как быть?.. Не пешком же пустить их?.. Что брать! Сказать тебе правду?.. Мне так жутко пришлось, что и рассказать не умею…

– Я был одвуконь. Отдать одного коня Сидору – Иван будет пеш; отдать коня Ивану – Сидору не на чем ехать… Ну, а ты знаешь, что пеший конному не товарищ?! Ай-яй-яй, плохая штука!.. Как нам разделиться?

– Я вспомнил нечаянно, что когда я пристал к хану недалеко от Хуйзейли, и когда мы с ним колесили дальше и охотились за тетеревами под городом Кунгратом и на взморье, то к Ала-Кулу часто езжал наш же киргиз, султан Каип-Гали[1]… Он

[1] Каип-Гали Ишимов (1789 – после 1856) – султан, старший сын хана Младшего жуза Ишима (1744–1797). После смерти отца находился вместе с братьями на попечении родного дяди султана Букея – будущего правителя Внутренней орды. В 1827 и 1829 гг. возглавил движение против хана Жангизимовал в то время между Кунгратом и Айбугуром, на урочище Актюбя-Аланг. С Каипом-Гали было кибиток со сто наших табынцев… Вот я и думаю: выбраться бы нам на наших табынцев… Да как бы не попасть на кочующих тут каракалпаков!.. Табынцы не выдадут нас и помогут нам.

– Уж я прикидывать, прикидывал – и кончил тем, что одного коня отдал Сидору, другого Ивану, а сам пеш остался!

– Время было дорого; терять его напрасно нечего… Сидор и Иван послушались меня, махнули нагайкой – и поминай как звали! Бояться им на дороге было нечего: по-татарски они говорили как природные татары и киргизами прикинуться легко могли – с малых лет водились с нами!

– Я побрел пешком. Вся моя надежда заключалась в одном: я ждал, что утром, притаившись где-нибудь в укромном месте, подсмотрю чей-нибудь табун… На что ж я киргиз, если не сумею добыть себе коня?

– Рассчитывал я, кажется, и верно, да на деле не так вышло!

– Пленных наших скоро хватились; меня тоже не доискались в ханской дворне. Утром разослали погоню, и в тот же день засадили меня в тюрьму!

ра во Внутренней орде. Дважды арестовывался русской пограничной администрацией. В марте 1830 г. бежал из заключения в Оренбургском тюремном замке и скрылся в Зауральской степи, где вокруг него объединилась большая группа аулов разных родов Младшего жуза и беженцев из Внутренней орды, старшины которых избрали его весной того же года своим ханом. В 1836 г. получил от хивинского хана Аллакули фирман на титул хана западных казахов. В 1837–1838 гг. объединился в борьбе против России с руководителями освободительного движения казахов Исатаем Таймановым и Мухаммедом Утемисовым. Вследствие разгрома повстанческих отрядов войсками полковника К. К. Геке 12 июля 1838 г. на реке Акбулак и гибели батыра Исатая Тайманова бежал в Хиву. Там был утвержден правителем Аллакули-ханом в звании хана западных казахов и несколько лет спустя получил аналогичное утверждение от его преемника хана Рахимкули. По указанию этих правителей совершал набеги на казахские аулы, находившиеся под протекторатом России, собирал с подвластных казахов зекет для хивинских ханов. Вследствие того, что Каип-Гали оказался неспособным оправдать надежды, возлагавшиеся на него новым хивинским ханом Мухаммед-Амином, в середине 50-х годов XIX в. он был лишен им своего ханского титула и имущества, а вслед за тем помещен в специальный дом под особый надзор хивинских властей. Дальнейшая судьба его неизвестна.

– Хивинская тюрьма – плохое место приюта. Меня ждал короткий суд и только одна прогулка – из тюрьмы на кол!

– Но в тот же день, мои приятели русские, находившиеся в ханской дворне, сплели какую-то историю о моем богатстве и о мешке с червонцами… Меня из тюрьмы потащили на допрос… Смеркалось… Вдруг, на самом уже пути какой-то услужливый человек, которого мне и разглядеть порядочно не удалось, выхватил меня из артели, составлявшей мой караул, перекинул меня к себе через седло и понесся в сторону, но через несколько минут он сказал мне: это ханский аргамак… Садись живей и спасайся! – сказав эти слова, мой незнакомый избавитель скрылся в темноте.

– Я был близ восточных ворот города… Объехать кругом всей стены и направиться по той же дороге, по которой улепетывали, к счастью, не пойманные Иван и Сидор, я признал неблагоразумным… Буди воля Аллаха!.. Махну в Бухару!.. В Хиве никому не придет в голову, чтобы я бежал не в родную землю, а в чужую!

– Ханский аргамак был редкость драгоценная и конь... одно слово – ханский! Я летел на нем четверо суток, и почти под самой Бухарой, близ городка Ромитана, я его зарезал и пересел на пойманную незавидную лошаденку.

– Когда я собирался в побег с Сидором и с Иваном, то запасов я набрал себе полны карманы: и майле-кульше, печеных на масле лепешек из джугары, которых у меня во время ареста не отняли, вдоволь хватило мне на всю поездку.

– Ну, что говорить?.. Ну, и денежки у меня тоже водились, разумеется, малость, а не бог знает какие деньги, а все червонцев до полусотни можно было насчитать наверное. Деньги свои я запрятал в кису и опоясался ею под рубахой по голому телу.

– В Бухаре я опять стал отыскивать моих любезных русских. Тут опять нельзя мне было действовать прямо, а надо было прибегнуть к хитростям.

– Я мало-мало умею шилом работать: седло ли починить, сшить ли ичиги, выстрочить ли разными узорами ремень – это уж мое дело! Вот я с шилом в руке и стоял, по тамошнему заведению, на базаре: кому мастер был нужен, тот и звал меня к себе.

– Бухара, город, известное дело, не в пример важнее против Хивы выходит. Народу множество, дома есть богатые, хоть мазанок и еще больше того, но все как-то богатство-то бухарское ярче бросается в глаза после негодных хивинских городишек.

– Когда я простоял на базаре дня три-четыре, и когда мне случилось довольно-таки в эти дни перештопать дырявых сапогов с протертыми подошвами, случай вдруг натолкнул на меня двоих русских разом: Андрюха и жена его Агафья, прозванная Селедкой.

– Через Агафью Селедку и через Андрея познакомился я с Иваном да с Егором; первый был из-под Астрахани, а Егор – нижегородец. Оба они ходили к Андрею в гости и оба упрашивали меня, чтоб я вывез их из плену.

– Я начал хлопотать, и бог помог мне сойтись с Кантаем, с сибирским киргизом из аргынского рода, стало, как видишь, с человеком почти совсем чужого для меня рода, с иноплеменником, которому мне нужно было отдать почти все свои деньги… Вот уж мы все для дороги изготовили; осталось только ребятам садиться, да с богом в путь отправляться, как, на нашу беду, навязались на нас новые хлопоты…

– В Бухаре в то время жил какой-то армяшка, по имени Мартын… сказывали мне, что будто из какого-то турецкого города, а вероятнее всего из Кызылбашского царства… Ну, так вот этот армяшка и давай смущать, пуще всего Егора, что и дорога-то опасна, и Барангул-то неизвестно каков таков есть человек, и поймать-то их могут, и я-то их коканцам могу продать. Эй, ребята, послушайте, говорил он им: знаю я – хорошо домой ехать, да ведь и вы же понимаете, что и здесь оставаться тоже очень недурно!

– Больно мне было слышать такие речи! Притом же и я за верблюда заплатил, и того сего накупил, да еще и Егору и Ивану помог малой толикой; да они ж еще во мне сомневаются, когда я в Хиве двоих русских спас от плена… Постой же, думаю, армяшка ты этакой… я тебе припомню, негодный!

– Я стал молодцов уговаривать; потом послали мы к жиду за водкой, маленечко выпили… Русские поверили мне, наконец, и уехали с аргынцем.

– Армянин Мартын не знал ничего о последней нашей сходке.

– Я не доверял Мартыну и скрыл от него счастливое отправление пленных; знал об этом один только Андрей с женой. Армянин мог нас выдать и я, избежав один раз хивинского суда и хивинской казни, вряд ли бы успел в другой раз избежать воздушной прогулки по бухарскому регистану… Выжидая случая и времени отбытия караванов, чтоб самому безопаснее выбраться из Бухары, я искал случая почаще бывать за городом, на родной степи, для того чтоб прослышав, что меня ищут, иметь время или скрыться, или защититься, или зарезаться, прежде чем отдаться палачам.

– Чтоб подать менее подозрения, я, пробыв несколько дней в Бухаре, нанялся у одного тамошнего жителя пасти верблюдов за городом. Выходя из дому за городские ворота, я всегда брал с собой два ножа: один для дела, на какое понадобится, а другой запасный.

– В степи пугал меня каждый шорох… Одинокого человека я еще не так боялся; но когда я видел, что в мою сторону направляются двое или трое незнакомцев, – кровь кидалась в голову, все жилы тряслись, рука невольно хваталась за черенок ножа…

– Однажды моему хозяину вздумалось что-то ранее обыкновенного послать за мной, с приказом воротиться поскорее домой вместе с верблюдами. Что, думаю, случилась за новость? Нет ли беды какой?.. Я подогнал верблюдов к городу, но побежал туда один, разведать, не угрожает ли мне что-нибудь?

– Первым моим встречным в городе был армянин Мартын… Он кинулся ко мне с вопросом: счастливо ли тебе удалось выпроводить пленников?.. При этих словах меня так и кинуло в дрожь… Я наскоро отделался каким-то пустым ответом, забыл о верблюдах и со всех ног кинулся к Андрею.

– Мне тут же пришло на мысль: бросить все и всех и бежать в Ташкент… Но Андрей, когда я рассказал ему про свое несчастное положение, заметил, что на мне в самом деле, что называется, лица нет, и успокоил меня, во-первых, тем, что армянин Мартын человек добрейшей души и на этот счет благороден, а во-вторых, что бегство пленников скоро сделалось

известным эмиру, и что эмир Насрулла ему же, Андрею, поручил произвести следствие… А Андрей, прогуляв сутки трое и отлично проведя время в загородной пирушке, доложил эмиру, что он нигде не мог найти беглецов, но что, по его соображению, они, вероятно, пошли по деревням искать работы.

– Этим все дело и кончилось.

– В скором времени через армянина Мартына познакомился я с каким-то Самуелем Гансом, пройдохой, жидом, называвшим себя гамбургским гражданином. Самуель Ганс появился в Бухаре, если верить его словам, – из Индии. Он примкнул к каравану, который отправлялся в Оренбург, и намеревался оттуда, через Россию, пробраться на родину, в Гамбург.

– Зная, что теперь, когда у меня не осталось ни медного пула, мне тяжело воротиться в родные аулы, я бросился к Самуелю и просил его со слезами взять меня с собой на линию. Самуель с первого же раза и с большим удовольствием на это согласился… Завтра, – сказал он, – я еду, выходи ко мне на таком-то месте за городской стеной.

– Как сказано – так и сделано! В назначенный час я явился перед Самуелем. Но каково же было мое удивление, когда я убедился, что согласие его состояло только в том, что я имел право идти по степи вместе с караваном; шагать точно также, как шагают верблюды; дышать свежим воздухом точно так же, как дышали верблюды… Но жиденек при этом настоятельно требовал, чтобы я, помня, что он возвращает мне родину, служил бы ему в продолжение всего пути, и служил бы как самый преданный раб, а что он, Самуель Ганс, будет меня за это кормить на привалах.

– Этого жидка гостеприимные киргизы закармливали даром, но в отношении ко мне Самуель соблюдал строгую экономию…

– Извозчик-верблюдовожатый тоже не хотел даром посадить меня на верблюда… Денег за провоз я предложить ему был не в силах: у меня ничего не было; служить ему я тоже не мог – все мои силы и время, которыми я мог располагать, проданы были жиду!

– Двести верст тащился я за караваном. День-деньской промаешься и под конец бредешь высуня язык, но лишь только

станем на стоянку… тут бы отдохнуть!.. Так нет! Ухаживай за Самуелем, расставляй ему палатку, набивай трубку, делай то, другое… Наконец, киргиз надо мной сжалился, посадил на своего верблюда, и даже делился со мной своим запасом пищи…

– В Оренбурге меня встретили четверо своих знакомцев... Самый большой человек, какой тогда был в Оренбурге и которого государь нынче опять нам дал[1]. Этот добрый начальник призвал меня и сказал: «Барангул, ты воротил отечеству четырех человек русских, томившихся несколько лет в плену… Наш общий царь-государь знает твою верную службу и жалует тебе эту медаль…».

– Ну так вот, дорогой гость мой, теперь ты узнал причину царской награды?

– Да ты не одного меня, а много найдешь киргизов с царскими медалями на шее… Ну доволен ты моим рассказом?

– Ай-яй… Смотри-ка… уже далеко заполночь! – Сказал Барангул, вытащив из кармашка бешмета серебряные с золотым ободочком часы… Смотри – твоя Авдотья Ивановна совсем дремлет, да и ты утомился… и ты спать хочешь… смотри, как у тебя глаза-то смыкаются!..

…Но вот и вторая тетрадка моя кончилась; а мне остается еще порассказать многое из виденного и из слышанного!.. Я еще не доехал до туда, где мы с Авдотьей Ивановной думаем провести целое лето, а смотрико-сь сколько уж извел бумаги! Недаром же ведется поговорка, что лиха, мол, беда приняться писать – а там все пойдет как по маслу! И то сказать: мне-то писать самому любо, а любо ли будет тому, кто вздумается прочитывать мое маранье!.. Ведь я пишу без всяких хитростей, а что на ум взбрело, да что подсказала память, то я и кладу на бумагу.

[1] Имеется в виду Василий Алексеевич Перовский (1795–1857), бывший в 1833–1842 гг. оренбургским военным губернатором, а в 1851–1857 гг. – оренбургским и самарским генерал-губернатором.

Третья тетрадка

Спокойствие степи. – Степные укрепления. – Киргизские названия русских городов и поселений. – Ночь в степи. – Утренний намаз. – Кумыз. – Его пользительность. – Доение лошадей и овец. – Эбага. – Продажа стриженой шерсти. – Знание местностей в степи. – Названия урочищ и значение их. – Аул на походе. – Перекочевка. – Джигитляры. – Байгуши. – Ночной путь. – Прибытие в султанскую ставку.

Когда почтенный Барангул покончил свой рассказ, то барыня его поднялась со своего места, взяла мою хозяйку под руку и в сопровождении прочих женщин ушла с ней на покой, в свою кибитку. Фекла наша туда же было поплелась за ними, но такая сонная, что смешно было на нее смотреть. Во все время, пока Барангул говорил о своих похождениях, она спала, как убитая, и теперь ее еле-еле могли добудиться. Но парнишка наш не моргнул глазом, а все перебивал старика, да расспрашивал: как же, мол, это было? Или что, мол, это такое?

Я и Антоша остались в одной кибитке, рядом с Барангуловой кибиткой, в которой он один спал с самыми близкими своими прислужниками.

Мне спать по-дорожному – не приучаться стать, и потому я во всем, как был одет, так и лег на разостланную перину. И думал я: ночь, ветер дует; на дворе, т. е. на открытом воздухе, свежо – прозябну я ночью! Но когда я укрылся под матерчатое стеганное киргизское одеяло, толстое, словно немецкий матрац, мне стало так душно, что я долго не мог заснуть. Прочные плотные кошмы, закрывавшие всю кибитку, не пропускали ни ветру, ни ночной прохлады; одеяло было слишком жарко – вот я, без церемоний, и разоблачился и лег в постель, как все добрые люди ложатся.

И все-таки я долго не мог заснуть – все в голове бродили разные мысли…

И как тут, в самом деле, не даться диву, когда припомнишь, что еще за несколько дней назад я жил в своих хоромах, в богатом городе, в Саратове, а теперь, словно как дома, распоряжаюсь и сплю на открытой степи, да еще какой степи-то!

Киргизской степи! Той безбрежной пустыне, где, по рассказам, живут дикари, недавно еще разбойничавшие и безжалостно грабившие одинокого, безызвестного путника. Киргизы сто лет уже данники русские, и еще за пятнадцать лет назад вся степь была просто беда, а теперь тишь такая всюду, что вот я с хозяйкой катаюсь, будто около Саратова!

Ведь ничего не может же быть без причины? Какая же причина тому, что для киргизов настало такое благоденственное спокойствие и что хивинцы не смеют их тормошить, притеснять и принуждать к непокорству? Причина одна, главнейшая: это Хивинская экспедиция, которая доказала, что русское воинство ничем неудержно: ни снега, ни жары, ничто ему не помеха; что храбрость его и стойкость в деле для народов Средней Азии – баснословны, невероятны, заколдованы!

Вторая, тоже могущественная причина, вытекающая однако ж из предыдущей, главнейшей, причины причин – это постройка целых городов в степи… Приказано – сделано!

В степи сибирских киргизов давно заведены городки, крепости и оседлые поселения; для степи оренбургских киргизов это еще новая мысль, осуществившаяся только после окончания Хивинского похода. Эти так называемые укрепления еще немногочисленны, но так важны, что и сказать нельзя. Теперь уж заодно, к слову благо, кстати, прибавлю, как татары зовут иные русские места.

Бывшее Ново-Александровское укрепление, давно уже уничтоженное по безводию и совершенной бесплодности почвы, киргизы называют *Кызылташ*, Красный камень, потому что скалы, которыми окружено укрепление, были красноватого цвета.

Уральское укрепление называют они Иргиз-кала, потому что оно выстроено на реке Иргиз, не на том Иргизе, что течет в Самарской губернии, а на том, что далеко-далеко отсюда протекает в глубине Киргизской степи.

Оренбургское укрепление, выстроенное там же, на реке Тургай, зовется у них Тургай-кала.

Ведь ордынские народы всякому месту придают свои названия по особенным причинам, которые приковали к себе их внимание. Так, например: город Кокан – они прозвали так от

того, что в сущности это есть Ку-кянд, или слово в слово по-русски – Старое селенье.

Город Ташкент, по-ихнему Таш-кянд, или селение на камне, на скалах.

Город Яркент, или Яр-кянд, означает селенье на яру, на высоком берегу.

Реку Илек они прозвали так потому, что это слово, или по-настоящему Илак, означает место, полное кочевок.

Реку Урал они зовут Джайак, или Яйак, потому что это слово в слово значит «лето-река», т. е. отличные для летних кочевок места; это-то слово Джайак, а по-другому выговору Яйак, русские в старину и переделали в Яик. Однако надо и то заметить, что слово Урал значит по-русски «бери крепость»; а может быть, известный хребет гор назван Уралом потому, что слово ура у киргизов означает «навал».

Гурьев-городок зовут Уйчук-кала, потому что здесь в старые годы были казачьи учуги, которыми рыбе запирался ход из реки в море.

Кондауровский форпост, как только еще его выстроили в старинные годы, прозвали Янгы-кала, т. е. новый город, но потом это названье придавалось многим русским поселеньям, и теперь то же самое имя, вместе с Кондауровским, носят еще следующие форпосты уральцев: Сорочинский, Кармановский, Орловский и Лебяжий.

Редутский форпост называют Джирюй-кала; *джирюй* значит «землянка», и это имя киргизы дали селенью в давние годы, когда там не было еще ничего настроено, кроме одних землянок.

Крепость Сарайчиковскую зовут ее настоящим старинным именем Сарачик; Баксаевскую – Чуй-кала; Тополинскую – Тупали-кала; Кулагинскую – Андрей-кала, по имени прославившегося в старину набегами на киргизов уральского казака Андрея.

Гребенщиковский форпост киргизы переделали в Кырмчик, потому что не могут выговорить трудного имени и сладить с буквою *щ*.

Горская крепость, что у Индерских гор, называется ими Ак-кала, т. е. «белая крепость».

Харкинский форпост у них – Чапдырджаб-кала, а *чапдыр* – значит «игрений».

Красноярский форпост – Тумпак, а это по-нашему значит «тупой конец».

Калмыковскую крепость прозвали Кнез-кала, в память первого ее коменданта «князя» Уракова.

Кругловский форпост прозвали Кырк-арба, а это по-нашему слово в слово значит «сорок повозок». Это потому, что когда в давние годы стали строить эту крепость на реке Урал, то первые поселенцы приехали на сорока повозках.

Антоновский форпост киргизы зовут просто Антун.

Город Уральск они называют Така, или Такя, а это по-нашему – «баран»: здесь всегда был важный торг баранами.

Илецкий городок зовут Кыик-кала, сайгачий город, потому что в окрестностях его киргизы охотились за стадами сайгаков.

Илецкая Защита зовется Тузтюбя, слово в слово «сольхолм»; а ведь оно и в самом деле поразит хоть кого: кругом степь долгая, ровная, хоть шаром покати, и вдруг среди голой степи из земли выросла целая гора, словно сахарная голова, и стоит одна одинешенька, без соседок и отрогов, чего у гор вообще не бывает.

Орскую крепость зовут Яман-кала, т. е. «сердитая, злая крепость»… Верно, солдатики отсюда славно били неверных! Недаром ее прозвали злою! А впрочем, этим же именем зовутся и другие места; у уральцев, например, это название носят форпосты Яманхалинский, Зеленовский, Гребенщиковский, Котельный и Каленовский. Яманхалинский-то мы, должно быть, сами переделали из Яман-кала.

Город Верхнеуральск киргизы зовут Тал-кала, потому что он окружен был лесами; а татарское слово *тал* и по-русски тоже «тал» – таловое дерево, тальник.

Усть-Уйскую крепость проименовали Крык-буйдак – «сорок-холостых», или «сорок молодцов», еще с давних годов заставивших себя помнить за удаль, отвагу и молодечество.

Звериноголовскую крепость зовут Баглан, а *баглан* по-русски значит «связал».

Город Петропавловск называется Кызыл-джар, по-русски – «красный яр».

Может быть, спросят меня: к чему нам эти названия? Кроме причины, о которой уже прежде мною сказано, я имел в виду и то, что когда-нибудь, со временем, может попасть в чьи-нибудь руки какая-нибудь дельная татарская рукопись… Будут ее у нас переводить, но встретят вдруг неизвестные названия русских городов… и, пожалуй, скажут, что бы, мол, это такое значило?..

Я остановился на том, что мы улеглись спать и что я никак не мог заснуть. То было жарко мне, то разные мысли не давали мне покою и волновали дух мой воспоминаниями богатырских подвигов наших русских людей в Киргизской степи. Наконец, волнение мое как будто бы утишилось и я сам как бы угомонился, и только было стал забываться, как явились новые помехи моему сну.

Кругом было тихо, как на кладбище, но вдруг, почти под самым моим ухом, раздался плачь ребенка. Он так жалобно кричал, так стенал грустно, что я не мог придумать: как могло маленькое дитя так громко вопить на открытой степи? Значит, мол, он убежал из кибитки, тайком покинул материнскую грудь?.. Вдали послышался вой собак… Плачь ребенка как будто бы прекратился, но я внятно слышал, что он ворочался недалеко от меня и что нас обоих разделяет только кибиточная решетка. Вдруг плаксивый ребенок застонал так басисто и засопел так богатырски, что у меня просто руки опустились, и я не знал, что придумать для объяснения такой странности.

Я поспешил накинуть на себя кой-какую одежишку и вышел вон из кибитки.

На дворе стоял такой морок с легким туманом, что сразу трудно было оглянуть наш аул и вглядеться в самые близкие предметы.

Я обвел глазами по небу; оно сыпало на землю тихое мерцание ярких золотых, а уже не наших серебристых звезд. В одном уголку дали, там, где небо сливалось с землею, проведена была яркая красноватая, как бы огненная полоса, предвещавшая утреннюю зарю. В противуположной этому уголку части неба был совершенный мрак, и вся даль застилалась непроницаемым черным маревом.

Я отвел отсюда глаза снова к востоку и любовался на тонкое слияние всех цветов, игравших по высокому небу. Рядом с огненной полоской зари обширная область небес сияла веселящим глаза не то розовым, не то палевым светом, на который смотреть так отрадно, что, кажется, глаз бы не оторвал. Палевый свет сливался с серою далью; серый свет незаметно переходил в синеву, и над моей головой висела бездонная вышина самого густого фиолетового цвета, вся усеянная мириадами блестящих точек, которых дрожащее мерцание яснее и яснее давало чувствовать всю необъятность пространства, разделяющего их от нашей матери сырой земли, на которую они испокон века все глядят не наглядятся! Изредка разве то там, то сям выдастся звездочка; она вырвется из хоровода подруг, с которыми прежде разгуливала по чистому небу, и стремглав кинется в нашу сторону, она спустится к земле… не знаю, попадет ли на нее… и только блестящая полоса указывает глазу направление мгновенного полета беглянки… А вот и месяц на ущерб… Бедняжка, как он истощал теперь!.. Нет, теперь уже не скажешь, что это полная луна, широколицая красавица… Теперь она ни на что не похожа, а если и похожа на что-нибудь, так только разве на ломтик дыни, плавающий по небу на маленьких курчавеньких облачках, словно на резном, чеканенном блюде.

Я долго бы еще продолжал заглядываться, если бы новый резкий плач не заставил меня опомниться. Я обращаюсь в ту сторону; глаз мой привык уж к степному полусвету, он успел освоиться в самое короткое время с окружавшими меня предметами, и вот я огибаю всю кибитку… Я подхожу к чему-то, лежащему на голой земле и прислонившемуся к стене кибитки, и вижу перед собой только длинную-предлинную шею и глупую-преглупую морду… Чью же?.. Верблюда! Я хотел спугнуть его и отогнать подальше, но старый горбун даже и не приподнялся, но заплакал еще громче, еще пронзительнее, и кончил тем, что невежливо наплевал мне в глаза: верблюд только слюнями и выражает свое негодование.

Золотые звездочки начали помалу потухать; мрак рассеялся; заря занималась ярче и ярче, и вот уж показались легкие дымчатые облачка, окаймленные снизу самой яркой позолотой… Вот пахнуло свежим утренним ветерком; вот этот ветерок скрепчал и рванулся невидимым, но стремительным потоком по ровной полосе земли, расстилавшейся перед моими глазами… Вот задымились легкие клубы пыли и песку… Вот встрепенулись пташки, гомозившиеся в невысокой и жесткой траве… Вот они весело защебетали, защелкали узенькими, востренькими своими язычками, задробили россыпью, и дружным хором стали налаживать приветственную песенку веселому утру… Вот вся даль облилась лучезарным потоком яркого света. Аульные кибитки, уставленные прямыми рядами, стали виднее отделяться одна от другой… Вдали заслышалось ржание лошадей; в ответ на это замычали коровы, заблеяли овцы и верблюды, спавшие всю ночь стоя на ногах, а некоторые из них, от старости прикорнувшие подле кибиток и повалившиеся на землю, опять затеяли свое неумолчное стенанье, столь близко подходящее к воплю и плачу малых ребятишек. Погруженная в мертвенный сон степь начала пробуждаться.

В этой Киргизской степи, в которой мы теперь находимся, нет ни одной мечети; говорили мне однако ж, что начнут скоро строить одну в Раиме, по образцу мечетей прочих киргизских степей, внутренней и сибирской. Но муллы и озанчеи, вместо мечети, совершают свои обряды под открытым небом, а вместо манарта, или как в книжках пишут – минарета, служит ближайшая возвышенность, холмик или бугорок, занятой под кочевье местности.

Еще края солнышка не выглядывали из-под позолоченных краешков небосклона, как на пригорке, влево от нашей кибитки, появился киргиз. Проведя руками по лицу, он заткнул себе уши пальцами, и начал звонким и дребезжащим, немножко даже гнусливым голосом будить поклонников Мухаммеда и призывать их к первому намазу. Азанчи, приложивши к ушам большие пальцы рук, остальные вытянул во всю их длину.

В ответ на его резкое причитанье, во всех кибитках послышалось плесканье, звонкое капанье воды в тоненькие медные тазы и постукиванье в них узкогорлыми, но толстобрюхими чугунными кумганами: киргизы совершали свое омовение. Вскоре затем растворились дверцы кибиток; оттуда высыпали одни мужчины, рассеялись по степи разнообразными группами, и

обратившись лицом все в одну сторону, подостлали под себя коврики, поместились на них и стали приносить молитвы.

Мой хозяин не выходил из кибитки. Я вошел к нему и, осведомившись, что присутствие мое нисколько не стесняет его в совершении обычного обряда, стал к стороне и начал присматриваться, что будет делать наш дистаночный?

Барангул стоял обратившись лицом к юго-западу, т. е. по направлению к городу Мекке. На ковре, закрывавшем весь пол внутри кибитки, Барангул разостлал сперва узенькую и длинную аршина в два клеенку, на нее положил он точно такой же меры белую тонкую кошму, а поверх ее растянул такой же небольшой, но довольно богатый коврик.

Барангул поправил себе маленький тюбетей, потом старательно надел на него воронкообразный, так называемый киргизский *тюбетей*; на него он нахлобучил свой белый колпак, подтянул повыше узорчатый кушак, расправил бороду, принял строгий вид, зажмурил глаза и начал молиться.

Барангул молился вот как. Сначала сложил он обе ладони, краями вместе, приподнял их к груди, и продержав их несколько мгновений в таком положении, поднял еще выше к самому лбу, приложил очень близко к себе и, не касаясь до тела и кожи, провел ими по всему лицу и по бороде. Этот прием повторял он несколько раз. Потом встал он коленями на подготовленный коврик, опустился всем корпусом, сел себе на пятки ног и, держа ладони все в том же положении, начал говорить слова: Аллах Акебар! Потом он упал ниц; потом снова встал на ноги, опять поклонился в землю; опять уселся, стоя на коленях; потом снова встал и снова стал призывать имя Аллаха, сперва тихо и обыкновенным голосом, но потом постепенно возвышая голос.

Кончив свою молитву и проведя еще раз ладонями по лицу и по бороде, Барангул сделал последний поклон и начал собственноручно скатывать молитвенные коврики, и бережно положил их рядом с изголовьем своей постели.

Мухаммедане молятся и поодиночке, и по нескольку человек вряд, и разрозненными группами, но продолжительность молитвы зависит от произвола каждого: иной очень скоро кончает молитву, иной молится дольше.

Мухаммедане молятся пять раз в сутки и всякий раз приступают к этому не иначе, как старательно обмыв тело. Первый намаз совершается за несколько мгновений до восхода солнца: второй – немножечко до полудень, третий в среднее время между полуднем и закатом, четвертый – спустя десять минут или четверть часа после заката, а пятый и последний намаз они делают тогда, когда вечером заря совершенно потухнет. При намазах молельщики обращаются лицом «к месту», т. е. к Мекке, а у нас на Руси она для татар приходится где к западу, а где и к юго-западу.

Странное дело… Мухаммедане считают женский пол существами нечистыми и не допускают их к общим с мужчинами молениям. Моя Авдотья Ивановна признается мне, что у киргизов она ни разу не видела, чтоб киргизянки молились богу даже одни, не то что при мужчинах.

После утренней молитвы, когда солнышко начало уже мелькать, и когда оно совсем уже выкатилось наружу раскаленным шаром, все принялись за разные хозяйственные работы, но первым делом всех было позавтракать, и на этот счет большая часть киргизов довольствовалась кумызом.

В каждой почти кибитке самое видное место занимает пребольшущий турсук, в который сцежают доенное кобылье молоко и в котором оно имеет время перебродиться. Хозяйка подходит к нему и, схватившись руками за деревянный шест, высовывающийся изнутри турсука над его отверстием, из всех сил мешает им кумыз и взбалтывает его через поршень. Потом, середь пола ставится очень вместительная долбленная деревянная чаша, таз не таз, блюдо не блюдо, а так себе чашка, вот, примером, такая, в какой у нас рубят говядину да капусту; кумыз из турсука выливают сюда. В чашку эту, а не то и в ведерко, опускают черпачок, ковшичек этакой деревянный, точеный от руки и очень замысловато изогнутый. Кто хочет кумызу напиться, тот не подойдет просто к чашке: взял, зачерпнул да и напился! Нет, надо прежде приготовить, т. е. взять с определенного места фаянсовую или фарфоровую чашку, вроде полоскательной, но вместимостью стакана в два, в три, наполнить ее посредством черпака кумызом, потом отойти к сторонке,

усесться на корточки, а не то, пожалуй, и сесть просто, поджав под себя ноги, да уж потом и наслаждаться этой брагой.

Отличная штука кумыз! Он маленечко кисловат на вкус, этак, как бы сказать, солодковат и бьет в нос, словно шипучка или кислые щи, но все как будто бы сыростью отзывается. А ведь любопытно и то, что на дворе стоит теплынь, кумыз бережется в крытой кошмами кибитке, ледников и погребов у киргизов нет, а кумыз подают постоянно холодный, такой холодный, что жажду им можно утолить сразу.

Киргизы ведь не пьют холодной воды; они, можно сказать, живут одним кумызом, и масло, которое сбивается шестом в турсуке, когда кумыз мешают, собирается хозяйками, как особенное лакомство. Это они называют *май*, т. е. масло, а масло, сбитое из коровьих сливок, называется у них *сары-май* – желтое, дескать, или золотое масло.

Есть еще питье – *айрян*, ну то уж питье бедняков. Лошадьми-то семья бедна, пить-то что-нибудь надо же: вот надоят коровушку, сготовят *кислого молока*, или, по-книжному, простокваши, простоквашу-то эту и разболтают в воде, да тем и живут.

«Что ж, мол, они хлеба не сеют?» Это мне всегда напоминает одну историю. У нашего соседа, оченно богатого саратовца, есть бухгалтер Кузьма Фомич. Кузьме Фомичу в привычку его дело: оно его поит и кормит... Вот уж скоро сорок лет, как Кузьма Фомич сверяет разные чужие счеты да подводит итоги. Задумался раз Кузьма Фомич, вот по какому случаю: приятель его Антипов прочитал где-то в газетах, что какой-то Лаблаш[1] за свой голос получает в год по сту тысяч, и важно живет, припеваючи. Прибежал Антипов в Кузьме Фомичу:

– Кузьма Фомич, хочешь быть богатым?

– Еще бы!!!

– Сколько берешь у хозяина жалованья?

– Две тысячи!

– А хочешь сто тысяч в год?

– Что ты за вздор городишь?

– Да ну, говори: хочешь сто тысяч? В год сто тысяч?

[1] Лаблаш Луиджи (1794–1858) – знаменитый оперный певец. В 1852–1857 гг. выступал в России.

– Уж оченно бы не прочь!

– Поди на театр – пой, как Лаблаш… Его сто тысяч в году будут твоими.

– Да я петь не умею!

– Учись!

– Да мне голосу бог не дал!.. Мне бы и самому хотелось… Не то что сто тысяч получать, а суметь хоть какую ни на есть песенку самому про себя промурлыкать – ну, нет голосу, как тут ты ни натуживайся!

– Ну, так пляши, как Тальонова[1]… Ноги есть, слава богу! Выучись: тут только нужна добрая воля, да охота!..

Но ведь и киргизам надо учиться то же непривычному и несродному им делу. А впрочем нельзя упустить без внимания и того, что и между киргизами с давних времен множество находится земледельцев, но земледелием-то они занимаются по-своему, а не по-нашенски; особенно же хлебопашество их процветает по линии; но того умения и той хозяйственности, к которым мы у себя присмотрелись, у киргизов еще нет: для них это, видно, больно рано!

Правду сказать, я на своем веку мало читал, а не пропустил ничего, что писал наш Казак Луганский[2]… Мне сейчас на память пришло то, что он сам о кумызе рассказывал.

«Привыкнув раз к кумызу, поневоле предпочитаешь его всем без исключения другим напиткам, особенно в жаркое время. Он охлаждает, утоляет временно и жажду и голод и придает особенную бодрость. Но его нельзя пить рюмочками, отведывать щипком, а должно во время жажды выпить вдруг порядочную чашку. Успокаивая голод, кумыз не утоляет его окончательно: при нем можно есть много, но и можно обойтись почти без пищи. Особенное свойство кумыза, которое объяснить нелегко, но за которое я могу поручиться, состоит в том, что он никогда не переполняет, не обременяет желудка: его можно пить сколько угодно и во всякое время, не чувствуя отягощения. Если бы после порядочной проездки или проходки выпить вполовину

[1] Тальони Мария (1804–1884) – знаменитая итальянская балерина, бывала с гастролями в Санкт-Петербурге.

[2] Казак Луганский – псевдоним писателя и лексикографа В. И. Даля (1800–1872), составителя «Толкового словаря живого великорусского языка».

столько воды или квасу, то отяжелел бы и лег бы на месте; от кумызу, напротив, бодреешь и освежаешься. От двадцати стаканов кумыза совсем нет последствий, какие естественны после выпивки двадцати стаканов чаю. Хмельное свойство кумыза весьма незначительно, иногда и вовсе не заметно, во всяком случае кратковременно в действии своем и не оставляет никаких неприятных ощущений. Напиться допьяна кумызом нельзя; быть навеселе от него иногда можно, особенно от осеннего кумыза, который бывает пьянее. Легкая веселость, красное лицо, а затем спокойный сон – этим все оканчивается. Головной боли не бывает. Кумыз можно пить в невероятно огромном количестве, до ведра в день и более, не чувствуя никакого отягощения и не опасаясь никаких последствий. Последовательное действие кумыза обнаруживается через неделю и ранее: оно состоит в сытном, здоровом и легком питании целого тела. Чувствуешь себя бодрым, здоровым, дышишь свободно, лицо принимает хороший цвет. Исхудавшие за зиму скулистые лица кочевых народов до того изменяются и тучнеют в первые недели весны, что вы не узнаете своих знакомых. Я сомневаюсь, можно ли придумать какую-нибудь другую пищу, которая бы в этом отношений заменила кумыз и так успешно соответствовала бы долговременному посту и изнурению человека в течение зимних месяцев».

Для нас наш хозяин велел поставить самовар, с которым зажиточные киргизы давно уже познакомились, и мы все, полной семьей, достодолжным образом накушались пресловутой китайской травки, которую киргизы покупают от нашей братии, русских торговцев.

Пока делались приготовления около самовара, я снова прошелся по аулу, посмотреть, что поделывает народ и каким образом он проводит свое время около хозяйства.

Мужчины, позавтракав, чем бог послал, сели на коней и умчались в табун, который бродил и пасся вблизи отсюда в ложбинке, примыкавшей к речке. Женщины занимались доением.

Вот стоит видная и весьма красивая кобылица. У ней на шее накинута петля, другой конец аркана, из которого петля завязана, накинут на молоденького жеребчика; а посередине, на

том же аркане, прилажена длинная жердь, одним концом касающаяся до земли: это затем, чтобы жеребчик не мешал матери, когда ее будут доить.

Тучная киргизянка, в высоких мужицких сапогах, в синей долгой рубахе, подол которой, приподнятый с одной стороны и заткнутый за кушак, обнаруживал пестрые ситцевые шаровары, подошла к лошадке с левой стороны, стала тут на колени, поставила наземь принесенный ею горшочек и ведерко, сшитые из кобыльей кожи, и пропустив одну руку к вымени через левую заднюю ногу кобылицы, а другую протянув прямо, начала совершать свое занятие. Лошадка стояла смирно и во все время глаз не спускала со своего детеныша, который стоял прямо насупротив ее, морда к морде, аршинах в четырех от матери. Когда дело покончено было с одною лошадью, баба снимала с нее петлю, набрасывала на другую лошадь: ту пускала гулять, а другую подводила к хозяйке для доения.

А вот тут мать с дочерью хлопотали около полусотни овечек. Они расставлены были в два ряда, головы с головами. Старая киргизянка принялась доить овец одного ряда, и начала с правой стороны, а молодая девушка помогала матери, исполняя ту же работу, но принявшись за овец другого ряда и с противоположного конца.

Вот еще женщина сидит у самой кибитки. Она взвалила себе на колени целого барана и бережно состригала с него все руно, которым баран оброс. Этот нечищеный овечий пух, в целых рунах, с грубою и жесткою волосистою шерстью, называется *эбага*, или *ябага*, и употребляется на теплую обувь, на подстежку халатов и одеял и на разную потребу.

– Прежде, бачка, наш брат киргиз совсем дурак был! – сказал мне старый киргиз, вместе со мною вышедший из кибитки дистаночного начальника.

– Что, мол, так? – спросил я его.

– Да как же, сударь: ябага – хорошее дело, а прежде наш казак бросал ябагу!

– Не шла в дело прежде?

– Не шол, сударь!

– И продажи не было?

– Продажа был, сударь: теперь продажа нет.

– А куда продажа была?

– Прежде купся купал ябага, в Москва слал… двадцать лет давно!

– А хорошо купцы платили?

– Рубль сорок, три полтин медных пуд, сударь! А и ешо прежде казак совсем своя ума кончал!

– Кто же это так?

– Казак сама прежде диньга давал мужика; пожалюста, бачка, снимай с баран ябага, я тиби деньга давал.

– Как? Неужели вы сами прежде деньги платили, чтоб барана остричь?

– Платил, сударь, платил: и диньга, и ябага давал… Всю, сударь, давал мужику, чтоб барану легко было… Два грош давал с барана, а время будет – пятак давал… Двадцать лет давно была!

Но это мой приятель говорил про шерсть весенней стрижки. А то бывает еще осенняя стрижка, именно в августе месяце. За этой шерстью нарочно приезжали в степь крестьяне из Симбирской губернии; они скупали здесь почти всю шерсть и за двадцать лет назад платили по 4 руб. ассигнациями за пуд. Из этой шерсти делаются крестьянские поярковые шляпы. Шерсть эту скупают и башкирцы, и валяют из нее кошмы. Иногда крестьяне берутся осенью стричь выменянных купцами киргизских баранов, и платили бывало рублей по сорок ассигнациями за тысячу, т. е. по 4 коп. ассигнациями за барана, с тем, чтоб шерсть оставалась в их пользу.

Рассчитывают, что на одну киргизскую кошму, длинною сажен до трех, а шириною с небольшим два с половиною аршина, пойдет шерсти осенней стрижки с двадцати пяти или с тридцати холощеных баранов, или с такого же числа несуягных овец или с шестидесяти суягных овец. В такой кошме весу бывает до полутора пуда.

Обойдя весь аул и напившись чаю, я стал справляться в путь. У дистаночного начальника нашлась привычная к упряжи тройка, он предложил ее нам, и теперь мы без верховых наездников поплелись путем-дорогой.

Путем-дорогой!.. Уж хороша же наша путь-дорога!.. Ни следов колеса, ни прогалинки от верблюжьего следа! Как есть,

примером, степь, пустая степь, ино место густо поросшее травой, а ино место песчанистое, так ее мы напрямик и перерезывали. В песке колеса вязли, по траве – они тяжело скользили и вот мы переносились от места и до места.

Мне никак невдомек было: каким это манером мы держались того пути, по которому действительно следовало нам ехать? Ни столба, ни колеи, ни лесочка – нигде не было вовсе, а наш вожак-киргиз не сбился ни на волосок. Правда, что станции, т. е. аулы, где мы переменяли лошадей, были недлинны, а так верст в восемь или в шесть, не то в десять… Были переезды, временем, даже версты в четыре, да ведь все же и на десятке верст можно сто раз на степи заблудиться. Ну, вот пусти меня одного – право, собьюсь с пути с первого же раза!

Уж гораздо позже смекнул я этим делом. Как в наших городах есть кварталы, улицы, переулки – так точно и Киргизская степь разделена на своего рода кварталы, улицы и переулки. Разница в том, что улицы в степи не обстроены домами и на уголках домов не прибиты дощечки с надписью названия места.

А вот как в степи с местом опознаются. Киргизу, по закону, надо молится к «месту»: вот народ с малых лет приучается опознавать эту сторону по разным приметам и в разную пору дня. Знает он восточную сторону, и по ней узнает он разные страны и по солнышку, и по звездам, и по тени, и по направлению холмов, и по течению знакомой речки; узнает ину пору и по ветру, но это только тогда, когда киргиз будет знать, что в такое-то дескать время года ветер тут-то дует всегда в такую-то сторону.

Земля в степи не ровная, как стол, а изрыта и оврагами, и холмами: вот овраги-то да холмы и служат указателями пути. Уж киргиз так привычные холмы и ложбинки знает, как я, примером, знаю комнаты у себя в дому в Саратове. Я в темную ночь, без огня, отворю любой ящик у себя в комоде, либо прямехонько и не ощупью дойду до кровати; или извозчик, в непогодье, без хлопот вывезет меня, примерно, с Арбата да на Вшивую Горку: так и киргиз; он знакомыми переходами и ведет нас с одного известного ему места на другое, тоже известное место. Уж, разумеется, в незнакомое место сам собой он при-

ставить не может. Например, сижу я на урочище Джаничке и говорю киргизу: веди меня на Ямансу! А киргиз этот никогда на Ямансу не был: где ж ему вывести меня на это место без расспросов бывалых людей? Надо ему растолковать дело толком, так чтобы он понял хорошенько, да потом уж и требовать от него исполнения.

Вот я, сидя на Джаничке, шлю, примерно сказать, гонца к приятелю, который сидит на Ямансу; ну, я и толкую киргизу: видишь, около наших кибиток течет ручеек – это Джаничке. Ты по этому ручейку ступай все вниз, да вниз, и выйдешь ты на Илек-реку; тут ты возьми между севером и востоком, и все поднимайся по Илеку, дальше, да дальше. Как ты поедешь по Илеку, то впереди, маленечко влево, увидишь возвышенность Кара-Тугай: а ты все иди по реке вверх, и с реки не сворачивай. Придешь ты, наконец, так, что поравняешься с Кара-Тугаем и он прямехонько будет у тебя с левого бока: то маленечко как еще проедешь вперед, так миновав Кара-Тугай, заметишь, что выпала речка – это и есть Ямансу. По ней поднимешься правым берегом, проедешь овраг, увидишь песчаное местечко, выезжай через него на ближний холм, и с холма перед тобой откроется, маленько вправо, могила: ну вот за могилой-то и живет Асат, куда я тебя шлю. Таким манером и небывалый поймет верно и не собьется с дороги.

Но не о всяком месте можно так толково рассказать человеку небывалому, особенно если путь долог: на названия мест тоже нельзя положиться; в степи есть много урочищ, у которых одинакие названия.

Кстати, о названиях. Если к какому-нибудь имени урочища прибавляется слово *дарья*, то это означает большую реку; например, Сырдарья, Амударья. Если прибавляется слово *су* – вода, это означает речку небольшую, например: Аксу – белая речка, Карасу – черная речка, Джамансу – злая речка, Джаксысу – хорошая речка; слово *ащи* – означает солоноватость: Ащису – соленая речка, Ащикуль – соленое озеро. Вообще слово *куль* означает небольшое озеро, например: Давлюткуль – Давлютово озеро; а очень большое озеро называется *тенгиз* – море, например: Арал-тенгиз – Аральское море. Если прибавляется слово *сор*, то оно означает местность болотистую и

грязи, топкое место, например: Узденьсор, Аралсор, Тентяксор; слово *кум* указывает на сыпучие пески, например: Иргизкум – сыпучие пески по реке Иргизу. Слово *тюбя* указывает на каменистую возвышенность, слово *кудук* – на колодцы, слово *тау* – на гористую местность, а слово *сай* – на овраги. И много есть подобных этому слов, по ним сейчас догадаешься о свойстве местности или об ее виде.

С помощью этого знания, да привычки, да сноровки, киргиз редко когда заблудится в степи: для него все служит указателем пути.

Таким образом и мы спокойно переезжали от станка до станка, словно на почтовых: в одном только месте, за неимением лошадей, в наш тарантас впрягли верблюда; да хорошо, что перегон был коротенький, так особенной задержки нам ни в чем испытывать не приходилось.

Но вот я говорю про переезды – а сам куда как медленно веду свои записки! Вот уж у меня и третья тетрадка под исход подходит, а все я по дороге кидаюсь из стороны в сторону… Не стали бы меня за это бранить! Не разгневать бы мне моего читателя…

И так мы ехали опять-таки не торною дорогой, а прямой степью. По временам встречали мы божьих пташек, вылетавших из-под травы да из-за кусточков, следом за маткой, которая приучала их расправлять молодые крылышки; заслушивались над пением жаворонков, которыми, сколько я мог заприметить, степь киргизов небедна; любовались порханию мотыльков, густыми роями искрившихся в воздухе. По временам встречали и небольшие аулы, а один раз, в этот же день, завидели вдали целый аул на походной ноге: видно, переходил он на новое место кочевки.

Мы и не догадались бы об этом, да, спасибо, вожак наш надоумил нас взглянуть в левую сторону от пути и заприметить то, чего без него нам, может статься, и не удалось бы заприметить.

Этак, примерно, в версте от нас показались огромные облака пыли, рыжею тучею расстилавшиеся над степью. Мы стали вглядываться в нее и, наконец, всмотрелись, что внизу этой тучи копошилось что-то живое, длинное и многоголовое. Нам

казалось, что мы видим целые тысячи маленьких созданий, плотною массой и дружной семьей взрывавших высохшую от жаров землю. Это было стадо баранов, кругом которых носились верховые погонщики, словно птицы, бросавшиеся из конца в конец длинного и густого стада. Ретивые кони, на которых они гарцевали, рисовались на вершинке холмов резкими силуэтами. Разметав хвосты и распустив гривы, они весело мчались, нося на себе удалых киргизов, наблюдавших за следованием баранов.

Мы кинули взгляд дальше, и глаза наши всмотрелись в новое, далекое облако пыли, которое мерно и прямо неслось как бы на нас; в тишине знойного полудня до нас долетал дробный и глухой топот огромного табуна, сопровождаемого новыми дозорщиками, кружившими около игривых лошадок. Табун несся на нас как грозное облако, и топот его страшно гудел, словно ураган какой.

Мы проехали еще с версту и спустились в ложбинку; супротив нас, по окраинам ближних холмов, длинною цепью растянулись вьючные верблюды. Их долгие шеи, с глупо надменными продолговатыми мордами, бессмысленно поворачивались из стороны в сторону, как бы гордясь мохнатыми хохолками, которые одни уцелели от вылезшей на лето шерсти. Тощие, маленькие хвостики каждого из них были веревочками привязаны к поводкам заднего товарища, и таким соединением караван образовывал далеко растянутую линию этих смирных и кротких животных. Горбатые туловища их были грузно отягчены разным скарбом киргизской домовитости: по бокам висели сундуки; над ними краснелись длинные, вместе друг с другом перевязанные кибиточные шесты; на самом верху вьюков красовались или кибиточные *чанграки*, т. е. верхние обручи киргизского жилья, или увесистые котлы. На некоторых верблюдах, на которых навалено было меньше клади, восседали между горбами, словно на самых модных креслах, киргизские дамы, женщины и бабы. За ними повешены были разные коробья, корзинки и плетушки, и из них высовывались курчавые головки мальчуганов или растрепанные личики девчоночек.

Верблюды тянутся гуськом, один за другим. А вот по бокам каравана стройно едут на конях мужчины, мужья и братья –

все взрослый народ. Они едут или отдельными группами, попарно и по трое в ряд; а вот целая колонна всадников, едущих в три ряда, человек по десяти или больше в каждом, замыкает все шествие; это, должно быть, аульные богачи с ближайшими своими родственниками и прислугой.

Вот два молодых парня отделились от других и понеслись вдоль по степи. Они перегоняют друг друга и выделывают разные фокус-покусы долгими своими копьями; то бросают их к верху, то протягивают вперед, словно нападение какое учиняют, то, взявшись за середку, вертят ими около руки. А лошади не боятся этих палок и по-прежнему гордо опережают друг друга. Но вот вдали зачернела черная точка. Она растет-растет, облекается в знакомые формы и принимает знакомый вид киргизского батыря, в красном суконном клеопора, или летнем малахае. Конь у этого батыря черен, как ворон, и летуч, как сокол; уздечка на нем наборная, и все принадлежности его убранства, седло, пахвы и наличники блестят серебряными привесками и крупными сердоликами. Батырь стал обгонять двух первых молодцов, и то крутил своим копьем, то кидал его к верху и ловил на лету, то спускался с седла одной ногой, повисал на другом стремени, и обхватывал рукой шею своего воронка. Холмы скоро скрыли от нас наездников, и мы не видали, чем окончилась эта потеха джигитляров.

По временам видали мы и более мирные картины. Вот встретился нам киргиз-байгуш, в теплом, не обшитом ни сукном, ни чем, малахае. Черные руки его были оголены из-под засученных по локоть рукавов старенького халатишка, который весь запрятан в широкие козлиные шаровары. Он шел медленно и хворостинкой погонял бычка да коровушку. Жена его, с заткнутым за пояс подолом толстого кульмяка, храбро шагала одетыми в холщевые шаровары ногами и важно постукивала толстыми и просившими каши сапогами. Она прутиком постегивала бородатую козу и бережно охраняла трех паршивых овечек. Сынишка, мальчишка лет семи, с всклоченными черными как смоль волосами и с бронзовым, как медный грош, телом, весело попрыгивал на козьих худеньких ножках и заигрывал с бесхвостой собачонкой, зорко между тем следившей за правильным ходом хозяйского стада. Верблюда тут не было, ки-

битки тоже, а все добро байгуша было тут налицо: кормиться есть чем, густые сливки, жирное масло, вкусный сыр – да мало ли сколько блюд наготовить можно! А пристанище байгушам всегда верное, у зажиточных людей аула, а не поленится – так пойдет на линию в работники к уральскому казаку, а уральские казаки лет полтораста с лишком существуют только тем, что всю прислугу себе во всевозможные работы нанимают из киргизов. Они и сено косят, и землю пашут, и двор стерегут, и за скотом ходят – всюду поспевают; а надо отдать справедливость: киргиз здоров на работу, неленостен и силен и проверен так, что один, наверное, за троих служит.

Кто знает нашу мать Святую Русь, тот знает, сколько добра делает наше поместное дворянство и купечество. Гляньтетко, сколько у помещиков круглый год живет приживальщиков: всех ведь он их кормит и в глаз не корит никогда хлебом да солью, да еще рад радехонек, что может призреть бедных людей. Ну и к соседям сколько добра шлет: тому крупки, тому мучки, тому десяток бревен на избу – всех бедняков товарищей своего уезда оделяет чем только в силах. Ну а купечество-то? Ни в чем тоже не уступает благородному дворянству и дорожит на каждом шагу поддержать значение русского человека, недаром же славящегося добротой и милосердием. Впрочем, мне, купцу, не говорить же о своем брате; всяк умный человек знает, чем и как помогает ближнему, и прямо, и косвенно каждый добрый сын Отечества.

Это я только так говорю, к слову, именно к тому, что эту же добродетель, любовь к ближнему, участие к бедному семьянину, помощь находящемуся в нужде человеку, я, несомненно, признаю и в киргизах. Богачи киргизские и кибиточные деньги за своих бедняков платят, исправляют их разные нужды, и никакой странник не отойдет от их порога с упреком за негостеприимство.

Нет, уж верно, человек Русского царства устроен иначе, чем человек заморских государств. Поди-тко там бедный человек сунься к богатому! Поможет он! Как же!.. Картошки – и той пожалеет для незнакомого, судьба которого заслуживает сострадания!.. Да что за помощь знакомому, когда иной раз и

о родном не вспомнит! У нас, слава богу, не слыхивать такого безбожного себялюбия.

Но вот наступает вечер, а нам еще не близко до конца предпринятого пути. Еще верст сорок, еще миновать надо три аула, где непременно придется по целому часу ждать, пока сонные и сытые хозяева изловят для нас лошадей в табуне.

Мы упросили одного богатого старшину, у которого остановились на привале, помочь нам добраться сегодня до султана, о котором мы на пути еще узнали, что завтра, много послезавтра, он отправится в степь обозревать все порученные его управлению дистанции. Вряд ли бы мне самому удалось уговорить почтенного старшину исполнить мою просьбу, чему действительно мешала дальность расстояния и нежелание хозяина мучить своих лошадей для незваного гостя, тогда как и по совести он много для меня делал, снабжая лошадьми до ближайшего аула.

Но мне во всем помогла моя хозяйка. Она затараторила с двумя женами старшины, вызнала по разным приемам, которая из них имеет над мужем большую власть, попотчевала ее содовыми порошками, которые той очень полюбились, подарила их ей и подруге ее по парочке, да кроме того, в придачу, старшей киргизянке поднесла плитку шоколаду, которого та, я чай, отродясь и в глаза не видывала. Старшинская жена разнежничалась, расцеловалась с моей Авдотьей Ивановной, начала упрашивать мужа насчет лошадей, и настояла-таки на том, что нам выбрали и славных лошадок, и важного вожака.

Мы выехали из аула при громком, самом оглушительном лае целой стаи собак.

Вечерело. Скоро солнышко совсем закатилось. Запад облился ослепительным заревом вечерней зари; из щелей побагровевших облаков прорезались длинные лучи, раскинувшиеся по всему небу целым полукругом. Они стали бледнеть и малопомалу сокращаться. Багровые облака помаленьку утихали и чернели. Золотистые краешки их тоже подернулись мглой – и все стемнело. На небе ни одной звездочки. Темень настала страшная: зги стало не видно.

– Вожак!

– Ай?!

– Где дорога?
– Везде!
– Ты видишь что-нибудь?
– Вижу!
– А что, например?
– Вижу тучи, вижу холмы, которые сливаются с тучами.
– Да ты куда путь держишь?
– В ставку к султану.
– Да я дороги не вижу торной.
– И не увидишь: торной дороги здесь нет.
– Да ты как же идешь?
– Ощупью, на память!

И долго мы перекидывались с ним беглыми словами. Мы ехали таким манером часа два, и меня крайне дивила сметливость киргиза, в глухую темную ночь не боявшегося сбиться с принятого направления; это было для меня непостижимо; я, признаюсь, был даже недоверчив к этому искусству и маленечко как будто притрухивал, боясь, не завез бы меня вожак в недоброе место.

Вдруг по степи раздался непонятный гул где-то вдалеке; он час от часу, с минуты на минуту делался все слышнее и слышнее, он как будто бы катился к нам, и скоро все кругом нас загудело непонятными звуками. Рванулся ветерок, всех нас обдало холодом, полу откинутый зонтик нашего тарантаса опрокинуло совсем назад. Степь кругом завыла, и буйные ветры зашумели на просторе, так что моя хозяйка обмерла от страха, а у Феклы волосы стали дыбом. Мы ждали большой и сильной грозы, но бог пронес тучу, ураган через несколько минут утих совершенно, и все страхи наши кончились дождем, который мелкими премаленькими каплями дробился в воздухе и лился на нас во всю ночь.

– Вожак!
– Ай?!
– Что дорога?!
– Хорошая!
– Ты видишь что-нибудь?
– Вижу!
– А что, например?

– Вижу тучи, вижу холмы, которые сливаются с тучами.
– Да ты куда путь держишь?
– В ставку к султану.
– Да когда-то мы до нее доберемся!
– Теперь скоро!
– Уж не стать ли здесь на ночлег?
– Погоди маленько… Видишь гривку? Холм?
– Ну!
– Переедем – станем.

Гривка была у нас, казалось, перед самым носом. Она грозно чернелась и резко отпечатывала свою вершинку на черном небе. Мы до нее добрались не раньше, как через полчаса; но вот мы взъехали на самый верх, спустились – и вдруг неожиданно услышали переклички часовых уральцев.

– Слушай!!!

Громко разносились эти крики в тишине ночи, прерываемой только этими звуками.

Но вот раздался оклик: «Кто идет?» и сторожевой казак, поддерживая одной рукой винтовку, другою остановил коренного в нашей тройке коня. В стороне мелькнули огоньки, елеле видневшиеся сквозь приподнятые кой-где кошмы кибиток. Мы приехали в ставку.

Библиотека для чтения. Журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. 1852. Т. 114. Ч. 2. С. 123–144; Т. 115. Ч. 1. С. 1–44.

Записки купца Жаркова. 1854 г.

Статья первая

Вот вы, государь мой, изволите мне пенять, что я ни на одно ваше письмо ответа не доставляю, да и тетрадки своих Записок перестал к вам посылать. И в том, буде соизволите хорошенько разобрать дело, провинности моей вовсе оказаться не может; та токмо печаль меня берет, что вы обо всем том в неизвестности пребывали.

Теперь дело очень хорошо все раскрылось и я заверительно вам доложить могу, как оно все происходило.

Три свои тетрадочки отослал я к вам в Петербург в июле месяце позапрошлого года, при письме, в котором обозначил, что я, хоша и саратовский купец, а временное местожительство мое имеется в городке Раненбурге, Рязанской губернии: мы сюда с Авдотьей Ивановной к старику-тестю погостить приехали – давно не видались, да и делишки у нас кое-какие с ним торговые завязались. Покончили мы дела эти, государь мой, осенью, да по первозимке и воротились опять к себе, в Саратов. Вы между тем изволили слать ко мне письмо за письмом, сперва в Раненбург, а потом и в Саратов, да в Саратов то вы уже гораздо поздно писать вздумали: мне опять довелось уезжать, и уезжал я далеко. А батюшки, где я не был! И по синему-то морю плавал по Хвалынскому, и в Сальянах поперебывал, и около эриванской горы Арарата сподобил Господь прогуляться, и где-то где не довелось мне помыкаться! Вдруг получаю я разом все наши письма и узнаю о непременном намерении вашем печатать продолжение моих грешных пересказов о том, как я

ездил к карсакам, да в иные прочие земли. Покорнейше благодарим на вашей ласке, низко кланяемся за приветливые речи и постараемся по силе по мочи исполнить ваше желание. Да только вы, батюшка, больно скоро хотели моего описания: никак я не в силах был раньше теперешнего изготовить своих рассказов: то дела были свои торговые, то на ярмарках, задержка, то охоты с чернилами пачкаться не являлось, то вдруг хозяйка моя, Христос ее знает! с чего захворала… Такое горе! Уж до описания ли мне в эту пору было!

Так вот, вы, государь мой, и посудите: много ли я тут в ответе? Все это разъяснить почел я за нужное, чтоб вы не подумали, будто я ни в грош не ставлю такие ласковые речи, которыми вы меня, так сказать, осчастливили. Я, сказать вам по истине, никак и ожидать не смел, чтоб мое чернильное пачканье так могло завлечь ваше любопытство. Если вам того желательно – со всяким нашим удовольствием продолжать буду я свое описание; только уж вы, государь мой, не взыщите: книжным хитростям я мало изучен, а пишу как умею: что на ум взбредет, да как в голове сложится, так и буду класть на бумагу; наше дело купецкое, торговое, так уж на меня старики косятся, что моя фамилия, точно на позорище, выставлена у вас в «Библиотеке»: «Вишь, – говорят, – Яков-то, Яков-то! Куда лезет!». А куда я лезу? Уж будто в том и Бог знает какая беда, что я, для своей же сердечной потехи потолковать с добрыми людьми хочу.

Старые мои тетрадки пусть будут особ-статья: посылаю вам теперь целую книжищу; она, пожалуй, и может иметь связь с первыми тремя тетрадками, да уж все-таки пусть все прежнее будет само по себе, а новая моя посылка тоже сама по себе.

Прежде я говорил, как выехал я с хозяйкой из Саратова, как ехал немецкими колониями, как гостил в Уральске, как ехал по Киргизии, как случайно сошелся я с Барангулом-батырем, как мне Барангул рассказывал про свои похождения и как я приехал в султанскую ставку. Ну, и вышло дело конченное, решенное. А теперь, благословясь, примемся рассказывать, как мы с Авдотьей Ивановной жили у карсаков, как с ними вместе кочевали, куда от них мы попали, как очутились на Каспийском море, что повидали в Астрахани, что нашли в Шамаханской земле, чему дивились на горе Арарат, и как, после всего этого,

домой в Саратов воротились. Скоро сказка сказывается, да не скоро делается – зато уж вам теперь на меня пенять не придется!

I

Киргизы

Что значит попасть в тон? – Тон и лад. – Лады у русских с киргизами. – Привычки киргизов. – Родина и отечество. – Веротерпимость русских. – Общие законы.

Что мне теперь пришло в голову!.. Взбредет же, поди, на мысль такой пустяк, что он и пустяк, и точно пустяк, а никак его от себя не вытеребишь – ну, не дает покою, да и только.

Эт-то наехали к нам, в Саратов, разные актеры; вот нынешней зимой и играли они у нас разные комедии и шуточки разные. Целый город смотреть ходит; пошли и мы с Авдотьей Ивановной. Вот хорошо-с; сели, сидим. Начинается представление: отличная вещь – все так и помирают со смеху! И я тоже хохочу. Только вот, государь мой, стало мне вдруг что-то неловко. Что ж это такое? Никак понять не могу. Вот я и давай замечать за собой: что такое здесь мне не поутру приходится? И заметил я, что мне все ничего-ничего, а как доведется, что выйдут на сцену два актера, которые тут каких-то двух господ представляют, мне что-то и становится неловко, что-то как будто в ухе не то зазвенит, не то зашумит, а этак что-то странно. А именно неприятно уху: не то чтоб глазу было что-нибудь противно, или там какие-нибудь речи шли неподобные. Нет, сам раскусить хорошенько не могу, а чувствую, что уху неловко.

– Авдотья Ивановна! – шепнул я, тихонько толкнув свою хозяйку локотком.

– Чего изволите, Яков Прохорыч? – спросила она, не отрывая глаз с актерок.

– Слышишь, как эти два господина говорят!

– Как же, мол, слышу! – отвечает Авдотья Ивановна.

– А как тебе нравится, что они говорят?

– Речи то их, Яков Прохорыч, нешто, словно взаправду говорят дело, да что-то скрипуче оно в ушах раздается.

– Вот и мне-то тоже что-то в ушах неловко… А как другие говорят: тебе ничего, Авдотья Ивановна?

– Другие говорят – ничего, Яков Прохорыч!

– Отчего ж бы, мол, это было, как ты полагаешь?

– Ну, уж это вы как сами знаете, Яков Прохорыч, так и рассуждайте.

Кончилась одна комедия; опустили занавес; в ожидании другой пьесы все встали и стали заниматься разговорами. Сзади меня двое господ тоже завели разговор. Один и говорит:

– Славно играют Попов да Семенов; и талант есть, и хорошо произносят.

– Да, правда, правда, – говорит его товарищ. – Попов и Семенов точно недурны: они хорошо произносят, только читать не умеют…

– Как это так? – спрашивает первый.

– У Попова в голосе нот мало!

– Как это нот мало? Зачем же ему ноты?

– Да разве вы не слышите? Он в тон попасть не умеет.

Что значит «в тон попасть!» стал я это замечать над собой да над Авдотьей Ивановной и старался прислушиваться: какой тон в наших с нею речах? И нашел, что мы говорим согласно. Если я ее спрошу одним голосом:

– А что, мол, Авдотья Ивановна, не напиться ли нам теперь чайку?

Авдотья Ивановна непременно ответит мне тем же самым напевом, хоть и не тем же густым голосом, каким я говорю, и какого у ней, как у женщины, и быть не может: но она скажет своим тихеньким горлышком точь в точь под тот же склад, как и я спросил:

– А как знаете, Яков Прохорыч, можно и сейчас самоварчик велеть поставить!

Признаться, до сего времени я знал только, что один и тот же тон тогда только бывает нужен, когда играют на разных инструментах или поют хором; теперь вижу, что и в простом разговоре очень важно в тон попасть. А теперь подумаю, так тон и везде нужен: если он важен в словах, то кольми паче необходим он в поступках и деяниях, в привязанностях и в привычках! Как посмотрю я на самого себя да на свою Авдотью Ивановну,

с которой вот уже десяток годов прожили мы благополучно – так и благодарю моего создателя – господа, что мы в самых тайных помыслах друг дружке угодили попасть в тон, в лад; от того и выходит, что мы с ней живем в ладу – нам с ней и ладно!

Ну, вот теперь мне надо попасть в тон, в лад тем, кто соблагоизволит читать мое писанье, а это премудреная штука, как я посужу, потому что должен я рассказывать о киргизах, которых я сам видел, и рассказывать о них тем, кто их, может статься, от роду не видывал. Надо мне, стало быть, так говорить, чтоб те, кто мое писанье читать станет, во всем бы меня поняли, и поняли бы, стало быть, и карсаков. А к привычкам карсаков я присмотрелся: они мне сначала куда как не в тон подошли!.. Ну, да вот вы сами посудите.

Вот я, например, – русский человек; живу на Волге-матушке и куда как люблю выпить утром, ото сна восставши, да за обедом, да на сон грядущий – люблю, говорю, выпить здоровенький ковшичек вкусной для меня волжской водицы – и никак не могу понять, чтоб нашлись люди, которые бы не находили вкуса в свежей, прохладительной речной воде. Представьте же вы теперь себе, что карсаки наши вовсе холодной воды никогда не пьют! Уж это, значит, прямо наперекор целому свету идут.

Другое дело: у нас, например, как-то и в голову не придет мысль, чтоб могли существовать такие народы, которые живут без хлеба и без хлебопашества. Помню, бывало, я как маленький был, то все за обедом отлынивал от хлеба, и селянку ли, али там жареное какое, либо борщ, либо что другое, ел без хлеба. Уж на что маленький ребенок, а и тут меня родитель покойный за вихры драл знатно, приручая к хлебу, который законом нам дан на пищу, и заставляя меня есть его не только с жареным, а с киселем, с кашей, даже с ватрушками. И после этого-то вдруг я очутился среди народа, у которого целое лето корки хлеба не мог допроситься! И едят киргизы хлеб, да уж это бедняки-безбаранные, и то едят зимой, а летом пробавляются и кумызом, и пшеном, а больше все вареным бараном.

Хлебопашества тоже у киргизов нет, т. е. не то чтобы его вовсе у киргизов не существовало: оно есть у них, и с году на год пахотных полей больше и больше прибавляется, да все это

такая малость, только около линии, да местами около границы, что по большей-то части можно сказать, что хлебопашество в Киргизии не существует в виде общенародного дела. Скотом народ кормится сытно, очень выгодно и для себя, и для нас, выменивая его на муку у нас же.

Опять, коли теперь взять самоё жизнь карсаков: опять она нам не под тон приходится. Мы живем в домах, крепки земле, ездим в экипажах и все-таки имеем такой ли, сякой ли, большущий ли, или крохотный, а все-таки уголок, который нам дорог, потому что это наша родина. У киргизов не то. Живут они в кошах, в юртах, пожалуй, или, как в наших краях русские говорят, в кибитках; земле они не крепки. Теперь мой дом стоит здесь, а захочу – я сейчас его перенесу за версту; через неделю я наверно уж, хочу ли, не хочу ли, должен буду сняться с нынешнего становища, перейти на другое место, и переезжаю не в экипажах… Какие уж тут экипажи!.. А просто сел на лошадь, либо на вола, либо на верблюда – сел да и поехал, да и дом с собой повез, сложивши его и уложивши на того же верблюда. Вот это-то и есть главная разница между нами и киргизами. Мы, русские, сами сидим на одном месте и скот держим на одном месте, у нас зато сено к скоту везется, а у киргизов сено стоит на месте, и человек хлопочет, чтоб скот сам к сену отправился.

Вот по случаю такой подвижности у киргиза нет родины, т. е. родины в таком драгоценном значении, как мы понимаем.

У нас родная земля, как совокупность и моей родины, и вашей, и всех и каждого… Так, у нас родная земля, общая наша матерь, родной язык и родная вера, общая всем обитателям этой земли, и вся совокупность этих обитателей награждают нас высочайшим благом – ясным пониманием того, что такое есть отечество. У киргизов нет родины, нет отечества, нет того блага, которое достается в удел развитого человечества.

Отечество у нас заключает в себе понятие об общности родины, общности языка, общности религии; у киргиза эти понятия не связываются в идею об отечестве. У него нет родины, а есть нечто схожее, но далеко неоднородное понятие – это однородство, единство не племенного, а родового происхождения.

Вот видите ли-с, коли подумать хорошенько, так все киргизы и другие подобные им, как-то: туркмены, каракалпаки, но-

гайцы и некоторые другие племена – все это разные отделения одного и того же многочисленного народа. Коли взять в пример одних киргизов, то, по их преданиям, все они произошли от одного общего родоначальника, Алача-хана. У этого Алача-хана было трое сыновей, одного звали Юйсюнь, другого Аргын, а меньшего Альчин. Вот их-то потомки, разродившись, и называются теперь одни юйсюнцами, другие аргынцами, третьи альчинцами; первые составляют старшую сотню, Улу-джуз, или, как в старые годы говорили – Большую орду, вторые – среднюю сотню, Урта-джуз, или, как в старые годы говорили, Среднюю орду, а третьи – младшую сотню, Кши-джуз, или, как в старые годы говорили, Меньшую орду.

Каждая такая сотня расплодилась теперь на множество родов. У всех у них один и тот же язык – турецкий или татарский, у всех у них одна общая вера – мухаммеданская, но не у всех у них одна общая земля – стало, и нет у них общего отечества. Но родным, родичем, единоземцем, связанным теснейшими гражданскими узами, не каждый киргиз может почесть другого киргиза. Не только киргиз младшей сотни может обидеть киргиза средней сотни, да между родами-то одной и той же сотни происходили беспрестанные междоусобия – и это вовсе не считалось зазорным: то, что мы называем земляком, соотечественником, киргиз видит только в том киргизе, который принадлежит к одной и той же частице целого племени, к одному и тому же роду той сотни, к которой он сам принадлежит, а всякий другой был для него сторонним человеком, иностороннем.

Вот мне, с первоначалья-то, и трудно было киргизам в тон попасть, когда между самыми ближайшими, по происхождению, их родами только в недавние времена уничтожена разноголосица; все киргизы понастроены теперь на один лад.

Как же это теперь киргизов на один лад настроили? А вот как это сталось.

Больше ста лет тому назад одна часть киргизов подпала под могучую руку государей русских. К ним, по временам, присоединялись и другие роды, и третьи, и четвертые, и так дальше, так что скоро все они стали русскими подданными. Государи наши приняли их милостиво, дали им наши законы, дали им правителей, и наказали им строго искоренять междоусобия. Таким умягчением нравов водворялся между ними лад, согласие, которого у них прежде не было от того, что у всех родов интересы были разные. А как теперь у всех у них интересы вышли общие и головы-то заняты одними мыслями, стало быть, волей-неволей и пришлось им жить в мире и спокойствии: кто бы заозорничал, расстроил бы лад – на того и наказанье посылается законное. Теперь поглядишь: из разрозненных, враждовавших друг против друга иносторонних родов возродился целый и стойкий народ, связанный вместе и одноземством, и единомыслием. У киргизов одна общая земля – Киргизская степь, один язык, одна вера, одно управление, одни привычки и одни виды и выгоды – все они между собой настроены на один тон.

Надо теперь было настроить их и на один тон с русскими. Для этого облегчены их сближения с русскими через торговлю и управление; мы пообтерли их по-своему, да и сами пообтерлись около них, чтоб приглядеться ко всему их быту. А уж одно то, что у нас с ними один царь и один и тот же закон – уж это одно связало нас с ними и единомыслием, и одинаковостью прав и обязанностей.

Никак теперь не могу проминовать, чтоб не коснуться еще одного предмета.

Вот теперь у нас война с турком. Из-за чего война? Из-за того, что у нас ладу с ним нет: не ладит турка с нами тем, что неладно поступает с христианскими своими подданными. Христианина он зовет собакой – так и в газетах сказано, ей богу! Церкви христианские турка оскверняет; святым Иерусалимом как пешкой играет, Гробом Господним почитай что открыто торгует и пьет, просто таки-так вот и пьет христианскую кровь, походом грызет православную веру! Христианин в Туретчине ни земли своей собственной иметь не может, ни в суде с турком управы найти не надеется… Да чего! Простых гражданских прав он лишен и, словно будто какой невольник, мучается в Туретчине. А поди-ко, сколько их, христиан-то, у турка? Больше не в пример, чем самих турков!

А мы то! Вот уж истинно-христианская держава! Татары – враги христианства, а мы помним слова Спасителя: «Любите враги ваша, благословите клянущие вас». Англичане и французы держат сторону турок и подняли руку на Христово право-

славие! Глазам не веришь, а так, ей богу, так и в газетах есть! И видано ли когда, чтоб христианские народы вместе с турками против христианства пошли! Уж, верно, последние времена настают, что иже во Христе братия на православие ополчилась и перед турком неверным раболепствует да холопствует, на истребление христианства!

Опять тоже взять права: и в том отказу нет никакого. Кто бывал в Казани, в Крыму, на Кавказе или у киргизов, тот увидал бы множество татар с золотыми медалями, с эполетами, и с полковничьими, и с генеральскими, и с крестами, и с звездами, и с лентами. Как царю-батюшке послужишь – так будешь и награжден, а русский ли, татарин ли, немец ли, все едино! Ей богу так!

Теперь хошь бы торговые разные выгодишки – и тут опять татарину лафа: торгуй себе, чем хочешь и как знаешь, наживай миллионы – запишись только в гильдию да не банкротничай! А у киргизов и в гильдию записываться не надо, пока не выедет во внутренние города. У себя в степи вольно ему без всяких записок торг вести.

А школы-то? Это ведь не последнее дело. Гляньте-ка хорошенько: у них что ни мечеть, то и школа! Ну, конечно, эти школы только для первоначального обученья, а все-таки школа, все наука! И ведь у нас, пожалуй, трудно найти простого татарина, который бы не умел подписать своей фамилией или не знал бы, с которой стороны приступиться к священным книгам: он читает свой закон и понимает, что читает. А гимназии-то? А университеты? А кадетские корпуса? Поди-ка там все высшие науки происходят, и как попал туда киргиз ли, другой ли татарин, тоже, как и всех, просветят и его бритую голову познаниями разной науки. Ей богу-с! В Омске, в Оренбурге, в Казани, в Москве, в Петербурге сколько татар в казенных заведениях обучаются? Тьма тьмущая!

«Христианин – собака!» – говорят турки. Нам стыд и грех произнести такое слово об мухаммеданине. В бывалые годы самая злая обида была, если прихватить у шинели либо у сюртука кончик полочки да показать татарину, посмеявшись ему: на, мол, татарин, свиное ухо, съешь! А подит-ко, покажи в наши годы татарину свиное ухо, как раз в тюгулёвке* насидишься!

Так, стало быть, вот какими средствами настроены на лад и русские, и киргизы. Поэтому у них и промеж самих себя лад и дружество, сначала из-под страха наказания за безладицу, а потом и от ясного понимания дела.

II

Джалгын

Киргизы и запорожцы. – Коши и курени. – Орда и аулы. – Земледелие. – Младенчество и старость. – Киргизы и англичане. – Патриархальность киргизов. – Киргизские пастухи и аркадские пастушки. – Степная красавица.

Киргизы сами себя называют казаками, т. е. не то чтобы казака́ми, а каза́ками. Если это название правильно прописать русскими буквами, так оно выйдет казакк, или ххазакк.

Запорожцы жили не в избах и не в мазанках, а жили кошами, и в каждом коше был кошевой атаман, по мирскому выбору. *Кош* опять не русское слово, а татарское. Кош не то что дом, дом по-ихнему *юй*, или *уй*, а кош значит жилье, жило, шатер там, что ли, какой ни на есть, или кибитка, т. е. жердяная огородка, покрытая войлоком. И теперь русские говорят, что киргизы живут в кошах, и тогда запорожцы и другие казаки жили кошами.

Живут киргизы и доселе юртами: *юрта* опять не русское слово, опять-таки оно татарское и значит жилье; а так как казаки живут на прежних ногайских землях, стало, они и прежде жили на ногайскую руку, применившись к ногайскому быту. Теперь заместо ногайцев – киргизы. Ногайцев прежде была тьма тьмущая, и по правую руку Волги, и далеко по левой стороне, за Яик и за Ембу. Теперь тут нет ногайцев; есть их, правда, кое-где обрывки, да такая малость, такая каплюшка, что считать, почитай, нечего. Неужели все ногайцы перемерли? Неужели же вдруг на их месте народилось бесчестное число киргизов? Неужели киргизы просто с неба свалились? Сдается мне что-то, что это больше ничего как потомки тех же страшных ногайцев,

* На съезжей.

каких мы испокон веку знали. Да и самые ногайцы – не что иное, как обрывки, поросль, отродье тех татар, которые в иге держали прежде нашу Святую Русь. Что это за татары были, какое их настоящее было прозванье – мы об этом мало хлопотали, а просто прозывали ордой; орда – да и полно!

Когда мне доводилось старые книги читать летописные, то я часто встречал сказания, что вот в таком-то году орда кочевала вот там-то, а в таком-то – вот там-то. Что ж такое *орда*? Не все же сообща эти татары целым миром кочевали, хоша примерно на Ахтубе, у такого-то места? Это значит только, что тут была главная ставка предводителя рода или племени ногайского; орда, значит, ставка. Где старший мурза, или там хан что ли, разобьет, бывало, свой шатер или кибитку – там и орда!

А поглядишь хорошенько – ан и у запорожцев то же. Где главная ставка была, тут их и сечь была: сечь, по моему понятию, главная запорожская ставка, где православные казаки осекались, городились от врагов бусурманских. И выходит, что орда, сечь и город – почитай, что одно и то же, токмо что на разные манеры.

Опять же возьмем запорожские курени: что это такое, курень? Опять тоже не русское слово. Не от курева же оно происходит? Не потому оно курень, что тут курево курилось? А куря и до сих пор значит тоже ставку, как и слово орда, тоже городок, огороженное, укрепленное место, только не такое важное, как орда, а подначальное.

Вот и у запорожцев были такие курени: курень уманский, курень каневский и разные другие курени, глядя по месту; над каждым куренем было по куренному атаману в начальных людях. Коли присмотреться к киргизам – так у них эти курени называются аулами, и над каждым аулом в голове стоит бий – почетный человек, аксакал – старый человек, как у запорожцев старшина. А где стоит самый старший курень, или аул, тут и орда, тут и сечь. Как у ногайских муз, у салтанов и у ханов ближние люди, исполнители воли начальника, назывались ясаулами, так и помощники кошевого атамана у запорожцев звались тоже есаулами. Сходства во всем много самого близкого.

Орда переносится с места на место: и сечь переносилась с места на место. Кто бывал в Екатеринославской губерний, тот

знает, что и о сю пору живы те места, которые в разные времена служили притонами для сечи.

Наши казаки в былое время только и знали, что горилку пили, да бражничали, да на соседей набеги делали, а если каким делом по дому занимались – то разве скотоводством на степи, да рыболовством в реках. И киргизы до нашей работы куда как неохочи: им бы только побарантовать, да, бывало, пограбить, а дома кумызу надуться, а у язычников кочевых людей, у монголов, и винца наклюкаться своего, крепкого, бедового, которое они мастера выгонять из обыкновенного коровьего или кобыльего молока. Забота у них по хозяйству тоже одна – скотоводство. А к рыбной ловле киргизы не радетельны, потому уповательно, что у них рыболовных угодий нет, речонки по степи нарочито маленькие, а где и вовсе нет проточной воды. А где и есть очень большая река, там и непригоже рыболовством заняться, зато что уж тут нельзя кочевать со стадами, а стада-то надо долго держать на одном и том же месте, а тут сенов мало, лугов нет, а при устьях рек, где больше всего рыбы ловится – сыпучие пески, да камыш, да куга, или запорожский очерет: а этим скотину не прокормишь! Нынче и выучились киргизы рыбу есть, да все к рыболовью они неспособны по законной причине, разве уж что разорится человек, вконец обеднеет, скота всего лишится. Ну, этак, разумеется, кочевать не почто, кормить травами некого, стало и самому перекусить нечего, а нужда да крайность, знамо дело, и рыболовью научит, научит и калачи есть. В таких-то обстоятельствах киргиз кидается и к землепашеству.

А уж куда как не любит карсак землепашества! Запорожцы тоже земледелия не жаловали, и истый казак того времени никогда рук себе не марал сохою. Такое уж время было, таково было поверье.

Уж куда как мне смешно слушать, как иные господа расписывают и земледелие, и фабричную промышленность, и все нам колют глаза Англией да Бельгией. Да фу ты, пропасть, в самом деле! Неужто эти господа хотят нас гнуть в немецкую дугу? Англия или Бельгия – это такие маленькие государства, что всю-то английскую землю легко можно запихать в иную нашу губернию, а из Бельгии не то, что губернию – уезд можно составить. Та только их и вина, что у них народонаселение

оченно обширно, что оно гуще там, чем у нас в Московской губернии. А еще же и то, что Англия, как царство, существует уж сколько веков, а мы, если сказать правду, так только что с Ивана Васильевича Грозного и жить-то начали. До него мы были еще лишь в пеленках, после него до царя Алексея Михайловича были во втором младенчестве, при царе Алексее Михайловиче мы вступили в разумное отрочество, при царе Федоре Алексеевиче мы подкрепились было еще маленько, а батюшка Петр Великий придал государству нашему всю пылкость юношества. Теперь мы, во сто-то лет, повыправились и какими же мы молодцами-героями явились в памятный французам двенадцатый год!

Теперь мы в самой поре первого мужества. А вы знаете, что мужество – самый продолжительный, самый славный период в человеческой жизни. Мы только что вступили в этот возраст и старость наша отдалена еще длинными рядами веков.

Пройдут века – и мы состаримся! Тогда и народу у нас поприбудет, и потеснее мы жить начнем, и каждым клочком земли дорожить станем, и английское хозяйство заведем не токмо что в Новороссии, а и в Киргизской степи и, пожалуй, в Лапландии, на Шпицбергене и на Новой Земле! И фабрики разные заведем, и ни из Бельгии, ни из Англии паровых машин выписывать не станем, и все изделия наши будут такого же высокого совершенства, как в Китае, где все отрасли промышленной деятельности возведены на высочайшую точку.

Китай дряхлеет, Англия стареет, а в нас еще играет кипучая молодость. Доживем, статься может, и мы до седых волос! А пока это еще сбудется, у хваленой Англии все зубы выпадут, и оплешивеет она, и изможднтся морщинами, и говорить она будет с шамканьем, и понемножку будет перерождаться в Китайское царство. А тем временем дряхлеющий Китай либо совсем распадется и, как когда-то могучий дуб, рушится и обратится в прах, либо освежится новою жизнью, позаимствовавшись ею из какого-нибудь свежего источника. Всему свой черед; а нам черед к старчеству, к густой населенности, к безвыходному мануфактурному прозябанию, по божеской благодати, еще очень далек!

В Забайкальской области народ живет очень зажиточно и богато. В Бессарабской области тоже житье славное: там даже

мужики – и те себе отличное виноградное винцо попивают. Если народ, при нынешних своих средствах, благоденствует, живет тихо и безмятежно, всегда сыт, одет и доволен, так чего же нам плакаться, что, дескать, экое, мол, несчастье какое! Край богатый, цветущий, а фабричная деятельность в нем еще только во младенчестве! Ни горных заводов, ни мануфактур никаких не существует! А забывают то, что где одни только мануфактуры да паровые машины, там существует низкая задельная плата, тунеядцы, бедные и, что еще хуже, безземельные и без определительных занятий люди, которые, без постоянных заработков, без соразмерности цены хлеба с ценой труда, впадают в нищету, в безнадежность, приводящую их к порокам и преступлениям.

Надо благодарить бога, что у нас до этого далеко! А образцы перед глазами: стоит взглянуть на хвастливую Англию. Сидят ей на шее ее мануфактуры и рабочий класс, а нечего делать! – положение безысходное, землишка маленькая, народу гибель, мануфактурными изделиями наводняет она, из-за куска хлеба, целый свет, а тут еще наше Русское царство ей как бельмо на глазу – не берет ее ситцев и сукон. Вот, Англия и бьется, и мечется, как угорелая кошка, и виляет во все стороны! Да очертя голову и бух! – воевать за неверных! Ох, уж хорошо погрели англичане около нас руки! Вот бы милосердый господь привел посчитаться с ней, да повернее свести бухгалтерские книги… Разочлись бы с нею важно, да за проценты и угостили бы ее на славу… а после сытного обеда уж как бы хорошо задать им хорошую баню, этакую бы порку хорошую ей прописать!

Ну как тут не вспомнить тех слов, которые велено было сказать англичанам двести лет тому назад от имени царя Алексея Михайловича:

«И им было, англичанам, надобно великого государя милость и жалованье помнить! Отчего и где они себе такое великое богатство приобрели, как не в Московском государстве.

Они, англичане, товары свои, которые у них бывают в привозе к Архангельскому городу, таможенным головам и целовальникам объявляют и в росписях пишут не все сполна, и многие товары таят, и за то им и посяместа никакого наказания не бывало. Да они ж, англичане, привозят в Московское госу-

дарство тайно многие заповедные товары, а из Московского государства, покупая у иноземцев шелк-сырец и всякие товары, возят к себе, за море, тайным обычаем.

Да и в иных многих делах их, англичан, неправда великая!

Они, англичане, государское многое жалованье за собою забыли и государского повеления, как написано в государской жалованной грамоте, не исполняли многие лета, только лишь себе чинили корысти и пожитки большие, а государеву таможенному пошлинному сбору чинилась потеря и убыток большой.

В привозе к Архангельскому городу у иноземцев явились многие русские деньги. А слух доходит, что иноземцы те деньги делают у себя, на русский московский чекан, и отдают их русским и всяким торговым людям на товары, и на старые деньги Московского государства променивают, а те деньги их худы, мешаны с медью мало что не в полы, а из Московского государства возят к себе старые деньги – чистое серебро: и оттого казне нашей чинятся убытки многие и в серебре оскуденье».

Ну, да уж бог с ними, с этими англичанами! Конечно, они народ оборотливый и все такой воспитанный, что киргизам до них долго не дотянуть; да я и не к тому завел речь об англичанах, а так они мне под руку подвернулись, кстати, к слову.

Киргизы народ смирный, хороший, истинно патриархальный, т. е. такой патриархальный, что все его занятие ограничивается почитай что одним овцеводством. Это все пастухи своих многочисленных стад, а их жены и дочери – пастушки… Какая, бишь, это была такая сторона, которою нам все уши прожужжали?.. Ну, вот еще, что вся заселена была молоденькими пастýшками и пастушкáми, да невинными овечками?.. Как бишь ее?.. Да-да, Аркадия, Аркадия!

Ну, конечно, ни одну киргизку нельзя сравнить с аркадскою пастушкой. Уж коли говорят – аркадская пастушка, так мне сейчас в голове мелькнет, что она была вот какая: молоденькая, прехорошенькая девочка, лет пятнадцати, шестнадцати или семнадцати, а уж никак не больше. Волосы таково хорошо у ней приглажены, шейка голенькая, платьице в обтяжку и коротенькое, так что вся ножка видна, а на ножке беленький

шелковый чулочек и аленький башмачок из атласу; в маленьких, беленьких, пухленьких ручонках у ней или жезл, т. е. батожок, попросту – дубинка, да хворостинка, либо букет пахучих роз. Кажется, я не ошибаюсь: по крайности, мне трудно иначе представить себе аркадскую пастушку.

Ну, а доводилось ли вам, государь мой, видать как в Москве, на толкучке, около Никольской или у Сухаревой башни, бабы в перебранку пускаются? Верно, случалось!.. Ну, так, стало быть, вы и о киргизских пастýшках понятие имеете. Да вот вы сами посудите, правду ли я говорю. Я во пример возьму первую киргизку, имя которой навернется мне на память… Ну, хоть Кучакову дочку – Джалгын.

Вообразите вы себе гренадерища этакого трехполенного, почитай что в сажень, и толщиной в сороковую бочку: ведь это хороша пропорция? Вот и поуменьшите вы маленечко этот масштаб, росту убавьте на пол-аршина и соразмерное количество посбавьте толщины – вершка хоть на два или на три: тогда вы верное получите понятие о моей Джалгыни.

Джалгын слыла красавицей: волосы черные, брови дугой, ротик словно две вишенки, а щеки так и играют румянцем. Глаза только маленечко этак были как будто бы накось и узкощелые такие, словно у китаянки, что на чайных ящиках пишут. Одного еще не досказал. Лицо у Джалгыни было, точно, румяное, но такое широкое и скуластое, что кажется и губки-вишенки, и щечки-маков цвет, и бровки дугой, и свежесть этакая девственная, а все-таки Джалгын, как ни считалась она красавицей, на мой вкус, была рожа рожей.

Представьте же себе эту широколицую, скуластую, узкоглазую юность и свежесть в ее полном наряде. Ходит Джалгын по степи – ботает сапожищами так, что земля дрогнет, ручищи у нее такие, что, бывало, сожмет кулак да даст корове туза – корова так и грохнется. Одета Джалгын в грязном халате, плотно обхватывающем жирный стан ее, а девственная, но могучая грудь ее так и холмится, так и рвется из-под стеганного на вате бешмета. А бывало, как Джалгын подберет себе, для легкости в ходьбе, полы халата, так ведь глаза устрашатся, хоть даже мельком взглянув на ее исполинские, одетые в холщевые шаровары ножищи. Хоть бы Полкану-богатырю ее ноги приставить, так

в пору!.. ни дать, ни взять два здоровенные чурбана в сапогах! А когда Джалгын, торопясь на отгонное поле присмотреть за стадами, вскокнет, бывало, на верного коня своего – так и конь отшатнется: такую легкую ношу задавала ему собой восьмипудовая Джалгын.

А что-с? Портрет моей пастушки вам пришелся не по нраву? Вам смешно? И мне тоже в первый раз смешно было взглянуть на Джалгын – я не мог еще в тон попасть киргизам! А киргизам Джалгын казалась не только ладною девкой – они ее просто красавицей считали. Ее прелести были настроены на тон киргизов и вся натура ее налажена была на настоящий киргизский склад.

У киргизов первая добродетель в женщине – способность к хозяйству; киргизская женщина должна быть хорошей работницей. Как же этакому гренадеру, как Джалгын, не быть удалой работницей! У нее в руках все спорилось. Начнет ли она прибирать кибитку, она саженную кошму скомкает в руках будто простой ручничок. Станет ли варить варево, она даже не крякнет, поднимая пребольшущий котел с бараниной и устанавливая его на таган, вделанный в землю. Придет ли пора стричь овец, Джалгын нипочем ухватить самого жирного барана и разложить его у себя на коленях. А верхом она ездила так, что ее и самый лихой батырь вдогонку не догонит. Станет ли дюжий сосед из чужого рода приволакиваться за Джалгын и, подкараулив ее где-нибудь за барханом, т. е. за песчаным холмом, накинется на нее, словно цепная собака, и захочет сшибить с ног, чтобы хоть силою сорвать с нее сладкий поцелуй – Джалгын и с ним справиться сумеет, ввяжется с ним в борьбу и таких надает ему шлепков, что смелый наездник дня два ходит, еле ноги таскает, да потирает себе поясницу.

Одним словом, Джалгын была девка хоть куда и такая бой-баба, что все на нее смотрели с почетом. В дому она была правая рука. И овец, и кобылиц вовремя выдоит, и отцовские табуны найдет время осмотреть, и колодец расчистит, и все стадо перепоит водой, и всю семью обошьет, и сапоги всем стачает, и кошов наваляет, и ковриков наткет, и чего-чего не переделает – лихая девка! Так все и кипит у нее в руках!

Теперича другое дело взять об той же все Джалгын, по касательству до других предметов – и тут Джалгын выходит первой мастерицей.

Затеется ли у какого ни на есть богатого киргиза скачка – Джалгын тут как тут: и на верблюде-то она пробежит бесстрашнее всех, и на горячем жеребце промчится птицей и всех опередит беспременно. Затеют ли ее подруги игры – Джалгын лучше всех притопывает богатырской своей ножкой, краше всех поводит она руками, да помахивает в разных плясках платочком. Соберутся ли девки с парнями, чтобы песни петь – Джалгын не только ни в чем не отстает от прочих, а даже превосходит их хитрыми выдумками, слагая новые песни из головы, а не по памяти, и подтрунивая над теми молодцами, которым не далось таланту складывать новые песни.

Джалгын, стало быть, выходит, была заманчивым кусом для всякого благомыслящего отца семейства, была отрадною мыслью каждого добродетельного батыря. Слава об Джалгыни и добрая о ней молва носились по степи из конца в конец. И стали к ней женихи засылать сватов.

Женихам счету не было. Отец только и знал, что резал баранов, да угощал нежданных, но желанных гостей. И чего-то они за Джалгын отцу не сулили. И, боже ты мой, какие богатства предлагали за нее калыму! Один торговец-киргиз, ходивший каждый год в Хиву с товарами, обещал за нее два верблюда халатов, да три верблюда с выбойками, да сто баранов к тому, да полсотни червонцев в придачу.

Старик Кучак очень льстился на эти подарки, но дочку на сей раз не неволил. Ее мнения он не выспрашивал: ему не было никакого дела до ее мнений; он знал только то, что дочь должна слепо повиноваться его желаниям и никогда не осмелится иметь в помыслах выходить из его воли. Кучак был строг и неистово вспыльчив. Теперь он выжидал, авось и еще посватается какой ни на есть дальний богач, авось и еще того больше придется ему загребать калыму за Джалгын. Но уж сердчишко-то у девки давно щемило, давно болело оно по молодом батыре. А знала она, что отец не отдаст ее за милого: милый был гол как сокол, а всего достатку только и было, что сабля, да ружье,

да конь игрений, да пять штук баранов. И смела ли бы она поведать грозному отцу о любви своей к такому нищему!

Трудно было бедному Джулдугулу разжиться, чтоб сравняться с соперниками: баранта, или хищнические отгоны скота, теперь строжайше запрещены; стало быть, как Джулдугул ни бейся – никогда ему с пятью баранами, да с игреним конем, не разрастись в богача. Конечно, он славился во всей степи, как герой и как могучий батырь, да Кучаку-то было уж не до чужого богатырства, а ему нет ли какого-нибудь прилагательного, да посущественнее!

Вдруг приезжает и еще жених: богач такой, что и сам настоящего счету не знал своим табунам, парень ловкий, и уж не молодой человек, по торговой части занимался, но сам с караваном не ездил, а любил побарничать и подомоседствовать. Это был здоровенный жиряк, киргиз Утяй, из племени альчинцев, из колена байулинцев, из рода маскар, из ветви масак, из отделения абдушукур. Этот давал за Джалгын калыму пятьдесят тысяч баранов, пять табунов коней и десять тысяч целковых деньгами. А какие богатства ожидали невесту – уж после этого всякий и сам догадаться может. Против такого почетного искушения и нашему-то брату устоять мудрено, а уж про степняка Кучака и говорить нечего. Он с Утяем и по рукам ударили.

Джалгын и Джулдугул были в больших горестях – не знали, что и делать.

У мухаммедан брак – простой договор сожительства; женщина у мухаммеданина пешка; вещь, которою хозяин может ворочать, как его душе угодно… Бывает и наоборот, и так частенько, да ведь это не общее правило! Над Джалгын, как над вещью, был хозяин – отец: в его воле было уступить эту вещь, как свою собственность, кому он сам хотел – он и поладил с Утяем.

Утяй не в тон попал Джалгыни: ей ладилось только с Джульдугулом. И стали они думать да гадать, как бы беду поправить. Сговариваться при людях, конечно, им было нельзя, вот они перемигнулись, да и сходились на беседу ночью.

Ночные-то беседы и расстроили Джалгын. День-то деньской она умается, бедняжка, то за тем, то за сем, за разными домашними хлопотами, а ночи-то напролет просиживает с Джулдугулом, вдалеке от отцовской кибитки, в открытой степи. И, разумеется, не доспит девка сегодня, не доспит и завтра, не доест куска, торопясь весь дом, как ни в чем ни бывало, привести в порядок, а тут еще тайное горе – да так-то ее этакая жизнь перевернет, что она, будь хоть семи пядей во лбу, пожалуй, и с ног свалится.

Так было и с нашей гренадершею, Джалгыню! Исхудала, истощала, бедная, сама на себя не стала похожа! Вот раз как-то Кучак и подметил ее прогулку за дальние барханы, да не говоря ни много, ни мало, и принял ее в нагайки – все исхлестал!

А что ж Джулдугул?

Его выпроводили подобру-поздорову из аула, но расстаться с Джаглыню ему не хотелось. Он и стал шнырять по степи и слоняться по чужим аулам, выжидая времени, когда ему способнее будет снова свидеться со своею любезною. Время это скоро приступило. Джулдугул сел на конь и поехал.

Темною ночью подкрался он к аулу, где жил Кучак, и незаметно никому прополз к его кибиткам. Джулдугулу знаком был окутанный белыми войлоками кош, где бедная Джалгын по нем тосковала и изнывала от горя. Он норовил пробраться в эту кибитку и увезти Джалгын.

Ночь была беда-бурливая. Ветер так и гудел по степи; поздняя гроза разразилась над лощиною с таким освирепелым неистовством, точно как светопреставление наступило. Киргизы, плотно поужинавши с вечеру и вдоволь насытившись кумызом, спали сном беспробудным. Нигде из-под кошев не пробивалось свету, нигде не слышалось движенья, а шорох, произведенный нашим отчаянным удальцом, заглушался страшными раскатами грома.

Джулдугул прополз в кибитку; старухи, сторожившие Джалгын, ничего не слыхали. Больная, изнуренная красавица вся встрепенулась, она узнала своего избавителя. Он схватил ее на руки, вынес из кибитки, сел сам на верного коня своего и посадил перед собою свою желанную, которая всем телом припала к его груди и злосчастную головку свою склонила на его плечо.

Молния освещала и аул, и степь всю беспрестанным вспыхиванием, а гром так и грохотал, раскатываясь по небу… Но могла ли гроза запугать привычную ко всем страхам Джалгын.

Вдруг сильная рука схватила лошадь за повод; из-за ближней кибитки повыскакала засада – Джалгын выхвачена из седла и сам Джулдугул очутился под градом нагаек.

Он поторопился спешиться, выхватил нож и пошел рубить и колоть им направо, налево.

– Брось нож, собака, не губи людей! – кричали ему голоса.

Но Джулдугул не слушался, и в беспамятстве чиркал им во все стороны.

– Брось нож, собака, говорят тебе! Не будь разбойником! За простую дурь мы тебя нагайками поколотим, и то не до смерти – жив останешься! А за разбой тебе плохо придется: я, чай, слыхал Сибирь! Эй, бросай нож, мы все безоружны! Мы только тебя нагайками накажем… ха, ха, ха!

В бешеном хохоте Джулдугул узнал голос Утяя, а вслед за хохотом послышался страшный визг и стенания Джалгыни, подпавшей под новые истязания…

Джулдугул уж ничего не слышал и не слушал; он свету не взвидел; как разъяренный зверь бросился он на тучного Утяя и распластал ножом пополам.

Ужас совершенного им преступления или вышедшая из границ ярость, а может статься и новый визг Джалгыни повергли Джулдугула в страшное состояние. На него словно столбняк нашел. Молния озарила его посинелое и искривленное лицо, его всклоченную молодую бородку, его мощные руки, сжатые в кулак и опущенные книзу…

Прислужники Утяя и Кучака без труда схватили его, скрутили его по рукам и по ногам; двое наездников положили его себе через седла и помчались с ним к дистаночному начальнику.

Недолго во мраке ночи, перерезываемом извилистым падением молнии, виднелось черное пятно, обозначавшее наших всадников с их ношей; недолго и до Джулдугула доносился холодящий все жилы визг и стон Джалгыни…

Не гром, не гроза заглушали этот визг… Джалгын сама смолкла…

Джулдугул за убийство сослан в Сибирь, в каторжную работу. Он вел там себя примерно хорошо. По истечении определенного срока он получил свободу, принял христианство, завелся хозяйством и теперь живет своим домком, слывя очень набожным и сострадательным человеком.

Кучак остался одиноким сиротой. Он иссох как щепка и смотрит совершенным кащеем: только кожа да кости! Он еле-еле бродит, а все еще живуч. Но вот что заметили. Когда, в известное время года, аул, к которому Кучак принадлежит, трогается с места и пускается на кочевку, Кучак едет на своем коне вместе с другими одноаульцами, но в стороне от них, маленечко особняком. Но лишь только откроется место, обозначающее близость урочища, известного под именем Сары-Бадран-Кудук, Кучак стегает коня, несется во весь опор вперед и скрывается из виду. Где он это пропадает – никто не знает ничего; а к вечеру Кучак опять на рысях либо догоняет свой аул на дороге, либо подъезжает к нему тогда, когда он совсем расположится на новой стоянке.

Уж долгое время спустя случайно открылось, что за холмами и барханами, облегающими урочище Сары-Бадран-Кудук с полуденной стороны, есть одинокая мазарка, маленький усыпанный песочком курганчик, с воткнутыми в него жердочками – одинокая, сокровенная могила.

Уж не здесь ли Кучак похоронил свою Джалгын?

III

Степные модницы

Листок из летописи. – Заимствование иноземных обычаев. – Русская душа и немецкие моды. – Модные уродцы. – Киргизские привычки. – Воспитанные киргизские барышни. – Модное образование и нравственное воспитание. – Обычаи киргизов.

Киргизские женщины никогда не закрывают себе лица, как татарки… Никогда… Я сказал никогда, но это не значит, чтоб в этом общем правиле не было своих исключений… Да

вот прежде чем я буду говорить про киргизок, припомню лучше о том, что бывало у нас на Святой Руси, в старые годы.

У нас на Руси в старые времена… позвольте-ка маленечко: у меня есть старый писанный летописный сборник – в нем вложен отдельный листок, подходящий к нашей беседе... перепишу-ка я его здесь.

«Лета 6743. – Государство Московское почася на Ильмень-озере. И хождаша через Русь Варязи еже от Стюденого Моря и от Моря Варязьского до града до Кыева, а от Кыева града Днепром рекою даже до моря Руського, еже нарицается Понт Евксинский. И бяшет ту на рецех, и на озерах, и на волоках седяще Русь, нарицаема Словене. Кийждо убо человек укрываше наготу свою одеждою, юже ткал еси из злаков полных и от шерсти скотские. Злаци польнии – се есть лень, конопель: жены об их собираша, и возглавия отбиваша, и в рецех помокаша, и стволы посекоша, и волокна поминоша, и абие на клепках сучаше и тын волокна в нити превращаша, из нитей же онех холсты вытыкаша; холсты же на телесех ношаша. Соточенье бо тое искусницы красиша, цвет изгнетающе из былия польного и из корени борного. Овии же былия даваше синий цвет, овии же багряный; иних же цветов Русь, нарицаема Словене, не любляше. От тварей же скотьских, еже бо суть кравы и ягни, також-де и кони, род человеческий ину одежду себе сотвори. Из волны ягней сукно валяще, из шерсти кравией вервие сучиша, кожею бо обувающеся и сапози себе шьюще, и тулупы себе творяще. Тако убо и жены».

«Лета 6749 – Родися Ярославу сын и наречен бысть во святом крещении Василий. Того же лета Татаровя победиша угры».

«Лета 6751. Бысть мирно».

«Лета 6753 – Жены же у Руси, Словене нарицаемой, беху зело честны, красы неизглаголанныя. Яко месяцю ясному уподобляхуся зраки жен словеньских; очеса бо с поволокой свет излияше, бровем же соболиным ростекающеся полдужием, ланитам же багрецом подернутым, во ушию их усерязи златные, власы же на главех имеху русые, в косы заплетшеся, к стегну спадающе. Зраки женстии николи же бяху сокровени, даже до дне, в онь же Татаровя богомерскии разгромиша Русь и полониша ю. И бысть смутя на Руси велия: от лютого томления бусерменьского вси плакаху и рыдаху, якоже и народ божий на брезех рек на вавилонстих. И бысть бесурмен великое множество в земле руськой: откупаху бо онии окаянии вси дани, и души крестьянския розно ведоша, велику пагубу людем творяще. Временам жа протекшим, орда окаянная угомонися. Мужие людстие восстановиша мир, кланяющеся Татаровям, богомерзкой орде оной. И дружествоваху мужие со ордою, и орде покоряхуся, под дудку бесурменскую скакаху, плящуще и поюще. И жены мужей прельстишася навыком бесурменьским и сташа одежды своя метати, в бесерменьские терлики наряжающеся, а ланиты красяще, и зубы черняще, и обличия фатмами сокрывающе, и во светлицах ся хороняще, и во Христе братии не кажущеся. Жены же людстии осташа на вере отцов, и не прияша одежд бесерменьских, яко и весь христанской люд».

«В лето 6754. Михайло князь черниговский поехаша в Татары и бывшу ему в станех, посла Батый к Михаилу князю, веля ему поклонитися огневи и болваном их. Михайло же князь не повинуся веленью их, но укори и глухыя его кумиры, и тако от нечестивых заколен был и конец житью прият месяца сентября в 20, на память св. мученика Естафья».

«В лето 6770. Избави бог от лютого томления бесурменьского люди растовския земли: вложи яркость в сердца крестьяном, нетерпяще насилия поганых, изволиша вечь и выгнаша бесурмен из городов, из Ростова, из Володимеря, из Суздаля, из Ярославля».

Дальше ничего нет; как был листок один, так он и есть; помечена на нем и страница ТМФ, т. е. 349, но ни к какой странице моего сборника листок этот не подходит. Да дело не в том, а вот в чем.

Летописец здесь отделяет жен «мужей» и жен «людских», а за сими последними ставит весь христианский люд. Изменили завету отцов насчет одежды только жены мужей, или жены высшего круга, более всех сближавшегося с ордою и оченно просто перенявшего обычаи, а не то, пожалуй, скажем – моды татарские.

И так, жены мужей начали перенимать татарские моды. С татар же стали брать образцы и сами мужи. Тогда как у про-

столюдья женский пол не переставал пользоваться свободой и ходить с открытым лицом, не простолюдье стало запирать своих жен в терема, держать их под крепким надзором и под запором, до сношений с посторонними людьми их не допускали, а девиц, вследствие, быть может, татарского бесчинства, и вовсе из домов не выводили. Только самые близкие родственники да старинные друзья и приятели могли, по годовым праздникам, надеяться принять чарку вина из рук боярыни, жены старинного своего знакомца. А если и доводилось когда-нибудь боярыне выезжать из своего боярского дома, то она закутывалась фатою, и уж не пешком, а в колымаге выезжала в церковь, если своего домового храма у боярина не было, или куда в другое место. Таков обычай всегда бывал у татар, так оно и теперь ведется у нехристей турок.

С больших господ пример берут маленькие господа, а с маленьких господ перенимают и маленькие люди, хоша бы наша братия купечество, а от нас обычаи эти переходят к мещанству. Только все это не разом, не в одно и то же время, а что у больших бар на Москве бывает в одном году, то у маленьких бар за Москвой заведется года через два, через три; там, глядишь, лет через десяток, вещь заведется у купечества, а лет через двадцать поведется оно и у мещанства по городам.

Ну, да вот вы, я, чай, помните, как после француза повелось в столицах носить барыням солнечные зонтики? Или как вошли в моду кацавейки? Сперва их носили только большие господа в Москве да в Петербурге, потом завелись они у богатых помещиков в губерниях. Когда кацавейки и маленькие зонтики вышли из моды, вместо них пошли другие, щегольские парасоли и мантильи, а прежние кацавейки и маленькие зонтики стали щегольством у чиновнических жен. Там их пришла пора покинуть: они перешли в руки городового купечества, а когда и купечество их бросило – они вошли в моду у мещанства, а теперь не то что мещане – крестьянские бабы и девки в посадах носят кацавейки, да уж подумывают о мантильях, да о зонтиках с фестонами.

Уж коли этакие пустяки, на которые что год, то новые моды, уж коли они годами да десятилетиями переходят в народ от большой барыни до последней мещанки, так те обычаи,

которые позначительнее и которые татарским насилием продержались долгое время, те растекаются в народе столетиями и покидаются тоже не раньше, как через несколько столетий.

Давно ли батюшка Петр Великий ввел немецкое платье? Давно ли народ понял мудрую эту меру и понял ее выгоду? А ведь еще и доселе есть у нас целые земли, где женщины только и носят что сарафаны. Зато есть целые земли, где не то что мещанки, а простые мужички никогда сроду не сарафанились, родились и выросли по немецкому и за стыд почтут напялить на себя сарафан, к которому они не привычны. Суть то ведь вся не в немецком платье, а в русской душе, а русская душа, благодаря господа бога, даже тысячелетиями в немецкую душу не переродится, ей богу, так-с! Ряди ее во что хочешь! Сарафаном француженку не обрусишь: право-с! Все та же француженка будет! И отрастивши бороду русаком не станешь; не в бороде ведь Русь сидит! Вот, примером хоша бы взять нашу Сибирь: русская сторонка, а ведь коренной-то русак-сибиряк никогда бороды не нашивал.

Отчего же в те стародавние времена мы все перенимали от татар, а при Петре Великом от заморских немцев? А по той простой причине, что в стародавние времена татары были сильнее нас, а при Петре Великом заморские немцы были умнее, т. е. понатертее, этак как будто пообразованнее нас. Мы то, в то время, перенимали от этих сильных да понатертых людей, между которыми водилось тоже много и тертых калачей – все сплошь да сряду, без большого выбора; с хорошим-то заимствовали иногда и дурное, а часто и от очень прекрасного брали только одну наружность, один лоск поверхностный. Что очки на нос наденешь, так уж будто и в мудрецы попал? Что в корсет баба затянулась, будто она и воспитанная? Что польку выплясывать да по-французски стрекотать умеет, так уж будто тут и полное нравственное воспитание? Что девушка морковку в руках держала, да смолоть кофий сама научилась, будто уж она и хозяйкой стала? В семье не без урода; бывало у нас и этакого суждения. Как же-с! Случалось!

Да вот-с, одна этакая спекуляция невесту себе из какого-то крапивного семени сватала. Вот, государь мой, и сваху позвали.

– Есть, – говорит, – у тебя по мне невеста? Жениться хочу.

– Как же, мол, поди, невесте не быть? Есть, мой сударик!

– Богатая?

– Богатая, сударик.

– А что у нее есть?

– Да дом за нею на выезде, да дюжина чайных ложек, да восемь ложек столовых, да семеро платьиц, все шелковые, да то, да сё, да денег в придачу три тысячи.

– Нешто, ладно! – говорит спекуляция. – А что, молоденькая?

– Молоденькая, сударик.

– А хороша?

– Хорошенькая, что твое наливное яблочко.

– Да ты понимаешь: мне нужно образованную!

– Ну, конечно, батюшка, образованная! Неужто я дуру какую, прости господи, стану сватать!

– Мне нужно девушку воспитанную, чтоб она танцевала…

– Как же, как же-с!.. Кандрели знает, вальцы знает…

– На музыке бы играла…

– Как же, батюшка, – и на гитаре поет, и фратапляны есть!

– Да воспитанная ли она девушка?

– Да уж как же, соколик мой! С тем возьмите! Уж, какая воспитанная-то: и в будни в корсете ходит, и босой ногой на холодный пол ступить боится!

– И очень образована?

– Уж как образована, только и знает, что в книжку смотрит; а гулять пойдет – так вырядится, что твоя кукла! А ходит все павой, все павой, так и выступает!

– Ну, и по-французски говорит?

– Как же, батюшка, и по-французски! Да ведь как бойко! Так и лепечет… Это я онамеднись зашла, так она меня как обступит, да как начнет по своему – я и руки врозь! Уж она мне стрекотала-стрекотала, стрекотала-стрекотала – ничевошеньки так-таки я и не поняла! Что это, мол, Грушенька? Вы было меня совсем спужали… Уж не в бреду ли на вас нашло такое? А она, моя красавица, так со смеху-то и покатилась: ты, говорит, Мосевна, ничего не понимаешь – это, говорит, я по-французски!

– Ну, это хорошо; мне этакую и надо… Да вот видишь ли, все это отлично, но надо еще, чтобы жена была – жена, была хорошая хозяйка!

– А уж хозяйка-то она у меня, сударик мой, просто прелесть. Как накинется на девку, или там на кухарку, да как поднимет крик, да как начнет, начнет! Кухарка так просто и опешает! И какая знающая в хозяйстве! Что у соседки гости приедят блинов, сколько вина выпьют, почем материи продаются… Все, все она, батюшка, у нас знает! И по лавкам ходить большая охотница!

Вот как иные люди смотрят на вещи! Право-с!

Как с нами случаются маленькие промахи, так случается и с другим народом: на том уж свет стоит. К добру всегда прилипнет и злое семя! Разумеется, добра больше, целые горы, да и злые-то семечки надо уметь отличать, надо их изучать, надо знать их, чтоб против них иметь лекарство и исцеление.

Речь начали мы о том, что менее образованный народ стремится многое перенимать у народа более образованного. Как мы вводили у себя моды по заморскому немецкому образцу, и как низшие классы народа перенимают все лучшее от высших, на том основании, что свет льется на нас всегда сверху, так вот и киргизы, незаметно, все более и более перенимают от русского. Все хорошее, что особенно касается до укрощения нравов, все, что касается до правосудия, до мира и тишины, всем этим они обязаны нам. Но у них много и дурных и смешных сторон, виною чему их старинная дикость, невежество, нехристианская образованность и степная нравственность. Много у них есть и своего хорошего, а много есть и дурных исключений. Эту оборотную сторону тоже не мешает знать.

А вот что, кстати. Мне один почетный киргизский бий подарил тоненькую книжечку, которую лет двадцать назад написал один господин, лет пятнадцать живший с киргизами. Мой знакомец бий, даря мне книжку, сказал, что все, что в ней ни есть – все правда, потому что точно многое такое водилось, а теперь вывелось, благодаря распространению просвещения во всех слоях общества. Выпишу слово в слово, что в этой книжечке сказано.

«Азиатцы скупы, бережливы по закону, и как по сей причине, так, может быть, и по действию на них климата, очень умерены и даже осторожны в употреблении пищи. Киргизы никогда не пьют ничего холодного и не едят скоро после сильных трудов. Киргиз, ехавши далеко и прибыв к месту вечером, привязывает лошадь свою и во всю ночь не дает ей ни корму, ни питья, сам же также не ест до утра. Гостю, приехавшему издалека, вечером не предлагают тотчас пищи, и не прежде как поутру на другой день режут для угощения его барана. Сверх того, они почитают еще за грех резать скотину для пищи после захождения и прежде восхождения солнца. Бухарцы и хивинцы после горячей пищи не едят скоро арбузов, полагая, что от того портятся зубы, в чем они, конечно, не ошибаются. Сырой моркови, репы и т. п. не едят они никогда.

Жизнь кочевая имеет свои прелести, которые понятны только тому, кто с нею ознакомился. У кочевых народов, сверх того, привычка делает то, что они свой образ жизни предпочитают всякому другому. Весною, когда кумызу много, и когда ордынец может слушать распевы какого-нибудь импровизатора, когда скотина его сыта и благополучна, и когда сосед зарезал барана, он совершенно доволен и положением своим, и состоянием своим; он не захочет быть сановником при дворе какого-нибудь нового Наполеона, хоть тот сули ему миллионы. Киргиз очень скромен в своих желаниях зимою, особливо во время гололедицы, когда уже потерял от нее скот свой. Один мой приятель вышел за Меновой двор и зашел в одну из расположенных там кибиток, принадлежащих самым бедным киргизам. Он изъявлял хозяину свое удивление и сожаление о том, что он и единоплеменники его живут так дурно, что у них даже не на чем сидеть, не к чему прислониться. Киргиз ему отвечал: а я жалею о вас и удивляюсь вашему неблагоразумию; вы тратите большие деньги на домашнюю утварь, которая столь хороша и столь дорога, что вы должны боятся ее употреблять; не должны ли вы завидовать покою и неге, которыми я наслаждаюсь на моей кошме?

Коллежский асессор Шапошников, человек богатый, но больной человек, хотел в 1812 г. набрать сотню или более киргизов и послать их на своем иждивении в действующую армию.

Он посылал людей уговаривать киргизов; охотников не явилось ни души. Он писал к знакомым по линии с тем же поручением: успеха не было. Он пустился сам на Меновой двор, где тогда киргизов было много; уговаривал их; они слушали терпеливо, но в армию идти никто не соглашается; он начал раздавать белый хлеб, арбузы и т. п., толпа около него собралась большая, а служить никто не хочет; наконец, он стал им объяснять, как в армии жить весело, выгодно и славно, что едва ли где можно жить так хорошо, как там. Они выслушали все и спросили: что ж ты туда сам не едешь? Шапошникову не объяснятся же с ними? Он поехал домой, а киргизы остались в степи. Известно, что тогда все, и башкирцы, и калмыки, все полетели на француза. Сорок лет много изменили киргизов, и теперь они сами вызываются охотниками в ратную степную службу.

Киргизов за преступления обыкновенно ссылают в Сибирь. Их отправляют как на поселение, так и в работу, всегда в Иркутскую губернию. Киргизы столько любят степь свою, что они не оставляют неиспытанным никакого способа к побегу. В острогах они подрываются, бросаются кучами на штыки и, будучи вообще трусливы, для освобождения себя из-под стражи презирают всякую опасность. Во время препровождения их дорогою, они пользуются всякою оплошностью стражи и для достижения цели своей употребляли и силу, и хитрость. В 1815 г. препровождались три или четыре киргиза из Звериноголовской или Усть-Уйской крепости в Оренбург. Один из них притворился больным и, наконец, умирающим, и так удачно, что только товарищи знали о притворстве его. Они просили, чтобы им позволено было остановиться, сняли мнимого умирающего с телеги и начали читать над ним обычные мухаммеданские молитвы. Набожные башкирцы, составлявшие конвой, слезли с лошадей, сложили оружие и желали покойнику усердно наслаждаться всеми удовольствиями, предстоящими правоверным, по возвещению лжепророка; как вдруг киргизы, как умирающий, так и здоровые, вскочили, опрокинули навзничь удивленных конвойных, сели на их лошадей и пожелали им благополучного пути до станции. Происшествие сие случилось, кажется, между Крутоярскою крепостью и Березовским отрядом. Не однажды в давние времена случалось, что кирги-

зы убивали конвойных. Нынче уж это невозможно. Киргизы чрезвычайно хорошо помнят места, и потому пробираются из самых отдаленных стран в отчизну свою, следуя в стороне от дороги и не ошибаясь в направлении.

Сия способность киргизов есть, может быть, последствие необходимости. В степи, кроме стезей или троп караванных, нет другой дороги, и потому ордынец должен знать непременно направление, которому он должен следовать, и наружный вид предметов, могущих служить ему путеуказателями. Старик Кабин Карабоков так хорошо помнил места, виденные им только однажды в жизни своей, что через сорок лет после того он отличным образом проводил в 1825/1826 гг. экспедицию к Аральскому морю.

По сей способности помнить места, киргизы пускаются, часто поодиночке, в самый дальний путь, частью по убеждениям очень не похвальным, но иногда по весьма благим. Между прочим, они ездили в Хиву для освобождения русских пленных, которых они должны освобождать не иначе как тайно и с крайнею для себя опасностью. Весьма недавно еще, впрочем, лет двадцать назад, а двадцать лет для Киргизской степи стоит нашего века, один из них заплатил в Хиве жизнью за неудачу в таком предприятии.

Киргизов упрекают в жестокосердии и лютости, но весьма немногие бывают так люты, как их описывают линейные жители, и очень нередко являют они примеры сострадания и других добродетелей. Естественно, что в сем отношении преимущественно отличается женский пол.

Дочери султанов киргизских в законное супружество вступают только с султанами же или с хаджами, но с простыми киргизами никогда. В этом состоит вся разность между ими и простыми киргизками.

Султан киргизский и каждый почетный ордынец почтет за обиду, если кто спросит об имени его жены: никогда он его не скажет.

Если дочь значительного ордынца сговорена, то жених до свадьбы не должен показываться отцу невесты.

Подобные обряды исполняются строго только у значительных или у богатых людей; бедные помышляют только о

том, чтобы прокормить себя; обычай гостеприимства однако соблюдают до самой крайней возможности. Пред трапезою подают гостям воды для того, чтобы умыть руки, а для обтирания их – полотенце, всегда столь запачканное, что без отвращения не только в руки взять, но и смотреть на него нельзя. Полотенце такое кладется перед почетными гостями также для того, чтобы во время стола оно служило вместо салфетки. За великий стыд почитается у знатных киргизов подавать чистое столовое белье, ибо это бы значило, что оно редко употребляется, т. е. что хозяин не рад гостям. Султаны и богатые киргизы, живущие около линии, угощая русских, соображаются, однако, с обыкновениями их, но кажется, что бухарцы, кроме нескольких из них, живущих постоянно в Оренбурге, еще не дошли до сей степени образования.

Статья вторая

IV

Баранта

Две старинные песни. – Старинные экипажи. – Усовершенствование их. – Разные ступени общественного быта. – Дикарство киргизов. – Смягчение их нравов. – Уничтожение баранты. – Причины и основания ее. – Куны и пени. – Нескончаемость счетов. – Русские набойщики и шабольники.

Право, как немножко этак пораздумаешь – так свет-то нынче идет куда как лучше против прежнего! Уж, разумеется, водится и теперь не без того, чтоб старики не похваливали старые годы да бывалые времена; да полно, точно ли в старые-то годы жизнь краше казалась? Ведь только в сказках сказывается, что в старину житье бывало широкое, что иной богатырь раскинет «двор на семи верстах, а кругом двора железный тын, на кажиной на тынинке по маковке, на девятой на тынинке по жемчужине; посередь двора светлицы стоят, у них гридни белодубовые, а и крыты-то седым бобром, потолок черных соболей, а матица волженная, пол-середа одного серебра, крюки да про-

бои по булату злащены, а во двор ведут ворота-то вальящатые, то хрустальные». В те поры певали:

Ты река ли моя, реченька,
Ты река ль моя, медвяная,
Ты течешь, река, по сахару,
Разливаешься по патоке;
У тебя ли, моей реченьки
Круты бережки серебрянны,
А песочки-то жемчужные!

Мало ли чего прежние сказки не придумывали – не больно охоч я до тех старых песен, в которых поется все невесть какая пустошь. Больше мне по сердцу те песенки, где поется про русскую удаль богатырскую, про бранное наше молодечество. Истома берет, как прислушаешься к заунывному голосенью наших крестьянских баб да девок: то ли дело как артель удалых молодцов песельников дружно грянет старинную песенку:

Не бушуйте вы, ветры буйные,
Не бушуйте вы, ветры осенние,
Не волнуйся ты, море синее,
Не вздымайся ты, море Черное!
К нам указ пришел от матушки
От царицы православныя,
Наказать врага вероломного.
Как у нас ли на Святой Руси,
Снаряжались кораблики,
Корабли белодубовые.
А и плыли те кораблики
Через море, через бурное,
На восточну дальну сторону,
В басурманскую сторонушку,
К самому ли, ко Царю-Граду.
Не сине море разъярилося,
Не седые волны всколыхалися,
Не круты бережки вздрогнули,
И не темные тучи, сизые,

Грозой громкою разразилися:
А гремели, раздавалися
Звонки голосы молодецкие,
Разудалых корабельщиков:
Ой ты, гой еси, неверный царь,
Ой ты, нехристь, басурман-салтан!
Прогневал ты своей лютостью
Государыню православную,
Ты царицу нашу матушку.
Припади скорей к стопам ея,
Умей вымолить прощение!
Не испросишь ты прощения -
Того горше прогневишь ее:
Она, матушка наша мудрая,
Тебя, злого басурманина,
Протурит из Царя-Града.

А прислушайтесь-ка, каково забористо запевают наши солдатики вот эту тоже старинную песенку:

Вы победные головушки, солдатские,
Как походы вы свои справляете
И ни в чем вы устали не знаете.
Только б было, где злых врагов побить!
Что со вечера солдатам приказ отдан был,
Со полуночи солдаты ружья чистили,
Ко белу свету солдаты во строю стоят.
Не златая трубушка протрубливала,
Не серебряна сиповочка подыгрывала –
А возговорит надежа православный царь:
Ой вы, гой еси, солдатушки драгуны,
Вы армеюшка пехота, и все войско,
Вы раздумайте со мною мою думу –
Как бы нам, ребята, город Азов взять?
Не златые пчелушки во роях жужжат,
А солдатушки в рядах ответ дают:
Взять возьмем мы город Азов своей грудью,
Мы положим свои головы за веру,

Рады лечь костьми мы за Святую Русь!
На закате ли то было светла месяца,
На восходе ли то было ясна солнышка,
С песнями солдатушки на приступ шли
Что под тот ли под Азовский славный град,
Что под те ли стены белокаменны,
Что под те ли под раскаты под высокие.
То не белы камни с гор катилися –
А валились со стены враги наши;
То не снеги во поле белелися –
А белелися чалмы турецкие;
Не с дождей потоки разливалися –
Разливалася кровь басурманская!

Ну, вот этакая песня и поется как-то веселее, да и слушается как-то порадостнее. А есть ли тут чем хвастаться, что в старые, бывалые времена подносили богатырю чару зелена вина с полтора ведра, принимал ее молодец единой рукой, выпивал чару единым духом, пудовой сайкой закусывал, по целому пирогу за щеку метал, по целому гусю проглатывал? Бывали, может статься, такие удальцы, но их время, их черед прошли, и прошли, слава богу, безвозвратно.

Старые старики потому, я чай, прежние времена похваливают, что сами они тогда были моложе, кровь-то в них играла поживее, стало и жизнь-то их в ту пору краше. А, разумеется, люба ли жизнь тогда, когда у прежнего молодца и ноги подкашиваются, и волосы на голове повыцвели да пожелтели, и кровь-то по жилкам еле-еле переливается, и немощи старческие то тут, то там одолевать станут! Что говорить: весело старинку вспомнить, да правое ли дело охаивать нонешние времена?

Я вот так своим умом-разумом раскидываю. Во все времена было между людьми много худого, а много и хорошего: так оно теперь ведется, так оно будет и после, пока свет стоит. Но хорошего всегда бывало не в пример больше, чем дурного. В одном могу я согласиться, что прежде люди были попроще. Что ж такое значит попроще? А то, что хитростей разных этаких не было, а хитростями у нас, известное дело, зовут и манерливость в обращении, и уютность в семейной жизни, и все и все; даже учиться человек захочет наукам – так и тут говорят уж, что он происходит разные хитрости. Чуть только захочешь жить маленечко по-людски – уж на тебя иной и накинется: новые порядки, говорит, заводит! На заморскую руку гнет! А какая тут заморщина, что велишь сундуки или лавки изрубить на растопку, да заведешь себе порядочную мебелишку! Как хорошенько посудить, так мебель самая необходимая вещь во всяком хозяйстве. А какое слово мебель? Чужое, заморское! У нас для этого даже своего слова нет! А экипажи? Опять-таки не русское слово – стало быть, в старые годы, у нас на Руси не знали ни мебели, ни экипажей.

Да и в самом деле, есть и теперь еще на Святой Руси дальние глухие закоулки, где экипажей еще знают. Понадобится ли мужику, а в иных местах и горожанину, куда ни на есть отправиться – он седлает коня и едет туда верхом: в старые годы у нас никто иначе и не езжал, как верхом. Ну, вот пришлось подумать насчет того, как бы полегче перевозить кладь. Прежде в незапамятные времена, кладь вьючилась на лошадей, но появились предметы, которые трудно было вьючить на лошадь – примерно сказать: снопы с полей, сена́ с лугов или сутунки из лесу. Голь хитра на выдумки! Вот и придумали первый экипаж, который еще о сю пору здравствует и на котором доселе у нас в иных краях сено, а в иных местах только сутунки перевозят. Этот экипаж называется волокуши: это больше ничего, как два длинных стяга; с одного конца в них впрягается лошадь, а с другого прикрепляется перекладина, на которую и привязывают разную кладь.

Потом придумали к этим волокушам подделывать на зиму – полозья, а на лето – колеса, вот и вышли для зимы – сани, а для лета – передняя половина ро́спусков. С годами пришли новые улучшения, и прежняя волокуша, с одной парой некованых колес, приняла уж двоякий вид: в гористых краях пошли двухколесные таратайки, как у чухон, а в степовых местах – двухколесные арбы, как у татар; в наших же долинах, на Святой Руси, вместо двух колес, стали подлаживать четыре колеса, у нас появилась и телега, явились и настоящие роспуски. Потом сметливые люди стали замечать, что чем дальше за-

дние колеса стоят от передних, тем на роспусках сидеть ловчей и меньше тряски – и вот на степных местах появились дроги, почитай что одно и то же, что и роспуски.

Женщина слабее мужчины по сложению и хитрее по уму; она умеет каким-то манером подладить мужчину так, что он, каков бы ни был грозный у него норов, непременно станет во всем угождать ей. Вот мужчина и стал придумывать: как бы ему повальяжнее перевозить с места на место женщину, свою подругу?

Сначала он ограничился самым обыкновенным и простым способом. Он предложил ей не новый экипаж, а все те же старинные свои роспуски и дроги, только угождая нежному сложению, покрыл роспуски ковриком, чтоб бабе удобнее сидеть было. Эта манера и теперь существует.

Потом, наш брат мужик ухитрился подвязать дощечку, вместо подножки, во всю длину дрог. От этого у седоков ноги не болтались и сидеть стало гораздо спокойнее: все ведь это и о сю пору на наших глазах еще ведется.

Если в таком экипаже ехать по грязи, то с колес ею седока обрызжет. Мужчина о себе мало думает; ему скорее хочется угодить женщине, у которой и платье наряднее, и ответственности за чистоплотность больше. Вот умный человек и придумывает приделать к дрогам крылья: сперва они были коротенькие, только близ самого сиденья, потому что грязью брызгало больше с верхней части колес, а потом крылья эти протянуты и до самой подножки: на такой экипаж доселе еще можно полюбоваться наглядно.

Потом придумали коврики заменить подушкой, а крылья и подножки оковать железом да выкрасить – и вышел тот самый карандасик, на котором у нас разъезжают все от Симбирска до Нерчинска. А если на эти же самые дроги поставить тележный кузов – вот тебе и тарантас готов; потом над этим кузовом сделали кибитку, чтобы от дождя укрыться, а теперь тарантасы пошли такие, что твои кареты! А настоящие-то кареты начались на Руси еще со времен царя Василия Ивановича Шуйского, а при царе Алексее Михайловиче у нас на экипажи большое пошло щегольство!

Вот теперь бы и любопытно было поставить на одну доску и волокушу из какого-нибудь укромного местечка вятских лесов, и роспуски… хоть из Петербурга, и простые некрашеные дроги из Томска, и простую телегу из ближней деревни, и хорошенький тарантасик или старинную линейку хоть из Нижнего, и щегольской тарантас из Казани, и калиберки из Москвы, и новомодную, франтовскую, уютненькую английскую каретку, и другие какие ни есть экипажи, все это поставить рядком, да посмотреть, да посравнить: так ведь каким дубьём покажется не то что телега, а старомодная коляска перед этой английской кареткой. Ведь хохоту-то сколько будет!

Но надо видеть все эти экипажи в тех местах, где они существуют, и на том самом деле, на какое они употребляются, да притом у тех самых людей, для потребы которых они нужны – вы и скажете тогда, что, дескать, и карета вещь прекрасная, и тарантас вещь прекрасная, и дроги вещь прекрасная; тогда и смеху не будет, и человек хладнокровно с благоразумием рассуждать станет, что, дескать, всякой вещи есть свое место, есть и свое назначение – ей богу, право-с! То будет лишь смешно, если петербургская знатная барыня вздумает на гулянье кататься на крестьянских роспусках, а мужик-лесоруб станет подвязывать двадцатисаженные сутунки к модной карете или укладывать сено да снопы в щегольскую коляску; ну, не так ли-с?

Смекните-ка вы то, что я теперь говорил про экипажи, да и приложите это к человеку – вы и увидите, как испокон веку весь человеческий род идет к постоянному улучшению; увидите вы и то, что если у нас на Руси о сю пору здравствуют и благополучно обретаются старинные волокуши и телеги одновременно с модными каретами, так, несомненно, надо признать и законность одновременного существования племен грубых необразованных самым допотопным манером вместе с народами благонравными и образованными в той степени, до какой только могли достигнуть в наше время разные просвещающие ум и сердце познания. Это будет длинная лестница: а вглядитесь в дело поближе – и вы убедитесь, что всякая ступенька тут на своем месте, всякой ступеньке есть свое назначение, своя цель, всякой ступеньке есть законно принадлежащее ей право. И выломать ни одной ступеньки из этой лестницы невозможно: в

ином месте неестественно шагать придется, а в ином, пожалуй, так шагнешь, что и голова цела не останется. А тогда уж плохо придется, как избираясь на известную ступень, да грохнешься наземь: станет ли сил снова наверх взбираться!.. Вот хоть бы Турция, которая вдруг вздумала подломить многие ступеньки да разом шагнуть туда, куда ей еще больно высоко забираться: ей и несдобровать тепериче – припомните мое слово!

Уж по самому порядку вещей видно, что на той лестнице, на вершину которой весь род людской взбирается, соразмерно с нравственными своими силами, все лучшее и избранное должно стекаться на высшие ступени. Но, любуясь этими избранниками, мы все-таки не приобретаем еще права смеяться или издеваться над теми, которые еще невысоко шагнули. Всему свое место, свой черед, свое назначение, и все имеет свои законные, признанные права на наше внимание и на наше участие.

Пожалуй, меня еще назовут пустомелей за то, что я в такие речи пускаюсь и передаю всем и без меня известные и переизвестные истины. Но боюсь я не того, что про меня скажут, будто я рацею читаю, а боюсь того, чтоб как-нибудь запамятовавши эти истины, не стал иной смотреть на моих киргизов как на какое-нибудь будто уж и нечеловеческое отродье.

Киргизы, или как мы, саратовцы, зовем их – карсаки, или, по-настоящему, кайсаки, или, наконец, как они сами себя зовут, казаки, стоят еще на одной из низших ступеней человеческой лестницы, но уже давно не на самой низшей ступени; нравственно возвышаться они заметно начали с тех пор, как вступили под державу Русского государства: и теперешние внуки далеко уж опередили тех ордынцев, которые остановились на дедовской ступени.

Я уж прежде намекнул на то, что киргизы, сдружившись с русскими и войдя с нами в постоянные сношения, стали волей-неволей перенимать от нас многое. В числе этого много начали они заимствоваться от нас и тем, что ставило нас, в сравнении с киргизами, на высшую степень человеческой лестницы, а из этого, сами собою, вытекли те последствия, каких везде надо ожидать от сближения грубого и невежественного народа с народом образованным. Первое дело касалось, конечно, умягчения нравов и подготовления народа исподволь к заимствованию от нас коренных оснований нашего оседлого быта. Не у всех, конечно, однако ж все-таки у довольно незаметного числа киргизов мы встречаем и хлебопашество, постоянные дома для жительства. Разумеется, такие важные вещи совершаются веками, и смешно было бы захотеть определить срок, в который может быть начато и окончено пересоздание целого народа, – да ведь на свете ничего и не делается сразу, – все идет себе потихонечку, да помаленечку. А что касается до киргизов, так для нас уж и то важно, что основание великому делу положено, и если бог продлит на долгие времена нынешний порядок дел и не допустит в глубине этих отдаленных стран важных переворотов, вроде возобновления времен Чингис-хана и других подобных ему дикарей-завоевателей, можно с уверенностью полагать, что киргизы достигнут, наконец, той же ступени на лестнице человеческого преуспеяния ко всему высокому, на которой сами мы теперь стоим. Да и можно ли в том отчаиваться или даже сомневаться? И не грешно ли предполагать, что господь бог от начала веков обрек эти неизмеримые пространства вечной тьме душевной и вечному дикарству и непросвещению?

Вы видите, я все гну на ту сторону, что признаю возможность и необходимость слития воедино полудикого племени с нами, с образованным народом. Но восхваляя то положение, в котором мы с вами находимся, я вовсе не думаю проникаться чувством какого-нибудь отвращения к теперешнему быту киргизов – чего и вам не желаю: иначе мы никак не разузнаем всех оттенков их быта, никак не возбудим в себе участия к ним, а, следовательно, никак не сумеем разумным образом проторить путей, по которым следует вести это невежественное племя к улучшению нынешней его жизни.

Мы, русские, как будто бы самим провидением, призваны разливать свет нравственного просвещения в необъятных странах Азии. Наряду с другими народами, мы ведем вперед и киргизов и, в последнее время, заставили их сделать важный шаг – отказаться от баранты, отказаться от обычая, который был в крови, в нравах, в вековых преданиях целого народа.

Отказаться от какого-нибудь обычая и одному человеку нелегко, тем труднее было ожидать, чтоб целый народ добровольно от него отказался. Усилие закона вело к тому, чтоб во-

инственное самоуправство и междоусобные распри подчинить законности, подчинить разумным началам суда правого, не жестокого, а человеколюбивого. Это-то усилие искоренило у киргизов хищничество, и исподволь подводило их под начала общего человеческого закона, существующего у каждого образованного народа. Уничтожив разбойнические наезды, истребив сокрушительные воинственные набеги, мы, разумеется, поохладили киргизское жестокосердие, еще более умягчили их нравы, и обуздали, до тех пор не знавшие никаких препон, порывы страстей, сродных каждому дикому народу; а вместе с тем, конечно, вдохнули в них что-то похожее на разумное понимание справедливости и благодеяний, доставляемых мирным и спокойным сожительством.

Может быть, найдутся люди, которые будут сетовать на то, что через такое переиначенье обычаев в киргизах потух воинственный жар. Так неужели ж нам скорбеть, что мы заглушили все признаки зверства и лютости, в которых прежде грубел народ, и озарили его лучами просвещения? Этак, пожалуй, нам самим надо плакаться на наш просвещенный век и всею душою стремиться к превращению самих себя в стародавнюю Русь, которая существовала еще до основания Москвы. Если так, то можно и еще проще поступить: стоит только взять, да и окиргизиться! Оставить все, отказаться от всего, чем душа наша и ум теперь обладают, смотреть на все киргизскими глазами, жить по-киргизски, даже по-киргизски чувствовать. Вряд ли найдется на это много охотников! А кто предпочитает отчаянную храбрость дикаря благоразумной и нужной только в крайних обстоятельствах храбрости образованного человека – тот может еще кой-где по дальним закоулкам степи потешить свою удаль-молодечество и в барантах, польстившись на громкий титул степного батыря.

Живши в степи, я много наслышался про баранту, и один из аксакалов, старый киргиз лет семидесяти, хорошо помнивший все рассказы своих дедов, почасту со мной беседовал о том, как барантовали в стародавние годы киргизы. Суть-то всю из его пересказов мне и хочется теперь вам передать.

Баранта слово не русское, а татарское, и выговаривается у них *бармта*, слово в слово по-нашему оно выйдет – поход, набег. Вот из-за чего она в стародавние годы происходила.

Киргизы всегда и во всем расправлялись между собою самоуправно. Выйдет, например, между приятелями спор или нанесена будет обида: у киргизов нет того, чтобы идти жаловаться и начать на законном порядке дело – прежде этого не знали, а просто-напросто завязывалась схватка, начиналась потасовка, и кто кого, бывало, осилит – тот и прав.

Без побоев дело, разумеется, не обходилось; за побоями шло увечье и раны, а при жарких схватках – и смерть приключалась. В схватках, конечно, участвовали мужчины, сильные работники, отцы семейств, поддерживавшие благосостояние своего хозяйства. Со смертью их семья их нищала, лишась и родственника, и главного руководителя. Смерти этой нехристианская семья, конечно, не могла забыть, не могла простить убийце, и по закону мести должна была получить окуп крови, окуп, который прикрывал все происшествие. Эта цена крови называется у киргизов *куна*. Вот эту-то куну убийца и должен был заплатить родственникам убитого.

За убийство каждого киргиза положено платить известный окуп скотом; за убийство женщины платилось в половину против мужчины. Кто не в силах был выплатить этого окупа, тот выдавался родственникам убитого головой и подвергался неволе.

Иные, почитавшие себя правыми в убийстве и не желавшие платить цены крови, оставляли родственников убитого без удовлетворения. В таком случае весь род, к которому принадлежал убийца, обязан был принудить виновного исполнить свою обязанность и выплатить куну. Если же род отстранял от себя это дело и не приневоливал убийцу внесть возмездие, то очень понятно, что соперники его, семья убитого, считали, по своим нехристианским правилам, очень законным делом прибегнуть к силе.

Они делали набег на убийцу, вступали с ним в сражение и силою отгоняли у него то число скота, которое им следовало. Если против такого нашествия соперников виноватого ограж-

дали его однородцы, то мстители возвращались восвояси ни с чем и заявляли обо всем своим однородцам.

Вот тогда уж начиналась полная суматоха. Родичи обиженных поднимали оружие и шли войной на родичей убийцы. Начиналась битва, в которой всем равно доставалось – и правому и виноватому. Били, колотили, рубили всех, кто попадется, и отгоняли верблюдов, быков и баранов где ни случится.

Несмотря на низкую степень гражданского состояния, киргизы, как люди, одаренные от бога таким же, как и все, здравым смыслом, скоро поняли, что это выходит настоящая резня, и потому им нельзя было не подумать, как бы ограничить последствия таких побоищ.

Сообразно со степенью тогдашнего своего состояния, в котором понятие-то о каре виновного не может еще выработаться так, как мы его видим у народов образованных, киргизы и постановили правилом, чтоб кровь каждого человека оценить однажды навсегда определенным окупом. Вот они и положили, чтоб куну за убитого киргиза из простонародья считать в тысячу баранов, а за каждую женщину из простонародья – в пятьсот баранов; а если кто в набеге убьет человека султанской семьи, то обязан выплатить куну в тысячу верблюдов, за жену или за дочь султанскую – куна пятьсот верблюдов.

У кого нет такого числа баранов или верблюдов, тот мог платить и другим скотом: у киргизов все разочтено и испокон веку уж положено во сколько баранов считать верблюда, молоденького, взрослого или уж старого, и во сколько баранов надо ценить лошадь, и каких именно достоинств: за аргамака такая цена, а за простую молоденькую кобылку – другая. У киргизов все переведено на баранов, а нет баранов – так плати тем, что на охоте добыл: и тут тоже рассчитано, во сколько баранов надо считать лисицу или волка, либо что другое.

Куна берется только за убийство человека; за не смертные раны, за отгон лишнего числа голов скота и за другие, кому бы то ни было причиненные убытки положена пеня *тюля*: тут все высчитано не десятками, а по девяти голов, за иное берется два девята баранов, за иное три девята коней, а за иное девятью девять-девятов голов. Тут также каждая утрата имущества высчитана особо и сделана оценка всему: и накошенному сену, и

жилому кошу, и носильному платью, и всякому оружию – ничего задаром пропадать не должно.

Все это, конечно, положено было с доброю целью, чтоб устрашить барантовщиков и удержать их от самовольного нанесения излишнего ущерба враждебной семье или враждебному роду. А можно ли в суматохе, когда целый род встает на род, положить какую-нибудь границу, которую бы дикое племя, в полном разгаре страстей, не переступило? Надо мне было отогнать у неприятеля, положим, хотя за куну тысячу баранов. Я поднялся и пошел в набег; неприятель меня встретил; началось побоище; или и втихомолку я подсторожил враждебные стада, успешно захватил их: мне второпях не до того, чтобы каждую голову особо пересчитывать, я гоню перед собою все, чем мне удастся завладеть. Возвращаюсь домой; перебираю добычу – и насчитываю только восемьсот баранов. Конечно, я недоволен. По моему обычаю, я признаю себя законным владельцем еще двухсот баранов, которые пока пасутся у моего недруга. Я выжидаю удобного времени, и потом опять пускаюсь в набег. Но враг мой хитер; он уж сам меня подстерегает, озлобленный моей прежней удачей. У нас опять начинается побоище; опять счастье мне благоприятствует; я опять отгоняю скот и насчитываю дома, что теперь у меня тысяча баранов, да еще пятьдесят голов лишних. Ну, пятьдесят голов неважность: пусть они останутся мне за проценты, что я трудился, да хлопотал, да еще ждал столько времени.

Но прошло еще две-три недели времени, мой недруг, с которым мы теперь сквитались, ночью делает нападение на мое стадо и уводит триста голов.

– Как так, триста? Ты только пятьдесят штук мог отогнать!

– Как бы не так, пятьдесят! Ты у меня двадцать баранов передавил, да переморил дорогой, да аргамака увел, да моего ясыря изувечил, да растаскал сено, да котел ограбил, да то, да сё...

И почнет выводить, да рассчитывать, да ведь как высчитывает-то? По его прикладке с меня еще сто баранов взять приходится.

– Постой же! – думаю я, – ты и в самом деле, пожалуй, ко мне опять заберешься в гости. Нет, брат, шутки! Я сам счеты

вести все умею: как хочешь, а мои двести пятьдесят баранов воротятся ко мне.

Я опять подбираю дружину и опять нападаю на недруга. Таким манером, счеты между мною и им, между моим родом и его родом, а зачастую и между несколькими родами вместе за один раз, счеты идут нескончаемые, тянутся целыми десятилетиями, сопровождаются беспрестанными побоищами, кровь льется, люди увечатся, семьи нищают и доводятся до такой нищеты, до такого отчаянья, что и подумать страшно.

Что говорить! Хвалителям воинственных наклонностей у иного племени есть чем тут полюбоваться. Уж одно снаряжение на баранту чего стоит! По целому аулу рыскают всадники, сговариваясь на предстоящий набег. Одни чистят оружие и острят сабли; другие объезжают коней и выдерживают скакунов; третьи шпионичают и выглядывают, где и как у враждебного рода стада пасутся, и в какой мере и кто именно в какое время стоит у них на стороже.

Только что снега сойдут, степь покроется свеженькой травкой, изморенные за зиму табуны разыграются на весеннем тепле, а воинственные хищники разгорячат кровь неумеренными приемами кумыза, вся молодежь уж и просится потешиться, погарцевать, поиспытать свою удаль богатырскую. Их-то и подбирают себе те, у кого есть счеты на чужеродце. А иногда буйные сторонники и сами привязываются к какой ни на есть безделице, припоминают стародавние права на ничтожную пеню в чужом ауле – и идут в набег.

Артели барантовщиков бывали разные, ехали они и по двое, и по трое, а то собирались и десятками. Чем значительнее было дело, чем более оно затрагивало хозяев в ауле или в роде, тем артели становились гуще и гуще: собирались даже целые полчища из нескольких сот человек.

Вот как этакая-то гурьба подкрадется к аулу ночью, да нападет врасплох на спящих, да гикнет, да почнет потеху, рубя и коля всех и каждого – что за стоны поднимутся в ауле, что за вопли раздадутся по степи! Едва-едва забрезжит свет и дальнее небо озарится первым вспыхиваньем утра – какие невеселые предметы кидаются в глаза постороннему зрителю! Тут арканят молодую девушку, там топчут маленьких ребят, здесь

стариков хлещут нагайками, а тут на площадке за кибитками сцепилось несколько наездников, оборванных и неодетых, в порыве полного ослепления жаждой добычи наносящих тяжелые удары противникам.

Между тем как одни проливают кровь в побоище, а другие грабят последние крохи от беззащитных семей, за аулом виднеется новая толпа народу, вооруженного копьями. Она отбили табуны и стада у сторожевых киргизов и гоняют теперь к себе эту добычу. Глухой топот табуна гулко приближается откуда-то издалека; слышится уж нетерпеливое ржание коней, настойчиво погоняемых скачущими вокруг них батырями; неповоротливые быки, задрав хвосты и понурив головы, кидаются без памяти туда, куда загоняет их опытный всадник. Обширные стада баранов, вздымая над собою целое облако пыли, незаметно движутся по ложбинке, едва-едва белеясь, будто пена на бурливом, но на дальнем озере, и скоро вовсе скрываются из глаз за едва очерченными скатами ближних холмов.

Если барантовщикам случится одержать верх и овладеть чужими табунами, врасплох или с бою, одноаульцы оповещают соседних однородцев и вместе с ними несутся в погоню за хищниками. Те настигают неприятелей и начинают с ними новую битву. Загорается новая схватка, новая резня, влекущая за собою новые куны и новые пени, а вслед за тем и новые набеги дружин для баранты. Так эти междоусобия и тянутся годами непрерывно, лишь на короткое время сдерживаемые глубокими снегами и приближением весны; зато с наступлением лета они возобновляются с новым жаром.

Иногда поводом к баранте бывают частные случаи преднамеренного или случайного воровства.

Поднимется, например, зимою буран, по-нашему метелица. Буран нагрянет невзначай, неожиданно. Владельцы стад не успеют отпасти своих табунов в загоны около аулов. Вот бураном-то косяки лошадей разобьет, стада баранов растреплет и понесет их по ветру все прямо и невесть куда. Случается, говорят, что эти стада прибьет бурей к чужому аулу. Здешние ордынцы завладеют скотом и скроют эту добычу. А между тем настоящие-то хозяева нападут кое-как на след, по шляхам доищутся до теперешнего притона стад и потребуют их от передер-

жателей обратно. Если те не захотят доброй волей отказаться от чужого имущества, то подлинные владельцы скота прибегают к решению дела силою. И опять начинается баранта, и с каждым новым набегом она принимает размеры все шире и шире.

А случается, что баранта возникает из совершенных пустяков. Какой-нибудь мальчуган, у которого едва-едва ус стал пробиваться, вдруг задумает вскружить голову девке, которая сильно пришлась ему по праву. Девка не дура, не кинуться же ей на шею первому встречному. Парень-то ей с виду, может статься, точно полюбился, да ведь не входить же ей в шашни разные с голышом, который не сумел еще заслужить себе и молвы порядочной. Удалому молодцу надо чем-нибудь выставиться перед другими, нужно сделать себя предметом разговоров, которые затрагивали бы самолюбие молодой киргизки, да и самому-то ему придавали вес в целом его роде. Вот он, нимало не задумываясь, и подбирает себе товарищей, такую же, как и сам, шаловливую молодежь, пронюхивает делишки по окрестностям и, выбрав ночку потемнее, уезжает с ними тайком из своего аула. Соседи ничего и не подозревают, а он, взбалмошный, вдруг и нагрянет на стадо какого-нибудь почетного человека, да и отгонят у него целый табун, совсем не с тем намерением, чтобы украсть; нет, он коней дня через три-четыре сам воротит хозяину без изъяну! А у него та только в голове мысль, чтоб заслужить себе одобрение своей братии, одноаульцов, да распустить добрую молву о своей удали, молодечестве. Чтоб поставить владельца табуна в тупик, он и следы свои скрадет, т. е. такие круги начнет по степи выделывать, что шарь не шарь, а просто с толку собьешься, раздумывая, в которую сторону уведены кони. Для того, чтоб скрыть следы похищенной скотины, употребляются разные хитрости.

Можно ли же одобривать наклонности того народа, в обычаях которого укоренилась баранта? И не следует ли уничтожение этого пагубного обычая почесть важнейшим шагом к улучшению народной нравственности? Баранта распаляет страсти, разжигает зверство, доводит до нищеты целые семьи, целые поколения и совершенно нарушает правильный ход домашнего хозяйства киргизов и их ежедневных занятий.

Мне часто доводилось вступать в беседы с разными очень почтенными господами, которые неоднократно приводили меня не то что в недоумение, а просто в изумление вопросом: какие же могут быть занятия у киргиза? По их мнению, если киргиз пасет свой скот, так, стало быть, у него ровнешенько никаких ни хлопот, ни забот нет вовсе.

Ведь если все этак смотреть на вещи, так куда как легко человеку житье на сем свете. Только и знай, что пей, ешь и спи, да катайся, словно сыр в масле! Многие думают даже, что чем человек ниже стоит на ступенях общественной лестницы, тем более быт его безынтересен, тем менее сторон представляет он для назидательного изучения. А по моему крайнему разумению, это бывает совершенно напротив: чем грубее человек, тем более на нас лежит обязанность хорошенько ознакомиться с существом его быта, чтобы знать, как вести его к дальнейшему развитию. Точно так же, чем беднее человек в средствах поддержания жизни в своей смиренной доле, тем для нас поучительнее знать, какие же честные меры принимает этот бедняга достать себе насущный, а подчас и сладкий кусок трудового хлеба, и какими доступными ему путями он выпутывается из стеснительных и горьких обстоятельств, не впадая ни на минуту в отчаяние и не ожесточаясь против целого мира завистью и злобою.

Ну, да вот возьмите вы любого странствующего по деревням набойщика. Ну, взгляните вы на него, что это за человек? А между тем, этот человек все лето до поту лица проработал на пашне, убрал хлеб, свез излишки на базар, выручил наличные деньги, уплатил часть подушных и обеспечил свою семью – хворую жену с ребенком, да старуху-мать, у которой и ноги отказались уж служить, да и глаза давно уж стали видеть плохо.

Теперь, к зиме, собрался он в дорогу – деньгу зашибать, вспомнив старую науку, как, будучи еще мальчишкой, набрался он хитростей узоры набивать на тканях. Русский человек ничего не любит делать в одиночку, у него уж испокон веку заведено составлять товарищества, компании. Вот и наш Ванюха, подговорив себе в артель Кузьму да Панфила, забирает с собой для прислуги мальчугана – сынишку Пахомку, наваливает весь свой скарб со струментом на сани и, сотворив молитву перед

образом Угодника, идет себе в путь-дороженьку, на заработки. Он смекает, что скоро заговины, а там опять мясоед, а там придет масленица, там пасха; по деревням, по селам начинаются женитьбы: скольким невестам, да женихам его мастерство теперь пригодится!

Вот и приходят наши ребята, положим, в деревню и пристают тут либо к «дворнику» на постоялый двор, либо к старосте, либо к бурмистру, где найдут светлицу поспособнее.

Договорившись со старостой Лавром Калининым в харчах и в фатере, Ванюха наш идет по деревне с позывом. Он останавливается у каждой избы, колотит в ставни палкой и громким напевом выпевает перед каждым окном:

Эй, тетки-лебёдки,
Коли нады-т набивать набойки,
Спросите Ванюху,
Идите к Лавру Калинину.

Обошедши всю деревню, Ванюха возвращается домой, где он пристал, и тут-то его обступают бабы, одна за другою. С ранней весны они ткали холсты, лето провели за уборкой хлеба да за льном – а вот теперь им и шитво надо готовить, кой-что на себя, кой-что дочерям в приданное. Вот и нанесут они холстов к Ванюхе, чтоб набил по ним узоров разных.

Ванюха у нас парень ладный и знает все порядки. Он показывает бабам обращики узоров, а обращиков-то этих у него всего с какой-нибудь десяток, – так, лоскуточки этакие, в четверть, и все они вделаны в дощечку, почитай что точно так, как по гостиницам газеты вкладываются в рамки. Все узоры, сказать правду, почти что на один манер, разве-разве что с десяток рисунков этого разряда насчитаешь на все царство Русское! На ином обращике земля коричневая, а цветочки аленькие, а на другом земля алая, а цветочки коричневые; на одном листочки обвивают цветок с правой стороны, а на другом они идут к нему с левой стороны: перемен в рисунках очень мало.

Вот бабы и рассматривают все эти узоры и выбирают, который кому любее, а потом и договариваются в цене: пряжи

ль за работу дать, или заплатить цельным холстом, или выдать чистыми деньгами столько-то копеек. На чистые-то деньги бабы наши куда как не тороваты: им сподручнее расплачиваться какой ни на есть рухлядью. И бабам-то оно легче, да и набойщику-то выгоднее: пряжу ли, холст ли, курицу ли, либо что другое, он сбудет на базаре гораздо дороже того, во что эта уплата самому ему обошлась.

Набойщики набивают красками холсты либо под ситец, если хозяйки думают шить себе рукава к рубахе, или передник, или мужу шаровары, либо красят они холст продольными стрелками, будто как тик; это в таком случае, если из холстов будут шить наволочки для подушек или покрышки для перин.

У хозяина, к которому набойщики пристали, Ванюха живет до тех пор, пока бабы не перестанут являться к нему с холстами. Во все это время Ванюхе помогают в работах Кузьма да Панфил, а Пахомка растирает краски, которыми еще до начала пути наши молодцы запасались в дорогу, и как их, так и доски, и плиту, и всякую мелочь и струмент, для мастерства нужный, развозят они с собой, как сказано уже, в санях. У старосты Ванюха проживает недели две почти задаром, не совсем задаром, а без платежа наличной деньгой: он ни копейки не брал за все работы, которые задавала ему старостиха, а за такие послуги не только что он сам, и вся его артель бывали и теплы, и сыты, а даже и лошадке-то его Лавр Калинин задавал овсеца вдоволь.

Если в уплату за работу Ванюхе пришлось получить несколько цельных кусков холстины, он спешит тут же набить их красками; но, работая для себя, он придумывает какие-нибудь новенькие узоры, похитрей, да позатейливей, и в таком случае перепродает эту набойку на ближайшем базаре за очень выгодные цены. Тут же на базаре он сбывает и всю прочую мелочь, полученную им в уплату за мастерскую работу.

Зашибив добрую копейку такими оборотами, Ванюха оставляет прежнюю деревню и переезжает в другое село. Здесь опять повторяет он то же, что делал и прежде, и так от деревни до деревни, от села и до села, от базара до базара он объезжает целый околоток и по весне возвращается в родную семью, с новым обеспечением участи и хворой жены с ребенком, и слепой старухи-матери.

Ну, вот вам бедняк, – а и его жизнь не без красных дней! И его трудная доля не лишена почтенного, полезного труда и отрады. Бывает, что преследует неудача, и долго преследует человека: да ведь устанет же, угомонится же ведь она когда-нибудь. Надо только не теряться в трудную пору жизни и не падать духом, когда становится тяжко.

Конечно, эта штука довольно мудреная, ну да ведь у человека есть же поддержка – это труд, вера и надежда; а православный русский крестьянин имеет столько бодрости духа, чтоб не впадать в греховное уныние.

Вы взгляните когда-нибудь на иного горемыку, которого постигло крайнее несчастье: или дом сгорел, или животинка пала, или неурожай постиг, или какая иная беда стряслась. Глядь-поглядь – совсем карачун пришел, да и новое горе запало на сердце: парень мастерства никакого не знает. Что ж он делает? Неужто, в самом деле, в кабак идет топить в вине свое горе? Нет, благодаря господа, редкий так поступает! Как ни тошно приходится, как ни громко раздается в одно ухо «оброк!», в другое – «подушные!», а находчивый человек, уверенный в своих силах, тут не потеряется, идет в батраки, идет в бурлаки и добывает себе копейку и на оброк, и на подушные, да и на насущный хлеб. А коли есть у человека мало-мальски рублишка-другой денег, да кредит у добрых людей, он пускается в мелкое торгашество и делается, например, *лоскутником*, или, как у нас в Саратовской губернии говорят – *шабольником*, от слова *шаблы*, что значит лохмотья, или обрывки платья.

Лоскутники торгуют всем, что только попадется под руку. Когда лоскутник проезжает через селение, так воз у него так расцвечен и разукрашен всевозможною мелочью, затейливо расставленною для приманки баб и девок, что малые ребята бегут за ним и около него густыми вереницами и скачут, и пляшут, и в ладошки бьют вокруг диковинного воза.

Чего-чего нет у лоскутника – и запонки, и сережки, и обрывки разных материй, и лоскутья сукна и ситцу, и пронизки, и крашенные нитки для шитва сарафанов, и пуговки, и наперсточки, и бусы, и ленты – все это разложено им поверх воза на самом юру, чтоб раздразнить баб и заставить их завидущие глаза прельщаться оловянными колечками, маленькими янтариками, алою лентою или перстеньком с камешками.

Весь-то воз оценить, так десяти целковых тут дать не за что, а лоскутник не унывает – он знает, что эти десять целковых, которые пришлись ему в кредит, принесут ему верного барыша не один десяток серебряных рубликов. Поэтому-то и едет он на возу весело, и весело смотрит на божий мир, и весело горланит свою зазывную песенку, время от времени прерывая ее принудительным причмокиванием на лошадь.

Эй, вались народ
Из кажиных ворот!
Маленькие ребятки,
Косые заплатки,
Синие клубки,
Белые мотки
Алые ленточки…

– Ну, ну, ну, сивка! Шагай, шагай, батюшко!

Ай, тетки – Варвары,
Несите карманы!
Ай, тетки – Дуни,
Выносите гуни!

– Тяни, тяни, сивка!.. Ну, еще, еще!

Дьяк пришел –
Расход пошел,
Дьячиха пришла –
Продажа пошла!

– Тпру, сивка, стой!.. Чего тебе, лебёдка, надо? Что покупаешь? – вдруг остановив лошадь посередь улицы, обращается он к высунувшейся из одного окошка молодице.

Начинается торг; воз обступают и парни, и девки. Всяк чего-нибудь, хоть на самую малость, да купит. Если у лоскутника случайно найдется в продаже несколько головок зеленого

луку – даже и луку не дадут спуску. Иной хозяин, даром, что у него в огороде целые гряды свежего луку, все-таки у лоскутника купит пяточек головок…

Вы спросите: зачем?

– А как, зачем? То свой – тот нипочем, а этот покупной, продажный – он и слаще и вкуснее!

– Как глупо мужик рассуждает! – заметите вы на это очень основательно.

– Да точно правда, не умно… Да полно, мужики ль одни так рассуждают?

Мужик деньгами платить не станет – деньги дороги. Он чем-нибудь по домашеству расквитается с лоскутником и, всего проще, вынесет ему, за лук, пару куриных яиц.

Ничем лоскутник наш не брезгает. Если б заглянуть попристальнее ему в воз, мы бы увидели, что там уж не одно лукошко с яйцами припрятано. И яйца, и пряжа, и холсты, и щипанное перьё, чугунный бой, битое стекло, щетина, конский волос, мешок с хлебом, рукавицы, железные поделки и всякая рухлядь и ветошь – все в счет пошло, все с рук идет либо на соседнем базаре, либо у окрестных промышленников.

И вот мужик, что год назад был бедным горемыкой, теперь поправился и уж своим коштом пошел в торги; а поглядишь, годов через пяток, он и избу новую себе состроит побогаче прежней, и заживет пошире да повальяжнее, даром что промысел лоскутника или какого-нибудь набойщика такой не важный, что сам собой никому и в глаза не кинется.

А мало ли у нас таких промыслов? Сколько десятков тысяч народу получают от них честный кусок хлеба? Какое важное колесо представляют эти, по-видимому, ничтожны, обороты в целой и многосложной машине нашей промышленности и торговли?

Если мы не можем похвастаться знанием того как живет да поживает наш православный русский человек и какими насущными и живительными средствами пробавляется основное ядро русского народа, так уж нам и простительно неправильное убеждение, что киргизы пасут свои стада, а никаким дельным делом не занимаются.

А какие у киргизов занятия и в каких полезных трудах они препровождают свое время – об этом речь у меня дальше.

Статья третья

V

Степь

Знойные дни. – Головные уборы. – Нагайки. – Вооружение. – Набеги. – Акмечетское дело. – Англичане. – Алжирские кочевники. – Сходство их с киргизами. – Разделение арабов. – Характер бедуинов. – Киргизская перекочевка. – Сборы. – Снимание кибиток. – Опустение аула. – Движение каравана. – Стада баранов. – Дальнозоркость киргизов. – Праздная жизнь богачей. – Их развлечения. – Новое стойбище.

Ну, уж батюшки: что за жары бывают в степи – так этого и пересказать нельзя! Как вспомнишь только – так и тут словно варом обдаст! Конечно, и у нас, в Саратове, теплынь да жарынь временами такая стоит, что не знаешь как отвести душу; да все у нас за разными занятиями что ли или уж так, по привычке, что-то не больно много обращаешь на это внимание; да и укрыться-то от тепла у нас как-то сподручнее. Ну, дом каменный, прохлада в комнатах… ну, ставни в окнах велишь на день затворить… ну, в речке искупаешься, все-таки двадцать раз на дню найдешься, как облегчиться да освежиться!.. А в степи, я вам скажу, – ну, просто средствия никакого нету-с: так вот тебя и морит, так вот и выпаривает из тебя последние силы.

Помню как сейчас, что этак около полудень, нападет, бывало, не то сон, не то полудрема, а этак как будто истомление какое. Не знаешь чем бы позаняться, не придумаешь куда приткнуться! Вздумаешь, как бы поразвлечься: в голове пусто! Мысли даже как будто не лезут в голову. Ну, кой-как понасилуешь себя; понимаешь, что истомляешься, думаешь: подкреплюка я лучше себя – съем чего-нибудь кусочек? Нет; и еда на ум не идет, кусок в горло не лезет! Ну, так вот испить бы чего-нибудь? Нет, и пить не хочу, да и нечего. Вода – далеко, самовар

поставить – надо людей звать, а тут лень языком шевельнуть. Кумыз и под рукой, да душа, кажись, ничего не принимает; труда не хочешь дать себе взболтать кумыз в турсуке, да вылить оттуда в чашу. Не прочитать ли книжку? Да какие же книжки в степи могут быть? Правда, султан, мой хозяин, выписывал газету из Петербурга, да на почту за ней посылал по одиножды в месяц, новости-то до нас и доходили поздненько.

Раз, я с тоски, точно, принялся было читать газету и в июле месяце хотел узнать январские происшествия. Так ведь что же вы думаете? Голова у меня так отупела, что я никак не мог раскусить всей важности известий, вроде того, что «в Виндзоре переделаны две залы», что «кавалер фон Кницель выехал вчерашнего числа из Ратибора», что «в Порт-Филиппе десять тысяч мешков муки лежат без всякой надежды на покупщика», или что «похороны испанского генерала назначены на завтра», от жаров у меня глаза смыкались, из головы вылетало всякое соображение, ноги подкашивались, руки опускались, газета выпадала, и я становился каким-то словно ошалелым.

Мне было душно; меня гнела истома, меня давила лень, и от напряжения как-нибудь собраться с силами, я еще более истомлялся, волосы мои делались влажными, лицо горело, казалось, от него так и пышет огнем! Отказываешься волочить ноги, потому что сапоги, словно веригами какими облепили их, жмут их и производят в них не то лом, не то какое-то иное болезненное раздражение. Скинешь сапоги, сбросишь сюртук, постараешься высвободиться из-под всего излишнего, и налегке, босиком, засучив рукава рубахи по самые плечи, выйдешь на чистый воздух и усядешься снаружи кибитки, в тени, на корточках.

Кое-как, с грехом пополам, громоздишься, усядешься, прислонившись к кибиточной решетке и обвив колени руками. Сидишь и смотришь, сам не знаешь куда. Взоры будто безотчетно блуждают по словно скатерть разостланной степи и ни на чем они для отдыха не останавливаются, потому что все безжизненно, ничто не манит к себе внимания.

Перед собой видишь целый аул – но деятельность его примолкла; аул погружен в глубокое усыпление и как-то уныло напоминает, что и тут живут живые люди, которые не дальше как

сегодняшнее утро копошились то там, то сям, а теперь словно совсем вымерли. Ни стуку, ни гулу, нигде не слыхать. Покрытые серыми, бурыми и темными кошмами кибитки кажутся не жилыми шатрами, а какими-то землистыми холмами, словно недавняя буря взбугрила песчаное море сухими волнами; и скрепило, сжарило, спекло, прожгло эти курганы невыносимым зноем солнца.

В самом деле, с солнечной стороны к кошме нельзя притронуться, так и обожжет руки! Теплом пышет от войлоков во все стороны; раскаленный луч солнышка, падая на шарообразный купол кибитки, отражается от него видимым для глаза блестящим сиянием, скользит и играет в волосках и лоснящихся шерстинках, из которых вывалены покрывающие этот купол кошмы, и дробится, и переливается в них разноцветными искрами, будто падает не на войлок, а на узорочные граненые стеклышки.

Глазам становится больно, хочется остановиться ими на чем-нибудь менее резком; жаждешь увидать хоть дымок, который, авось, станет куриться и струйками выбегать из верхнего обруча жилого коша – но и этого нет: киргизы днем огня не разводят и не готовят пищи. В целом становище ни одного живого человека не увидишь. Все запрятались в шатры и развалились на войлоках. Да не то что человека: нигде не пробежит лошадь, нигде не промычит бык, нигде собака не залает! Скот пасется далеко на отгонных полях, а дома если и остаются – так одни собаки; но и те теперь улеглись где-нибудь под тенью и, высунув горячие языки, не шелохнутся с места. Разве-разве где, нежданно, заметишь верблюда, который будто статуя какая неподвижно стоит на одиноком холмике, изогнув коромыслом шею и протянув на бок смирную, но глуповатою и надменную мордочку. Смотришь на него долго-долго, а он, одно слово что истукан, ни шеи не разогнет, ни головы не приподнимет, ни ноги не переставит: будто и взаправду совсем окаменел. Так его рыжая, горбатая фигура и рисуется на голубом небе, будто гвоздем к нему пригвождена.

А небо-то! И господи, что за небо! Просто это, я вам доложу, не небо, а какая-то синяя бездонная глубь, в которой только кой-где плавают тонкие непонятного серого цвета, белесоватые

да розоватые облачки, чем дальше, тем плотнее скопляющиеся, сначала в фиолетовые, а потом и в сизые тучи, нависшие на восточной стороне небесного свода, куда я теперь нечаянно оглянулся.

Если станешь пристальнее всматриваться в светлую даль, где туч не видно, то не нужно долго нудить глаз, чтоб явственно заметить, как земные испарения чуть-чуть уловимыми струями переливаются в воздухе, будто дрожат в нем и, словно чад от нагорелой свечки, дымятся и возносятся все выше и выше. Взглянешь немножко в сторону – там эти испарения становятся гуще и дымчатою тканью разлагаются над оврагом; а там, у дальних холмов, эта дымчатая ткань разостлалась длинным покровом тумана, который под игривыми лучами солнышка превратился в текучее озеро. Так вот и видишь живое озеро перед глазами! Так бы вот и бросился в него, чтобы освежиться! Видишь сам, как это озеро волнуется, как оно все больше и больше расширяется и прибывает, как оно сталкивается с другим таким же озером, как они вместе затопляют пригорки и лощинки… Любуешься этим стремлением, но вдруг опомнишься и подумаешь: вчера здесь не было этого озера. Как же оно теперь сюда попало? Глядишь-глядишь, припоминаешь все – и с досадой отрываешь глаза от зрелища, возбуждающего жажду. Это не вода, не озеро, а марево, виденье, сгущенные пары земные. Стоит только солнышку на минутку скрыться за облачком – их опять не будет видно; останется одна степь зеленая.

Степь точно зеленая, но в зелени этой уж нет той живости, что была прежде, весною. Жаркое солнышко спалило, сожгло, испепелило травку! Она теперь, словно сено, – вся высохла, поблекла, завяла, побурела. Все луга и поля то повытоптаны стадами, то повыжжены зноем; земля растрескалась длинными щелями, и голый песок разъезжается под ногами. На лужайках перестали бороться и валяться ребятишки; в тощих кусточках перестали копошиться и щебетать пичужки; из норки и зверок не выбежит; и напрасно хищная птица стала бы кружить над этим местом, для нее не будет тут добычи. Ни один живой голос не раздается в этом печальном, на взгляд, безжизненном уголке. Разве что комары прожужжат, приманиваемые моею грешною кровью, да и комаров-то теперь, в полдень, тут нет:

все они от зноя куда-то пропали, и только к вечеру начнут бесщадно жалить и меня горемыку, и киргизов бедняжек, уж попривыкших к нападениям этой злющей гадины.

Теплынь и точно невыносимая: даже в тени изморишься и словно совсем растаешь. Так вот и парит, так и пышет, так и жжет теплым воздухом. Задумаешь полой кафтана либо полотенцем себя опахнуть – руки не поднимаются: такое нападает истомление, что просто встоскуешься и уйдешь опять в кибитку! И повалишься себе на ковер как убитый! Лень за дело приняться; лень повернуться; лень вымолвить слово; даже лень думать – довольно того!

Вот повалялся-то я здесь – так уж повалялся! Мягкие, упругие белые кошмы сложены внутри кибитки в несколько рядов и прикрыты тоже мягкими и упругими коврами, а поверх их разостлана простыня, тонкая, полотняная. Купол кибитки совсем укутан войлоками, и солнышко ни с какой стороны ко мне не заглядывает. Чтоб не было духоты и спертого воздуха, кошмы, обтягивающие решетку шатра, подобраны со всех сторон, где есть тень, кверху, от самой земли аршина на полтора. В кибитке укромно, привольно и прохладно, потому что легонький, освеженный прикосновением к земле ветерок, свободно разгуливает сквозь клетки этих решетчатых стенок. Лежишь себе на коврах, в полунеге, полуистоме, ни же делом, ни же словом, ни же мыслью какою себя не нудишь; лежишь в полном бездействии и блаженствуешь этою ленью, если только мало-мальски в воздухе не парит и не морит тебя духотою и зноем.

Но как проваляться без дела целые часы, целое утро, целые дни? Ведь одурь возьмет от этакой лени!

Целый час проходит: ты себе лежишь. Вот и другой час проходит. Устанешь лежать навзничь, повернешься боком, одной рукой подопрешь голову, а другую спустишь к коленкам, и еще час – опять-таки то же занятие. Наконец самому совестно станет: подкатишься кубарем к решетке и станешь высматривать – высоко ли, нет ли солнышко? И не показался ли кто из знакомых киргизов вне кибиток? А коли нет никого – значит рано, а коли рано, стало быть, и спешить некуда: рад-радехонек,

когда в эти часы зноя и утомления удастся хоть выспаться, а то и сна не бывает в такую жару.

Настоящее время, когда можно делом заняться, это утро – от зари часу до десятого, а вечером – часов с семи до глубокой ночи. Поэтому почти похоже будет на правду, если скажу, что у киргизов и у хивинцев летний день начинается с вечера: тут они прежде всего, исполнив самонужнейшие работы по дому, обедают, а утром, при наступлении жары, ложатся спать вплоть до вечера, когда их ожидает новый обед, или, по нашему, ужин; нужно только, чтоб это было до захождения солнца, или, по крайней мере, чтоб скотина, назначенная для заклания к обеду, была убита до заката. Уж конечно, дело понятное, что не всякому киргизу можно каждый день на обед готовить молоденького барашка; иному бедняку долгонько таки говядинки понюхать не удается!

Прежде, бывало, мы часто с Авдотьей Ивановной посмеивались над киргизами в том, что они колпаки носят; а вот теперь, как нам самим пришлось поиспытать здешний зной да непогодье, так и стали мы сами рядиться по киргизскому манеру. Да и в самом деле, что можно придумать умнее киргизского белого, тонкого, войлочного колпака для денного зноя; суконного легкого клеопара, или башлыка, для непогоды; или подбитого мехом и снабженного и наушниками, и назатыльником малахая? Белый колпак не раскалится от жары, в суконном башлыке не застудишь головы, а в теплом малахай ушей неознобишь: вот она штука какая! И нехитрая, кажись, выдумка, а хорошее, выходит, дело.

У хивинцев другой обычай: там круглый год мужчины носят пребольшущие бараньи шапки. Они так велики и толсты, что их действительно мудрено прошибить солнечным лучом. Но тяжело голове, вот в чем невыгода! У бухарцев опять другое – чалмы; тоже хорошая выдумка, но опять-таки голове тяжело, и зимой несподручно, да и летом солнце прямо в лицо печет. У киргизов совсем другое. Если солнышко прямо в лицо ударяет – киргиз вытянет подлиннее козырек у колпака, а назатыльник у него завернет; если солнышко сзади – он отворотит назатыльник; если солнышко сбоку – он над ухом распустит

боковые углы длинных полей, которые пришиты к колпаку: ему и ладно!

У женского пола головной убор тоже сообразен с нуждою: женщины киргизские повязывают голову двумя большими белыми бумажными платками; один, которым они сперва покрывают голову вокруг подбородка, они распускают по плечам, а другой навивают поверх первого, так что делают из него тоже род высокой шапки или тюрбана.

Прочий наряд у киргизов, у мужчин и у женщин, почти один и тот же: либо очень коротенькая, либо очень длинная рубаха, шальвары, либо холщевые, либо кожаные, онучи, сапоги и халат – один, или два, а иногда и целых три. Кто победнее, тот и летом вместо халата носит нагольный тулупчик, а уж коли невтерпеж приходится жарко, так этакой молодец без церемонии спускает тулуп с плеч и подвязывает себя рукавами около пояса. Коли колпака нет, так он голову, сверх тюбетейки, просто платком повяжет – и доволен! Да ведь еще и как доволен!

Вот бы на этакого молодца взглянуть в то время, когда он не на удалом коне несется по степи, а переступает шажком, сидя на приземистом быке – просто потеха, да и только!

Седло под ним не хитрое – только слава, что седло! Уздечки на быке нет, а просто опутал арканом рога, или просунул его быку через рот – вот тебе и надежный повод: поворачивай им скакуна куда хочешь! И нагайки не надо: бык послушлив и в степной работе не ударит себя лицом в грязь перед лошадью, хоть и не шибко горячится.

Сам наездник – просто картина! Сидит на быке, маленечко будто набок, скрестив иногда мускулистые руки на могучей груди, обнаженной до самого пояса. Грудь эта черна, грязна, загорела от зною и покрыта крупными каплями пота, который обильно струится по телу, от самой маковки до ножного мизинца. Но посмотрите, что это за исполинская грудь! По цвету судя, она смахивает на бронзовую, а попристальнее поглядеть – так она, в самом деле, как будто из булата выкована. Ух, как высоко выдается она вперед, каким богатырским щитом вздымается она у киргиза! Каждая косточка так и пробивается из-под кожи железною полосою; каждая жилка напряжена, словно здоровая стальная пружина. Широкие богатырские плечи; ма-

терая, плотная шея; руки, от плеч до ногтей, вылитые словно из какого металла; и эта несокрушимая грудь, на которой каждая складка кожицы, каждое ее углубление, каждая косточка говорят об исполинской силе и могуществе – это, я вам доложу-с, такая забористая красота, что будь киргиз с лица и некрасив – никак не удержишься, чтоб не сказать: «Экой молодчина-то какой!» Как раз тут западет в голову мысль, что вот, дескать, и наши Добрыня Никитич, Чурило Пленкович, Илья Муромец или там иные-прочие, были такие же, как и этот киргиз, могучие богатыри! Дайте-ка ему в руки палицу, не палицу, а просто хоть ось тележную – так ведь он целой сотне англо-французов одним взмахом дух вышибет! Нагайкой их канонерскую лодку вдребезги разобьет!

А ведь и в самом деле нагайка для киргиза великое дело. Это его оружие, и самое надежное оружие. Во многих случаях нагайка может заменить ружье и чуть ли для нашего дикаря на степи она не способнее чем сабля. Надо только уметь управляться с этим инструментом и знать, в каких случаях и как ею надобно действовать.

Нагайка ведь не просто какой-нибудь кнут, которым лошадей погоняют: это совсем особое орудие, с которым киргиз обходится с почтением и с уважением, и бережет и холит его.

Представьте себе коротенькое кнутовище, или рукоятку, из крепкой и неломкой, но здоровой ветви кустарника. Кнутовище это бывает длиной вершков шести, и никак не длиннее полуширина, а самый бич, прививаемый к концу, бывает тоже такой же длины, а иногда и десяти вершков. Вот эта-то часть – самая существенная; настоящая нагайка бывает толщиной в хороший большой палец, или вершка в полтора окружности. Она так плотно свита из ремешков, что нет никакой возможности перегнуть ее надвое. Сверх ремешков, нагайка, местами, обвивается крученым шелком и золотыми и серебряными нитями, и все это бывает выплетено с таким искусством и щегольством, что, право, иной раз трудно столько старательности и изысканности встретить в самых видных принадлежностях щегольского наряда наших городских дам. Ну вот, хоть бы аграмантом обшивают мантильи? Ведь все это, и аграмант, и плетешки, и выкладки и перекладки разные – просто дерюга, в сравнении

с тою тонкою работою, которую вы встретите в украшениях нагайки. Это почти то же, что кой-как с рук сваленная работа кузнеца-цыгана перед отчетливою и самою заботливою отчеканкою хорошего немца-слесаря.

К концу нагайки прививается пулька, зашитая в кожу и узорочно оплетенная разными шелками; а к этой пульке пришивается треугольник из крепкой кожи, одним углом прикрепленный к пульке. Этот плоский наконечник сшивается иногда из разноцветных кож, вышивается шелками и опушается бахромой из длинных некрученых шелковин. Все это сделано так красиво, уютно и щеголевато, что этакая нагайка выходит просто какою-то интересною игрушечкой.

Конечно, не всякому по карману иметь такую богатую нагайку; но уж непременно у каждого хозяина дома, у каждого старшины семейства – ногайка превосходная и изукрашена по возможности, а мастерски свита она непременно у каждого.

Когда киргиз делает удары ногайкой, то он бьет ею не одинаково: приметавшись к делу, он знает, когда нужно хватить долгим концом, когда нужно ударить только пулькой и когда мазнуть плоским концом.

Лошади, например, своей киргиз никогда не станет жучить нагайкой, разве уж она очень непокорлива; а то он постегивает коня только слегка, и то не по телу, а по тебенькам, так что на долю коня выпадает одно щекотанье плоского треугольного конца. Эти удары делаются для того, чтоб конь резвее бежал. Для наказания животного или для того, чтоб убить степного зверя, киргиз, разумеется, вытянет свою ногайку во всю ее длину и нанесет ловкий удар изо всей силы. А иногда силы и вовсе не нужно употреблять, надо только знать сноровку, уметь изловчиться, чтобы нанести верный удар либо долгим концом, либо только пулькой, либо тем и другим вместе, глядя по надобности.

Преследуя небольшого зверька я, разумеется, норовлю только пулькой хватить по голове. Встретился я с волком, и хочу захватить его живьем, я уж бью не в голову, а мечу так вытянуть его, чтоб и нагайка и пулька хватили его в таком-то месте: таким ударом у зверя только память вышибет; его одурманит, но не до смерти убьет. Надо мне недруга с седла сва-

лить – и тут есть своя манера, как ударить нагайкой. Когда киргиз приглядывается к зверю и выискивает место, куда надо ему направить свой удар, он не торопится хлестать по неприятелю, а зорко приноровляется и все махает, все махает нагайкой, все кружит ею около руки, да вдруг и свистнет – зверь так и растянется! Не даст промаху!

Есть у киргизов и другое вооружение: есть и сабли, есть и копья, есть и винтовки, есть и стрелы, но все это теперь, за водворением в степи совершенной тишины и спокойствия, давно вышло из всеобщего употребления; кольчуги и брони вырывают только из курганов, и теперь киргизам они стали вовсе не надобны. Остались только винтовки, необходимые для звериной охоты, но винтовки богатые: у значительных людей есть и французские двустволки, и карабины, и богатейшие штуцера. Стрелять киргизы мастера! Порох дорог и трудновато его киргизу достать; поэтому он очень в этих случаях расчетлив: даром зарядов тратить не любит. А так как у степного человека зрение бывает изощрено в высочайшей степени, и взор у него верен и меток, то и понятно, почему киргизы не могут не быть отличными стрелками.

В давние времена, когда киргизы занимались еще разбоем, они часто делали набеги на русские селения, и если б не охранная стража на линии, да не наши казаки, они много бы нам зла могли наделать. Да то и беда была для киргизов, что казаки-то их шибко одолевали. Уж коли где показался русский казак – так уж тут хищникам никак несдобровать: всех разбойников переловят. Ну, а против пушки идти степному дикарю просто верная смерть. Хивинцы пробовали уж против нас и так, и сяк, да как выставят против них артиллерию, да как из пушек-то прыснет в них картечью – так всех лоском и уложит! И у хивинцев есть пушки, да стрелять-то из пушек они не мастера: ядро либо не докатится, либо через головы перескочит, а наши норовят попасть в самую середку неприятельской толпы. У нас от их выстрелов народ стоит, стоит стойко, а хивинцы от наших залпов валятся что мухи. Разумеется, как тут не опешить и не поторопиться искать спасения в бегстве.

Однажды двое казаков поехали за Урал косить сено. Ну, покосили, поработали, утомились, заморили червяка и повалились отдыхать – преспокойно заснули. Разного съестного взяли они с собою в дорогу довольно, да запаслись и самоварчиком, чтобы чайку напиться. Вот спят они себе, ничего не подозревая. Только впросонках-то и слышат они конский топот. Казак чуток, как всякий хороший служивый.

Возьмите вы, в пример, фельдъегеря: спит, с дороги, как убитый, ничем его не растолкаешь! А скажите ему под ухо: «Лошади готовы!», – встрепенется фельдъегерь наш в ту же минуту, не успеешь моргнуть, как он уж в телеге, и летит себе, как вихрь, на курьерских.

Ну, и казак то же: ведь спит мертвецки; храпит так богатырски, что его, кажется, и в век не добудишься, а протрубит труба, прогрохочет барабан, грянет вдали выстрел или протопчет конский топот: казак уж на ногах, он уж на коне, он уж в схватке с неприятелем и переведывается с ним по-свойски.

Вот и наши два удальца вскочили как встрепанные, заслышав топот. Глядь-поглядь – ан это хищники. Целая дюжина! Начали палить. Пиф-паф! Пиф-паф! С киргизской стороны посыпался выстрел за выстрелом, но все мимо, потому что далеко: киргизское ружье до казаков не хватает; а ближе подъехать к казакам боятся, потому что видят у них в руках пушку, которую казаки наши наводили то в ту, то в другую сторону. Киргизы покружили около наших молодцев-таки довольно! Они и справа-то их объезжали, и заезжали слева, и прямо-то кидались, но куда ни хватятся, а казаки тут как тут, и нацеливают на них свою проклятую пушку, держа ее в руках и быстро поворачивая ею куда нужно, словно каким перышком. Смекнули хищники делом, видят, что не на таковских напали, поняли, что пушка не свой брат, шутить с нею не приходится, мысленно поблагодарили казаков, что они ни разу из нее не выстрелили, сами прекратили перестрелку, поворотили коней – и поминай как звали!

Что же это за пушка такая, что казаки смогли ее держать в руках и повертывать во все стороны? И откуда казаки могли ею запастись? А это видите ли что. Казаки поехали на косьбу на свои луга, никак не воображая, чтоб какие-нибудь хищники осмеливались когда-нибудь сделать набег в таком близком расстоянии от русских селений. С какой же стати нужно было

им для просто обыденной работы запасаться оружием, когда все кругом тихо и смирно? А когда разбойники накинулись на них – казаки и увидали, что дело плохо. Как тут быть? Чем защищаться? Не косой же или граблями отмахиваться от пуль. Казак хитер и находчив, в беде он не потеряется! Наши удальцы, видя то, что им двоим целой толпы вооруженных хищников не осилить, а спастись непременно нужно, взяли да и давай стращать киргизов самоварною трубой: больше им решительно нечем было защищаться! Хитрость-то, как видите, знатно удалась. Киргизы приняли трубу за пушку и спасовали!

Слыханы ли, например, где-нибудь такие подвиги храбрости и мужества, какие творятся у нас на Святой Руси? Ну вот, например, передо мной лежит газета «Русский Инвалид», где рассказано все Акмечетское дело.

На русской, т. е. на правой стороне реки Сырдарьи, коканцы лет тридцать тому назад выстроили крепость, в то время, когда места здесь были совершенно пустынны и когда киргизы наши подкочевывали сюда только временно. В прошлом году коканцев отсюда выгнали, а крепость их Акмечеть переименовали в честь имени оренбургского генерал-губернатора в форт Перовский. В декабре месяце коканцы собрали войско и пошли против наших. «Русский Инвалид» и рассказывает, что 14 декабря 1853 г. коканский отряд, в числе двенадцати или тринадцати тысяч человек, с семнадцатью орудиями, подступил к форту Перовский с твердым намерением овладеть им. Расположившись лагерем в некотором от него расстояния, он и начал действовать всею своею артиллерией.

Начальник форта немедленно отвечал на этот огонь своими выстрелами из крепости; но видя, что при многочисленности своей коканцы могут обложить ее и продолжительною осадою привести гарнизон в затруднительное положение – решился поразить их неожиданным нападением.

В ночь с 18 на 19 декабря он выслал 540 человек, именно: 350 человек пехоты и 190 казаков с четырьмя орудиями и двумя ракетными станками, и приказал быстро с рассветом атаковать коканский лагерь. У нас коли «велено», так значит и «исполнено». Коканцы обезумели, но скоро опомнились и окружили наш отряд со всех сторон. Тогда к этому действующему «корпусу» посланы были в подкрепление два отряда: в каждом отряде было по восьмидесяти человек и по пушке. Всего, стало быть, семьсот человек дрались против двенадцати тысяч! Наши кинулись на неприятеля в штыки и, с криком «ура!», пошли напролом, опрокинули врага, ворвались в лагерь и овладели всею коканскою артиллериею. Коканцы ударились в бегство; мы – за ними, и гнали их по пятам на продолжении четырех верст.

Расскажи этот подвиг какому-нибудь иностранному генералу? Ведь он, ей богу, примет эту скромную и нехвастливую реляцию за волшебную сказку, а вовсе не за действительную быль, а между тем доказательства все налицо – две тысячи убитых коканцев и воинская наша добыча – весь лагерь, семнадцать орудий, четыре бунчука, семь знамен и все запасы пороху, провианту и снарядов.

Большей части иностранцев, особенно честны́м – хоть и нельзя сказать что че́стным, англичанам Акмечетское-то дело куда как хорошо известно: тут ведь тоже, говорят, их штуки были.

Изволите ли видеть что. Пишет мне из степи один приятель, тоже наш брат-торговец, о разных разностях, да и описывает, что, дескать, колотырники-англичане много-много пакостей строят нам в Азии. С артиллерией коканцы никогда не умели управляться и всегда тащили свои пушки на возах – тут, под Акмечетью, появились у них под пушками весьма хорошие лафеты. Чье же тут видно участие, как не честны́х господ англичан? Ни бухарцы, ни хивинцы, а подавно уж и коканцы не знали в артиллерии других хитростей, кроме пороху да ядер; а тут, под Акмечетью, в числе снарядов появились у них и бомбы, и граниты – чисто английское дело! То еще очень любопытно, что в числе убитых неприятелей, бритоголовых коканцев, было несколько трупов не мусульманских, а людей с длинными волосами. Кто же, как не честны́е англичане, станет драться рядом с врагами христианства против православного русского воинства.

Да и еще одна вещь очень-очень усиливает общее в этом деле подозрение. Азиатцы никаких оптических инструментов не употребляют и вовсе о них никакого понятия не имеют; только самые значительные люди восточных владений, в случае на-

добности, только при ослаблении зрения прибегают к помощи русских очков. Но ведь какие это очки? Это простые, дурно выполированные, почти бутылочного товару стекла, вставленные в обвитую зеленым шелком железную проволоку. Эти очки в Оренбурге продаются не дороже пяти копеек серебром за пару, а дороже целкового и вовсе этого товару в торговле того края не бывает.

Народ в Азии – нищий на нищем: порядочных очков, которые стоили бы рубля два-три серебром, там никто покупать не станет, потому что такая цена никому не по состоянию. Здоровому человеку и в ум не придет купить очки или лорнетку, не то какой-нибудь другой ценный инструмент, а в числе добычи, собранной на Сырдарье у форта Перовский, нам досталась богатейшей работы превосходная английская зрительная труба известного лондонского мастера! Ну, скажите, пожалуйста, разве это не самое ясное доказательство присутствия англичан на месте сражения? Разве это не прямая улика английских противу нас козней?

И пришла же им, дурням-коканцам, блажь померяться с нашими казаками! И с какими же? С уральскими! Ведь это железный народ, все на подбор богатырь к богатырю! Да чего тут много о них говорить. Вы помните, я чай, тоже по газетам, что вот нынче зимой они, в половине января, проходили нашими местами и имели стоянку в городе Сердобске нашей же Саратовской губернии. Когда они из Сердобска отправились, то несколько рядовых казаков, отделившись на походе от прочих, пошли к Сердобе, разделись и кинулись в реку купаться! Как ни проста, ни приятна эта забава летом в июле, но подобная потеха зимой, при 19 градусах морозу, в реке, покрытой льдом, и только у моста, через который проходили казаки, освобожденной от него на несколько десятков сажен, где вода почему-то не замерзает во всю зиму, чем и воспользовались наши добрые молодцы – была необыкновенна. В особенности хорош был один казак с окладистою бородою, наполовину убеленною сединами. Окунувшись в реке, он преспокойно уселся на закраине льда и, спустя в воду ноги, нимало не торопясь и не стесняясь ни леденящим холодом воды, ни морозом, и как бы не чувствуя под собою льдистого седалища, спокойно поплескивал на

себя водою, обмывая свое тело! Выкупавшись, одевшись, размыв замерзлые бороды, на которых уже успели образоваться ледяные сосульки, удальцы подхватили пики, вскочили на коней, гикнули – и след простыл!

Ну, коканцам ли с таким народом тягаться? Ну вот, бог подаст, скоро затеется у нас и открытое сражение с английскими войсками в Турции – на европейскую руку. Уж тут они должны не скрытно, как под Акмечетью, а благородным образом вступить с нашими храбрецами в открытый бой – пускай попробуют: легко ли им сломить русскую силу?

А французы-то? Туда же! Ну, как хотите, а право, это шальной народ! Видно, они забыли наш двенадцатый год? Или захотели опять на беду накупиться? Ну, положим, англичане замысел тот имеют, чтоб в конец загубить нашу торговлю – все войны ведутся ими только для расширения торгового владычества; чего же французы-то, очертя голову, на задор с нами лезут? Уж и впрямь не раскусили ли их планов наши старики-саратовцы? У нас думают, что Наполеон – не настоящий, а вот нынешний-то, что назвался третьим, потому что другого настоящего Наполеона уже не будет – наши думают, что у него в голове вот какая мысль: проклятые англичане развесили уши на мое союзничество и почитай все свои корабли отправили к Царю-Граду, да к Петербургу, вот-то я их обрежу, как втихомолку сам высадку на Англию сделаю! А уж сделаю же я их с праздником! Докажу им свою дружбу!

А как вы думаете? Ведь такой человек, как нынешний Наполеон, с его притворством и с такою скрытностью, пожалуй, ведь и в самом деле выкинет такую штуку. От него, право, всего можно ожидать. Уж если он не постыдился в письме своем к нашему благочестивому государю наплести ложь на лжи и прикинуться смиренником, так уж будет ли он совесть знать против какого-нибудь воеводы Пальмерстона! Надует же он его! Непременно надует! Целую французскую нацию он за нос провел, всю Европу в глаза обманул, так чего же ему церемониться с Англией, когда между ею и Францией ведутся счеты?

Неужто кто-нибудь и в самом деле поверит, что теперь Франция защищает турецкого салтана? Да как же это она ста-

нет его защищать, когда сама же – его же самого ограбила, отняв у него его же область Алжир?

Алжирские кабилы и наши киргизы, почитай что, родные братья. Все, и природа, и местоположение, и верования, и образ жизни и у кабилов и киргизов чрезвычайно как много между собою сходствуют. Можно бы сказать, что все это и у того и у другого народа – одно и то же, если бы климат и кой-какие племенные и исторические основания не делали между ними самого явного наружного различия.

Вникните хоть в состав племенного управления у арабов: и вы увидите во всем сходство с нашими киргизами. Арабы живут в войлочных шатрах – и киргизы живут в войлочных же шатрах. Арабы хлебопашеством не занимаются – и киргизы тоже. Арабы с оседлым образом жизни незнакомы – и киргизы тоже. Арабы существуют одним только скотоводством – и киргизы тоже. У арабов преобладает во всем родовой быт – и у киргизов тоже. У арабов во всем проглядывает семейное начало – и у киргизов тоже.

У арабов соединение нескольких шатров, или войлочных палаток, образует первую общину – *дуар*, и у киргизов соединение нескольких шатров, или кибиток, образует – *аул*. Начальник и дуара, и аула называется и тут и там одинаково – аксакалом, старшиной. Соединение нескольких дуаров составляет у арабов *ферку* – это то же, что у нас, у киргизов, «отделение», только правитель ферки у арабов называется *шейх*, а правитель отделения у киргизов называется *бий*. Из нескольких таких отделов у арабов и у киргизов составляется *ашире*, род; родоначальник у арабов носит название *каида*, а у нас его ставят из султанов, или из заслуженных биев, хотя и не султанской породы; несколько родов составляют у арабов – *кабиле*, а у киргизов *поколение*, или *округ*; у арабов им управляет *реис*, а у нас такой управитель называется дистаночным начальником. Несколько таких дистанций, или округов, составляют то, что у нас в прежние годы звалось *ордой*, а у арабов – *башагат*, или *калифат*; управляющий таким отделом называется у них *эмиром*, а у киргизов – *султаном-правителем*; а ханы у нас и халифы у арабов давно вышли из памяти.

Мне очень часто приводилось слышать такие слова: «Вот стоит писать о киргизах? Киргизы – ведь это у нас в России! Так что ж тут интересного? Вот если бы нам порассказали что-нибудь о кабилах, о бедуинах – ну, так это было бы похоже на дело!» Ведь есть же на свете такие чопорные господа, что для них французский мужик лучше, чем православный русский крестьянин! Ну, да бог с ними, с этими господами, а дело вот в чем. Народа-то такого, кабилов, вовсе на свете не существует, как не существует народа ордынцев или улусников, а улусники и ордынцы то же значат, что и кабилы! Что ж касается до образа жизни, то сходство между кочевыми арабами и нашими киргизами действительно заслуживает внимания.

Арабы разделяются на оседлых, *хадр*, т. е. сидячих, и на *бедеви* – кочевых, а из *бедеви* образованные люди сделали *бедуинов*. Вот что умные и знающие люди пишут об этих бедуинах: если вникнуть хорошенько, так это, кажется, почти что чисто про наших киргизов сказано.

Кочевые аравитяне, или бедуины, до сих пор сохранили тот же образ жизни и тот самый характер, какими они отличались еще в древние времена. Обитая в песчаных и кремнистых пустынях, неспособных к землевозделыванию, они, по необходимости, пасут стада в течение целых тысяч лет, а желание сохранить свою независимость и свою собственность от сильных соседей, внутренние раздоры поколений и нужда в необходимом, делают их воинственными, храбрыми и часто грабителями. Ничем не защищаемые от солнечного жара, все они очень загорелы; от недостатка пищи худы и тощи, а от чистого воздуха и беспредельности пустынь имеют быстрый глаз, различающий предметы в необыкновенной дали, и чрезвычайно тонкое обоняние.

Бедуины живут поколениями, *кабиле*, которые состоят из нескольких родов. Каждый род располагается обыкновенно вблизи потока, либо колодца, на каком-нибудь оазисе и пускает свои стада. Когда пастбище истощится, род перекочевывает на другой оазис в черте земель, занимаемых его поколением, и таким образом передвигается с места на место круглый год.

Жилища бедуинов суть ничто иное как войлочные палатки, или юрты, которые разделяются занавесом, *хедр*, на две

половины: одна служит для мужчин, другая для женщин и домашнего скота. Самые бедные, которые не могут иметь настоящей юрты, вешают кусок войлока на дерево и делают себе род шалаша.

Главная пружина политического быта бедуинов – мщение. Кровная месть, одно из установлений, которые встречаются почти у всех кочевых народов, владычествует у бедуинов в полной мере. Убийство должно быть отплачено убийством. В мщении состоит честь бедуинов и тот, кто не мстит – бесчестен. Бедуин часто произносит обет не умываться, не стричь ногтей, не брить головы, или не входить под кров юрты, пока не исполнит закона мести.

Мстить за убитого обязан ближайший его родственник, и если убийца падет где-нибудь в битве, а не от руки мстителя, мщение падает тогда на ближайшего родственника погибшего преступника.

Эта вражда переходит от отца к сыну, как наследие, и оканчивается, обыкновенно, истреблением того или другого семейства, если только родственники виновного не примирятся с мстителями убитого, *выкупив кровь* его определенным количеством денег или скота: иначе между ними не может быть примирения. «Между нами кровь», – говорит бедуин, и ничто не в силах превозмочь эту преграду. Одно поколение закочует в места, принадлежащие другому – и рождается уж драка о потраве лугов, о вытоптании чужим скотом травы; драка часто переходит в ужасную сечу: кровь требует крови, и оставшиеся в живых должны мстить за убитых.

Но исключая случаев, в которых действует право кровной мести, бедуин вообще кроток, приветлив, и только одна бедность заставляет его прибегать к грабежам; но и тут случается, что, ограбив путешественника, бедуин отдает ему старое платье, снабжает пищей и указывает дорогу. Многие поколения, особенно из числа живущих поближе к караванным дорогам, славятся своими разбоями и вероломством. Должно, однако же, сказать к чести целого народа, что поколения, занимающиеся подобным ремеслом, пользуются внутри пустынь общим презрением.

Прославленное гостеприимство бедуинов большею частью относится к людям их же полета. Бедуин готов разделить последний кусок хлеба со странником, таким же, как и он сам, и если гость откушал с ним хлеба-соли, то хозяин скорее положит свою голову, чем выдаст гостя его врагу. Но европейский путешественник пусть избегает его гостеприимства: оно обойдется ему подчас так же дорого, как и бедуинское хищничество. Бедуин ничего не возьмет с путника открытою силою, но жадность, подстрекаемая нищетою, и преувеличенное понятие о богатстве европейца, заставят его за скудное угощение домогаться от него огромных подарков; за каждую его услугу страннику придется платить ему непомерною ценою.

Что касается до религиозных верований, то тут можно заметить, что бедуины вообще не ревностные мухаммедане.

В мирной жизни кочевого человека, как бедуин или как киргиз, немногие события нарушают однообразие занятий – это весна, когда овцы ягнятся, когда коровы и кобылицы начинают молоко давать, когда пробивается первая травка, когда ордынцы, почти все разом, снимаются с зимнего сидения. А в течение лета самыми замечательными днями можно почесть дни каких-нибудь пирушек и дни перекочевок.

Первая перекочевка, которой я был свидетелем и участником, произвела на меня сильное впечатление: я тогда еще не знал, как это обыкновенно бывает и, не заметивши никаких подготовлений, просто дивовался как все это живо делается.

Утром, напившись чаю, мы все спокойно сидели у себя в кибитке, которою с самого приезда нашего снабдил нас один богатый султан. Сидим себе и растабариваем о разных разностях. Обыкновенно в это время Авдотья Ивановна кататься верхом ездила. Мы и ждем: скоро ли оседлают для нее лошадь. Ждем-пождем – нет лошади. Ну, верно, мол, киргиз, конюх султанский, делом каким особенным занят; некогда ему теперь; может, нахлопотался. Ну, думаем, подождем маленько. Подождали еще маленько!

Прошло времени так уж и порядочно. Только вдруг хозяйка моя, Авдотья-то Ивановна, и говорит Фекле:

– Выдь-ко мол, – говорит, – ты, Фекла, на улицу (мы все еще по старому, по привычке, звали улицей и двором открытое место, на котором кибитки наши стояли, хоть и на степи ни улиц, ни дворов и вовсе нет), – говорит, – выдь, мол, ты на улицу, да глянь: не видать Абдулки? Коли встренешься с ним – заведи речь, а не встренешься – назад воротись: он сам придет, как освободится.

Немного времени спустя, Фекла не вошла, а вбежала к нам в кибитку, вся бледная, как полотно, в таком перепуге, что и сказать нельзя. Как вбежала, так и бросилась она к Авдотье Ивановне.

– Батюшки мои, отцы мои, кормильцы! Ай, беда моей душеньке настала! Ай, сгубят нас басурманы! Ай, стряслось над нами, матушка, горе-горькое! Пропадем мы, родимая, ни за копеечку, в конец пропадем совсем!

– Что такое, голубушка, Феклушка? – спросила оторопелая от нежданного страху Авдотья Ивановна, – что такое приключилося?

– Карсаки, матушка, карсаки забушевали! Так и рвут, так и мечут все, что ни попади! Такой шум и гвалт подняли, что не дай господи!.. Эвона, слышите, слышите, как бурлят они, анафемские…

В самом деле, до нас доносились и гул, и топот, и какая-то сумятица. Признаться сказать, мы уж давненько прислушивались к чему-то, как будто не совсем ладному, давненько-таки какая-то возня да хлопотня слышалась нам нынешним утром, да мы все думали, что это хозяйством своим киргизы занимаются, разъезжая по аулу, да отпасывая стада. Теперь Феклины слова совсем нас застращали: мы не знали, что и подумать.

– Выйдем, хозяйка, да глянем, что и взаправду такое у них творится? – сказал я своей Авдотье Ивановне.

– Ах, что вы такое говорите, Яков Прохорыч? – крикнула Авдотья Ивановна, – что это вам вздумалось, будто я пойду глазеть на такие ужасти? Ну, а как нас да убьют или в полон возьмут? Тогда что?

– Убьют, матушка, Авдотья Ивановна, беспременно убьют – помяните мое слово! Не могите и с места двинуться: не то как раз нападут, заарканят, того и гляди, что всех в мелкие

куски искрошат! Царь ты наш небесный! Не сносить нам своих головушек! Загубят они, окаянные, наши душеньки! – сказала Фекла, и сама так и заревела.

– Для чего убьют? С чего они нас убьют? Придет же тебе этакое в голову, Авдотья Ивановна? – заметил я, успокаивая ее.

– Ах, не говорите, Яков Прохорыч, – отвечала Авдотья Ивановна, всплеснув руками, – не ровен час случается!

– Всякая полоса выпадает человеку! А загубят, загубят они наши душеньки! Совсем наша смерть пришла! – продолжала выть бедная Фекла.

– Да с чего же ты взяла, что у них дурное на уме и что хозяева наши на грабеж поднялись? Кабы что непутное случилось, нам бы давно сказали. Хозяева наши, знаешь сама, люди очень добрые, все честной народ и, кроме привету да ласки, нам о сю пору от них никакого дурна никогда не бывало.

Успокоивши кой-как свою слабоватую на здоровье хозяйку, я заставил Феклу перестать хныкать и сам вышел все досконально высмотреть.

Шум все еще продолжался, но ничего страшного он нам не сулил. Действительно, по степи народ бегал и суетился, а пуще всего возня была на другом конце аула. Из-за кошей, окружавших нашу кибитку, нельзя было всего порядком высмотреть; вот я и отошел подальше, на ровное местечко.

Аул наш, в котором я уж несколько дней выжил, был очень обширен; по малой мере положено так в нем было ста полтора кибиток, не меньше. Теперь, на мои глаза, он так умалился, что и одной сотни кибиток не насчитываешь. Всюду видно какое то запустение, запущение и беспорядок. Что это такое было, никак я не мог себе хорошенько растолковать.

Со многих кибиток содраны были кошмы; сквозь жердяные, решеточные стены кошей видны были сбросанные в груду домашние пожитки и разное имущество. В ином месте, вместо цельного остова коша, еле-еле держались на земле только одни стенные решетки, без крыш, которые обыкновенно делаются на них круглою шапкою, вроде купола или полушария. Кое-где, вместе круглых стенок, покосясь на сторону, стояли только две-три решеточки, а кой-где решетки эти и совсем повалились наземь. Сундуки, утварь разная и всякая мелочь кучами стоя-

ли без всякой покрышки, на покинутых домовищах. Тут дети и бабы сидели вразброс; а тут копошились они маленькими кружками; в одном месте они сами разоряли кибитки, складывали и обвязывали все свое хозяйство в тюки; а в другом месте им помогали в этой хлопотне мужчины.

Наконец, вот и в очень близком от меня месте вышел один хозяин, с сыном и работниками, и стал стаскивать с кибитки кошмы. Когда остов ее совсем оголился и сброшенные кошмы сложены были на земле порядком, киргизы эти начали снимать с кибиточного купола жердочку за жердочкой, шест за шестом: того и гляди, все это рухнется, повалится наземь и задавит тех, кто еще не вышел из кибитки. Но вот вместо цельного купола остался только маленький верхний свод, сделанный из большого обруча, с перекрещенными поверх его деревянными дугами. Этот свод, как будто сам собою, висит в воздухе: так тонки четыре шеста, подпирающие его и, в свою очередь, сами опирающиеся в верхние окраинки стенной решетки. Четыре киргиза ухватились за эти четыре шеста, на каждый шест по человеку, приподняли их вместе с посаженным на них верхним сводом кибитки, снесли прочь и, высвободив шесты из обруча, уничтожали таким образом весь верх кибитки, как будто и вовсе его никогда не существовало. Все эти длинные жерди, основные части свода, работники сложили в кучу, обмотали арканами и обвязали кошмами. Потом принялись они уничтожать круглую стену своего жилья: смотали в клубок тесьму, скреплявшую эту стену, разрознили и разобрали стенные решетки по частям, сложили их вместе – и от прежней кибитки осталось только одно воспоминание.

А! Вот оно что! Тут не хищничество, не разорение, тут во всем видно добровольное, хозяйственное распоряжение. Я подошел к этим киргизам.

– Что это такое вы работаете? – спросил я.

– Да разве ты не видишь? Кибитку снимаем; складываем и прячем свой дом, чтоб перевезти его на новое место.

– Как на новое? Да ведь вы здесь живете?

– Жили здесь вот уж другая неделя, а теперь переезжаем на свежую траву!

– Зачем же так?

– Да мы всю траву проели: здесь уж скот больше кормить нечем.

– Когда же вы это вздумали переезжать?

– А вчера были посланы передовые оглядеть места, вчера же они и воротились с ответом. Султан расспросил их обо всем, сам съездил посмотреть луга – вот мы теперь и откочевываем на новое приволье.

– Так это перекочевка? Так из-за этого-то шум в ауле так перепугал мою хозяйку, что мы и бог знает, что подумали?

– Что же вы могли подумать дурное?

– А мы подумали, что не неприятели ли на вас напали да начали грабить! – отвечал я очень откровенно.

– Ай-яй-яй! Как могли вам придти подобные мысли в голову? Да, видно, вы в первый раз видите перекочевку?

– Никогда еще не доводилось: да и где же нам было ее видеть?

– А разве в ваших местах народ никогда не кочует?

– Нет, у нас этого не водится.

– Как же это? Вы, значит, без сходу живете все на одном и том же месте?

– Да, конечно!

– Ну, а как у вас в городе скот все луга истравит, тогда что?

– У нас лугов в городе не бывает!

– Да как же трава-то в городе растет?

– В городе у нас травы почитай вовсе не растет.

– Так чем же вы скот-то кормите? Ведь вы скот-то содержите же?

– Скот у нас есть, да мы ему сено покупаем, сено к нам привозят.

– Зачем же вы сами не живете там, где есть сено? Ну, бросьте город! Денег не нужно будет платить!

– Да у нас в городе есть свои занятия, свои заботы, свои труды, которыми мы кормимся; у нас в городах построены богатые дома, такие хоромы, что за один дом надо заплатить иногда сто тысяч, и больше баранов.

– Ну, это ты врешь! Где и кому можно столько денег достать, чтобы заплатить сто тысяч баранов за одну кибитку!

– Да ты знаешь ли, что у нас иной раз за сапоги платят десять баранов?

– Что же они золотые, что ли?

– Нет, не золотые, а обыкновенные кожаные.

– Ну, так ты опять врешь! У нас люди на десять баранов круглый год живут; а ты выдумал меня уверять, что у вас за сапоги десять баранов платят!

– Да я тебе лучше скажу, у нас есть города, где за заднюю половину маленького кургашка для обеда платят столько, сколько у вас стоит годовалый баран!

– Полно, пожалуйста, вздор молоть! Если у вас за полкургашка, с которого сыт не будешь – дают целого барана, так во что же у вас весь-то обед обойдется?

– А это всяко случается, как кто сам сумеет повести дело; иногда обед стоит очень дешево, а иногда и один человек поест – так за роскошные кушанья он должен заплатить то, что стоит у вас десять и даже двадцать баранов!

– Ха-ха-ха, перестань, пожалуйста, перестань! Ты меня совсем уморить хочешь со смеху! Зачем так в глаза лгать: ну, как же я тебе поверю, что у вас совсем не кочуют? Да и не могу поверить! Потому что надо просто с ума сойти, чтоб весь век свой прожить без съезду на одном и том же месте. Вот, посмотрите, как мы ловко наш аул перевозим: вот и вы свой город так перевозите.

Что мне было толковать с таким человеком? Я поспешил прекратить с ним разговор и поторопился позвать Авдотью Ивановну поглядеть на аул, который снимался лагерем и в котором немногие уже кибитки оставались еще не тронутыми.

Любо было взглянуть, как все это живо делалось. Наш многолюдный аул казался теперь очень незначительным становищем; но он еще не совсем обезлюдел, хоть ежеминутно делался все пустыннее и пустыннее, и на многих пепелищах уже ничего не оставалось, кроме вытоптанной и взбугренной земли.

Кош снимался за кошем. Мужчины и женщины с одинаковым усердием хлопотали за этой работой. Всюду виднелись долгошейные и долгоногие горбатые верблюды, или уже окончательно нагруженные и вытянувшиеся во весь рост, или еще

на коленях, готовящиеся принять привычную ношу. Их навьючивали разным скарбом. На одного нацепляли кибиточные решетки, двери и шесты, прикрывая весь тюк, расположенный на обоих боках верблюжьего туловища, войлоками, поверх которых привязывали верхний кибиточный обручевый свод; на другом, словно нанизаны, всевозможная домашняя мелочь, турсуки, котлы, кумганы, таганы, тазы, самовары – у кого они есть; на третьих накладывали обшитые кошмами разнокалиберные сундуки, и большие, и маленькие, с самыми ценными принадлежностями нарядов и домашнего хозяйства. У моего хозяина степные богатства его навьючивались на целые десятки верблюдов; и длинной вереницей растягивали этот степной обоз по разным уголкам степи. И все это – каждый верблюжий тюк, каждая навьюченная ноша, прикрыты то грубыми кошмами, то хорошими коврами с презатейливыми узорами; и прихотливые цвета их как-то особенно игриво перемешивались с бурым цветом самого животного, с пережженною зноем рыжеватою зеленью покидаемого стойбища, с выкрашенными красной краской жердями и решетками кибиточных стен, с синевою неба, с белыми колпаками и малиновыми башлыками киргизов и с их пестрыми халатами.

Семьи домохозяев, с чадами и домочадцами, больше все женщины да дети, редко взрослые парни, тоже взлезли на верблюдов и, покачиваясь на высоком, но поминутно колеблющемся от неровной поступи животного сиденье, поплелись впереди вьючных верблюдов, все по одному направлению. Большая часть мужчин пустились в дорогу верхами, кто вместе с бабьем, а кто перегонял их, не мешая ни женщинам кормить грудных ребят, ни старшеньким ребятишкам по прежнему выть и плакать от огорчения, что отец или брат не почествовал их дозволением поиспытать свои силенки на знакомом им еще только по виду коне. Для мальчугана-киргиза важная вещь, просто праздник годовой, тот день, когда подведут ему коня и дадут волю самому с ним справляться: он тогда как раз в голову заберет, что на него уже не смотрят как на глупого ребенка, а питают доверие к его отроческим силам, сноровке и понятливости. Он тогда уж и заважничает, перестанет якшаться с остальными детьми, слабейшими в сравнении с ним, и поминутно будет

искать случая жаться в кругу взрослых наездников-батырей. С той минуты, как ребенку дадут в руки поводья да нагайку, он уж и тон в разговорах переменяет, жилится через силу как-нибудь побасистее сказать слово и беспрестанно у него на языке все «я» да «я».

Покамест мы это с хозяйкой смотрели, да высматривали, а позади нас и невесть что делалось. Наглядевшись на все, мы было с ней вздумали назад к себе в кибитку воротиться, да потом сходить к хозяевам узнать их распоряженья: ан на-ткась! Нашей кибитки будто и вовсе не бывало!

Гостеприимный султан, приютивший нас в своей людной семье, стоял позади нас, подперши руки в бока и прелюбезно ухмылялся, увидев наше изумление, от которого, статься может, лицо наше очень и очень повытянулось. И его работники, и наша Фекла преусердно хлопотали, увязывая в тюки наши пожитки.

– Ну, чево, Авдотий Иван, калякивать будем? – спросил он у моей хозяйки. – Кошам нашим туда долока гуляйт: кочевка-то ево бульна хорошая будет!.. Сандыкам-то твоим совсем вязал на юки… Садись теперь, поезжай, айда гуляй с своим Джакубом… Как твоя кочит гуляйт? Лошадь давать или тарантасам садиться?

– Как знаете, ваше степенство, так на все ваша воля есть! – отвечала моя Авдотья Ивановна.

– Какой моям воля? Моям воля совсем ниту! Как тиби воля – так и будет! – сказал султан.

– По мне, как знаете сами. Конечно, если далеко ехать надо, так мы лучше с хозяином в тарантасе поедем.

– Ниту далока! Кочевка близка! Твоя ходжаин верхом гулять будет; и мои все верхом тоже.

Так мы и уладили, чтоб всем верхом ехать.

Авдотья-то Ивановна приучилась уж у меня к верховой езде. Только что мы приютились в здешнем ауле, только что Авдотья Ивановна начала аккуратно пить кумыз – да ведь как она и впилась в него? Ну, просто, я вам говорю, пристрастие к этому напитку возымела! – с той поры и верхом ездить начала для моциону.

На первых-то порах она было у нас и поартачилась, покапризничала маленько, совестясь, что ей приходится садиться на лошадь по-нашенски, по-мужски, и ни за что не хотела, как она говорила, обусурманиться – да что же станешь делать, как иначе тут ничем пособить нельзя? Дамских, что у нас по городам делаются седел у киргизов нет, а пробовали подушки привязывать, чтоб хозяйке моей ловчей было сидеть боком – так лошади горячились с непривычки, а объезжать их по незнакомому для киргизов способу некому; да и до того ли им было!

Бросила было совсем Авдотья Ивановна эту затею и стала для моциону пешеходные прогулки совершать – так, вишь ты, невмоготу пришлось: и силушки-то нет, она же, как я докладывал, такая у меня слабенькая и притом в то время еще болезненная! Ну, и зной-то денной для пешехода невыносим: по песчаной степи просто подошвы жжет, почитай, что ступать нельзя, так песок раскалится задолго до полудня, истомление такое, что мученье, да и только! Прикидывали мы и так, прикидывали и сяк: пришлось моей супружнице покориться обстоятельствам, да сесть на коня по-натуральному, как всякий из нас на коня садится. Разумеется, не обошлось без того, чтоб не напасть на новые неприятности.

Авдотья Ивановна, которая, если припомните, так заботливо запаслась для киргизских визитов модными платьями, новенькими шляпками да разными женскими чепцами, не знала теперь куда с ними деваться, потому что коробки да картонки с ее нарядами занимали много места в тарантасе.

Да это бы еще ничего: куда не шло! А вот было горе, что Авдотье Ивановне для верховой езды и взаправду пришлось вырядиться в киргизское платье – в шальвары и в халат. Хотела было она уж заодно и киргизский мужской колпак на себя напялить, потому что головной убор женщин-киргизок показался ей маленечко грузным и неловким, так и тут опять ее ждала новая неудача: коса под колпаком не держалась. Коли свернуть ее по-городскому – колпак не налезает, а дать косе свободу – она либо сама вывалится, либо колпак столкнет. На какие хитрости ни поднималась моя хозяйка, чтоб как-нибудь уладить косу – никакого толку не было! Не резать же ее для этого было? А коса-то у Авдотьи Ивановны такая густая и такая длинная,

что я отродясь ни от кого об этакой и не слыхивал: ужасти, что за косища!.. Только вот не приходится мне о таковых вещах с посторонними людьми речь вести, да и дело-то выходит этакое совестливое, а то бы я сейчас подивил вас, государь мой, сказав настоящую длину редкостной Дуняшиной косы.

Шляпок с собой Авдотья Ивановна взяла две, одну этакую креповую, с цветочками да с блондочками, а другую простенькую, соломенную, без всего, с одними белыми лентами. Ну, так вот, чтоб простоволосою не ездить, она к своему киргизскому халату вместо колпака или джаулука и прибрала эту соломенную шляпку, и ездила в ней под зеленою вуалью. И в ту пору совсем это не казалось нам смешно, а теперь, как вспомнить мы об этом – так оба и расхохочемся…

Так я и Авдотья Ивановна – мы порешили ехать верхом.

Между тем как увязывали тюки и взваливали их на верблюдов, Фекла наша, у которой вовсе никакой охоты не было к верховой езде, пронюхала как-то, что в наш тарантас впрягут вместо лошади верблюда. Скучно, что ли, ей показалось одной в экипаже ехать, али просто так нашла блажь этакая – только упросила она одного работника киргиза, чтоб он посадил ее, для пробы, на верблюда. Верблюды были тут и смирнехонько припали к земле, поджав ноги. Абдулка выбрал одного, у которого верх большого, но легкого вьюка был помягче обделан, и показал его Фекле.

– Я только так маленечко посижу на нем, – говорила Фекла – ты, пожалуйста, не поднимай его.

– Ладно, садись! – отвечал Абдулка. – Смотри только, усаживайся плотнее.

Фекла-то сдуру взлезла на верблюда и взгромоздилась на самую верхушку, между боковыми вьюками. Но ей что-то не сиделось; неловко было сиденье, что ли, уж не знаю; она все обминала под собой подушки и ковер, и все гомозилась.

– Да долго ли тебе, Фекла, возиться? – спросил Абдулка, потеряв терпение, глядя на нее.

– Ну, вот теперь уселась!.. Вишь ты как знатно: точно на хозяйском матраце сижу – таково привольно; вот уж не шелохнет-то ничем – хоть как хочешь скачи.

– Чок, чок! – крикнул Абдул, потянув поводком кляпышек, продетый у верблюда в ноздрях через храпок.

Верблюд лениво поднялся и остановился. Фекла так и вскрикнула.

– Ты чего кричишь? – спросил ее Абдулка.

– Да, вишь ты, верблюд поднялся: я и испужалась!

– Есть чего пугаться! Сидишь как в люльке, а пугаешься!.. Эх, баба ты, баба этакая!

– Да я, Абдулушка, не то чтобы страху далась, а так только маленечко всполохнулась.

– Ну, сиди же смирнее: я тихонечко проведу верблюда, а ты смотри, как на нем весело ехать.

– Да я боюсь!

– Экая какая! Сейчас сказала, что не боится, а теперь и трясется: да ты испробуй.

Не дожидаясь ответа, Абдул схватился за поводок и легохонько стал проводить верблюда.

– Ну, что? Ладно ли тебе? – стал он допытывать Феклу.

– Уж так-то хорошо: ни дать, ни взять, будто в люльке качает!

– Перестать что ли?

– Ай нет! Прокати еще маленечко, Абдулушка, голубчик!

Но у Абдулки, верно, что-нибудь было на уме против Феклы. Он проваживал верблюда все тихо-тихо, да вдруг как побежит сам вприскочку, а верблюд за ним тоже как приспустится – Феклу-то и пошло трепать боковою качкой, так ее из стороны на сторону и валяет! Она так и вопит, и словно давят или режут ее разбойники, орет благим матом, что есть мочи, а сама и руками и ногами так и цепляется за вьючные арканы, которыми вся ноша перепутана, так и хватается за все: боится, чтоб ее не вышибло вон из хваленой люльки. И жалко-то было, да и смешно было смотреть на ее проделки. Абдулка потешался над нею недолго: ему велели отпустить бедную Феклу. Когда она встала наземь, то никак не могла пройти ровной походкой: все ее, ровно во хмелю, бултыхало с боку на бок. Долго же злилась после этого Фекла на Абдуллу.

Между тем вся окрестность, занятая нашим аулом, совсем опустела. Оставалось каких-нибудь пять-шесть кибиток,

но и те уже, будучи лишены окутывавших их кошем, глядели какими-то островами. Женщины уселись на лошадей и, сопровождаемые моим и султанским тарантасами, которые теперь полны были малых ребят, и своими прислужниками, отправились вперед и скоро скрылись из виду. А мы, выжидая, пока не навьючат последнего верблюда, допивали кумыз и в разговорах переливали из пустого в порожнее.

Всех нас, мужчин, было человек с пятьдесят; кроме султанского семейства, это все были почетнейшие из домохозяев, оказывавшие свое уважение главнейшему старшине аула; прочих своих родственников они давно уже отпустили, назначив кому ехать с женщинами и с пожитками, кому отпасывать табуны, а кому перегонять баранов. Под каждое стадо скота отдельные луга уже заранее были распределены на новом приволье.

Наконец и мы отправились.

Не знаю отчего, но мне как-то грустно было взглянуть на места, которые мы оставляли. Не дальше как за несколько часов здесь кипела жизнь, кишел народ, роились стада баранов, пестрели быки и коровы, спокойно паслись верблюды и стройно разгуливали табуны лошадей, разделенные на косяки, в которых молоденькие лошадки не смешивались с взрослыми конями, а статные, игривые степные кобылицы бдительно охранялись, предводимые бодрым и сильным жеребцом-производителем. Еще вчера ввечеру я любовался на кудреватые струйки синеватого дыму, который змейкой вился над каждой кибиткой, где заботливая хозяйка готовила семье кушанье; потом этот дымок, как будто вместе скопившись, стлался над аулом длинным, узеньким полупрозрачным облачком… Еще сегодня, раним утром, здесь работницы и хозяйки доили овец и коз, коров и кобылиц. Еще так недавно, полунагие ребятишки резвились на этом самом месте, бегая кругом родного жилья и кувыркаясь по земле, либо борясь со своими сверстниками, либо заигрывая с прыткой козочкой, с трусливою овцой или с домовою собакой. Все это так живо отзывалось во мне, все меня занимало, тешило, радовало, потому что во всем видна была человеческая деятельность, во всем сказывалась жизнь: даже в неодушевленных-то предметах – и тут она сама собою пробивалась, невольно напоминая о живом, деятельном, трудолюбивом человеке, о настоящем, о будущем… Теперь все смолкло, все заглохло, все умерло, все будто погибло без воспоминания.

Я отъехал уже саженей с сотню и оглянулся еще раз. Совершенная пустыня! Почернелая, истрескавшаяся от жаров земля; поблеклая, порыжелая, спаленная солнцем реденькая, тощая, сухая трава; направо и налево необозримая даль, закрытая будто флером движущеюся стеною сгущенных испарений; и ни одной живой души, кроме разве кузнечиков, выпевающих так звонко и прыгающих с травки на травку и с кочки на кочку, да полевых мышей, разгуливающих теперь на просторе и шмыгающих то тут, то сям, без боязни попасть под конское копыто или под тяжелую ступню киргиза. На оставленном пепелище разгуливают вороны, жадно высматривая, не осталось ли им каких объедков и оглодков после аульных собак, а над ними плавает в воздухе хищный ястреб, описывая пространные круги и выискивая добычу. Лишь только он ее завидит, как в то же мгновение, как будто без малейшего перепархивания крыльями, останавливается в выси неподвижным и, высторожив жертву, нацелившись на нее взглядом, нежданно падает на нее молнией и терзает бедную пташку, которая будто заранее чуяла беду, давно уж смолкла, прекратив свое чириканье, укрылась, забилась в сухие ветви мелкого степного кустарника и прижалась там, боязливо распустив трепещущие крылышки.

Мы ехали больше все шажком, очень редко и то на самое недолгое время припуская лошадей маленькой рысцой. Степенному и горделивому человеку, каким глядит султан и каждый из окружающих его киргизов, по их поверью, не подобает без дела, без особенной надобности тешиться слишком прыткою ездою. Зато молодежь, сопровождавшая наш поезд, не связывала себя стеснительными для нее приличиями. А может статься, что, потешая себя, молодые парни тешили и стариков, веселя их своим гарцеваньем и развлекая их важное спокойствие своими молодеческими играми.

Есть что-то такое заманивающее, что-то соблазняющее тряхнуть стариной – в этих играх молодежи, в ее лихих наездничских проделках. Не знаю почему, но мне любо смотреть, когда молодцеватый юноша, подобрав поводья лошади, дроб-

ною частою рысью несется через обширную луговину, ничем не нарушая правильности своей посадки, не шелохнувшись станом, не покачнувшись на сторону и не изменяя положения рук: ровно прикован к седлу, ровно впился он в свою лошадь. Но гораздо больше на меня действует наездник, когда, дав полную свободу коню и склонившись немного к его гриве, отважный юноша мчится по степи, будто стрела из лука. Конь так и расстилается, будто не по земле, а над нею он скачет; распустив хвост, разметав гриву, он словно летит и несется таким ураганом, что трудно заметить, как он переставляет ноги и именно когда опирается ими о землю. А когда лихой всадник, на лету, сбрасывается с седла, приникая на всем скаку к земле; или когда он, высвободив ноги из стремени, перекидывает их одну вместо другой и оборачивается, тоже на всем скаку, лицом к хвосту; или когда, изогнувшись в три погибели, он обхватывает из-под низу шею своего скакуна; или когда длинною пикою вертит около него, не задев ни себя, ни его и не пугая коня нечаянными ударами – право, кажется, так вот и слышишь, как кровь в самом тебе кипит, так вот и подмывает тебя махнуть рукой на все утомительные в эту минуту приличия и натешить свою душеньку распашною удалью.

Э, да чего тут церемониться! Тешься душа вволюшку! Гуляй, наши, куда ни шла! Была не была, а сердечко порадую! Я взвизгнул, гикнул, хватил коня по крутым бедрам и понесся себе, сломя голову, куда кривая ни вынесет! Все лошади соседей моих шарахнулись, но степенные киргизы попридержали их, не без смеху, я чай, подивившись моей гульливости. Но, погодя немножко, из общего строя сановитых киргизов отделился один наездник, потом, еще маленько спустя, другой, следом за ним пошел кружить по степи третий – какой-то почетный человек. Я дал вздохнуть своей лошадке, укротив ее прыткий бег полною рысью; гляжу на главную партию: что ж вы думаете? Сам султан крепился-крепился, а верно уж и его сильно разобрало. Он тоже гикнул и, следом за ним, бросилась врассыпную вся толпа его свиты.

Место выдалось знатное, равнина такая, что куда не обернись – нигде ни крутой ложбинки, нигде ни пригорка: ровно так, что хоть шаром покати!

Мы искрестили ее во всех направлениях: и вдоль ее мчались, и поперек переезжали, и выделывали круги, то все вместе, то каждой всадник особо кружил, то здесь, то там, как случится… Нечего сказать, отвели мы душу с охоткою! И что такое, кажись, наделали мы путного? Ведь ровнешенько ничего? А сердцу веселее стало!

Но полно, довольно. Мы, будто сговорились, разом все в одно время гарцевать перестали и столпились в одну общую кучку, успокоив разгоряченных лошадей и пустив их идти шагом. Доброе расположение духа нас не покидало и молодые батыри, один за другим, затягивали песни. Некоторые из них не то чтобы пели, а нараспев рассказывали, мерно и складно, должно быть какие-нибудь старинные богатырские похождения, по временам переменяя главный напев, который все-таки тут слышался, и продолжая речь скороговоркой. Другие пели обыкновенные песни. Они очень мне полюбились, хотя я и не понимал в них ни полслова. Мне нравился голос песни: в ней слышалось веселье, от нее будто бы веяло радостью, так бы вот, кажись, и начал бы подтягивать певцу, если бы слова знал, да добрался бы в них толку. Голос был немудреный и хорошо удерживался в памяти. А все не то, что наша родная русская, хоть бы плясовая, песня! Все татарином пахнет! Склад какой-то не русский: оно, и точно, нравится, а все-таки слышно чужое, не нашенское. А те песни, что невеселее поются и в которых звучит сердечная невзгода – те и еще несходственнее наших напевом: видно татарин и грустит и веселится иначе, чем русский человек. От плясовой русской песни у меня плечики задергает, ноги сами заходят, от заунывной – в груди как-то болезненно сердце сожмется, а киргизская песня и хороша, и нравится, да уж душе-то моей ничем она громко не сказывается.

Двигаясь все вперед да вперед, мы опережали и отдельные партии верблюдов, и стада аульного скота. Караван верблюдов растягивался на несколько верст и перерывался почасту пустыми промежутками. Каждая партия каравана извивалась по степи длинною, змеившеюся линией; и чопорное животное преважно отмеривало шаги, выступая точно губернская щеголиха жеманною походкой. Голодные, особенно на сегодняшний день, собаки плелись за караваном и по сторонам его, опустив

хвосты мочалкой, понурив головы и длинно высунув опухшие от жару языки. Ребятишки дремали на руках матерей, а те, которые сами умели на ногах держаться, с боязливым любопытством выглядывали на нашу толпу, болтаясь между тем в тесных помещениях, в которых они прикреплены были к верблюжьему вьюку или к материнскому седлу.

Женщины, должно быть, порядком истомились от пути. Жарынь была страшная; безветренное вёдро; а они плелись, как черепахи, самым медленным шагом за верблюдами или на верблюдах. Одетые в теплые, стеганные хивинские халаты, в накрученных на голову больших белых платках и ничем не защищенные от зною, они, бедняжки, раскраснелись пуще вареных раков: по прядям выбившихся из-под платка густых, черных и жестких волос и по всему лицу пот градом катился. Несмотря на это, утомленных работниц ждали еще новые заботы, новая утомительная возня – разбивать шатры, прибирать по-прежнему кибитки и хлопотать по хозяйству на новом стойбище, от которого мы, впрочем, были уже недалеко.

Табуны лошадей шли другой дорогой и не смешивались с другими стадами. Медленнее всех передвигались предводительствуемые козлами бараны. Они походя пощипывали травку, долго останавливались на одном и том же месте, часто разбредались в разные стороны, и чтобы загнать их в одну общую ораву, надо было почти понапрасну терять много времени, потому что они беспрестанно то растекались широким строем, то вытягивались узкою, но длинной полосой, пока верховые пастухи и привычные собаки снова не сгоняли их в кучу.

Мне всегда смешно было глядеть на этих очень полезных животных. Правда, они смирны и кротки, но уж зато не могут похвалиться ни бойкостью ума, ни способностью быстро соображать обстоятельства: кажется, природа, при раздаче каждому скоту разных достоинств, обошла баранов толком и понятливостью, и признала за необходимое дать им в наставники козлов: без козлов – беда баранам!

Бараны, например, пасутся очень спокойно, и все идет у них таково ладненько. Вдруг найдет на них этакое затмение – передние вдруг все разом остановятся, будто столбняк на них найдет: все задние, глядя на них, тоже остановятся, сжавшись

рядами и не двигаясь ни в которую сторону. Хоть ты что хочешь с ними делай – без козлов никак их сейчас же не перегонишь на другое место: испугаются ли они чего, либо что другое – бог их знает! И возятся с ними пастухи и загонщики долго – ну, ни с места, да и полно! Такой видно найдет на них невзгодливый час или проклятое упрямство обуяет ими. Случалось мне видать, что загонщики, перегоняя без козлов баранье стадо, допасут его до такого места, что приходится миновать только кое-как слаженный мостик, а там сейчас уж и видны богатые луга. Все идет ладно и хорошо. Но у самого моста заупрямятся передние бараны: остальные все на походе подожмутся к ним, стеснятся в кучу, начнут толкать и давить других и растеряются так, что, право, смешно бывает взглянуть на их озабоченные и испуганные мордочки. И ничем этого испуга нельзя из них вышибить, ничем стадо нельзя успокоить от нежданно постигшего их страха. Одно только и есть средство: схватить одного из передних баранов за зад и поволочить его по мосту, так чтоб глупому животному самому довелось на передних ногах его переползти – страх со всех как рукой снимет, испугу и в помине не останется, все как раз перебредут по сокрушавшему должно быть их мосточку и превеселенькие такие раскинутся по свеженькой зелени лугов.

В степи, благодаря этой всегдашней зелени, чистоте воздуха и открытому ровному месту, где взоры свободно и легко окидывают пространство на целые десятки верст – у нашего брата горожанина чрезвычайно как быстро поправляется и укрепляется зрение, испорченное дома и пылью, и белизною стен городских строений, и усидчивым трудом за мелкою работою, и разными-разными обстоятельствами. В степи чрезвычайно скоро приучаешься соображать расстояния, внимательно всматриваться в отдаленные предметы, и узнавать их сперва по чужому указанию да по собственному своему соображению видимых принадлежностей предмета, а потом и по действительно ясному очертанию их наружного вида.

В наших местах тот уж может похвастаться хорошим зрением, кто, стоя у верстового столба, видит по прямо вытянутому полотну дороги другой верстовой столб и следующую за ним вторую версту. В степи это нипочем: там люди за пять, а

говорят что и за семь верст, сумеют различить предметы: все это от крепости зрения, да и от привычки тоже. Узкоглазый киргиз укажет вам на какую-то точку, едва приметную на горизонте, сощурит свои щелки, вопьется взглядом в едва заметное для вас пятнышко: «А! – говорит, – это хивинский караван идет!» или «это казаки едут», или «это такие-то подкочевывают!» У него уж каждое пятнышко заучено: стройные ряды казаков с пиками, или долгую нить извивающегося каравана, или безъурядные толпы степных наездников, он как раз отгадает... Да, именно отгадает, еще в то время, когда и все кони и все всадники представляются его глазу безразборчивым темным пятном; а знание времени, когда проходят хивинские караваны или когда, куда и откуда перекочевывают однородцы, сейчас наведет их мысли на верное определение качеств и намерений завиденных гостей.

Я тоже приметался к этим хитростям, воспользовавшись уроками и наставлениями киргизов, и умел различать вдали разные предметы. Если, бывало, увижу далеко-далеко таковое что-то такое движущееся, словно муравьиный рой, или этакое длинное узенькое пятно, и над ним рыжеватое облако пыли, я уж и знаю, что это стадо баранов, а около них реденькие, но резкие черные точки – это верховые пастухи, загоняющие разбредшихся овец. Если в замеченном мною далеком пятнышке кучки роятся, пестреют и переливаются разными цветами – это быки да коровы; а если я увижу черные крупные полосы и облака пыли, которые не над ними вьются, а клубятся впереди или позади их – значит это табуны лошадей, которые по величине своей крупнее и обрисовываются. От этого стада сейчас можно отличить купеческий караван. Верблюды по дальним холмам и ложбинам извиваются словно длинная лента, в которой цвета больше или меньше, то тут, то там затуманиваются неровными переливами: между верблюдами – небо выясняется, а полоса, обозначающая конский табун, всегда кажется плотною, да и фигура верблюда, вьючного или порожнего, слишком разнится от фигуры всякого другого скота, и по росту и по долгой шее его скоро признать можно. Если при верблюдах заметишь по сторонам скотские стада – это перекочевка киргизов, а не купеческий караван: к нему скоро можно приглядеться; а уж толпы

конных киргизов ровнешенько нипочем отличить от казачьих отрядов: казаки на походе идут стройной колонной, а киргизы разъезжают беспорядочными артелями: как тут их не отличить? Не мудрено тоже и конного путника отличить от пешего: было бы только с чем сравнить, а то небольшая мудрость догадаться, что выше и длиннее кажется конный всадник, а низенькая тощенькая черточка – пешеход-горемыка: уж, стало быть, и в самом деле бедняк, и принужден томиться, разгуливая по жаре пешком и слоняться из аула в аул для необходимого отдыха и приюта у чужого очага.

Но, слава богу, в степи мало бросается в глаза таких бедняков, чтобы ничего-таки своего не имели; если же несчастье такое случится, то у них выпутаться из беды есть три средства: или таскаться по гостям в чужих аулах, или навязаться на шею какому-нибудь степному богачу между своей братии, или идти в работники к зажиточным домохозяевам. Этих зажиточных людей в степи гораздо больше. И, понятное дело, что такой человек, не имея промыслов и занятий, и не имея тех развлечений, которым предаются у нас богатые люди, а между тем понимая, что его достаток доставляет ему все нужное для степного благосостояния и поэтому вовсе не желая неволить себя трудными и утомительными работами, богатый киргиз предается бездействию, предоставив все заботы о доме жене, старшему сыну или другим работникам, а сам делается лежебокой, когда-то когда, и то не всякий день, решаясь оседлать коня да поехать взглянуть на пасущиеся стада.

У нас, например, день-то деньской настанет – торговец в лавке торгует, купец – делами своими занимается, помещик – хозяйство свое озирает, чиновник – на службе занимается, а богатому киргизу и горя мало: ему, видите, жарко – понежиться надо, нужно вот врастяжку на ковре валяться! Вечерком у нас добрые люди, подкрепив себя послеобеденным сном, или снова утренним занятиям предаются, или развлекают себя какими ни есть благородными развлечениями: кто книжку читает, историю, что ли, какую, либо что другое, кто для препровождения времени на беседу идет к приятелям, ну, в карточки поиграть тоже надо… ну, в театр сходит, мало ли что можно прибрать, как горожанину у нас время коротать можно. А богачи-киргизы

сядут себе на корточки, приютятся поближе к лохани с кумызом, да рассказывают друг дружке сказки про давние бывалые времена, либо тешат себя музыкой, приказывая певцам играть на балалайке и распевать длинные богатырские рассказы; а коли и этого нет, так киргиз от скуки веточку ножом стругает – только у него и дела! А хлопот мало: он богат, всего у него довольно, нужды не знает и живет припеваючи.

Такие бывают богачи, что сами счета своим богатствам не знают, не знают много ли у них в табунах лошадей, а уж прочий скот и говорить нечего! И хотел бы – так растранжирить такого богатства невозможно. В карты, конечно, киргизы умеют играть, но вист и преферанс знакомы только, как бы сказать, высшему классу: чиновным, статейным киргизам. Ну, да в карты же играется на деньги, а на деньги киргиз настоящая трясучка: большой игры не заведет он. Вот другое дело, играть на баранов – то так!

Большинство народа, особенно дальние киргизы, о картах и понятия не имеют: зато у них есть другая игра – альчики, кости, зернь, а это стоит нашей «горки» или хоть и «банка». Играют и в шахматы: по их словам, это киргизская народная игра. И мастера же они на нее большие, и предаются ей с таким жаром, как будто бы и в самом деле важным делом занимаются. Шахматных игроков всегда обступает целая толпа посторонних зрителей, разделяющихся на партии и держащих сторону то того, то другого игрока.

Шахматные игроки поставят на земле, середи кибитки, шашечницу и засядут за нее, поджав ноги калачиком, а свидетели все тут же разлягутся, растянувшись животом на кошмах и коврах полукружием, стеснившись головами около игроков, подперев скулы локтями и раскинув ноги, как кому удобнее. У иного внимательного наблюдателя игры тюбетейка слезет на самый затылок, или свалится совсем на сторону, а он и не слышит, да не только этого, не слышит даже, что вновь вошедший посетитель сам на него, как на подушку какую, навалился. С иного пот льется градом, а ему некогда вытащить из-за пазухи платок, да обтереться им: так мысли его заняты предстоящим ходом, так он боится встревожить их, или разогнать малейшим движением. Иногда игроку хочется и табачку по-

нюхать; и шибко разбирает его эта охота, особенно когда взор его как-нибудь нечаянно упадет на сизый и внезапно осиявший пламенем нос близ сидящего соседа, только что успевшего совершить понюшку из обделанного в серебро коровьего рога, заменяющего табакерку. И протянет уж он руку к рогу, или к тавлинке, даже уж ухватит пальцами зловонное зелье, и поднесет уж к себе к носу этот щипок с оттопыренным на сторону мизинцем, и вытянет верхнюю губу, и сощурит глаза, и круто приподнимет брови, приготовившись нюхнуть это снадобье, кажется, так вот, сию минуту и запихает его себе в носище… Но свежая мысль озарила бритую голову, явилась новая идея как лучше переставить шашку – и вот рука, подносившая угощенье, все понемножку-понемножку отделяется от ноздри, сощуренные глаза устремляются на одну клетку шашечной доски и раскрываются все шире и шире; осиявшая соображением голова игрока медленно начинает пошевеливаться, будто поворачивается на негибкой шее, и бобковое наслаждение, сомкнутое двумя перстами, теперь уже ослабевшими и бесчувственными к табачным порошинкам, сыплется и осыпает дорогой халат богатого киргиза зеленоватою пылью. И табак, и все на свете забыто! Один игрок не успел еще и ходу сделать, а его противник рассчитывает уж все вероятные его движения и, приложив палец ко лбу, сердито насупив брови, с сопеньем надув губы и ни на кого не глядя, а весь превратившись в какой-то сидячий истукан, делает различные игрецкие соображения: как бы утопить приятели и выиграть его игру.

Киргизы очень пристрастны к шахматной игре; однако ж едва ли не больше любят они слушать старинные сказки: для сказки киргиз, кажется, готов от обеда отказаться. Разумеется, это говорится только так, ради пущей важности, а то, конечно, как сказка ни будь хороша, а если обед готов, да притом же еще вкусен, да и на желудке-то у меня сильно сказывается, так уж где найдется такой простофиля, что он для сказки обедать не станет?..

Когда мы переезжали на новую кочевку, так и тогда молодые люди, сопровождавшие нас, как я уже сказал, потешали нас то играми, то песнями; и из этих песней сказочные похождения прежних богатырей выслушивались всеми с особенным

любопытством и вниманием, хоть, может быть, не в первый, а вероятно в сотый раз. В числе этих пересказов о богатырях, у киргизов передается множество басен и притчей о похождениях знаменитых киргизских женщин, о баснословных султанских женах и других. Это просто романы, в которых только и говорится, что о любви и о сердечных наклонностях горделивых султаншей к общипанным и оборванным пастухам и табунщикам собственных их стад.

Мы между тем подвигались все дальше и дальше и через несколько часов пути, к вечеру, этак часа за три до заката, очутились на берегу какой-то речки, забыл уж теперь как эта речка прозывается, но ведь это не важное дело.

Многие киргизы, вышедшие караваном гораздо раньше нас, были уже тут на месте; у многих верблюды развьючены и отпущены на пастьбу; шатры разбиты и все приведено в порядок. Иные только еще что прибыли и расставляли кибитки. В одном месте еще только устанавливались решетки, в другом хозяева насаживали на нее жердяной полукруглый свод, а в ином уж и кошмами их окутывали. Все были за работой.

Под новую стоянку местечко было выбрано удачно. Ровная как скатерть луговина была покрыта такою чудесною муравою, что право, любуясь ее изумрудною зеленью, не грех сравнить ее с бархатным ковром, на котором в виде узоров то там, то сям торчали то темно-зеленые пучки приземистого кустарника, то синенькие колокольчики, то алые крестовики-цветочки, то белые маргаритки, то простые желтые полевые цветки, то белесоватые косицы шелковистого ковыля, из которого свирепые бухарцы и другие изобретательные в му́ках их соседи сделали такое страшное орудие казни, но который у русских людей служит верным предзнаменователем необычайного урожая хлеба, если поросшее ковылем поле взодрать хорошенько и засеять зерном.

Речка, окаймлявшая нашу новую кочевку, бежала издалека и протекала на большом расстоянии. Русло ее у самых наших кошей было от нас сокрыто гористою местностью этого берега. Сделав изворот около стойбища, поток выбегал на открытое место и резво струился по степи, то извиваясь узенькою синею ленточкой, то разливаясь широким плёсом, будто огром-

ное зеркало. В него гляделись и песчаные обрывы выпятившегося берега, которого бурые стены венчались темною зеленью жестких степных кустов; гляделась и коза, потрясывающая коротеньким хвостиком, выискивая лучший путь, где бы ей без лишних прыжков подняться на этот пригорок; гляделась и черная без отметин корова, пришедшая на водопой и взмутившая чистые воды потока, забравшись по самое брюхо в прохладные ее струи; гляделась и шаловливая киргизская девушка, приглаживаясь и охорашиваясь в ожидании жениха, которому уж она успела назначить тут свидание…

По ту, по низменную сторону речки расстилалась степь необозримая – в одной только стороне обрезанная грядою довольно высоких холмов, покрытых обыкновенными степными растениями, но безлесных; зато по сю сторону потока и недалеко от нас, по направлению к западу, вдруг будто вырос передо мною целый бор, который я заметил только тогда, когда солнце, склоняясь к закату, сокрылось за крайними деревьями его опушки и сквозь редкие ветви осыпало нас самыми радужными снопами своего сияния.

Аул уже весь собрался и образовал из себя снова людное селение. Устроивши свои дела, киргизы, незадолго до заката, посвятили несколько минут вечерней молитве, потом покончили хлопоты с домашним скотом и поспешили справить свое новоселье уничтожением бессчетного количества лоханей с кумызом.

– Ну, Авдотья Ивановна, нам сегодня плохой ужин будет! – говорила моей хозяйке султанская жена, страшным образом ломая русский язык.

– Что же-с? Ничего! Сыты будем, бог даст! – отвечала Авдотья Ивановна.

– Да ведь сегодня мы и барана не резали, так захлопотались; ну, и пилава не готовили: не знаю уж, чем мне вас и угощать придется!

– Ну, Авдотья Ивановна не взыщет! – заметил тут сам султан. – Мы чай будем пить, кумыз будем пить; ну, курт есть у нас; ну, сделаем болтушку… один день ничего, зато завтра мы вот как весело день проведем, просто запируем… А, да, кстати, знаете ли что? Я не на шутку хочу задать пир – на этой же неде-

ле будет! Завтра сам пойду звать гостей, в другие аулы разошлю гонцов; оповестим всех батырей о скачке – загуляем! Я же давно не задавал *туя*, т. е. пира.

Авдотья Ивановна пришла, да и пересказала мне это. Признаться сказать, не ждал я такого умеренного ужина, тем более с раннего утра не ел, да и от верховой езды меня порядком растрясло. Спасибо Фекле: отрыла где-то в мешках засохшие остатки домашних булок да пирогов. Посмотрим, каково-то будет киргизское пированье.

Статья четвертая и последняя

VI

Пир

Приезд гостей. – Приготовления к скачке. – Старинные родовые съезды и мирские сходки. – Рассказ русского приказчика. – Пленница Маша. – Разговор о хивинцах. – Дамское сборище у киргизов. – Молоденькие султанши. – История с корсетом. – Происшествие с подушкой. – Особенное варенье. – Киргизская песенка. – Игры. – Кудесники. – Обед.

Несколько уже дней султанский аул находился в каком-то неестественном, в сильно оживленном состоянии, отчасти походившем даже на тревожное. Видно было, что народ ждал чего-то чрезвычайного и готовился встретить ожидаемые события с подобающею им почестью.

Сходбища аульные пустели, отдохновения, продолжительное бездействие и ничем до сего времени не тревожимая лень скрылись, как будто их и вовсе не было. Все мужчины, от мала до велика, чаще и продолжительнее стали оставлять свои кибитки и беспрестанно суетились около табунов. Здесь они выбирали себе заветного коня для предстоящей скачки и готовили его к почетному состязанию с ожидаемыми соперниками.

Подготовительные меры, при помощи которых киргизы доводят отжиревшую и тяжелую уже на подъем степную лошадь на степень легкого скакуна, заключаются в благоразумной и расчетливо соображенной выдержке коней в тех видах, чтоб избранный для этого конь был в средствах отличаться неимоверною быстротою бега и чтобы он смог быстро промчаться огромное пространство, назначенное для состязания, таким однако же образом, чтобы эта отчаянная скачка не имела никаких неблагоприятных для животного последствий, чтобы она, как говорится, «не зарезала» бегуна, чтоб конь не пал, не обезножил и не захилел от утомительности перенесенного труда.

Это «выдерживание» скакунов само по себе состоит из двух отделов – подмариванья и выбежки. Подмариванье состоит в том, что приготовляемому для скачки коню уменьшают, по-нашему бы сказать, задачу корма. Над ним так и блюдет особо приставленный служитель, который, не допуская избранного для скачки коня до прогулок вместе с остальным табуном, водит его по степи под собственным своим надзором и день ото дня все более и более сокращает время для щипания травы. Отучая его помаленьку от корма, работник не дает ему и пить много. Подготовления эти длятся неделями и вымарыванье доводит, наконец, коня до того, что на груди у него пропадает все сало и сам он от голоду становится чрезвычайно тощим и сухопарым, а избавившись от прежней тягости, приобретает и легкость.

Долгое голоданье и неестественная легкость могли бы сильно истощать коня и сделать его вовсе негодным даже передвигать ноги, но умеренная, даже слишком умеренная пища в последний перед скачкою день и совершенный голод, даже без клочка сена, не производят на скакуна неблагоприятных последствий вследствие строгой последовательности и постоянного приучения к воздержности. В эти дни испытания коня кормят только после нескольких, ежедневно производимых выбежек.

Этою системою преднамеренно заохочивают коня пробегать скорей неопределенные расстояния, пространство которых ежедневно все более и более увеличивается и, наконец, доходит до нескольких десятков верст. Очень естественно, что в это время киргиз с особенною заботливостью ухаживает за конем, ласкает его, холит и бережет, елико возможно. Понятно, что не́уку предпочитают коня уже опытного и уже бывавшего

не на одной скачке; тем не менее подмариванью и постоянной выбежке подвергаются все лошади, приготовленные для скачки, потому что в промежуток от одного состязания до другого они успевают отяжелеть и обленицься, чему необходимо подвергаются даже укрючные кони, самые испытанные, самые быстроногие скакуны, употребляемые хозяевами-киргизами под собственное седло для погонки за табунами и для лова неподдающихся поимке диких лошадей, т. е. необъезженных, неуков. Укрючный конь – значит конь, на котором обыкновенно ездят с укрюком или с арканом для поимки из табуна лошади.

Выдержка лошадей составляла теперь предмет заботливости не только всей молодежи, но даже и тех, вошедших уже в лета, людей семьянистых, которым либо не хотелось еще считаться стариками и людьми, отжившими свой век, либо которых подмывала на новые подвиги старинная слава об их наездничестве и желание поддержать общую о себе молву еще одной победой. Нельзя отвергать и того, что кроме чести и славы, на многих действовал и расчет денежных выгод, ожидавших победителя, так как султан, наш хозяин, заранее уже повестил о призах, назначенных им в раздачу отличившимся состязателям.

Призы, конечно, были немногочисленны, но они были очень ценны для киргизов, для людей, незнакомых с современною европейскою, а особенно с русскою роскошью и щедростью. Пятьсот рублей серебром – большие деньги и не для киргиза, а султанские призы доходили именно до этой суммы. Первым призом назначен был целый косяк лошадей, т. е. девять кобыл с жеребцом; два следующие приза составляли красивые молодые жеребцы, весьма ценные; потом назначались верблюд, несколько голов баранов, несколько халатов, несколько аршин сукна на чапаны и тому подобное.

Ожидаемые выигрыши заманивали многих батырей в соседственных аулах, а приглашение султана на пир и надежда как на великолепное угощенье, сытное и с разными сластями, так и на сборище, сулившее много удовольствия для всех возрастов и полов, не могли не заохотить в наш аул многочисленной толпы любопытствующих, которые стремились к нам из разных концов степи.

Стоянка наша, как нельзя более, соответствовала общим ожиданиям. Ровное место, необозримая даль, река, богатые луга – было всего довольно, где и гостей разместить, где и погулять дать чужому вьючному скоту.

Гости стали съезжаться еще за неделю до дня, в который должно быть совершиться пированье. Киргизы стекались толпами, чуть не целыми аулами, если б это было только возможно. Извилины речки по тому берегу, на котором мы стояли, и по противоположному – далеко пестрили наскоро раскинутыми кибитками новоприезжих. Многие посетили султана налегке, без излишней клади; почетнейшие из этих гостей приютились в свободных кибитках султана и его приближенных; иных укрыли под простыми, раскинутыми поодаль шатрами – под полотнищами кошем и бумажного холста, развешанными на высоких кольях, благо лесок был близко. Но гораздо большее число посетителей наехало целым домом, на верблюдах, навьюченных кибитками, джуламейками и кой-каким домашним скарбом. Наехали мужья с женами, сыновьями и дочерьми, не желавшие употреблять во зло право гостеприимства у здешних своих знакомцев. В несколько дней огромное пространство, какое только можно было с нашего берега окинуть взором, оживилось многочисленным народонаселением – и, чтобы угостить всю эту массу званых и незваных, султану предстояло-таки порядком порастрясти свою мошну.

Хозяйка моя постоянно проводила время в кругу султанского семейства, а ведь женщины, известное дело, любят поболтать о своих нарядах и о своих домашних расходах: так и понятно, что султанские жены не могли воздержать язычка не проболтнуться моей Авдотье Ивановне, что султан наказал на обед изготовить десять лошадей, да десять коров, да десятка два-три баранов, да коз, да того, да сего… Такую пропасть ей насчитали, что я сначала побоялся было и поверить. Для одного плову велено было выдать десять пудов сарачинского пшена: конечно, сарачинское пшено в степи дешево, его многое множество привозят к ним, не говоря о персиянах, и хивинцы, и бухарцы, и коканцы – все же по полтора целковых, уж бедно, пуд пшена надобно положить. А кумызу-то еще сколько набрали? Даром что у самого султана есть свои огромнейшие табуны

и, стало быть, своего кумызу вдоволь, ему еще от каждого главы семейства нанесли его множество, целыми турсуками. Ведь уж как ни рассчитывай, а из турсука непременно ведер двенадцать выйдет, а этаких турсуков заготовлено было – чуть ли не целая сотня. А чай? А сахар? А изюм, фисташки, али-бухара (чернослив) и разные этакие сласти? Коли хорошенько смекнуть – так и тут тоже сот на пять серебром расходу было. Ну, конечно, чай не всем дается, хоть он и дешевле здесь, чем у нас в Саратове – все же два целковых надо дать за фунт; так одного чаю для угощения на один день пошло целые два фунта!

Если для этого неважного празднества собралось такое множество народа, так какое, я думаю, стечение киргизов бывало на их старинных съездах? Ежегодные съезды для решения важных дел бывали не у одних киргизов, а и у других пребывающих в патриархальном быте племен, например: у башкирцев, у которых съезды эти воспрещены были именным указом 11 февраля 1736 г.

Много у нас еще в недавнее время писали исследований об этом предмете, но сколько мне ни приходилось читать об этом в книжках, а все я не находил известий о них в такой степени верных или, по крайней мере, достоверных, которые бы мне понятно разъяснили, каким именно манером съезды эти совершались, как они скликались и на какой конец и кто именно на них созывался? По силе, по мочи расскажу, что самому довелось об этом узнать из киргизских нравов.

Известно, что все пребывающие в патриархальном быте племена разделяются на роды, или поколения, ведущие свое начало от одного общего родоначальника; каждый род подразделяется на отродья или, как мы привыкли говорить, отделения, а отделения состоят из нескольких семей, живущих вместе и соединенных единством общего их интереса, кроме единства происхождения от одного и того же колена по мужской линии.

Когда род был еще малолюден и состоял только из самых близких семей, то старейшиной в роде, родоначальником, был старший по летам потомок основателя рода.

Если, положим, одного такого родоначальника звали Джаппас, то и род, от него происшедший, т. е. и потомки первоначально под его властью находившихся киргизов, сохраняет

за собою название джаппаского рода. У Джаппаса было шесть сыновей. Каждому из них он раздал в удел по несколько семей подвластных себе киргизов: по имени этих шести предводителей и весь род джаппасский, не теряя этого названия, стал именоваться еще отделениями – Калкамана, Карагуза, Сумруна, Айдаргая, Кыякэ и Чалтака.

Прежде они все, может быть, жили вместе, нераздельно; потом, когда численность их населения увеличилась и стало нужно занимать большие пространства под аул и под пастьбу скота, они, каждый со своим отдельным предводителем, разделились на шесть отдельных частей. Потом нарождение этих однородцев стало еще больше – джаппасцы опять разъединились на меньшие группы и стали жить то очень людными, то малолюдными аулами, происшедшими по мужской линии от одного и того же предка. Все джаппасцы были в тесном родстве между собою, но родственная связь между каждого из шести отделений сделалась еще теснее, а родство между семьями каждого аула было самое близкое. От этого-то жених-киргиз всегда берет себе невесту из чужого рода, отстраняя, таким образом, кровную связь.

Но все же и тут кровную связь теперь нельзя признавать непременным условием родовичей: в степи бывают разные выходцы, разные посторонние скитальцы, разные бродяги, а прежде бывали и ясыри. Все они, примкнув к какому-нибудь роду или отделению его, даже к одному какому-нибудь аулу, впоследствии времени срастались с ним в одно неразрывное целое и считались уже единородцами.

Джаппас был одним из двенадцати сыновей некоего Кыдыр-ходжи. Этот Кыдыр-ходжа известен в народе под прозванием Байулы, которое ему было дано именно за это многочисленное потомство (*бай* значит богатый, а *улу* – сын): поэтому как все джаппасцы, так и другие роды, носящие на себе названия остальных сыновей Кыдыр-ходжи, т. е. Алтын, Тазлар, или Таз, Адай, Бирш, Черкес, Иссык, Кызыл-Курт, Маскар, Алача, Тана и Байбакты, все вместе составляют колено байулы, или байулинцев.

Кыдыр-ходжа, или Байулы, т. е. богатый сыновьями, был средний сын Алчина, или Алчин-хана, старший сын которого

именовался Чумян, а после за свою мудрость и ученость получил название Алима; меньшой же сын, по числу своих семи сынов, прозван был народом Джидиру, Семь родов. Колено старшего сына называлось алимулинским коленом, второе колено, как я уже сказал, байулинским, а колено меньшего сына так и прозвалось – джидиру. Отец этих трех предводителей колен, Алчин, был родоначальником целого народа алчинцев, или тех киргизов, которые составляют так называвшуюся в старые годы Малую орду, или Малую сотню, Кши-джуз.

В отношении к этой сотне, джуз, каждый из трех первых отделов называется у киргизов *ру*, или колено, а второе после этого подразделение, как например, джаппас, по-киргизски называется *тайфа*, или род.

Старейшее колено из всех других колен – колено алимулинцев; поэтому, пользуясь правом первородства и старшинства, а в существе опираясь на материальную свою силу, людность и богатство в стадах, оно, это колено, умело удержать за собою нравственное превосходство над всеми другими киргизскими коленами и родами той же Малой сотни.

Итак, из всего этого видно, что в киргизском быту все основание лежит в единстве происхождения и в семейном начале.

Патриарх, глава каждого отдельного семейства, состоящего часто из нескольких ветвей, нераздельно связанных единою общею властью своего предводителя, отца или деда, управляет ими во всем, что касается до внутренних распорядков, совершенно неограниченно. Такого предводителя, конечно, нельзя еще назвать родоначальником, в юридическом значении этого слова: между тем и другим, главою семейства и родоначальником, расстояние огромное. Прежде всего, отец семейства, по делам, до общества касающимся, находится в зависимости от *аксакала*, старца, аульного старшины; родоначальником же, в нашем значении слова, надо признать то лицо, которое будет управлять целой тайфой джаппасцев или алтынцев и т. п.; что же касается до правителя всех алчинцев, то это, по-нашему, вышло бы народоправитель, хан, или, по-русски, князь, разумеется, принимая это слово в старинном русском значении: я говорю «вышло бы» – если бы ханы у киргизов существовали, чего вовсе нет.

Однако ж власть каждого главы семейства не ограничивалась тесным кругом его семьи: по званию домохозяина, он принимал участие и в делах, касавшихся до интересов как своего аула, так и до польз и общественных надобностей целого рода. В первом случае его голос считался наравне с другими голосами остальных домохозяев на мирской *сходке* аула, а в последнем он судил дела, не судебные, а дела по экстренным и касавшимся целого общества надобностям на *съезде* целого рода. На сходку, по близости расстояния, начальники семейств сходились из своих кибиток, или домов; на съезды, по отдаленности главной ставки, или орды, они съезжались из всех аулов, без особенного позыва, а однажды навсегда в определенное время, либо в первое новолуние по выходе на кочевку, либо в какой-нибудь торжественный праздник, либо в другие сроки.

Иногда по преклонности лет самого главы семейства, по его болезням или иным причинам, представителями его на съезде являлись его сыновья, один старший, или вместе с братьями, если они, находясь при отце, пользовались от него одинаковыми правами и были одинаково многосемейны. Иногда глава семейства, отправляясь на съезд, брал с собою и сыновей своих для участия в общественных делах.

Но так как периодические съезды представляли из себя многочисленные собрания, то они не могли не быть сопровождаемы какими-нибудь обыкновенными при этом и общими каждому гражданскому обществу событиями – пированьем, скачками и ярмарками, или торжками. Эти причины усиливали численность посетителей орды, и на съезды сбирались уже все желающие, не с целью принимать участие в общественных делах, а по надобности сбыть свои излишки и накупиться нужными товарами, не говоря уже про второстепенные причины – удовольствия и развлечения.

В старинные времена, до вступления киргизов в русское подданство, у них существовали эти съезды: тут решались счеты и споры по баранте, сбирались взносы приношений родоправителю, обозначились места кочевок на текущее лето и зиму и рассуждались дела, клонившиеся к пользам целого рода по другим вопросам. Что касается до чисто судебных дел, не представлявших никакого казуса, то их разбирали бии, по ров-

ному числу избранные каждою из спорящихся сторон; все же остальные, собственно административные дела, в неважных случаях разрешались окончательно родоправителем, а в экстренных – общим собранием всех старшин, присутствующих на съезде.

Киргизские съезды вот как бывали. Защитники и противники предлагаемых мер разделялись на партии, *горлопаны* или люди с весом одной партии, по нравственному влиянию на домохозяев, которых они либо угощениями, либо какими-нибудь другими материальными средствами умели привлечь на свою сторону, старались перекричать, *перегорланить* своих соперников, не упускали никакого случая усилить численность своей массы угрозами да побоями, и если дело, составлявшее предмет суждения, сильно затрагивало их частные интересы, то они, без всяких особенных приготовлений, просто-напросто кидались на своих противников в потасовку и силою заставляли их или умолкать, или принимать их сторону. Разумеется, такие потасовки происходили не сплошь да сряду, однако ж все-таки случались и не считались за явления необычайные, за незаконные. При других же обстоятельствах, когда решения на съездах происходили мирно, достаточно было окинуть только глазом обе разъединившиеся толпы, чтобы увидеть – которая из них сильнее другой.

Чего же тут можно было ожидать, кроме лишь влияния личного произвола одних, в ущерб правам других? Акты и несомненные исторические документы подтверждают прежде уже высказанное мною положение, что с самого вступления киргизов в подданство России ханы у них возводились в это достоинство волею русских государей и существование их русских же государей волею было впоследствии прекращено, то и понятно, что народные съезды киргизов и башкирцев оказались уже совершенно не нужными и несовместными с требованием обстоятельств и времени в государстве, в котором вместо личного произвола господствует идея законности. Теперь, как известно, из большей половины киргизов и населяемых ими земель составились две области, вошедшие в состав Западной Сибири и во всем управляющиеся русскими законами. Одна из этих областей называется Областью сибирских киргизов, а другая – Семипалатинскою областью. Прежде бывшая в руках киргизских ханов власть удержалась только у оренбургских киргизов, у тех административных лиц русской коронной службы, которые носят звание султанов-правителей, управляющих вверенными им частями, или отделами, бывшей Малой орды чрез посредство подчиненных себе лиц, называемых дистаночными начальниками. Таких частей, управляемых султанами-правителями, было три, а дистанций, находящихся в заведывании дистаночных начальников, назначаемых русским начальством из природных киргизов, чиновных или нечиновных, пятьдесят шесть. О прежних съездах нет и речи, а если что-нибудь наводит постороннего человека на воспоминание о них, так это именно многочисленные сборища народа на пиршества к богатым киргизам, оповещающим окрестные, ближние и дальние аулы о предстоящих празднествах по поводу какого-нибудь семейного события, женитьбы, возвращения из дальней отлучки, получения награды и тому подобного.

Наш гостеприимный хозяин задумал попировать без особенного этакого повода: ему так вздумалось. Характер ли у него был такой гульливый, или лишних денег завелось у него много, или в самом деле барышишки какие-нибудь получил он в торговых оборотах – кто его знает! Только он, как мы видели, готовил своим гостям щедрое угощенье.

Хозяин наш через своих приказчиков, тоже киргизов, торговал с Хивой и ежегодно посылал туда значительные караваны с русскими товарами. Это занятие сблизило его как с хивинскими купцами, так и со многими русскими приказчиками, которые повсюду рассыпаны на нашей Киргизской степи и бойко торгуют здесь, выменивая муку, ситцы и разную мелочь на киргизских баранов, дающих такие славные барыши, что раз втянувшись в эти операции и приобретя – сноровкой и сметливостью – остойчивость, не захочешь уж и расстаться с этим прибыльным занятием.

Несколько таких природных русских наших приказчиков, больше все ковровских да вязниковских парней, съехались в аул к нашему султану тоже попировать на его празднестве. Разумеется, я не упустил времени, чтоб повидаться и поближе

сойтись с земляками-русскими, и проводил с ними целые дни в разговорах и о мене, и о разных посторонних разностях.

Один из них, Мирон Степаныч, занимается этим промыслом съизмалетства, обучившись всем тонкостям и хитростям проделок под руководством опытного в производстве торговых дел отца своего Степана Кузьмича, который чуть ли не целую жизнь свою, а лет сорок наверное, провел в странствованиях по Киргизской степи, по Хивинскому владению и по городам Бухарского ханства. Завязался у нас с ним как-то разговор о русских пленниках, которые прежде водились в Бухаре и Хиве, откуда они в 1840 г. окончательно были выведены: Мирон Степаныч и рассказал мне о них множество историй.

Он мне рассказал так же, как в Хиве торговал отец его Степан Кузьмич, как этот Степан Кузьмич, переехавши в Бухару, познакомился там с армянином Егором Захарьичем, по прозванию Кеворок. Сначала этот Кеворок жил в Тифлисе, потом поехал с товарами в Персию, оттуда в Хиву, оттуда в Бухару, а из Бухары пришел с караваном в Оренбург; потом отправился попытать счастья в Астрахани – все это было еще задолго до француза[1]. В Астрахани Кеворок женился на красавице-армянке Марианне, молодой девушке, необыкновенно добродетельной и тихой. Но потом Марианна без ума влюбилась в какого-то проезжего господина, который не обращал на нее никакого внимания. Это ее очень огорчило. Она стала преследовать своими ласками барина, невинно возмутившего ее мирную жизнь, но проезжий господин был видно человек не мечтательный, а положительный, и притом откровенный, несколько грубый и даже суровый. Он просто-напросто запретил Марианне казаться ему на глаза и назвал ее даже старухой желтоглазой.

В то время, когда Марианну узнал Кеворок, ей было семнадцать лет, а когда она увидела проезжего господина, ей было уж под тридцать. Большие, черные, как смоль, глаза ее утратили прежний пыл и чародейственное обаяние, а большие, прежде синеватые, глазные яблоки подернулись от времени желтизною и кровяными полосками. Марианна никогда не замечала, что год от году она все больше и больше стареет, но

[1] Т. е. до 1812 г.

жестокие слова проезжего господина поразили ее словно ножом под сердце. Марианна никогда не пренебрегала обычными у армянок косметическими средствами, но тут она и пуще того стала белиться и румяниться так, что заставила даже самого Кеворока попросить ее, чтоб она опомнилась и больше бы занималась делом, домом и детьми, чем своей увядшей уже красотой. Это так на нее подействовало, что тронуло желчь, и не больше как в какой-нибудь год-другой времени несчастная Марианна из хорошенькой женщины, из тихой, скромной, покорной жены сделалась, что называется, просто фурией.

Уж чего-чего Кеворок над Марианной не делал, прибегал и к ласкам, прибегал и к угрозам – никак он не мог наставить ее на путь истинный. Пробовал он ее в темный чулан запирать, пробовал сажать на хлеб, на воду, пробовал и к иной расправе приступать – а ведь армяне, во злости, куда как драчливы! Марианна не только не усмирялась, но еще пуще того приходила в ожесточение и даже замахивалась на бедного Кеворока всем, чем только попадется: бывало, скалка ли или ухват, стул или чайник с кипятком – все равно, все летело в лоб бедного мужа.

Кеворок наш приуныл и совсем растерялся. После француза, именно в 1816 г., он бросил дом, бросил семью, тайком от злыги Марианны добыл себе паспорт и уехал из Астрахани в Троицк. Тут, накупивши целый караван ситцев, да плисов, да чугунных поделок, да красной меди, отправился он опять в Бухару, поселился там и жил себе припеваючи до самой смерти, последовавшей в 1829 г.

С этим Кевороком и познакомился Степан Кузьмич. Кеворок жил барином, настоящим бухарским вельможей. Всякий день пил чай, всякий день ел баранину с пловом, носил всегда полушелковые халаты, имел порядочную мазанку, а за городом обширный сад – ну, одним словом, стал таким большим господином, что к нему ездили даже знатные иностранцы.

А иностранцы в то время в Бухаре были разные, не токмо что азиатцы из Афганистана и из Индии, а даже и англичане. Так, например, Степан Кузьмич знавал Иосифа Вольфа[1] и рас-

[1] Вольф Иосиф (1795–1862) – англиканский миссионер и путешественник по Востоку, крещеный еврей, первым из европейцев посетил Бухару в 1832, а затем в 1844 г.

сказывал про него, что это был чудак большой руки, но ужасно как любил выпить лишнее: в Бухаре же евреи гонят из разных плодов и ягод и из хлебных зерен чудное вино и арак, а Вольф благоволил к евреям, поощрял эту промышленность, пил так знатно, что из русских пленных, тосковавших по родине и с горя поневоле прибегавших к целебности спиртных напитков, не было ему ни единого соперника – и редкий день у Иосифа Вольфа проходил без того, чтоб он не упивался до бесчувствия.

После Вольфа в Бухару приезжал Борнс[1], которого, впрочем, никто там не знал под этим прозвищем: он был всюду известен только под именем Искандера, что по-татарски означает Александра. При Борнсе был доктор Жерард, переводчик-индеец, еще какой-то наемный хаджи из Кабула и два служителя. Борнс важно разгуливал по Бухаре, предлагал министру, или кушбеги бухарскому[2], помощь деньгами и людьми, если бухарский хан задумает воевать с Россией, морщился, когда ему от имени хана объявили, что бухарцы будут воевать разве с другим каким-нибудь соседом и то на юге, но только не с Россией, хвастался, что он сам поедет в Россию, когда ему вздумается, и что у него там есть большие дела, и вдруг тайком уехал, но не вперед, не в Россию, а назад, в Персию, в город Машад.

Из этаких знакомств можно уже посудить, что Кеворок был не последним человеком в Бухаре. Как армянин, как исконный потомок того колена Израилева, которое десятками столетий переродилось в народ ххай[3], или в гайканский народ, Кеворок богател так, что его можно бы было назвать бухарским банкиром, если бы только в Бухаре было что-нибудь похожее на банкирские дела. Здоровенный, полный и даже тучный, Кеворок славился крепостью своего здоровья и непомерною телесною силою. Эти два наличные достоинства, вместе с его богатством, придавали ему очень почетное значение; он же был,

[1] Бёрнс (Борнс) Александр (1805–1841) – английский дипломат, капитан британской армии, в начале 1830-х гг. посетил Бухару.

[2] Кушбеги – титул, от «гуш» – птица, организатор соколиной охоты; руководитель охотников, егерей при дворе султана, хана. В Бухарском ханстве этот титул принадлежал первому сановнику страны и заместителю эмира при его отлучках из города Бухары.

[3] Народ ххай – народ «армяне»; по-видимому, произведено из арм. hayk, мн. от hay «армянин».

по своему, добрый человек: никого не затрагивал и никому безвинно не причинял зла.

Домом у Кеворока заведовала одна молоденькая вдовушка, Марья Денисовна, просто писанная красавица, но уже мать двух детей-мальчиков. Кеворок в ней души не чаял и делал для нее все, чего только она желала. Несмотря на эту угодливость, Кеворок держал Машу под бдительным надзором и заботливо охранял добрую ее нравственность.

Маша, или Марья Денисовна, очень уважала старого Кеворока, слушалась его во всем, холила его, лелеяла и берегла так, что и сказать нельзя. Она очень дорожила его спокойствием, а все заботы свои о нем разделяла с очень дальним своим родственником, с одним тоже русским пленником, Алешей Биткой, находившимся в услужении у мехтера, или у высшего полицейского сановника при бухарском хане.

Алеша Битка был просто богатырь-мужчина: высокий, стройный, коренастый красавец с русыми кудрями, с румянами, будто розан какой, щеками и с небольшой курчавенькой бородкой. Это был такой красивый парень, что любо-дорого на него было взглянуть. Его все любили и все знали, что за свою расторопность и сметливость он состоял под особенною благосклонностью мехтера.

Кеворок, как богатый человек, необходимо должен был находиться в тесных карманных отношениях к мехтеру и выкупать свою обеспеченность от произвола и хищничества бухарцев посильными, но полновесными приношениями главному полицейскому сановнику. Очень часто посредствующим лицом в этих сношениях бывал Алеша Битка: считать же Алешу личным своим врагом – в каких бы то ни было обстоятельствах, Кеворок не было ни малейшего повода. Это понимание своего положения, а также постоянная услужливость Алеши, и вообще близость его к мехтеру, побудили Кеворока заискивать большего сближения с Алешей и кончилось тем, что Алеша и Кеворок жили как закадычные друзья.

Алеша часто советовал старику Кеворок приберегать деньгу на черный день. Как добрый армянин ни был недоверчив, а однажды все-таки каким-то манером проболтнулся, что он не все свои капиталы пускает в оборот, а часть раздает в кре-

дит, другую же часть зарывает, как это там у всех водится, в землю. Алеша Битка, среди разговора, сказал старику, как вещь известную, что он деньги прячет в землю в своем дворе, но что этого не должно допускать. Кеворок изъявил удивление, отчего Алеше известна его тайна, но Алеша, который сболтнул свои слова так, просто с ветру, с целью выведать кой-что, уверил армянина, что он тогда-то и тогда-то сам ему все это рассказывал. Поэтому Алеша советовал старому приятелю схоронить свои капиталы где-нибудь в другом месте, потому что не ровен час: в животе и в смерти бог волен – всяко может случиться, может случиться и то, что хищные бухарцы разграбят его дом и вышарят все мышьи норки, взроют весь двор и откопают чужие сокровища.

Алешины слова сильно подействовали на Кеворока. Целую ночь он не мог заснуть. На другой же день он уехал за город, в свои сады, задал на завтра работникам своим такие занятия, которые отвлекли их от саду и заставляли целый день провести в другом месте, а сам поехал домой, и на следующее утро ранехонько нагрузил полную арбу мешками с деньгами и вдвоем с Марьею Денисовной поехал в сады.

Целый день они вдвоем проработали в саду, выкопали в разных местах ямы, вложили туда свои драгоценности, зарыли их опять, подровняли землю и так искусно ее сделали, обложив свежей травой и посыпав песочком, что чужому человеку, хоть он во все глаза смотри, ни за что нельзя было догадаться, в котором именно месте выкопаны были ямы. К вечеру Кеворок с Машей благополучно вернулись в город.

– Смотри же: держи язык на привязи! Никому не моги даже виду подать, где спрятаны деньги! Половина из них принадлежит тебе. Остальной половины не моги пальцем тронуть: когда дети придут в возраст и поженятся, тогда только отрой остальные мешки и раздели между детьми поровну. С вас будет. А что еще найдется дома – так это все твое.

Такой приказ отдал Кеворок Маше. Маша поклялась исполнить эту волю.

С этого времени Кеворок начал задумываться, чего с ним никогда прежде не случалось, начал грустить, хилеть, все ждал разбойников или набега бухарских чиновников, и так был занят

этими мыслями, что потерял аппетит, впал в бессонницу, захворал жестоко и слег в постель.

Алеша по-прежнему приходил навещать его, бегал по городу, приискивая лекарей, ворожей, знахарей и знахарок, и когда больной старик забывался, утешал Машу в ожидающем ее несчастии, открылся ей в любви, клялся в ней, давал обещания, что если старик отправится на тот свет – он не оставит ее без призрения; тотчас же на ней женится и улучит случай безвозвратно пробраться в Россию на родину, с ней, с Машей и с ее детьми... и приедут они опять на свою Волгу-матушку, и увидят они родную Мологу, и отыщут всех своих сродственников, и будут есть они не сухие чуреки, а вкусный родной ржаной хлеб, станут хлебать не тухлую, вонючую салму, а свежую уху из шекснинских стерлядей, и услышат они летом пение малиновок да жаворонков, а зимой – хрустенье санных полозьев о затверделый снег, и скрип и стук мороза в окна. Они станут откупать пашни, наймут множество работников, станут засевать хлеб, станут отвозить его в Рыбинск, оттуда прокатятся в Москву-златоверхую, поклонятся мощам святых угодников, услышат колокол Ивана Великого…

Много-много сулил Маше Алеша в будущем, и сладкими речами прошиб ее до слез. Маша верила ему во всем; она навзрыд плакала от счастья, что снова увидит православную и святую Русь, где провела она свое детство; от волнения едва переводя дух, глотая рыдания и всхлипывая слезами радости, рассказала Алеше всю подноготную, как она с Кевороком ездила в сады, как большой мешок с деньгами зарыли они под третьим деревом налево от корявой и полузасохшей сливы, в каких местах схоронили другие драгоценности – как они вдвоем будут богаты, как будут счастливы, как будут любить друг друга, как повенчаются в святой церкви, и как тихо и радостно потекут дни их на родине…

Алеша таял от Машиных слов, сам чуть не расплакался и ушел от Маши уж поздно ночью, почти на рассвете. Но после этого он что-то долго ее не навещал, не присылал даже справляться о старом и больном приятеле, здоровье которого час от часу делалось все хуже и хуже. Алеша где-то пропадал, но, на-

конец, явился и был с Марьей Денисовной необыкновенно ласков.

На следующий день Кеворок почувствовал себя несравненно хуже, позвал Машу, потребовал себе перо и бумаги и на маленьком отрывке листа написал имена всех своих кредиторов с обозначением, кто именно и сколько ему должен.

– Марья Денисовна, – говорил старик – конец мой близок, смерть стоит у порога. Вот тебе счет: получи по нем с моих должников; зарытые деньги возьми себе…а эти, по счету, найди случай переслать в Астрахань моей жене, Марианне. Быть может, она еще жива… быть может, она в бедности – а ты богата: ты и твои дети обеспечены… а Марианна теперь старуха, беспомощная… Бог наказал… накажет меня, если я ее забуду… Марья Денисовна, подойди ко мне, с чистым сердцем, с чистыми мыслями. Здесь нет христианского священника; я католик: прочти надо мной все православные молитвы, какие ты знаешь, прими мою исповедь, благослови отход мой к другой жизни…

Кеворок тихо скончался. Впопыхах, при хлопотне, Маша наняла двух бедных бухарских работников обмыть тело умершего, но злые языки сделали об этом донос хану: виновных в служении христианскому трупу мухаммедан, по повелению хана, в наказание раздели до нага, привязали на арканах к верблюду и с жестокими побоями по животу и по спине водили по улицам целого города.

Досталось бы и Маше, но Алеша вступился за нее перед мехтером и выпутал ее из беды. Погребение Кеворока прошло своим чередом, но тихо и скромно: его зарыли за городом, в принадлежащем ему саду, вблизи третьего дерева, налево от корявой и полузасохшей сливы.

Маша хотела отдать Алеше счет, оставленный ей Кеворокам, но Алеша посоветовал ей самой отправиться к мехтеру и просить его о взыскании долга. «Будь спокойна: я все деньги взыщу!» – сказал ей мехтер, и действительно взыскал с должников все деньги до копеечки, но Маше не отдал ни гроша, а все оставил себе.

Алеша с Машей погоревали об этом, но так как взысканные мехтером капиталы составляли не их собственность, а принадлежали Кевороковой жене Марианне, то будущие супруги скоро утешились, а потом и совсем забыли о бессовестливости главного бухарского полицейского сановника.

Им, правда, и некогда было об этом горевать: у них и без того забот теперь было много – они сбирались в дорогу, в Россию, на родину. Была весна; бухарские купцы готовили товары к Нижегородской ярмарке; Алеша Битка выискивал случай выбраться как-нибудь из бухарских пределов и входил в нужные по этому случаю совещания с евреями, а больше всего с преданными России киргизами, всегда оказывавшими русским пленникам спасительную помощь к возвращению в отечество, чему мы видели уже один пример в рассказе Барангула.

Решено было: Алеше и Маше перерядиться в киргизские платья, деньги все выменять на золотые монеты, набить ими кисы и опоясаться ими поверх тела под рубахой. Маша торопилась шить и стегать все, что нужно было для дороги. Помощником ей во всем явился старый батрак Кеворока Пантелей, а самым усердным сообщником другой пленник русский, по имени Федор, вместе с Алешей готовившийся к побегу из тяжкого плена.

Маша спала и видела, как бы ей скорей перелететь из бусурманской стороны на привольные берега родной реки, строила планы за планами, заранее восхищалась ожидаемым благополучием и нежно ласкалась к другу, который поведет ее по честной дороге жизни в православной отчизне. Алексей день ото дня становился задумчивее и задумчивее; постоянно озабоченное тяжелыми думами лицо его не прояснялось даже от кротких, утешительных ласканий Маши.

В один вечер, когда они по усвоенной уже годами томления в плену привычке сидели вдвоем в кошме и тут же на полу резвились два прехорошенькие и порядочно уже подросшие мальчика, Маша взглянула на жениха, вызывая его на ответ, которого давно ожидала. Но Алексей не слыхал, о чем его Маша спрашивала. Бледный, как полотно, сидел он, уныло поникнув головою. Маша приподнялась на колени, обвила его шею своей тонкою, белою, маленькой ручкой, пригнулась к нему, и в полустрахе, с полулаской, готовилась его обнять, но Алексей тревожно оттолкнул ее от себя и высвободился из ее объятия.

– Алеша, Алеша – ты больше меня не любишь! – кротко сказала Маша, а сама так и залилась слезами.

Алексей не выронил ни полслова, только судорожно нахмурил брови и грозно взглянул на нее.

– Ты меня хочешь бросить?.. Бог есть, Алеша, побойся его!

Алеша с неудовольствием махнул рукой и головой, как бы отгоняя от себя черные мысли, и потом, пригладив свои кудри и отодвинувшись подальше от Маши, сказал ей с язвительной горечью:

– Экая, ты, право, какая, Маша! Придет же тебе дурь в голову!.. Ты только о себе! Тебе бы только ластиться, а нет того, чтоб обо мне подумать. Мне ведь побег надо устроить, чтобы погони не было. Хлопот не оберешься, того и гляди, что донос сделают. Ну, и за мехтера боюсь: он, кажись, как будто маленечко подметил наши затеи… Да и как ему не подметить, когда я так часто все у тебя, да у тебя?.. А ты хнычешь, когда мне и без того тошно… Да вот еще твои бесенята с ума меня сводят…

– Кто? Как ты назвал их? – спросила Маша, вперив в Алексея ужасный, карающий взгляд.

– А вот про этих крошек все думаю, – поспешил он заметить, переменив прежний тон. – Мальчуганчики резвятся, бесятся, а куда мы их запрячем, если опасность будет? Если мы скроемся и спасемся, они нас своим визжаньем выдадут! Оставить их здесь одних нельзя, да и не на кого, а они нас запутают, по рукам по ногам свяжут и в дороге, и после: ведь эту мелюзгу надо вспоить, вскормить, вырастить, да и то, чай, болванами на шею нам сядут!

– У них свой кусок хлеба есть, и у меня свой тоже! – гордо заметила Маша.

– Так-то так, что спорить об этом! А хотя и я знаю, что ты моя, и то, что ваше – тоже все мое, но не обделю из вас никого ни копейкой, да ведь все же мучиться почитай полторы тысячи верст, да трястись, да пугаться за них – что мне за неволя?

– Алешенька, побойся бога! Какие ты мне речи говоришь?.. Ты не будешь о них заботиться, так я одна буду смотреть за ними. А про дорогу не бойся: я спать не буду – а стану,

оберегая тебя, не спускать с них глаз и не доводить их ни до крику, ни до плача, какие бы страсти нас ни ждали.

– Ну, коли так, то ладно… Я только это к слову сказал. У меня от хлопот да от страху за тебя словно голова не на месте… Не помнишь, право, что и взбрехнешь иной раз сдуру… Ну, да ладно, ладно! – продолжал он, обняв Машу, – через трои сутки мы совсем готовы. Киргизы подготовлены и с ними у нас все условлено. Да, не забыть бы: когда поедем в сады вместе, да будем набивать кисы, так ты позови старого Пантелея и награди его, не забудь, за долгую службу. Это ты уж сама сделай; отсыпь пригоршню денженят и товарищу нашему Федору: мне не приходится самому наделять его, а коли ты сама это сделаешь, так он тебе всю дорогу услуживать станет.

– Хорошо; я очень этому рада… Ну, а когда же мы в сады-то поедем?

– Да когда хочешь!

– Ну, завтра?

– Нет, завтра нельзя мне: надо повертеться около мехтера, да успокоить его, чтоб ему и в голову ничего не входило, а разве попоздней вечерком или послезавтра в среду утром?.. А в четверг, в легкий день, мы с богом и в путь – прощайте бусурманы-бухарцы!

Условившись с Машей во всем, в чем было нужно, и, забрав от нее кой-какую ценную рухлядь, Алеша распростился с нею и ушел.

Целый вечер следующего дня и всю ночь на среду Маша прождала Алексея, не смыкая глаз ни на минуту и в самом грустном расположении духа. Ее томила тоска; слезы невольно рвались наружу и текли по лицу крупными каплями. Всю ночь просидела Маша над детьми, творя молитвы и осеняя их крестным знамением. В этом благочестивом занятии провела она все утро среды, но тоска и истома щемила ей сердце, и целые сутки Маша не проглотила ни крохи хлеба. В среду Алексей не приходил. В четверг его тоже не было, в пятницу тоже, а в субботу утром знакомцы прибежали к ней сказать, что Алексей и Федор бежали и что хан послал за ними погоню.

Как Маша сидела – так и обмерла от этакой вести: думали, что из нее и дух вон совсем вышел. Только к вечеру она кой-как

очнулась и была словно какая полоумная: глядит на всех дико, никому не скажет ни словечка, только подманит к себе своих малюток, взглянет на них так жалостно, всплеснет руками, ахнет полной грудью, да так и повалится наземь в бесслезных рыданиях. Хорошо, что хоть было кому пособить бедняжке, да углядеть за ее детками: двое русских пленных с женами не отходили от Маши во все время ее болезни. А была она больна долго-долго, истощала, обессилела, стала такая бледная, и день ото дня все таяла да таяла, словно свечка – но господь сохранил ее веку для малых ребяток.

У Маши были кое-какие крохи, но она скоро их прожила. Все, впрочем, знали, что старик Кеворок оставил ей денег довольно, а хотя и было известно, что мехтер завладел всеми ее капиталами, собранными с прежних должников богатого армянина, однако же все-таки были уверены, что у Маши и без того хватит хлеба про свой век. По этой причине, во время тяжкой болезни Марьи Денисовны, никто из ухаживавших за нею пленников не беспокоил ее расспросами и требованиями денег на расходы, а когда налицо не оставалось уже ни копейки, сотоварищи ее плена вскладчину покупали ей нужные припасы и добывали деньги доходами с садов.

Когда, наконец, Маша, перенеся постигшее ее несчастье, до того окрепла, что сама могла предпринять загородную поездку на тряской арбе, она поспешила съездить в сады, и с преданным батраком своим Пантелеем отправилась к памятным ей деревьям отрывать зарытые клады. Прежде всего заступы зазвучали у третьего дерева, налево от корявой полузасохшей сливы, но взрыли землю глубже аршина – кубышки с золотом и следов не было. Маша не испугалась; велела рыть глубже; но и глубже вырыли яму и шире ее разработали – а кубышки все нет как нет. Маша себе не верила. Стали рыть около других, хорошо Маше знакомых, деревьев, но и там ничего не было. Тут только постигли истину, что Алеша Битка начисто обокрал ее бедную. Как она смогла перенести эту новую беду – уму непостижимо! Да и то сказать: горе живуще́! С горя не умирают, при твердом уповании в помощь небесную.

Скоро истина подтвердилась новым известием. Первая погоня воротилась без успеха, не настигнув беглецов. Но потом

какой-то киргиз приволок в Бухару Алексеева товарища Федора, снова попавшего в плен к азиатцам. Это было в 1830 г. Заметьте, однако, что с 1839 г. азиатцам прекращена всякая возможность брать в плен русских: сами ханы коканский, бухарский и хивинский разослали повсюду грамоты, чтобы никто, под страхом самого жестокого наказания и ни под каким видом, не осмеливался брать русских в плен и продавать их в неволю.

Федор рассказывал таким манером:

«Когда я бежал с Алексеем, то, зная заранее, что с нами должна быть и Маша с детьми, осведомился у Алеши: отчего он ее не взял? Алешка Битка уверил меня сначала, что Маша вдруг передумала и, несмотря на все его упрашиванья, объявила решительно, что она с детьми остается в Бухаре. Так мы, без всякого подозрения, продолжали свой путь восьмеры сутки. На девятый день, этак под вечер сумрачного дня, заметили мы вдали, по степи, наездников, которые, разумеется, и нас самих тоже разглядели. Неизвестные всадники неслись прямо на нас и, когда еще маленечко стемнело, начали нам маячить, перегоняя условными знаками, вырубая в несколько приемов и с разными промежутками времени из кремня огнивом искры. Условленное число высечек огня нам было неизвестно, но не отвечать мы не посмели и, положившись на «авось», рубнули огнивом тоже несколько раз сряду. Незнакомые батыри, которые виднелись нам еще очень издалека и казались еще только черными точками, как видно, остановились. Мы тоже остановились, и на всякий случай поторопились привести свои дела в порядок. Алешка Битка наскоро выкопал ямку, снял с живота, из-под рубахи, с деньгами кису, которою был опоясан, вложил ее в ямку, поскорей загреб ее, а я, собрав между тем дерева саксаульника, сложил из него над самой ямкой небольшой костер, над костром расставил козлика и повесил над ним котелок. Речка была впереди нас еще далеко: там мы и думали было остановиться на привале, но в котелке у нас воды не было, потому что отправиться за нею вдаль никто из нас не решался, боясь недобрых людей.

Шайка киргизов приближалась к нам; мы развьючили своего верблюда, коней привязали к стволам деревьев, – а надо вам

сказать, что у Алексея был лихой аргамак, которого он увел из мехтеровой конюшни, – и сидели, не зная о чем начать речь и что предпринять делать. В этаком раздумье, я заметил Алексею, как бы, дескать, незваные гости его кисы не подтибрили?

– Да как они ее возьмут? Нечто в голову может прийти, что тут у нас под пеплом целый клад… Эх-ма, жаль не все денежки я повытащил у армянина…

– От чего же, мол, не все? – спросил я совсем невзначай, вовсе не зная, про какие деньги говорит Алешка.

– Да я их сначала из саду, где они сперва были зарыты, перетащил в другое место, да золото-то отложил к золоту, а серебряные деньги к серебряным, а после и закопал в новых местах на дороге… А серебряных-то денег беда сколько осталось – выменять на золото не успел, да и золота, что у армянина было, не смог я всего забрать, кое-что зашил во вьюк, да часть на себя навил, а куда много осталось еще дома добра! – Алеша говорил это с таким завистливым неудовольствием, что мне вдруг пришло в голову спросить его.

– А как же Марья-то Денисовна?

– Да она знает, где деньги лежали – ведь это ее же все добро, она сама мне и кису насыпала.

– А ведь несдобровать нам, Алеша, коли это наедут на нас хищники?

– Отчего несдобровать? Мы проведем их по-свойски, да коли счастливо отделаемся, так я тебе, Федор, целую пригоршню червонцев подарю.

Киргизская шайка, всего шесть человек, придвигались к нам все ближе и ближе; наконец она перед нами. Все спешились и присели к нам. Начались разговоры. Мы выдали себя тоже за киргизов и дружески беседовали. Только вдруг один из батырей, незаметно для нас заглянув в котелок, подошел тихонько к Алексею и спросил у него очень чисто по-русски:

– А что это такое, Иван, у тебя?

– А что? – возразил Алексей, не подумавши.

– Да котелок-то пустой на огне даром калится…

Дальше толковать было нечего, мы попались на пустом котелке, да на русском ответе Алешки, хотя выдавали себя за коренных киргизов – участь наша была решена: нас схватили и

стали вязать руки арканами. Но Алешка был увертлив. В один миг он выхватил из сапога свой нож, распорол брюхо кинувшемуся на него киргизу, кольнул его соседа, я тоже стал бороться, кинулся за Алексеем; он уже успел вскочить на аргамака, отрубил ему поводья от дерева, толкнул и сшиб меня с ног, когда заметил, что я хочу вскочить на крестец его лошади, хватил коня нагайкой и как стрела помчался вперед.

Киргизы, словно звери, взревели, и трое из них бросились за Алексеем; один стянул меня туго-претуго арканом и стал ухаживать за раненым товарищем, а остальной их сообщник мучился в предсмертных томлениях, перенося страшные боли.

Дальше рассказывать почитай что нечего. Отправившиеся за Алешкой в погоню трое киргизов воротились на другой день к вечеру, объявив, что ни коим манером беглеца настигнуть они не могли. Меня они приколотили до полусмерти; костер давно уже был раскинут, ямка отрыта, киса с деньгами вынута; верблюд со всем вьюком тоже поступил в добычу, я опять стал невольником, по аулам таскали меня несколько недель, а вот теперь снова продали в Бухару… Этакая несчастная моя доля!»

Покончив этот рассказ, Мирон Степаныч прибавил, что отец его Степан Кузьмич, сжалившись над несчастным положением Маши, взял ее на свое попечение и устроил ее дела по возможности прочно. К тому же Мирон Степаныч, как он лично меня уверял, слово от слова знал наизусть письмо несчастного Федора к плуту Алешке Битку. Перед выездом Миронова отца из Бухары, Федор просил его отыскать Алешку и передать ему эту грамотку. Адрес на грамотке был глухой, без означения губернии или уезда, сказано было только: «Передать сие в селе Свищове крестьянину Алексею Егорьевичу господину Биткову». Свищевых сел в России многое множество; Алешку трудно было отыскать, о нем нигде не было ни слуху, ни духу, Федорова грамотка залежалась у Миронова отца, и часто в нее заглядывая, Мирону, и вправду, не мудрено было заучить ее от слова до слова. Вот что писал Федор Алешке.

«Любезнейшему моему благоприятелю и почтеннейшему знакомцу Алексею Егорьевичу от приятеля твоего Федора Митрева. Посылаю я тебе свое нижайшее почтение с любовью и поклон. А уведомляю тебя, Алексея Егорьевича, что я нахо-

жусь опять в Бухарии. А прошу я тебя, Алексей Егорьевич, всенижайше и всепокорнейше – заставь за себя вечно бога молить. А ты теперь на воле, а мы теперь тоскуем в неволе, а ты уведомь своим письмом и скажи… где твои деньги лежат и куда ты их схоронил? А сам ты подумай: чем им так пропадать ни за денежку, лучше же пусть нам достанутся. А мы за тебя вечно бога молить станем. А я, любезный товарищ и почтеннейший благоприятель Алексей Егорьевич, в нужде и горе нахожусь и оченно бедно живу – двух червонцев в мошне у меня нету. А когда мы бежали, так сулить ты умел и обещал много. Еще более писать не нахожусь, а остаюсь здрав. К тому же, благодарю моего господа, живу, слава богу. Ваш благоприятель Федор Митрев».

Выслушавши эту историю, я полюбопытствовал узнать у своих собеседников, почем же хивинцы покупают пленников?

– Да разные цены бывают! – отвечал Мирон Степаныч. – В то время, когда можно было еще брать в плен русских, то за них гораздо дороже платилось, чем за других невольников: давали и 50, и 60 и больше тилля за русского, а тилля, хивинский червонец, стоит на наши деньги четыре рубля серебром с копейками. Дешевле всего платили за персиян – червонцев 25 и меньше за мужчину: у персиян бывает такая бедность, что они сами себя продавали хивинцам целыми семьями, либо муж продавал жену, отец – детей, сыновья – мать, и в этом, по их обычаям, ничего не находили они дурного. Еще дешевле кызылбашей стоят арапы: их крадут туркмены где-то в далекой стороне и приводят в Хиву. Сюда же продают и еще народ из Кафиристана, или из земли Гязяря, что близ Афганистана. Народ этот, которых хивинцы зовут кафирами, или неверными, т. е. немусульманами, рассказывает, что у них прежде была христианская вера; поэтому ужасно как гнушаются мухаммеданами и ни за что не станут пить или есть с ними из одной посудины. А с русскими так едят, ничего! У этих кафиров при еде соблюдается особый обычай: они садятся за стол не так как мы лицом к лицу, а просто спиной к спине, и никак не иначе.

– Ну, а хивинцы-то что же едят?

– Да обыкновенно что: первое дело едят щербу́, или поихнему – шурпу. Возьмут, примерно, котел, нальют туда воды,

накрошат сырой баранины, луку, тыквы, насыплют соли да перцу, потом вскипятят все – вот тебе и шурпа. А то есть плов, есть пельмени, а хлеба нашего нет: пекут чурек, лепешки пресные и на закваске. К плову прибавляют богатые люди разварную с луком баранину. Потом есть мелиш, русский круглый пирог с рыбой или с мясом. Летом живут только дынями, да ягодами, да разными садовыми плодами, а то есть свекла, редька, морковь. Каймак и кумыз едят только самые первые богачи, хан да министры, а простой народ почитай вовсе не знает молочного кушанья: нашего сыру, творогу, сметаны там не знают; есть масло, его хивинцы любят и сберегают в бараньих брюховицах, а обыкновенное молоко варят с водой, потом заквашивают и разводят на айран. С пловом едят кунжутное масло, но мало умеют его очищать, а то бы оно еще вкуснее прованского, о котором, разумеется, в Хиве и понятия не знают. Бедные люди варят джугару с молоком, а то джугару держат для лошадей. Чай пьют только богатые люди и почитай что целый день-деньской проходит в чаеванье: поминутно самовар подогревают, а у кого самовару нет, так у того туюнча, этакая медная луженая посудинка, с огня не сходит. Пьют больше зеленый чай, и еще больше чай кирпичный. Его, как и у нас в России, приготовляют везде одинаково: возьмут кирпич чаю, отрубят от него кусок, сколько следует по пропорции, потом мелко изотрут, и варят в котле вместе с молоком, маслом и солью.

– Что же, однако, хивинцы хорошо живут? Гостеприимны они?

– Какое гостеприимны! Совсем нет! Вот у меня брат сродный бывал в чужих краях. В немецкой земле, в Берлине, в Дрездене: там он пивал иногда шампанское где-нибудь за городом, а шампанское дешево – талер, это меньше целкового, да полтора талера за бутылку, так его за это все фон-бароном звали и во все важные дома принимали, даже у графских семейств… Так вот он рассказывал, что немцы беда, как бедно живут, обедают во втором часу дня, питаются чуть что не одним картофелем, говядина за редкость, а уж гостей никогда не зовут, такие расчетливые, что не дай господи! А кутить соберутся за город, так талера девать некуда! Весь кутеж состоит в том, что наедятся бутербродов вволю да выпьют бутылку пива. Вот и хивинцы то

же. О кутеже, о том, как надо транжирить деньги на свои удовольствия, они и понятия не имеют, живут дома, и уж гостей, тоже как немцы, никогда не пригласят. А если доведется принять постороннего человека, который, если пришел, так пришел за делом, его ни за что ничем не попотчуют.

– Ну, да ведь есть же какие-нибудь увеселения? Чем же они себя потешают?

– Да забавляются с женами, чай пьют, в шахматы играют, табак курят, только не из трубок, а из деревянных кальянов, смотрят на борьбу, на фокусников и тешатся музыкой.

– А? Так у них и музыка есть?

– Как же! Есть! Первое дело балалайка, потом кобыз, род скрипки, делается из выдолбленной чашки и длинного грифа; на нем две струны, каждая свита штук из двадцати конских волос; игральщик сидит на полу, на кошме, упрет кобыз в землю или в колено и, перебирая пальцами левой руки, другою рукой водит смычок, сделанный тоже из конских волос, которые натирают смолкою. Что кобыз у мужчин, то у женщин варганчик железный, который держат в губах. Потом есть бандур: это род гитары; на нем три медные струны, а играют на них пальцем, на который надевают род наперсточка из меди с маленьким крючочком. Есть еще бубен; нынче развелись везде у азиатцев наши деревенские гармоники, что сотнями тысяч приготовляют под Тулой; есть органчики в ящиках: всем этим потешаются не только малые ребята, да девки или бабы, а даже взрослые, даже первейшие министры, даже сам хан.

– Хана-то хивинского зовут, никак, Алакулом?

– Нет, Алакул был именно тот, при котором навсегда прекращено невольничество русских в Хиве: нынче на ханстве сидит второй сын его Бабаджан-хан. Родство-то у него большое. У дедушки его, Мадриим-хана, в числе жен и прочих гаремных невольниц, были три любимые жены, оставившие ему потомство. Одна была узбечка, родом из Кята, где еще похоронено тело нашего князя Бековича-Черкасского. От нее было два сына – Аллакул да Рахманкул; первый после смерти отца сделался ханом, а последний был при нем инахом[1]. Инах всег-

[1] Инак (инах) – наперсник, высшее придворное звание в Хивинском ханстве в конце XVIII – начале XIX в.

да и во всем ханский половинщик; живет и управляет третьим большим городом в ханстве, именно Азарысом, или Хазараспом; второй город по величине – это Ургенч, а первый наперво – Хива: этот город обнесен стеной и валом и имеет в окружности шесть верст; тут уж сам хан всем заведует. Вторая жена Мадриима-хана была дочь какого-то хаджи: от нее было три сына – Сеид-Махмуд-тюря, Сеид-Ахмет-тюря и Сеид-Махмет-тюря; от третьей жены, невольницы-персиянки, был один сын, Тенгри-кул. При ханстве Аллакула остальные его братья жили отцовским наследием, разделенным между ними поровну, по десяти тысяч червонцев на каждого, владели большими поземельными участками и садами, имели десятка по два невольников: при общей бедности они считались богачами и увеличивали свое богатство, пуская его в ход по торговым сделкам, которыми и сам хан занимается. У Аллакула-хана тоже было шесть сыновей – Рахманкул, Бабаджан, Седасет, Абдулазис и другие, и шесть дочерей – Ай-паша, Би-паша, Ульджан-паша и другие. Аллакул повыдал их замуж за сыновей своего дяди, Мадриимова старшего брата Ильтезера, который был прежде Мадриима ханом в Хиве, а Мадриим был при нем инахом. Когда Ильтезер-хан умер, то Мадриим отстранил его сыновей от наследия ханством и сам им завладел. Вот за этих-то двоюродных своих братьев Аллакул и повыдал своих родных дочерей. Когда Аллакул-хан умер, на место его ханом сделался старший его сын Рахманкул, но он скоро умер, и тогда ханство досталось второму сыну Бабаджану. Ему теперь лет этак сорок, бравый мужчина, высокого росту, человек с умом, с деньгами, и невольников пропасть у него.

– Участь невольников, я думаю, самая несчастная.

– Ну, нет, не всех. В рабы поступают только старики; взрослые мужчины делаются приказчиками и, лет через десять неволи, заживают своим домиком. Иные, знающие ремесло, от одного хозяина перекупаются другими богачами, поступают в собственность к министрам, от них к самому хану и делаются его придворными. Если хан заметит в них сметливость и ум, начнет поручать им разные занятия и должности, а потом даст право носить кинжал, а это значит, что человек стал уже, как бы сказать, почетным.

– Богачи-то этакие капитальные есть же в Хиве?

– Есть-то есть, да не сказываются; часть денег пускают в обороты, а часть зарывают в землю из боязни, чтоб хан не ограбил своих подданных. От этого недоверия в Хиве нет ни щегольства, ни роскоши: все одеваются не то что богато, а очень скромно, просто и почти что бедно. Богаче всех сам хан. Он получает большие барыши от своей торговли; я уж не говорю про налоги и пошлины – это само собой, а то он наживает деньгу и иными способами. Например, монету переливает: в чистый металл все больше и больше подмешивает лигатуры, выбивает больше денег числом, чем сколько следовало по весу чистого серебра и золота и, разумеется, этими излишками наживается хорошо. Ну, невольников у него много, очень много своей земли, пашен своих много: там ее обделывают *ярымчи*, по-нашему половники, и у самого хана столько в амбарах лежит запасного хлеба, что он никогда не боится неурожаю. В плохие годы, когда цена на хлеб вздорожает – хан этот хлеб и выпускает в продажу и зашибает славные денежки!

Ну, подумал я, хорош же хват этот хивинский хан! Не приведи бог никому быть подданным такого лютого владыки! Я невольно теперь сравнил положение народа, подчиненного этому хану, с положением наших киргизов и, что говорить, от души порадовался за теперешних своих хозяев.

В самом деле, киргизы наши понятия не имеют о том произволе, о том капризе власти, которому подчинены хивинские подданные. Наши киргизы находятся под святою охраною законов, обладают обеспеченною собственностью, наживают состояние честным трудом и живут по своим средствам скромно или широко, как кому вздумается, не опасаясь того, что завтра или сегодня завистливые глаза жадного сановника лишат его всего достояния. Есть у него лишние деньги, не придумает он им лучшего употребления, или так вздумается потешить себя и доставить удовольствие родным и знакомым – вот он и пирушку устраивает, вот он целый мир скликает к себе на гулянку: он знает, что тратится на эту гулянку так, как не расщедрится и хан хивинский, но он спокоен, потому что бросает на ветер только свои излишки и не возбудит этим ни в ком из высших

зависти и недоброжелательства, и не будет в беспрестанном страхе за капитальные средства своего благоденствия.

Так-то вот и наш хозяин безбоязненно и с особенною предупредительностью занимался хлопотами к предстоящему празднеству и с полным радушием встречал своих многочисленных, со всех сторон съехавшихся гостей разных полов и возрастов.

Вот наступил уж и день, назначенный для пира. Все почетные люди, мужчины собрались у самого султана в его кибитках, а женщины отправились к старшей его жене. Моя Авдотья Ивановна там же была. Так как празднество и тут и там происходило одинаково, то я и буду рассказывать преимущественно со слов Авдотьи Ивановны, потому что нас, мужчин, не допускали в женский круг, когда женщины собирались одни, а не перемешивались с мужчинами при некоторых, производившихся под открытым небом общественных играх.

– Как только я вошла к султанше, – рассказывает Авдотья Ивановна, – так у меня глаза и разбежались; не знаю я, на что прежде взглянуть: на убранство ли султанской кибитки или на наряды ее и ее гостей и султанских детей, которые тут находились.

Кибитка была очень велика, такая поместительная, что хоть бы в каком городе танцевальная зала, только круглая. Все жердочки, решетки и шесты были, должно быть, заново выкрашены красною краской. Прямо против входа, у противоположной стены сделан широкий навес на манер балдахина из белой кисеи, затканной серебром и перевитой кумачом, то узкими, то широкими складками. Под навесом была широкая и превысокая постель из мягких пуховиков. Перины обтянуты были белою шелковою материю с красными же полосками; одеяла и подушки – парчовые серебряные – верно, только для параду. Поверх одеяла, в ногах кровати и около изголовья, положены поперек перины длинные узенькие коврики, толстые и плотные, должно быть из войлока, но обшитые сверху белою бязью, по которой вшиты были в узор, пальмами, выкругленные листочки кумачу: листочки оторочены цветными шелковыми шнурками. Такие же коврики разложены были перед кроватью и в несколько рядов вокруг кибитки, а над ними висели фе-

стоны затканной серебром кисеи и белого коленкору, обшитого серебряною бахромой: ткани эти тоже перевиты полосками кумачу. Наружные белые войлоки были приподняты для свету, а чтобы чужой глаз не заглядывал во внутренность кибитки, к решеткам приставлены были шпалеры, снаружи – высокие, простые соломенные с узорами, а изнутри – низенькие, выплетенные тоже из тоненькой соломы, но таким образом, что каждая соломинка как будто отдельно перевита несученым белым шелком, и поэтому-то белому полю затканы были шелковые многоугольные узоры, среди которых находились меньшие против них, но того же рисунка фигуры. Около головок, или верхней части кибиточной решетки, вытянута широкая, ладони в две, шелковая белая тесьма с затканными по ней красными, шелковыми же, треугольниками.

Такая же тесьма спускалась полукругом с кибиточного обруча, откуда обыкновенно свет проходит в кибитку: к этой тесьме подвязаны были верхушки трех огромных кожаных турсуков, которые стояли середи кибитки, на полу; а весь пол, сверх войлоков, был выложен богатейшими персидскими коврами. Из каждого турсука выставлялся резной конец длинного шеста, или полена, которою три прислужницы-киргизки усердно взбалтывали кумыз. Против турсуков стояла огромная некрашеная, но вылакированная, белая как снег, деревянная чаша, полная кумызу, который туда беспрестанно подливали из турсуков, а возле деревянной чаши множество маленьких чашек, вроде наших полоскательных, из тонкого, как лист бумаги, синеватого, похожего на опал китайского фарфора; в них кумыз наливался из большой чашки с помощью резного, редкой работы деревянного башкирского ковша, у которого из узорочной ручки висела длинная, мелкой работы деревянная цепочка: кольца ее, ручка и весь ковш выточены были из цельного куска дерева досужим башкирцем с помощью терпенья и простого поясного ножа.

Против дверей, у кровати, на белых ковриках и на разложенных на них парчовых подушках сидела хозяйка-султанша, еще две другие жены ее мужа, трое мальчишек детей и три девочки: детей, впрочем, скоро увели из этого собрания. Около их сиденья, начиная от изголовья и другого конца кровати, об-

разовывались две небольшие дуги, где поместились почтеннейшие и пожилые гостьи; за ними две же дуги, но пообширнее первых, с почетными же гостьями, но молодыми или не успевшими занять места в первом ряду; за ними шел третий ряд ковриков с гостями, края которых сближались с тем местом против хозяйки, где расставлены были чашки с кумызом; за ними шло еще несколько рядов и, наконец, самый задний ряд шел уже у кибиточной решетки. В дверях толпилась гурьба молоденьких прислужниц, которых было так много, что иные стояли уже за дверьми, на степи.

Дамское общество пестрело разнообразными нарядами. Большая часть киргизских барынь одеты были в татарские кульмяки, которые заменяют у них и сорочку, и платье. Эти кульмяки очень похожи на наши нынешние халаты, не на распашные, а обыкновенные, но у них очень широкие рукава, отложной воротник, а грудная прореха обшивается разноцветными лентами и позументом. Кульмяки были из материй всевозможных цветов и видов, были и штофные, и гроденаплевые, и полушелковые всякие. Многие дамы были в халатах, в легких шелковых и в бархатных, обшитых галунами, и в простых бумажных, стеганых на вате; под халатами виднелись цветные платья, испещренные разными нашивками и привязками.

Но больше всего внимание Авдотьи Ивановны обращали на себя головные уборы султаншиных гостей. Обыкновенные киргизские коленкоровые или бязинные, торчмя навитые на голову платки с концами, прикрывшими шею, грудь, плечи и спину, перемешивались с другими нарядами. На одной, например, очень молоденькой женщине, еще недавно вышедшей замуж, надет был маленький стоячий колпак из самой тонкой белой кошмы; сбоку его, над правым виском, прикреплен был пук курчавых утиных перышек: этот скромный наряд удивительно как шел к белому лицу красавицы, происходившей из чистой султанской породы, не узкоглазой, не скуластой, но зато обладавшей пухленькими и как вишенка красными губками. А если прибавить к этому белые и мелкие, как жемчуг, зубы, черные, как смоль, волосы, разделенные на голове пробором, глянцевито лоснившиеся у висков и потом спадавшие на плечи маленькими косичками, да взять во внимание хоть и небольшие,

однако же удивительно как много говорившие глаза, по временам бросавшие взоры, которые, кажется, так вот всего тебя и просверливают, да прибавить к этому хороший рост этой султанши, едва-едва только расцветшей, еще не располневшей, а худенькой, стройненькой пятнадцатилетней женщины-ребенка, то не обинуясь можно признаться, что каждый из нашей братии русских отдал бы этой барыньке предпочтение пред всеми другими, тоже очень хорошенькими женщинами, бывшими вместе с нею на пиру. Я после сам видел всех их при скачке – и молоденькая султанша шибко мне приглянулась.

Была и другая молоденькая женщина, тоже очень свеженькая, но та глядела каким-то обрубком, деревом. Ни малейшего следа жизни в ней я не заметил; видно было, что она уж привыкла съизмалетства подавлять в себе всякую вспышку какой-нибудь страсти. Я сначала думал, что это она только при мужчинах глядит смиренницей, но Авдотья Ивановна мне порассказала, что она и в своем кругу сидела тоже болван болваном; только за обедом и стала она как будто пооживленнее, усердно набивая себе рот горстями плова. На этой надета была бархатная малиновая шапка, вроде наших мужских, только без полей и пошире в поперечник. Нижний край шапки опушен был дорогим бобром, а верх ее и вся тулья буквально усеяна золотыми монетами разных чеканов.

Такие же шапки были надеты и на других собеседницах, но у тех, вместо монет, на бархат нашиты были зерна жемчуга и разноцветные дорогие камни в богатых оправах. У иных к шапке прикалывалось особою пуговицею или петлицею из бриллиантов соколиное перо; у иных с верхушки шапки спадал на плечи выпуск, или колпачок бархатный, обшитый галунами или золотым газом с богатою кистью; у иных под шапкой надета была разноцветная шелковая сетка, тоже спадавшая к одному плечу и увешанная разными побрякушками.

Но настоящая парадная женская киргизская шапка бывает совершенно особого фасона. Вышиной и фигурою она будет с хорошую сахарную голову, с отрубленною верхушкою; делается из кожи, а может быть и из картузной бумаги, обтягивается глазетом или фольгой, и украшается нашитыми в несколько рядов монетами или цветными камнями. Края у ней обшиваются лисьей, или собольей, или бобровой опушкой, а из-под этой опушки на лоб и на брови ниспадает поднизь, вроде выплетенного из жемчуга кружева – совершенно как наша старинная русская лента, но не прямая, или не фестонами, а угловатыми городками: на этих кончиках прикрепляются брильянтики, изумрудики, яхонты, рубины, а кто победнее – аметисты, фальшивые изумруды, кораллы и т. п. С верхушки такой шапки на спину ниспадает длинная фата, больше все из кисеи, затканной золотом и серебром и обшитой такою бахромой из металлической нити. Кроме этой фаты или покрывала, от шапки висят по спине нанизанные на шнурке монеты, рубли, полуимпериалы, медали, раковинки, разные побрякушки, которые вплетены и в косы: можно представить, каким звоном и звяканьем сопровождается каждый легкий даже поворот киргизской барыни, даже самое легкое движение ее телом. Про перстни, браслеты, серьги, талисманы, цепи, цепочки и разные ожерелья я уж и не говорю – азиатские женщины любят пощеголять ими не в меру.

Авдотье Ивановне, да и мне тоже, понравился еще один убор, заимствованный от хивинцев. Мы его видели на одной только что засватанной девушке, дочери богатого киргиза. Представьте себе девочку лет четырнадцати, которой вся жизнь протекла, под маменькиным крылышком, в одном только занятии – едой. Моя барышня жирна была как питерская немка-булочница: два аршина в талии, ни больше, ни меньше! На эту только полноту, да на родословность отца ее, видно, и польстился жених, подумал я сначала. Собой она была весьма не на мой вкус: немножко рябовата, шибко скуласта и так узкоглаза, что через перекошенные щелки ее, опушенные короткими ресницами, едва-едва мелькал едкий взгляд карих ее глаз; притом же она была очень губаста. Одета она была тоже невзрачно. Простой хивинский халат плотно обхватывал ее мощное туловище; но он был немножко ей короток, и потому рыжие, топорной работы сапоги из коневьей кожи видны были бы наверно во всей своей непривлекательности, если бы не скромные и порыжелые голенища их не были прикрыты чистыми холщевыми шальварами. Как видите, в этой гостье мало было заманчивого, но она почему-то привлекла на себя общее внимание, тем более, что со вкусом выбранный головной убор сам по себе был

красив и не заменял своими принадлежностями ее очень некрасивого, но надобно признаться, весьма игривого лица, в котором каждый мускул дышал жизнью, каждое движение давало всему особенное выражение. Наша толстушка обладала какою-то обаятельною добротой, а легкая привлекательная улыбка ни на минуту не сходила с ее уст, весьма и весьма некрасивых, если взять их отдельно. Когда она, бывало, рассмеется – пухлые, мясистые губы ее раздвинутся, натянутся, из коралловых рамок выглянет ряд чудных, как зерно к зерну подобранных перлов – она была по-прежнему нехороша, но что же делать! Она нравилась!.. Так вот у ней на голове был совсем другой наряд: у ней надета была островерхая тюбетейка, вышитая шелками и золотом, а кругом головы обвита маленькая чалма из простого шелкового пояса, или из длинного, но узкого полотнища шелковой материи. Я уверен, что надень этот же убор на другую такую же булочницу – совсем будет не кстати, ну, а к этой он шел как нельзя лучше.

Как же все эти знатные дамы угощались? Да очень просто! Сначала бесчестное число раз передавались из рук в руки чашки с кумызом. Каждая красавица и не красавица принимала подносимую ей чашку холодного кумыза и выпивала ее в несколько приемов, останавливаясь по временам, чтобы перевести дух, причем, уж я и не знаю – для какой стати, дули на поверхность остававшегося в чашке и без того уже прохладного кумыза, весьма некрасиво распустив аленькие свои губки, а наша губастая толстушка так усердно принялась за это времяпрепровождение, что жидкость в чашке взволновалась и стала вон выплескиваться.

Про киргизок нельзя сказать, что они кушают кумыз: они просто дуют его, надуваются им так чрезмерно, что после пяти-шести объемистых чашек кумыз начинает у них уже «сказываться» – не за хлебом-солью будь помянуто! Кумыз, в этом отношении, производит на всех то же действие, какое и шампанское производит на людей, которые не успели еще в него впиться: он кидается в нос и должно быть это эфир вылетает.

Потчевание кумызом продолжалось больше часу. Гостьи калякали между собой немного, а о чем – того Авдотья Ивановна разуметь не могла. Но между гостьями были две старшинские жены, которые умели коверкать русский язык; одна из прислужниц хозяйки тоже знала по-русски: при помощи таких переводчиц завязался общий разговор о русских дамах, о русских царевнах, о русском быте, о русских нарядах, и это так заняло всех присутствующих, что моя Авдотья Ивановна должна была показать им все малейшие подробности своего костюма. Их особенно дивили наши шляпки, чепчики, кружева, корсеты, а особенно чулки шелковые, подвязки выше колен и ботинки: эти принадлежности женской одежды производили на них поразительное действие. Барыни смеялись, что русским дамам надо чулки подвязывать, как будто для того, чтоб они с ног не убежали! То ли, мол, дело, наши онучки! Подвязки, которые не нужно подвязывать и которые сами собой, смотря по надобности, делаются то шире, то уже, тоже очень долго всех занимали; миниатюрные сапожки Авдотьи Ивановны приняты были за детскую обувь: степные красавицы не хотели допустить, чтоб у такой большой женщины были такие маленькие ножки! А уж корсет, корсет просто всех с ума свел: положено было, что русские дамы – самый странный народ в мире, если сами себе добровольно кости ломают. Одна только гостья пожирала глазами Дуняшин корсет – это именно красавица в колпачке с утиными перышками. Она такими умильными, масляными взглядами, такими умоляющими киваниями головы, такими отрывчатыми, от едва переводимого дыхания, фразами упрашивала Авдотью Ивановну позволить ей примерить этот корсет, что Авдотья Ивановна истинно сжалились над нею, и когда стали обносить всех чаем, увела белолицую красавицу в свою кибитку раздевать, чтоб посвятить во все таинства нашего городского туалета.

Пробившись и промучившись со своей шалуньей добрые полчаса, Авдотья Ивановна вынула из чемодана складное свое зеркало, довольно большого размера, и поставила его против превращенной в городскую барыню степной красавицы. Авдотья Ивановна клянется, что стоило в то время поглядеть на султаншу. Когда она увидела в зеркале черноглазую, черноволосую прелестную женщину, в легоньком маленьком чепчике с голубыми лентами, белую стройную шейку, изящно округленные плечи, ловко стянутые шелковым корсажем с широ-

кими голубыми клетками – она обернулась назад, полагая, что за нею стоит незнакомая особа, потом, с удивлением расширив глаза, быстро опять взглянула на зеркало, убедилась, что она самое себя увидела, вспыхнула как маков цвет, даже задрожала, всплеснула руками и с полными слез глазами бросилась обнимать Авдотью Ивановну, тихо шепча отрывочные, слишком перековерканные русские, полные нежности и счастья речи. Двадцать раз она порывалась к зеркалу, двадцать раз опять кидалась к Авдотье Ивановне, хлопала в ладоши, скакала, любуясь собой, плакала от радости и глубоко, очень тяжко вздохнув, торопливо начала скидывать с себя чужие наряды. Авдотья Ивановна хотела было вести ее в нашем платье опять на прежнее место, к другим гостьям, но красавица наша ни за что не хотела на это решиться и спешила опять сменить платье кульмяком, а чепчик колпаком. Но когда дело дошло до корсета, то наша дикарка, не начиная еще расшнуровываться, кинулась опять к зеркалу и стала любоваться хоть этим одним нарядом.

Чтоб чем-нибудь развлечь внимание ожидавших конца переодеванья киргизских дам и избавиться от расспросов, что такое происходило между Авдотьей Ивановной и молоденькой шалуньей, хозяйка моя вынесла на показ степным барыням свою походную резинковую подушку. Принесши ее, Авдотья Ивановна показала всем, потом надула ее воздухом, завинтила клапанчик и опять показала. Подушка переходила из рук в руки: никто надивиться не мог этаким чудесам. Уж они ворочали ее из стороны в сторону, и жали-то ее, и тискали-то, и пробовали легкость ее на руке и все-таки ума не могли приложить, как это Авдотья Ивановна умудрилась набить ее полнешеньки одним дыханием? Наконец хозяйка моя растолковала им весь секрет, отвинтила клапан и пожала маленечко руками: воздух, с легким присвистыванием, начал из нее порываться. Одна из гостей, именно губанша-булочница, выхватила у Авдотьи Ивановны подушку из руки, прижала ее к груди, клапаном к верху, и сильными своими ручищами начала ее стискивать: воздух с шумом зафыркал через отвинченный клапан прямо в лицо затейщице-толстушке. Она с визгом и хохотом выпустила из рук подушку. Другие в ту же минуту подхватили ее, и, слегка ее пожимая, начали чутким ухом прислушиваться, как выдувается

оттуда ветер. Наконец подушка совсем съежилась. Хозяйка моя начала было снова ее надувать, но толстая губанша опять вырвала у нее подушку и сама принялась за это дело, со страшным сопеньем и с разными гримасами, переводя дух во время отдыхов, потом завинтила клапан, вероятно, только в половину, положила подушку наземь и хотела было на нее сесть, но ее предупредила другая: эта, опасаясь сесть плотно, примеривалась сесть поосторожнее, несколько раз прикасалась к чудному сиденью, но лишь только на нее присядет, как подушка зашумит и начнет посвистывать. Это сначала пугало гостью, но потом заняло, и знатная барыня, точно дитя какое, начала на подушке прискакивать, а та, то и дело, фыркает себе да фыркает. Наскакавшись досыта, гостья передала подушку Авдотье Ивановне, Авдотья Ивановна опять ее надула, но крепко завинтила клапан и передала желающим. Веселенькая и резвая толстушка опять ею овладела, подложила под себя, начала тоже прискакивать, но подушка перестала фыркать. Не постигая причины этого молчания, здоровенная гостья подумала, что она слишком уж осторожно садится, приподнялась, собралась с силами, да как шлепнется что есть мочи на подушку… А подушка-то как хлопнет, словно из пистолета, потому что от сильного сжатия воздух прорвался наружу, так что ткань лопнула по цельному… Увесистая гостья султаншина, с позволения сказать, и чебурахнулась. Все это сделалось так нечаянно, так внезапно, что все присутствующие помертвели от страху и изумления, но зато сколько хохоту-то было после!.. Однако же толстушка долго на мою Авдотью Ивановну дула толстые свои губки.

Это происшествие прекратило угощение чаем, которого киргизы, между нами будь сказано, вовсе приготовлять не умеют: вместо этого благодатного напитка, они дуют какую-то припарку, потому что чаю кладут на засыпку мало и очень долго дают ему преть на самоваре. Обыкновенно, киргизы чай подают, что называется, в прикусье, или с угрызением, т. е. в прищелку.

После чаю опять пошли в ход чашки с кумызом, но скоро их заменили сластями: подали миндаль в шелухе, фисташки в шелухе и лущенные, кишмиш, изюм, урюк, али-бухару, обсахаренные разные фрукты, персиковые зернышки в сахарном

тесте, бухарские сухие коврижки – пресные и несладкие, обсахаренные анисовые зерна и вот разные этакие лакомства. Все они были разложены на маленьких тарелочках и расставлены на полу в стройном порядке. Каждую тарелочку прислужницы обносили гостям особо и этим, разумеется, хозяйка выгадывала много времени.

Хозяйка наша, по замечанию Авдотьи Ивановны, видимо была в духе и чрезвычайно довольна и собой, и гостями. Только Авдотья Ивановна заметила, что на нее нашло как будто какое раздумье. Начнет она с кем-нибудь разговаривать и вдруг задумается, встревожится как будто маленько, и потом, верно, чтоб прогнать заботившие ее мысли, опять примется беседовать то с тою, то с другою соседкой; потом опять лицо ее примет озабоченное выражение. Наконец, видно, уж трудно ей было себя пересилить, она торопливо подозвала к себе одну из прислужниц, начала что-то шептать ей на ухо, но, не досказав речи, подумала немножко, махнула как-то странно рукой, приподнялась с подушки и вышла вон из кибитки. У дверей она немножко остановилась было, как будто раздумье сильно брало ее, но ушла и через несколько минут воротилась назад с радостным лицом, с сияющими взглядами. Она села на место и с таинственным видом, но с какою-то особенною торжественностью вынула из-под халата кругленькую коробочку и показала собеседницам. Те так и ахнули от восторга и жадно впились взорами в заветную коробку.

Султанша-хозяйка вынула из кармана перочинный ножичек, раскрыла его, сняла с коробочки крышку, отковырнула оттуда на кончик ножичка капельный кусочек чего-то, поднесла ко рту и с наслаждением слизнула с ножа языком. Коробочка пошла ходить из рук в руки; Авдотья Ивановна просто диву далась, глядя с каким лихорадочным трепетом все барыни брались за коробку и с одинаковыми приемами проглатывали скрывающуюся в ней съедаемую драгоценность.

Но вот дошла очередь и до моей хозяйки. Авдотья Ивановна, взяв коробочку в руки, увидела, что она наполовину полна была какою-то густою и очень вязкою жидкостью, которая с виду походила на хорошую черную патоку, сберегаемую в холодном месте. В этом, своего рода варенье или в сиропе, для

вкуса или для красоты виднелись обильно затертые туда охлопки листового золота. Авдотья Ивановна, не привыкнув с ножа лизать варенье и опасаясь уколоть язык или порезаться, недоверчиво взглянула на хозяйку. Султанша кивнула ей головой. Авдотья Ивановна опять вопросительно взглянула на нее, указав на ножик, султанша ответила ей на это очень выразительным жестом: она протянула указательный палец правой руки, ткнула им себе в левую ладонь и потом пустой палец сама себе обсосала. Авдотья Ивановна все еще оставалась в недоумении, но султанша, потирая себе с самодовольствием руки, протянулась к ней и тихо прошептала:

– Шлядка… Ай-ай шлядка!.. Офий!!

Обе соседки, сидевшие около Авдотьи Ивановны, тоже пригнулись к ней и, посмаковать языком да почмокав губами, обе разом шепнули ей на ухо:

– Офий!.. Офий!!.

Авдотья Ивановна почувствовала на себе чей-то взгляд, приподняла голову и встретилась взорами с красавицей, рядившейся в шнуровку. До той не доходила еще очередь с коробочкой, но она, верно, знала свойство этой пересыпанной золотом сласти и, незаметно для других, покачала ей головой и показала глазами, что, дескать, не трогай. Сначала Авдотья Ивановна подумала, что уж не яд ли это какой, но потом, припомнив, что когда-то она слыхала про опий и предположив, что офий, верно, тот же опий, побоялась было попробовать и отклонила от себя это угощение. Однако же женское любопытство одержало верх над благоразумием: со страхом и с трепетом, лизнула-таки она после этого сиропу, как уверяет, каплюшку этакую с булавочную головку. На вкус ей это показалось не столько сладко, сколько жгуче: Авдотья Ивановна подозревает, что, верно, в это варенье много подмешано имбиря и стручкового перцу, да и запах-то от коробки уж слишком аптечным чем-то или лекарственным отзывался.

По малости приема Авдотья Ивановна не испытала на себе никакого действия, но судя по тем барынькам, которые не по одному разу, а многажды прикладывались к коробочке, нельзя было не заметить, что это лакомство действует немножко иначе, чем обыкновенное наше фруктовое варенье. К коро-

бочке не все прикасались: иные сами не хотели, другим хозяйка не предлагала, третьи мало им лакомились; но у остальных щеки горели как жар, рот был как-то особенно полуоткрыт, глаза как будто помутившиеся, как будто посоловелые, все черты лица показывали какое-то утомление… А может быть – Авдотья Ивановна ошиблась: может быть, это просто было от духоты и спертого воздуха в кибитке, битком набитой народом; может быть, это было от продолжительности и пустоты трехчасовой беседы, а верней всего причиной тому было беспрестанное питье кумызу, от которого щеки непременно разгораются и на сердце становится как будто веселее, а утомление было от долгого чаепития; а если у кого из дам глаза маленечко посоловели, так это только доказывало, что им просто спать хотелось.

Между тем для разнообразия удовольствий явились музыкантши. В дверях кибитки показались несколько простых киргизских девушек и стали играть кто на балалайке, кто на варганчике, кто наигрывал на деревянной гармонике. Хозяйка моя уверила, что от этой музыки выходили какие-то нестройные и бессвязные звуки: они хоть и дико отдавались в ухе, но не были лишены какой-то непонятной приятности. Музыка сопровождалась пением. Сначала пели прислужницы, потом затевались песни между гостьями; но вот взяла в руки балалайку толстая гостья, пробренчала что-то нескладное и потом начала петь скороговоркой песню, которая видимо всех привела в восторг, потому что все присутствовавшие пощелкивали языком и пальцами и радостно вскрикивали.

После толстушки выдвинулась и наша красавица беленькая султанша, в колпаке с курчавыми совиными перышками. Вместо балалайки у ней в руках была гармоника. Она начала наигрывать на ней, потупив глаза и поникнув головой; потом тряхнула ею, приподняла ее и, обведя взором все собрание, осклабила свое хорошенькое личико, отуманенное какою-то грустною мыслью, и запела заунывную песенку, сопровождая ее вздохами и кончив ее чуть-чуть не слезами, которые готовы были брызнуть. Авдотье Ивановне рассказали, что беленькая султанша прямо теперь же сложила эту песню и поет для нее в честь русских женщин. Ей растолковали потом, что в песне был вот какой смысл: «Степь наша широкая, степь наша долгая. Куда ни поедешь отсюда – везде степь широкая, всюду степь долгая. А на степи бараны пасутся, табуны гуляют, прыгают сайги, разъезжают удалые казаки. А туда поедешь, вот в ту сторону – там другие живут люди, хорошие люди, очень хорошие и очень добрые люди. У этих хороших людей хорошенькие жены, и такие хорошенькие, что перед ними самая лучшая киргизская красавица – что овца перед сайгой. А отчего там такие хорошенькие женщины? А от того, что у них есть чепчики! Что у них ботинки есть, есть тонкие претонкие чулки, есть бантики разные, есть корсеты, запрятанные под платья, такие вкусные платья, что их так скушать и хочется. И плечики вкусны: их поцеловать хочется. В корсете, да в бантиках, в тоненьких чулочках, да в чепчике русская хорошенькая женщина восхитительна! И в раздольной степи есть красавицы, да нет у них бантиков, нет у них тоненьких чулков, нет платьев, нет скрашивающих стан корсетов… Молодую жену любит муж; молодая жена состарится – муж будет любить молодую жену. Я, ваша певица, молодая жена… Ах, как меня любит мой могучий богатырь, мой муж удалец-молодец!»

За песнями последовала пляска, но только что она началась, как барынь пришли известить, что скачка в разгаре и что состязателей видно уже с пригорка: они сейчас будут подъезжать к цели. Скачка у киргизов бывает не по нашему: отмерят дистанцию во столько-то, примером, верст, да оттуда уж и пускают наездников всех, сколько бы ни было охотников, расставив их в один ряд и скомандовав им словом *джор*, по которому они и пускаются все вместе, в одно и то же мгновение.

Как они летели, кто какой приз выиграл – этого, я думаю, нечего описывать: крику да гиканья довольно, размахивания нагайкой и разного понуканья тоже довольно; у победителей, конечно, торжествующие физиономии, у сплоховавших – кислые рожи: иной лошадь окалечит, другой вовсе ее заморит – ну, конечно, этих жалко, да что же делать, коли уж участь такая всех и каждого, не в том, так в другом? Все наездники, разумеется, мокрые от утомления и от жары; все они бледные и как будто ошалелые от безумного бега; все, после скачки, лошадей долго водят и себя проминают, не принимая никакой пищи и

опасаясь опоить лошадей… Все это дело известное и долго толковать об этом будет совсем напрасно.

Воротимся-ка опять к барыням, да послушаем пересказов Авдотьи Ивановны, как киргизские барыни на пирах тешатся… Разумеется, всего не перескажешь: иное забудешь, иное само не придет в голову, иного сам не смекнешь, ну, а бывает и такое, что не совсем-то подобает рассказывать.

После скачки началась борьба, на которой дамы наши присутствовали вместе с мужчинами. Боролись простые киргизы попарно. Иные скидывали халаты и тюбетейки и даже сорочки, а иные ничего кроме тюбетейки не снимали, а только потуже подтягивали кушаки, запрятывали за них полы халатов и засучили рукава. Борцы навивали на руки ремень или в несколько раз сложенный пояс, так что промежуток между обеими руками был меньше четверти аршина, обхватывали таким манером противника, положив ему руки на поясницу и начинали сначала мерно кружить на одном месте, а потом уж принимались ломать друг друга, стараясь повалить соперника. Иногда они очень быстро кружились и сильно взрывали землю, упираясь в сыпучий песок и взбивая его ногами; случалось и то, что, отуманив товарища и подшибив его подножкой, борец повергал его наземь и от сильного размаха сам падал на него же. Бывало и то, что, долго не справившись с соперником, борец терял хладнокровие и приходил в ярость, издавая рев, будто зверь какой – много тут было разных этаких проделок, но видно они не очень нашим барынькам понравились: не дождавшись всего конца, они отходили в другую сторону и смотрели на другие потехи народа.

С особенным вниманием и любопытством любовались они на другую игру, в которой принимали участие молодые парни да девки. Игра эта состояла в том, что какая-нибудь девушка садится по-нашему верхом на лошадь и, вооружившись нагайкой, пускается вскачь по степи. Множество удальцов из молодежи бросается за нею вдогонку; каждый старается настигнуть девушку и сорвать платок с шеи. Оно бы, может быть, и не очень интересное было развлечение, да тут особенные обстоятельства придают этим шалостям много живости. Как только парень начнет подступать к девке, а она плетью, да плетью почем ни попало, по рукам-то, по плечам, по коленям, а не то – так и по лицу заедет. Стыд и срам покрывает того молодца, который, получив десятка полтора ударов нагайки, откажется от преследования девушки и мокрой курицей воротится назад без призу. Такой трус лучше уж и на глаза не кажись народу: еще пуще засмеют и опозорят! Ну, так уж понятно, что молодежь наперебой друг перед дружкой так и рвутся вперед, сами напрашиваясь на нагайку. Само собой разумеется, что, строгая к чужому и незнакомому парню, молоденькая киргизка сумеет норовить в пользу приглянувшегося ей парня: при его преследованиях у ней и лошадь не шибко резвится, да и удары-то валятся не частые и не полновесные.

А то вот рассказывают, что есть и еще одна игра, которой мне самому не довелось повидать: она, говорят, соблюдается в дальней степи, у простолюдья самого неотесанного и дикого, где уж такая простота нравов, что и сказать нельзя. Там возьмут какое-нибудь, назначенное для приза, животное, козу ли, барана ли, лошадь ли, корову ли, или верблюда, да и приведут туда, где весь народ столпился. Вот и начинают это животное обматывать да перевязывать разными арканами и веревочками: напутают напуты множество и наделают бездну узлов, так что и концов не отыщешь. Распутать эти узлы и вызывают всех, кому угодно, только не из мужчин, а непременно из девушек. Кто не распутает, того провожают со смехом, а кто распутает – тому и животное поступает в собственность. Насмешек, разных замечаний и грубых степных шуток тут тьма-тьмущая; но беда тому, кто хоть пальцем обидит девушку!

И что за народ там далеко живет, этак промеж моря Аральского и Каспийского! Просто, говорят, звери это какие-то: и на людей не похожи. Наши киргизы хоть мухаммедову, хоть басурманскую веру держат, да все-таки веру, а у тех ровно никакой религии нет, ничего этакого нет святого, ни нравственности, ни святости брака – совсем, как есть язычников. Жен держат, что скотину, а дочери у них – что продажный товар. И жены-то хороши же у них, да и дочки-то тоже: одно слово, что будто звери в лесу живут.

Впрочем, и все киргизы смахивают маленько на язычников и особенно это видно из их обхождения с кудесниками, вы-

делывающими разные волшебства, как киргизы уверяют, при содействии нечистой силы, а я так думаю, просто из плутовства, да из умения морочить доверчивых степняков. Конечно, тут опытность в разных фокусах тоже много значит, но зато уж сверхъестественного нечего и спрашивать.

Вот, например, и на султанской пирушке было два кудесника, или, как их киргизы зовут, *баксы*. Один этакий высокий здоровенный мужчина, с большой черной бородой, выделывал свои знахарские штуки и перед мужчинами, и перед дамами, в одних шальварах, вовсе без рубахи, а другой был приземистый киргиз с маленькой рыжей бородкой. Каждому было лет уж около пятидесяти. Чернобородый был дюрткаринец, каракисяцкого отделения, Исмамбет-Бирлыбай-Балгасы, а рыжий, в белой рубахе – китинец, отделения майлё, по имени Байгунды-Аргынбай.

Для их представлений приготовлена была особая кибитка. Произведя целый ряд фокусов перед знатными дамами, они немножко отдохнули и стали повторять те же фокусы перед мужчинами.

Фокусы их состояли из следующих штук. Прежде надобно сказать, что посреди кибитки горел небольшой костер из поленьев и сучьев; с одной стороны у стенки стояла высокая скамейка, а на ней – большой, окованный железом сундук. На головках решетки висели концы длинного аркана; в одном месте лежали тесак да сабля; возле нее положен был музыкальный инструмент – *кобыз*.

Представление началось тем, что рыжебородый сидел у стенки и бренчал на своем кобызе, подпевая песенку, а чернобородый тихо прохаживался кругом костра. Походя сначала смерненько, он начал понемногу наклоняться к огню и как будто вдыхал в себя дым. От этого его немного подергивало, и он стал бойко пошевеливать и размахивать руками. Потом стал гнусливым образом подпевать рыжему, и подпевать неспроста, а с всхлипываньем и взвизгиванием, все-таки продолжая вдыхать в себя дым. Потом, приходя понемногу как бы в опьянение, он стал перегибаться на спину, пошевеливать плечами и, присев на корточки против рыжего, стал ломаться на разные манеры, захлебываясь нараспев словами своей песни. И рыжий

тоже стал ему вторить и тоже ломаться, продолжая петь песню вместе: они трясли губами, выбалтывали языком какие-то штуки, издавали удушающие стоны и, кинувшись друг на друга, как цепные собаки, чуть-чуть не кусались, с воплем и криком выплясывая и повертывая туловищем то в ту, то в другую сторону.

Наконец черный Исмамбет оставил рыжего в покое, кинулся к костру и поставил в огонь одну ногу. Погодя немножко, он вынул ее оттуда и в самые уголья просунул другую ногу. Продержавшись в этом положении несколько мгновений, он положил в уголья короткую полосу железа, которая уж и прежде там лежала, да только выбилась вон и упала в золу. Исмамбет стал опять подскакивать кругом костра и как зверь ревет новую, прескверную на слух песню. Рыжий ему и в этом вторил и продолжал распевать до тех пор, пока не увидал, что Исмамбет выхватил из огня раскалившуюся до красна железную полосу, стал ее перекидывать из рук в руки и потом, черный конец ее обмотавши тряпкой, начал искрящимся от огня красным концом водить себя по телу.

Это должно быть за живое задело Байгунды. Он стал с азартом рвать струны своего кобыза, начал пуще прежнего взвыливать, всхлипывать и захлебываться дикими звуками, потом совсем перегнулся и, как бешеный, стал грызть деревянную деку кобыза. Тут он вскочил с места, затопал ногами, зашевелил плечами, стал заламывать руки и, вдыхая в себя дым курящегося костра, выхватил оттуда давно уже опять вложенную в огонь полосу, красным концом засунул ее себе в рот, пристиснул зубами и, заложив обе руки за спину, пустился вприскочку бегать кругом всей кибитки. Но этим еще не кончились фокусы кудесников.

Баксы Исмамбет вдруг с разбега бросился к скамейке и что есть мочи хлопнулся головой в окованный железом сундук. Выкинувши этакую штуку, он, как ни в чем не бывало, с хладнокровным и даже глуповатым выражением лица, воротился на прежнее место. В свою очередь и Байгунды тоже рванулся к сундуку, но хватил его головой так сильно, что сундук слетел прочь со скамейки. Исмамбет взял кривую саблю, показал ее всем присутствующим, дал им увериться, что она очень остро

отпущена, и укрепил ее на полу кибитки так, что эфес и конец сабли впились в землю, а остальная часть лезвия осталась наружи и возвышалась дугой. Исмамбет встал на эту дугу и начал на ней приседать и ломаться. Но рыжий баксы отпустил еще хитрее штуку. Он взял в руки простой тесак, дал зрителям освидетельствовать его остроту, укрепил его стоймя среди кибитки, засунув рукоятку в землю и, положив руки на кончик лезвия, стал на него опираться, изгибаясь всем телом и налегая на руку всею своею тяжестью.

После этого Исмамбет вызвал желающих, дал им в руки концы аркана, велел скрутить себя около пояса узлом и просить стянуть его потуже. Двое дюжих киргизов, поставив Исмамбета посреди, возле костра, сами встали в разных концах кибитки и что есть мочи стягивали плутоватого баксу. Но сила двоих, при длинноте концов аркана, оказалась малозначительною. К ним подошли на помощь еще два киргиза, потом еще двое, потом опять еще двое, наконец, всего восемь человек, по четыре на каждый конец узла, стали стягивать им Исмамбета сколько позволяли их силы. Иного давно бы уж арканом перерезало надвое, но либо охочие киргизы были из одной шайки с Исмамбетом, либо он в самом деле обладал каким-нибудь секретом так втихомолку закрутить узел, что сколько ни тяни, стянут петли никак не удастся.

Этот фокус был очень неприятен для глаз, и я не решился дольше оставаться в кибитке. На Авдотью Ивановну тоже кривлянье кудесников подействовало так дурно, что она и половины всех штук не досмотрела. И потому про последнюю штуку я рассказываю уже с чужих слов очевидцев, приведенных в восторг волшебством знающего свое дело баксы. Пальму первенства заслужил, как оказалось, рыжебородый Байгунды: он обморочил киргизов не хуже знаменитых индийских фокусников именно тем, что схватил свой тесак и пырнул им себя прямо в живот и потом преспокойно расхаживал по кибитке, дозволяя всем неверующим собственными руками прикоснуться как к эфесу, по который тесак был в живот вонзен, так и в острый конец лезвия, который торчал у него сзади.

После этаких штук, честная компания разошлась по местам, и почетнейшие гости собрались: мужчины к самому султану, а дамы – к султанше, к обеду. То, что мне рассказывала Авдотья Ивановна про обед в дамской компании, то же самое было и происходило у нас, между мужчинами.

Уже вечерело на порядках, как несколько киргизских прислужниц вошли в султаншину кибитку, неся в руках какую-то материю. Оказалось, что это был ситец, новенький, лоснящийся, с беленькими цветочками по пунцовому полю. Прислужницы разостлали его кругом кибитки на полу, поверх ковров, оставив свободное место только для сиденья гостьям около самой решетки и у кровати: ситец этот употреблен был вместо скатерти. Столовых салфеток, вилок, ложек, ножей не подавали и никому не раскладывали, и блюд тоже на этой скатерти не было. Авдотья Ивановна полагала, что верно еще рано и поджидала, что для праздника все это своим чередом будет принесено позже. Но вышло не совсем так, как она думала.

Тотчас же, следом за скатертью, дамы наши расселись на места по обе ее стороны и в глубоком молчании приготовились ко всем церемониям. Лишь только они разместились, те же три прислужницы вошли опять в кибитку с новою ношей: у одной в руках был щегольский медный ярко-вычищенный кумган, кувшин этакий вроде рукомойника, вылуженный и полный воды; другая несла большой медный таз, а третья подошла с полотенцем, длинным-предлинным, тоненьким, кембриковым, обшитым серебряною бахромой: полотенце это висело у ней на плечах и было новехонькое и свеженькое. Все три прислужницы подошли сначала к хозяйке и потом уж переходили к другим гостям, по одиночке: одну только Авдотью Ивановну и обошли – поняли, что ей неловко участвовать в мусульманском умовении. Умовение это называется малое, а не то, которое мусульмане обыкновенно совершают в известные часы дня перед намазом.

Это малое умовение состоит в том, что каждая севшая за стол особа слегка смачивает себе водою руки, протирает мокрыми пальцами себе глаза и проводит ладонями по всему лицу. Потом захватив пригоршней воду, вбирает ее себе в рот и полощет его; потом опять берет в рот воды и, засунув большой и указательный пальцы правой руки в рот, начинает чистить зубы. Затем в третий раз берет в пригоршню воды и начинает

прополаскивать нос и уже потом насухо обтирается полотенцем. Меня и Авдотью Ивановну особенно поразило то, что киргизы до такой степени приобрели в этом деле опытность, сноровку и умение, что вся эта процедура совершается у них меньше минуты и что при этом в постороннем зрителе ни на сколько не возбуждается отвращения, а напротив, еще удивляешься, как все это совершается чисто, благопристойно, без гримас или без каких-либо неприятных вычур.

Следя за этой церемонией глазами, Авдотья Ивановна нечаянно обратила внимание на женские руки. Что это за руки! Страсти, что за ручищи! Такие лапищи, что… куда перчатка? Рукавица разве влезет. Всматриваясь дальше и дальше, хозяйка моя вдруг заметила беленькую, небольшую и пухленькую ручку; взглянула на ту, кому эта ручка принадлежала, увидела перед собою пожилую уже и некрасивую женщину. Другую такую же пару беленьких, пухленьких ручек с ямочками чрезвычайно игривыми, хозяйка моя подметила у губаны-толстушки. Тут она невольно вспомнила про красавицу-султаншу в белом колпаке с курчавыми на боку совиными перышками, взглянула в ее сторону, выждала минутку, когда ей подали умываться и пристально стала разглядывать у нее пальчики. Авдотья Ивановна уверяет, что этакой красивой ручки ей редко когда удавалось видеть: такая маленькая, такая миниатюрная, такая худенькая, но зато такая беленькая – что просто загляденье! Пальчики были узенькие-преузенькие и долгинькие – настоящие барские, а под ними едва-едва пробивались нежные голубоватые прожилки. Когда принялась она чистить зубы, широкие рукава ее кульмяки спустились ближе к плечу, и Авдотья Ивановна снова стала любоваться прелестью и изящностью формы обнаженной части руки у красавицы-дикарки. Пристально вглядываясь в роскошные и будто из слоновой кости выточенные выпуклости около локтя, Авдотья Ивановна внезапно только теперь заметила три совершенно черные пятна на самом нежном месте, повыше локтя с внутренней стороны. Как она прежде их не видела, когда переряжала султаншу в корсет – она и сама не понимала. Это так заняло мою хозяйку, что она непременно положила, во чтобы ни стало разглядеть эти пятна поближе при первом удобном случае и выпытать, если можно,

причину такой странности. Случай легко мог представиться после обеда, к ночи, либо в другое время, когда мечтательная султанша опять вздумает вырядиться в чепчик.

Но вот в кибитку вошла целая гурьба женщин. Каждая из них несла по глубокому фаянсовому блюду или по выкрашенной и вылакированной большой деревянной чашке. Все это расставлено было в разных местах по скатерти так, что каждое блюдо назначалось для шести особ, но три с каждой стороны.

Блюда эти были верхом полны мяса, между кусками которого выглядывали то кость, то белый, то желтый жир, то разные внутренности. Каждое блюдо снабжено было особым ножом, обыкновенным киргизским, что мужчины у сумки на поясе носят. Но резать было почти нечего; мясо было слишком разварено и предварительно уже искрошено. Нашим барыням оставалось брать его пригоршнями и набивать себе рот; если же который кусок не пролезет, то очень легко было отделить волокна мяса пальцами, как и поступали киргизские дамы. Соль, не толченая однако же, а простой бузун, крупными кусками расставлена была при каждом блюде на особых исписанных лоскутах бумаги; но поближе к хозяйке стояло несколько солонок, деревянных крашенных и простых каменных, и даже одна хрустальная. Разваренное мясо состояло из баранины, козлятины, говядины и конины, или как в некоторых местах у нас в России выражаются: из козьей говядины и из бараньего мяса, из бычьей говядины, из кобылятины. Уж такой баранины, какова в степных местах бывает, вам, питерским господам, никогда не видать; козлятинку, особенно молоденького козленочка у вас еще добыть можно, говядина, надо правду сказать, только у вас одних и водится, что ни есть наилучшая, а что до конины касается, так уж позвольте вас просить поверить мне на слово, что это такое превосходное блюдо, особенно от кормленной кобылицы, что просто пальчики оближешь. Говядина с наших степных быков, так называемых черкасских, т. е. киргизских, башкирских, калмыцких, горских, придонских, новороссийских у вас необыкновенно хороша, потому что скот в дороге, умно рассчитанной, отлично нажировывается: поверьте же мне, что хорошая конина едва ли уступит той говядине, из которой у вас знатоки покушать готовят сочный ростбиф. Конину от бычьей

говядины по наружности только тем и можно отличить, что в ней жир желтее самого яркого янтарного цвета.

Особенных препаратов к мясу, кроме соли, не подавали никаких: перец горошчатый они еще знают, но про уксус только слыхали, что его употребляют и в России, и в Бухаре; горчицы же, или жаренного и вообще картофеля, или салату киргизы вовсе не знают.

Навар, или бульон, который остался на дне блюд, когда их пообчистили, дамы наши без церемонии выпили, приставив края чаш ко рту и ни сколько не обратив внимания на то, что бульон был нечист и наполнен грязным отстоем: мясо было чистое, так, по их, и отстой стало быть чист. Со своей точки зрения они и правы.

Я вам не рассказал еще одного обычая, а он довольно замечателен. Когда какая-нибудь важная особа, сидящая за столом, хочет оказать свое благосклонное внимание лицу, в той же кибитке пребывающему, но не сидящему за столом, или даже и собеседнику своему, но младшему по летам и по положению в свете, то подзывает его к себе или сама к нему протягивается и, взяв в пригоршню стоящего тут кушанья, втискивает его в рот чествуемого таким образом счастливца. Очень молодые люди или служители подходят за подачкой к старшему, сложив руки на груди, а если весь комок мяса или другого кушанья не может свободно перейти с ладони в рот другому, то старший пропихивает его младшему просто-напросто пальцем. Точно таким же манером поступают и дамы.

После мяса прислужницы стали разносить кумыз; важные барыни не отказывались и выпивали по доброй миске.

Засаленные рты и руки барыни наши вытирали тем же ситцем, что постлан был вместо скатерти.

Когда прибраны были опустошенные блюда, служанки внесли большие плоские блюда. На каждом из них горою высился жирный и смачный плов, обильно перемешанный с мелко нарубленной бараниной и щедро утыканный со всех сторон миндалем, черносливом и крупным изюмом. Каждое блюдо по-прежнему поставлено для шести особ и, несмотря на всю огромность порции, не прошло и пяти минут, как от прежних гор ровнешенько ничего не осталось: самые блюда будто начисто были вылизаны. Принесли новые запасы этого же народного у киргизов кушанья, но и они недолго красовались на божьем свете и очень быстро отправились следом за прежними пригоршнями плова.

Удивительно, сколько едят эти скромные киргизские барыни! Да и то сказать, что им и делать-то, как не набивать желудка? От этого-то они такие здоровенные и такие тучные, а полнота там считается очень важным личным достоинством: едва ли ей не отдается большего предпочтения, чем телесной красоте и иным душевным качествам. Надо опять и то себе заметить, что киргизские женщины ведут очень деятельную жизнь, много пешком ходят, много верхом ездят; превосходный кумыз тоже иметь возбудительное для аппетита действие. А чистый-то степной воздух? Он действует еще посильнее кумыза! Ну, и понятное дело, что в степи под открытым небом у человека бывает, что называется, истинно гомерический аппетит. Я, например, там едал ровно вдвое против того, сколько требует мой аппетит во время обыкновенных моих разъездов по торговым делам внутри России. В дороге же я ем вдвое больше, чем сколько привык съедать в семейной жизни, в Саратове; когда я жил в Петербурге – я в неделю не мог того съесть, сколько ел в Саратове в двои сутки: так вот теперь и выходит, что в степи естся в двенадцать раз больше, чем в Петербурге… Но ведь зато это я, человек постоянно ведущий очень деятельную жизнь, в постоянном движении; сравните же теперь коренного степного едока с человеком, истощенным уже излишествами, вялым и ведущим сидячую жизнь.

Да что мне на себя указывать: лучший пример моя хозяйка. Я уж вам докладывал, что она у меня болезненная женщина, что в ней были все признаки чахотки и, нечего греха таить! – я-таки очень и очень побаивался, чтоб она у меня… не того… не покинула бы бренный мир сей! Посмотрели бы вы, каким я ее молодцом вывез из Киргизии – узнать нельзя, да и только! Благодаря кумызу, да верховой езде, да чудному воздуху – чахотка с корнем вырвана, и Авдотья Ивановна так выправилась, так окрепла, поздоровела, расцвела и лицом и всем телом, и маленечко, что называется, благоприятно пополнела, что любо-

дорого взглянуть теперь на мою – отчего же не сказать правды? – на мою прехорошенькую бабёнку.

Но возвратимся к ее пересказам. О мужчинах я уж умалчиваю, потому что дамский круг знать и любопытнее, и назидательнее.

После обеда дамы стали расходиться к себе на покой. Белолицая красавица-султанша, улучив минуту, подошла к Авдотье Ивановне, взяла ее под руку, распростилась вместе с ней с хозяйкой и вместе с ней вышла, но на дороге стала упрашивать, чтоб Авдотья Ивановна зашла к ней. Жена моя исполнила ее просьбу, но красавица стала ее упрашивать, чтоб она провела с нею целую ночь вместе и дала бы ей еще раз поглядеться в наряде в такое большое зеркало, какого она никогда еще не видывала. Авдотья Ивановна отвечала ей сомнительно, но пришла ко мне, рассказала в чем дело, объяснила, что у султанши своя особенная кибитка и отпросилась у меня ночевать с новой своей приятельницей.

За Авдотьей Ивановной следом поплелась и Фекла, неся в сумраке ночном и корсет, и манишку, и шляпку с вуалью, и зеркало, и разную дребедень туалетную. Султанша словно на иголках сидела, пока Фекла бережно раскладывала эти вещи у нее в кибитке. Ушла она, султанша выслала двух своих прислужниц и осталась с Авдотьей Ивановной с глазу на глаз. Две сальные свечи в подсвечниках, да два жирника в железных коробках освещали тот уголок, в котором они приютились.

– Душке!.. Миле!.. Поджалюста!.. Жимай мини! – плачевно упрашивала она мою хозяйку, бросаясь ей на шею и выцеловывая ее и в губки, и в глазки.

Авдотья Ивановна насилу могла от нее оторваться и сама стала ласкать ее, охорашивая ее умненькое, светленькое личико, которое еще более выигрывало от яркого румянца, вспыхнувшего на ее щеках, тогда как быстрые черные глаза, как два раскаленные уголька, так и горели искрометным жаром, а коралловый, совершенно пунцовый, влажный ротик полураскрылся, выражая и недоумение, и страх, и надежду, нисколько не сдерживая горячего дыхания, от которого грудь красавицы так и колыхалась, так и колыхалась!

Красавица давно уже сбросила свой кульмяк и стояла перед моей хозяйкой в одном нижнем кульмяке, тоже шелковом, но в белом и в таком легком, что еще эфирнее тафты был выткан.

Корсет уже был однажды примерен и приходился султанше в пору. Во время своего пребывания в степи, Авдотья Ивановна успела и поправиться, и раздобреть маленько; корсет ей был не нужен; раздумье взяло Авдотью Ивановну и она порешила его вовсе нежданным подвигом. Она отошла в сторону, взяла свой матерчатый корсет, свернула его и перевязала шнурком, подошла к красавице и, передавая ей сюрприз, с самой добродушной улыбкой и легким поклоном сказала:

– Дитя мое, красавица, возьми его – он твой!

Султанша поняла эту фразу, но совершенно растерялась от радости: глазенки заиграли, запрыгали, головка затряслась, ручонки задрожали, ротик скривился… Она несколько раз слегка коротенько усмехнулась, потом погромче захохотала, да как бросится в слезы, да как начнет плакать, да как кинется, голубушка, обнимать Авдотью Ивановну, так вся и дрожит, так и хватается Дуняше и за плечи, и за голову, так и прильнула к ней, так и впилась в нее устами. Насилу-то ее Дуняша успокоила.

Было же потехи и с зеркалом! Уж она перед ним и так-то встанет, и этак-то пригнется, и косу-то рассыплет всю по плечикам, и ручки-то над головкою сложит и все-то спрашивает: хороша ли она, да не противно ли ее улыбающееся личико? А то схватит зеркало и поставит его перед Дуняшею, а сама с боку все заглядывает. Наконец Дуняша успела ее успокоить.

На этот раз Авдотья Ивановна воспользовалась случаем и, так как рука по локоть была обнажена, указала взглядом на черные пятна. Красавица не совсем вразумительно поняла значение этого взгляда. Тогда Авдотья Ивановна пальцем прикоснулась к пятнам и спросила, что это такое?

Веселенькая, резвая доселе красавица, вдруг, как плотно, побледнела. Когда хозяйка повторила свой вопрос и уговаривала ее рассказать, отчего эти три черных пятна у нее сделались; султанша наша сначала все крепилась, но чем больше толковала моя многоглаголивая половина, тем лицо султанши

принимало все более и более тревожное выражение. Авдотья Ивановна все думала, что вот она сию минуту так и выболтает вероятно свою тайну, но та напротив, откинулась от подушки, быстро присела на перину и еще быстрее того прикоснулась рукой к устам Авдотьи Ивановны:

– Миле!.. Душке!.. Дужи моя!.. Поджалюста мальшай... Ни нада… Ниту можине калякить.

И потом, страшно сверкнув глазами и как тигрица встрепенувшись, она глухим, отчаянным голосом сказала:

– О, это?.. Это?.. Тут! Тут!!!

Она левой рукой показала на таинственные пятна и потом сильно стала колотить себя в грудь.

Так моя Авдотья Ивановна ничего и не узнала. Она постаралась только успокоить и обласкать несчастную женщину и больше ее о пятнах уже не спрашивала. Не следующий день новые подруги не имели случая оставаться вдвоем без посторонних, да признаться сказать, Авдотья Ивановна и не искала этого случая. А через день после того красавица-султанша из аула уехала вместе с мужем.

После разъезда всех гостей, мы с Авдотьей Ивановной еще долго гостили у киргизов; особенных происшествий с нами никаких не случалось. Мы благополучно домой воротились – прочее вы уж знаете. Стало быть, теперь очень можно и порешить мои «Записки», я же на днях опять в отъезд отправлюсь.

Прощайте, милостивый государь, не вспоминайте меня лихом.

Яков Жарков

Библиотека для чтения. Журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. 1854. Т. 124. Ч. 2. С. 211–244; Т. 125. Ч. 1. С. 82–104; Ч. 2. С. 184–228; Т. 126. Ч. 2. С. 203–260.

[Записка оренбургского купца Д. У. Белова о хозяйстве, домашнем быте, обрядах и обычаях казахов долины Сырдарьи. 10 февраля 1869 г.]

Имею честь донести о исследовании мною о нижеследующем в Императорское Русское географическое общество о киргизской промышленности и обычае при реке Сырдарье, что мною исследовано и описано не на умозаключении и не от посторонних собранием сведений. А находясь по торговым делам более десяти лет в сырдарьинских киргизах и в продолжение пребывания в них, ознакомился с обычаем и нравом и при всяком удобном случае не упущал из вида описать с практики обычаи или промысел, нисколько не увеличивая, также не уменьшая и без всяких юридических выражений. Без сомнения, в моем исследовании и описании есть неудовлетворительности, но это причиной недостатка юридического образования.

Киргизы ныне разделяются на три части орд. Первая часть из них называется Большая часть орды, на киргизском языке – *Улы джуз*, Средняя часть орды – *Урта джуз*, Малая часть – *Кшы джуз*. Эти части орд из одной семьи, от одного отца по имени Жаильгана, от которого родилось три сына. И из трех сыновей – от старшего, среднего и младшего поколения, которых кочуют: старшего брата – в семипалатинских степях, среднего брата – промежду Троицком и Туркестаном, младшего – от форта Перовского и до Оренбурга; а так как мне более знакомо поколение киргизов младшего брата, о котором и буду ознакомливать читателя.

От *Кишы-джуза* родилось два сына: Алим и Чумен; от Алима – четыре сына: Урус, Дюрьтькара, Булюк, Читарву; от Чуменя – три сына: Срым, Кульдей, которые ныне называются чумикейцами, и Аю. От Алимовых четырех сыновей: от старшего Уруса – Айдарбек, Исеньалы и Булюк; от Дюрьтькары четыре сына – Куламан, Аккииз, Култас, Бакчак. От Булюка – Тлеу, Кабак, Назар, Чурень, Ужрай, Кете, Каракисек; от Читарву – Жагалбайли, Тама, Табын, Баиль, Ссык, Адай, Алача. От большого сына Урусова Жакима родилось шесть сыновей: Асан, Кулюмбет, Берьндынкул, Баимбет, Кулумбет, Коскулак; от Айдарбека – Ардана, Алтынбай, Клюк, Татран; от Исеналы – Кычкыне, от Кычкыни – Асан, Усен, Болван, Куттук, Курманай. И так далее поколение киргизов развилось до большой массы и ныне разделяются на рода, но поколения из этих родов нет более и многолюднее Алимова*.

Которые из телосложения средственного и коренастого, разве голова соразмерна туловища; из числа женщин более меньше есть ростом мужчин, у мужчин сухощавости очень мало, из алимских киргизов встретить сухощавого редкостью. Цвет тела смуглый, глаза прорезаны прямо горизонтально, цвет глаз черный и серый, волосы, как у мужчин, так и женщин грубо-черные и толсто-густые; бороду носят лопатой и клином, усы выбривают скобкой. Нос прямой с открытыми ноздрями, губы тонкие и резко очерченные, направлены книзу, горло кадыковато. У киргизов мужская красота считается смуглого лица, черная лопатообразная борода, густые брови, белые зубы и одутловатое лицо с тихой физиономией**. Женская красота считается полнота телосложения, полного круглого лица смуглого цвета с большими черными глазами, густыми большими бровями и ресницами, с мелкими белыми зубами и тонкими губами. Мужчины сильны, но в движениях вялость, в работе ленивы, неповоротливы, при ходьбе покачиваются со стороны на сторону, наклоняются наперед и любят ходить медленно,

* На рода ныне киргизы разделяются так: например, дюрьтькаринского рода куламанова отделения, что видно выше, что от Дюрьтькары родился Куламан.

** Киргизы рода читарву бывают из лица широколицые, много похожи на калмыков.

сидят на корточках или сложа ноги под себя. Женщины ходят побыстрее, туловище держат прямо, руками как мужчины, так и женщины не размахивают. Безобразие считается у киргизов цвет тела и лица белого, что у нас называется блондин с рыжими или русыми волосами и бородой, толстыми губами, большим ртом, черными зубами и с широким лицом, которые у киргизов называются *сары*.

Киргизы восприимчивы впечатлением быстрым движением, громким восклицанием, от робости происходят к огорчению; настойчивы к исполнению предпринятого, весьма любопытны с выказанием, что более о всем хотят знать, обнаруживают пытливость при встрече с предметом, желают знать его сущность; но способности понимания и переимчивости нет, выказывают к каждой перемене отвращение и упорство с желанием удержаться в привычном прежнем положении. В киргизах-алимцах склонности к развитию себе грамоты нет. Школ, основанных по собственному желанию, тоже нет. Если и обучают, весьма редко и то дома, т. е. в своих кибитках, с платою за ученье в год одну лошадь или четыре барана с мальчика. Киргизы волосы бреют гладко, женщины волосы носят, заплетая в восемь и шесть кос; мужчины носят на головах тюбетейки или обертывают платком, женщины навертывают на голову из белого миткаля чалму.

Киргизы живут, разделяясь на аулы; каждый аул составляет из числа четырех, шести и восьми кибиток; аул располагается в нескольких шагах кибитка от кибитки по разным направлениям. Кибитка устроена как и у калмыков. Самая большая кибитка делается из двухсот сорока палок, а меньшая – из ста двадцати, крест-накрест каждый промежуток клинообразно в четверть сшивается сыромятной кожей. Из двухсот сорока палок кибитка сшивается на шесть частей, и эта каждая часть называется по-киргизски *канат*. Изнутри кибитка наружу выпукловата, кибитка ставится, ставя каждую часть одна к одной, сращивая часть к части веревкой; и так из числа частей образовывается круг решетчатой загородкой. Верх кибитки делается из большого круга, в который вдалбливаются четыре палки одна к одной крестообразно выгнутые кверху, что называется по-киргизски *чигарак*. Чигарак вверху укрепляется через по-

средство выгнутых наружу кибитки палок, которые палки по-киргизски называются *ок* и эти палки укрепляются – один конец к нижней загороде, привязываются бечевками, а другой конец втыкается в *чигарак* в выдолбленные для них места, вверху каната, где укрепляются палки *ок*. Связывается весь объем кибитки половиком, тканым из цветных шерстей или бумаги, что называется по-киргизски *баскыр*, потом покрывают кошмами или войлоками, вверху заворачивая один угол кошмы для света. Дверные косяки к палкам кибитки прикрепляются бечевками, занавес, заменяющий дверь, делается из продолговатого войлока и укрепляется вверху веревкой, что и дает форму всей кибитке татарской тюбетейки.

Внутри кибитки вырывается посередине неглубокая яма для развода огня, на которую ставится таган с котлом, в котором варят пищу. На правую сторону стелется постель старшего члена семейства из толсто сложенных войлоков, возле постели кладется в свободное время котел и вся домашняя посуда, как-то: кадка, сделанная из мелких палочек, которая называется по-киргизски *кубе;* чашки деревянные, также и блюда, употребляемые ежедневно. Наверху привешивается к кибитке вроде широкого мешка сумка, которая называется *аяк кап*, где кладутся чашки и ложки; под этой сумкой кладется из кошмы небольшой мешок вроде чемодана, что называется *баш кап*, в котором держится соль. В самом переде кибитки кладутся сундуки и связанные ковры или войлоки, одежда, как-то: халаты, тулупы и прочее. Возле сундуков или тюков постилается ковер или войлок для сидения, приложимый во время зимы. На левой стороне кибитки внутри привязываются телята и ягнята. Мебели в кибитке не бывает, ни стола, ни стула, также и кроватей. Загород для баранов городится сбоку кибитки, который по-киргизски называется *ак тырма*. Пристроек и более загородей у кибитки никаких не бывает. Во время зимы некоторые кибитку кругом загораживают камышом; сбруй у киргизов, кроме седла с прибором, никакой нет.

Мужчины-киргизы во время зимы окончательно оставляют все работы, только присматривают за скотом; женщины собирают дрова, тож большею частью присматривают за скотом. Женщины приготовляют пищу и обиходуют круг кибитки,

очень редкий киргиз сам себе оседлает лошадь, более все женщины, а мужчины проводят зиму как барсуки в своих норах со своей наполненной табаком табакеркой, которая называется по-киргизски *чахча*, не выпуская из рук; очень редко выезжают в какой-нибудь аул, чтобы только наестся мяса, или услыхать каких-нибудь новостей, или по необходимой надобности.

Весной сырдарьинские киргизы даже все вообще приходят в движение, состоятельные аулы кочуют изо дня в день с места на место, чтоб для скота был свежий подножный корм, так как богатые из них преимущественно занимаются скотоводством, и вся их промышленность заключается в скоте. Бедные киргизы остаются на берегах Сырдарьи, которых киргизы называют *жатак* или *игынши*, которые более или преимущественно занимаются хлебопашеством. С апреля первого и позже начинают засевать ячмень, по засеву ячменя – пшеницу, за пшеницей – просо и так продолжают до июня последних чисел. Под ячмень и пшеницу землю приготовляют с осени, напущая на зиму воды на низменные места из канав, проведенных из Сырдарьи верст на десять и на пятнадцать. Канавы на киргизском диалекте называются *арык*. По сходу снега вода впитывается в землю, и землю оставляют до тех пор, покудова привянет, чтоб не вязли лошади. Потом начинают распахивать. Под просо до распашки землю полют от трав, что называется на киргизском языке *утак;* по очистке от травы земли, из канав поят до тех пор, покудова земля делается сочной. Распашка земли и засев семенов делается таким образом: прежде всего делаются борозды. Борозда от борозды пропахивается аршина на два и реже, что называется по-киргизски *тап*. Нарезав борозды, начинают засевать семена, хотя бы земля никогда не была распахана. Засеявши семена, начинают пахать по направлению, как проложены борозды; землю впахивают в три вершка глубины, распашка земли делается одной криулиной, манер похожей на русскую соху, которая у киргизов называется *джир агач*. Этот джир агач делается из криулины, более кривее конец, который из них способнее входить в землю, делается вниз; посередке криулины вдалбливается шест, который заменяет оглобли, заклинивается с обеих сторон на конец криулины, который взрывает землю, надевается вроде русского сошника с литою из

чугуна, вершков в шесть длины и вершка четыре ширины, наконечник, который называется по-киргизски *трень*, который куется из железа. В джир агач запрягают по две лошади или верблюдов и быков, а хомутов не надевается, как на лошадей, так и на прочий скот. Лошадям обертывают шеи войлоками или тряпками, что заменяет хомут, на это накладывается в два с половиною аршина длины отрубок дерева, толщиною в два с половиною вершка; в отрубок сверху вдевается четыре палочки, промежду которых вкладываются шеи лошадей или быков и верблюдов и укрепляются под горлом, стягивая палочки одна к одной бечевкой, что принимает манер похожий на бычье ярмо, у киргизов называется *муин агач.* Более никакого прибора и сбруи не бывает, подобного рода пахательного снаряда весьма неспособна для лошадей и неспорна в разработке земли. Борон у киргизов не бывает, за место бороны употребляется в аршина три шест, к которому укрепляется с обеих сторон концов шеста веревки, а другие концы прикрепляются узлом на отрубку дерева, лежавшему на шее лошадей, т. е. к муин агачу. Промежду лошадей особая веревка привязывается к муин агачу, чтоб держаться на шесте киргизу, потом начиная водить лошадей, таская шест пластом, и этим разбивают большие комья земли и разглаживают вспаханную землю. В распашке земли тож вожжей не употребляют.

Хлеб, ячмень и пшеница поливается два или три раза в лето: первый раз по всходе хлебов; второй раз тогда, когда хлеб взойдет ростом в четверть; третий раз, когда начинает колосить. Пшеницу и ячмень никогда не полют, просо полют раз в лето по всходе ростом в четверть. Овса, гороха, гречиху на Сырдарье киргизы не сеют. Урожаи хлебов бывают: плохой урожай – семь пудов сам осьмой, средственный – четырнадцать пудов сам пятнадцатый, хороший – семнадцать пудов сам осьмнадцатый; просо завсегда не в пример сильнее. Семенов высевают на десятину пшеницы – шесть и семь пудов.

Жатва хлеба начинается с ячменя. Ячмень начинают жать в последних числах июня, ячмень жнется серпами, в снопы не вяжется, а прямо кладется на расчищенное место, которое называется по-киргизски *курман;* кладется круглообразно, в середке заколачивают кол, за кол привязывается петлей веревка,

чтоб могла вольно обертываться вокруг кола, а за веревку привязываются лошади или другой скот и продолжают молотить, т. е. выминать семена. После уборки ячменя жнут пшеницу, но пшеницу частью вяжут в снопы, молотят так же, как и ячмень скотом. Просо начинают жать с первых чисел августа, уборка проса делается так же, как и ячмень и пшеницу. Уборка и жатва преимущественно делается мужчинами.

Хлеб у киргизов в мешки не ссыпается, а на месте хлебопашества из каждого рода берутся два или три киргиза сохранять общественный хлеб, с платой им из сорока один батман* им две чашки в пользу их, батман составляет десять фунтов, чашка – пять фунтов. Караульщики хлеба у киргизов называются *урачи.* Склад хлебов делается следующим порядком: урачами выбирается местность высокая и песчаная; местность высокая выбирается потому, чтобы не могла вода подойти во время осени, так как на всех хлебопашных местах проведены из Дарьи *арыки*, т. е. канавы, и из канав во время осени никуда воду не употребляют по напущении на пашные места. А песчаную местность выбирают потому, чтобы хлеб не мог много принять влаги, и для хлеба вырываются круглые ямы, тщательно гладко вычищены, которые называются у киргизов *ура;* в уру вмещается пять и восемь пудов хлеба. Более обширнее яма называется *камба*, в которую вмещается хлеба от тридцати до шестидесяти пудов.

Сверху же по посыпке хлеба накладывается на хлеб солома и сверху соломы заваливается землей; и в таком положении хлеб может лежать до мая последних чисел. Но у киргизов весьма редко бывает на руках до мая месяца, потому они раздают к весне заимообразно к неимеющим хлеба; а когда хлеба мало, то дают друг другу, чтоб за пуд отдать полтора или выплатить новым – полтора пуда. При продаже и займе хлеб у киргизов не вешается, а меряется чашкой, которая называется *аяк;* и эта чашка устанавливается по согласию рода, две чашки составляет батман, а батман, как говорится выше, составляет десять фунтов. Покупка хлеба у киргизов более производится

* В Хиве введен вес, тож на батманы; большой батман составляет два пуда, а малый – пуд десять фунтов.

на баранов, на войлоки или на другой какой скот; а на деньги – весьма мало.

Сенокос у киргизов начинается в первых числах августа, по уборке ячменя и пшеницы. Так как на Сырдарье сенокосных лугов очень мало, то киргизы жнут камыш серпами, по сжатии камыша расстилают его и дня три сушат, и когда камыш просохнет, окончательно сделается безсочным, вяжут в снопы и складывают в копны по тысячи снопов или по пяти тысяч; копны обкапывают канавой, чтоб не мог подойти скот. Сенокосом занимаются вообще мужчины, продажа сена производится тож на скот счетом снопов.

Огородничеством киргизы занимаются посередке апреля, таким образом землю взрывают, по-киргизски называемым *кекпенем*. Кекпень, похожий на самую большую лопату полукруглую, черен насаживается аршина полтора с пластинного бока, и такое орудие весьма способно к разработке земли, которым киргизы землю рубят с размаху, как точно топором, по взрытии земли гряд не делается, прямо в взрытую землю зарывают семена дынь и арбузов и тыкв, в лето поливают три-четыре раза. Огурцов, моркови, редьки, репы, картофеля у киргизов не садится, года два тому назад морковь и лук начали сажать. Местность для огорода, а по-киргизски *бахчи*, выбирается песчанистая, арбузы употребляют свежими и никогда не солят, дыни тож употребляют свежими, на зиму запасают вяля на солнце, изрезывая ломтями; когда провялится, плетут вроде веревок в аршин и аршина два длины, потом складывают в мешки и что лежит весьма долго, не портится; тыкву киргизы употребляют вареную, кочующие в глуши киргизы дынь и арбузов не едят.

Киргизы рыболовством занимаются, как говорится, промежду дел, чтоб не быть праздным, небольшими бреднями, что называется у киргизов *ау*, но только по озерам и канавам, в Сырдарье рыбачат черпаками, что называется *сузгеч*. Сузгеч делается так: к довольно длинному крюку прикрепляется обруч, к обручу привязывается веревка, другой конец веревки рыбак держит в руках, чтоб вода не могла своим течением сломить обруч. Весьма часто встретите бедного киргиза по вскрытии льда в Сырдарье, сидящего на берегу и черпавшего по воде сузгечем лещей, как точно из садка. Эти снаряды приготовляются

как бредни, так и черпаки из льняного тика и холста, выдергивают нитки и ссучивают четыре нитки вместе, вяжут сами. Летом в свежих водах рыбачат острогами, что называется у киргизов *чаньшка*, которой весьма ловко и удачно, завидя рыбу, киргиз бросая свою чаньшку на расстоянии сажени три, попадает в рыбу и убивает. Чаньшка вроде маленьких железных вил с тремя рогатками и как удочки с небольшими ушками, черен – длиною аршина три. Рыбу употребляют без всего, варя в котле, и также запас делают, немного посоля, вялят. Продажа рыбы также производится счетом.

Киргизы звероловством занимаются вообще состоятельные, волков стреляют пешком и с лошадей из ружей и затравливают собаками. Травлю делают таким образом: завидя волка – пускают собаку, собака догоняет волка, задерживает, не давая волку бежать прытко. Киргиз, догоняя на лошади в руках со здоровой палкой, но у киргизов более в употреблении здоровая нагайка, и убивает волка. Также ставят капканы, для лис более ставят капканы; и травят опытными гончими собаками, также и ястребами.

Как беркутам, так и ястребам перед выездом на охоту сутки не дают есть, и перед самым выездом пересыпав мелкими квасцами вату, проталкивают в горло, что побуждает после такой операции беркута рвать и у беркута на желудке делается пусто. Выезжая на охоту, беркуту и ястребу надевается на голову из кожи чехол, чтоб он не мог видеть окружающих животных, так как он бросается голодный на все, как собака на ворон. Беркут у охотника постоянно сидит на руке. Во время охоты, когда киргиз завидит лису, с беркута с головы снимает чехол и пускает вверх. Лиса, увидя беркута, становится на одном месте распустя хвост кверху, с умыслом обмануть беркута; а если близко нора, то старается скрыться в нору. Но беркут, расправя свои крылья, пускается быстро на лису и впивается когтями в лису, начиная долбить своим клювом в голову; охотник подскакивает и отнимает у беркута добычу. Беркуту снова надевают чехол на голову и сажают на руку, и так далее продолжают охоту; но беркутов и ястребов в каменистом месте не пускают, потому что лиса прижималась к камню и кладет, распустя на камни, свой пушистый хвост, беркут или ястреб часто

ошибаясь за место туловища опускается сверху быстро и убивается об камень до смерти.

Хорошими беркутами ловят и волков. Беркут, налетая, садится волку на хребет, впиваясь одной лапой в зад, другой – в голову, и таким образом усиливаясь волка стянуть в кольцо, задерживает от бега. Волк, если охотник в дальнем расстоянии, старается освободиться от своего противника из когтей, ложится, но все-таки редко освобождается из когтей беркута, потому при новом побеге волка беркут садится еще волку на хребет и продолжает прежнюю работу; и охотник нагоняет верхом на лошади и убивает волка. Хороших беркутов тоже не пускают на волков, где растет так называемый саксаул, род леса; потому беркут, старясь удержать волка, впивается одной лапой когтями в волка, и другой лапой, стараясь удержать волка, хватается за саксаул или другое растение, входя в азарт, и в таком случае разрывается, оставляя одну лапу в волке, а другую – на растении; но подобных беркутов бывает весьма мало и ценятся у киргизов верблюда по два и более.

Лис и волков также окармливают мясом. Кормят козла в ячмене кучелябой до тех пор, покудова козел [не] издохнет сам, или в издохлого барана или козла нарезают кучелябы и[ли] в середку мяса начиняют кучелябой, зарывают в землю, держат до тех пор, покудова мясо начинает гнить. Мясо это кладут где бывает зверь; лиса или волк, наедаясь этого мяса, происходят судороги и издыхает, отбегая на небольшое расстояние.

Сайгу, т. е. сайгаков, ловят таким способом: в безводных степях, где их бегает много, накапывают небольшие кучки земли загородкою в полукруг, оставляя с одной стороны вход гладко, втыкая крепко в каждую кучку по палочке травы чия, эта трава род весьма крепкого камыша. Заметя табун сайги, киргизы верхами к приготовленному по направлению месту гонят табун, и сайги табун из числа большего количества, как говорится, стремглав бежит на эти палочки и, сильно натыкаясь, падают; так что из табуна остается жертвой семь и восемь сайгаков. Сайгаков также стреляют из ружей. В летнее жаркое время, заметя, где сайгаки прибегают к воде на водопой, киргиз в самые полдни берет ружье и садится на это место, так как сайга пьет воду в самые полдни в час или в два, и табун сайги

бежит с поспешностью утолить жажду. И в эти часы сайгаки не могут разглядывать вперед на небольшое расстояние даже крупные предметы, и в этом разе охотник получает вознаграждение, с одного выстрела одно, и если удачно, двух сайгаков из каждого табуна; потому сайга ходит отдельными табунами.

Скотоводством занимаются те киргизы, которые откочевывают с берегов Сырдарьи. В апреле месяце скот начинает плодиться, как-то: верблюды, лошади, бараны. Верблюжат маленьких на солнце не оставляют, а берут в кибитку и держат до трех дней в кибитке, потому верблюжонок на солнце лишается зрения. Верблюжата маленькие бывают весьма забавны, собираясь небольшими табунами, играют и прыгают, и весьма послушны на крик матери и человека. Жеребят маленьких с матками не пасут, а особо; и в большом количестве пускают с матками. Ягнят от матерей пасут особо, в день подпускают три раза: поутру, в полдень и вечером. Шерсть с верблюдов снимают в мае месяце, кургашков стригут в августе, старых баранов стригут в сентябре. Стрижка баранов называется у киргизов *кузем;* в июле месяце баранов купают в речках или из колодцев, а лошадей – в сентябре, что называется *тогут*. Из бараньей шерсти валяют кошмы, или войлоки; из верблюжьей шерсти сучат нитки и ткут узкую материю – армячину, из которой шьют халаты, т. е. армяки. Жабага с баранов снимается в первых числах июня, которая у киргизов идет на веревки и на подкладку в одежду заместо овчины, на которой шьют вроде длинного пальто, что называется *купе;* веревки также и из конского волоса, а жабага более идет в продажу русским купцам.

Киргизы также на Сырдарье занимаются, имеющие верблюдов, извозом; берут тяжесть с Сырдарьи до Оренбурга, из Оренбурга – обратно до Сырдарьи, с Сырдарьи – в Бухару и Хиву и обратно. На верблюдов кладь навьючивается по осьмнадцати пудов и с таким вьюком из Оренбурга до Бухары доходят в пятьдесят и шестьдесят дней. Самый ценный скот у киргизов – верблюд, за исключением хороших лошадей-скакунов. Киргиз-извозчик, запасая себе в дорогу пищу и мясо и пшена или муки, более ничего, в полночи встает, навьючивает на верблюдов кладь и идет до двух часов пополудни; останавливается сварить себе пищу, покудова варится пища – вер-

блюдам еда дается; и киргиз, навьюча, еще продолжает путь до ночи. Ночью в зимнее время киргиз расчищает снег до талой земли, на талой земле на ночь кладет верблюдов или подстилает под верблюдов кошмы.

Переходы делаются в летнее время с утра до ночи, не кормимши по дороге в Бухару и Хиву в безводных степях. Из кожи в шитые мешки или в цельную снятую кожу с козла запасают воду и ведут лишних верблюдов с запасом воды с собой. Такие мешки называются у киргизов *месь*, но воды в таких местах верблюдам не дают и идут день и ночь безостановочно, давая самый малый отдых верблюдам. При случае, если в безводных местах падет верблюд, то навьючивают на одного верблюда двадцать семь пудов, а если верблюдов падает много и поместить кладь некуда, то кладь бросают в степи и путь продолжают далее. Выходя из безводной степи, утолив жажду верблюдам, обратно идут за брошенным вьюком. Верблюдов, выходя из безводной степи, в скором времени не поят, а выстаивают, а если по приходе в скором времени допустить до воды и дать довольно верблюду напиться, то он дохнет, в особенности в жаркое время. Верблюдам в пути, если пронашивается у верблюда у лапы подошва, то стопу подшивают кожей. Верблюды в дороге требуют большого обихода, при малейшей ранке на спине верблюд под вьюком ложится. Верблюд извозчику-киргизу в дороге во время зимнего бурана в ночное время служит или заменяет теплую постель, при больших буранах на голой степи киргизы кладут верблюдов – верблюд к верблюду и сами ложатся промежду верблюдов, к верблюду под бок, и верблюд в продолжении ночи пролеживает, не шевелясь с места. Часто их заметывает снегом, так что не видать у верблюда головы, одно только небольшое остается отверстие, куда верблюд дышит.

Также киргизы занимаются чеботарством, шьют сапоги, потники, седельные подушки; но это ремесло приносит пустую пользу ремесленнику. За работу пары сапог платятся одним батманом хлеба, а за франтовские или щегольские сапоги – одним кургашком. Сапоги шьют не дратвой, а бараньими или бычьими жилами. Жилы приготовляют, сушат на солнце и после раздирают на мелкие прядки, которые сучат в нитки. При шитье сапог вместо вара употребляется из спинной бараньей

кости мозг, которым натирают нитки; и также шьют сученными нитками из хлопчатой бумаги. Сапоги шьются у киргизов из толстой кожи, красной юфти, которая называется по-киргизски *булгара;* в щегольские сапоги прошвой вшивается зеленая кожа азиатского изделия, называемая по-киргизски *саур*, или вышивается шелком, и также медной проволокой, но самой тонкой. Подбор делается у щегольского сапога высокий, прибивается деревянными шпильками и делается железная планка, которая служит распоркой, чтоб подбор не мог стаптываться наперед; также прибивается размерно подбору железка или подковка. Носки делают у сапога вострые, оставляя наружу на носке сапога мухор востроообразный из юфти, сапоги не чернят и шьют на мездриную сторону. Шило у киргизов прямое, кончик разбивается плоско, при шитье сапог щетина не употребляется, а вместо щетины заменяет иголка. Сапоги шьются на колодках, чеботарь по-киргизски называется *итыкчи*.

Также из числа киргизов занимаются изделием серебряных вещей, как-то: ручных колец, женских серег и пуговиц, и седельный прибор, удила и к седельному прибору пряжки, также стремена делают из железа и покрывают серебром мелкими узорами; мелкий набор к седельному прибору выливают из серебра в формах, крупный набор выбивают молотком на вару разными узорами; позолотку делают через огонь, также работают калты с кушаком, которая по-киргизски называется *ксе*.

Серебро очищают или выработанные вещи вываривают в котле в квасцах, что заменяет и полировку; это ремесло у киргизов вознаграждает труды: за работу седельного прибора платят по одной и две лошади, смотря по качеству. Но отделка вещей бывает не чистой работы, серебряк у киргизов называется *зерьгерь*.

Киргизы также занимаются кузнечеством, работают железо для сковки лошадей, разные мелкие вещи, как-то: щипцы для углей, мотыги, кекпени, таганы. За работу кекпеня или тагана платят по старому барану, но это ремесло у киргизов пользы не приносит ремесленнику, остается за издержкой небольшое за труды вознаграждение. Кузнецы у киргизов называются *тимирчи*.

Выделкой овчины [и] мерлушки киргизы не занимаются преимущественно одним и не считается искусством или ремеслом, а выделывают для потребности своих семей сами женщины; заквася овчину или мерлушку в жидко разведенную муку, вынув из муки, обливают кислым молоком, держат сутки и когда просохнет, выминают руками, а мездру очищают мелкой слюдой. Также женщины из шкур козла выделывают и красят так называемые по-киргизски *жаргаки*, из которых шьют шаровары. Мыло варят женщины тож для себя сами в котлах из разных костей, прибавляя травной золы; но мыло бывает не мылкое, много похоже на шквару, т. е. на вытопку сала. Масло скоромное бьют тоже сами из бараньего и коровьего молока в кадках, которые называются у киргизов *кубе.* На конец палки привязывается лоскут кошмы или приделывают к палке крестообразно палочки, и этой палкой бьют беспрестанно, покудова собьется масло; по сбитии масло просаливают и складывают для хранения в баранью требушину. В продаже коровьего масла у киргизов каждая требушина, наполненная маслом, ценность имеет одного барана, также и продают на пуды.

Столяров, слесарей, также плотников у киргизов окончательно нет, ремесло плотничества у киргизов заменяет деланием кибиток, но кибитки делаются без топора, а вместо топора употребляется ножик. Дырочки в палках прожигают железом или провертывают шилом, палки выгибают, распаривая в горячей золе; обделанную и совсем обстроганную палку красят красной краской. За обработку палок, за употребительное число в кибитку, платят по два и по три барана.

У киргизов к роду промышленности принадлежат из числа праздных людей те, которые занимаются рассказыванием сказок нараспев в рифму о старинных происшествиях или небылиц, свойственных русским сказкам, именно: Бову-королевичу или Руслан Лазарычу и подобных; тако же песельники-ворожеи, которые заменяют больным лекарей, и отгадчики будущности или прошедшего. Рассказчик сказок и он же – песельник у киргизов называется *жырчи*, которые по приглашению или без приглашения приезжают к достаточному киргизу в руках со своей длинной двухструнной балалайкой, которая называется у киргизов *домбра*, начинает играть на балалайке и припевать

под звук струн небылицу, что называется у киргизов *ырытеге,* или песню, называя хозяина кибитки или присутствующего гостя, за что получает халат или барана. А при больших и значительных свадьбах или празднествах у богатых киргизов дают по лошади или баранами, також дарят и гости.

К ворожеям прибегают киргизы, если пропадет скот или захворает человек; ворожей киргизы называют *баксы.* Баксы, приходя к больному, наигрывая на инструменте вроде скрипки, такой инструмент у киргизов называется *кобыз*, с припевом под звуки кобыза и делая разные восклицания, сзывая по имени нечистых духов, которых киргизы называют *жин*, и от которых спрашивают, чем можно вылечить больного, и подобно суеверным умыслом обманывают больного семейство, только чтобы на то получить. Об пропаже некоторые изредка отгадывают и предсказывают, где найти вещь или скотину, также отгадывают какой шерсти пропала скотинина; но это случается весьма мало и редко. Ворожеям искусство передается от отцов, некоторые наследники такого шарлатанства своим наследством владеть не умеют, будто бы потому, что не слушаются его нечистые духи, т. е. *жин.* Также и гадают на гальках или на бараньем кале, которые у киргизов называются *кумалакчи*, раскладывая по кучке, раздвигая на две кучки всю массу кучек, из массы делаются девять кучек, и сколько попадет в каждую кучку количества галек или бараньего кала, заключение делают согласно счету выпавших галек на кучку. Но на бараньем кале гадают, чтоб кала было из одного барана, а из разных не годится; подобное гаданье сходственное гаданью на бобах русскими. Киргизы также гадают, обжигая на огне баранью переднюю лопатку. Вынувши из огня, дают лопатке простыть, потом ворожея смотрит на обожженную лопатку, по каким направлениям растрескалась лопатка; смотря по щелям, рассказывают будущность или прошедшее, но рассказы весьма редко сбываются.

Киргизы торговлей не занимаются, хотя и некоторые и продают баранов, но не на деньги, а отдавая молодого барана, чтоб получить старого или за одного старого двух молодых; крупный скот промежду собой продают также на баранов. У киргизов также к роду промышленности принадлежит коновство, или воровство скота, этаким человеком киргизы не

гнушаются как негодяем; в особенности тому назад лет восемь, уворовавши скот под Бухарой или Хивой, пригоняли сбывать на Сырдарью, также с Сырдарьи сбывали в Бухаре и Хиве.

У киргизов пожилые мужчины платье носят зимой, рубашку из бумажного холста, по-киргизски называемый *мата**, которая вывозится из Бухары и Хивы. Рубаха шьется длинна и широка, длиною до колен, рукава шьются длинны и широки, воротник шьется большой, фасоном похожий на воротник русского тулупа; на головах носят тюбетейки. Верхняя одежда – овчинный или другой тулуп с воротником, похожим на воротник спального халата, сверху надевается армяк или халат бухарского или хивинского шитья, или из верблюжьего сукна, подпоясываются ремнем с калтой; причем на ремне привешивается в ножнах ножик, сзади привешивается на ремень круглая пороховница. Одежду запахивают на левую сторону, сапоги носят из красной юфти большие, носки остроконечные; ноги обертывают онучами или портянками, тканными из бараньей шерсти, в сапоги кладут из кошмы стельки. Шаровары носят из выделанных шкур козла, называемы по-киргизски *жаргак*, или из русского бумажного трека; верхнюю одежду запускают в шаровары, штанины носят из голенищ навыпуск, носят запуская и в голенища.

Молодежь носит рубахи однофасонно с пожилыми мужчинами, но только из ситца розового или пунцового цвета с крупным или мелким узором. Воротник шьется больше, чем у матовой рубахи, под горлом, как у пожилых, так и у молодых пришиваются завязки или круглая пуговица; разрез делается спереди большой. Щеголи воротник обшивают позументом или бахромой, подштанники носят из мебельного пунцового ситца широкие. Ситца в рубашку идет восемь аршин, а в подштанники – шесть аршин. Голову обертывают бумажным платком или шалью, також и носят тюбетейки. Верхнюю одежду надевают так называемую по-киргизски *купе*, вроде русского пальто со стоячим воротником, воротник опушается выдрой, сверху надевается цветной халат или суконный яркого цвета. Шаровары носят, как и пожилые мужчины, но щеголи шаровары шьют из

* Мата ткется в Бухаре и Хиве из хлопка, продается куском в семь сажен, кусок ценность имеет 50 коп., и 60 коп., и 70 коп.

пунцового плиса, а богатые – из пунцового бархата или сукна; штанины обшивают позументом или бахромой, сапоги носят на высоких подборах. Подпоясываются пунцовым шелковым кушаком хивинского или бухарского изделия, перекидывая один конец кушака сзади через плечо, завязывают спереди, також опоясывают через плечо крест-накрест, и опоясывают по-русски; также опоясываются шалью или бумажными платками.

На головах носят сверху тюбетеек *малахай* из лисьего меха, опушку малахая делают также лисью, покрывают малахай алым сукном или плисом и бархатом, нашивают крестообразно позумент. Зимняя и летняя одежда одинаковая, но только летом тулупов и купе не носят, а надевают по два и по три халата, а на головах носят из кошмы колпаки или из мерлушки и овчины шапки, а молодые мужчина навертывают на голову шали или обертывают бумажными платками.

Пожилые женщины носят из бухарского и хивинского изделия так называемый по-киргизски *буяк**, вроде синей русской крашенины. Рубаха шьется длинна, но узка, рукава длинные, прямые, как у мужчин, и широкие; воротники пришиваются вроде мужской русской сорочки с отворотом и стоячие из алого плиса или сукна, ворот или прорезь спереди прорезывается до пупка на груди. В рубаху вшивается материя парча бухарского изделия, называема по-киргизски *патчей;* такой вшивок у киргизов называется *унырь*, по обеим сторонам ворота и вшивка обшивается позументом, на грудь к рубашке нашивают кругом большие серебряные пуговицы**. Под горлом, где застегивается воротник рубахи, пришивается круглая бляха из слюды вроде русской брошки; ниже груди на конце прорехи над самым пупком пришивают простое медное кольцо или какую-то медяшку или наперсток. На голову накрывают из белого миткаля или канифаса, сшитый небольшой простыней, угол на угол, что называется у киргизов *уш.* Сверх уша навертывают тож миткаль круг головы чалмой, что называется *жавлук.* Уш выпускается концами сверх головы назад, к концам делается у некоторых из шелка бахрома и пришивают бахрому золотую; и также у мит-

* Буяк – тоже мата, но только красится синькой, продается куском в семь сажен по 70 коп. и 80 коп.

** Пуговицы киргизские женщины носят в величину куриного яйца.

кали, которой обертывают голову, края обшиваются мишурной бахромой, лицевую сторону или позументом.

Сапоги носят такие ж, как и мужчины; женщины носят также подштанники, но узкие; серьги носят из серебра несуразного и большого фасона, длинные. Девицы носят рубашки одного покроя с пожилыми женщинами, из крупного мебельного ситца. На голову навертывают шаль или шелковый кушак, также и навертывают бумажные платки, а в отсутствие из аула, носят и малахай; также надевают шаровары, носят сапоги такие же, как и мужчины, богатые носят ичиги. Верхняя одежда – надевают халат или бешмет, кольца и серьги носят серебряные. Кольца делаются толстые, некоторые вставляют в величину печати сердолик, как женщины, так и девицы носят постоянно на руках серебряные или медные браслеты, смотря по состоянию. Девицы также носят подштанники. Вышедшая замуж молодая носит от одного месяца до года на голове так называемую по-киргизски *саукеле* – длинный колпак, обшитый сукном или плисом, который убирается из серебра мелким набором, по бокам книзу нанизываются на нитки кораллы и жемчуг; у киргизов такой наряд – саукеле ценность имеет от одного верблюда и до десяти. Дети до десятилетнего возраста носят одни лишь рубахи, а летом ходят совсем наги; девочкам в таком возрасте надевают одни лишь подштанники, у состоятельных киргизов детей также водят в рубахах.

Киргизы пищу ежедневную употребляют из ячменя или из проса, варят жидкую кашицу, которая называется у киргизов *куже*. Приготовление делается такой пищи следующим порядком: ячмень или просо жарят в котле, после толкут в ступе, по растолчению ячменя или проса отделяют мякину от зерна, кладут в котел в воду, прибавляя в такую кашицу немного молока или соли; а большей частью употребляют без всего на одной воде, едят такую кашицу – каждый в особой чашке или пьют через край. Также варят из муки называемый по-киргизски *баламык*, т. е. болтушку, которую, вскипятя, употребляют, как и кашицу, горячей.

Роскошное и самое лакомое кушанье у киргизов – лошадиное мясо, из которого приготовляют колбасу, называемую по-киргизски *казы*. Она приготовляется так: вырезывается с

мясом ребро от лошади и вкладывается в кишку, с начинкой лошадьего жира, которая только варится при гостях или при каком-нибудь празднестве. Мясо как баранье, так и лошадье коптят, привязывая к верху над огнем за *шагарак* к кибитке; такое мясо у киргизов называется *суре ит*. При зарезке барана мясо у киргизов варится, не обмывши кровь; при колотии барана кровь из горла на землю не пускается, режут над чашкой, и когда остынет, бросают собакам. Кровь пустить неопрятно на землю считается грехом.

Киргизы весной продовольствуются исключительно одним молоком; приготовление молока делают так: варят, подмешивая воды, в которое немного кладут соли; вскипятя, сквашивают, и кислое пьют чашками, вкус которого походит на русское кислое молоко. Баламык и кашицу тож квасят и употребляют кислой, которых вкус походит на русский ядреный квас.

По примерному расчету, у киргизов выходит в год жизненного припаса на семейство от сорока до семидесяти пудов проса и ячменя. Мясо киргизы преимущественно варят только для гостей, баранов выходит от восьми и до двадцати баранов, смотря по состоянию. Одежды выходит на человека по одному, по два халата, по одной паре сапог и по одной и по две пары белья, по одной тюбетейке; женщинам на голову жавлук пятнадцать аршин миткаля. Соли выходит пуда два в год, которую добывают сами из соляных озер. Подать платили киргизы тому назад с год рубль пятнадцать копеек серебром с кибитки, да с рубль выходило общественного расхода с кибитки; ныне платят оклада с кибитки, смотря по состоянию, от рубля пятидесяти и до пятнадцати и двадцати пяти рублей серебром; а с окончательно бедных, которых киргизы называют *кедей* или *сурло*, не берется ничего. У киргизов прихоть заключается в одном табаке простом, который сами мелят и нюхают без исключения мужчин и женщин, которого выходит на семейство фунтов пятнадцать. Железа выходит пять фунтов в год, выходит из посуды три-четыре чашки, одно-два ведра железных, один ополовник, три-четыре ложки деревянных – и это все последнее покупается у русских купцов.

Киргизы скота мясо, за исключением ишака, употребляют все. Птицу також употребляют, за исключением ворон, воро-

бьев, сорок и хищных птиц; зверя также употребляют, за исключением принадлежащих к хищным, питающимся мясом. Киргизы также употребляют скотское мясо, найдя прирезанною в степи скотину, хотя бы она и была не резана, совсем издохлая; хворую скотину также при издыхании прирезывают и употребляют в пищу мясо хотя бы какой бы ни было болезнью и нездоров был скот*. Верблюдов режут, прирезывая горло в двух местах, возле головы и туловища; а простой скот режут, прирезывая горло в одном месте. Свинины киргизы не употребляют, употребление которого считается большим грехом, богоотступничеством.

Киргизы пищу употребляют постоянно горячую, за исключением молока, дынь, арбузов. Хлеба киргизы не пекут и пищу, какая бы она не была, употребляют без хлеба. Лепешки хотя и пекут, но из пресного теста, зарывая лепешку в горячую золу, переворачивая несколько раз до тех пор, покудова лепешка засохнет; очистив золу с лепешки, которую и употребляют. Также пекут лепешки, раскалив на огне котел, на который, намазав теста, перепрокидывают тестом котел на раскаленные угли и держат на углях до тех пор, покудова тесто на котле поджарится. Такие лепешки употребляются со скоромным маслом и салом или с молоком. Киргизы мясо употребляют, накрошив в чашку особо – сначала съедают мясо, потом пьют бульон чашками.

Пищу приготовляют для своей семьи два раза в день поутру и повечеру, едят сначала мужчины, а потом – женщины. При гостях сваривши, мясо складывают в чашки и подают гостям, не оставляют куска для своей семьи; гости, наевшись, остатки делят присутствующим в кибитке, каждому понемногу, засовывают из своих рук в рот. Такое угощение у киргизов называется *асату*, или дают в руки – подобное угощение называется *саркыт*. Зарезавши барана для гостя, мясо нисколько не оставляют, хотя бы гость был один, кладут всего барана в котел, даже голову и ноги, опалив на огне, варят вместе и голову подают постоянно сверх мяса; если гостей несколько человек,

* Киргизы хворую скотину караулят и при издыхании прирезывают, а если не укараулят, то прирезывают издохлую, и если из горла пойдет кровь, мясо едят, а если уже не пойдет, то бросают.

то из них старшему летами. Свеч у киргизов не бывает, освещение делают, раскладывая посередке кибитки огонь.

Во время ночи, если есть у киргизов в кибитке гости, то гостям постель стелют впереди кибитки, и стелют что ни есть лучшие одеяла или войлоки. Сами ложатся по бокам кибитки, а женатые привязывают к кибитке занавеси, за которыми и спят. Занавесь такая у киргизов называется *чемулдык*, маленьких детей на ночь кладут в ящик, что называется у киргизов *кужебе* или *бесик*.

Киргизы вообще гостеприимчивы, смело можно пускаться в глухую степь, где бы только кочевали киргизы, окончательно без провизии, при каждой встрече аула, слезая с лошади, всходя в любую кибитку, и немедля времени хозяин кибитки делает предложение съесть чашку какой-нибудь пищи; а если остается ночевать, то режут барана, хотя бы гость совсем и не был знаком. И также нет разбора русского с киргизцем, принятие делается равно, кто бы он ни был. Киргизы пренебрегают одними калмыками, потому у киргизов есть поговорка, что калмыки едят людей; калмыками даже принято пугать детей. Киргизы на проезжающего постоянно смотрят с вниманием и ни одного не пропускают, чтоб не расспросить откуда и далеко едет, кто он таков, зачем и по какой надобности едет, что дорого, что дешево, не упущая из вида спросит до последней безделицы. Завидя в степи на расстоянии нескольких верст, киргиз не поленится догнать проезжающего и расспросить о всем подробно; если проезжающий не останавливается, то киргиз хотя бы и не по пути, но едет за проезжающим и продолжает расспрашивать, по расспросе обо всем, поворотив лошадь, и держит путь куда ему надо. Даже киргизские лошади привыкли сами останавливаться при встрече с проезжающим.

Киргизы также ездимши по степи, чтобы не ночевать на голой степи, сворачивают с дороги или с направления верст пять и десять, дабы только не ночевать на степи, а найти аул для ночевья. Подъезжая к аулу, вызывает, не слазя с лошади, хозяина кибитки. Такой вызов у киргизов говорится *кабарлас*, для расспроса: чей аул, какого рода, и по расспросе, хотя бы и не был приглашен, слезает с лошади с оговоркой, что он у них ночует. Такое выражение у киргизов говорится *кунак* или *ми-*

ман. Поставив лошадь, закинув на луку поводья, сам входит в кибитку. Хозяин лошади, когда он в гостях, за лошадью не присматривает, а присмотр лежит на хозяине кибитки, и всевозможные услуги семейство кибитки оказывает гостю. Во время лета, если гостей несколько человек, то в кибитку не слазят, а слазят возле аула, куда им выносится из аула для постели войлоки или кошмы и также пищу. В богатых аулах сначала во время лета подается гостям, каждому, в особой чашке, кобыльего молока, т. е. *кумызу*, а потом мяса. Киргизы пищи не употребляют, купимши в дороге, а все в аулах и также пищи из аулов проезжающему на деньги не продают, если можно купить, то живого барана. По киргизскому обычаю продать пищи, также и брать за ночлег деньги считается большой наглостью; но у киргизов не считается низостью напроситься, чтоб ему подарить чтобы то ни то из вещей, даже делают усиленное вымогательство что бы ни то взять, хотя бы вещь была стоимости большой ценности, и для проезжающего необходимой.

Киргизы во время обеда или завтрака вообще при употреблении пищи не удаляются, а напротив, скопляются более, чтобы получить от обедавшего какой ни то кусок пищи, без чего не уходят; а если обделить хотя по крошке, то расходятся. При гостях, даже хотя и в числе гостей есть женщины, но у киргизов нет стеснения выразиться матерным словом, также и отец в своей семье, хотя бы при нем была взрослая дочь.

Киргизы вступают в брак в седьмом или шестом поколении родства, что шариат и дозволяет входить в брак ближе родством; но у них этого не принято, потому по ихнему обычаю считается неприличным. И если взять из своего рода невесту, то род будет не в согласии, что у киргизов говорится *аще булырсын*, а в брак более вступают с другими родами*. У киргизов вступать в брак нет определенного возраста, невест просватывают даже ребенком по рождении через месяц за десятилетнего мальчика, или высватывают десятилетнего возраста невесту за месячного ребенка. Также женятся мужчины в сорока и пятидесятилетнем возрасте на четырнадцати- и двенадцатилетней

* Киргизы рода кожа в брак входят в третьем и четвертом колене родства, кожинцы принадлежат у киргизов к роду благородных, что говорится у киргизов *ак суюк*.

девушке. Вступление в брак в воле отца и матери, хотя и сын не согласен был взять, но его заставляют брать, также и невесту; но в полном возрасте очень редко, даже можно сказать, что нет и не просватывают девиц, а все ребенком. Также высватывают за сыновей не при полном возрасте.

Случается, что жених, выплатя большую часть *калыну*, но невестин отец будет просить и последнюю часть. Или хотя и калын выплачен сполна, но не отдает невесту жениху, ссылаясь, что у него ничего нет приготовленного к отдаче дочери и этим сидеть с год и более, то жених, подговоря невесту, убегают и по своему обряду обвенчиваются, что у киргизов называется *меке кыиган*. В таком разе жених лишается приданого, на подобный случай смотрят как на обыкновенность. Если у жениха и невесты нет отца и матери, то заступают братья, а если братьев нет, то какие бы не были сродники.

При высватывании невесты условия не делаются, а тут же платится часть калына и читается молитва, что у киргизов говорится *бата*, после чего отказаться бывает нельзя; хотя и откажутся, то заплаченная часть калына остается у невестиного отца. Разводы мужа с женой бывают очень часто по причине ссор или не нравится жене муж, жены уходят от мужей без всего и выходят за другого, но это бывает только в таком разе, если нет у них детей, а если приживши детей, пожелает развестись, то дети остаются у отца. Развод на киргизском языке – *талак*. У киргизов мужчинина мать снохе называется *каиняна*, деверь – *каин*, сноха – *келин*, невестка жене зятя – *худа*, свояк – *бажа*, шурин – *жезде*, сваха – *худача*. Приданое за невестой поступает в собственность мужа – одежда и вещи, а скот поступает в собственность семьи; просватанная девица у киргизов называется *калындык*, а жених – *киеу*. У киргизов семьей и детьми управляет отец, после смерти отца – старший сын и так далее по старшинству. Эта власть передается по установленному обычаю, достояние после умершего мужа остается вдове, а если вдова выходит замуж, то остается детям или деверю; если нет детей, такие вдовы отдаются без калына, и большею частью выходят помершего мужа за брата, т. е. *баде верев*. Киргизы зятей к себе не принимают, как бы он беден не был, а берет невестку к себе в кибитку.

У киргизов семья бывает постоянно согласна, хотя бы каждый член семьи был женат на трех женах, но у киргизов по обычаю введено делать раздел. Имея отец от трех жен сыновей, смотря по состоянию, за каждого платит, высватавши невесту, калын; женивши которого, отделяет его в особую кибитку, не оставляя жениного приданого, а добавляет от себя, по усмотрению своему, скотину, так и второго и третьего, и так далее, хотя бы у отца было семь и восемь сыновей. Но меньшего сына оставляет при себе, не отделяя; после смерти отца, который владеет имуществом и скотом. В семье младший сын или брат бывает важнее, которого киргизы называют *кеньже*, а снохи называют *мурзага*.

После смерти отца и матери, если остаются круглыми сиротами дети малолетние, то у киргизов скотину и хозяйство берут на опеку ближние сродники, а если нет сродников, то знакомые. На опеку передается без всякого совещания общества и без договоров, опекуну за что ничего не платится. Опекун пользуется только от скота молоком и шерстью, и опекун воспитывает малолетних детей у себя до четырнадцати- и шестнадцатилетнего возраста, после чего отдает все имущество и скотину в распоряжение ихнее; но на опеку брать чужому случается весьма редко, потому у киргизов считается целое отделение ближними родственниками, почему более сироты находятся в своей кибитке под присмотром родственника*.

За владение земли в свою собственность бывает та местность, которую разрабатывал прежде прадед или дед и так далее из родни; последнему поступает в собственность также кочевые и сенокосные места. Захваты земли разбираются в случае спора биями при свидетелях или допрашивают пожилых людей, что не припоминают ли что в действительности кому она принадлежит из спорящих. Также бывают споры о канавах, о которых также разбирают бии, и канава дается тем киргизам во владение, которые обрабатывали старики; а если по такому разбирательству не доходят и не добьются истины, то решается спор присягой. Присяга у киргизов говорится *жан берьды*.

* У киргизов подкидышей нет и детей не подкидывают, приемыши бывают, но очень редко, которых киргизы называют *киймды бала*, в наследстве и в браках бывают с законными равны.

Находка скотины возвращается хозяину, но потерявший скотину хозяин постоянно, покудова не отыщется скотинина, рассказывает аульным и проезжающим киргизам, что у него пропало и какой шерсти скотинина и какие имеет приметы, даже сколько лет, и при этом обещает, кто найдет пропажу, подарок баранами или халатами. Такие подарки у киргизов называются *сююньча*. Найдя скотинину, киргиз отдает хозяину, получая обещанную сююньчу; найдя на дороге или на чьей бы ни было земле, какую бы ни было вещь, киргиз поднимает и кричит во весь голос, что нашел тукую-то вещь, хотя бы в окружности никого не было, берет себе. Такая кличка у киргизов говорится *жар*, но вещь взять или поднять с земли, не прокричавши, считается грехом. Если ехавши несколько человек и из числа их найдет один вещь, поднявши которую, передает старшему летами; такая передача найденной вещи у киргизов называется *байляу*. Потерянную вещь хозяин имеет право требовать обратно, если подтверждают один или два человека, что действительно она его и не имеет большой ценности, то возвращает; а если ценна, то получает, хотя бы и не обещана сююньчу, сколько только даст потерявший.

У киргизов дарение бывает несколько разрядов: дарение, называемое *сыилык*, принимающий подарок даваемого не дарит; называемое у киргизов дарение *тамырчылык*, по которому дарят хорошую лошадь или верблюда, также и по сто лошадей, после чего называются *дос* или *тамыром*. Через год или более подаривший едет к взявшему и взявший дает ему по возможности более или менее, такое отдарение у киргизов называется *кулка*. При всех подарках условия никакого не делается, в подарке *тамырлык* дарение продолжается друг от друга несколько лет, в случае спора подарки не возвращаются. Также киргизы приводят в подарок знатным людям и биям лошадей и верблюдов, такое дарение у киргизов называется *тарту*. Также введено дарить знакомым, которых ограбили, или во время зимы передохнет скот; такое дарение называется *жилу*. Также дарят киргизы, возвращаясь с баранты, такие подарки называются *сауга*; или возвращаясь из дальних базаров, которые называются *базарлык*.

Духовное завещание у киргизов не бывает на бумаге, передается на словах. Захворавший призывает из сродников кого бы ни было, или из числа почетных киргиз, при которых отказывает кому передать и сколько вещей или скотины; по смерти отказавшего тот же день по назначению передают во владение. Об подобном наследстве у киргизов споры бывают, но очень редко; но такие споры разбираются родственниками.

У киргизов бывают помочи, но весьма редко. Сзывая несколько человек для распашки земли или жать сено, накармливает хозяин приглашенных мясом, которые, наевшись, принимаются за работу; по окончании работ разъезжаются по своим аулам. Но пособие к работе помочью оказывают тем людям в распашке земли, не имеющим скота, дряхлому или малолетнему. Также помочью валяют войлоки, сзывая женщин из ближних аулов, приглашение женщин для валки войлоков бывает к каждому без исключения; помочь у киргизов говорится *кумек*. У киргизов пожилым людям оказывается особое предпочтение, которым промежду дел помогают в мелочной работе и делается во всем снисхождение и уважение, как-то: младший летами отдает поклон старшему, наперед уступает где бы ни было свое место и усаживает вместо себя, подсаживают на лошадь; в дороге младший летами старшему седлает лошадь, присматривает за лошадьми и оказывает все услуги; младший старшего именем не называет, а называет *утагасы*, а старший младшего – *кощи*. Женщины, если есть в кибитке гости, то из кибитки выходят, оборачиваясь передом к гостям; при входе в кибитку при гостях женщины преклоняют правое колено к земле при отдаче поклона или почтения.

У киргизов при найме работников и прочей прислуги не делается ни договора, ни условия; ряду делают при свидетелях или без свидетелей, рядятся скотиной. Сроки определяют, если зимой – то до всхода травы, такой срок у киргизов называется *куктем*; а если летом или весною – определяют срок до стрижки баранов и до замерзания льда; такие сроки у киргизов называются *кузем* или *мус катуу*. Также нанимают помесячно, помесячно нанимают – по одному молодому барану; а если на год или близко к году – за лошадь; при ряде такую лошадь называют *бисты*. Делают прибавки, выговаривая из одежды, как-то:

рубаху, халат, сапоги или малахай, тулуп овчинный*. При такой уплате работник живет на хозяйской пище – вспахивать землю для засева хлеба. Большей частью работникам хозяин жалованья не дает; хозяин только дает землю, семена и скотину, которой землю обрабатывает на своей пище или от хозяина получает условленное количество ячменя или проса. Но количество определяют работнику на месяц не более двадцати батманов, что составляет пять пудов, который работает из половины или из третьей части урожая хлеба; молотьба хлеба при таком уговоре бывает на обязанности работника. При найме и при продаже магарычей и угощений никаких не бывает. При продаже скота постороннему, кто заменяет место маклера, так как у киргизов введено промежду покупателя и продавца ставить посредника, который определяет цену и одному предлагает взять, а другому продать, которому дается с обоих сторон по нескольку копеек денег или тюбетейку, платок или что бы ни было из безделиц; такие подарки называются *среньнене* или *нан пул*. Покупатель лошади или коровы считает купленной тогда, когда срединной ценой ударяя руку об руку, что у киргизов говорится *кул алыскан*, или дают задаток продавцу. С лошадью у киргизов узд не дают, при верблюде дается попона. Киргизы, покупая бумажный кусковой товар, ценой не рядятся поаршинно, а рядятся – сколько аршин на рубль или на пять; также и на баранов и на прочее, как-то: на верблюжью шерсть *жабагу* делается размен по уговорному количеству. Табак простой, покупая на барана или на чего бы то ни было, рядятся количеством папушек, изредка и фунтами; при покупке товаров хозяин сам не рядится, а рядится из числа тех киргизов, которые бывают часто на базарах, которых киргизы называют *он гут*.

Киргизы в торговле требуют мягких обхождений и много разговоров. Если в лавке сиделец зная сноровку с ними обходиться, то делает продажу, не упущая своего интереса. У киргизов преимущественно в товаре торгуется один, которого непременно нужно напоить сначала до продажи чаем и подарить какую бы то ни было бесценную вещь; без чего даже он сам не расстанется и не упустит из виду выпросить. Товар непремен-

* У киргизов женщины в работницы окончательно не нанимаются.

но нужно сначала показывать низкие сорта дешевых цен, дабы скорее можно срядиться ценой и непременно условившись ценой; как можно, нужно стараться отмеривать от штуки и рвать, а иначе они склонны отказываться и рядиться сызнова. Также, если показать сначала товар высоких сортов, а потом низких, то киргизов будет торговаться в низких сортах и, узнавши цену низким сортам, старается купить за эту цену высокие сорта товара; почему по неопытности сидельцы часто упускают покупателя. Также киргизы привержены покупать товар в кредит. При продаже в кредит, если опытный сиделец сбывает самый заваль товара и по самым высоким ценам, но киргизу продать в кредит нужно иметь большой риск и считать на две стороны – нажил или прожил. Также, если дать в срок на шесть месяцев, то наверно можно получить с трудом в восемь месяцев и то не наличными деньгами, а скотом.

При получении долгов, с киргизом требуется серьезное обсуждение, иначе он обманет. Обмануть киргизы весьма способны и в глазах стараются обольстить. Киргизы также более покупают у сидельца, который перепускает или прибавляет два вершка или четверть при каждом отрезе ситца. Которые покупают на большую сумму, то опытный сиделец непременно должен при первой ряде вещь отдать хотя в убыток; но этот покупатель уже на всю сумму покупает у него, хотя бы он мог другую материю и купить дешевле у другого, но все-таки закупает у него, соображаясь, что он купил первую вещь дешево. Продать хворую скотинину у киргизов или зараженную преступлением не считается, если у покупателя скотинина издохнет на другой день, то продавец возвращает покупателю деньги, но это по согласию и бывает весьма редко. Если возникнет спор, то в таком разе спорящих разбирают бии, которые решают, допрашивая одноаульных, что не знают ли, не была ли проданная скотинина хвора; если не добьются до истины, то решают присягой. Киргизы против скотской болезни лекарств ни суеверных, ни действительных не употребляют; при язычной болезни употребляют исталкивая квасцы с нашатырем, которые, перемешав, всыпают в рот.

У киргизов скотоложества нет. Мужеложство[1], снохачество и сводничество не преследуются. Киргиз, женившийся на трех женах в сорокалетнем возрасте, занимается мужеложством, хотя бы он никогда не отлучался из своего семейства, не говоря уже о возрасте пятнадцати- и двадцатилетнем. В таком возрасте отец и мать не унимают мужеложству, а если он не делает мужеложства, то его не считают за мужчину. Девицы начинают заниматься мужеложством с двенадцати- и четырнадцатилетнем возрасте, а хотя бы она была просватана или нет; и занимаются все без исключения. Из числа девиц можно встретить весьма редко честную, но которые весьма и очень редко родят, по случаю уловок в упражнении мужеложства. Если девица не пожелает принять к мужеложству парня, который прибегает, чтобы исполнить на своем, к девициной родне или из числа аульных женщин, которые стараются уговорить девицу согласиться.

Киргиз в двадцатилетнем возрасте к девице едет в ночь за двадцать верст, подъезжая к аулу, поодаль оставляет лошадь и сам уходит в кибитку, в которой спит девица. Если случится, что невозможно пройти, то старается дать знать из числа аульных женщин, которая принимает меры провести парня в кибитку или подговаривает девицу выйти вон под предлогом какого-нибудь дела, где дает удобный случай сойтись девице с парнем или подводит к парню, и оставляет наедине; такие сводни у киргизов называются *женге*. Также проезжая мимоездом, хотя бы и не время было ночевать, но парень, завидя в ауле девицу, останется с умыслом ночевать, и постарается напроситься ночевать в семейство девицы. Ночью прислушиваясь, что все в кибитке заснули, парень, заметя на котором месте ложилась девица, подползая хотя бы где не лежала девица, с тщательной осторожностью, чтобы не потревожить кого-либо из спящих, разбуживает, ощупью накладывая на голову девицы руку. Которая, если желает принять, то руку девица или женщина тянет к себе, а если не желает, то отталкивает; но разговоров тут никаких не ведут из боязни, чтоб не услыхали семейные, так как

[1] Здесь и далее словом «мужеложство» автор записок называет не гомосексуальные контакты, а интимные отношения между мужчиной и женщиной.

отец с матерью у киргиз, если дочь такие поступки обнаруживает, то ругают.

Проезжающему гостю, кто бы он ни был, у киргизов весьма можно воспользоваться мужеложством, зная, где и как поступить в эдаком случае, и объясниться на киргизском диалекте, воспользуется без всяких утрат, потому киргизские женщины и девицы к мужеложству бывают склонны; и хотя поступок этот и выходит наружу, но это к большому стыду не присовокупляется. У киргизов также не считается низостью свести сестру с братом. У киргизов зачастую даже муж сводит с женой, дабы что ни то получить всевозможное; мужеложство у киргизов добывается за несколько аршин мануфактурного товара, так женщины и девицы жадны до ситцу и до бумажных платков. В мужеложстве никем не пренебрегают, какой бы ни было секты, кроме персиян и калмыков; сами к мужеложству не напрашиваются, а предложение делается через постороннюю женщину или сам желаемый лично. Также предложение делают и сами, такое предложение у киргизов говорится *тамак кирякпа, мамак кирякпа*.

У киргизов детоубийство и изгнание плода бывают очень редко, за изгнание плода судятся как за убийство, но кун взыскивается много менее; при изгнании плода средств никаких не употребляют, если и изгоняют, то зарожденного изминают в животе; или родя, но новорожденного зарывают в землю. Изнасилование бывает, но весьма редко, за такое преступление взыскивается скотом; самоубийств у киргизов не бывает, кроме нечаянности. Если просватанная девица родит в кибитке своего отца и жених не будет признавать, что малютка от него, но отказывается от невесты, получая обратно заплаченный калын; или если хотя и не признает малютку своим, но изъявит желание взять в замужество, то выдается малая часть скота из заплаченного калына, такой возврат скота у киргизов называется *аип*. В случае, если жених ездил к невесте явно после уплаты скота, кроме калына, так называемого по-киргизски *исик ашару*, после чего хотя невеста и разрешится, но жених отказаться не вправе.

У киргизов сватовство начинается так: если отец состоятельный, по совершении сыну от роду месяц или шесть месяцев посылает трех или двух мужчин из числа родни или почетных киргизов сватать к себе равному состоянием или к почетному. У киргизов сватья называются *худа*. Которые приезжая в аул, объявляют, зачем приехали и от кого; и если отец девочки изъявляет желание отдать, делает угощение, после чего условливаются в калыне. У богатых условливаются на комплекте скота, который называется *жыгырмы*. Каждая часть жыгырмы составляет: если условливаются за пять жыгырмов, то первая жыгырма составляет шестьдесят три барана, вторая тож шестьдесят три барана, третья – четыре верблюда, четвертая – шесть лошадей, пятая – девять телок. Из числа такого количества скота разделяют название иначе, хотя один и тот же скот, а именно: двадцать лошадей – *той малы*, три верблюда – *сут ака*, один верблюд – *калын мал*, один верблюд – *джигит тюесы*. После условия сватья читают молитву, что у киргизов называется *бата*; и когда жених с невестой взойдут в возраст четырнадцати или пятнадцати лет, из числа сватов один берет жениха и везет к невесте. Платят невестиному отцу, сверх калына, пять или десять лошадей, такая плата скота называется *исык ашар*. В ту же ночь жениху с невестой стелят постель, укладывают спать из числа двух и одной женщины. После чего жених ездит к невесте в аул ночевать, но не показываясь невестиному отцу и матери, приезжая ночью, без стеснения ложится спать с невестой на приготовленную заблаговременно постель. Но невеста в продолжение навещания жениха спит с ним без доверия, не допущая жениха нарушить невинность, накладывая нога на ногу.

Спустя год более или менее жених едет еще сватьями или другими киргизами. Приезжая в аул к невесте, от аула поодаль жениху ставится кибитка или желумейка*, в которой жених лежит, покудова приготовляют невесту к выдаче. Жениху ежедневно носят от невесты два-три раза в день мяса. По изготовлении всего невесте, невесту берут в кибитку, а жениха – в другую; приглашают муллу, который бы только знал читать. От жениха берется баран или козел, которого режут, вынувши сало из него, бросают в огонь, а мясо съедают, что называется *бут*

* Желумейка бывает много меньше кибитки и делается цельной вверху, т. е. *чигарака* не бывает.

кыяр. Потом подается мулле с водой чашка, в которую кладется серебряные двадцать копеек или серебряная пуговица, также кладут простого стекла бусы; сверху чашка накрывается белой миткалю или бумажным платком. Мулла над чашкой читает молитву, по прочтении молитвы дает пить этой воды жениху, а потом невесте и всем тут присутствующим из чашки положенное и покрышка берется муллой. Такой обряд заключает венчание, что по-киргизски говорится *мекe кыиган*[*].

После чего по просьбе жениха кладут невесту на ковер и приносят к жениху, кладут возле него, за что женщины от жениха получают подарки – ситец или платки; и бывает обычай, что жених входит сам к невесте в кибитку. При эдакой прокламации жених подходит сзади кибитки и, просовывая сквозь кошмы свою руку, и невеста свою руку кладет на женихову; причем дается от жениха ситец; такой подарок называется *кул устатар*. При входе в кибитку жениха ложится в самом входе старуха или пожилая женщина, когда жених входит, то она хватая жениха на ноги, удерживает, за что жених дает ей ситца или китайки; такой подарок называется *ит илдар*. Сватья в это время рвут на небольшие лоскутки ситец и раздают присутствующим и зрителям, такое дарение называется *жыртыс*. Женщинам со стороны невесты, заменяющим свах, дают один халат, что называется при отдаче *кыз кашар*, и несколько аршин ситца, что именуют *женге тай*, и еще один халат, именуемый *касында жатар*. На другой день отец невесты режет скот, сзывая гостей, угощает мясом; приглашает песельника с балалайкой, который играючи на балалайке припевает песни; также делают скачки, ставя сюрпризы; такое празднество у киргизов говорится *той*, что означает, т. е. свадьба. На третий или четвертый день снаряжают невесту ехать к жениху в кибитку.

На невесту надевают самую хорошую одежду, на голову надевают колпак, что у киргизов называется *саукеле*; лицо закрывают белою канелью. Для невесты седлают лошадь – иноходца, лошадь одевают красной попоной; потник седлают длинный, сшитый из бархата или алого сукна, обшивают по-

[*] Киргиз после обряда меке кыиган молодую если кто хочет посмотреть, то должен что-нибудь за смотрение подарить. Такие подарки называются у киргизов *курымдык*.

зументом, лошадь убирают в лучшую сбрую. Отец невесты вручает приданое, и невеста, распрощаясь с своим семейством, отправляется в дорогу в присутствии жениха; и еще дается от отца невесты провожатые до кибитки жениха. Жених, приезжая в свою кибитку, делает тоже угощение и скачку. При уплате такого количества калына, если отец состоятельный, дает приданого двадцать или пятнадцать верблюдов, двадцать или пятнадцать лошадей, две лошади иноходцев или одного, десять халатов, пять разных тулупов, пять ковров; ковры при отправлении невесты накрывают на верблюдов.

У бедных калын платится разным количеством: шестьдесят три барана, два верблюда, две лошади, одну корову, одного теленка, одного барана.

Также платят только два верблюда, две лошади, одну корову, одного теленка, одного барана. Приданого при таких калынах дается: один верблюд, две лошади, более или менее. Свадеб не делается, отец невесты только делает угощение мясом; также и жених, приехавши в свой аул. Вдов, высватавши, берут на другой день, платят калын не более трех-четырех лошадей; свадеб не делается и приданого за вдовами не дается. У киргизов по бедности не женятся до сорока лет, по случаю не в силах выплатить калын; таким часто возвращают уплаченную часть скота по обоюдному согласию. Высватавший жених невесту и также просватанная невеста не показывают друг друга семейству до самой свадьбы, считается показаться неприличным. Жених, если состоятельный, то женится в возрасте семи и десяти лет; если в случае высватанная невеста помрет и есть у ней сестра, то берут сестру. Так же и жених, часто случается, что высватавший жених помирает, а остается брат младший, который берет братнину невесту уже в возрасте пятнадцати и семнадцати лет, а сам достигает только семи или восьми лет.

У киргизов женщинам при родах не дают уединения, а, напротив, сзывают народу более и накопляются в кибитку, где разрешается женщина; где возобновляют шум, крик. У киргизов женщин весьма много помирает родами, помершею такой смертью киргизы называют *албаста баскан*, что в переводе означает «домовой задавил». Подобному суеверию верят, к мучившейся родами женщине привозят баксов, которые наигры-

вая на своем кобызе, делая дикие восклицания, чтобы прогнать домового, играет при женщине; также мучившуюся родами женщину нечаянно бьют нагайкой, чтоб ее напугать. При этом случае также привязывают женщине на шею от русского человека с головы волосы, так как киргизы понимают и говорят, что русского домовой боится; также во время родов приглашают к мучившейся русского и сажают возле женщины или в одну кибитку; также, чтоб напугать, нечаянно стреляют из ружей. Повивальных бабок и акушерок у киргизов нет, женщину после родов киргизы поят скоромным маслом или салом, до семи дней кормят одним только мясом.

Новорожденному малютке тут же отрезают пупок и моют в теплой воде, потом обертывают в баранью шерсть, т. е. в *жабагу*, и в течение сорока дней обмывают малютку, исталкивая в порошок перец, соль, имбирь и бадьян, или одной только соленой водой; после чего ежедневно натирают скоромным маслом все тело, оставляя из масла вытопки. Малютку кормят грудью до забеременения матери, от груди отлучают, намазывая соски бараньей желчью. Обрезание делают в совершении мальчику трех лет, и четырех и более, и также менее. Приглашают муллу, который прочитавши молитву, операцию делает так: раскалывая палочку, защемливают член тела и натирают горячей золой до тех пор, покудова отрезающая часть одеревенеет. Потом отрезают бритвой или вострым ножом; чтоб удержать кровь, намазывают и обливают горячим салом. Имя дают новорожденному до обрезания, положа в зыбку, собравши гости, по просьбе матери название, какое только вздумается. У киргизов детям рубахи надевают наничкой и шитвом наружу, что введено в обычай, для чего надевают наничкой шитва рубахи, на детей киргизы сами не дают толку.

У киргизов большей частью страдают болезнью венерической, такую болезнь киргизы называют *мерезь*. От такой болезни лечатся так: делают перемешав сало с хлопком, из которого скрут свечку, намазывая сверху свечки кинверетью[1], которую зажигают и на свечку дыма сажают больного, которого закрывают крепко с ног до головы. Также раскладывая огонь

[1] Так в документе. Возможно, имеется в виду киноварь.

из верблюжьего кала, когда нагорит горячий пепел, расширяют небольшую ямку, в которую кладут ртуть и сажают больного, накрывая крепко, чтоб не мог выйти дым. После такой операции у больного, хотя и он вылечивается, но часто проваливается нос или выпадают зубы. От разных болезней, как-то: от горячки, от паралича, от водянки и от прочих болезней, название у киргизов всех вообще этих болезней говорится *кагынды*, к больному приглашают баксы. Который лечит так: режут черного и красного барана, раздевают больного и из барана вынимают легкие, покудова баран не успеет заснуть, больного бьют легкими все тело; по окончании такой операции легкие выбрасывают через верх кибитки в *чигарак*. Такое лечение у киргизов называется *кактырган*.

Если больной после какой бы ни было хвори выздоравливает и через несколько дней захворает еще, возвращенная болезнь у киргизов называется *жиль калды*. От такой болезни киргизы завертывают больного в сырую кожу дикой лошади. От лихорадки кладут больному в пазыху лошадиную от задней ноги кость, завертывая в тряпки. От обжога, если обожжется малютка, то режут козла, обертывают, из козла вынимая, нутряным салом или требушиной; а если обжог небольшой, то спрыскивают солью. От сибирской язвы лечат, раскалив серебряную монету на огне, которой прижигают или делают из теста небольшую лепешку, накладывают на больное место и сверху лепешки кладут немного пороха, который поджигают; также скусывают зубами, вытравляют табаком и нашатырем. От зубной боли делают заговор, который делают так: сначала делают свечку, подмешивая к салу горьких трав, которую свечку зажигают над чашкой воды. Больной раздвигает челюсти и держит над свечкой, причем заговорщик кричит из зубов червей, приговаривая так из болевших зубов шесть червей, а из малых – четыре червяка; и так кличку продолжают с час. От нарывов прикладывают от бараньей ноги лоскут шкуры, только чтоб была снята в скором времени с барана. Оспу у киргизов не прививают, из всех болезней киргизы более боятся оспы, которую называют *куль*. К хворавшему оспой киргизы не подходят, пищу подавать и ухаживать за хворым нанимают, на котором выходила оспа. В дороге если выйдет оспа, то его оставляют

одного поодаль от аулов; киргизы даже боятся проезжать мимо аула, в котором есть нездоровые оспой. Хворавшего оспой ничем не лечат, у киргизов даже введено в поговорку в ругательстве – «чтоб вышла оспа», что на киргизском языке говорится *куль чиксын*.

Киргизы при судах руководствуются в обычной своей жизни не сводом законов, и не уставами или учреждениями, положениями и тому подобным исходящими от верховной власти и от правительства, а своими неписанными законами, выработанными жизнью, установившимися воззрением и обычаями. Какое бы дело ни было, уголовное или суд и расправу, решают из числа нескольких биев, не делая никакого журнального постановления и протоколов. Даже уголовное дело решают бии человека два или три со стороны убитого и столько же – со стороны убийцы, которое решают без всякого наказания. У киргизов присутственных судебных мест нет, а спорящие прибегают к биям, какое бы не возникло дело; и бии решают по своему убеждению, не упуская из вида и свидетелей. Сходок у киргизов не бывает, а съезжаются из числа каждого рода по одному почетному человеку или бию по делу общественному и решают дело между собой по совещанию. Подобные съезды бывают только об запашке хлебов, об устройстве плотин, о разрытии канав, о раскладке подати, о разделе общественных земель вообще и сенокосных полей, но приговоров никаких не делается.

Как раскладку в прежнее время подати, так и раздел земли делают на кибитку сколько придется; такая дележка у киргизов говорится *чигарака*. Для хлебопашества землю также делят на душу, сколько придется на мужчину шагов; такая дележка земли говорится у киргизов *кумалакка*. У киргизов вообще считается наиболее тяжким и обесчестивающим телесное наказание, но у киргизов при своих судах телесного наказания совсем нет, хотя бы преступление уголовное. Адвокатов у киргизов нет и не бывает. По убийству у киргизов съезжаются бии к убийце в кибитку, или к сроднику, или на место преступления. Каждого решения дела преступнику или истцу и ответчику объявляется из числа биев одним на словах в присутствии всех. Вызов к суду ответчика делается на словах; посылается от биев рассыльные, которых киргизы называют *жасаул*. Рассыльный получает за что с виновного, смотря по расстоянию местности, от трех до десяти рублей серебром. В тяжебных делах у киргизов в крайнем случае принимаются в свидетели женщины, четырнадцатилетние мальчики.

Бии выбираются народом: каждый род выбирает себе бия из числа сведущих людей, к которому общество имеет доверие. При выборе бия приговора никакого не делается, также исправляет после смерти отца должность бия сын, и так переходит из поколения в поколение; но таких биев бывает весьма редко. Ныне бии выбираются на три года и утверждаются уездными начальниками, судебные и спорные дела разбирают выбранные народом судьи, а не бии. Вызов делается к разбирательству и суду через аульных биев, каждое решение дела вносится в журнал, отчет отдается волостным управителям, волостные управители отдают уездов начальникам.

У киргизов по обычаю народному дела решались и решаются взыском скота с виновного нижеследующим образом: за убийство мужчины виновный платит тысячу баранов в семейство убитого, такой иск у киргизов называется *кун*, который собирается со всего рода убийцы, делая раскладку, сколько падает на кибитку баранов. Также случается, что сродники убитого угоняют от убийцы скот крадучи*, такой скот при решении биями дела идет не в зачет куна и не возвращается. Такой скот называется *кан жуар*. За мальчика – кун, равный мужчине; за женщину кун взыскивается пятьсот баранов, так же и за девочку. Если в драке вышибут у мужчины глаз, то с виновного взыскивается пятьсот баранов *куна*; за слом руки – от двухсот и до пятидесяти баранов *куна*, смотря по слому руки. Если рука сломлена выше локтя, то кун увеличивается; а если ниже, то уменьшается. За сломание пальцев, кроме от мизинца второго, взыскивается так называемый *аип*, т. е. штраф в пользу изуродованного от двух и до трех *тогусов*. Если вышибут в драке зубы или изуродуют нос и бороду, то с виновного взыскивается аип [в] три тогуса.

За воровство как верблюда, так и за барана, даже за весь вообще скот, взыскивается равно три тогуса аипа; за барана

* У киргизов угонка скота крадучи говорится *баранта*, что означает на русском языке захват.

взыскивается потому в одном размере, как киргизы говорят, что укравши вор барана, дозволит себе украсть и крупный скот.

За мужеложство, если муж застанет на постели и прибегнет к биям с жалобой, то с виновного взыскивается аип в три тогуса, так равно за снохачество; за воровство – нет различия когда бы не украл, днем или ночью и откуда бы ни было; иск делается в одном размере с виновного. За скотоложство, за сводничество ничего не взыскивается, а срамят, водя привязавши на шею лоскут кошмы по аулам и делают увещевание стариками и дают наставление, чтоб впредь этого не делали. За изгнание плода, если девица просватана, то девицин отец жениху платит по возможности от себя *кун*.

Если взявши на время скотинину, какую бы ни было, и она издохнет в руках взявшего, то заимодавцу платит такую же скотинину или стоимость ее. Если вор попадется раз в воровстве и его убьют или изувечат, то с убийцы не взыскивается ни куна, ни аипа, а делается в разбирательстве так называемое по-киргизски *салават* или *сураусыс*.

К присяге в разбирательстве споров не допущаются малолетние и женщины, если можно обойтись без них: женщина к присяге только тогда допускается, когда обреет голову как мужчина; также к присяге допускаются не ниже шестнадцати- и семнадцатилетнего возраста. При решении дела по тяжбе взыск скотины *тогус* составляет комплект скотины. Если на виновного падает три тогуса, то первый тогус комплектуют так: одного верблюда, одну лошадь, одну корову, одного двух лет жеребенка, двухлетнего и годовика бычат, двухлетнюю и одного года телок, одного барана. Второй тогус комплектуется с лошади до барана, третий – с коровы до барана. Есть тоже тогус, называемый *токал*, который составляет девять баранов. Такой тогус взыскивается за кражу мелких бесценных вещей и одежды, за личные обиды и оскорбления.

Киргизы области о государстве определенного понятия сами не могут дать. О русском правительстве относятся с хорошей стороны тем, что жизнь и пребывание ведут в спокойствии, не как прежде; так как прежде соседние племена, в особенности Хива и трухмены, делали набеги и их грабили беспощадно, отбивали скот и имущество, а самих убивали, в особенности в

ханство на Сырдарье Жангазы-хана. Но ныне они уже совершенно от набегов защищены, но киргизы все-таки к правительству недоверчивы по своему суеверию, их недоверчивость подтвердилась при учреждении волостей.

После описи многие укочевали в Хиву из боязни, что из среды их из десяти одного выбрали десятника и еще из пятидесяти одного старшину, и также аульных биев; но дикие, кочующие в отдельности киргизы, уже совершенно полагали, что из десяти один выбранный должен идти в службу, почему выбрали самых незначительных людей; другие рассуждали, что уже их совершенно хотят повернуть в башкиры, и подобных рассуждений было весьма много в киргизах, в особенности в отдаленных. Но после описи и учреждения волостей прошло более одного года, сами уже убедились, что и предположения вышли ошибочно; и учреждение волостей для себя считают лучшим*, потому хотя и денежный налог на кибитку наложен против прежнего и более, но подвод с них уже правительство не требует, как прежде брали под тяжесть верблюдов и по экстренной надобности – лошадей. Киргизы в судебных спорных делах часто дают повод, чтоб дело шло по закону, а не по местному народному обычаю, в особенности в споре о высватанных невестах и вообще о женщинах. Ныне киргизы избавились после учреждения волостей от дачи биям взяток, с которых били брали при решении спорного дела с истца и ответчика и решали дела в пользу того, кто более даст. Учреждение волостей и аулов у киргизов говорится *урим*.

У киргизов после смерти мужа вдова носит год траур, но только у богатых; от семи до четырнадцати дней по утрам об умершем плачут, приговаривая его подвиги и что все о нем скучают, и на первый день в знак смерти мужа до крови себе царапают лицо, плакать также помогают и посторонние женщины. После смерти умершего, чтобы на нем не было одежды, раздают обмывальщикам; одежду носят жены умершего всю черную или темную, рубаху носят без вшивка на груди, т. е. без *унуря*, и без всяких украшений, на голову навертывают черную или желтую чалму, волосы в косы не заплетают; но такие трауры

* Киргизы вообще начальников уважают мягкого характера и ласкового обхождения.

исполняются только при средствах, а у небогатых окончательно не исполняется, только плачут, у киргизов по мужу плакать называется *жоктайды*. На умершего киргизы, обмывши, не надевая савана и никакой одежды, завертывают в белый коленкор или бухарского изделия холстом, что у киргизов называется *чины киим* или *ахрет*, завертывают в три ряда. Первый ряд завертывают от ног и до плеч, второй ряд – от ног и до глаз, третий – завязывается узлом у ног и на голове. В могилу кладут на запад головой, сверху умершего кладут доски или палочки, на палочки – камыша; потом зарывают землей.

Могилы вырывают на высоком месте или на горах, состоятельные делают над могилой из сырцового кирпича вроде беседки памятники. Такие памятники киргизы называют *там*. Внутри в таких помещениях рисуют разными красками верблюдов и разный скот, бедные на могилу накидывают травы или каменьев, также делают из кирпича загороди. Могила у киргизов называется *мула*. Через семь дней после смерти умершего делают поминки, угощение мясом; при этом раздают одежду умершего. Через сорок дней еще делают поминки. Через год делают большой сбор народа и об умершем дают празднество, что у киргизов называется *ас*; делают угощение мясом и также делают скачки, ставя сюрпризы, приглашают песельников, т. е. *жирчей*. Привязывают на длинный шест монету, стреляют в которую из ружей, и кто сшибает монету, за это получает верблюда, или лошадь, или корову. Привязанная монета на шесте у киргизов говорится *алтын кабак*. Борются борцы, который победит, его награждают халатом и ситцем; у богатых первому борцу дают по лошади, борьба у киргизов говорится *крёс*, а борца называют *палван*.

Киргизы праздников не исполняют как татары, праздники у киргизов бывают в году два раза. Один праздник исполняется зимой, который называют *айт*; второй праздник исполняется весной, который называют *курман айт**. Празднество исполняется не в один день, кому в какой день вздумается. На праздники делают скачки, борьбу и верхами таскают козла, что называется *кук бурю*, друг у друга отнимая козла; и так продолжают таскать часов пять и шесть и более. У которого не могут отнять, то он подскакивает на лошади и бросает козла к кибитке богатого или почетного, за что награждается ситцем или платком; также скачут с небольшим лоскутом ситца, который вырывают друг у друга, что называется у киргизов *муше*.

Киргизы пост держат в год два раза: один – зимой, другой – летом, пост у киргизов называется *ураза*. Летом держат *уразу* четырнадцать дней, которая называется *ережип*; зимой держат тридцать дней, которая называется *улькун ураза*. Когда держат уразу, в продолжение дня пищу не употребляют и не пьют, также и табак не нюхают. По закате солнца начинают есть, часов в двенадцать еще едят, третий раз едят до рассвета; но киргизы *уразу* держат редкие. В уразу богу молятся пять раз в сутки. Киргизы о своей секте понятия не имеют, знают только о себе одно значение, что они мусульмане. Толкование Алкорана не понимают, киргизы многие не знают своих молитв и никогда не молятся и не знают, как делается по-мусульмански омовение; что у киргизов говорится *дарет*. Киргизы перед молитвой в безводных местах не делают омовения, а только делают пример. У киргизов мечетей нет и на молитву в одно место не собираются, а каждый молится, где только настигнет время или в своей кибитке. Из числа женщин богу молятся весьма редкие.

Пятницу, называемую у киргизов *жума*, как татары, не исполняют, киргизские муллы книги хотя и читают на турецком и арабском языке, но сущности их не понимают. Киргизы также молятся на могилах и считают могилу муллы, в жизни исполнявшего по своему обряду моление пять раз в сутки, святыней; ходят на могилу, поклоняются и также возят нездоровых ночевать, что киргизы называют *тнейды*. Перед началом дела или по совершении дают обед в угоду богу, зарезают скотинину или барана и угощают мясом, кто бы ни пришел, а овчину или шкуру отдают муллам; такое угощение называется *худай жулы*. Киргизы также возят на могилы ночевать женщин, от которых не бывает детей; если на какой бы ни было могиле вырастет куст травы, мимоездом киргизы вешают на этот куст тряпки,

* У киргизов в праздники ходят друг к другу в гости с поздравлением, причем дарят деньгами или что из вещей, такое дарение называется *айттык*, но более ходят женщины.

в знак чего вешают, киргизы сами не знают, ссылаясь, что по примеру стариков.

Вина киргизы не употребляют, употребление которого считается большим грехом; до чаю бывают охотники, но употребителей постоянно у себя весьма мало. Киргизы чай употребляют также от головной боли; табака не курят, огурцов, редьки, репы, картофеля, капусты не употребляют. Прежде киргизы не употребляли черный хлеб, но ныне стали есть. У киргизов роскошная приправа к мясу – лук и перец. Лук также уважают есть сырым, икру киргизы не едят, какая бы она ни была.

Киргизы вообще детолюбивы и к своим детям бывают привязчивы, но никогда детей не нежат и опрятно не одевают, даже среди зимы водят полунагих. Воспитания хорошего также детям не дают и к развитию грамоты не обучают и бывают упорными детей оставить в своем диком положении. У любимого сына киргизы оставляют на верхушке головы волоса, которые заплетают на четыре и на шесть мелких кос, которые носят до двадцати пяти лет. Киргизы к промышленности не деятельны, какой бы ни был богач из киргизов, первое у него удовольствие и роскошь – сидеть в кибитке в присутствии своих жен на толсто накладенных войлоках полунагим и есть во время целого дня кобылью колбасу и пить кумыз. Изредка выезжает на какое-то празднество или свадьбу, надевши на себя три-два шелковых халата, как будто бы тогда только можно его заметить по халатам, что он из числа богатых. При употреблении пищи киргиза можно заметить, что он наелся тогда только, когда у него возбудится отрыжка через лишнее употребление пищи.

Киргизы бань не имеют и никогда не моются, к холоду бывают крепки, к жару сносливы, в самые жары во время лета надевают два-три халата; на головах носят меховые малахаи и шапки и также носят малахай из одного сукна, которые киргизы называют *далбай*. Киргизские женщины во время лета голову промывают, подмешивая к воде молока, белье моют весьма редко и если даже стирают, то сначала вываривают в котлах, в тех самых, в которых варят пищу; некоторые белье изнашивают, не стирамши до новой. Самый опрятный киргиз переменяет белье в месяц один раз.

Киргизы летом носят вместо рубах халаты, сшитые из бухарского изделия бумажного холста, называемой по-киргизски *мата*. Но такие рубахи или халаты только носят пожилые, а молодые не носят на работе во время лета; работу продолжают без рубах, в одних шароварах или подштанниках, а сверх поясницы совсем голыми.

Киргизы неосторожны и неустрашимы к воде, переправляются через Сырдарью на небольших лодках, перевозят скот, как-то: верблюдов, лошадей и прочий; в небольшую лодку ставят четыре и пять верблюдов. Лодки у киргизов привозятся из Хивы, делаются из тонких бревешек, нос и корма делаются одинаково остроконечны; но лодка узка, длинна и плоскодонна и такое дно бывает полукруглым, на ходу такие лодки не ходки. Весел у киргизов не бывает, а переправляются с шестом. Киргизы также переправляются на камыше, который вяжут в снопы и один с одним сращивают, что принимает вид кучи камыша; устроенный камыш для переправы через реку называется *сал*. Киргизы также переправляются вплавь, ухватываясь лошади за гриву. Киргизы по встании льда тот же день переходят пешком, часто случается, что впереди проваливается и тонет, а задний все-таки идет вперед, не обращая внимания на переднего, что он тонет; так же и во время весны. У киргизов утонувшего не откачивают, хотя бы он из воды был вытащен через десять минут, об этом они не имеют понятия.

Киргизская сказка переведена с рассказа киргиза Каракульской волости 2-го аула Авозниязя Телибаева*

«Один был царь, имел привычку, одевшись в нехорошую одежду, ходить по черному народу и выслушивать, где кто чего говорит и как говорят о нем. В одно время входит в кибитку, где разговаривали три человека, съединившие из разных земель для нажития средств. Один из них, не подозревая, что царь присутствует возле их, начал разговор, что наш царь неправильно судит; если б правильно судил, то бы мне отдал свою жену по имени Инжи, то я бы на сем свете был доволен.

* Сказка у киргизов говорится *ирытеге*.

Второй говорит: “А мне если бы дал коржун* золота и я бы был доволен на сем свете”. Третий говорит, человеком данно, что составит и что из этого будет, а нужно просить у бога. Царь, отправившись домой, наутро позвал к себе всех троих и спросил, что они говорили промежду собой в прошедшую ночь. Все трое отказались, что они ничего не говорили; но царь сказал всем троим, что если они не скажут правду, то он их зарежет. Из числа троих, который говорил, что нужно просить у бога, сказал царю, что если ему простит ложку крови, то он расскажет правду. Царь обещал простить всех, и он рассказал правду, что говорили. То царь [тому], который желал иметь царскую жену, отдал ее ему; второму, который желал иметь коржун золота, ему дал коржун золота; третьему, который говорил, что нужно просить у бога, дал то ж коржун золота, но он отказался, что будет просить у бога. Получивши от царя желаемое, отправились в дорогу. Взявший царскую жену в дороге сам с собой рассудил, что как он будет ее содержать без средств, привыкшую к хорошей одежде и пище, пришла в голову мысль убить своего товарища и отнять золото, данное царем, что с которым, рассуждая, что может содержать жену. Взявший коржун золота дорогой вздумал, что денег много, но жены нет и ему пришло в голову зарезать товарища, отнять данную царем жен. Которые, шедши дорогой, размышляя о своих намерениях, сравнялись один с одним и начали драться ножами; изранили друг друга, истекли кровью и упали мертвыми на дороге. Их третий товарищ, который говорил, что нужно просить у бога, шел в дальнем расстоянии сзади от них. Вдруг, подходя, смотрит, что его товарищи лежат мертвые и возле их коржун золота и царская жена; берет золото и говорит царской жене, что я тебе не достоин и мы не пара, ты лучше ступай обратно к царю. Но которая отвечала ему, что царь обратно меня за себя не возьмет, а отдаст за персиянина или за урода, я лучше согласна выйти за тебя. Который неоднократно отказывался, но после нескольких просьб согласился взять с собой, но только с уговором, чтоб она ему была не жена, а сестра. При этом он дал обещание,

* *Коржун* в переводе означает переметная сумка.

чтоб ее содержать прилично, насколько хватит сил, потом отправились в дорогу.

Шли день и более, приходят к аулу богатого человека и остались ночевать, который имел огромное состояние скота, а из детей одного только сына, но и тот третий год лежит в постели нездоровым, постоянно лежит на спине вверх животом и ничего не ест, как кроме один батман употребляет скоромного масла в сутки. Когда стали ложиться спать, то богач спросил, что кто не может ли вылечить его сына от хвори, за что он наградит половиной имением своего состояния. Но на его вопрос не было ответа и никто не вызвался. У ночевавшего гостя, странствующего с царской женой, была привычка среди ночи нюхать табак. Когда все заснули и наступила полночь, он встал понюхать табак и, сидя на постели, видит: из норы выползает змея и выходит на середку кибитки. Потом выползает другая змея изо рта спящего хворого сына богача, и обе сошлись в одно место, начали вести разговор по-человечьи. Вылезшая изо рта хворого говорит, что нет такого человека, который бы мог тебя выкурить соломой из норы и взять тобой хранимое серебро и золото, а то ты, хранимши его, исчахла. Вышедшая из норы говорит на ответ, что нет такого человека, который бы мог заморить в животе тебя, сына богача, потому ты его совсем измучила и только в нем пьешь каждые сутки батман скоромного масла; тебе нужно бы дать раза три в сутки понемногу заместо масла уксуса, то бы ты издохла, а сын богача выздоровел.

Наутро встают и который слышал разговор змей, богачу объявил, что он его сына попробует лечить, достал уксуса и дал больному три раза в сутки; больной через несколько дней совершенно поправился, начал выезжать верхом осматривать скот. Богач начал предлагать ему половину имеемого богатства, но он отказался с оговоркой, что будет просить у бога; только выпросил землю, на которой стоит кибитка богача, богач с радостью ему отдал. Во время ночи он, заметя нору змеи, храпевшей золото и серебро, набрал соломы и начал выкуривать змею. Змея в норе задохнулась от дыма, разрыл нору, выкинул змею. Набрал золота и серебра, начал продавать; через что страшно разбогател, построил дом, зажил со своей названной

сестрой. В одно ненастное время сел на его дом ученый ястреб, которого он снял и внес в комнату.

В это время царь был на охоте и упустил своего ястреба, который сел на дом вновь разбогатевшего. Царь, потерявши ястреба, с охотниками поехал по направлению отыскивать его. Подъезжая к дому, расспросил, не видали ли ястреба. Который объявил, что он уловил ястреба, но не знает, кому он принадлежит; притом пригласил ночевать, на что царь согласился. Оказалось, что ястреб, уловленный вновь разбогатевшим, принадлежит царю. Когда царь взошел в комнаты, вновь разбогатевший и его названная сестра узнают царя, бывшего ее мужа, но объявить не решаются; и брат сестре приказывает сделать кушанье, какое она приготовляла в замужестве за этим царем, что и было изготовлено.

Когда подали кушанье, царь начал качать головой. Тогда разбогатевший спросил, что вы, царь, качаете головой, или вам не нравится мое кушанье. Но царь ему отвечал, что я качаю головой потому, что я имел жену, которая мне приготовляла точно такое же кушанье, но я ее отдал одному промышленнику. Тогда вновь разбогатевший рассказал, что из числа трех промышленников он сам, который не взял от него коржун золота с оговоркой, что будет просить у бога, а его сестра, данная товарищу, бывшая царя жена; рассказал, как она попала к нему. Тут царь начал просить, чтобы он свою названную сестру выдал в замужество вторично за него и что возьмет за нее калына. Но вновь разбогатевший калына не взял, а только просил, чтобы они жили в любви и согласии; и тут же выдал, а сам зажил богато».

Киргизские пословицы сырдарьинских киргизов, с переводом на русский диалект*

Как пословицы, так и песни редко переводчик с киргизского на русский может перевести складно и в рифму, даже невозможно, что и выходит на русском языке какая-то чушь, что видно из ниже мной написанных пословиц и песен.

* Пословицы у киргизов говорятся *макал*.

Жаман пшак – жасык ит, чабан ат, жаман катын жипсыз ультрер; Жаксы пшак – симис ит, журюк ат, жаксы катын кузьны нуры тултрар.

Тупой ножик – постно мясо, ленива лошадь, дрянная жена без нитки убьет; вострый ножик – жирно мясо, резва лошадь, хороша жена – у глаз зрачки наполнят.

Жаксы минин жулдас буса – джитесын мратына; жаман минин жулдас буса – каларсын уятына.

С хорошим товарищем достигнешь похвал, с дрянным товарищем – останешься в стыду.

Жаксыдан жаман туар, баксыдан якшы туар.

От хорошего дрянной родится, от ворожей – хороший родится.

Слу слу имес – сюйген слу.

Не красавица красива, а любимая красива.

Жургага мынген жулдасынан аирылады.

Сидевший на иноходце с товарищем разъедется.

Майдан тамар, байдан жугар.

От масла капнет, от богатого пристанет.

Жимесенда май якшы, бермесен да бай якшы.

Хоть не ест, но масло хорошо; хоша не дает, но богач лучше.

Казак байса катын алар, сарт байса – там салар.

Киргизец если разбогатеет – жен берет, бухарец разбогатеет – строится.

Капырга синьме – дыни жок, суга сеньме – тюбе жок.

Грешнику не верь – веры нет, воде не верь – дна нет.

Куянминин уйняма – чарчарсын, утминин уйняма – куерсын.

С зайцем не играй – устанешь, с огнем не играй – сожжешься.

*Несколько слов киргизской старинной песни**

Ак куилюк, ала бисмет, кызыл штан,
Бер кызны доусы чига кунь чигыстан.
Кажары жараспайды казак игкен,
Итопьтан кизе алпыс сом куйлюк кииген.

Бела рубашка, пестра бишмет, красны штаны,
Одной девицы голос отслыхивается с востока,
Стремена не подходящи, киргизец опиливал,
Из тофы аршин в шестьдесят рублей рубашку надел.

Составленная песня тремя жирчами, что если им бы удалось нажить миллион суммы, то они что бы делали

Мен алсам бир миллион сума клып,
Сунда жатыр едим хакка тоба клып.
Онча давлет биткенда нибулареды,
Айтаин уиляганымда жура клып.
Ин аюль булар едым купеш первой гильдий,
Жалдасам он прикащик баре ишынды.
Бухар минин Аштраханьда аралатап,
Кытайга журьгузер едым совдагурьда.
Уйтам салдырсам трехятажный
Тас булаттан.
Литагип золотойдан буса капкам,
Магарина биш юз танька ахча салап
Бир слу купеш кызы некелетсем,
Уч тройка ат чикчем каракуктен,
Кучером кара бархат тонды буса жиккен.
Урамга жиккен чанам мын тенькелик.
Абзилем жаркарается кумызлеткен.

Если б мне нажить миллион суммы,
Тогда лежал бы богу каясь.
Столько богатства если б досталось, то б было,

* Песня по-киргизски называется *улен*.

Скажу вздумано, дома бы построил.
Сначала бы стал купцом первой гильдии,
Нанял бы приказчиков из разных сословий,
С Бухарой в Астрахань бы посылал,
С Китаем завел бы торговлю.
Дом бы сделал трехэтажный
Из камня со сталью,
Вылил бы из золота ворота,
Отцу пятьсот бы денег отдал
И на его красивой купеческой дочери бы обвенчался.
Три тройки лошадей бы запряг темно-сивых,
Кучера бы одел в черно-бархатный тулуп,
На улицу запряг бы сани в тысячу целковых,
Сбруя чтоб горела серебром.

Сочиненная песня киргизом о своей любовнице

Кагаз жаздым калям тутоп,
Коп отурдым сыне кутеп.
Мин келемын астымда ат ман басап,
Усу куни чирягом отурма икен, жатырма икен,
Чарчитурьде тогайдага часлгын сасып
Он ика ай жазы, кысы бер ай курман,
Карача хан улы кул кылган.
Аягамда жай тастап жай аламын,
Уленда коп айтамын буруньгудан,
Карасан алтын тседы чирягомны бурумнан,
Син чирягом урумы жиккен мын танькалик
Чананы калканындай,
Он ика чирятлап жазласын
Жибек масаты арнаундай.
Аузынан чиккан лебез дерьтке дарьмен,
Бухарны шекер алва толканындай,
Мунда буралмайсын зафа талдай,
Яхутан жузанда курьмек кумбредым,
Алля кандай.

Иртеге уткен Юсуп минин Залихадай*,
Инды разы бул бызга, кунуль камлы битты сызга,
Арь никылся худаины узе бюрюга, талапын
Талптнур келер кузьге.

Письмо писал перо держамши,
Много сидел тебя дожидавши.
Я приеду, подо мной лошадь бодро ступамши,
Сегодняшний день малая сидит ли, лежит ли,
Впереди как зелена душиста трава,
Из двенадцати месяцев зимы и лета один месяц курман
Черного ханский сын крестьянином сделал,
Ноги я мешкатно бросаю, мешкатно подымаю, песню говорю,
Больше прежнего как посмотришь
С милой золото надет со стану, ты мила,
Как у русского запряжены в тысячу целковых саней,
Крылья двенадцать скрутишься, расправишься,
Как шелкового бархата основа.
Изо рта выходят слова для хвори,
Лекарство и точно бухарский сахар и яблошно толокно,
Шею не воротишь, дорогая яхонт есть
Охота лицо посмотреть как прежде,
Прошедших Осифа с Залихой.
Ну довольна будь мной, наполнился душой,
Доволен тобой, чего бы не делалось по божьему веленью,
Вздуманный замысел предпримем на будущую осень.

Исследование мое производилось в Туркестанской области в Казалинском уезде в Раимской, Костамской и Каракульской волостях и в уезде Перовском. Занятие и обычай у киргизов по реке Сырдарье однообразны, исключая одного рода киргиз, называемых *кожинцы*, которые в брак только входят много ближе родством против своих одноплеменников, которые вступают в брак в третьем или четвертом колене родства. Вышеописанные мною обычаи, промыслы и ремесла не принадлежат к другим азиатцам, как-то: к бухарцам, коканцам, хивинцам, трухменам и каракалпакам, а исключительно к одним киргизам; но у вышесказанных племен браки и вступление в брак родством почти что в одинаковых степенях, разнообразица есть только в занятиях и в юридических обычаях.

* Залиха в переводе означает царя Ирода жена.

Всепокорнейшее прошу Императорское Русское географическое общество, по отпечатании сей тетради, выслать один экземпляр мне для соображения, насколько в печати разъяснится и будет развита, дабы более иметь понятие к собиранию сведений.

С искренним уважением к Императорскому Русскому географическому обществу, имею честь быть слугой

Оренбургский 2-й гильдии купеческий сын
Дмитрий Ульянов Белов

Местожительство имею в Туркестанской области в уезде и городе Казалинске в собственном доме.

1869 г., генваря 10-го дня, г. Казалинск при реке Сырдарье.

Добавление

У киргизов летоисчисление считается от рождения Магамета. Например, у нас от рождества Христова считается 1869 лет, у киргизов только приходится 1286 лет. Года разделяются на двенадцать названий, а именно: *жилкы, кой, барс, сыир, донгуз, лу, менин, куян, таук, ит, чишкан, жылан*. Неделя у киргизов считается с пятницы, дни имена называются именно: *жума, шемба, якшенба, душенба, шишемба, сарсемба, бисемба*. У киргизов есть высчитывают, какая будет зима и сколько пролежит снег. Делают вычисление так: считая с весны по сходу снега через сколько дней сделаются жары и в какой день и высчитывают сначину холодов в бывший весенний жаркий день, зимой должен быть большой мороз в этот день. Такие выислители у киргизов называются *исепчи*. В году *куян* киргизы зиму считают жестокой.

У киргизов сырдарьинских жен на обмен никогда не берут и не меняются и этого вовсе нет в обычае; и также не женятся на прогнанной однажды отцом на второй жене, что даже не допущает и не дозволяет мусульманский шаригат. За приемышей дочерей выдают, но весьма и очень редко, потому лишаются *калына* и считают неприличным. Если киргиз убьет свою жену, то платит *кун* тестю. Киргизы в прежние времена давали в приданое невольников-персиян, которых покупали у трухмен и в Хиве; если хозяин убьет невольника, за что ничего не взыскивалось, невольник на киргизском языке говорится *кул*.

От киргизов русские купцы приобретают через фабричный товар, более – на мануфактурный, на мену следующие товары, а именно: баранов, рогатый скот, лошадей, верблюжью шерсть, баранью шерсть и *жабагу*; сырые, т. е. сырые кожи, овчину, мерлушку, сало, зверя, как то: лису, волка; кошму или войлоки. А на Сырдарье также и приобретают на размен товара в зерне хлеб, как-то: пшеницу, ячмень, просо и небольшую часть ржи. Ячмень, пшеницу, рожь сбывают русским обывателям, а просо сбывается обратно киргизам. Козий пух приобретают от киргизов преимущественно под Туркестаном и под Бухарой, потому в упомянутых местах киргизы держат более козлов. Сбыт товара идет в киргизы преимущественно мануфактурный: красная кожа, юфть, которую киргизы называют *булгара*, и листовой простой табак.

Из Бухары и Хивы привозят для сбыта киргизам на Сырдарью товары, как-то: мату и буяки, шелковые и бумажные халаты и бишметы, бумажную пестредь, что у киргизов называется *сареньжа*; шелковые кушаки, тюбетейки, корень марены, полубумажный пунцовый бархат, парчу, что киргизы называют *патчай*; ичиги с калошами, бумажные кушаки, одеяла, ковры, табак, крупу сорочинскую, *саур*, т. е. зеленую кожу. Вывозят с Сырдарьи в Бухару и Хиву сырые кожи, сало, баранов, рогатый скот, лошадей, кошму. Рогатый скот и лошадей преимущественно гоняют в Хиву.

Также русские купцы сбыт большой имеют товаров в Бухаре и Хиве. Товар сбывается, именно: сукно, тафтик, зеленый ситец, сарпинка, белый коленкор, платки пунцовые, мебельный

ситец, вообще мануфактурный товар, кроме узкой китайки и нанки; чугун, железо, медь, квасцы, семя канцелярское, сандал, глиняная посуда, шпиатр, медная проволока, сахар, леденец, сахарный песок, конфекты простые, воск, мед, зеленый чай, кирпичный чай. Вывозится из Бухары и Хивы русскими купцами следующие товары: шелк, каракульская и крымская мерлушка, простая мерлушка, мешина, куница, лиса, ляпис-лазурь, хлопчатая бумага, пряденая бумага, кишмиш, выбойка, шелковые кушаки, парча, шелковые и бумажные халаты и бишметы, мата, канауз, ковры, шелковые хлопья, коконы*. В Бухару и Хиву также идут шандалы, подносы медные, олово, стеклянные бусы, коралл, мишура, листовое белое и черное железо, ирбитские сундуки, черная кожа, красная юфть, московская чалма, медные подносы и тазы.

Оренбургский 2-й гильдии купеческий сын
Дмитрий Ульянов Белов

РНБ. Отдел рукописей. F. IV. 551. Л. 436–457 об. Подлинник.

* Крупные торговцы преимущественно вывозят из Средней Азии хлопок, шелк, каракульскую и крымскую мерлушку.

Абдул (Абдулка), казах 570, 578, 579
Абдулазис, сын хивинского хана Аллакули 619
Абдулка см. Абдул
Аблай см. Абылай
Абулкаир, султан Среднего жуза 118
Абулфеис (Абелпеис, Абельпеис, Абылпеис) (ум. 1783), султан, сын хана Среднего жуза Абулмамбета 43, 45, 48, 50, 51
Абулфеис Шамин, султан Среднего жуза 116, 117
Абылай (Аблай) (1711–1780), султан, хан Среднего жуза, старший казахский хан (1771–1780) 17, 42, 43, 45–51, 53, 54
Авдотья Ивановна (Дуняша), жена Я. П. Жаркова 433–435, 437, 441, 442, 445, 448–455, 457, 460, 474, 483, 498–501, 556, 569–571, 574, 576–578, 591, 592, 595, 621, 623–632, 634, 638–640, 643–646
Авознияз Телибаев, казах аула № 2 Каракульской волости Казалинского уезда 689
Агадай Абулфеисов, султан Среднего жуза 124
Агафья см. Селедка Агафья
Адай 597, 648
Адак, казах племени керей Среднего жуза 18, 53
Адиль, султан 449
Адиль Аблайханов, султан Старшего жуза 128
Аиязов Миркурбан, ташкентский караван-баши 121
Айдарбек 648
Айдаргай 597
Ай-паша, дочь хивинского хана Аллакули 619
Айтан, казах подразделения каракерей племени найман Среднего жуза, брат старшины Девлетбай-батыра 15, 46
Айчувак (1723–1811), хан Младшего жуза (1797–1805) 462
Аккииз 648
Актюбет (Ахтюбет), бий подразделения байжигит племени найман Среднего жуза 86, 87
Акша, казах племени керей Среднего жуза 18
Алакул (Ала-Кул) см. Аллакули
Алача (Алача-хан) 504, 597, 648

Алексей Егорьевич 615, 616
Алексей Михайлович (1629–1676), русский царь (1645–1676) 510, 511, 534
Алексей см. Битков Алексей
Алеша см. Битков Алексей
Алим (Чумян) 598, 648
Алимбай, казах племени уйсын Старшего жуза 17, 50, 51
Аллакули (Алакул, Ала-Кул, Аллакул) (1794–1842), хивинский хан (1825–1842) 453, 467–469, 618, 619
Алтай Миняшев, старшина племени аргын Среднего жуза 134, 205, 206, 227, 228, 231, 236, 251, 287, 298
Алтын 597
Алтынбай 648
Алчин (Алчин-хан, Альчин) 504, 597, 598
Альджибай, кыргыз, племянник манапа Есен-Амана 403
Альчин см. Алчин
Аман, казах 205
Амарбай, казах, посланник султана Абылая к китайским властям 46
Амегень-Убыш, торгутский нойон 59
Амиров Халит, казанский татарин, купец 99, 106
Андрей (Андрюха), пленник 471–473
Андрей, уральский казак 477
Андрюха см. Андрей
Антипов 484
Антоша, слуга Я. П. Жаркова 446, 448, 475
Аралбай, батыр, старшина племени керей Среднего жуза 13, 42
Араслан см. Арслан Джантюрин
Аргын 504
Ардана 648
Арина Ильина дочь см. Ирина Ильина дочь
Арслан (Араслан) Джантюрин (ум. 08.07.1855), подполковник (с 1853), сын хана Младшего жуза Джанторе, султан-правитель Средней части оренбургских казахов (1841–1855), убит при нападении на его лагерь отряда казахов под предводительством батыра Есета Котебарова 442, 452
Артемий Петрович, лекарь 433

Асан, сын Жакима 648
Асан, сын Кычкыне 648
Асат 490
Асмий, казанский татарин, приказчик купца Халита Амирова 99, 105, 106
Ахам-бек, правитель мусульманской Кульджи 109
Ахтюбет см. Актюбет
Ахындербеш, казах племени шапырашты Старшего жуза 52
Ашухул, торгутский нойон 59
Аю 648

Баба-батыр, старшина племени шапырашты Старшего жуза 21, 58
Бабаджан-хан см. Мухаммед-Амин
Баженов, подпоручик, плац-адъютант Троицкой крепости 134
Базар, старшина подразделения тортуул племени найман Среднего жуза 117
Баиль 648
Баим, казахский старшина 51
Баимбет 648
Байбакты 597
Байгунды-Аргынбай, баксы 636–638
Байков Федор Исакович (1612–1663/1664), глава русского посольства в Китай в 1654–1657 гг. 63
Баймухаммед Айчуваков (1790–30.03.1847), генерал-майор, султан-правитель Западной части оренбургских казахов (с 1830) 453, 462, 465
Байулы (Кыдыр-ходжа) 597
Бакчак 648
Бамбар (Бамбур), торгутский нойон, сподвижник наместника Калмыцкого ханства Убаши, возглавившего откочевку большей части калмыков в Джунгарию в 1771 г. 59, 249
Барак-батыр, казах племени уйсын Старшего жуза 38, 39
Барак-батыр см. Карабарак-батыр
Барангул, батыр, дистаночный начальник 453, 499, 461, 465, 468, 471, 474, 475, 482, 609
Бату (Батый) (ок. 1209–1255/1256), правитель улуса Джучи 521

Башко, зангин 61
Баян, казах племени шапырашты Старшего жуза 50
Безносиков, коллежский асессор 81
Бекович-Черкасский Александр (ум. 1717), князь, капитан Преображенского полка, руководитель военного похода в Хивинское ханство в 1714–1717 гг. 618
Белов Дмитрий Ульянович, оренбургский 2-й гильдии купец 647, 697, 699
Берхашк, торгутский нойон 59
Берындынкул 648
Бёрнс (Борнс) Александр (Искандер) (1805–1841), английский дипломат 604
Би-паша, дочь хивинского хана Аллакули 619
Бирш 597
Битков Алексей Егорьевич (Битка Алеша), пленник 605–607, 609, 610, 611, 613–615
Богданов, секунд-майор, впоследствии генерал-лейтенант 63, 65, 81
Богихо, маньчжур 117
Болван 648
Бопы (Попа) Абулфеисов, султан Среднего жуза 95, 99, 124
Борнс Александр см. Бёрнс Александр
Бубеннов, губернский секретарь, переводчик 121, 133
Букей (1748/1749–21.05.1815), султан Младшего жуза, хан Внутренней орды (1812–1815) 468
Буко-батыр, старшина подразделения каракерей племени найман Среднего жуза 14, 43, 46
Булат (ум. после 1798), хан группы родов племен аргын и конрат с центром в городе Туркестане, старший сын хана Абулмамбета 51
Булыгин, инженер-подполковник 133
Булюк 648

Ванюха 545–547
Василий 520
Волконский Григорий Семенович (1742–1824), князь, генерал от кавалерии, оренбургский военный губернатор (1803–1817) 134, 202, 203

Волошанин Григорий, сибирский казачий атаман 12, 41, 42, 62
Вольф Иосиф (1795–1862), англиканский миссионер и путешественник 603, 604

Галдан-Цэрен (Галдан) (ум. 1745), джунгарский хунтайджи (1727–1745) 95, 96
Ганс Самуель 473, 474
Геке Карл Карлович, полковник, впоследствии генерал-майор и наказной атаман Уральского казачьего войска 469
Генс Григорий Федорович (1787–1845), поручик Оренбургской инженерной команды, впоследствии генерал-майор и председатель Оренбургской пограничной комиссии 134, 135, 187, 201, 203, 298, 317, 330, 356
Георгий Ларионович, торговец 441
Герман 1-й, маркшейдер203, 293, 298, 300
Герман 2-й, шихтмейстер 203
Глазенап Григорий Иванович (1751–1819), генерал-лейтенант, командир отдельного Сибирского корпуса 82, 121, 128
Горчаков Алексей Иванович (1769–1817), князь, управляющий Военным министерством 203
Грушенька 524
Гумиров Абдулгазы, казанский татарин, купец 116
Гун-Гулды, нойон, командующий китайским караулом Костюбе 80
Гурьев Дмитрий Александрович (1751–1825), граф, министр финансов 203
Густав Богданыч, аптекарь 433

Даль Владимир Иванович (Казак Луганский) (1800–1872), русский писатель и лексикограф 485
Дамя, дочь пленницы Ирины Ильиной от казаха Енасбая 51
Даут, почетный казах 205
Девлетбай, казах 54
Девлетбай-батыр, старшина подразделения каракерей племени найман Среднего жуза 15, 43, 46
Деулет-батыр, старшина племени шапырашты Старшего жуза 51

Дехтярев (Дехтерев), подпоручик Звериноголовского гарнизонного батальона 203, 330
Джабай Шаниязов, султан Среднего жуза 118
Джакуб см. Жарков Яков Прохорович
Джалгын, дочь казаха Кучака 513–519
Джаппас 596, 597
Джидиру (Читарву) 598, 648
Джулдугул, казах 516–518
Джума Худаймендин, султан Среднего жуза 230
Добрыня Никитич 558
Дозбакеев Енак см. Тозбакеев Еняк
Доржа, калмык, туленгут султана Ючи Абулфеисова 93, 98
Доржи см. Петров Михайла
Дреер, поручик 12, 19, 20, 55
Дунга, торгутский нойон 59
Дундук, калмык, туленгут султана Бопы Абулфеисова 96, 99, 102, 106, 107
Дуняша см. Авдотья Ивановна
Дюрьткара 648

Егор Захарьич (Кеворок), армянин 602–609, 612
Егор, пленник 471
Елгаайтер, казах племени шапырашты Старшего жуза 18
Ельчибай 105
Емангул Бактыбаев, казахский старшина 352
Енасбай, казах племени шапырашты Старшего жуза 51
Еренбел, торгутский нойон 59
Есен-Аман, кыргызский манап 403
Естафий, святой мученик 521

Жагалбайли 648
Жаильган 647
Жаким 648
Жангазы-хан, сын султана Ширгазы Каипова, хан группы казахских родов Младшего жуза в низовьях Сырдарьи 685
Жарков Яков Прохорович (Джакуб), купец 432, 441, 442, 445, 452, 453, 498–501, 570, 571, 576, 646
Жерард, доктор 604

Зугут Кубеков, бий, сын старшины Кубека Шукуралиева 205, 206

Иван Васильевич Грозный (1530–1584), русский царь 510
Иван, пленник 468–470
Иван, пленник 471
Ильтезер (Эльтузар) (1760–1806), хивинский хан в 1804–1806 гг. 619
Илья Муромец 558
Ирина (Арина) Ильина дочь, пленница, жена драгуна Никиты Самарина, дочь крестьянина Ильи Ренева 18, 51, 52
Исатай Тайманов (1791–12.07.1838), старшина рода берш Младшего жуза, руководитель восстания 1836–1838 гг. во Внутренней орде 469
Исеньалы 648
Искандер см. Бёрнс Александр
Исмамбет-Бирлыбай-Балгасы, баксы 636–638
Иссык (Ссык) 597, 648
Итзыбек-батыр, старшина племени керей Среднего жуза 42
Ичига, казах подразделения каракерей племени найман Среднего жуза, племянник старшины Девлетбай-батыра 46
Ишим (1744–27.03.1797), хан Младшего жуза (1795–1797) 468

Кабак 648
Кабин Карабоков, казах 528
Казак Луганский см. Даль Владимир Иванович
Казанцов, сотник Оренбургского казачьего войска 204
Каип (ум. 1791), хивинский хан (1746–1756), сын хана Батыра, внук хана Каипа 51
Каип-Гали Ишимов, султан Младшего жуза 468, 469
Калинин Лавр, староста 546, 547
Калкаман 597
Камбар Шаниязов, султан Среднего жуза 83, 86–88, 92, 118, 119
Кансуер, жена казаха Коземаса, дочь старшины Умир-батыра 52
Кантай, казах 471
Карабарак-батыр (Барак-батыр, Харабарак-батыр), старшина племени найман Среднего жуза 13, 18, 19, 43, 52–55, 58

Карагуз 597
Каракисек 648
Каспаров Дмитрий, армянин, сын Артемия Каспарова 204
Каспаров Артемий, армянин 204, 227, 229, 230
Качкынбай, казах 119
Кеворок см. Егор Захарьич
Кете 648
Кети-батыр, казахский старшина 16
Киммамет, туленгут султана Адиля Аблайханова 128
Кинжахара, казах, посланник султана Абылая к китайским властям 46
Киреп, торгутский нойон 59
Кичик-Аблай (Кычик-Аблай), казахский старшина 51, 53
Клюк 648
Кницель, фон 552
Коземас, казах племени шапырашты Старшего жуза, брат старшины Деулет-батыра 52
Койдагул Алтаев, казах племени аргын Среднего жуза, сын старшины Алтая Миняшева 205, 331
Коскулак 648
Кочубек, кыргыз, титулярный советник, племянник манапа Есен-Амана 403
Кубек Шукуралиев (Шикур-Алиев), титулярный советник, старшина рода жаппас Младшего жуза 205
Кузьма Фомич, бухгалтер 484
Кузьма 545, 547
Куламан 648
Куланбай, казах племени шапырашты Старшего жуза, брат старшины Деулет-батыра 51
Кулмурза, старшина подразделения тортуул племени найман Среднего жуза 87, 117
Култас 648
Кулуев Иксан, башкирский старшина 204
Кулумбет 648
Кулюмбет 648
Кулчан-батыр, старшина племени уйсын Старшего жуза 50
Кульдей 648

Кунакай, казах подразделения байжигит племени найман Среднего жуза 86
Курманай 648
Кутень-батыр (Кутой-батыр), старшина племени керей Среднего жуза 52, 53
Куттук 648
Кучак, казах, отец Джалгын 513, 515–519
Кыдыр-ходжа см. Байулы
Кызыбек-батыр, старшина племени керей Среднего жуза 13
Кызыл-Курт 597
Кычик-Аблай см. Кичик-Аблай
Кычкыне 648
Кыякэ 597

Лаблаш Луиджи (1794–1858), знаменитый оперный певец 484, 485
Лещев, смотрительный помощник 14-го класса Омского военно-сиротского отделения 357, 431
Лозонжап, ойратский нойон 59

Мадриим-хан см. Мухаммед-Рахим
Мамбет-бай, казах 343, 344
Мамут, торгутский нойон 59
Марга Шетенов, казах подразделения каракерей племени найман Среднего жуза 46
Маргу-батыр, казахский старшина 16
Марианна, армянка, жена Кеворока 602, 603, 608, 609
Марко-батыр, казах 48
Мартын, армянин 453, 471–473
Марья Денисовна (Маша), пленница 592, 605–615
Маскар 597
Масленников, дворянин, рядовой Оренбургского гарнизонного полка 204
Маша см. Марья Денисовна
Меньшенин, практикант, впоследствии шихтмейстер 203, 330, 356
Мирон Степаныч, торговец 602, 615, 616
Митрев Федор, пленник 609, 611, 613, 615, 616
Михаил (Михайло), князь Черниговский 521

Монин, хорунжий 379
Монко-батыр, старшина племени уйсын Старшего жуза 18, 38, 52
Мосевна 524
Мугамет см. Мухаммед
Мулла-Мурат см. Путинцев Андрей Терентьевич
Муса-батыр, старшина племени аргын Среднего жуза 230
Мухаммед Утемисов (1803–1846), казахский поэт и батыр 469
Мухаммед (Мугамет), пророк 697
Мухаммед-Амин (Бабаджан-хан) (1817–1855), хивинский хан (1845–1855) 469, 618, 619
Мухаммед-Рахим (Мадриим-хан) (1775–1825), хивинский хан (1806–1825) 618, 619

Назар 648
Наполеон Бонапарт (1769–1821), французский император (1804–1815) 526, 565
Насрулла (1806–1860), бухарский эмир (1827–1860) 473
Науруз, башкир 164
Наурус-батыр, старшина племени шапырашты Старшего жуза 50
Нерпин, тарский 1-й гильдии купец, коммерции советник 82, 83, 93, 94, 106, 115, 116
Николай Павлович (1796–1855), российский император (1825–1855) 462
Ногай (1235/1240–1300), золотоордынский темник 142
Нуралы (Нурали) (ок. 1710–1790), хан Младшего жуза (1748–1786), старший сын Абулхаир-хана 45, 51, 59

Ойдун, торгутский нойон 59

Павел I (1754–1801), российский император (1796–1801) 64
Паллас Петер Симон (1741–1811), знаменитый немецкий и русский ученый-энциклопедист, естествоиспытатель, географ и путешественник 142, 143
Пальмерстон Генри Джон Темпл (1784–1865), премьер-министр Великобритании (1855–1858, 1859–1865) 565
Пантелей 609, 611, 612
Панфил 545, 547

Пахомка 545, 547
Перовский Василий Алексеевич (1795–1857), оренбургский военный губернатор (1833–1842), оренбургский и самарский генерал-губернатор (1851–1857) 474
Петр Великий (1672–1725), русский царь, с 1721 г. российский император 510, 523
Петров Михайла (Доржи), крещеный калмык 60, 61
Петрусенков, штаб-лекарь Троицкого гарнизонного батальона 204
Попа см. Бопы Абулфеисов
Попов, купец 394
Попов 501
Порозов, практикант 203, 298
Потемкин Григорий Александрович (1739–1791), светлейший князь, генерал-фельдмаршал 64
Путинцев (Путимцев) Андрей Терентьевич (Мулла-Мурат) (род. 1780), коллежский регистратор 82, 99, 120

Рахимкули (Рахманкул) (1804–1845), хивинский хан (1842–1845), сын Аллакули-хана 469, 619
Рахманкул, инак, сын хивинского хана Мухаммед-Рахима 469
Рахманкул см. Рахимкули
Реимбака см. Решев Реимбака
Ренев Иван, крестьянин 52
Ренев Роман, крестьянин 52
Решев Реимбака, бухарец, приказчик купца Нерпина 83, 84, 86, 88, 89, 93, 98, 99, 105–107, 115, 117,

Самарин Никита, драгун 18, 51
Сарт Ючин, султан Среднего жуза 93, 94
Сеид-Ахмет-тюря, сын хивинского хана Мухаммед-Рахима 619
Сеид-Махмет-тюря, сын хивинского хана Мухаммед-Рахима 619
Сеид-Махмуд-тюря, сын хивинского хана Мухаммед-Рахима 619
Селедка Агафья, пленница 471
Семенов 501

Ситников, губернский секретарь, переводчик Троицкой таможни 134
Срым 648
Старицын, драгун Вологодского драгунского полка, толмач 28, 32, 43, 57–59
Старков, сотник 128, 131
Степан Кузьмич 602, 603, 615
Ссык см. Иссык
Сысоев, подпоручик 203
Суюк (Сюк) Аблайханов, султан Старшего жуза 380

Табын 648
Таз (Тазлар) 597
Тайжин, торгутский нойон 59
Тальони Мария (Тальонова) (1804–1884), итальянская балерина 485
Тама 648
Тана 597
Татран 648
Темир-Аксак (Темирлан) 111, 401
Танжи, торгутский нойон 60
Тенгри-кул, сын хивинского хана Мухаммед-Рахима 619
Тилямыш, казах подразделения тортуул племени найман Среднего жуза, сын старшины Базара 117
Тлеу 648
Тозбакеев Еняк (Дозбакеев Енак), служилый татарин, толмач 42, 43, 46, 48
Токта-Гучук, султан Среднего жуза, брат султана Камбара Шаниязова 119
Торжеев Сага, торгутский зайсан 59
Тя-Чашин-Сахары-ноен, начальник Хоргосского караула 26

Убаши (Убуша, Убуши), наместник Калмыцкого ханства, в 1771 г. возглавил откочевку большей части волжских калмыков в Джунгарию 33, 42, 44, 45, 48–50, 52–55, 58, 59, 61
Ужрай 648
Улан, казах племени керей Среднего жуза 52
Ульджан-паша, дочь хивинского хана Аллакули 619
Умир-батыр, старшина племени керей Среднего жуза 52

Ураков, князь 478
Урус 648
Усен 648
Усинбай, казах 48
Утяй, казах 516, 518
Уфа, казах племени шарырашты Старшего жуза, брат старшины Деулет-батыра 51
Ухунхай, ойратский нойон 59

Федор Алексеевич (1661–1682), русский царь (1676–1782) 510
Федор см. Митрев Федор
Федоров Михайла, обер-аудитор 41, 62
Фекла 434, 435, 445, 446, 448, 449, 451, 475, 496, 569–571, 576, 578, 579, 592, 644
Феофилатьев, подполковник, комендант Троицкой крепости 134, 186, 201–203, 256, 298, 317, 356

Хайту-Шерин, ойратский нойон 59
Харабарак-батыр см. Карабарак-батыр
Харабаш-салтан 50
Харашукур, казах 54
Хожимергень-батыр (Хожибердей-батыр), старшина племени керей Среднего жуза 13, 42
Хозо, казах племени шапырашты Старшего жуза 50
Худай-Менды, султан Среднего жуза, сын султана Камбара Шаниязова 87

Цебик, торгутский нойон 59, 61
Церин-Делек, торгутский нойон 59

Чалтак 597
Чекалов, надворный советник 134, 186, 201
Черкасов Василий, толмач 331
Черкес 597
Чибик, казахский владелец 59
Чингис-хан (ок. 1155–1227), основатель Монгольской империи 537
Читарву см. Джидиру
Чумен (Чумян) см. Алим

Чурень 648

Шапак, кыргызский манап 130, 132
Шапошников, коллежский асессор 526, 527
Шара-Кукун, ойратский нойон 59
Шерен (Шерин, Шерын, Ширин), ойратский нойон 42, 44, 45, 47–50, 53–55, 59, 61
Ширали, кыргызский манап 130, 132
Ширин см. Шерен
Шуйский Василий Иванович (1552–1612), русский царь (1606–1610) 534

Щербаков, инженер-поручик 226
Щетинин Петр, драгун 52

Эдель-Исян Аманов, казах 205
Эдыге (1352–1419), золотоордынский темник, основатель династии правителей Ногайской орды 142

Ючи Абулфеисов, султан Среднего жуза, 88, 93, 106

Язы Янов, старшина племени аргын Среднего жуза 188, 205, 264, 279, 298, 317, 331
Яков Прохорыч см. Жарков Яков Прохорович
Якуп Каракулов, почетный казах 205, 206
Янгус, казах племени уйсын Старшего жуза 50
Янкара, казах 18, 52
Янтугул, казах подразделения каракерей племени найман Среднего жуза, сын старшины Девлетбай-батыра 46
Яныш, казах племени керей Среднего жуза 53
Ярослав Мудрый (ок. 978–1054), великий князь Киевский (1016–1018, 1019–1054) 520

Аблакетка (Облакетка), речка 65–67
Аблайкитская (Облакетская) сопка 65
Аблайкитские (Облакетские) палаты 63
Абуга см. Обаган
Авлиякуль, озера 159, 160, 162, 171, 191, 241, 242, 244, 246, 248, 255, 320–322
Аганакты, река 68
Агышка (Агишка), речка (ключ) 15, 20, 37
Аджи-Таш-Тургай, речка 273
Азарыс см. Хазарасп
Азачку, горы 131
Азия 114, 537, 563, 564
Азов (Азовский град), город 531, 532
Айбугур 469
Айгырджаль, сопка 425
Айгыс, речка 423
Айрен, гора 88
Акбия, сопка 132
Акбулак, река 469
Акджайляу (Акджаулы), речка 368–370
Ак-кала см. Горская
Акмечеть, крепость 562, 563, 565
Аксу, город 91, 107, 108, 114, 121, 128, 131, 132
Аксу, речка 490
Аксу (Цаган-Усун), река 15, 20, 34, 37, 126, 383–385, 402, 404, 418
Аксу Вторая, речка 404
Аксыйрак, долина 132
Акташники, ключ 123
Актюбя-Аланг, урочище 469
Акчаули (Акчавлы), горы 123, 369, 370
Ала, сухое русло 20
Алабаш, озеро 264
Аладжида (Алажигда), речка 15, 386, 387, 417
Алаиде-Булак, ключ 385, 386

Алаколь (Алакуль), озеро 74, 94, 96–98, 105, 116, 124, 125, 372, 374–378
Алаколь (Алакуль), озеро 319
Алактугуль см. Сасыкколь
Алакус, ключ 417
Алатау (Алатав, Алатавские, Каратау, Куктау, Чалтыке), горы 124–127, 129–131, 377–379, 381–389, 391–402, 404, 408–410, 412
Алжир 566
Алла-Назар-Пан, могила 216
Алтай (Алтайский, Кара-Буйрюк), хребет 78, 119
Алтынемель (Камень, Алтын-Имель, Алтын-Тапши, Алтын-Тепси, Алтын-Тепши), горы (камень) 15, 16, 20, 22, 23, 28, 32, 52, 56, 74, 391–393
Аман-Карагай (Аман-Карагайский), лес 151, 156, 194, 195, 238, 239, 243, 247, 248, 259, 262, 312, 322, 330, 332, 334
Амбань-Хото см. Чугучак
Амударья, река 465, 490
Англия 509–511, 565
Андижан (Анджиан), город 114
Андрей-кала см. Кулагинская
Анин верх см. Гусиха
Антоновский (Антун), форпост 478
Аралсор 491
Аральское море (Арал-тенгиз) 142, 467, 490, 528, 635
Арарат, гора 498, 499
Арас, речка 74
Арасан, речка 95, 116
Арасантау (Уласуту, Улусуту), горы 94, 116
Аргакаты, гора 133
Аргалык, горы (сопка) 127, 133, 359, 429, 430
Арганаттау (Арганат-Тау, Арган-Ат-Тау), гора 187, 294
Арганаты, гора 420
Аркадия 512
Аркарлытау (Аркарлы), горы 88, 93, 117
Аркат, горы 362, 427
Архангельский город 511, 512
Астрау 463

Астрахань (Аштрахань), город 401, 464, 471, 499, 602, 603, 608, 694, 695
Асу, речка 411, 412
Атлактугуль, озеро 74
Атлакуль, озеро 74
Афганистан 603, 616
Ахтуба, река 508
Ачили-Агач, лес 345
Ачили-Джилга (Ачили), речка 345
Ачису см. Ащису
Аштрахань см. Астрахань
Ащи, речка 160, 195, 245, 333, 334
Ащи-Булак, ключ 419
Ащикуль, овраг 275–277, 307
Ащикуль, озеро 490
Ащису (Ачису), речка (ключ) 122, 425
Ащису, речка 490
Аягуз (Аягус, Аягуш, Аягыш), река 16–19, 38, 39, 44, 47, 50–53, 77, 122, 133, 366–369, 420–424
Аяк-Караул, сопка 360
Аят, река 145–151, 196, 226, 227, 229, 234, 244

Багас см. Бугаз
Баглан см. Звериноголовская
Баенаю, речка 126
Базар, река 72–75, 85
Баинда (Баинду), речка 104, 108
Бай-Назар-Карасу, речка (овраг) 313, 314, 333
Бай-Назар-Сандал, урочище 247, 250, 251, 255, 313, 321, 342
Байтумаккупа, озеро 162, 163, 249
Баксаевская (Чуй-кала), крепость 477
Бакты, китайский караул 88, 93, 117
Бактытау, горы 93, 117
Балакайтау см. Калба
Балта-Кара (Балтхара), горы (камень) 16, 366
Балта-Кара, речка 366
Балта-Карынын-Баши, ключ 132
Балтийское море (Варязьское море) 520

Балтхара см. Балта-Кара
Балхаш (Балкаш, Тенгис, Тиенгис, Тынгис), озеро 15, 19, 42, 44, 46, 50, 58–61, 77, 122, 127, 133, 367, 381, 382, 384, 388, 393, 416, 417, 419–421
Балыккуль, озеро 79, 83, 84, 363
Балыкликуль, озера 353
Балыклы см. Кайнар-Киши
Балыкчи-Адак, речка 67
Банное, озеро 207, 209, 211
Баратала см. Буратала
Барга-Сутей см. Бурга-Сутей
Баренцево море (Стюденое море) 520
Баркуль, город 49
Барлык (Барлук), горы 96–98, 124
Баскан, река 382–384
Баскан-Караул, горы 383, 384
Баты (Хокимаильхай, Хоки-Маильхай), китайский караул 83, 84, 119
Башкана, речка 20
Баш-Караул, сопка 360
Баш-Учку-Джиргес, речка 402
Бащи-Булак, речка 398, 399
Баянда, город 61, 111
Баян-Жунгур, сопка 53
Бедель-Дуван, горы 407
Безруково, деревня 18, 51, 52
Белокурийский, форпост 140
Белые горы 290
Бельгия 509, 510
Бельтеу, горы 371
Бельтеу, речка 369–371
Бендеры, город 59
Березовский отряд 527
Берлин, город 617
Бессарабская область 510
Биджа см. Быжы Вторая
Биджи см. Быжы Первая
Биджи, сопка 127

Биен (Биюн, Буён, Бюйлон), речка 20, 37, 126, 383–385, 418
Бийская, крепость 64
Биль-Карагай, лес 151, 251, 254, 255, 257, 260, 262, 292, 317
Бишмуйнак, горы (камень) 132
Биш-Тамак, горы 415
Биш-Тамак, речка 415
Богоз см. Бугаз
Богас, ключ 122
Бокюнь см. Буконь
Большой Алакуль (Чарджитым), озеро 246–250, 256, 321, 332
Большой Заук, гора 131
Большой Иргиз (Иргиз), река в Саратовской и Самарской областях РФ, левый приток Волги 476
Большой Казан-Башлы, озера 152, 195, 324
Большой Киндерли, озеро 152, 196
Большой Шамал, речка 25
Бордубай, речка 366, 367
Борек-Ичигир, река 59
Борлы, речка 99, 100
Борохудзир (Борохожир), речка 35
Борохудзирский (Борохожирский), караул 35
Борукли-Тал, березовые рощи 331
Бугаз (Багас, Богоз, Бугас), речка 75, 85
Буган, речка 72
Бугу-Чегындык, река 70
Бугун-Чугуляк см. Купкан
Бугунь, речка 12
Бугунь-Чугулак (Бугунь-Чугуляк) см. Купкан
Буён см. Биен
Буконь (Боконь, Бокюнь, Букюн), речка 69, 77–79, 84
Букурты, ключ 122
Букюн см. Буконь
Булабуха, речка 15
Буланай (Улыны), хребет 12, 13, 40, 79
Буратала (Баратала), озеро 99, 101
Буратала (Улан-Бара), китайский караул 100, 116
Буратала, речка 100–102, 105, 110
Бурга-Сутей (Барга-Сутей, Бургасутей), китайский караул 117–120

Бурли, гора 123
Бурукли, роща 247
Буруцкая землица см. Кыргызстан
Бухара (Бухар, Бухарея, Бухария), город 114 , 453, 471–473, 602, 613, 615, 657, 658, 662, 694, 695, 698, 699
Бухарское ханство (Бухара, Бухария) 46, 143, 178, 279, 285, 292, 463, 470, 602–604, 616, 642
Бухтарма, река 63, 81
Бухтарминская (Бухтарма), крепость 82, 119, 120
Быжы (Биже, Бижи), речка 21, 22, 390, 391, 416
Быжы Первая (Биджи, Мукур), ключ 127
Быжы Вторая (Биже Вторая, Биджа), речка (ключ) 127, 390, 391
Быжы Третья (Биже Третья), речка 390–392, 415
Былкылдак, речка 67, 68
Бюйлон см. Биен
Бюрулы, горы 368–370
Бюрулы, речка 368

Варязьское море см. Балтийское море
Верхнеуральск (Тал-кала), город 478
Верхняя дистанция Уральской линии 439
Виндзор, замок 552
Владимир (Володимер), город 521
Внутренняя дистанция Уральской линии 439
Внутренняя орда 468, 469
Внутренняя Уральская линия 439
Войлочные, горы 82
Войлошная, речка 81
Волга, река 44–46, 51, 59, 142, 433–436, 502, 507, 607
Володимер см. Владимир
Вороний, пикет 119
Восток 603
Выйтанзы, китайский караул 88, 93, 94, 117

Гамбург, город 453, 473
Гобда, город 91
Горская (Ак-кала), крепость 477
Горькая линия 229, 355

Гребенщиковский (Кырмчик), форпост 477, 478
Гулчегайнак см. Кульджа
Гурбан см. Шар
Гурьев (Гурьев-городок, Уйчук-кала), город 439, 464, 477
Гусиха (Анин верх), селение 436
Гязяр 616

Давлетбак, речка 346–348
Давлюткуль, озеро 490
Данабике (Данабика), река 163–165, 172, 193, 334
Дарья см. Сырдарья
Дельбегетей (Дельбигитей), гора 121, 358, 359
Джаирма, речка 362, 363
Джайак см. Урал
Джаксысу, речка 490
Джамансу, речка 490
Джанабеккуль, озеро 347, 348
Джанжун-Хото см. Кульджа
Джаничке, урочище 490
Джидасу, урочище 252, 255, 257, 258, 260–262, 277, 290, 310–313, 321, 333, 342, 361–364, 423, 427
Джилды-Кара см. Жельдыкара
Джильдегара см. Жельдыкара
Джилькара см. Желькара
Джиргакан, речка 131
Джиргалы, речка 402–404
Джирганаты, речка 398–400
Джирюй-кала см. Редутский
Джитогус см. Житы-Угус
Джунгария (Зенгорская земля, Зюнгария, Зюнгорское владение) 44, 46, 59, 65
Дингиз см. Убаган-Дингиз
Днепр, река 520
Долонкара (Долон-Кара), горы (холмы) 119
Долоты, речка 96, 97
Дрезден, город 617
Дуллагай см. Толагай
Дямбе-Тургай (Дямбы-Тургай), река 266, 267, 270, 310, 311

Европа 565
Екатеринославская губерния 508
Емба см. Жем
Емель (Имиль), река 74, 93–95, 101, 105, 116
Ергету-Танзы, китайский караул 117
Еспе (Испе), речка 79, 366

Жаксы Кызылтас (Якши-Кызылташ), горы 367, 368
Жаланашколь (Ташкылы, Яланачкуль), озеро 97, 98
Жалгызагаш (Ялгыз-Агач), речка 88
Жалтырколь (Ялтеркуль), озеро 142, 144, 234, 236
Жаман Кызылтас см. Яман-Кызылташ
Жамантас (Яманташ), горы 427, 428
Жамантуз (Ямантус), озеро 165, 166, 192
Жарколь (Яркуль), озеро 256, 258
Жельдыкара (Джильдегара), горы 390
Жельдыкара (Джилды-Кара), сопка 127
Желькара (Джилькара), горы 361, 363–365
Жем (Емба), река 507
Зюнгария (Зенгорская земля, Зюнгорское владение) см. Джунгария
Жигда, речка 20, 37
Жиран-Зурган, река 59
Житы-Угус (Джитогус), речка 131, 404, 405
Жуантобе (Ювантюбе), гора 122
Жузагаш (Юзь-Агач), речка 84, 85
Жузагаш (Юсагач, Юс-Агач), урочище 18, 38, 76, 421
Журавлиха, селение 436

Забайкальская область 510
Зайзер, река 59
Зайсан (Нор-Зайсан), озеро 63, 73, 76, 77, 84–86, 118, 119, 364, 370, 372
Западная Сибирь 600
Заука (Зауки), горы 131
Заука (Зауки), речка 131
Зауральские степи 469

Звериноголовская (Баглан), крепость 153, 156, 164, 184, 188, 202, 206, 228, 229, 231, 232, 246, 255, 317, 330, 333, 334, 351–356, 478, 527
Зеленовский, форпост 478
Золотая Орда 142
Зун-Мудон см. Юс-Агач

Игин-Булак, болото 98
Игинли (Игинчия), речка 123, 124
Игинсу, речка 83
Игинчия см. Игинли
Игрекей, горы 363, 426
Иерусалим, город 505
Израиль 604
Илак см. Илек
Иле (Или, Илле, Ильле, Ильля, Илю, Иля, Ыльля), река 22–26, 28, 29, 31–33, 43–50, 52–55, 58–62, 103, 104, 108, 110, 128, 129, 133, 383, 393–395, 410, 412–415
Илек (Илак), река 477, 490
Илецк (Илецкий городок) см. Соль-Илецк
Илецкая, станица 438
Илецкая Защита см. Соль-Илецк
Или (Илле) см. Иле
Илтакт 124
Илытау, гора 85
Ильле (Ильля) см. Иле
Ильмень-озеро 520
Илю (Иля) см. Иле
Имиль см. Емель
Индерские, горы 477
Индия 103, 114, 115, 453, 473, 603
Иргиз см. Большой Иргиз
Иргиз см. Ыргыз
Иргиз-кала см. Уральское
Иргизкум, пески 491
Ирен-Хабирга (Ирен-Хабырга), хребет 49, 100, 102, 103
Ири-Джиргес, речка 403, 404
Иркутская губерния 527

Иртыш, река 12, 32, 33, 41, 49, 52, 55, 65, 68, 69, 78–84, 94, 117, 119–121, 142, 357–359, 370, 372, 380, 383, 429–431
Испе см. Еспе
Иссык-Куль (Тускель), озеро 131, 400, 402, 403, 405, 406
Исть-Сарыкуль, озеро 348
Ичима, ключ 129
Ичкесу, речка 386
Ичкетау, горы 386
Ишик, речка 53
Ишим, река 188, 202, 303, 338

Кабул, город 604
Казалинск, город 697
Казалинский уезд 696
Казан-Башлы (Казан-Баш), урочище 152, 235
Казан-Башлы-Карагай, лес 235, 236, 238, 239
Казань, город 506, 536
Казахская степь (Киргизская степь) 65, 116, 134, 140, 142, 143, 150, 152, 202, 229, 244, 262, 357, 407, 431, 453, 476, 479, 481, 489, 505, 510, 528, 601, 602
Казахстан (Киргизия) 434, 499, 503
Каинды, речка 83
Каинды-Булак, ключ 97, 98
Каинли-Тургай, река 179
Кайнар-Киши (Балыклы, Кайнар-Кише), речка 387, 388
Кайранколь (Кайранкуль), озеро 341–344, 355
Калба (Балакайтау, Калбмнские, Халба), хребет (горы) 78, 82, 84, 85, 121–123, 358, 361–364
Каленовский, форпост 478
Калгуту, речка 119
Калкан, сопка 129
Калмыковская (Кнез-кала), крепость 478
Калмытологой (Калмы-Талагойский, Калмы-Тологойский, Калмык-Тологой), хребет 14, 69–71, 77, 78, 84
Камелик, речка 438, 439
Каменная, речка 286, 287
Камень см. Алтынемель
Камышовое, озеро 144, 145

Канжига, горы 100, 101
Канжига, речка 101–103
Кансалмури, гора 168–172, 191
Канчебулган, речка 300
Каплы-Садык-Баиксы, ключ 128
Кара-Агач, лес 341
Кара-Агач, урочище 116
Караадыр (Кара-Адыр), горы 364–366
Карабуй см. Нарин
Карабуйрюк (Чингель), урочище 119, 120
Кара-Буйрюк см. Алтай
Каравankуль, озеро 358, 359
Караган-Лисай, речка 333, 334
Каракул, речка 369, 370, 404, 405
Каракульская, крепость 140, 149, 196
Каракульская волость Казалинского уезда 689, 696
Каракульская соляная дорога 152, 198, 199
Кара-Кундуз, речка 337–339, 341
Кара-Кургамтау (Кара-Кургаш) см. Свинцовая
Карасёвый пролив 281, 305
Карасу, речка 490
Карасу (Харасу), речка (ключ) 40, 41, 84, 122, 376, 424
Карасуль, озеро 144, 146
Каратал, река 15, 21, 36, 127, 383, 387–389, 416
Каратау см. Алатау
Кара-Тугай, возвышенность 490
Кара-Тургай (Улу-Тургай), река 134, 171, 173–175, 178–180, 183–187, 189, 202, 264, 275–278, 281, 283, 285, 287, 289–291, 294, 296, 299, 300, 304–306, 490
Каратурык (Каратурук), речка 100
Карауба, возвышенность 152
Караултюбе, гора 98
Караултюбе, сопки 122
Караултюбе, урочище 116
Караусунка, речка 13
Карахужир, горы 109
Карачилин (Кара-Чилин), урочище 119, 120
Карбуга, речка 85, 86

Каркара, горы 399, 400, 403
Кармановский, форпост 477
Каскаджул 465
Каскелен (Кашкелен, Кашкелин-Курту), речка 44, 53
Каспийское море (Хвалынское море) 142, 453, 463, 498, 499, 506, 635
Катон-Карагай (Котон-Карагай), китайский караул 69, 79
Катон-Карагай (Котон-Карагай), сосновый бор 84
Катон-Карагай (Котон-Карагай), урочище 84
Катун-Ашу (Хатун-Ашу), хребет 118
Катынсу (Хатынсу, Хатынь), речка 74, 373, 374
Кафиристан 616
Качуюн, возвышенность 152
Кашгар (Кашкар, Кошкар), город 91, 109, 111, 114, 132, 357, 407
Кашгария (Кашкария) 46, 402
Кашемир (Кашимир), город 103, 104, 107, 109, 111
Кашемир см. Кашмир
Кашимир см. Кашемир
Кашкар см. Кашгар
Кашкария см. Кашгария
Кашкелен (Кашкелин-Курту) см. Каскелен
Кашмир (Кашемир) 114
Кейгер-Гин, река 59
Келинтайган, сопки 132
Келинтайган, урочище 132
Кельбатыр, речка 365
Керек-Баши, сопка 405
Кеткенде, речка 83
Кидень, горы 389, 390, 416
Киев (Кыев), город 520
Кизляр, город 455
Киик-Аксу 133
Кииккупа, озеро 169, 191
Кингис 53
Киргизия см. Казахстан
Киргизская орда 43
Киргизская степь см. Казахская степь

Китай (Китайское владение, Китайское государство, Китайское царство, Кытай) 54, 63, 82, 91, 109, 357, 393, 401, 510, 694, 695
Кичи-Джиргес, речка 402
Киши Алаколь (Малый Алакуль), озеро 246, 249, 251, 252, 255, 321
Кнез-кала см. Калмыковская
Козы-Корпеш (Кузу-Курпешские), горы 422
Козы-Корпеш (Кузу-Курпеч), урочище 421–424
Козы-Корпеш и Баян-сулу (Кузу-Курпеш), памятник 17, 39
Койтунский, китайский караул 35
Коканд (Кокан, Кокания, Ку-кянд), город 114, 476, 477
Кокандское ханство (Кукания) 402
Кокпекты (Кокбукты, Кук-Букты), река 77, 364, 365
Коксу (Кукоусун, Куксу), река 15, 21, 33, 35, 36, 127, 133, 383, 388, 389, 392, 416
Колкинский, маяк 67, 80
Кольденен (Кульденен, Кулдеян), речка 20, 384, 385
Кондауровский (Янгы-кала), форпост 477
Константинополь (Царь-Град), город 565
Коргас (Хоргош), река 26, 34
Коркина слобода 51
Костамская волость Казалинского уезда 696
Костюбе, китайский караул 69, 79, 80
Котельный, форпост 478
Котон-Карагай см. Катон-Карагай
Кошкар см. Кашгар
Коштюбе, горы 88
Коштюбе, речка 88
Коштюбе, урочище 87
Красная Колонка, селение 435
Красноярский, пикет 119
Красноярский (Тумпак), форпост 478
Красный яр, ущелье 13
Кругловский (Кырк-арба), форпост 478
Крутоярская, крепость 527
Крык-буйдак см. Усть-Уйская
Крым 506

Кугалы-Джилга (Кугалы), речка 348–350
Кужбурыл, горы 16
Кузговли, лес 346
Кузу-Курпеч см. Козы-Корпеш
Кузу-Курпеш см. Козы-Корпеш и Баян-сулу
Кузу-Курпешские см. Козы-Корпеш
Куйбак-Карасу, речка 345
Куйралы, речка 423
Куйтун-Усун, речка 25
Кукания см. Кокандское ханство
Кук-Букты см. Кокпекты
Кукоусун (Куксу) см. Коксу
Куктау см. Алатау
Ку-кянд см. Коканд
Кулагинская (Андрей-кала), крепость 477
Кулалутау (Кулатау), горы 93, 101
Кулжегайнак см. Кульджа
Кулчагайнатская (Кулчагайнацкая, Кулчегайнак, Кулчегайнацкая) см. Кульджа
Кулынжун (Кулужин), речка 83
Кульденен (Кулдеян) см. Кольденен
Кульджа (Гулчегайнак, Джанжун-Хото, Кулжегайнак, Кулчагайнатская, Кулчагайнацкая, Кулчегайнак, Кулчегайнацкая, Кульжа, Кульжегайнатская, Кульчагаинин, Кульчегайнак, Куря), город (крепость) 47–50, 54, 55, 63, 82, 83, 88, 89, 91–95, 99, 103–106, 108, 109, 111, 113–115, 120, 380
Кумкуль, озеро 174
Кумтюбе, сопка 124
Кумурчи, китайский караул 117
Кунград (Кунграт), город 465, 468, 469
Кунгурулюн, речка 15, 22, 23
Кунда-Турпан, город 107
Кунтимиш, лес 345
Куп, речка 39, 40
Купкан (Бугун-Чугуляк, Бугунь-Чугулак, Бугунь-Чугуляк), речка 14–16, 40, 43, 46, 70–72
Купкуль, озеро 235
Купкутты, ключ 122

Куптан, речка 16
Кургантау см. Свинцовая
Кур-Испе, речка 427
Кур-Кара, сухое русло 82
Кур-Карагай, речка 82, 83
Куркулдяк (Куркулдак, Куркулдякские), озера 15, 19, 44, 46, 54
Куртати, ущелье 122
Курты (Курту), река 53
Курутуринен, урочище 121
Куршим (Курчум), река 78, 80, 119, 120
Куря, город 112
Куря см. Кульджа
Кус-Джит, озеро 234
Кус-Кузуль, сопка 425
Кусмурын (Кышмурун), гора 122
Кусмурын (Куш-Мурун), гора 365
Кусмурын (Кус-Мурун, Куш-Мурун), хребет (горы) 77, 365, 366
Кусмурын (Муш-Мурун), урочище (возвышенность) 334–336, 339, 342, 355
Кутель, горный проход 123
Кутуль, урочище 116
Кутунчоко, гора (камень) 40
Куулук, горы 397, 398
Кушкуль, озеро 235
Куш-Мурун см. Кусмурын
Куш-Мурун см. Кусмурын
Куянтау, гора 186, 187, 295–297
Кыев см. Киев
Кызил-Агав, речка 131
Кызылагаш (Кызыл-Агаш), гора 122
Кызылагаш (Кызыл-Агаз, Кызыл-Агач), речка (ключ) 126, 133, 385, 386, 417, 418
Кызылбашское царство см. Персия
Кызыл-Боян (Кызыл-Боянын), горы 401–403
Кызыл-джар см. Петропавловск
Кызылка см. Оба

Кызылкаин, речка 40
Кызыл-Купир, мост 103
Кызылсу, речка 405–407, 418
Кызылтас (Кызылташ), гора 122, 367
Кызылташ см. Ново-Александровское
Кызылчак, гора 88
Кызыляр, урочище 131
Кыик-кала см. Соль-Илецк
Кылдак, речка 67
Кынаш, речка 371–374
Кыргызстан (Буруцкая землица, Таргаштень) 46
Кырк-арба см. Кругловский
Кырмчик см. Гребенщиковский
Кыскач, горы 419
Кытай см. Китай
Кышмурун см. Кусмурын
Кят, город 618

Лайлы, речка 83
Лан, китайский караул 101
Лапландия 510
Лебса (Лебси, Лебши) см. Лепсы
Лебяжий, форпост 477
Лебяжья, речка 12, 41
Ледо-Барлук, китайский караул 98
Ледяные см. Мыстау
Лепсы (Лебса, Лебси, Лебши, Лепши, Ляпсу), река 15, 19, 20, 37, 55–57, 125, 126, 381–383, 418, 419
Лоба, гора 389, 390
Ляпсу см. Лепсы

Маинанту, китайский караул 74
Майсы, речка 132
Майтюбе, горы 391
Майтюбе, ключ 391, 392
Майтюбе, сопка 127, 133
Макиту, китайский караул 94
Малайсары, горы 414, 415

Малаксара, сопка 127
Малая Заукичи, гора 131
Малая Каинда, речка 119
Малая Сары-Битида, гора 128
Малый Алакуль см. Киши Алаколь
Малый Казан-Башлы, озеро 154, 155, 195, 323
Малый Киндерли, озеро 152, 324
Манасу-Булак, ключ 95, 96
Мангибай, речка 346
Мангытский юрт см. Ногайская орда
Маныpак (Манрак), хребет 85, 86, 118, 119
Маргилан (Маргелан), город 114
Машад см. Мешхед
Медная см. Мыстау
Мекка, город 482, 483
Меркенынбаши (Меркенын-Баши), гора 397, 398, 410
Мерки Третья, речка 397, 398, 408, 409
Мешхед (Машад), город 604
Мирке, китайский пикет 130
Мирке, речка 130
Мирке, речки 130
Молога, город 607
Монастыри, горы 12, 41
Москва, город 488, 506, 513, 522, 535, 538, 607
Московская губерния 509
Московское государство 511, 512, 520
Муинли-Тургай, река 266, 267, 269, 270, 277, 309, 311
Мукрунынбой, речка 389
Мукур см. Быжы Первая
Мукуркупа, речка 172, 173, 184, 190
Муш-Мурун см. Кусмурын
Мынбулак, ключи 97
Мынбулак, урочище 116
Мыстау (Ледяные), горы 402–407
Мыстау (Медная), гора 188, 287, 292, 294, 298–300

Нарин (Карабуй), речка 86
Нарым, река 59, 63, 78, 80, 82, 119
Нарымский, хребет 80

Наурзум (Наурзум-Карагай, Наурзумский), лес 162, 164–168, 191, 193, 253, 255, 259, 262
Наурзум, озеро 164, 166–168, 171, 172, 191, 259, 261, 311
Наурусбай, речка 382
Нерчинск, город 534
Нижний [Новгород], город 535
Нижняя дистанция Уральской линии 439
Николаевск, город 432, 436, 438
Никольский, форпост 351, 352
Никольское, озеро 353
Новая Земля 510
Ново-Александровское (Кызылташ), укрепление 476
Новоилецкая дистанция 439
Новороссия 510
Ногайская орда (Мангытский юрт) 142
Нор-Зайсан см. Зайсан
Нура, река 50, 51, 53

Оба (Кызылка, Убинка), река 12, 13, 41, 53
Обаган (Абуга, Убаган), река 210, 228, 245, 249, 251, 315, 331–334, 338, 340–352
Облакетка см. Аблакетка
Облакетская сопка см. Аблайкитская сопка
Облакетские палаты см. Аблайкитские палаты
Область сибирских киргизов 600
Общий Сырт 432, 439
Окпекты (Укпете), горы 425
Олькейек (Улкуяк), река 264
Омск (Омская), город (крепость) 229, 506
Оренбург, город 135, 462, 473, 474, 506, 527, 529, 564, 602, 647, 657
Оренбургская губерния 142, 269
Оренбургская линия 134, 151, 213, 228, 229, 355
Оренбургское (Тургай), укрепление 476
Оркаш (Уркач), соленое озеро 151, 160, 206, 208, 229, 231, 352
Орловский, форпост 477
Орская (Яман-кала), крепость 264, 478
Ортентау (Уртеньтау), горы 85

Пекин, город 49, 55, 61, 94, 99, 102, 114
Перехва 133
Перовский, форт 562, 564, 647
Перовский уезд 696
Персия (Кызылбашское царство) 463, 471, 602, 604
Петербург см. Санкт-Петербург
Петропавловск (Кызыл-джар), город 478
Пиюга-река 129
Погорелка, речка 81
Понт Евксинский см. Черное море
Порт-Филипп, город 552
Пресногорьковская, крепость 167, 341, 348
Пригонная 65

Раим, форт 481
Раимская волость 696
Рай-Карасу, река 332–335
Раненбург, город 498
Ратибор, город 552
Редутский (Джирюй-кала), форпост 477
Ромитан, город 470
Россия (Российская империя, Российское государство) 24, 38, 45, 52–54, 59, 117, 142, 143, 178, 249, 355, 373, 406, 443, 467, 469, 473, 484, 567, 600, 604, 607, 609, 615, 617, 642, 643
Ростов, город 521
Русское государство 536
Русское царство 494, 511, 546
Русь 436, 440, 483, 494, 508, 520, 521, 523, 530, 532, 533, 535, 538, 562, 607
Руськое море см. Черное море
Рыбинск, город 607
Рязанская губерния 498

Сабыр-Джилга (Сабыр), речка 287
Сагак-Олкил-Хоин, река 59
Сайкан, горы 378, 379
Сайкан, речка 126
Сайрамкуль, озеро 100, 102

Сайрамкуль (Ульзету-Бом), китайский караул 101, 102
Сальяны, город 498
Саккан, сопка 124
Сакмарская, станица 438
Сакмарский городок 438
Самарская губерния 476
Сандыктас (Сандыкташ), 423, 424
Санкт-Петербург, город 441, 462, 498, 506, 522, 535, 552, 565, 643
Санташ, горный проход 130
Санташ, ключ 400
Санташ, сопка 130
Сарабил, горы 50
Сарайчик, город 142
Сарайчиковская (Сарачик), крепость 477
Сарамсак см. Согеты
Саратов, город 432–434, 436, 440, 441, 459, 475, 476, 489, 498–500, 551, 596, 643
Саратовская губерния 548, 564
Сарачик см. Сарайчиковская
Саркан см. Сарыкан
Саркуль-Лаба, горы 85
Сархан, сухое русло 20
Сары-Агач, лес 340, 341
Сары-Бадран-Кудук, урочище 519
Сарыбулак, ключ 378, 379
Сары-Булак, китайский караул 103
Сары-Булак, ключ 103, 104
Сары-Булак, ключ 126, 129
Сары-Булак, ключ 429
Сарыкан (Саркан), река 382, 384
Сарымойын (Сарымуин), озеро 165, 168, 192, 253, 256, 258
Сарытау, гора 295
Сары-Тологой, горы 401–404
Сары-Тургай, река 169, 171, 172, 174, 184, 190, 255, 264, 267, 269–271, 277, 309, 310
Сасык, река 375
Сасык см. Сасыкколь

Сасык-Булак, ключ 94, 95
Сасыкколь (Алактугуль, Сасык, Сасыккуль), озеро 370, 375–377
Сасыкколь (Сасыккуль), озеро 121
Сасыкколь (Сасыккуль), озеро 138, 141
Саучи-Булак, ключ 386. 387, 417
Свинцовая (Кара-Кургамтау, Кара-Кургаш, Кургантау), гора 183, 184, 186–188, 201, 229, 255, 264, 288–291, 293, 295, 296, 299–301, 303–313, 316, 319, 320, 322–329, 332, 335, 337–339, 341, 342, 344, 346, 348, 350, 353–355
Свищово, село 615
Северная Колонка, селение 436
Седунчаская (Седынчацкая, Седынчу) см. Суйдин
Селезниха, селение 436
Семейтау (Семитау), горы 358, 430
Семипалатинская (Семипалатная, Семиполатная), крепость 116, 121, 122, 133, 357, 364, 368, 407, 431
Семипалатинская дистанция 121
Семипалатинская область 601
Семитау см. Семейтау
Сердоба, река 564
Сердобск, город 564
Сестры (Сестринский умёт), село 436, 438
Сибирская линия 213, 355
Сибирский, редут 349, 350
Сибирь 228, 239, 518, 519, 523, 527
Сизатав, гора 129
Симбирск, город 534
Симбирская губерния 488
Согеты (Сарамсак, Сугеты, Суготы, Сугутты), горы 129, 132, 133, 394–397, 411, 412
Соколовский, форпост 138
Солено-пресная, речка 304
Солено-пресный, овраг 285–287
Соль-Илецк (Илецк, Илецкая Защита, Илецкий городок, Кыик-кала, Тузтюбя), город 438, 478
Сорочинский, форпост 477
Средняя Азия 476, 699

Средняя дистанция Уральской линии 439
Старо-Аргинская дорога 196, 199
Степная, крепость 140, 142
Стюденое море см. Баренцево море
Суасу, речка 74
Сувалаак, речка 74
Сугеты (Суготы, Сугутты) см. Согеты
Судабан, гора 100
Судабан (Чулак-Карагай), китайский караул 98, 100, 101, 106, 116
Суздаль, город 521
Суйдин (Седунчаская, Седынчацкая, Седынчу, Суйдун), крепость 27–29
Сукурты, ключ 122
Сулюкликуль (Сюлюкликуль), озеро 173, 174, 190
Сурсу, озеро 165, 166, 192, 253, 258
Сучья, речка 66, 67
Сылдырама (Сылдарма), горы 366, 367
Сырдарья (Дарья), река 132, 490, 562, 564, 647, 651, 653, 654, 657, 662, 685, 689, 696–698
Сырт см. Общий Сырт
Сюлюкликуль см. Сулюкликуль

Табак-Салган, озеро 231–233, 235, 236
Табык-мулла, могила 179, 281
Така (Такя) см. Уральск
Талгар, река 53
Талды-Айсу, урочище 86
Талды-Ашу, ключ 87
Талды-Булак, ключ 399
Талицкий, форпост (редут) 68, 121, 358
Тал-кала см. Верхнеуральск
Талки, китайский караул 103
Талки, речка 103
Талки, хребет 33, 34, 103, 104, 109
Тангак, речка 132
Таняр, урочище 133

Тарбагатай (Тарбагатайский), хребет 33, 44, 49, 63, 65, 73, 74, 77, 81, 85–87, 94, 116–118, 122–124, 126, 367, 369–374
Таргаштень см. Кыргызстан
Татарская комена 142
Ташкения (Ташкинская провинция) 50, 131, 401
Ташкент (Таш-кянд), город 114, 472, 477
Ташкинская провинция см. Ташкения
Ташкылы см. Жаланашколь
Ташли-Джилга, овраг 273, 277
Ташли-Джилга, речка 274, 308
Ташлы, сухое русло 96
Таш-Тургай, река 273
Текели, сопка 125
Текест, горы 104, 109, 110
Телени, гора 124
Телецкое, озеро 78
Тенезкуль см. Тенизколь
Тенгис (Тиенгис) см. Балхаш
Тенизколь (Тенезкуль), озеро 159, 161, 171
Тентекли, речка 124, 125
Тентексу (Тентяксу), речка 376–379
Тентяксор 491
Тентяксу см. Тентексу
Терек, река 440
Терекли, речка 123
Терекли-Тал (Терекли), роща 247, 331
Теректы, речка 87, 88, 98
Теректы, речка 371–374
Терисаккан (Терис-Аккан), река 124
Тизигум, лес 198
Типмя, возвышенность 249
Тифлис, город 602
Тобол, река 145, 147, 149–152, 160, 196–201, 205, 206, 208–210, 212–217, 219, 220, 222–229, 231, 232, 244, 325, 330, 334, 354
Тобольный, форпост 207, 208
Тобольск, город 64
Тобольская губерния 63, 355
Тобылгыты (Тубулгуты), речка 401, 407, 408

Товузак (Тов-Узак) см. Тогызак
Тогускель, горы 421, 422
Тогызак (Товузак, Тов-Узак, Тоузак), река 139–146, 199, 234, 328, 330
Токты, горы 97, 98, 100, 117
Токты, речка 98
Толагай (Дуллагай, Толгай), гора 162, 193, 249, 253, 314, 332
Томск, город 535
Топалан (Тупаланкуль), озеро 276
Тополинская (Тупали-кала), крепость 477
Торайгыр (Туру-Айгыр, Туры-Айгыр), горы 129, 130, 394, 396, 397, 410, 411
Торгай (Тургай), река 476
Торгай-Сучин, река 59
Тосюн, река 59
Тоузак см. Тогызак
Троицк (Троицкая), город (крепость) 134–149, 152, 154, 157–159, 161–166, 168–175, 178–183, 186, 195, 199–202, 204, 293, 317, 322, 329, 330, 356, 603, 647
Тубулгуты см. Тобылгыты
Тугуль, речка 74
Туз-Ашу 133
Тузтюбя см. Соль-Илецк
Туйемойнак (Туямуйнак), гора 85
Тумпак см. Красноярский
Тунчу, крепость 27
Тупаланкуль см. Топалан
Тупали-кала см. Тополинская
Тура-Илгасы, речка 351
Тургаи, реки 256, 264
Тургай см. Торгай
Турген (Тургун), река 53
Туретчина см. Турция
Туркестан 647
Туркестан, город 698
Туркестанская область 696, 697
Туру-Айгыр см. Торайгыр
Турфан (Турпан), город 63, 107, 132, 403, 407

Турция (Туретчина) 505, 536, 565
Туры-Айгыр см. Торайгыр
Тускель см. Иссык-Куль
Туямуйнак см. Туйемойнак
Тынгис см. Балхаш
Тырсык-Карагай, лес 193, 195
Тюбе, китайский караул 116
Тюлкули, ключи 123
Тюп, река 130, 400–403
Тягловая, деревня 438
Тягловое, озеро 438

Убаган см. Обаган
Убаган-Дингиз (Дингиз), озеро 245, 255, 334, 335, 337, 338, 340, 341, 356
Убаим, река 318
Убинка см. Оба
Убкуты, гора 369
Узденьсор 491
Узун-Булак, ключ 98
Уй, река 135, 136, 140, 141, 146, 150, 200, 207, 329
Уйчук-кала см. Гурьев
Укпете см. Окпекты
Укурлук, крепость 50
Улан-Бара см. Буратала
Уласлы, речка 118
Уласты, китайский караул 74
Уласты, речка 74
Уласуту (Улусуту) см. Арасантау
Улкуяк см. Олькейек
Улутау см. Улытау
Улу-Тургай см. Кара-Тургай
Улуяр, речка 123, 124
Улыны см. Буланай
Улытау (Улутау), горы 187, 188, 287
Ульзету-Бом см. Сайрамкуль
Урал (Джайак, Яик, Яйак), река 59, 142, 439, 440, 443, 477, 478, 507, 560

Уральск (Така, Такя, Уральский город), город 433, 438, 440–442, 451, 465, 478, 499
Уральское (Иргиз-кала), укрепление 476
Уранонсай, речка 344–346
Урачкулехат-Ак-Талагой, хребет 69
Ургенч, город 619
Урданын, речка 404, 405
Уржар (Урджар), река 74, 371–374
Уркач см. Оркаш
Урта-Караул, сопка 360
Урта-Караул, сопки 430
Урта-Мерки, речка 397, 398
Уртениз, речка 423
Уртеньтау см. Ортентау
Урумчи (Урумжи), город 91, 113
Урчук-Баш, гора 85
Усен-Салмын, речка 55
Усть-Каменогорская, крепость 12, 41, 63, 65, 70, 74, 81, 82
Усть-Уйская (Крык-буйдак), крепость 150–153, 156, 202, 203, 205–208, 210, 212, 216, 218, 220, 222, 225–229, 231, 232, 235, 238, 241, 246, 249, 252, 258, 261, 263, 267, 269, 271, 273, 275, 278, 279, 281, 283, 285, 287, 288, 319, 355, 478, 527
Устюрт (Усть-Урт), плато 465
Утва, река 443, 444, 463
Утесистая, речка 288, 289, 304
Уч-Алматы (Уч-Алмату, Уч-Алмоту), горы 43, 44, 46, 47, 49, 50, 52–54, 60
Учкара, ключ 124
Учкатты, речка 88, 93
Учкуль, озера 386
Уялы, ключ 124

Франция 565

Хабар-Дабан (Хабар-Табан), урочище 116, 118
Хабарга, речка 73, 75
Хабарга-Базар, речка 43, 44, 46
Хабарги-Каратал, речка 38
Хабтагай (Хабта-Гай), китайский караул 98, 100–101

Хазарасп (Азарыс), город 619
Халба см. Калба
Ханбаур, сопка 50
Ханлы-Джилга (Ханлы), речка 350, 353
Харакуль, река 59
Харамаян, река 59
Хара-Могулзур, река 59
Харасу см. Карасу
Харкинский (Чапдырджап-кала), форпост 478
Хатун-Ашу см. Катун-Ашу
Хатынсу (Хатынь) см. Катынсу
Хвалынское море см. Каспийское море
Хива, город 453, 465–467, 470–471, 515, 616, 619, 657, 658, 662, 698, 699
Хивинское ханство (Хива, Хивинское владение) 441, 463, 465, 467–469, 528, 601, 602, 617–620, 684, 685, 689, 698
Ходжейли (Хузейли), город 453, 465, 467, 468
Хоир-Олкеик-Тургуин, река 59
Хоки-Маильхай (Хокимаильхай) см. Баты
Хоргосский (Горгошский, Хоргожский), китайский караул 26, 27, 33, 34
Хоргош см. Коргас
Хотан (Хотон), город 91, 107, 111, 114
Хузейли см. Ходжейли
Хулулчин, речка 79

Цаган-Сума, селение 102, 103
Цаган-Тогой, речка 116, 117
Цаган-Усун см. Аксу
Царь-Град см. Константинополь
Церин-Челик см. Чарын-Челик

Чабдар-Чеку, горы 423
Чаганбугу (Чаган-Бугу) см. Шолак
Чаган-Тогой, китайский караул 94
Чаган-Тогой, речка 94
Чагарак, урочище 116
Чалкуль, озеро 138–141
Чалтыке см. Алатау

Чанда, китайский караул 101
Чапдырджап-кала см. Харкинский
Чаптар, речка 53
Чар см. Шар
Чар-Гурбан см. Шар
Чарджитым см. Большой Алакуль
Чарыжский, форпост 64
Чарын см. Шарын
Чарын-Челик (Церин-Челик), река 48, 54
Чат, урочище 86
Чебень (Чебенли, Терекли), речка 255, 315, 316, 321, 330. 332, 333, 335, 337, 339, 342, 344, 346, 348, 350, 353–355
Чегедык (Чегыдюк), речка 69, 70, 76, 77
Черемшанка, речка 81
Черемшинский, пикет 119
Черная речка, сухой овраг 136, 200
Черное море (Понт Евксинский, Руське море) 520, 530
Черхальское морцо 443
Четь-Мерки, речка 396, 397, 409, 410
Чигучак см. Чугучак
Чижинская линия 439
Чиили см. Шили
Чилик (Чилек) см. Шилик
Чилимбай, речка 371
Чингель см. Карабуйрюк
Чингиз см. Шынгыс
Чиндалак, китайский караул 98
Чинжили (Чинжилы) см. Шынжылы
Чинкандак, ямурины (впадины) 124
Читучак-Чагантуга 74
Чичканский, китайский караул 34
Чорга см. Шорга
Чу см. Шу
Чугуляк, речка 12, 14
Чугучак (Амбань-Хото, Чигучак), город (крепость) 33, 74, 82–84, 87–89, 91–93, 106, 108–110, 113, 114, 117, 120
Чуигун, речка 423
Чуй см. Шу

Чуй-кала см. Баксаевская
Чулак см. Шолак
Чулак см. Шолак
Чулак-Карагай см. Судабан
Чулактау см. Шолак
Чуланкуль, овраг 273
Чулансу, речка 343, 345
Чупликуль Шоптыколь
Чуркоткуль, озеро 67
Чучкакуль см. Шошкаколь
Чучкалы см. Шошкалы

Шалаксары, гора 128
Шалатау, гора 130
Шамал, речка 34
Шамаханская земля 499
Шар (Гурбан, Чар, Чар-Гурбан), река 12, 13, 40, 42, 57, 67–69, 121, 122, 129, 130, 358, 362, 429
Шара, река 59
Шарабель 61
Шарабулак, китайский караул 94
Шарын (Чарын), река 397–400
Шили (Чиили), река 161, 162, 171, 172, 194, 246, 247, 255, 321, 334
Шилик (Чилек, Чилик), река 129, 410–412
Шолак (Чаганбугу, Чаган-Бугу, Чулак, Чулактау), горы 128, 133, 390, 392, 393, 313
Шолак (Чулак), река 129
Шоптыколь (Чупликуль), место 272
Шорга (Чорга), речка 85, 118
Шошкаколь (Чучкакуль), озеро 168, 169, 171, 191–195
Шошкалы (Чучкалы), речка 372–374
Шпицберген, архипелаг 510
Шу (Чу, Чуй), река 50, 131
Шынгыс (Чингиз), гора 133
Шынжылы (Чинжили, Чинжилы), река 125, 378, 379

Щёки (Щоки), урочище 13
Щоки Гурбанские 40

Эбелей, соленое озеро 149, 151, 153, 160, 196, 206, 208, 226, 229, 231, 257, 352

Ыльля см. Иле
Ыргыз (Иргиз), река 438, 476, 496

Ювантюбе см. Жуантобе
Юзь-Агач см. Жузагаш
Юнка, гора 126
Юсагач (Юс-Агач) см. Жузагаш
Юс-Агач (Зун-Мудон), китайский караул 70, 76, 77

Яик (Яйак) см. Урал
Яйтюбе, сопка 374
Якши-Кызылташ см. Жаксы Кызылтас
Яланачкуль см. Жаланашколь
Ялгыз-Агач см. Жалгызагаш
Яллама-Тургай, река 174, 175, 184, 188–190, 272–277, 3-4, 307
Ялтеркуль см. Жалтырколь
Яман-кала см. Орская
Яманкара, ключ 82
Яман-Кызылташ см. Жаман Кызылтас
Яманташ см. Жамантас
Ямансу, речка 490
Яман-Товузак, речка 140
Яманхалинский, форпост 478
Янгы-кала см. Кондауровский
Япасская дорога 138
Яркенд (Яркент, Яр-кянд), город 91, 107, 109, 111, 114, 477
Яркуль см. Жарколь
Яркупа, озеро 170
Ярославль, город 521

Аграмант – узорчатое плетенье из шнурков для обшивки женских уборов, занавесок и пр.

Аргамак (тюрк.) – верховая лошадь восточной породы; особая порода быстрых и легких верховых лошадей

Аршин – русская дометрическая единица длины, равная 1/3 сажени, или 16 вершкам, соответствует 0,711 м

Ассигнация – бумажные деньги, выпускавшиеся в России с 1769 г. и аннулированные в 1849 г., когда в результате денежной реформы в России был введен серебряный монометаллизм. Существовала разница между курсом бумажных денег и звонкой монетой. Так, в 1817 г. ассигнационный рубль равнялся 26 коп. серебром

Аудитор – в дореволюционной России так называли военного юриста, секретаря в военных судах, исполнявшего прокурорские обязанности

Бакан – багряная краска

Бареж – тонкая, легкая бумажная, шерстяная, полушелковая и шелковая ткань для дамских платьев

Бат – лодка-долбленка, однодеревка; остроносая лодка, даже с набоями, но вообще верткая и опасная; иногда два бата составляют паром

Берма – закраина, уступ между краем рва укрепления и наружной крутостью вала, бруствера или стены

Бешмет – верхняя мужская одежда у тюркских, монгольских и кавказских народов, плотно прилегающая в груди и талии и доходящая до колен; стеганый полукафтан

Бечевник (от *бечевы* – прочной веревки для тяги судов против воды, лошадьми или людьми) – береговая полоса вдоль судоходных рек, которая должна оставаться свободной для всех нужд судоходства

Болус – разновидность жирной глины

Будочник (бутошник) – в дореволюционной России: низшее должностное лицо городской полиции; полицейский сторож, стоящий на посту у караульной будки

Бузун (буза) – каменная или горная соль; озерная самосадочная соль

Вальящатый – резной, точеный, красиво и прочно отделанный

Варган (варганчик) – русское название народного язычкового музыкального инструмента

Ваше степенство – России до 1917 г. – почтительное (хотя и не установленное законом официально) обращение или комплиментное величание купцов и других состоятельных лиц из непривилегированных сословий, а также почетных граждан. Это же обращение использовалось в XVIII–XIX вв. в отношении находящихся на русской службе казахских ханов (ваше высокостепенство) и султанов (ваше степенство)

Верста – русская дометрическая мера длины, равная 500 саженям, соответствует 1,0668 км

Вершок – русская старинная мера длины, равная 1/16 аршина, или 4,44 см

Выбойка – самый грубый ситец, по коему узор набит в одну доску, в одну краску

Голбчик – могильный памятник

Гроденапль – вид плотной шелковой ткани

Даба – китайская бумажная ткань

Джугара – сорго

Дол – яма, низина

Дощеник – плоскодонное судно с парусом и веслами

Дресва – крупный песок, гравий

Дюйм – русская дометрическая единица длины, равная 1/12 фута, соответствует 2,54 см

Живодь – мелкая рыбка, насаженная для приманки на крючок рыболовной снасти

Забока – берег, край, обочина; лесок вдоль берега речки, озера

Завытный – лишний

Заговины (заговенье) – название последнего дня мясоеда перед продолжительным постом в русской православной традиции

Займище – полоса земли у реки, заливаемая весенним разливом (заливной, или пойменный луг)

Зелененькая – кредитный билет трехрублевого достоинства, трехрублевка (по ее зеленому цвету)

Золотник – старая русская единица измерения массы, равная 1/96 фунта, или 4,265 г

Камень – утес, гребень, отдельная каменная сопка, гора, скала, гора, хребет, горный кряж

Канаус (канауз) – персидская шелковая ткань из сырца или полусырца

Канифас (от нидерл. *kanefas* – канва) — устаревшее название льняной, прочной, рельефной полосатой ткани

Канцелярское семя – кошениль

Кармазин – тонкое ярко-алое сукно

Кембрик – английская тонкая бумажная ткань, батист-декос

Кипец – тонконог гребенчатый (Koeleria cristata Pers.), многолетняя трава, произрастающая дико во многих местностях, на мергельных, известковых и плодородных песчаных почвах, считающихся хорошим пастбищем для овец

Китайка – плотная хлопчатобумажная ткань преимущественно синего цвета. В Россию часто ввозили похожую шелковую ткань из Китая, откуда и пошло это название. Аналогичную недорогую хлопчатобумажную ткань для пошива верхней одежды производили в это время и в самой России

Колотырник – барышник, кулак, мелкий торговец на базаре; тот, кто сплетничает и ссорит людей; сварливый, бранчливый

Кондуктор – унтер-офицер

Конец – старинная единица измерения ткани, насчитывающая около 15 м

Копань – колодец

Корольки (маржан) – коралл

Кортома – наем, аренда земельных участков, лесных и водных угодий и т. п.

Красный товар – текстиль, ткани, мануфактура

Куга (очерет) – болотное круглостебельное, безлистное растение, которое илет на плетушки разного рода и на оплет стульев; камыш, тростник

Кульмяк – рубаха из ситцу, китайки или миткаля, белая или красная, до колен

Кучеляба – растение и плод Strychnos nux

Кызылбашское царство – Иран

Лапушник – лопух

Лозан – удар лозою, прутом

Лощина – то же, что и лог; овраг с пологими задернованными склонами и плоским днищем

Макарий – Макарьевская ярмарка, одна из крупнейших ярмарок в России. Возникла в середине XVI в. у Макарьева монастыря на Волге (в 88 км ниже Нижнего Новгорода). Торг производился ежегодно в июле. Выгодное географическое положение привлекало русских купцов из центральных районов государства, Поволжья, Сибири и Поморья, а также купцов из Закавказья, Средней Азии, Ирана, Индии. В конце XVII в. привоз товаров достиг 80 тыс. рублей, к концу XVIII в. – 30 млн. рублей. В 1816 г. пожар истребил основные ярмарочные строения. С 1817 г. торг перенесен под Нижний Новгород, где была учреждена Нижегородская ярмарка

Матица – потолочная балка или бревно, являющаяся перекрытием и основой для крыши и стропильной системы

Маяк – линейный казачий караул с вышкой и с шестом, обвитым соломою, которая зажигается во время тревоги

Миткаль (от перс. *меткал*) – суровая тонкая хлопчатобумажная ткань полотняного переплетения. Состоит ткань из довольно толстых нитей не отбеленной пряжи, обычно имеет сероватый оттенок

Муравленый – глазурованный

Мясоед – период, когда по православному церковному уставу разрешена мясная пища. Обычно это время после какого-либо поста

Набойка – ткань с нанесенным на нее (при посредстве особых печатных досок) красочным узором

Наничка – изнанка

Нанка – прочная хлопчатобумажная ткань, как правило, буровато-желтого цвета

Обер-офицеры – общее название младших офицерских чинов IX–XIV класса Табели о рангах

Овощник – огород

Опашня – большое боковое весло на барках

Отнога – отножина, ветка, ответвление: отрог горы, рукав реки

Очеп (оцеп) – журавль для подъема воды из колодца

Очерет см. **куга**

Падун – впадина, пропасть; водопад, порог или крутой перекат на реке

Пажить – пожитки, имущество, добро, скарб и все нажитое, все именье

Папушка – связка сухих, широких листьев, обычно табачных

Пахва – на(под)хвостник, ремень с очком, от седла; в него продевается хвост лошади, чтобы седло не съехало коню на шею, как нагрудник не дает ему съехать на забедры

Плац-адъютант – до 60-х годов XIX в. должность в крепостях и гарнизонах, заместитель плац-майора. Заведовал денежными средствами крепостного (гарнизонного) управления, книгами приказов движения личного состава, осуществлял дежурство в местах публичных собраний, поверку караулов. Плац-майор – должность помощника коменданта крепости

Плашкоут (от голланд. *plaatschuit*) – несамоходное грузовое судно с малой осадкой с упрощённым очертанием наружной поверхности судна (обводом). Применяется чаще для погрузочно-разгрузочных работ, груз устанавливается на палубе. Плашкоуты могут служить опорой для наплавных мостов

Плис – хлопчатобумажная ткань с ворсом («бумажный» бархат)

Полдень – юг

Портище – отрез ткани

Почетные граждане – в Российской империи с 1832 г. привилегированная категория сословия «городских обывателей»; включала потомственных почетных граждан (дети личных дворян и духовных лиц, окончившие академию или семинарию; лица свободных профессий, имевшие ученую степень) и личных (дети рядового духовенства; лица, окончившие университеты и другие высшие учебные заведения; чиновники XIV–X классов). Все почетные граждане освобождались от подушной подати, рекрутской повинности, телесных наказаний

Поярковый – сделанный, сотканный или свалянный из шерсти первой стрижки ягненка

Претекст – предлог, повод, отговорка, ложная причина

Пудинг – камень, слежавшийся из кремнистых галек и отверделый в одно целое

Пул – старинная мелкая медная монета

Рацея – проповедь, назидательная речь, длинное наставленье, поученье

Регистан – наименование парадных площадей в городах Среднего Востока

Реомюрова шкала – температурная шкала, один градус которой равен 1/80 части температурного интервала между точками таяния льда (0°R) и кипения воды (80°R), т. е. 1°R равен 1,25°C. Практически вышла из употребления. Предложена французским естествоиспытателем Р. А. Реомюром в 1730 г.

Растах – дневка на походе, день роздыха

Роспуск – повозка, сани без кузова для возки бревен и досок

Ростоша – равнина, промытая весенней водой и разделяющая невысокие холмы

Сажень – русская дометрическая единица длины, равная 3 аршинам или 7 футам, соответствует 2,1336 м

Салы – связанные в ряд камышовые пучки, на которых переправляясь вплавь с лошадью, кладут седло, вьюки и пр.

Сарачинское (сорочинское) пшено – рис

Сарпинка – полосатая или клетчатая бумажная ткань, изготавливавшаяся в немецкой колонии Сарепта Саратовской губернии

Согра – тайга; болотистая равнина, с кочкарником, ельником, вереском; плохой, кривульный лесок, с можжевельником и вереском, по болоту

Солоны – одна из племенных групп в составе эвенков КНР. Проживают в провинции Внутренняя Монголия и Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР. С XIII в. солоны известны по китайским источникам как обитатели Северной Маньчжурии. В XVIII в. часть солонов в составе маньчжурских войск по охране границ была расселена в Синьцзяне. Солоны испытали сильное влияние маньчжуров и монголов и частично были ими ассимилированы

Стерва (стерво) – труп околевшего животного, скота; падаль, мертвечина, дохлятина, дохлая, палая скотина

Сутунок – отрубок, чурбан, бревнышко, обрубок

Съезжая – в России до 1917 г. – казенное помещение в полицейской части, куда свозились («съезжались») задержанные пьяницы, преступники

Тавлинка – плоская табакерка из бересты

Тафта – разновидность глянцевой плотной тонкой ткани полотняного переплетения из туго скрученных нитей шёлка или хлопка

Тебенек – кожаные лопасти по бокам русского и казачьего седла, подвешенные на пряжках, нередко тисненые

Тик – плотная саржевая или полотняная ткань

Турка – фитильное ружье; короткий широкодульный дробовик

Увал – вытянутая возвышенность с плоской, слегка выпуклой или волнистой вершиной и пологими склонами

Умёт – постоялый двор, хутор в степи

Учуг – под этим именем еще со времен монгольского владычества на Волге и Урале известны сплошные перегородки реки, устраиваемые с целью удержания поднимающейся вверх по реке рыбы и лова ее или в оставляемых в них пролетах, или близ Урала, где рыба скапливается. Обыкновенно такие перегородки делались из ряда свай, вбиваемых поперек течения реки, и промежуточных между ними звеньев из набитых в дно реки деревянных же шестов

Фейерверкер – унтер-офицерское воинское звание и должность в артиллерийских частях российской императорской армии, а также в некоторых иностранных армиях

Форштадт (форштат) – предместье города

Фунт – единица массы в системе русских мер, равная 1/40 пуда, что соответствует 0,453 кг

Фут – русская дометрическая единица длины, равная 1/7 сажени или 12 дюймам, соответствует 0,3048 м

Шитво – вышивка

Шифровый камень (от нем. *Schiefer*) – сланец

Шпиа́тр (польск. *szpeat* – «смесь») – обобщённое название сплавов различных цветных металлов: меди, цинка, никеля, олова; иногда – цинк с добавлением свинца и железа. Самое распространенное понятие значения слова «шпиатр» – это

цинк и различные цинковые сплавы, применявшиеся в художественной промышленности XIX – первой трети XX в. в качестве заменителей бронзы. Так же использовался в качестве заменителя сплавов серебра. Главное отличие сплава шпиатра от бронзы – наличие в сплаве таких металлов, как цинк и никель

Штаб-офицеры – общее название старших офицерских чинов VI–VIII класса Табели о рангах

Штоф (нем. *Stof* – большой бокал, чаша) – единица измерения объема жидкости, применявшаяся на территории Российской империи до введения метрической системы мер. Использовалась, как правило, при измерении количества виноводочных напитков.

1 штоф = 1/10 ведра = 10 чаркам = 1,2299 литра. Кроме обычного (десятирикового) штофа существовал также осьмериковый штоф, который был равен 1/8 ведра (двум водочным бутылкам), т. е. 1,53 литрам

Штоф – тяжёлая шелковая или шерстяная ткань с тканым рисунком

Ямурина – яма, впадина

Ясырь – пленный, невольник

Рис. 1. План и фасады памятника Козы-Корпеш и Баян-сулу. Рисунок И. Саблина. 1771 г.

Надписи на рисунке: «План чюцкому древнему построению, называемому по-киргиски Кузу-Курпеш. Профиль оному строению. Фасад оному строению. Мачтаб к чертежам содержанием российских сажен. Сибирского драгунского полку чертил драгун Иван Саблин». *АВПРИ. Ф. 119. Оп. 2. 1771–1772 гг. Кн. 34. Л. 625.*

Рис. 2. Карта маршрута сибирского казачьего атамана Г. Волошанина. 1771 г.

Надпись на карте: «Карта, учиненная в 1771 г. казацким атаманом Волошаниным примерным описанием следованию ево от крепости Усть-Каменогорской чрез степь кочующих киргисских кайсаков до озера Балкаш, подле оного чрез пещаные и гористые места и разные реки до реки Ильли, и вверх по оной чрез пещаную и безкормную степь до Шамат-речки, оттуда чрез китайские распашанные земли, форпосты и заселенные деревни до крепостей Тунчи, Седунчи и до города Баянды и оттоль обратно до Усть-Каменогорской крепости. Описание на карту: a) передний тракт от крепости Усть-Каменогорской до города Баянды – красной краской; b) обратный тракт от китайского городу до крепости Усть-Каменогорской – желтой краской; c) китайский город и крепости; d) форпосты и караулы; e) заселенные китайские деревни; f) их роспаши; p) по тракту пещаные сопки и степь – краской рудо-желтой. Масштаб к карте разделен на дюйм аглицкой на десять частей употреблен за российскую версту». *РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 20240.*

Рис. 3. Каменное женское изваяние памятника Козы-Корпеш и Баян-сулу. Рисунок И. Саблина. 1771 г.

Надпись на рисунке рядом с изображением изваяния: «Сих двое ж. Одна стоит против дверей з западу, другая – от северу». *АВПРИ. Ф. 119. Оп. 2. 1771–1772 гг. Кн. 34. Л. 626.*

Рис. 4. Каменное мужское изваяние памятника Козы-Корпеш и Баян-сулу. Рисунок И. Саблина. 1771 г.

Надпись на рисунке рядом с изображением изваяния: «Таковых двое. Обе стоят с полуденную сторону».

Надпись в левом углу рисунка: «Описание по объявлению киргисцов древнему чуцкому созиданию, называемому Кузу-Курпеш:

Выкладен из дикого камня с повмазкою четвероугольной шишою, вышиною в 9 или 10 сажен, шириною по горизонту все стены снаружи по 10 аршин. Внутри жила по стенам всем по четыре аршина вышины, от выкладенного каменного буту, или полу, шесть аршин. Двери у оного с востоку от земли – в полтора, в свету – в два аршина, четвероугольные, шириною в пять четвертей. С полуденную сторону окошко четвероугольное, во все стороны в ¾ аршина, от полу вышины в четыре аршина. В нем стоят каменные выкладенные статуи под окошком: с полдень – два муских, с западу и северу – по одной женской, вышиною средняго росту с человеческого. Которое место и сих статуев киргисцы за святое почитают и жертвоприношением конского, скотского воловья и всяких платных лоскутьев, яко же и пороху поклоняются». *АВПРИ. Ф. 119. Оп. 2. 1771–1772 гг. Кн. 34. Л. 627.*

Рис. 5. Карта Казахской степи, Средней Азии, бывшего Джунгарского ханства и Цинской империи, составленная офицерами Сибирского корпуса. 1784 г. Фрагменты.

Надпись на карте: «Карта, собранная полуденной и восточной части, с показанием степи кочующих киргис-кайсаков, Большей и Малой Бухарей, бывшего Зенгорского владения и Китайского государства с имевшими городами и при описании, по известиям, какие в Зенгории китайцами содержатся линии, и по оным караулы при каких урочищах расположены значат на карте в нижеследующем описании. Сочинена 1784 г. Описание проследуемых трактов: 1) в прошлом 771-м г. порутчика Волошанина от крепости Усть-Каменогорской чрез бывшее Зенгорское владение до китайского города Боянды значит в карте: передней – пунктиром черным с покрытием синей краской, а обратной – жидкою тушью; 2) в том же 771-м г. порутчика Незнаева от крепости Усть-Каменогорской чрез бывшее ж Зенгорское владение до города Гобды значит в карте рудо-желтой краской, по которому от реки Нарыма содержатся китайцами

караулы, на которых никакого строения не состоит кроме обыкновенных кибиток; 3) сего 784 г. секунд-майора Зеленова от крепости Катунской чрез бывшее Зенгорское владение до реки Чуя, и вверх по оной до речки Танджилы, а оттуда обратно тем же трактом до речки Тенчи, и от оной чрез горы, называемые в Алтайском хребте – Белки, до реки Бухтармы, и по оной вниз до устья, а от оного до крепости Усть-Каменогорской значит в карте пунктиром черным с покрытием красной краской. Проведенная китайцами линия, по разведыванию его, Зеленого, лежит от вершины реки Кемчуга чрез хребет Сабинской, в недальнем расстоянии от пограничного знака Шабина-Дабага, до реки Нарыма, по которой содержатся караулы в поставленных войлошных кибитках и плетневых шалашах, а другова никакова строения и жителей не состоит, которая на карте значит пунктиром черным с покрытием желтой краски; 4) секунд-майора Богданова от крепости Усть-Каменогорской чрез бывшее ж Зенгорское владение до хребта гор Тарбагатайских значит на карте: передней – пунктиром черным с покрытием рудо-желтой, а обратной – фиолетовой краской. Проведенная ж китайцами линия, по достоверному его, Богданова, разведыванию, идет от реки Нарыма чрез реку Иртыш до города Чигучака и караула Майнуту, а от оного – до города Боянды и Турпана, по известиям значит на карте пунктиром черным с покрытием желтой краской. Также от караула Чичкак внутренние Китайского владения города, по разведыванию ж, значит в карте пунктиром черным с покрытием зеленой краской». *НИОР БАН. ООК. 341.*

Рис. 6. Карта маршрута коллежского регистратора А. Т. Путинцева. 1812 г.

Надпись на карте: «Карта, представляющая путь коллежского регистратора Путинцева от Бухтарминской крепости до пограничного китайского города Кульджи и обратно, которые означены: передний – красною, а обратный – синею линиями. Сочинена 1812 г., генваря дня. Масштаб к карте употреблен в российских верстах». *АРГО.*

Рис. 7. Ойратская молельня в горах над целебным источником Арасан. Рисунок В. В. Верещагина. Вторая половина XIX в. *ГТГ. Инв. 2475.*

Список сокращений

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи Историко-документального департамента Министерства иностранных дел Российской Федерации (г. Москва)

АРГО – Архив Русского географического общества (г. Санкт-Петербург)

ЗСОРГО – Западно-Сибирский отдел Русского географического общества (г. Омск)

НИОР БАН – Научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки Российской академии наук (г. Санкт-Петербург)

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив (г. Москва)

СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (г. Санкт-Петербург)

ГТГ – Государственная Третьяковская галерея (г. Москва)

Содержание

От составителей 3

Маршрут от крепости Усть-Каменогорской по зарешной реки Иртыша стороне к реке Чар-Гурбану и вверх по оной в вершины подле камень Улыны, он же и Буланай; оттоль на речки Бугунь, Чугуляк, до вершин оных и далея, со описанием урочищ и протчего, веденный посыланным туда для некоторых секретных разведываниев с командою казацким атаманом Волошаниным. 1771 г. 12

Журнал, производимой в бытность для разных разведываниев в заграничной секретной партии посыланного казацкого атамана Волошанина с командою объявлениям, случившим по тракту от разных кочующих и проезжающих киргисских старшин и киргисцов, яко же по бытности на границе китайской и китайским показаниям по числам с назначиванием литеров. 1771 г. 42

Записка от живущего в уезде Тобольской губернии отставного генерал-лейтенанта Богданова, который, будучи майором, в 1784 г. по именному повелению посылан по китайским линиям 63

Тракт следованию секунд-майора Богданова Тобольского наместничества от Усть-Каменогорской крепости Киргизскою степью чрез бывшее Зюнгорское владение до Тарбагатайских гор вперед и обратно, чрез какие места. Выступил 19 апреля, возвратился 20 майя 1784 г. 65

Описание пути, по которому ходил переводчик коллежский регистратор Путинцев, состоящий при генерал-лейтенанте Глазенапе, по именному высочайшему его императорского величества повелению посланный тайно от крепости Бухтарминской до китайских городов Чугучака и Кульжи при караване с товаром коммерции советника и тарского 1-й гильдии купца Нерпина. 1811 г. 82

Маршрут по тракту от крепости Семиполатной к китайскому городу Аксу, учиненный командированным от командира войск 30-й дивизии г-на генерал-лейтенанта и кавалера Глазенапа переводчиком губернским секретарем Бубенновым. 1813 г. 121

Журнал путешествия от города Троицка на Оренбургской линии до найденного в Киргизской степи на реке Кара-Тургай свинцового прииска мая с 29 по 18 июля 1814 г., писанный инженер-поручиком Генсом 134

Журнал, содержащий наблюдения, в особенности топографические, сделанные в походе от Усть-Уйской крепости к находящемуся в Киргизской степи на реке Кара-Тургай к свинцовому прииску и обратно в город Троицк и в Звериноголовскую крепость от 11 июня до 12 августа 1815 г., писанный инженер-штабс-капитаном Генсом 202

Маршрут Омского военно-сиротского отделения смотрительного помощника 14-го класса Лещева, командированного в 1821 г. из крепости Семиполатной при купеческом караване под прикрытием казачьего отряда Киргизскою степью по тракту к городу Кашкару, принадлежащему Китайскому государству, учиненной направление дороги по компасу, а расстояние примерно по ходу верховых лошадей по шесть верст в час, прочее ж описание по расспросам едущих в караване торговцев и киргизов 357

Записки саратовского купца Я. П. Жаркова о киргизах. 1852 г. 432

Записки купца Жаркова. 1854 г. 498

[Записка оренбургского купца Д. У. Белова о хозяйстве, домашнем быте, обрядах и обычаях казахов долины Сырдарьи. 10 февраля 1869 г.] 647

Указатель имен 700

Указатель географических названий 714

Глоссарий 744

Список иллюстраций 752

Список сокращений 755

Научное издание

Путевые дневники и записки российских чиновников и исследователей о Казахской степи XVIII – середины XIX века

Сборник документов и материалов

И. В. Ерофеева, Б. Т. Жанаев, И. М. Самигулин

Редактор *Н. П. Гусак*
Дизайнер *М. С. Жумадилова*
Компьютерная верстка *Б. Т. Торебеков*

Подписано в печать 07.12.2012. Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная.
Усл. п. л. 47,375 + 0,625 усл. п. л. илл.
Уч.-изд. л. 34,9. Тираж 1000 экз. Заказ 713.

Издано в ТОО «Общество инвалидов – Чернобылец»
010000, г. Астана, ул. К. Байсеитовой, 114/2.